

В. Л. Янин

Я ПОСЛАЛ ТЕБЕ БЕРЕСТУ...

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

В. Л. Янин

Я послал тебе бересту...

Издание 3-е,
исправленное
и дополненное
новыми находками

с послесловием
А. А. Зализняка

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1998

ББК 63.3(2)43-7
Я 62

Рукопись этой книги подготовлена
при финансовой поддержке INTAS/РФФИ
проект 95-0368

Янин В. Л.

Я 62 Я послал тебе бересту... — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 464 с., 84 ил.

ISBN 5-7859-0044-0

В этой книге, написанной выдающимся историком, академиком В. Л. Яниным, в увлекательной форме рассказывается об одном из самых замечательных открытий отечественной археологии в XX столетии — находке берестяных грамот в Новгороде. Первая из них была найдена при раскопках в Новгороде 26 июля 1951 года, и с тех пор их число увеличилось до 808 экземпляров.

Книга вводит читателя в атмосферу археологических будней с их надеждами, радостями и разочарованиями. Из нее читатель узнает, как находят грамоты и как их читают, какие трудности ожидают исследователей при первом чтении исписанной бересты, каким образом получают информацию из текстов, написанных на бересте много веков назад.

Но самое интересное содержится в самих текстах берестяных грамот. Это — письма из прошлого, в которых новгородцы, жившие 5–9 веков назад, рассказывают о своих повседневных делах и заботах, делятся радостями и печалью, просят помощи и грозят судебной расправой, заботятся о родителях, приглашают в гости и выясняют отношения. Грамоты знакомят с жизнью средневекового человека, события которой никогда не попадали на страницы летописей, официальных документов и церковных книг.

В новом издании по сравнению с предыдущими (1965 и 1975 гг.) нашло яркое воплощение творческое сотрудничество между историей и лингвистикой, возникшее в изучении берестяных грамот в начале 80-х годов. С великолепными результатами этого сотрудничества читатель знакомится на всем протяжении этой книги.

Написанная в научно-популярном жанре, книга является одновременно научным обобщением нового важного источника по истории русского средневековья и адресуется как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся российской историей.

На обложке воспроизведена иллюстрация из книги «Древний Новгород. Прикладное искусство и археология», М., 1985 г.; стр. 18.

ББК 63.3(2)43-7 + 63.2

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavice@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

5-7859-0044-0

9 785785 900448 >

© В. Л. Янин, 1998
© А. А. Зализняк. Послесловие, 1998
© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Предисловие

В этой книге рассказывается об одном из самых замечательных археологических открытий XX века — находке новгородских берестяных грамот.

Первые десять грамот на берёзовой коре были обнаружены экспедицией профессора Артемия Владимировича Арциховского летом 1951 года. С тех пор прошло сорок пять лет, наполненных активными и волнующими поисками новых грамот, и почти каждому году сопутствовал неизменный успех. В иные годы археологи привозили из Новгорода в своём экспедиционном багаже до шестидесяти-семидесяти берестяных текстов. Сейчас, по окончании полевого сезона 1996 года, когда пишутся эти строки, коллекция новгородских грамот на бересте включает 775 документов.

За сорок пять лет образовалась целая библиотека книг и статей, посвящённых изучению берестяных грамот. Её основу составляет многотомное (вышло уже девять томов) издание грамот с подробными историческими и лингвистическими комментариями. Находка берестяных грамот вызвала отклик учёных разных специальностей — историков и языковедов, литературоведов и экономистов, географов и юристов. И в написанных этими учёными книгах и статьях на десятках языков открытие берестяных грамот названо сенсационным.

В самом деле, эта находка имела все основания стать сенсацией. Она открывала почти безграничные возможности познания прошлого в тех отделах исторической науки, где поиски новых видов письменных источников признавались безнадежными.

Издавна историки, занимающиеся исследованием средневековья, завидуют историкам новейшего времени. Круг источников, находящихся в распоряжении исследователя, например, проблем истории XIX века, многообразен и практически неисчерпаем. Официальные государственные акты и мемуары, статистические сборники и газеты, деловая переписка и частные письма, произведения художественной литературы и публицистики, картины и здания, этнографические описания и целый мир дошедших до наших дней предметов материальной культуры — этот обширный комплекс свидетельств способен дать ответ почти на любой вопрос, возникающий перед исследователем.

И львиная доля свидетельств принадлежит здесь слову. Слову — рукописному и напечатанному, размноженному в тысячах экземпляров, стоящему на полках библиотек и архивов. Чем ближе к нашим дням, тем разнообразнее состав исторических источников. Когда в 1877 году постав-

ленная под острие телефонной диафрагмы с припаянной к ней иглой телеграфная лента сказала голосом Эдисона «алло, алло», к слову написанному добавилось слово звучащее, а с изобретением звукового кино движение истории стала фиксировать и говорящая кинолента. Источников по истории новейшего времени так много, что исследователи, каждый из которых не в состоянии познакомиться с ними в полном объёме, ищут способов делать правильные выводы по сравнительно небольшим группам документов или же прибегают к помощи счётно-решающих устройств, постепенно накапливая и классифицируя в них нужную информацию.

Иначе обстоит дело с источниками, позволяющими заглянуть в отдалённые века нашего прошлого. Здесь, чем дальше в глубь столетий, тем меньше письменных свидетельств. Историк, работающий над проблемами русской истории XII–XIV веков, располагает лишь летописями, сохранившимися, как правило, в поздних списках, очень немногими счастливо уцелевшими официальными актами (от всего домонгольского времени до наших дней сохранились лишь четыре таких акта!), памятниками законодательства (тоже в позднейших списках), редчайшими произведениями художественной литературы и каноническими церковными книгами. Собранные вместе, эти письменные источники составят ничтожную долю процента от количества письменных источников XIX века. Ещё меньше письменных свидетельств уцелело от X и XI веков. Малочисленность древнерусских письменных источников — результат одного из страшнейших в деревянной Руси бедствий — частых пожаров, во время которых не однажды выгорали целые города со всеми их богатствами, в том числе и рукописными книгами.

Однако историку средневековья приходится постоянно преодолевать не только трудности, связанные с малочисленностью источников. Эти источники, кроме того, отражают прошлое односторонне. Летописцы совершенно не интересовались многими вещами, волнующими современных историков. Они отмечали лишь те события, которые были для них необычными, не замечая привычной глазу и уху бытовой обстановки, с детства окружавшей их. Медленно развивавшиеся исторические процессы, хорошо видимые только с большого расстояния, проходили мимо их внимания. Зачем записывать то, что известно каждому? Зачем останавливать внимание читателей на том, что знает не только он, но знали его отец и деды? Иное дело — война, смерть князя, выборы епископа, постройка новой церкви, неурожай, наводнение, эпидемия или солнечное затмение.

То же касается и официальных актов. Вот пример. Многие столетия Новгород заключал договор с каждым приглашаемым на его престол князем. Князь целовал крест городу в том, что будет свято блюсти существующий порядок взаимоотношений между собой и боярской властью. Но послушайте, как звучит формула этой присяги: «На сем ти, княже, крест целовати к всему Новугороду, на чем целовали первии князи,

и дед твой, и отец твой. Новгород ти держати по пошлине, како держал дед твой, и отец твой». «Пошлиной» здесь называется традиционный порядок (как «пошло» с давних пор). И князю, и новгородцам этот порядок был хорошо известен. Его не считали нужным снова и снова излагать в договоре.

Между тем для современного историка важнее всего реконструкция именно той картины, которая каждый день открывалась взору средневекового человека. Его интересует, как жили и о чём думали много веков тому назад люди, принадлежавшие к разным слоям общества. Каковы были источники их существования? Какие исторические процессы воздействовали на них? Какими были их взаимоотношения? Чем они питались? Как одевались? К чему стремились?

При попытке ответить на эти и подобные вопросы кое-что удавалось сделать с помощью скрупулёзного анализа тех немногочисленных крупниц, которые скупо были рассыпаны по страницам древних рукописей. Однако чаще всего решение проблемы повисало в воздухе из-за недостатка письменных свидетельств. Существовали ли какие-нибудь способы расширить круг письменных источников по истории средневековой Руси? Ещё лет пятьдесят тому назад на такой вопрос ответили бы отрицательно.

Потом за дело взялись археологи. Они расчистили остатки древних жилищ, собрали обломки посуды, изучили остатки древней пищи, узнали, какими приёмами пользовались наши предки при изготовлении оружия и орудий труда, украшений и бытовой утвари. Они восстановили в деталях окружавшую средневекового человека обстановку, чтобы для нас яснее стал он сам, подобно тому, как если бы мы зашли в знакомый дом и, не застав в нём хозяина, составили представление о нём по его вещам.

Археологические раскопки во многом дополнили летопись, прояснив фон летописного рассказа. Но возможности археологии не беспредельны, и раскопки не оживили человека, не заставили зазвучать его голос, хотя сделали наши представления о нём более правильными. По-прежнему остается справедливой мысль поэта:

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы на мировом погосте
Звучат лишь Письмена.

Поэтому эффект находки берестяных грамот был потрясающим. Одна за другой из земли извлекались грамоты, в которых люди, умершие пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот и девятьсот лет тому назад, писали о своих сиюминутных заботах, в каждой строке фиксируя то, что никогда не попадало ни в летописи, ни в акты, ни в церковные книги. И самое важное заключалось в том, что это были не случайные, редкостные находки, а категория массовых вещей, исчисляемых при

раскопках десятками и сотнями. Архив ценнейших исторических сведений, записанных самими средневековыми людьми, оказался лежащим под ногами современных людей, под асфальтом и газонами ныне существующего большого города.

Публикуя первые десять грамот, А. В. Арциховский писал: «Чем больше будут раскопки, тем больше они дадут драгоценных свитков берёзовой коры, которые, смею думать, станут такими же источниками для истории Новгорода Великого, какими для истории эллинистического и римского Египта являются папирусы». Сейчас, когда число берестяных грамот приближается к восьмистам, особенно хорошо можно оценить эти слова.

Важно и то, что берестяные грамоты найдены именно в Новгороде — городе Александра Невского, Садка и Василия Буслаева. Новгород был одним из крупнейших центров древней Руси, отличаясь тремя ещё не до конца изученными особенностями. Он не был монархией, княжеством, каким были Киев, Владимир или Москва, а был вечевой республикой. Новгород был теснейшим образом связан с главными центрами международной торговли и сам был одним из таких центров. И, наконец, в отличие от большинства древнерусских столиц, он был центром громадной округи, где городская жизнь почти полностью сосредоточивалась в самом Новгороде. Все эти особенности нуждались в тщательном изучении, которое до находки берестяных грамот было чрезвычайно сложным.

Сенсационным было и само повторяющееся с каждой новой находкой берестяной грамоты чудо конкретно-исторического открытия, одно из самых поразительных чудес человеческого познания. Через много веков мы первыми знакомимся с людьми, память о которых полностью истреблена временем спустя какое-нибудь столетие после их смерти. На протяжении многих веков ни один человек на Земле не знал о них, прошедших по жизни, казалось бы, без следа. И вот теперь мы слышим голоса этих людей, вникаем в их заботы, видим их перед собой.

В истории Новгородской экспедиции годы открытия берестяных грамот были самыми волнующими. Эти годы сформировали коллектив исследователей, для которых получение берестяных писем из других веков стало обычным делом, сохранив при этом всю остроту первооткрытия. Этот коллектив не стареет, пополняясь молодыми исследователями. И если они имеют все основания завидовать тем, кому довелось когда-то первыми держать в своих руках исписанный берестяной лист, то и мне — участнику экспедиции 1951 года — приходится завидовать тому, кто с таким же волнением возьмет в руки тысячную берестяную грамоту.

После второго издания этой книги прошло более двадцати лет. В середине 80-х годов в изучении грамот наступил новый этап — с приходом в экспедицию Андрея Анатольевича Зализняка возник творческий союз историков, археологов и лингвистов, результатом которого стало новое, более точное прочтение многих найденных ранее и на-

ходимых вновь текстов. Возникли и новые проблемы, порождённые открытиями последних лет. Рассказ о берестяных грамотах нуждается в продолжении, которое читатель найдет в новых главах. Дистанция времени, на протяжении которого создавалась и издавалась эта книга, наложила на неё свой отпечаток, ведя автора от эйфории открытия в первых частях к сложным проблемам последних её разделов.

1997, май

В этой книге, приводя тексты берестяных грамот, я воспроизвожу их современными буквами, с разделением на слова, со знаками препинания, заглавными буквами и т. д. Подлинные тексты выглядят не совсем так. В них встречаются буквы, которых мы ныне не употребляем (ять, омега, фита, юс малый, юс большой, йотованные е и а и другие), в них нет деления на слова; знаки препинания, если они и есть, то совсем другие; нет заглавных букв и т. д. Но этими деталями занимается специальная наука — филология; если вы захотите увидеть текст грамот во всей их точности и сложности, то должны взять в руки их издания, список которых помещён в конце книги.

Часть 1
Неревская эпопея
1951–1962, 1969 годы

Новгород, 1956 г., фото С. Бочарова

Новгород, Дмитриевская улица, раскопки...

В течение двенадцати лет почтовым адресом Новгородской экспедиции Академии наук и Московского университета было: «Новгород, Дмитриевская улица, археологические раскопки...»

Сейчас это место легко найти. Квартал, ограниченный улицами Великой (Дмитриевской), Розважей, Тихвинской и Декабристов, застроен многоэтажными домами. Издалека видно стоящее на углу Розважей и Великой здание универсального магазина. Начинаясь почти от самого места раскопок, над Волховом повис мощный стальной мост.

А в 1951 году, когда мы размечали сетку будущего раскопа, здесь был пустырь, заросший бузиной и лопухами. Из бурьяна торчали ржавые обрывки искорёженной арматуры, трава кое-где пробивалась сквозь сплошные завалы кирпичной щебёнки, которая покрывала пустырь, оставленный фашистскими факельщиками на месте цветущего города. Шёл седьмой послевоенный год. Новгород с трудом поднимался из руин, разравнивая и застраивая пожарища. Но уже видны были контуры будущего города. Росли не только новые здания, но и темпы нового строительства. Нужно было спешить и археологам, чтобы до прихода строителей взять от древнего города всё, что может уничтожить Новгород современный.

Так и повелось: экспедиция разбивала новые раскопы, а на старых, полностью исчерпанных, уже поднимались дома.

Разумеется, когда мы забивали первые колышки, размечая раскоп, никто из нас не думал, что с этим раскопом будут связаны двенадцать лет жизни и работы, что небольшой участок, который решено было здесь раскопать, раздвинет свои пределы на всю площадь квартала. Правда, каждый из нас был уверен, что великие открытия ожидают нас именно здесь, на этом пустыре. Без такой уверенности не следует начинать экспедицию, потому что только энтузиазм рождает успех.

Как выбирается место для раскопок? Известно ли заранее, что будет найдено на новом месте? Конечно, никто не может до раскопок сказать, какие именно здесь откроются шедевры искусства или невиданные древние предметы. Археологии всегда свойствен азарт. Но из этого не следует, что археологи приходят на

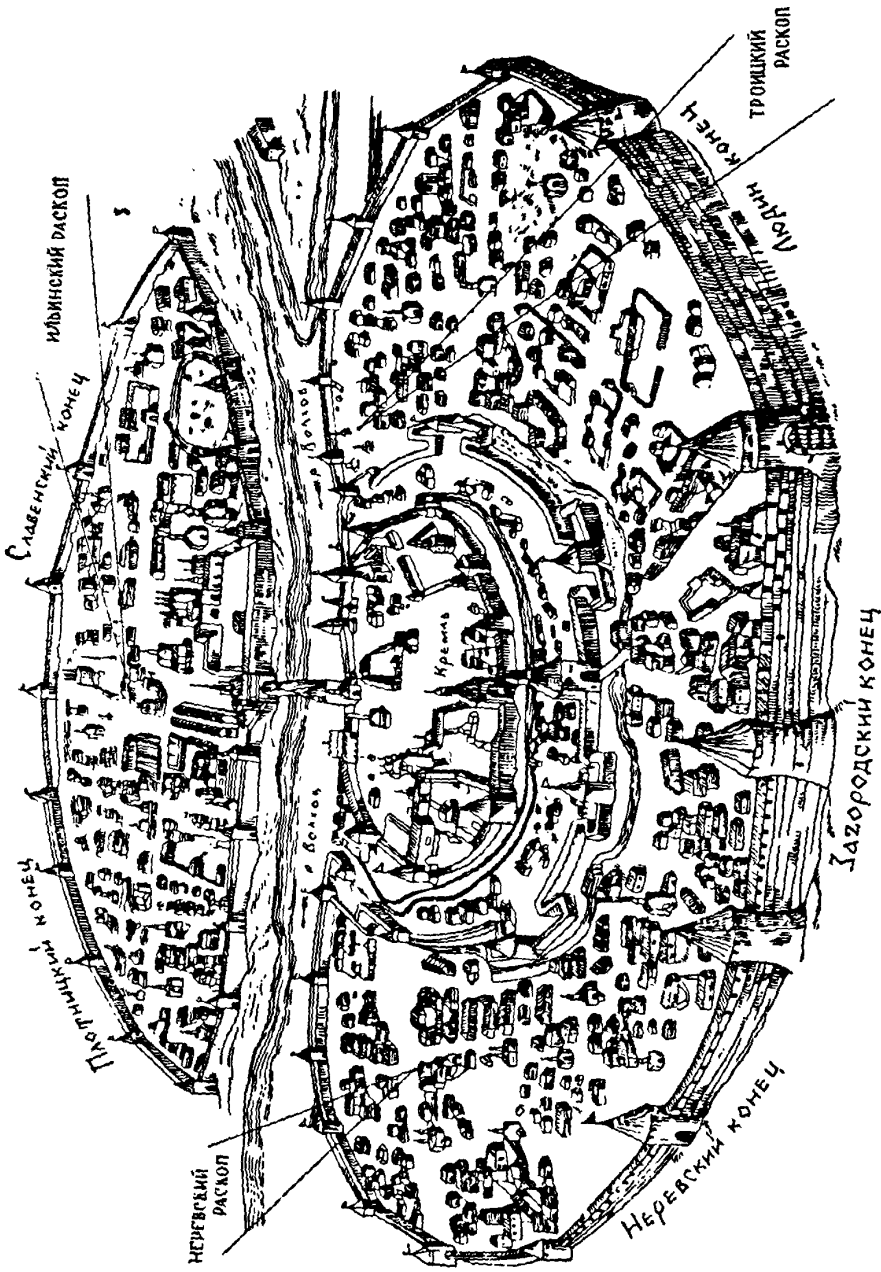

Начало раскопок на Дмитриевской улице. Снимок сделан за две недели до открытия берестяных грамот

новое место с завязанными глазами, испытывая ишь свою удачливость. У каждой экспедиции имеется научная задача, одним из важнейших условий успешного решения которой бывает правильный, всесторонне обоснованный выбор места раскопок.

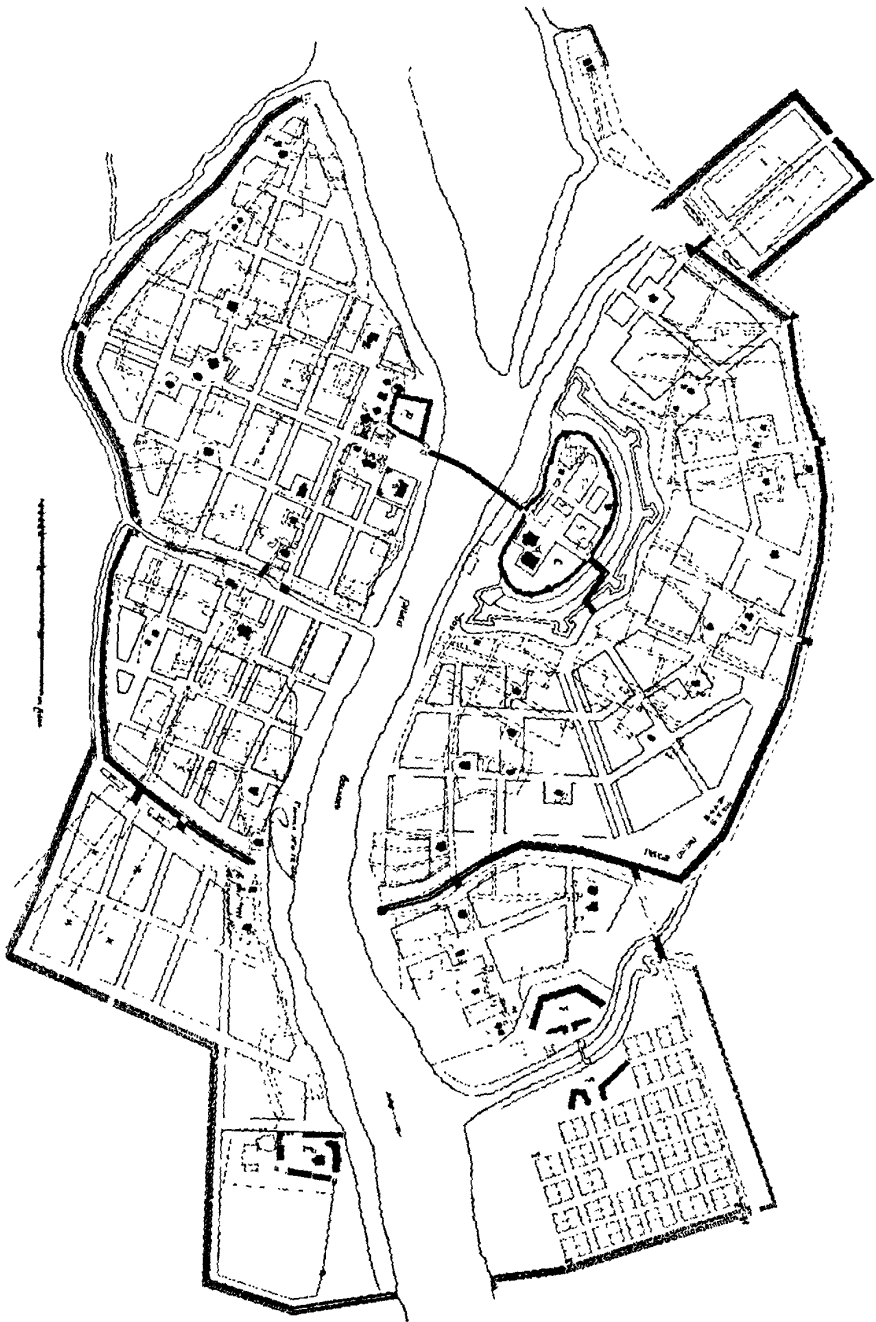
Главной задачей Новгородской экспедиции в 1951 году было изучение типичного для средневекового Новгорода жилого района. Археологам предстояло изучить городскую усадьбу, выяснить её планировку, назначение различных типов построек, проследить историю усадьбы на протяжении возможно длительного времени. Кроме того, необходимо было собрать коллекцию характерных для новгородского слоя древних вещей и установить по возможности точные даты этих типичных предметов, чтобы в дальнейшем с их помощью датировать слои в будущих раскопках.

До начала раскопок было хорошо известно, что планировка средневекового Новгорода существенно отличалась от современной. Нынешняя прямоугольная сетка улиц была заведена только в последней четверти XVIII века, при Екатерине II, когда многие русские губернские и уездные города перекраивались на петербургский манер. Наш квартал и ограничивающие его улицы

Древний план Новгорода, изображённый на Знаменской иконе конца XVII века

Генеральный план Новгорода 1778 года с показанием старой и новой ситуаций

возникли только около двухсот лет тому назад. Сохранились в небольшом количестве планы Новгорода первой половины — середины XVIII века, снятые еще до перепланировки. Да и на чертеже генерального плана, утверждённого Екатериной II в 1778 году, новая регулярная схема планировки наложена на старый план города. На этих старых планах уже не существующие сегодня улицы носят те названия, которые постоянно встречаются в древних летописях при описании средневековых событий. Квартал, расположенный на углу Розважей и Дмитриевской улиц, на этих планах прорезала с севера на юг одна из крупнейших улиц древнего Новгорода — Великая, а с востока на запад в пределах того же участка Великую пересекали две средневековые улицы — Холопья и Козмодемьянская.

Перепланировка города в XVIII веке оказалась делом благодатным для современных археологов. И сейчас, и в древности жилые постройки тяготеют к красным линиям улиц, а в некотором удалении от улиц располагаются дворы. Следовательно, чем ближе к уличной мостовой, тем больше в земле остатков домов и наполнявшей их утвари. В древности дома были чаще всего деревянными и их фундаменты не отличались мощностью. Поэтому строительство нового дома почти не затрагивало лежащих ниже древних остатков. Когда в XVIII–XIX веках началось массовое строительство городских кирпичных домов, то для их капитальных оснований и подвалов рыли глубокие котлованы, уничтожая древние напластования порой на значительную глубину. Новые долговечные здания, если даже под ними и сохранялись остатки древних построек, надолго делали их недоступными для изучения. Но в XVIII веке новые улицы прошли по другим участкам, они чаще всего легли на места древних дворов и пустырей, а скопления древностей, наиболее интересные для археологии, оказались на территории новых дворов, где угроза их разрушения стала минимальной.

Раскоп, разбитый в 1951 году, был назван Неревским. С таким именем он и обрёл свою славу. Для жителей современного Новгорода наименование «Неревский» ничего не скажет. Но в средние века оно бы точно обозначило район, где были начаты эти археологические работы. Новгород в средние века делился на пять «концов» — самоуправляющихся посёлков, которые в своей совокупности и образовывали федерацию, известную всей Европе под названием «Новгород». Каждый из этих посёлков был как бы «государством в государстве». Решая совместно важнейшие вопросы государственного управления, пять новгородских концов постоянно враждовали друг с другом, часто выступая один против другого с оружием в руках, заключая временные политические союзы, объединяясь и снова ссорясь. Концы назывались Плот-

ницким, Славенским, Людиным (Гончарским), Загородским и Неревским. На территории древнего Неревского конца некогда и были расположены Великая, Холопья и Козмодемьянская улицы.

Избранный для раскопок участок находился в 250 метрах от новгородского Детинца (кремля). В непосредственной близости к нему располагались по крайней мере шесть древних церквей. Сейчас их нет, но они существовали еще в середине XVIII века и обозначены на планах того времени. Возле одной из этих церквей (храма Сорока севастианских мучеников), согласно летописному рассказу, в древности собиралось вече Неревского конца.

Таким образом, приступая к работам на Дмитриевской улице, экспедиция имела представление о том, что здесь было в средние века. Привлекала нас и мощь культурного слоя, достигавшая на углу Розважей и Дмитриевской улиц толщины в семь с половиной метров.

Что такое культурный слой? Представьте, что вы стоите на краю гигантского Неревского раскопа, работы в котором ведутся на уровне напластований XI века. Надо, правда, оговориться, что никто из участников экспедиции не мог никогда увидеть этого раскопа в полном его объёме. Работы велись поочередно на отдельных участках двенадцать лет. Но теперь, завершив их, мы можем мысленно вообразить всю постепенно открывавшуюся картину.

Общая площадь раскопа достигает почти гектара — девяти тысяч квадратных метров. Раскоп, имея сложную форму, простирается с севера на юг на 150 метров, а с запада на восток — на 110 метров. С севера на юг, образуя плавный изгиб, раскоп пересекают мощные мостовые Великой улицы. Мы можем совершить по ней прогулку. Если мы будем двигаться с юга на север, то через тридцать метров выйдем на перекрёсток с такой же мощёной сосновыми плахами Козмодемьянской улицей, а еще через сорок метров Великую пересекут мостовые Холопьевой улицы. Задумав прогуляться по всем трём открывшимся в раскопе улицам, мы к моменту возвращения проделаем путь в полкилометра, потому что общая протяженность уличных мостовых, относящихся к одному и тому же времени, составляет в раскопе 250 метров. Путешествуя по древним улицам, мы видели по сторонам остатки деревянных домов, сохранившиеся на высоту одного-трёх венцов, усадебные частоколы, уцелевшие в своей нижней части, остатки ворот, ведущих во дворы восьми усадеб. Сходя с мостовой, мы ставили ногу на пласты щепы XI века, а вернувшись с прогулки, можем отряхнуть со своей обуви золу девятисотлетней давности. Я не отметил только одного обстоятельства: чтобы проделать эту прогулку, нам нужно было спуститься вниз на шесть-семь метров.

Древние мостовые на Нервском раскопе

Все эти мостовые и остатки срубов, стоя на краю раскопа, мы видели как бы с высоты птичьего полёта. И вот здесь самое время ответить на вопрос, который каждому археологу был задан на раскопках по меньшей мере несколько сот раз: «А как же это всё ушло под землю?»

Да никак! Ни одно из виденных нами брёвен не уходило под землю. Напротив, земля выросла на них. Одним из важнейших, для археологии свойств человеческой жизнедеятельности является обязательное образование культурного слоя везде, где человек живёт более или менее продолжительное время.

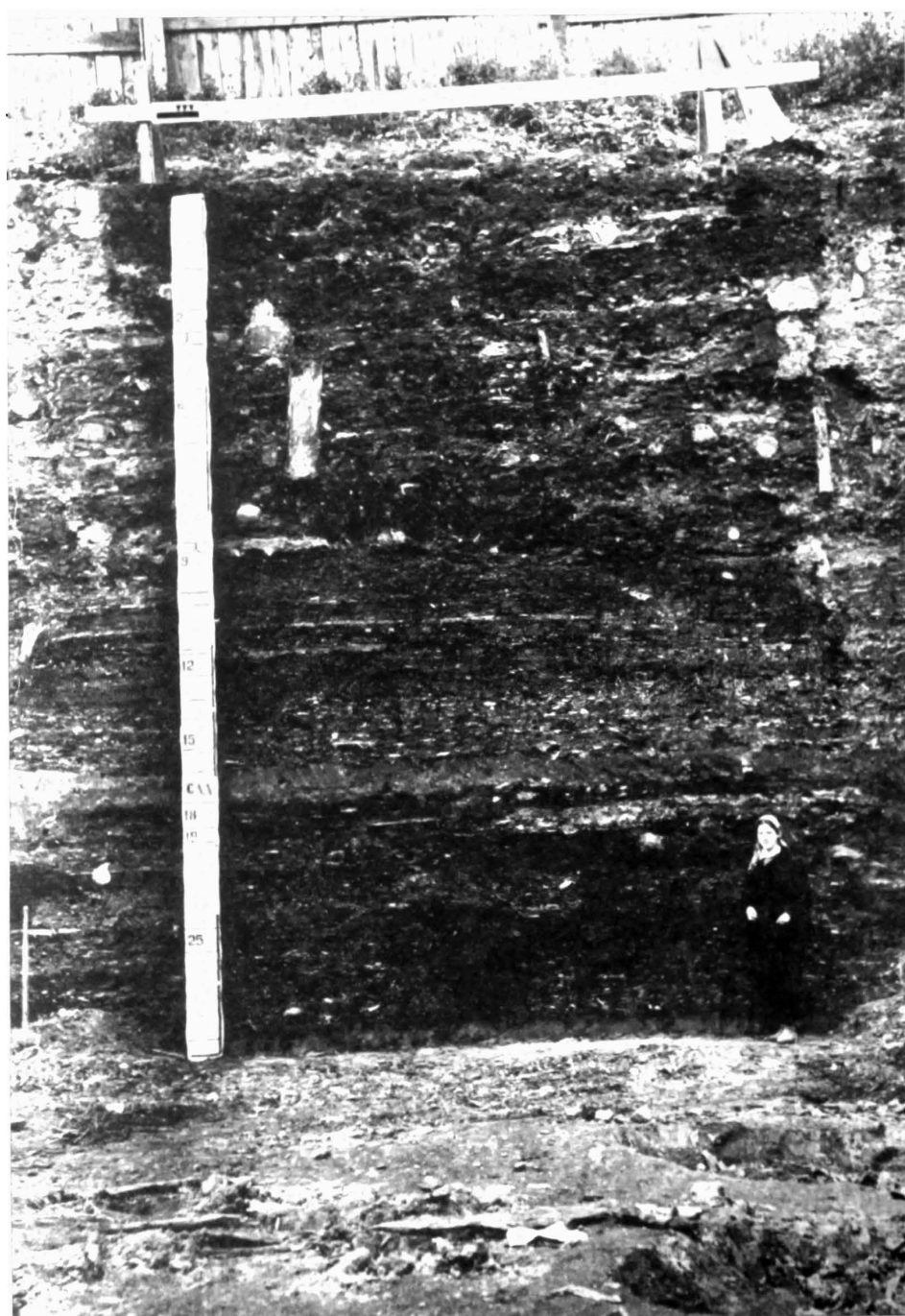
Человек приходит поселиться на новом месте, где до него ни одна нога не ступала. Он строит дом, обтёсывая бревна и бросая на землю щепки. Он топит печь и, выгребая из неё золу, выбрасывает её рядом с домом. Он ест мясо и швыряет себе под ноги кости. Он разбил горшок и черепки втоптал в грязь. Он потерял монету. У него прохудился сапог, и за порог полетела рваная подмётка. Потом у него сгорел дом. Человек разровнял пожарище, оставив в земле обгорелые бревна нижних венцов, при-

вез песку, чтобы присыпать золу и головешки, и построил новый дом, снова оставив вокруг него слой свежешающихся щепок. В древности не вывозили на поля навоз, и он оставался лежать под пожарами хлебов. Так из года в год медленно, но непрерывно происходит образование культурного слоя на местах человеческих поселений. Археологи шутят, говоря, что чем некультурнее человек, тем толще оставленный им культурный слой.

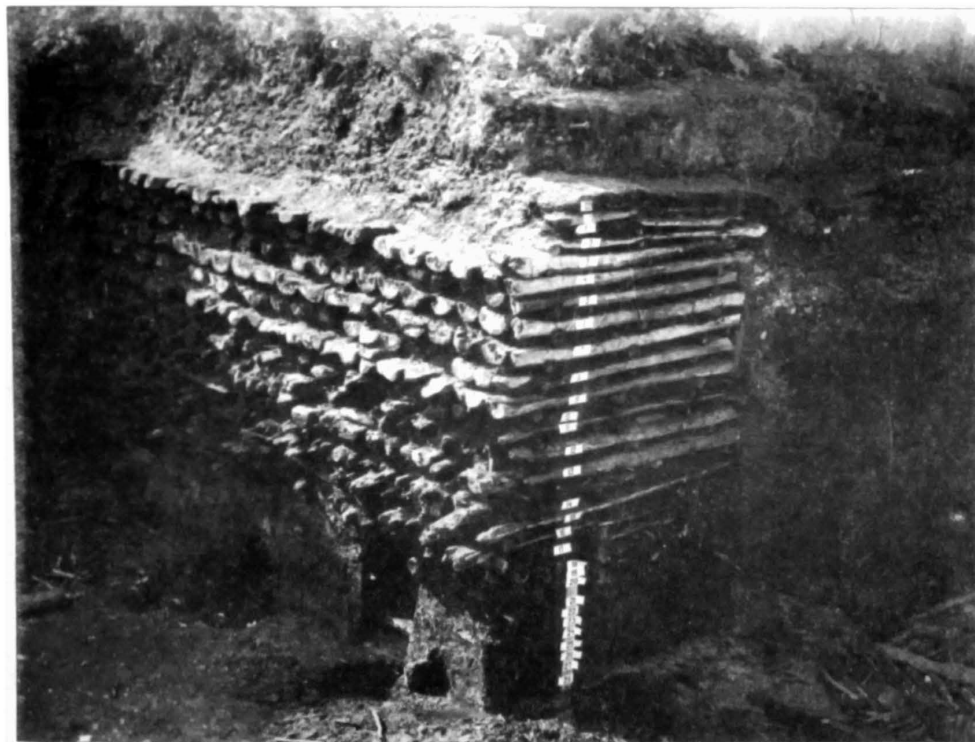
Однако в действительности мощность этого слоя зависит от трех обстоятельств — от интенсивности человеческой жизнедеятельности, её продолжительности и от степени сохранности в почве органических веществ. Именно органические вещества — дерево, кость, кожа, остатки пищи, одежды — составляют главную часть отходов человеческого существования. Там, где они не сохраняются, культурный слой, как правило, тонок, хотя бы поселение существовало длительное время. В Новгороде органические вещества сохраняются прекрасно, поэтому культурный слой толст. Но не везде степень сохранности «органики» там одинакова. На Неревском конце эта сохранность идеальна. Брёвна восьмисотлетней давности, извлечённые из культурного слоя, можно и сейчас использовать для временных построек, а по древним уличным настилам свободно могла бы пройти, не повредив их, грузовая автомашинка.

Не подвергаясь гниению, культурный слой на Неревском конце нарастал в средние века по одному сантиметру в год. За 550 лет, с середины X века до конца XV века, он вырос здесь на пять с половиной метров, а за следующие 400 лет ещё на два метра. Причиной прекрасной сохранности «органики» является повышенная влажность нижних слоев новгородской почвы. Эта влажность предохраняет попавшие в землю органические вещества от доступа воздуха. А без воздуха процессов гниения не происходит, поскольку отсутствуют условия для существования микроорганизмов, вызывающих разрушение органических веществ.

Внимательный читатель, несомненно, спросит, почему же в позднейшее время новгородский культурный слой рос вдвое медленнее. В самом деле, слои XVI–XX веков в Новгороде не отличаются особой мощностью. Отвечая на этот вопрос, можно назвать две главные причины. С XVI века на долгий срок упало значение Новгорода, его население уменьшилось, а жизнь горожан стала менее деятельной. Однако важнее другое обстоятельство. Новгород почти на всей его площади подстилают материковые слои плотной водонепроницаемой глины. Поэтому влага талых снегов, паводков и дождей до отказа насыщала его почву. Только зимой и жарким летом в нём было сухо. Но вот в XVII или XVIII веке новгородцы потеряли терпение. Они соорудили разветвленную систему деревянных водоотводов — дренажей, ко-

Культурный слой Новгорода, отложившийся за десять веков интенсивной жизни города, расчленён на прослойки, соответствующие ярусам мостовых

Так выглядит «новгородская секвойя» — гигантская поленница древних мостовых, годовичные кольца которых позволили датировать новгородские постройки с предельной точностью

торая на некоторых участках функционирует и до сегодняшнего дня. Дренажи осушили верхние слои, отводя из них воду в Волхов. В эти слои открылся доступ воздуху и вместе с ним микроорганизмам. Верхние слои продолжали откладываться достаточно интенсивно, но так же интенсивно в них разрушались все органические вещества.

Итак, до XVII века в Новгороде было очень сыро. Вообразите себе, сколько эта особенность доставляла хлопот и расходов новгородцам, вынужденным излишне часто мостить улицы. Уличные мостовые сооружались из толстых, до 25–30 сантиметров в сечении, сосновых плах, доставляемых в город за десятки километров, и постоянно поддерживались в чистоте. Мостовую настилали так, чтобы она несколько возвышалась над прилегающими участками. Однако проходило двадцать–двадцать пять лет, культурный слой по сторонам мостовой нарастал на 20–25 сантиметров, и грязь в распутицу начинала переползать на мостовую, заливая её. Нужно было делать новый настил, хотя старый

мог бы служить ещё не один десяток лет. Новую мостовую устилали прямо на старую. И так за 550 лет образования древнейшего культурного слоя с середины X века до конца XV века здесь, на Великой и соседних улицах, легли один на другой двадцать восемь ярусов мостовых — гигантская поленница из идеально сохранившихся сосновых настилов. И если подсчитать, то окажется, что за двенадцать лет раскопок расчищено было не 250 метров уличных мостовых, а 250 метров, умноженных на 28. Семь километров уличных настилов древнего Новгорода — вот результат этого умножения!

Семь километров уличных настилов. Остатки 1100 деревянных построек. Шестьдесят тысяч кубометров культурного слоя, накопившегося за тысячу лет. И всё это менее чем на одном гектаре древнего города.

И несколько десятков тысяч древних вещей — деревянных и железных, кожаных и костяных, каменных и стеклянных, медных и свинцовых... Между толщиной культурного слоя и количеством находок, таким образом, существует прямая зависимость.

Ещё одно важное обстоятельство во многом определило выбор места для раскопок в 1951 году. Вдоль Дмитриевской улицы тогда была выкопана глубокая канава для укладки водопроводных труб. Эта траншея прорезала поленницу настилов древней Холопьевой улицы, которая в 1948 году неподалёку также была задета небольшим раскопом Новгородского музея. Поэтому ещё до начала работ мы имели возможность уточнить не очень тщательные планы XVIII века и знали абсолютно точно, на каких именно участках под землей залегают мостовые этой улицы. Знать это было важно не только потому, что экспедиция с самого начала получала основание точно ориентироваться на плане древнего города, но и ещё по одной причине.

Экспедиции предстояло не только добыть из земли тысячи древних предметов, но и разобраться в их взаимосвязи. Расчистить остатки древнего жилища — это только небольшая часть дела. Надо ещё точно определить время существования этого жилища, выяснить, какие из найденных около него древних вещей происходят из него, а какие не имеют к нему прямого отношения, установить, какие из древних построек одновременны нашему жилищу, а какие сооружены позднее. Как всё это делается? И при чём тут уличные мостовые?

Культурный слой растёт последовательно и постепенно. Сначала, если говорить о Новгороде, на нетоптанную до того почву, которую археологи называют материком, ложатся наслоения X века, затем XI, XII и так далее до наслоений сегодняшнего дня. Значит, уже сама глубина залегания предмета, однажды попавшего в землю, может служить показателем его относительной древ-

ности. Вещи, попавшие в землю сто лет назад, залегают неглубоко, а те, которые были брошены пятьсот лет назад, лежат на большой глубине. Если, конечно, на этом месте не копали ям и не перемешали слой так, что древние вещи оказались наверху, а новые под ними. Впрочем, ям новгородцы копать не любили всё из-за той же влажности почвы. Погребов там не было: они постоянно заливались бы водой. Колодцев почти не рыли: им угрожало бы загрязнение водами, омывающими культурный слой. Как правило, копали лишь канавки частоколов и ямы верей — столбов, крепящих ворота. Иногда для экономии строительного материала в новых уличных настилах использовали отдельные плахи, извлечённые из предшествующего настила, заместив их землёй, взятой на соседних с мостовой участках.

Так чего же проще? Зная, что культурный слой рос по сантиметру в год, достаточно измерить глубину залегания каждого предмета и переводить сантиметры в годы! Нет, рассуждая так, мы ошибёмся. Представьте себе, что на протяжении одного столетия на раскапываемом участке было пять пожаров, а в следующем столетии только два. Значит, в первые сто лет владельцы усадьбы пять раз привозили строительный материал, тесали брёвна, ставили срубы, пять раз разравнивали пожарища, пять раз привозили землю, чтобы засыпать золу и угли. А в следующее столетие подобные работы производились только дважды. Из-за пяти пожаров в первые сто лет отложились все полтора метра культурного слоя, а затем только полметра. В среднем получается сантиметр в год, но этот сантиметр — условный. Как же быть?

На помощь приходит сама структура культурного слоя. Культурный слой по своему составу вовсе не однороден. Когда строится дом, то строительная щепка ложится на землю тонким слоем. Когда дом сгорает, то зола и угли разровненного пожарища также слоем покрывают двор усадьбы. Когда пожарище присыпают землёй, то эта земля слоем ложится поверх золы. Когда же здесь копают яму, выброшенная из ямы земля ложится поверх засыпки пожарища. Если разрезать культурный слой по вертикали, то разрез окажется подобным гигантскому слоёному пирогу. Этот разрез археологи постоянно видят и «читают» на четырёх стенах раскопа. Сотни лежащих одна на другой прослоек позволяют правильно членить слой на хронологические уровни.

Совершенно ясно, что все предметы и сооружения, связанные с одной и той же прослойкой, относятся к одному и тому же сравнительно небольшому промежутку времени. Но как определить это время?

Здесь главной основой всегда были сами вещи, найденные в прослойках. С течением времени набор окружающих человека вещей меняется. С развитием моды исчезают одни типы украше-

ний и появляются другие. С развитием техники выходят из употребления менее совершенные инструменты и появляются более совершенные. С изменением торговых связей на место одних видов привозных вещей приходят другие их виды. Изучая древние вещи, археологи научились их датировать. Правда, точность датировок не могла быть очень высокой, поскольку любая вещь способна употребляться порой не один десяток лет. Однако, сопоставляя приблизительные даты разных предметов, найденных в одной и той же прослойке, возможно было датировать эту прослойку с точностью до ста лет. Можно ли добиться большей точности? Вот здесь-то и приходят на помощь уличные мостовые.

Двадцать восемь ярусов лежащих один на другом уличных настилов как бы образуют шкалу гигантской мерной линейки, к каждому делению которой привязываются определённые прослойки культурного слоя. Благодаря этому мы получаем возможность говорить, что древние вещи, обнаруженные в такой-то прослойке, попали в землю, например, во время существования пятнадцатого яруса мостовой, что такой-то дом построен одновременно с сооружением четырнадцатого яруса мостовой, а другой дом сгорел в тот период, когда новгородцы ездили по мостовой тринадцатого яруса.

Основываясь на приблизительных датах прослоек и связывая их с мостовыми, мы получим право утверждать, что, например, к XIV веку относится шесть ярусов мостовых, а к XIII веку только пять. Уже в этом заложена существенная возможность уточнить хронологию наших прослоек и вещей, датируя их не целым столетием, а началом, концом или серединой столетия.

Эти три обстоятельства — историческая характеристика места, толщина культурного слоя и наличие уличных мостовых — заставили экспедицию остановиться на районе Дмитриевской улицы. Все открытия были впереди, в том числе и то, о котором необходимо рассказать здесь же.

Каждому человеку хорошо известно, что, спилив дерево, можно легко определить его возраст. Для этого нужно сосчитать годовичные кольца, хорошо видные на поперечном разрезе ствола. Если дерево спилено в 1997 году, а годовичных колец на нём тридцать, значит, его рост начался в 1967 году. Но далеко не каждый человек знает, что, изучая годовичные кольца дерева, срубленного много лет и даже веков тому назад, можно установить год, в котором это дерево было срублено.

Оказывается, годовичные кольца, отложившиеся на дереве в разные годы, имеют разную толщину. Это зависит от множества причин — было ли лето влажным или засушливым, жарким или холодным, — а в конечном счете, от уровня солнечной активности и циркуляции атмосферы, то есть условий, действующих оди-

наково на больших пространствах земного шара. Чередование тонких и толстых колец создаёт неповторимые сочетания. Если, например, на срезе дерева очень тонкое годовичное кольцо повторилось через семь лет, а затем через четыре года, через девять лет и через двенадцать лет, можно быть уверенным, что такого чередования ни разу не встретится на срезах деревьев, срубленных в другие столетия, но оно повторится на срезах всех деревьев, росших одновременно с нашим в одном и том же достаточно большом районе земного шара.

Метод дендрохронологии — так называется способ определения дат по годовичным кольцам — был разработан А. Дугласом и с успехом применён в Америке. Там этому способствовало существование в лесах некоторых пород исключительно долголетних деревьев. Дугласова пихта и желтая сосна растут по тысяче лет, а возраст гигантской калифорнийской секвойи достигает 3250 лет. По срезам этих деревьев были рассчитаны циклы чередования из года в год климатических условий Америки за три тысячи лет вплоть до сегодняшнего дня. После этого достаточно было сравнить срез любого найденного при раскопках хорошо сохранившегося бревна с такой шкалой, чтобы определить его точную дату.

В наших лесах столь долголетних деревьев нет, а шкала, составленная на американском материале, для нас не годится — это ведь совершенно иной район земного шара. И вот в Новгородской экспедиции возникла идея заменить отсутствующую у нас секвойю «поленницей» уличных мостовых. В самом деле, мостовые настилались через каждые 20–25 лет, а использовались для них плахи столетних сосен. Значит, сравнивая годовичные кольца разновременных плах, можно постепенно нарастить их показания и получить единую шкалу чередования климатических условий для длительного времени, по крайней мере — для шестисотлетнего периода с X по XV столетие, от которых дерево в Новгороде сохраняется достаточно хорошо.

За эту трудоёмкую и кропотливую работу взялись археолог Борис Александрович Колчин и ботаник Виктор Евграфович Вихров. Они изучили и сравнили между собой тысячи добытых в раскопках образцов древних брёвен. Для начала им удалось получить относительную дендрохронологическую шкалу.

Это значит, что экспедиция узнала взаимное старшинство древних мостовых. Выяснилось, например, что мостовая седьмого яруса была построена на 14 лет раньше мостовой шестого яруса, а мостовая тринадцатого яруса — спустя 30 лет после мостовой четырнадцатого яруса. Абсолютных дат ещё не было.

Потом удалось получить и абсолютные даты. Для этого Б. А. Колчин изучил бревна, использованные некогда в фундаментах неко-

торых новгородских церквей, время постройки которых было достоверно известно из летописных сообщений. Эти сведения, заняв своё место на общей шкале, дали датировку всем даже самым отдалённым от них участкам шкалы. Уже на этой стадии экспедиция обрела уверенность в полном успехе воссоздания дендрохронологической шкалы, так как имелась возможность проверить её при помощи летописи. Летопись много раз упоминала большие пожары в Неревском конце, называя годы этих пожаров. Но следы пожаров сохранились и в земле: некоторые мостовые оказались буквально вылизанными языками пламени и разрушены огнём настолько, что новгородцам требовалось сразу же настилать улицы заново. Когда дендрохронологические даты таких новых мостовых сравнили с годами летописных пожаров, совпадение оказалось поразительным!

А потом работа по составлению дендрохронологической шкалы вступила в завершающую стадию. Долгие годы велись поиски брёвен XVI–XVIII веков, которые позволили бы довести шкалу до сегодняшнего дня и проверить её ещё раз отсчётом от современных деревьев. Экспедиция искала новые образцы уже не в земле, а в старинных постройках и в лесах, постепенно заполняя четырёхвековой разрыв. День, когда была создана единая шкала из всех участков, стал днем торжества нового метода датировок.

Благодаря этой работе любое находимое при раскопках бревно хорошей сохранности получает абсолютную дату. А это значит, что каждый сруб, каждая мостовая лежат теперь в земле как бы с ярлыком, на котором написано: построено из брёвен, рубленных в таком-то точно обозначенном году. Это значит, что все прослойки, связанные с мостовыми и срубам, можно теперь датировать с небывалой до сих пор в археологии точностью. Это значит, наконец, что все вещи, извлечённые из датированных прослоек, могут точно назвать свой возраст, вернее — время, когда они попали в землю: ведь в землю чаще всего попадают не новые вещи, а предметы, уже отслужившие свой век и выброшенные за ненадобностью.

В рассказе о выборе места раскопок, о культурном слое и о датировании вещей до сих пор ни разу не упомянуты берестяные грамоты. А этот рассказ имеет к ним самое прямое отношение. «Новгород, Дмитриевская улица, раскопки...» — это не только почтовый адрес, по которому сотрудникам экспедиции шли письма от их родных и знакомых. Это также адрес, по которому экспедиция получила первое берестяное письмо из глубины столетий, а вслед за ним ещё четыре сотни берестяных писем. 402 грамоты из 775 были найдены в прямоугольнике, ограниченном улицами Розважей, Дмитриевской, Декабристов и Тихвинской. И рассказ

о выборе места раскопок, о культурном слое и о способах датирования древних вещей — это также рассказ о выборе места, где будет сделано выдающееся открытие, о культурном слое, в котором столетиями лежали берестяные грамоты, чтобы потом стать достоянием науки, и о датировании одной из массовых категорий древних вещей — берестяных грамот.

И ещё несколько слов о самих раскопках. Новгородские раскопки — это большое современное предприятие, которое оглушает впервые попавшего на них человека непрерывным шумом транспортёров. В годы, когда работа Новгородской экспедиции приобретала наибольший размах, на раскопках бывало занято одновременно до трехсот землекопов, а наблюдения за слоем и находками вели свыше сотни сотрудников и студентов. Новгородская археологическая экспедиция, впервые начавшая свои исследования еще в 1929 году (сперва в области, а с 1932 года в самом городе), давно уже стала крупным центром научной работы и студенческой учебной практики. Это также большой дружный коллектив людей, любящих свое дело и умеющих хорошо работать. И кроме того, это — один из центров культурной жизни Новгорода, каждую летнюю пятницу гостеприимно открывающий двери на еженедельные отчеты для всех, кто интересуется прошлым Новгорода и успехами в его изучении. И не только по пятницам. Интерес к работе экспедиции мы ощущаем ежедневно и от посещающих раскопки экскурсантов, и от постоянных друзей, которые сообщают нам о случайных находках древностей. И в коллекции берестяных грамот уже не одно письмо найдено ими.

Раскоп площадью в гектар! О таких масштабах работ в 1951 году никто не мог и мечтать. Тогда, в среду 12 июля, в квартале на Дмитриевской улице было начато вскрытие сравнительно небольшого участка в 324 квадратных метра. Небольшой раскоп позволил точно определить направление древней улицы и установить окончательно, что именно эта улица в средние века называлась Холопьей.

Один за другим расчищались уличные настилы, вычерчивались планы первых открывавшихся в раскопе срубов. Студенты-практиканты учились вести записи в полевых дневниках и упаковывать находки. Находок попадалось немного, а интересных и совсем мало. Однажды только были найдены подряд две свинцовые печати XV века — посадничья и архиепископская. Начальники двух участков, на которые был поделён раскоп, без особого воодушевления спорили, кому из них срывать земляную бровку, разграничивающую их владения и мешающую маневрировать транспортёрам. Снимать бровку в знойный день — не самое увлекательное занятие: пыль летит по всему раскопу, и почему-то в этих бровках никогда не бывает порядочных находок.

И надо же тому случиться, что первая грамота на бересте была обнаружена как раз под злополучной бровкой! Нашла её ровно через две недели после начала раскопок — 26 июля 1951 года — молодая работница Нина Фёдоровна Акулова. Запомните это имя. Оно навсегда вошло в историю науки. Грамота была найдена прямо на мостовой конца XIV века, в щели между двумя плахами настила. Впервые увиденная археологами, она оказалась плотным и грязным свитком бересты, на поверхности которого сквозь грязь проступали чёткие буквы. Если бы не эти буквы, берестяной свиток был бы без колебаний окрещён в полевых записях рыболовным поплавком. Подобных поплавков в новгородской коллекции насчитывалось уже несколько десятков.

Акулова передала находку Гайде Андреевне Авдусиной, начальнику своего участка, а та окликнула Артемия Владимировича Арциховского. Гайда никаких сколько-нибудь связных речей не произносила, будучи занята только мыслями о хрупкости свитка. Она и руководителю экспедиции показала грамоту из своих рук — как бы не поломал!

Главный драматический эффект пришёлся на долю Артемия Владимировича. Оклик застал его стоящим на расчищаемой древней вымостке, которая вела с мостовой Холопьевой улицы во двор усадьбы. И стоя на этой вымостке, как на пьедестале, с поднятым пальцем он целую минуту на виду у всего раскопа не мог, задохнувшись, произнести ни одного слова, издавая лишь нечленораздельные звуки, потом не своим голосом выкрикнул: «Премия — сто рублей» (по тем временам это была весьма значительная сумма) и потом: «Я этой находки ждал двадцать лет!»

А затем, как сказала Н. Ф. Акулова спустя много лет с экрана кино, «тут такое началось, будто человек родился».

Вероятно, тогда, 26 июля, А. В. Арциховский был единственным, кто в какой-то мере предвидел будущие находки. Это сейчас, когда из земли извлечены многие сотни грамот, мы хорошо осознали величие дня находки первого берестяного свитка. А тогда открытие первой грамоты произвело впечатление на остальных именно своей уникальностью, тем, что грамота была просто единственной.

Впрочем, единственной она оставалась только одни сутки. 27 июля нашли вторую грамоту, 28 июля — третью, а на следующей неделе — ещё три. Всего до конца полевого сезона 1951 года было найдено десять берестяных грамот. Они залегали на разной глубине, одни — в слоях XIV века, другие — в слоях XII века. Большинство их сохранилось в обрывках. Таким образом, уже в 1951 году сделалось ясным одно из главнейших качеств новой находки. Открытие берестяных грамот не было связано с обнаружением какого-нибудь архива. Нет, они встречались в слое подобно таким привычным для археолога массовым находкам, как, например, железные ножи или стеклянные бусы. Берестяные грамоты были привычным элементом новгородского средневекового быта. Новгородцы постоянно читали и писали письма, рвали их и выбрасывали, как мы сейчас рвём и выбрасываем ненужные или использованные бумаги. Значит, и в будущем нужно искать новые берестяные грамоты.

Нина Фёдоровна Акулова

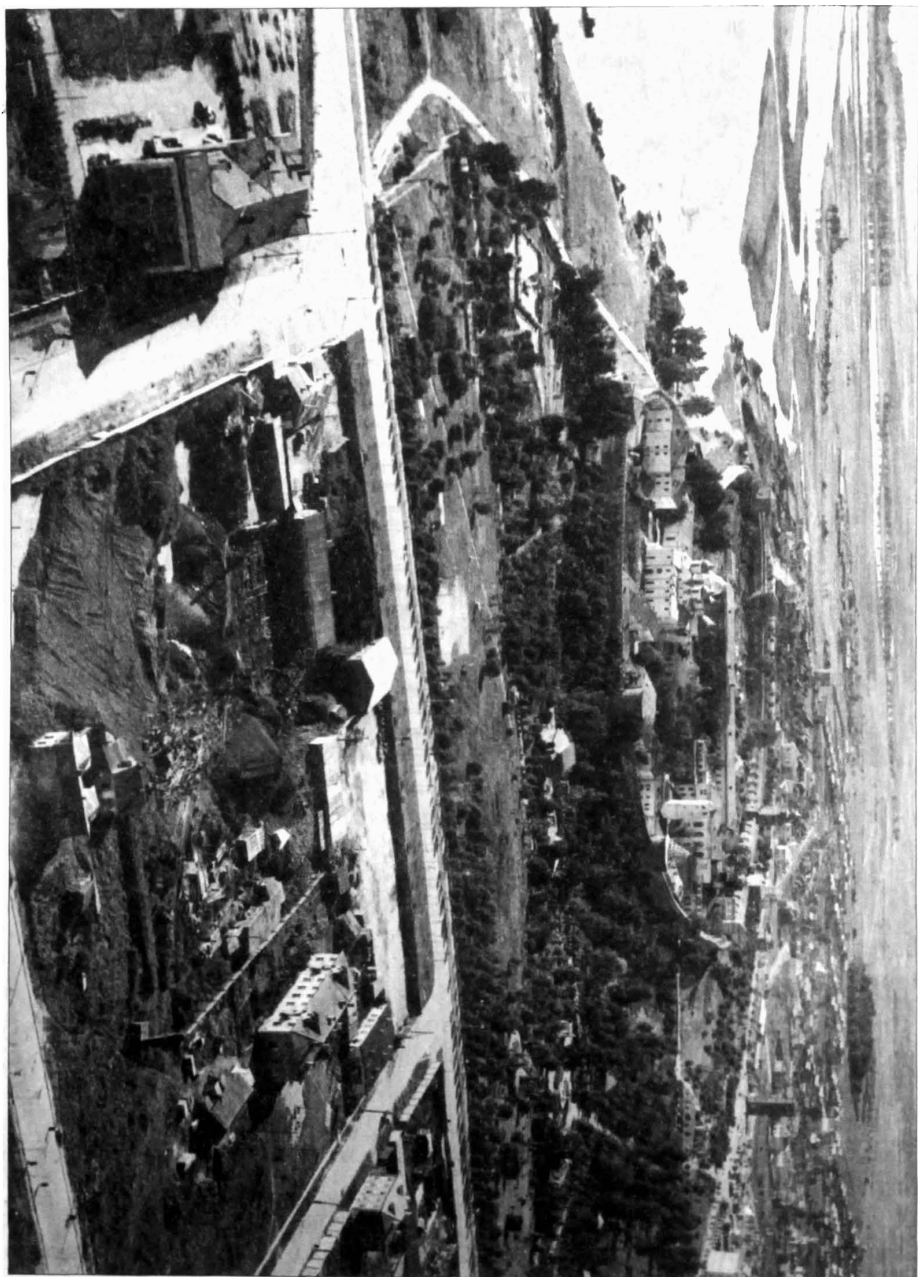

Артемий Владимирович Арциховский. Снимок 1952 года

Искать в будущем! Но ведь экспедиция работала в Новгороде не первый год. До войны раскопки, начатые в 1932 году, продолжались с перерывами шесть сезонов, а после войны большие раскопки в течение двух лет велись в 1947 и 1948 годах на месте, примыкавшем к древней вечевой площади, пока в 1951 году они не были перенесены в Неревский конец. Почему же не находили грамот до 26 июля 1951 года? Может быть, их не искали? Может быть, их выбрасывали, не замечая на них букв? Ведь и в Неревском конце один исписанный свиток приходится на несколько сот пустых обрывков бересты.

Этот вопрос нужно чётко разделить на два. Первый: искали ли раньше берестяные грамоты? Второй: могли ли их пропустить в прежних раскопках? Попытаюсь ответить на оба вопроса.

Для того, чтобы целеустремлённо искать что-либо, необходимо быть твёрдо уверенным в том, что предмет поисков действ-

Обицтї від Неревського раскопа в 1956 году

вительно существует. Было ли известно до 1951 года, что в древней Руси писали на бересте? Да, такие известия имеются. Вот главное из них.

Выдающийся писатель и публицист конца XV — начала XVI столетия Иосиф Волоцкий, рассказывая о скромности монашеского жития основателя Троице-Сергиева монастыря Сергия Радонежского, жившего во второй половине XIV века, писал: «Толику же нищету и нестяжание имеяху, яко в обители блаженного Сергия и самые книги не на хартиях писаху, но на берестех». Монастырь при Сергии, по словам Иосифа Волоцкого, так не стремился к накоплению богатств и был так беден, что даже книги в нём писались не на пергамене, а на бересте. Кстати, в одном из старейших русских библиотечных каталогов — в описании книг Троице-Сергиева монастыря, составленном в XVII веке, упоминаются «свёртки на деревце чудотворца Сергия».

В некоторых юридических актах XV века встречается выражение «...да и на луб выписали и перед осподою положили, да и велись по лубу». Конечно, луб — не береста. Но это сообщение важно потому, что оно лишний раз говорит об использовании в качестве писчего материала разной древесной коры.

В музеях и архивах сохранилось довольно много документов, написанных на бересте. Это позднейшие рукописи XVII–XIX веков; в их числе и целые книги. Так, в 1715 году в Сибири в сохранившуюся до наших дней берестяную книгу записывали ясак, дань в пользу московского царя. Этнограф С. В. Максимов, видевший в середине XIX века берестяную книгу у старообрядцев на Мезени, даже восхищался этим необычным для нас писчим материалом. «Только один недостаток, — писал он, — береста разодралась, от частого употребления в мозолистых руках поморских чтецов, по тем местам, где находились в бересте прожилки».

Известны были и отдельные древние грамоты на бересте. В Таллине до войны хранилась берестяная грамота 1570 года с немецким текстом. О берестяных грамотах в Швеции XV века сообщал автор, живший в XVII столетии; известно также о позднем их употреблении шведами в XVII и XVIII веках. В 1930 году на берегу Волги близ Саратова крестьяне, роя силосную яму, нашли берестяную золотоордынскую грамоту XIV века.

А вот любопытный отрывок, переносящий нас в другое полушарие. «... В этот момент берёзовая кора внезапно развернулась во всю свою длину, и на столе оказался пресловутый ключ к тайне, в виде какого-то чертежа, по крайней мере, в глазах наших охотников». Это отрывок из приключенческого романа американского писателя Джеймса Оливера Кэрвуда «Охотники на волков», опубликованного в русском переводе в 1926 году. Действие романа происходит на бескрайних просторах Великой Канадской равнины.

Впрочем, об американской «исписанной бересте» русскому читателю было хорошо известно и раньше. Вспомним «Песнь о Гайавате» Лонгфелло в прекрасном переводе И. А. Бунина:

Из мешка он вынул краски,
 Всех цветов он вынул краски
 И на гладкой на берёсте
 Много сделал тайных знаков,
 Дивных и фигур и знаков;
 Все они изображали
 Наши мысли, наши речи.

Глава, из которой взяты эти стихи, так и называется «Письмена».

Наконец, и в более отдалённые времена употребление бересты как писчего материала не было редким. Существует много свидетельств об использовании для письма древними римлянами коры и луба разных деревьев. В латинском языке понятия «книга» и «древесный луб» выражаются одним словом: *liber*.

Об употреблении бересты для письма учёные до находки в 1951 году новгородских грамот не только знали, но даже обсуждали вопрос о том, каким способом береста подготавливалась к употреблению. Исследователи отмечали мягкость, эластичность и сопротивляемость бересты разрушению, а этнограф А. А. Дунин-Горкавич, который в начале нынешнего столетия наблюдал подготовку бересты у хантов, писал, что для превращения в писчий материал бересту кипятят в воде.

Итак, об употреблении в древности бересты в качестве писчего материала исследователям — историкам, этнографам и археологам — было хорошо известно. Более того, вполне закономерными были догадки о широком употреблении бересты для письма. Вспомните, что пишет Иосиф Волоцкий. Он связывает употребление бересты с бедностью монастыря. Значит, береста отличалась дешевизной по сравнению с пергаменом. О том, что пергамен стоил в древности очень дорого, сохранилось много свидетельств. Познакомимся с одним из них.

Писец, переписавший на рубеже XIV и XV веков Евангелие для Кирилло-Белозерского монастыря, по окончании своего труда записал расходы на материал: «... на кожу прежде того дал тожь три рубли...» Три рубля по тому времени были значительной суммой. Как мы потом узнали из берестяных грамот, за один рубль в XIV веке можно было купить коня. Недаром ненужные книги, написанные на пергамене, не выбрасывали, а тщательно соскабливали с них текст, чтобы снова использовать пергамен для письма.

Если береста заменяла пергамен именно из-за своей доступности, простоты выделки и дешевизны, то и пользоваться берестой в древности должны были во много раз больше, чем доро-

гим пергаменом. А если так, то и шансов на находку такой бересты при раскопках должно быть очень много. Нашли ведь даже не при раскопках, а при рытье силосной ямы золотоордынскую берестяную грамоту!

И вот здесь появляется первое «но», которое настойчиво толкало исследователей в их поисках на неправильный путь. Все, без исключения, книги и грамоты на бересте, которыми наука располагала до 26 июля 1951 года, написаны чернилами. А это значит, что шансы найти бересту, сохранившую свой текст, были ничтожны.

Длительное нахождение исписанной чернилами бересты в земле бесследно уничтожает её текст. Береста сохраняется в двух случаях — когда к ней нет доступа влаги, как это было под Саратовом, или же когда к ней нет доступа воздуха. В Новгороде и других русских городах, в культурном слое которых береста сохраняется неплохо, очень сыро. Там уже на глубине полутора-двух метров слой до предела насыщен грунтовыми водами, изолирующими все нижележащие древние предметы от доступа воздуха. А попробуйте сунуть под кран исписанный чернилами лист и посмотрите, что из этого получится.

Только однажды в культурном слое русского города были найдены древние чернильные тексты. В 1843 году в московском Кремле при рытье погребов под лопатой землекопа оказался наполненный водой медный сосуд, в котором лежали восемнадцать пергаменных и два бумажных свитка XIV века. И только на семи листках, попавших в самую середину тугого комка, частично сохранился текст. Яков Иванович Бередников, издавший эти документы на следующий год после их обнаружения, писал: «Находясь под землёю в наполненном водою сосуде, они более или менее повредились, так что на некоторых письменах вовсе не приметно».

Между прочим, существует часто повторяемое мнение о том, что якобы еще в 1894 году известному русскому фотографу Е. Ф. Буринскому удалось прочесть эти потухшие тексты. Однако — странное дело — ни в одном из изданий древних документов результаты работы Буринского не отразились вовсе. В действительности попытка Буринского успехом не увенчалась. Вот что пишет по этому поводу организатор работ по прочтению грамот академик Николай Петрович Лихачев: «Фотограф Буринский под моим наблюдением фотографировал один из пергаменных листов. Строки постепенно выявлялись, но содержание оставалось непонятным. Когда я заподозрил, что Буринский подрисовывает негативы, я отошёл от дела, не препятствовал Буринскому напечатать снимок с частично «восстановленного» им документа, но разочаровался и не ходатайствовал о продлении срока пребывания грамот в Петербурге».

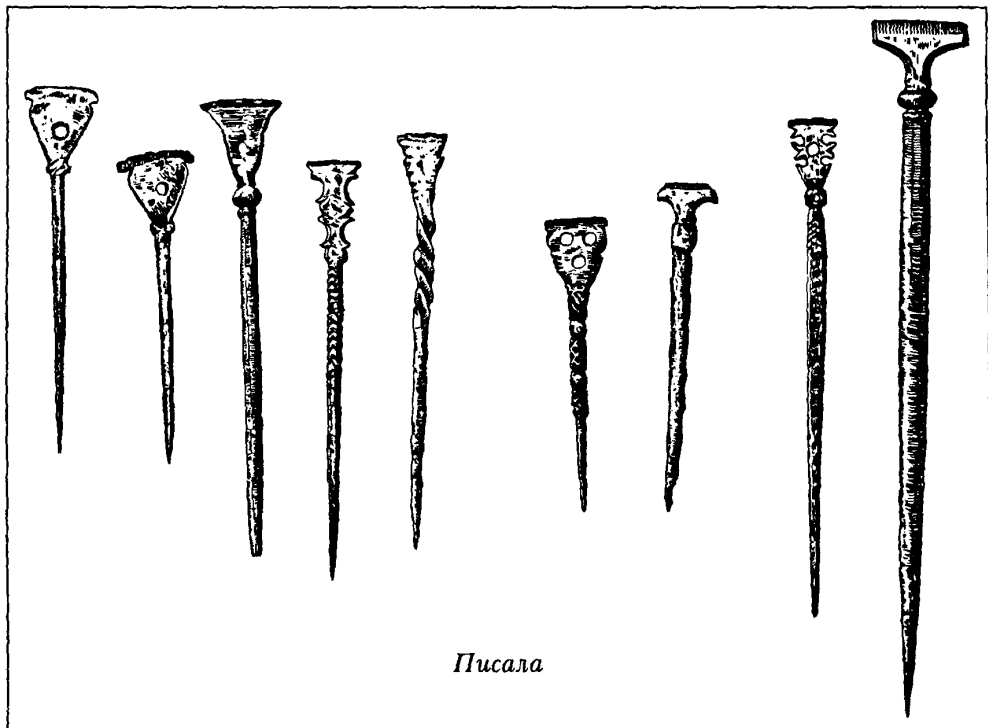
Конечно, со временем кремлёвские грамоты будут прочитаны (совсем недавно — в 1994 году — с помощью новейших методов был полностью прочитан один из этих документов, ранее издававшийся с многочисленными купюрами). И этот случай приведён здесь лишь для того, чтобы показать, как трудно прочитать побывавшие в земле чернильные тексты. А ведь кремлёвские грамоты находились в сосуде и практически не размывались движущейся влагой. Что же можно увидеть на свитках, которые, оказавшись непосредственно в земле, испытывали на протяжении столетий непрекращающееся воздействие постоянно текущей воды!

Я хорошо помню, как в 1947 году, впервые попав на новгородские раскопки, мы — тогда студенты, перешедшие на второй курс, — после рассказа А. В. Арциховского об использовании в древности бересты для письма с надеждой и сожалением разворачивали берестяные ленты, которых встречалось немало. И в каждой из них предполагали вымытый всеми пролившимися над Новгородом за пятьсот лет дождями, испорченный до полной безнадежности в прочтении важнейший исторический документ. Но эта надежда по существу своему была верой в чудо. Возможную находку берестяных текстов представляли тогда иначе.

Найти исписанную бересту, сохранившую свой текст, думать тогда, можно лишь в редчайших условиях полной её изоляции от влаги. Не так ли были найдены все древние чернильные тексты — от египетских папирусов, сохранившихся в гробницах, до рукописей Мёртвого моря, два тысячелетия пролежавших в пещерах. Значит, нужно в самом раскопе искать каких-то невероятных почвенных ситуаций, каких-то естественных или искусственных «тайников», «карманов», чудом оказавшихся недоступными ни влаге, ни воздуху. Ничего подобного в новгородском слое не встречалось.

И вот когда 26 июля 1951 года в Новгороде нашли первую берестяную грамоту, оказалось, что на её написание не было потрачено ни капли чернил.

Буквы её текста одна за другой процарапаны, точнее — выдавлены на поверхности бересты каким-то заострённым инструментом. И 772 берестяные грамоты, найденные позднее, так же были процарапаны, а не написаны чернилами. Только две грамоты оказались чернильными. Одну из них нашли в 1952 году, и до сих пор она разделяет судьбу кремлёвских грамот, так и не поддавшись усилиям криминалистов прочитать её. Символично, что эта грамота найдена тринадцатой. Другая чернильная грамота № 496 обнаружена в 1972 году. Она заслуживает особого рассказа, и к ней мы ещё вернёмся.

Писала

Потом было обнаружено много и самих инструментов для писания на бересте — металлических и костяных стержней с острием на одном конце и лопаточкой на другом. Иногда такие «писала» — так их называли в древней Руси — находили в сохранившихся кожаных чехлах. Оказалось, между прочим, что археологи встречались с такими стержнями часто, давно и на территории всей Руси — в Новгороде и Киеве, в Пскове и Чернигове, в Смоленске и Рязани, на множестве более мелких городищ. Но как только не окрещивали их в публикациях и музейных описях — и «булавками», и «инструментами для обработки кожи», и «ложечками для причастия», и даже «обломками браслетов». Предположение об истинном назначении этих предметов просто никому не приходило в голову.

Точно так же никто не думал, что берестяная грамота в условиях влажного культурного слоя — практически вечный документ, что искать грамоты нужно не в особых, отличных от обычных для Новгорода почвенных условиях, а именно среди бересты, в сотнях обрывков встречающейся в насыщенных влагой средневековых новгородских слоях. Более того, чем скорее берестяной документ попадал в землю, тем лучше обеспечивалась его сохранность. В самом деле, если береста долго хранится на воздухе, она коробится, трескается и разрушается. Попав во влажную почву свежей, она сохраняет свою эластичность, не подвергаясь даль-

нейшему разрушению. Это обстоятельство оказывается чрезвычайно важным и для датировки найденных в земле берестяных грамот. В отличие от прочных, например, металлических предметов, долго находившихся в употреблении и попадавших в землю спустя многие годы после их изготовления, у берестяных грамот практически нет разницы между временем их написания и временем попадания в землю, вернее, эта разница минимальна.

На первый поставленный выше вопрос можно ответить так. Да, берестяные грамоты искали, но не ожидали массовых, характерных для культурного слоя находок, а надеялись на открытие редчайших, чудом сохранившихся документов.

Это только теперь становятся понятны некоторые не очень ясные сообщения источников. Например, такое. Арабский писатель Ибн ан-Недим сохранил для позднейших историков свидетельство, записанное им со слов посла одного кавказского князя в 987 году: «Мне рассказывал один, на правдивость которого я полагаюсь, что один из царей горы Кабк послал его к царю русов; он утверждал, что они имеют письма, вырезаемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображения; не знаю, были ли они слова или отдельные буквы». «Белое дерево», на котором вырезались письма, — это, скорее всего, и есть грамота, процарапанная на берёзовой коре. Но поди угадай, что это такое, если ты не имеешь представления о том, что берестяные грамоты были процарапанными.

Процарапанность оказалась важнейшим свойством, предохранившим навеки тексты грамот от уничтожения. С письмами и записками в древности обращались не лучше, чем сейчас. Их рвали и бросали на землю. Их затапывали в грязь. Ими по прочтении растапливали печи. Но от брошенного в грязь современного бумажного письма уже спустя самый короткий срок не останется и следа, а процарапанное берестяное письмо, однажды попав в грязь, в благоприятных условиях пролежит в полной сохранности многие столетия.

Новгородцы в древности буквально ногами ходили по грамотам, брошенным на землю. Мы это хорошо знаем, во множестве обнаружив сами грамоты. Но это явление даже в XII веке обращало на себя внимание новгородцев. Сохранилась любопытная запись беседы новгородского священника середины XII века Кирика с епископом Нифонтом. Кирик задал Нифонту много разнообразных вопросов, волновавших его в связи с богослужебной практикой. В их числе был и такой: «Нет ли в том греха — ходить по грамотам ногами, если кто, изрезав, бросит их, а буквы будут видны?». Здесь, конечно, речь не может идти о дорогом пергамене, который не выбрасывали, а выскребали и снова использовали. Здесь говорится о бересте.

Но если всё это так, если по грамотам буквально ходили ногами, то много ли исписанной бересты пропущено в прежних раскопках? Раньше чем ответить на этот вопрос, нужно обратить внимание на несколько немаловажных обстоятельств.

Прежде всего, берестяные грамоты — это в большинстве случаев не просто куски бересты, на которых нацарапаны надписи. Уже отмечено, что для письма бересту специально подготавливали, расслаивая, убирая наиболее грубые слои. Мы знаем теперь, что после нанесения на берестяной лист текста грамоту, как правило, обрезали, удаляя пустые поля, после чего лист получал аккуратные прямые углы. Наконец, надписи в подавляющем большинстве наносили на внутренней стороне коры, то есть на той поверхности бересты, которая всегда оказывается снаружи, когда берестяной лист сворачивается в свиток.

А это значит, что берестяная грамота своими внешними техническими признаками выделяется из кучи случайно надранной бересты, стружек и заготовок для лукошек, коробов и туесов. Во всех археологических экспедициях существует нерушимое правило — сохранять для внимательного просмотра всё, что имеет на себе следы обработки рукой человека. Значит, вероятность пропуска хорошо выраженной берестяной грамоты немногим больше, чем вероятность пропуска любого другого древнего предмета, например поплавка, с которым внешне так схожа грамота на бересте. Однако среди десятков поплавков до 1951 года не встретилось ни одного исписанного. Хуже обстоит дело с обрывками берестяных грамот, которых встречается много больше, чем целых. Обрывки, по своему историческому содержанию порой не уступающие целым грамотам, опознаются иногда с большим трудом. Какое-то количество их, особенно из числа мельчайших, могло в прежних раскопках оказаться пропущенным.

Здесь, пожалуй, уместно рассказать об одном интересном разговоре. Вскоре после того, как были открыты берестяные грамоты, один пожилой человек, бывавший в детстве в Новгороде, — а это было ещё в начале нынешнего столетия, — и посещавший тогда частный музей новгородского краеведа и коллекционера В. С. Передольского, сообщил, что он видел в этом музее и грамоты на бересте. Под впечатлением этих необычных писем, вспоминает мой собеседник, он с другими мальчиками, своими товарищами, даже затеял игру в берестяную почту. Вряд ли это ошибка памяти. Нет ничего необычного в том, что берестяные грамоты могли оказаться в собрании любителя новгородских древностей ещё в начале нашего столетия. Важнее другое. Если эти грамоты остались вовсе неизвестными науке, значит, скорее всего, это были ничтожные обрывки, на которых не удалось прочесть никакого связного текста.

Обратите внимание ещё на одну важную деталь. Взглянув, например, на план расположения грамот, найденных на Неревском раскопе, легко заметить, что насыщенность ими культурного слоя далеко не равномерна. На одних участках грамот много, особенно на некоторых усадьбах, населённых в древности наиболее активными адресатами. Другие же участки мало радовали археологов. Взять, к примеру, усадьбу «Г», расположенную в северной части раскопа. На большом участке этой усадьбы площадью в 450 квадратных метров, раскопанном в 1953–1954 годах, найдены только две берестяные грамоты. А на приблизительно таком же по площади участке усадьбы «Е» число грамот, найденных в 1956–1957 годах, достигло пятидесяти. Эта деталь лишней раз показывает, что даже в сборе массовых находок немаловажная роль принадлежит такому ненадёжному и зыбкому фактору, как удача, если раскопки невелики.

А мы теперь, сравнивая все предшествующие раскопки с работами на Неревском конце, хорошо видим незначительность масштабов старых раскопок. За все сезоны работ Новгородской экспедиции с 1932 до 1948 года в разных районах Новгорода раскопано всего лишь около 1800 квадратных метров — в пять раз меньше, чем потом на Дмитриевской улице. И состояние слоя при прошлых раскопках было во много раз хуже, чем здесь. Наиболее благоприятные условия для сохранности органических веществ были при раскопках на Ярославовом дворище, где в 1947 и 1948 годах экспедиция вскрыла около 800 квадратных метров. Но там толщина слоя не превышала четырёх метров, к тому же он был сильно испорчен перекопами XIX–XX веков. При раскопках последующих лет на некоторых участках мы вообще не нашли ни одной берестяной грамоты.

На второй поставленный выше вопрос, следовательно, можно ответить так. Да, какое-то количество берестяных грамот в старых раскопках могло оказаться незамеченным, но это количество ничтожно.

Хуже то, что и после того, как о существовании и внешнем виде берестяных грамот стало хорошо известно, они в большом количестве продолжали гибнуть при бесконтрольном рытье строительных котлованов, водопроводных траншей, газопроводов, при массовых перемещениях культурного слоя Новгорода. В 1969 году в Новгороде городскими властями принято очень хорошее и важное постановление, воспреещающее производство земляных работ в черте древнего города без предварительных археологических раскопок. Однако до сих пор не всегда это постановление выполняется, а возможности археологов недостаточны для удовлетворения всех потребностей города в новом строительстве на месте ветшающего фонда жилых зданий.

Вернёмся, однако, к рассказу о находках 1951 года. Что же было написано в первой ставшей известной грамоте берестяной грамоте? Какие грамоты увезли с собой археологи по окончании раскопок в дождливом сентябре?

Первая грамота, выброшенная на мостовую Холопьевой улицы в самом начале XV века, хотя и утратила значительную часть своего первоначального объёма, всё же сохранила большие участки связного текста. Это вообще одна из самых больших грамот, когда-либо найденных в Новгороде. В ней тринадцать строк, а длина каждой строки — 38 сантиметров. Если вытянуть строки в одну линию, то получится пять метров! Правда, почти все строки изуродованы. Но содержание документа улавливалось легко. В нём были перечислены сёла, с которых шли подробно обозначенные повинности в пользу некоего Фомы.

Первый результат оказался внушительным. До сих пор древнейшие сведения о системе феодального обложения в Новгороде относились лишь к концу XV века, когда Новгород уже утратил независимость и навсегда стал частью Московского государства. А здесь — запись повинностей, сделанная на сто лет раньше!

В грамоте № 2 снова запись повинностей или долгов, но исчисленных не в деньгах и продуктах, как в первой грамоте, а в мехах. И плательщиками на этот раз оказываются карелы, а не русские.

Находка грамоты № 3 дала археологам первое древнерусское письмо шестисотлетней давности:

«Поклонъ отъ Грикши къ Есифу. Приславъ, Онанья молви[ль]... Язь ему отвечалъ: Не рекль ми Есифъ варити перевары ни на кого. И онъ прислалъ къ Федосьи: Вари ты пивъ, седишь на безатьщине, не варишь жито...».

Грамота оборвана. У неё нет конца, и из первой строки вырван большой кусок. Но взаимоотношения участников запечатлённого в ней события понятны. Есиф, которому послана грамота, — господин, землевладелец. Грикша, автор письма — приказчик Есифа. Федосья — зависимая от него крестьянка; она сидит на «безатьщине», то есть пользуется каким-то выморочным участком земли, прежний владелец которого обязан был варить пиво в пользу Онаньи. Онанья потребовал у Грикши, а затем и у самой Федосьи, чтобы она варила для него пиво. Однако времена переменились. Выморочный участок оказался в руках Есифа, который поместил на него Федосью. На этот участок распространилось исключительное право Есифа взимать доходы в свою пользу — иммунитет нового владельца, отрицающий права других лиц на вмешательство в его владения. Вслушайтесь в текст грамоты — и вы услышите живой разговор, звучавший шесть веков тому назад. Грикша в своём письме цитирует и Онанью, и самого себя, не утруждая себя переводом прямой речи в косвенную...

Снова обрывки писем — одного, другого, третьего, четвёртого. Вот «разновидность» документа, с которой, к сожалению, придётся иметь дело чаще, чем хотелось бы, — грамота № 6. От неё сохранилось только начало: «Поклоно от Филипа ко...» Такие «фильмины грамоты» в несколько начальных слов десятки раз будут вызывать досаду. Между прочим, их наличие закономерно: перед тем как выбросить прочитанное письмо, его адресат привычно отрывал начало с адресной формулой, чтобы не делать свои заботы достоянием любого подобрывшего на земле уже ненужное ему послание.

... Письмо с просьбой о протекции, письмо с приказанием взять у кого-то сапоги, письмо о покупке коровы, целиком сохранившаяся от XII века жалоба отвергнутой мужем женщины...

Еще одна разновидность берестяных надписей из находок 1951 года — грамота № 10. Это не письмо и не деловая записка, а ободок небольшого берестяного туеса. По ободку нацарапано:

«Есть градъ между нобомъ и землею. А к ному еде посолъ безъ пути, самъ нимъ, везе грамоту непсану».

Загадка. Вот она в переводе: «Есть город между небом и землёй. А к нему едет посол без пути, сам немой, везёт грамоту неписаную». Эту загадку загадывали ещё в прошлом веке, да и в начале нынешнего, когда библейские легенды были общеизвестны. Город между небом и землёй — это ковчег, в котором Ной спасался от потопа. Немой посол — голубь, посланный узнать, не показалась ли суша. А грамота неписаная — масличная ветвь, которую голубь несёт в клюве — свидетельство того, что земля близка.

Таким образом, уже первый год открытия берестяных грамот продемонстрировал признаки большого разнообразия их жанров. Хозяйственная запись и частное письмо. Жалоба и деловое поручение. Список повинностей и литературный текст.

Нужно ли объяснять, почему на следующий год экспедиция получила значительные средства и смогла, расширяя площадь раскопа, начать исследование участка в три с половиной раза большего, чем в 1951 году. А грамот на этот раз было найдено в семь с половиной раз больше — семьдесят четыре новых берестяных текста! И каких!

Главным видом берестяной грамоты по-прежнему оставалось частное письмо. Но в дополнение к уже известным по прошлому году разновидностям записей — ещё несколько. Вот хозяйственное письмо приказчика своему господину — грамота № 17: «Поклонъ от Михаиле к осподину своему Тимофию. Земля готова, надобъ семяна. Пришли, осподине, цвквъ спроста. А мы не смиемъ имать ржи безъ твоего слова».

Лев Владимирович Черепнин, посвятивший новгородским берестяным грамотам специальное исследование, привёл много свидетельств того, что в средние века семена для посева находились

под особым контролем владельца земли. Ведь от их сохранности и правильного распределения зависели урожай и главные доходы владельца. Без специального распоряжения господина даже его приказчик не рисковал поступить по своему усмотрению. «Пришли человека немедленно («цлвкъ спроста») (с распоряжением), — просит Михаил Тимофея, — земля уже готова к вспашке».

Вот начало духовного завещания — грамота № 42: «Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ (ра)бъ Божии Михаль, отхожда живота сего, пишу рукописание при своемъ животе: что ми кобыльке и 2 рубля, ведатися братии моеи, а детемъ моимъ не...». Завещатель Михаль озабочен судьбой своих кобылок и двух рублей, заботу о которых он поручает не детям, а братьям.

Вот начало грамоты № 45 об исчерпании долгового обязательства: «Се соцетеса Бобро со Семеномо на полотеретея рубля на 3 годы полоцтевертынадця гривно, а рубл(ь)...» — «Настоящим удостоверяется, что Бобр рассчитался с Семёном, заплатив 13 с половиной гривен за взятые займы на три года два с половиной рубля...».

Вот берестяной ярлык, привязывавшийся, вероятно, к каким-то вещам, чтобы обозначить их владельца или получателя, — грамота № 58. На ней только одно слово: «Маремеяне».

В первые годы открытия берестяных грамот, когда их было ещё немного, а обобщения преждевременны, участники экспедиции испытывали главным образом ни с чем не сравнимое интеллектуальное наслаждение от первого знакомства с берестяными грамотами, их авторами и их адресатами. Мир живых людей, населявших древний Новгород и известных раньше в основном по летописному рассказу, расширялся с каждой новой находкой грамот. Обстоятельства находки некоторых берестяных документов запоминались на всю жизнь. Вот как нашли грамоту № 53, одну из самых знаменитых в неревской коллекции.

Это было в жаркий день, когда в слоях первой половины XIV века обнажились остатки частокола, ограждавшего усадьбу «А» со стороны Холопъей улицы. Верхушки обгорелых кольев, показавшиеся из-под земли, были облеплены вековой грязью, и несколько рабочих с ножами и кистями в руках принялись их расчищать. И вдруг хлынул ливень, да такой, что все, кто был на раскопе, кинулись под навес. Дождь лил минут десять, оставив после себя лужи и свежeweмытые мостовые, частокол вдоль которых оказался полностью очищен от вековой грязи. И на самой верхушке одного из кольев, в выгоревшей шестьсот лет назад лунке, чистая, вся в сверкающих на солнце каплях лежала грамота с великолепными по чёткости буквами. Вот её текст:

«Поклонъ от Потра к Марье. Покосиле есмь пожню, и озерици оу мене сено от(ъ)яли. Спиши списокъ с купной грамоте да пришли семо, куды грамота поведе, дать ми розумно».

Пётр уехал в село Озеры косить. Но местные жители отняли у него сено, обвинив его в том, что он прихватил не принадлежащий ему участок покоса. Пётр просит Марью — жену или совладелицу — прислать ему копию купчей грамоты, которая даст возможность уточнить границу купленной им земли: «чтобы мне было ясно, куда поведёт грамота».

А грамоты, получившие номера 43 и 49, решительно перечёркивают расстояние в шесть веков, отделяющих их от сегодняшнего дня до рубежа XIV–XV веков, когда они были написаны. Из-за строк берестяных листов отчётливо звучат живые голоса: мужской решительный, не любящий ждать и привыкший распорядиться, и женский, плачущий в тоске, ищущий сочувствия и утешения.

Грамота № 43: «От Бориса ко Ностасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловекъ на жереппе, зане ми здесе дель много. Да пришли сороцию — сороцице забыле».

Борису, находящемуся где-то вне Новгорода, понадобился конь для разездов, потому что у него много дел. Он просит немедленно прислать ему слугу на жеребце. Очевидно, Борис богатый человек и у него много слуг. Если бы слуг было немного, он назвал бы по имени того, который ему нужен; здесь же Борис полагается на выбор самой Настасьи. Заодно она должна прислать ему забытую дома рубашку.

Грамота № 49: «Поклонъ от Ностасьи къ господину къ моеи къ бъратьи. У мене Бориса в животе нетъ. Какъ се, господо, мною попецалуете и моими детми».

Та же Настасья и тот же Борис. Но Борис, скончавшийся накануне получения этого письма. И хотя мы, конечно, ни на минуту не сомневались, что и Борис, и Настасья умерли не менее пятисот лет тому назад, право же, получать письма с такими печальными известиями грустно даже спустя много веков после горестного в жизни Настасьи и её детей события.

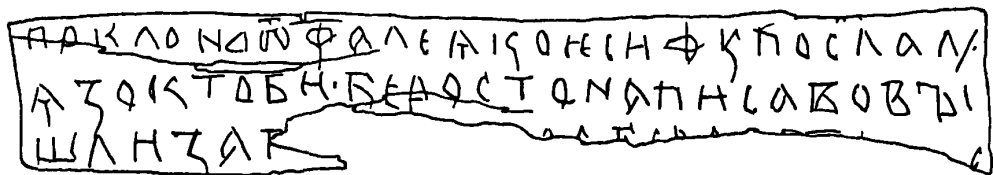
С одним из детей Бориса и Настасьи мы познакомились недели за две до находки только что прочитанных грамот. Имя этого сына, которого звали Иваном, прозвучало в грамоте № 15, сохранившейся в виде небольшого обрывка: «Челобитье (от) Нестерка господину Ивану Борисо(вичу)... мя, господине, еси пожаловал...».

Находка этих трех взаимосвязанных грамот показала заложенную в берестяных документах важнейшую особенность — способность определять принадлежность раскапываемых усадеб. Грамоты семьи Бориса связаны с усадьбой «А», которая, таким образом, во второй половине XIV и начале XV века принадлежала Борису, а затем его сыну Ивану. Точно так же в 1952–1953 годах усадьба «Б», расположенная по другую сторону Холопьевей улицы, дала несколько грамот, связанных с именами Фомы и Есифа, уже знакомых нам по первым находкам 1951 года. Эту способность грамот предстояло в последующие годы проверять на новых участках раскопа.

БОРНСА.КОНОСТЯСНН.КД.К.П
 РНА.СА.П.Р.М.Т.А.Т.А.К.П.Р.Н.Ш
 АНМН.Ц.О.Л.О.Б.Б.И.Б.Н.О.Г.К.Е.Р.Е.Т.Ц.У.Ф
 П.В.Н.Е.Н.Т.У.А.Б.С.Е.А.Б.Н.Б.М.А.Н.О.Г.О.А.А.
 П.В.Н.Ш.Н.И.С.Д.Р.О.Ц.И.Ц.А.С.Д.Р.Е.Ц.И.Ц.А.
 Б.Т.А.Е.

ПОКЛОНЫ СНОС.ТА.ДИ.КА.Г.Н.У.К.Д.М.О.К.У.К.Д.В.З.В.А.Т.Д.Н.О.У.М.Е.Н.Ц.
 Б.А.Д.И.С.А.Д.Ж.И.В.О.Т.Б.Н.Б.Т.Д.К.А.К.Д.С.Е.Т.Д.О.М.Н.О.Р.П.А.Т.Е.Н.А.К.У.К.Е.Т.У.
 Н.М.О.Н.И.М.Н.А.Ф.Т.А.М.И.

Грамоты № 43 и 49

0 1 2 3 4 5 см.

Грамота № 27

И ещё вопрос, который занимал всех в 1952 году и тогда же был решён: как сами новгородцы, авторы и адресаты берестяных писем, называли исписанную бересту?

Впервые на этот вопрос ответила грамота № 24. Её текст, сохранившийся в обрывке, гласил: «...цоловекомъ грамотку пришли таино». О тайнах автора этого письма можно только гадать, но что самые письма он называет «грамотками» — вполне очевидно.

А в грамоте № 27 встретилось другое, более точное именование: «Поклоно от Фалея ко Есифу. Послале язю к тоби беросто, написаво. Вышли за...» — «Поклон от Фалея к Есифу. Послал я тебе бересту, написав. Вышли за...». Значит, «грамотку» могли называть и просто «берестой». Так же она называется в обрывке грамоты № 40: «... кто придетъ з беростомъ». Напомню ещё, что Борис в письме к Настасье называет своё берестяное послание «грамотой»: «Како приде ся грамота», — пишет он.

Так одна за другой изо дня в день и из года в год из глубины веков на адрес экспедиции шли берестяные грамоты, раздвигая пределы познания прошлого. И уже с 1954 года источником получения грамот перестал быть только Неревский раскоп. Более полутора десятков грамот пришло в науку исключительно благодаря активности энтузиастов, внимательно рассматривавших отвалы строительных котлованов Новгорода. Конечно, такие грамоты, вырванные из стратиграфической среды планомерных раскопок, многое теряют в своей ценности, но они и в этом случае остаются первоклассными историческими источниками. Главная заслуга сохранения для науки случайно найденных грамот принадлежит новгородскому археологу С. Н. Орлову, обнаружившему девять берестяных писем. А рядом с ним нужно назвать имена рабочих И. Е. Анишина, А. П. Семёнова, Клопова, Р. П. Филатовой, школьников Судьина, А. Иванова, А. Дорохова, А. Алексева, студентки Т. П. Кондратьевой.

Однако главным центром добывания исписанной бересты вплоть до 1962 года оставался Неревский раскоп. Как же выглядит находка грамоты? Прежде всего, это много радостного шума. Раскопки оглашаются громким криком: «Грамоту нашли!». Все

стремятся пробиться к ней и посмотреть, что на ней видно. Чаще всего любопытство карается разочарованием, потому что на поверхности неразвёрнутой и неотмытой грамоты многого не увидишь, разве только что это и в самом деле грамота.

Место находки точно наносится на план, глубина залегания тщательно замеряется с помощью нивелира, а в полевом дневнике появляется подробное описание обстоятельств находки, её взаимоотношения с близлежащими срубам, мостовыми и прослойками культурного слоя.

Тем временем доставленная в полевую лабораторию грамота опускается в горячую воду. Дело в том, что бересту нельзя развёртывать немедленно после находки — она может растрескаться и погибнуть. Её нужно распарить в горячей воде и осторожно вымыть кистью.

Вымытая грамота так же осторожно расслаивается. Это крайне опасное, хотя в большинстве случаев совершенно необходимое действие. При высыхании разные слои бересты ведут себя по-разному. Одни сжимаются больше, другие меньше. И если оставить бересту нерасслоенной, она, высыхая, покоробится, а написанный на ней текст утратит отчётливость, его «поведёт».

Вслед за расслаиванием берестяное письмо просушивают на черном полотенце и помещают между стёклами, под которыми ему суждено сохнуть, принимая постепенно устойчивую форму плоского листа. Однако прежде, чем окончательно убрать грамоту под пресс, предстоит пережить еще один, самый волнующий момент — момент первого прочтения грамоты. Процесс чтения грамот не поддаётся краткому описанию — ему посвящена вся эта книжка.

Не нужно только думать, что прочесть и особенно понять грамоту удаётся в тот день, когда она найдена. Её придётся много раз брать в руки, проверяя сомнения, возвращаясь к сложным или неразборчивым местам. И если сначала её читают только сотрудники экспедиции, то после издания круг её читателей расширяется за счёт самых пристрастных и взыскательных специалистов, предлагающих свои поправки и своё иногда неожиданное истолкование текста. Этот процесс увлекает всё новых и новых читателей, порождая книги и статьи, вызывая споры и определяя более глубокие решения. Поначалу круг таких пристрастных читателей замыкался в границах нашей страны, но сейчас в процессе активного изучения берестяных текстов участвуют также исследователи из Соединённых Штатов Америки, Польши, Италии, Голландии, Швеции и других стран.

Вернёмся, однако, в полевую лабораторию. Существует еще одно условие, выполнение которого обязательно. Прежде чем грамота начнёт сохнуть, медленно и неизбежно меняясь при высы-

хании, её фотографируют и изготавливают тщательную прорись, создавая тем самым документы, способные до некоторой степени заменить подлинник, частое обращение к которому нежелательно: слишком ценны эти хрупкие берестяные листы. Многие сотни прорисей грамот выполнены Михаилом Никаноровичем Кисловым, после смерти которого его сменил Владимир Иванович Поветкин, создавший последующие сотни прорисей и подготовивший несколько художников, успешно справляющихся сегодня с этим скрупулёзным делом.

Последний вопрос, на который нужно здесь ответить: где хранятся грамоты после их изучения и издания? Берестяные грамоты, найденные в 1950-х годах, переданы Новгородской экспедицией в Отдел рукописей Государственного Исторического музея в Москве. С созданием в Новгороде хранилища, способного обеспечить вечную сохранность берестяных документов, их единственным получателем стал Новгородский историко-художественный музей-заповедник. Оба музея широко используют берестяные грамоты в своих экспозициях.

Лет девяносто тому назад маститый историк русской культуры Павел Николаевич Милюков, резюмируя многолетние споры о состоянии грамотности в древней Руси, заявил о собственной позиции в этих спорах. Одни, писал он, считают древнюю Русь чуть ли не поголовно безграмотной, другие допускают возможность признать распространение в ней грамотности. «Источники дают нам слишком мало сведений, чтобы можно было с их помощью доказать верность того или другого взгляда, но весь контекст явлений русской культуры говорит скорее в пользу первого взгляда, чем в пользу последнего».

А вот та же мысль, изложенная другим историком на страницах гимназического учебника: «Тогда письменность ограничивалась списыванием чужого, так как немногие школы... служили лишь для приготовления попов».

С тех пор новые исследования и новые археологические находки постепенно изменяли послуживший Милюкову главным аргументом «общий контекст», формируя новое отношение к старой проблеме. Изучение высших достижений древней Руси в области литературы, зодчества, живописи, прикладного искусства делало всё более несостоятельной мысль о том, что цветы древнерусской культуры цвели на почве поголовной безграмотности и невежества. Новые выводы о высоком уровне древнерусского ремесла, изучение дальних торговых связей древней Руси с Востоком и Западом позволили отчётливо увидеть фигуру грамотного ремесленника и грамотного купца. Исследователи пришли к признанию более широкого проникновения грамотности и образованности в среду древнерусских горожан. Однако даже в год открытия берестяных грамот это признание сопровождалось оговорками, что всё же грамотность была в основном привилегией княжеско-боярских и особенно церковных кругов.

Дело в том, что факты, накопленные наукой, были малочисленными и давали самую скудную пищу раздумьям исследователей. Важные теоретические построения питались главным образом умозрительными заключениями. Попы по самой природе своей деятельности не могут обходиться без чтения и письма — значит, они были грамотны. Купцы, обмениваясь с Западом и Востоком, не могут обходиться без торговых книг — значит, они были грамотны. Ремесленникам, совершенствовавшим свои навыки, нужно было записывать технологическую рецептуру — значит, они были грамотны.

Ссылались, правда, на найденные при раскопках — главным образом в Новгороде — бытовые предметы с надписями изготовивших их мастеров или владельцев. Но таких надписей к 1951 году даже в новгородских раскопках было найдено не больше десятка. На весах дискуссионных мнений они вряд ли могли перевесить вековой скептицизм поборников мнения о поголовной неграмотности Руси.

И ещё одно обстоятельство. Даже соглашаясь, что грамотность на Руси была достоянием не только попов, историки культуры признавали временем, благоприятным просвещению, лишь XI–XII века, а не последующий период, когда в тяжёлых условиях монгольского ига Русь переживала трагический упадок культуры.

Как изменила все эти представления находка берестяных грамот! И какое она принесла обилие фактов!

Первый существенный результат открытия берестяных грамот — установление замечательного для истории русской культуры явления: написанное слово в новгородском средневековом обществе вовсе не было диковиной. Оно было привычным средством общения между людьми, распространённым способом беседовать на расстоянии, хорошо осознанной возможностью закреплять в записях то, что может не удержаться в памяти. Переписка служила новгородцам, занятым не в какой-то узкой, специфической сфере человеческой деятельности. Она не была профессиональным признаком. Она стала повседневным явлением.

Разумеется, разным семьям, населявшим раскопанный участок Великой улицы, была свойственна разная степень грамотности. Рядом с грамотными людьми жили неграмотные, и рядом с образованными семьями жили необразованные. Это естественно. Но для нас важнее то, что рядом с неграмотными людьми и семьями жило много грамотных людей и семей, для которых чтение и письмо стали таким же естественным делом, как еда, сон, работа. Уже само количество найденных грамот поразительно и способно навсегда зачеркнуть миф об исключительной редкости грамотных людей в древней Руси. Однако ещё более внушителен состав авторов и адресатов берестяных писем. Кем и кому они написаны?

Землевладельцы пишут своим управляющим, ключникам. Ключники пишут своим господам. Крестьяне пишут своим сеньорам, а сеньоры своим крестьянам. Одни бояре пишут другим. Ростовщики переписывают своих должников и исчисляют их долги. Ремесленники переписываются с заказчиками. Мужья обращаются к жёнам, жёны — к мужьям. Родители пишут детям, дети — родителям.

Вот грамота № 377, написанная в последней трети XIII века и найденная в 1960 году: «От Микити ка Ани. Поиди за мьне.

Язь тьбе хоцю, а ты мене. А на то послоухо Игнато Моисиевъ. А вожи...» Это обрывок самого древнего дошедшего до нас брачного предложения. Микита просит Анну выйти за него замуж, называя здесь же Игната Моисеевича свидетелем («послухом») со стороны жениха.

Любопытно, что за всё время работ на Неревском раскопе найдено всего лишь два или три богослужебных текста — каких-нибудь полпроцента от всей прочитанной здесь бересты. Зато обычны такие письма.

Грамота № 242, документ XV века: «Цолобитье от Кощея и от половниковъ. У кого коне, а те худе. А у (и)ныхъ неть. Какъ, осподине, жалуешь хрестьянь? А рожь, осподине, велишь мне молотить? Какъ укажешь?» Авторы письма — ключник и крестьяне-арендаторы, обрабатывающие землю господина за половину урожая. Они жалуются на бедность и отсутствие коней: «У кого кони есть, те плохи, а у других вовсе нет».

Или грамота № 288, написанная в XIV веке: «...хамоу 3 локти... золотнике зеленого шолкоу, дроугии церленого, третии зеленого жолтого. Золотнъ белиль на белкоу. Мыла на белкоу боургалскога, а на дроугоую белкоу...». Хотя в письме нет ни начала, ни конца, можно с уверенностью говорить, что это запись и расчёт заказа какого-то вышивальщика или вышивальщицы. Полотно (по-древнерусски «хам») нужно было выбелить «бургальским»(?) мылом и «белилами» и расшить разноцветными шелками — зелёным, красным и жёлто-зелёным.

В грамоте № 21, написанной в начале XV века, заказчик обращается к мастерице: «... уозчинку выткала. И ты ко мне пришли. А не угодице с кымъ прислать, и ты у себя избели». Автор грамоты получил уведомление, что холст («узчинка») для него выткан, и просит прислать его ему. А если прислать не с кем, то пусть ткачиха этот холст выбелит сама и ждёт дальнейших распоряжений.

Грамота № 125, брошенная в землю в конце XIV века, не указывает на занятия автора письма и его адресата, но думается, что они люди небогатые: «Поклонъ от Марине къ сыну к мосму Григорью. Купи ми зендянцю добру, а куны язь дала Давыду Прибыше. И ты, чадо, издеи при собс, да привези семо». «Зендянцей» называлась хлопчатобумажная ткань бухарского происхождения по имени местности Зендене, где её стали изготовлять раньше, чем в других селениях. «Куны» — древнерусское название денег. Если бы Григорий был богатым человеком, вряд ли его матери пришлось бы посылать деньги на покупку с оказией. У Григория денег могло не оказаться, и мать посылает ему нужную сумму из своих сбережений.

Примеры можно было бы приводить бесконечно. Их приносил и будет приносить каждый год раскопок. И вот что ещё заме-

чительно. Оказалось, грамотность в Новгороде неизменно процветала не только в домонгольское время, но и в ту эпоху, когда Русь переживала тяжёлые последствия монгольского нашествия.

Из 394 грамот, найденных на Неревском раскопе в условиях, позволяющих точно определить время их написания, в слоях XI века найдено 7 грамот, в слоях XII века их оказалось 50, в XIII веке в землю было брошено 99 грамот, в XIV веке — 164, в XV веке — 74.

Резкое уменьшение их количества в XV веке объясняется не какими-то событиями, нарушившими культурное развитие Новгорода, а тем, что в слоях второй половины XV века органические вещества уже почти не сохраняются. Там бересты нет, и, следовательно, 74 грамоты XV века найдены в слоях только первой половины этого столетия. Они падали в землю не сто, а лишь пятьдесят лет.

Такой неуклонный культурный прогресс был, нужно думать, особенностью Новгорода. И дело не только в том, что монгольское нашествие остановилось за сто вёрст от его городских ворот. Хотя Новгород и не испытал тогда трагедии военного разрушения и разграбления своих жилищ и храмов, на него, как и на всю Русь, легло тяжкое иго Золотой Орды. Дело здесь в том, что именно к концу XIII века — первой половине XV века относится эпоха расцвета боярской республики. Вечевой строй, который использовался боярами как орудие их власти над остальным населением, всё же больше способствовал развитию активности рядовых горожан в политической и культурной жизни, чем княжеское самовластье в других средневековых русских центрах. И не случайно расцвет культуры в Новгороде совпадает с эпохой расцвета республиканского строя.

Всё это так — вправе сказать читатель, — но как доказать, что берестяные письма, добытые из-под земли, написаны собственноручно их авторами? И что их читали сами адресаты? Ведь вполне может быть, что читали и писали письма немногочисленные грамотные люди, писцы, профессионалы, зарабатывающие своей грамотностью кусок хлеба. Что же — это очень серьёзный вопрос. Попытаюсь ответить на него.

Разумеется, какое-то количество писем исходит от неграмотных людей и написано по их просьбе грамотными. Таковы некоторые крестьянские письма. Их авторами названы господские ключники, но ключники пишут не от себя, а от жителей той или иной деревни, жалующихся своему господину. Какое-то количество исходит от грамотных людей, но написано не ими, а другим человеком. Таковы грамоты некоторых богатых землевладельцев, исходящих от одного человека, но написанные разными почерками. Важный господин диктовал своё письмо или поручал ла-

писать за него от его имени. В недавние годы, например, при раскопках в Людином конце были найдены грамоты № 644 и 710, написанные одним почерком. Между тем автором грамоты № 644 обозначен Доброшка, а автором грамоты № 710 — Семьюн; Доброшка упомянут и в грамоте № 710, но уже как адресат. Доброшка был также автором грамоты № 665, однако она написана иным почерком. Обнаружение всех трёх грамот в одном комплексе делает несомненным идентичность Доброшки во всех этих документах второй половины XII века и участие какого-то другого человека в написании по крайней мере одного из писем Доброшки.

Однако, как правило, в письмах, исходящих от одного и того же человека, почерк совпадает.

Это наблюдение всё же не может быть решающим. Ведь большинство авторов известно нам по единичным письмам. И здесь уже не угадаешь, сам ли автор выдавливал буквы на бересте или сидел рядом с грамотеем, удивляясь бойкости его «пера». Решающие показания дала не береста, а находки, связанные с ней, — железные, бронзовые, костяные стержни-писала, которыми написаны все берестяные грамоты.

Таких писал на одном только Неревском раскопе найдено свыше семидесяти (а всего за время раскопок — более двухсот). Далёкий предок современной авторучки в средневековом Новгороде был не редким предметом, а такой же бытовой вещью, как гребень или нож. И наивно думать, что семьдесят писал потеряно на Великой улице профессиональными писцами, пришедшими написать или прочитать письмо. Они были потеряны людьми, жившими здесь и писавшими свои письма без посторонней помощи. Да и разнообразие почерков говорит само за себя.

Фигура новгородца, к поясу которого привешено неразлучное с ним орудие письма на бересте, стала известной в результате раскопок, но её смутное отражение на стенах новгородских церквей историки наблюдали и раньше, не различая, правда, важной для нас детали.

Стены многих новгородских средневековых церквей покрыты древними процарапанными надписями. Такие надписи — их называют «граффити» — в изобилии испещрили стены Софийского собора, знаменитых церквей Спаса-Нередицы, Федора Стратилата, Николы на Липне и многих других. Часть этих записей носит служебный характер. Например, в церкви Николы на Липне в алтаре, где во время богослужения помещались священнослужители, на стенах записаны дни поминания разных умерших новгородцев. Но большинство надписей находится там, где во время службы помещались не церковники, а прихожане. Своим происхождением такие граффити обязаны скуке церковного обряда. Вместо того чтобы молиться, прихожане извлекали из кожаных чех-

лов свои «перья» и царапали стены. Порой надписи благочестивы: «Господи, помоги рабу своему», но чаще мысли владельца «писала» были далеки от благочестия. Он оставлял деловые записи, подобные записям на бересте. Так, на стенах церкви Спаса-Нередицы нацарапано: «На Лукинъ день взяла проскурница пшеницю», «Лазорь писал грамоту». Или рисовал картинки. Или повторял азбуку, особенно если ему было немного лет. И во всех случаях инструментом для письма по штукатурке служил стержень, применявшийся и для писания на бересте. Вполне понятно, что до открытия берестяных грамот обилие надписей, процарапанных на церковных стенах, казалось загадочным, а в орудии письма на штукатурке предполагали шило или обычный гвоздь.

Обнаружив столь широкое распространение грамотности в Новгороде, мы не можем не заинтересоваться, как эта грамотность пробивала себе дорогу, как происходило обучение грамоте. Кое-какие сведения можно было почерпнуть из известных и раньше письменных источников. Летопись под 1030 годом сообщает, что князь Ярослав Мудрый, придя в Новгород, собрал «от старост и поповых детей 300 учити книгам». В житиях некоторых новгородских святых, написанных ещё в средние века, рассказывается о том, что они учились в школах, причем об этом говорится как о вещи, вполне обычной. Наконец, на знаменитом Стоглавом соборе в 1551 году прямо заявлено: «преже сего училища бывали в российском царствии на Москве и в Великом Новгороде и по иным градам». Обилие берестяных грамот дало новую жизнь этим свидетельствам, показав, что обучение грамоте действительно было в Новгороде хорошо поставленным делом. Нужно было искать на самой бересте следы этого обучения, тем более что и в граффити новгородских церквей отразились упражнения маленьких новгородцев, царапавших азбуку во время скучного богослужения.

Первая такая грамота была найдена ещё в 1952 году. Это небольшой обрывок, получивший номер 74. На нём неуверенным, неустановившимся почерком нацарапано начало азбуки: «АБВГ ДЕЖЗ...». Потом писавший запутался и вместо нужных ему по порядку букв стал изображать какие-то их подобию.

Новая и самая значительная находка запечатлённых на бересте ученических упражнений была сделана в 1956 году в памятные для всей экспедиции дни — 13 и 14 июля. В эти два дня грамоты шли из раскопа на лабораторный стол непрерывным потоком. Было распарено, вымыто и развёрнуто семнадцать берестяных свитков. И шестнадцать из них обнаружены на каких-нибудь десяти квадратных метрах. Эта охалка берестяных листов была брошена в землю одновременно. Они залегали в одной прослойке, относящейся к четырнадцатому или пятнадцатому ярусу

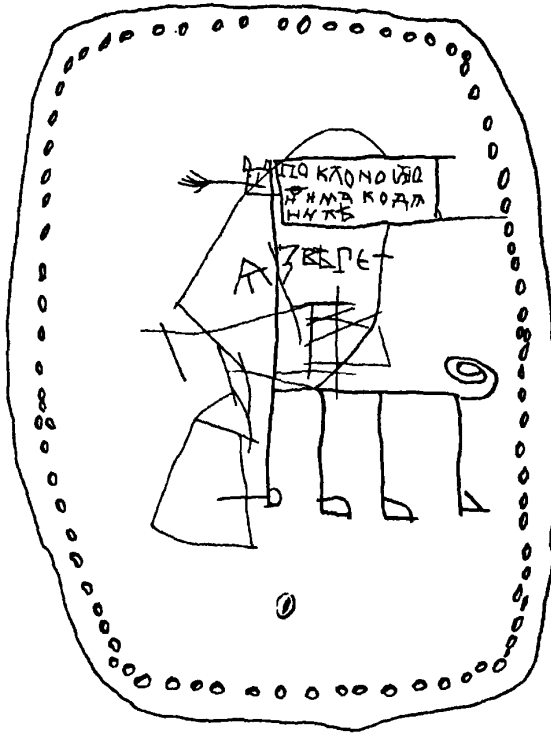
0 1 2 3 4 5 см.

Грамота № 199

мостовой Великой улицы, в двух метрах от её настилов. Опираясь на данные дендрохронологии, мы можем уверенно говорить, что ворох берестяных грамот, найденных 13 и 14 июля 1956 года, попал в землю между 1224 и 1268 годами.

Мы будем знакомиться с этими грамотами в том порядке, в каком они появлялись перед участниками экспедиции. Первой нашли грамоту № 199. Это не был специально подготовленный для письма лист бересты. Длинная надпись грамоты сделана на овальном доньшке туеса, берестяного сосуда, который, отслужив свой срок, был отдан мальчику и использован как писчий материал. Овальное доньшко, сохранившее по краям следы прошивки, было укреплено перекрещивающимися широкими полосами бересты. Вот эти-то полосы и заполнены записями.

На первой полосе старательно выписана вся азбука от «а» до «я», а затем следуют склады: «ба, ва, га, да...» и так до «ща», потом: «бе, ве, ге, де...» до «ще». На второй полосе упражнение продолжено: «би, ви, ги, ди...» и доведено только до «си». Дальше просто не хватило места. Иначе мы прочли бы и «бо, во, го, до...» и «бу, ву, гу, ду...».

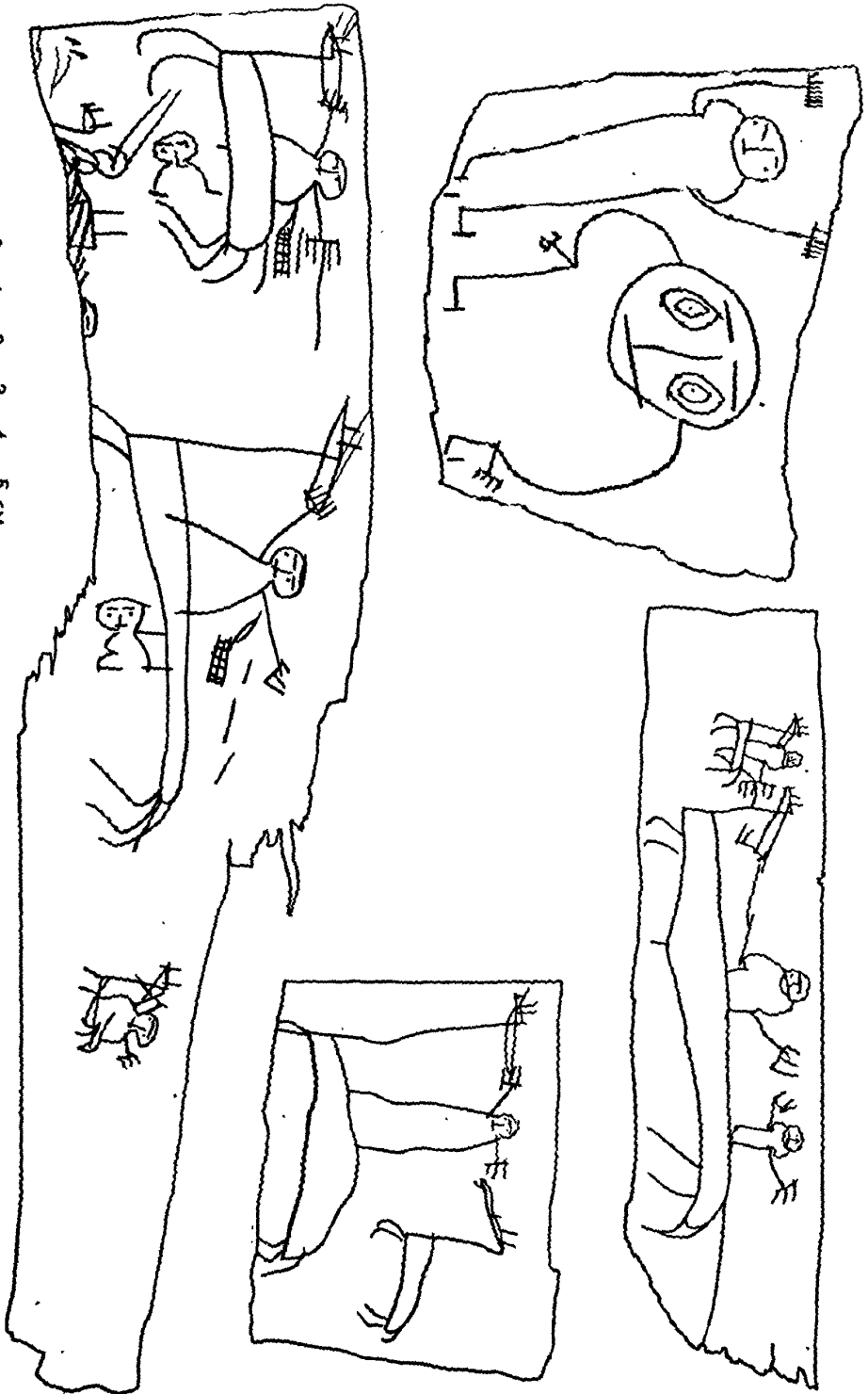

Грамота № 199 (оборот)

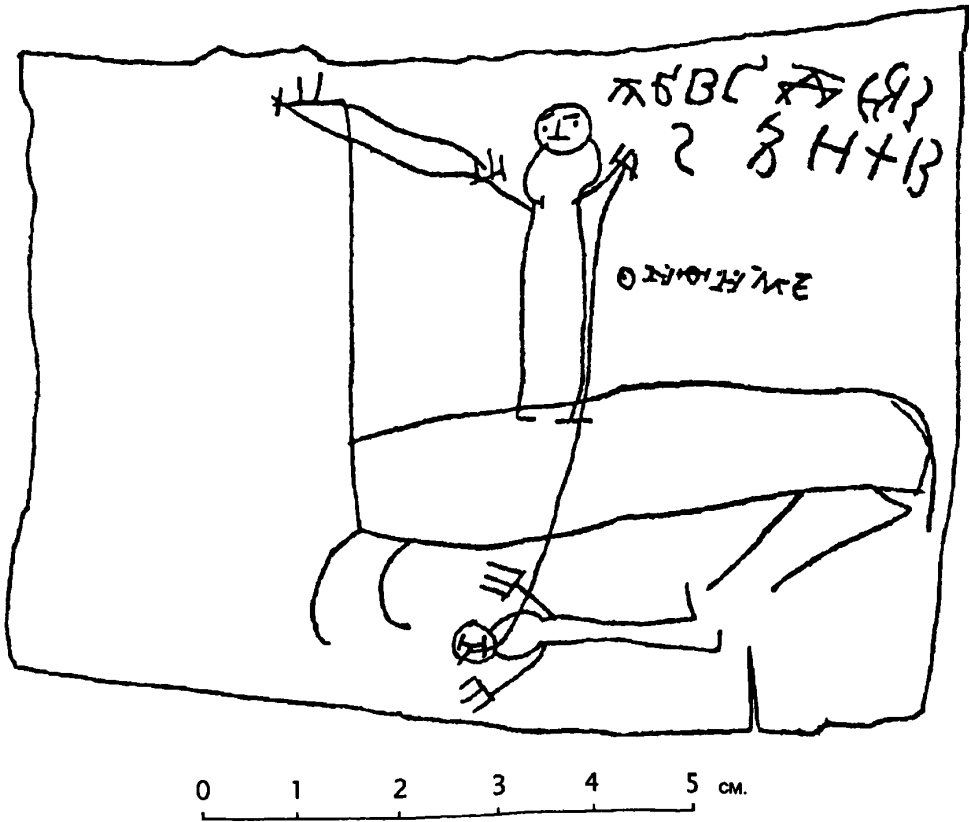
Способ учения грамоте по складам был хорошо известен по свидетельствам XVI–XVIII веков, он существовал у нас в XIX и даже в начале XX века. О нём часто рассказывали писатели, изображавшие первые шаги в овладении грамотой. Все знают, что буквы на Руси назывались «а» — «аз», «б» — «буки», «в» — «веди», «г» — «глаголь» и так далее. Ребёнку было необычайно трудно осознать, что «аз» означает звук «а», «буки» — звук «б». И только заучивая слоговые сочетания: «буки-аз — ба, веди-аз — ва», ребёнок приходил к умению читать и понимать написанное.

Мальчик, записавший азбуку и склады в грамоте № 199, просто упражнялся, ведь он уже умел читать и писать. В этом мы убедились, перевернув наше берестяное донышко. Там в прямоугольной рамке написано знакомым почерком: «Поклоно от Онфима ко Даниле».

Потом мальчик принялся рисовать, как рисуют все мальчики, когда наскучит писать. Он изобразил страшного зверя с торчащими ушами, с высунутым языком, похожим на еловую ветку или на оперение стрелы, с закрученным в спираль хвостом. И чтобы замысел нашего художника не остался непонятым возможными ценителями, мальчик дал своему рисунку название: «Я зве-

Рисунки Омфана

Грамота № 200

ре» — «Я зверь». Наверное, у взрослых художников иногда остается что-то от неуверенных в себе мальчиков. Иначе зачем прекрасным мастерам, вырезавшим в XV веке великолепные матрицы для свинцовых государственных печатей Новгорода, рядом с изображением зверя писать «А се лютыи зверь», а рядом с изображением орла — «Орель».

Найдя первую грамоту, мы могли только догадываться, что этого мальчика звали Онфимом, что, выписывая слова поклона, подражая в этом взрослым, он адресовался к своему товарищу, вероятно, сидящему здесь же, рядом с ним. Ведь могло оказаться, что он просто скопировал начало чьего-то письма, случайно попавшего в его руки, а может быть, так его в школе учили, как писать письма. Но следующая находка всё поставила на место.

Грамота № 200 почти целиком заполнена рисунком маленького художника, уже знакомого нам своей «творческой манерой». Маленький художник мечтал о доблести и о подвигах. Он изобразил некое подобие лошади и всадника на ней, который копь-

ём поражает брошенного под копыта лошади врага. Около фигуры всадника помещена пояснительная надпись: «Онфиме». Мальчик Онфим нарисовал свой «героизированный автопортрет». Таким он будет, когда вырастет, — мужественным победителем врагов Новгорода, смелым всадником, лучше всех владеющим копьем. Что же, Онфим родился в героический век новгородской истории, в век Ледового побоища и Раковорской битвы, в эпоху великих побед новгородцев. И на его долю наверняка с лихвой досталось схваток и подвигов, свиста стрел и стука мечей. Но, помечтав о будущем, он вспомнил настоящее и на свободном клочке бересты рядом с «автопортретом» написал: «АБВГДЕЖСЗИК».

В грамоте № 201, найденной в тот же день, 13 июля, мы познакомились и с соседом Онфима по школьной скамье. Здесь снова была выписана азбука и склады от «ба» до «ща», но почерк был, как будто, другим, не онфимовским. Может быть, это упражнения Данилы, к которому Онфим обращался со словами приветия?

Грамота № 202. На ней изображены два человечка. Их поднятые руки напоминают грабли. Число пальцев-зубцов на них — от трёх до восьми. Онфим ещё не умел считать. Рядом надпись: «На Домитре возяти доложике» — «На Дмитре взять долги». Ещё не умея считать, Онфим делает выписки из документов о взыскании долгов. Прописями для него послужила деловая записка, самый распространённый в средневековом Новгороде вид берестяной грамоты. И в то же время в этой грамоте хорошо чувствуется, как Онфим набил руку в переписывании азбуки. В слове «доложике» он вставил ненужную букву «з», получилось «доложзике». Он так привык в своей азбуке писать «з» после «ж», что рука сама сделала заученное движение.

В грамоте № 203 — законченная фраза, хорошо известная по надписям на стенах новгородских церквей: «Господи, помози рабу своему Онфиму». Это, вероятно, одна из первых фраз, с каких начиналось овладение письмом. Встречая её на стенах рядом с процарапанными буквами азбук, мы должны всякий раз предполагать не столько благочестие писавшего — какое уж тут благочестие, если он царапает церковную стену во время богослужения, — а скорее его склонность к постоянному воспроизведению знаний, усвоенных в первых школьных упражнениях, склонность, встающую перед нами из большинства грамот Онфима, которые написаны им не для учителя, а для себя. Иначе вряд ли он стал бы и писать, и рисовать на одном листе бересты.

Рядом с надписью грамоты № 203 снова изображены две схематические человеческие фигуры. И снова у них на руках противоестественное количество пальцев — три или четыре.

Грамота № 204 — одно из упражнений в письме по складам. Выписывая склады от «бе» до «ще», Онфим предпочитает заниматься

привычным для него упражнением. Он не справился с попыткой написать какой-то связный текст, начинающийся словами «Яко же».

Грамота № 205 — полная азбука от «а» до «я». Здесь же начало имени «Онфим» и изображение ладьи — одной из тех, какие Онфим видел каждый день на Волхове.

Грамота № 206 — сначала бессмысленный набор букв, возможно, попытка изобразить дату, но попытка неудавшаяся, в чём вряд ли следует особенно винить Онфима, ещё не научившегося даже сосчитать пальцы на руке. Потом упражнение в письме по складам — от «ба» до «ра». И, наконец, внизу — семь взывшихся за руки человечков «в манере Онфима» с разнообразным количеством пальцев на руках.

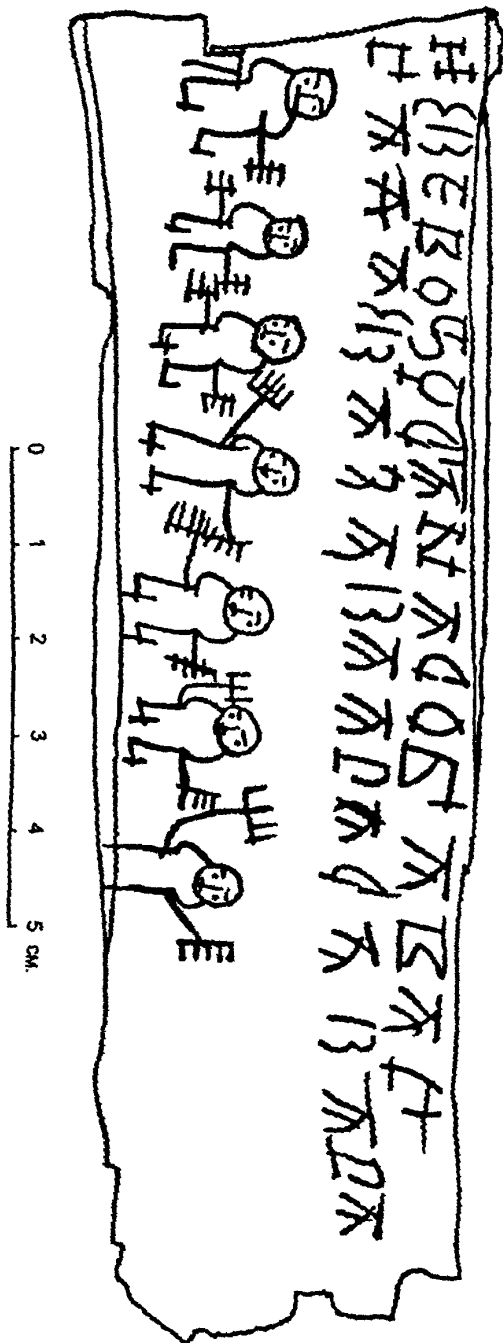
Грамота № 207 — одна из интереснейших. Её текст написан хорошо уже нам знакомым почерком Онфима: «Яко с нами Бог услышите до посл у якоко же мо лице Твое на раба Твоего Бог».

На первый взгляд, здесь только бессмысленный набор слов, подражающий церковным песнопениям. По первому впечатлению, Онфим заучил на слух какие-то молитвы, не понимая их содержания и смысла звучащих в них слов. И эту тарабарщину перенес на бересту. Однако возможно и другое толкование безграмотной надписи. Известно, что в старину обучение носило в основном церковный характер. Чтению учились по псалтири и часослову. Может быть, перед нами один из диктантов, ещё один шаг Онфима в овладении грамотой после уже усвоенных упражнений в письме по складам. Как установил Н. А. Мещерский, в грамоте опознаются изуродованные фразы из следованной Псалтири — книги, по которой учились грамоте многие поколения наших предков.

Грамота № 331 сохранила лишь конец: «...го слово пло... гю аще на не азо... Господи, не яростию» — диктант церковно-литературного содержания.

Грамота № 208 — крохотный обрывок бересты с немногими буквами. Почерк снова выдаёт Онфима.

В грамоте № 210, также изорванной, изображены люди и около них остатки надписей, не поддающихся истолкованию. И, наконец, ещё пять берестяных листов нельзя причислять к грамотам. На них нет ни одной буквы, поэтому они не включены в общую нумерацию исписанной бересты. Это рисунки Онфима. На одном неимоверно длинная лошадь, на ней сидят сразу два всадника. Наверное, отец не раз сажал Онфима сзади себя на коня. Рядом, в отдалении, ещё один всадник, поменьше. Другой рисунок — батальная сцена. Скачут три всадника с колчанами на боках. Летят стрелы. Под копытами коней лежат поверженные враги. На третьем рисунке снова всадник. На четвёртом — два человека, один из них со страшной рожей, с вытаращенными глазами, ши-

ВНЕШНЯЯ
СТОРОНА
КОДЫ!

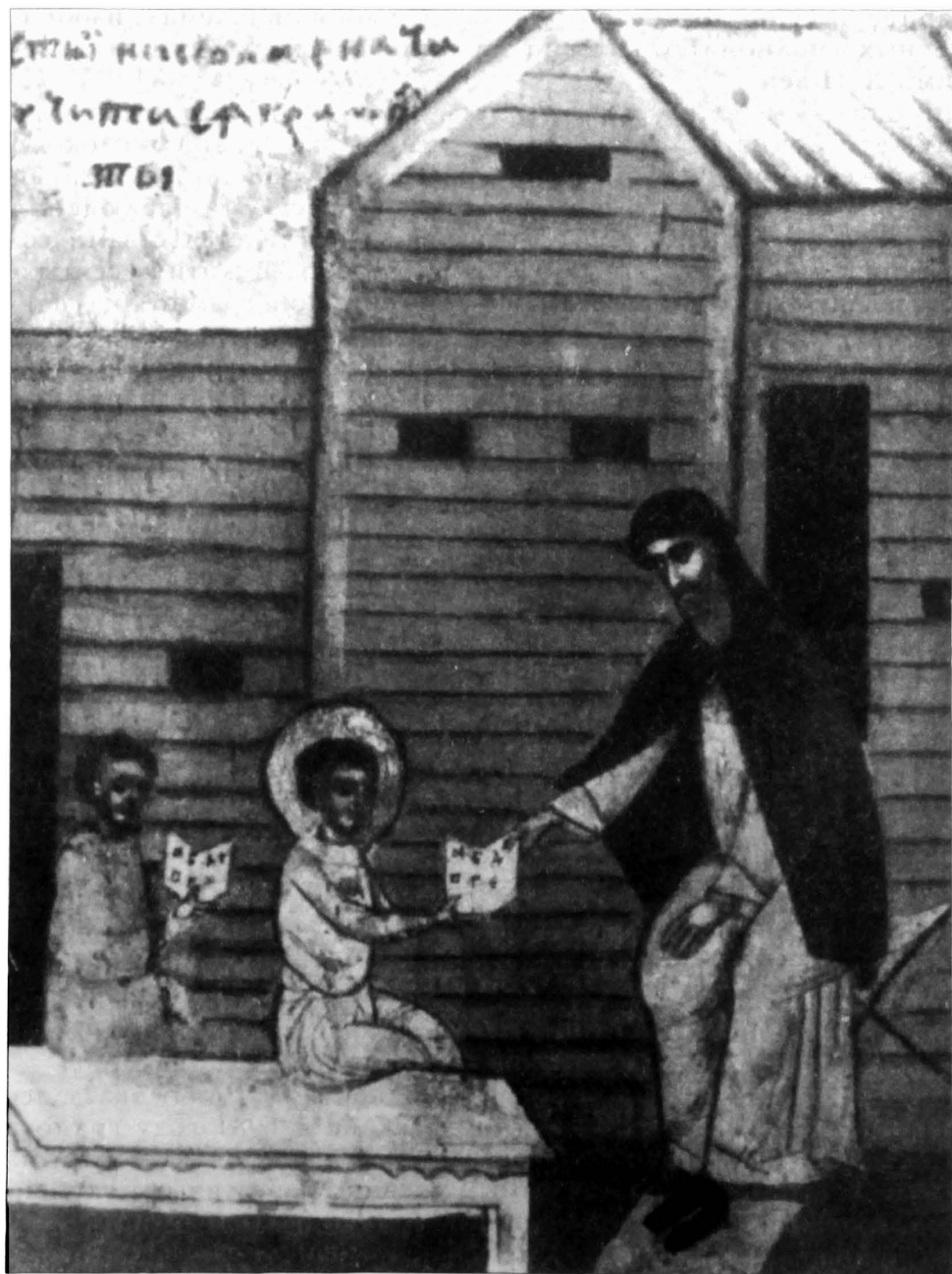
Грамота № 206

рокими плечами и крохотными ручками, похожий на какое-то кошмарное видение. На пятом рисунке два воина в шлемах, изображённых в полном соответствии с археологически известными шлемами XIII века.

Итак, мы познакомимся с мальчиком Онфимом. Сколько ему лет? Точно установить этого нельзя, но, вероятно, около шести–семи. Он ещё не умеет считать, и его не учили цифрам. Самый рисунок, пожалуй, указывает на тот же возраст. Эти наблюдения подтверждаются и некоторыми письменными свидетельствами, сохранившимися в известных ранее источниках. В житиях святых, составленных в средние века, рассказ об обучении грамоте «на седьмом году» превратился даже в своего рода шаблон. Тот же возраст называют и рассказы о времени обучения русских царевичей. Алексей Михайлович получил в подарок от своего деда патриарха Филарета азбуку, когда ему было четыре года. В пять лет он уже бойко читал часослов. Когда Фёдору Алексеевичу было шесть лет, его учитель получил награду за успехи в обучении царевича. А Пётр I читал даже в четыре года. Это сведения XVII века. От более раннего времени сохранилось достоверное свидетельство об обучении в Новгороде в 1341 году грамоте тверского княжича Михаила Александровича, которому тогда было около восьми лет. Теперь же мы получили свидетельства ещё более ранние.

Находки берестяных азбук продолжались и в следующие годы в других районах Новгорода. Обрывок азбуки конца XIII века обнаружен в 1967 году в Лубяницком раскопе на Торговой стороне Новгорода. В 1970 году тоже на Торговой стороне обрывок азбуки первой половины XIII века оказался в числе грамот раскопа на древней Михайловой улице. В 1969 году, когда новый раскоп был заложен на Софийской стороне, неподалёку от Неревского, в нём удалось найти берестяную азбуку начала XII века. В 1979 году в Нутном раскопе на Торговой стороне азбука первой четверти XV века была написана на странице складывающегося пополам берестяного листа, то есть как бы маленькой книжечки. В 1984 году на Троицком раскопе была обнаружена грамота № 623 второй половины XIV века — упражнения в слоговом письме.

Однако самой значительной находкой в этом ряду оказалась обнаруженная на том же Нутном раскопе в 1981 году грамота № 591. Она найдена в напластованиях 30-х годов XI века и на сегодняшний день является самым древним берестяным документом в новгородской коллекции. Весьма символичным представляется то обстоятельство, что древнейшая берестяная грамота оказалась азбукой. Писавший её, несомненно, ошибся, пропустив после буквы «з» три буквы «и, і, к» и поменяв местами «л» и «м». По-видимому, писавший называл про себя буквы и, изобразив «з», то есть «землю», машинально написал вслед за ней те соглас-

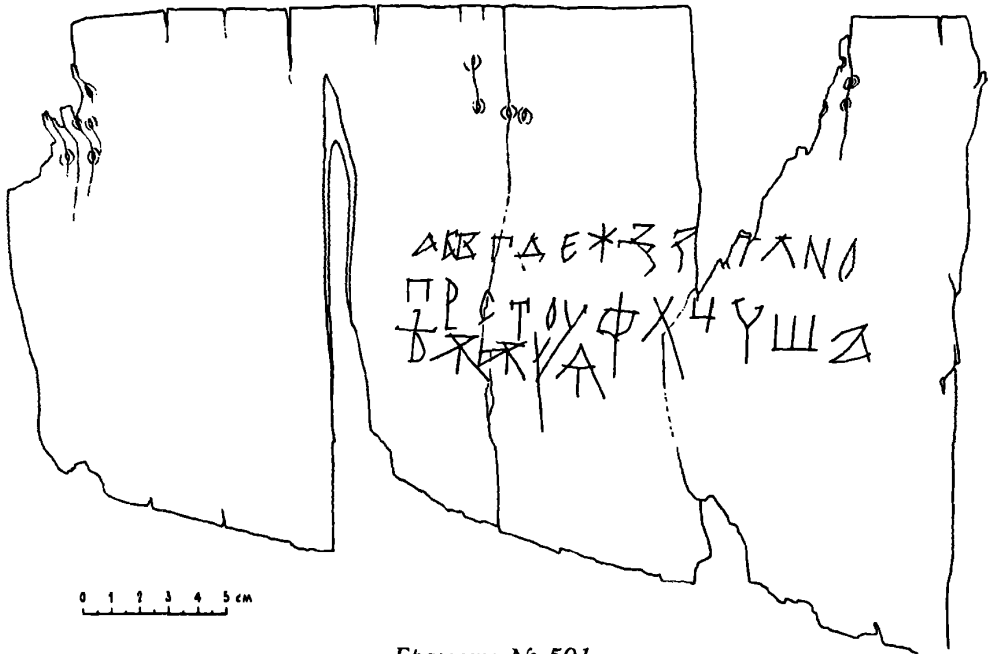

Так художник начала XVIII века изобразил древнейший школьный урок

Того же дѣла княжичъ михайло лекси
 ндропичъ шѣверскій . сѣя крѣпный шлѣць
 по погородцкѣмоу шлѣнїю . прїи
 де кнемоу шноу горо
 грамотѣ
 оучи
 ши
 сѣ

А так обучали малолетнего княжича
 (летописная миниатюра XVI века)

Грамота № 591

ные, которые следовали за «з» в этом слове. Нечто подобное можно наблюдать в характерной ошибке писца, записавшего в конце XI века азбуку на полях богослужебной книги. Там буква «п» передана как «по» — вместо буквы писец начал было писать слово «покой» — название этой буквы.

В остальном азбука отличается закономерной последовательностью знаков, но состоит она не из 43 букв, а только из 32 (учитывая случайно пропущенные «и, і, к»). Отсутствуют буквы «щ», «ы», «ь», «ю», йотованные «а», «е», «я», «кси», «пси», «фита», «омега». Является ли отсутствие этих букв результатом недостаточного знания писавшим азбуки в её заключительном разделе? Или нужно искать иные причины её очевидной неполноты?

Отмечу прежде всего, что недостающие буквы все без исключения находят себе допустимые замены в тех буквах, какие в грамоте № 591 имеются. «Щ» может быть передано сочетанием «шт», из которого оно, собственно, и возникло; «ы» — соединением «ѣи» или «ѣи»; «ю» находит соответствие в «йотованном юсе большом», «йотованное а» — в «юсе малом», «кси» — в сочетании «кс», «пси» — в сочетании «пс», «фита» — в «ф», «омега» в «о». Отсутствие «ь» в азбуке не фатально: хорошо известны в ранних славянских письменных памятниках так называемые одноеровые тексты, где «ъ» выполняет и свою роль, и роль «ь». К их числу в новгородских находках относятся несколько грамот XI века и рубежа XI–XII веков.

Среди новгородских азбук грамота № 460, относящаяся к XII веку, имеет подобную, хотя и в меньшем объёме, неполноту. А обнаруженная на стене киевского Софийского собора процарапанная славянская азбука XI века содержит только 27 букв, расположенных в строгом соответствии порядку знаков греческого алфавита. Она несколько отличается от азбуки нашей грамоты № 591, но в ней также нет йотованных букв, а также «щ», «ы», «ь», «ю».

Из приведённых сопоставлений следуют два существенных вывода. Во-первых, на протяжении первых столетий употребления кириллицы на Руси существовали две ступени обучения грамоте. Первую составляло обучение облегчённому, бытовому письму, отражённому и грамотой № 591, и киевским граффити. Вторая ступень требовала полного знания азбуки и предназначалась поначалу профессиональным переписчикам книг. Во-вторых, — об этом свидетельствует киевская азбука, — основу кириллицы составлял греческий алфавит, лишь постепенно пополнявшийся специфически славянскими буквами. Сначала в её состав были включены такие буквы, как «б», «ж», и лишь на каком-то дальнейшем этапе «щ», «ь», «ы», «юс» и йотованные. Нет поэтому оснований приписывать изобретение кириллицы святым Кириллу и Мефодию. Ими, скорее, была изобретена глаголица, или же греческий алфавит пополнен несколькими самыми необходимыми славянскими буквами.

Однако вернёмся к Неревскому раскопу. На следующий год после того, как мы познакомились с Онфимом, в 1957 году, были найдены и первые ученические упражнения в цифровом письме. Нужно сказать, что цифры в древней Руси не отличались от обычных букв. Цифру 1 изображали буквой «а», цифру 2 — буквой «в», 3 — буквой «г» и так далее. Чтобы отличить цифры от букв, их снабжали особыми значками — «титлами» — чёрточками над основным знаком, но так делали не всегда. Некоторые буквы в качестве цифр не использовались, например, «б», «ж», «ш», «щ», «ъ», «ь». И порядок цифр несколько отличался от порядка букв в азбуке. Поэтому, когда мы видим, к примеру, такую запись: «авгdez», мы из-за того, что пропущены буквы «б» и «ж», знаем, что это цифры, а не начало азбуки. Именно с такой записью экспедиция встретилась в грамоте № 287, в 1960 году в грамоте № 376, а в 1995 году — в № 759. Кстати, обе последние записи сделаны также на донышках отслуживших свой срок берестяных туесков. Маленьких новгородцев не особенно баловали, для их школьных упражнений годилась любая береста. В этих грамотах было лишь по несколько цифр. А в грамоте № 342, найденной в 1958 году в слоях XIV века, воспроизведена вся система существовавших тогда цифр. Сначала идут единицы, затем десятки, сотни, тысячи и, наконец, десятки тысяч вплоть до обведённой кружком буквы «д». Так изображалось число 40 000. Конец грамоты оборван.

Со временем, наверняка, будут найдены и упражнения маленьких школяров в арифметике. Впрочем, не исключено, что одно такое упражнение уже найдено. В 1987 году на Троицком раскопе в слое второй половины XII века была обнаружена грамота № 686 с таким текстом: «Без довоу тридесяте ко стоу во простемо. А въ друогемо 100 бе щетыре». «Без двух тридцать» означает 28. «28 к сту» — 128. «Сто без четырех» — 96. Перевести запись и понять ее смысл возможно так: «128 в простом, а в другом 96». Указанные в грамоте числа относятся одно к другому как 4:3 (128:96). Документ производит впечатление ответа на некую ученическую задачу по арифметике, в которой, например, в простом случае $(8+8) \times 8$ результатом будет 128, а в другом, более сложном, $(8+8/2) \times 8$, результатом будет 96. Другой вариант: $2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 = 128$; $3 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 = 96$.

Как бы то ни было, уже сейчас, убедившись, что методы обучения грамоте в древнем Новгороде были в общем такими же, как и в XVI–XVII веках, мы гораздо яснее представили себе способ, при помощи которого грамотность в Новгороде сделала поразительные успехи в эпоху, в которой прежние исследователи видели только дикость и невежество.

Еще одна берестяная грамота ценна тем, что, воскрешая крохотный эпизод XIV века, перебрасывает мостик от обычаев и шуток школяров времени Ивана Калиты к обычаям и шуткам школяров современников Гоголя и Помяловского. В 1952 году на Неревском раскопе была обнаружена грамота № 46, сначала поставившая всех в тупик. В этой грамоте нацарапаны две строки, правые концы которых не сохранились. В первой строке следующий текст: «Нвжпсндмкзатсцт...». Во второй — не менее содержательная надпись: «ееяиаеуааахоеиа...».

Что это? Шифр? Или бессмысленный набор букв? Не то и не другое. Напишите эти две строки одну под другой, как они написаны в грамоте:

н в ж п с н д м к з а т с ц т ...
е е я и а с у а а а х о е и а ...

и читайте теперь по вертикали, сначала первую букву первой строки, потом первую букву второй строки, затем вторую букву первой строки, вторую букву второй строки и так до конца. Получится связная, хотя и оборванная фраза: «Невсзя писа, недума каза, а хто се цита...» — «Незнающий написал, недумаящий показал, а кто это читает...». Хотя конца и нет, ясно, что «того, кто это читает», крепко обругали.

Не правда ли, это напоминает известную школярскую шутку: «Кто писал, не знаю, а я, дурак, читаю»? Представляете себе этого недоросля, который придумывал, как бы ему позамысловатее разыграть приятеля, сидящего рядом с ним на школьной скамье?

Кстати, приведённый способ шифровки зафиксирован не только этой школярской шуткой. В церкви Симеона Богоприимца Зверина монастыря Новгорода тем же способом на стене в конце XV века записана фраза «Блажень мужь»:

б	а	е	ь	у	ь
л	ж	н	м	ж	

Чтобы закончить рассказ о том, как средневековые новгородцы обучались грамоте, нужно разобраться ещё в одном интересном вопросе. Каждому человеку хорошо известно, как много бумаги требует обучение грамоте, как много каждый школьник пишет упражнений, выбрасывает испорченных листов. Вероятно, и в древности, чтобы научить малыша читать и писать, нужно было истребить массу писчего материала, который незачем было хранить. Грамоты Онфима лишней раз убедили нас в этом. Они написаны самое большее за несколько дней. А таких дней, из которых состояли годы школьного учения, было очень много. Почему же среди берестяных грамот ученические упражнения встречаются сравнительно редко?

Ответ на этот вопрос был получен во время раскопок на Дмитриевской улице. Там в разное время и в разных слоях экспедиция нашла несколько дощечек, отчасти напоминающих крышку пенала. Одна из поверхностей таких дощечек, как правило, украшена резным орнаментом, а другая углублена и имеет бортик по краям, а по всему днышку образовавшейся таким образом выемки — насечку из штриховых линий. Каждая дощечка имеет на краях по три отверстия. Ей соответствовала такая же парная дощечка, и при помощи дырочек они связывались друг с другом орнаментированными поверхностями наружу. Иногда комплект состоял из большего числа дощечек.

На одной из дощечек, найденной в 1954 году в слое первой половины XIV века, вместо орнамента тщательно вырезана азбука от «а» до «я», и эта находка дала нужное толкование всей группе загадочных предметов. Они употреблялись для обучения грамоте. Выемка на них заливалась воском, и маленькие новгородцы писали свои упражнения не на бересте, а на воске, подобно тому как сейчас при обучении применяется школьная доска. Много лет спустя была найдена подобная дощечка — её называют «церой» — с остатками воскового покрытия и надписей на нём.

Стало понятным и назначение лопаточки, почти обязательной на конце многочисленных писал, найденных при раскопках. Этой лопаточкой заглаживалось написанное на воске. Такая лопаточка находится в дальнем родстве с губкой, которой каждый из нас много раз стирал написанное мелом на школьной доске. Азбука, помещённая на поверхности одной из дощечек, служила пособием. На неё ученик смотрел, списывая буквы. На одной це-

ре, найденной в последние годы, буквы б, ж, к, п, ш, ѳ, ю вырезаны на её грани. Это значит, что комплект состоял из пяти дощечек:

а	б	в	г	д	
е	ж	з	з	и	
і	к	л	м	н	и т. д.

И снова аналогия с современными пособиями, — например, с таблицей умножения, которую печатают на обложках школьных тетрадей.

Ну а если, обучаясь письму, маленькие новгородцы прибежали в основном к воску, то и редкость школьных упражнений на бересте не должна нас удивлять.

Цера с вырезанной на ней азбукой

Понятным становится также, почему Онфим, уже умея писать, снова и снова выписывает на бересте азбуку и склады. Письмо на бересте было не первым, а вторым этапом обучения. Переход от воска к бересте требовал более сильного нажима, более уверенной руки. И, научившись выводить буквы на мягком воске, нужно было снова учиться технике письма на менее податливой берёзовой коре.

Закончить эту главу хочется упоминанием найденной в 1987 году на Троицком раскопе берестяной грамоты № 687 второй половины XIV века. На обрывке письма, утратившего и первые, и последние строки, читается: «...вологуо соби коупи, а дитьмо порти... даі грамоти оуцти. А кони...». Цитированный текст ясно показывает, что обучение грамоте было нормальной частью воспитания детей даже в семьях рядовых горожан, к числу которых мы должны отнести автора этого письма, отразившего заурядность прочих его домашних забот. Очевидно, что это письмо жене мужа, находящегося где-то в отъезде. Распоряжение отдать детей учить грамоте поставлено как вполне обычное дело в один ряд с заботами о покупке масла («вологи»), детской одежды и какими-то указаниями, касающимися содержания коней.

Лето 1957 года, оказавшееся для археологов одним из самых удачных, принесло целый ворох новых берестяных писем. Шестьдесят девять грамот! Бывали дни, когда в горячей воде отмокало сразу по три-четыре куска исписанной бересты. Разумеется, и нетерпение участников экспедиции, жаждущих поскорее развернуть и прочесть новые грамоты, возрастало в такие дни. Особенно, если по обрывкам слов на поверхности скрученного в тугую спираль свитка угадывалась особая значительность его текста.

Так было с грамотой № 286, обнаруженной в слое середины XIV века при вскрытии усадьбы, расположенной на углу древних Великой и Козмодемьянской улиц и условно обозначенной литерой «Е». Нам ещё доведётся говорить и об условных обозначениях усадеб, план расположения которых показан в книге, и подробно об усадьбе «Е»: жившие в ней новгородцы за четыре столетия получили немало интересных писем, их найдено здесь свыше семидесяти. Пока же речь пойдёт только о грамоте № 286. С первых минут её находки, ещё до того, как она попала в горячую воду и была развёрнута, ни у кого не оставалось сомнения в том, что найден очень интересный и важный документ. На поверхности свитка, содержащего пространную шестистрочную запись, во второй строке отчётливо проступали многозначительные и многообещающие слова: «...Юрия князя...».

В самом начале этой книги говорилось о том, что берестяные грамоты составляют принципиально новый источник, впервые вводящий исследователя в круг таких средневековых отношений, которые почти не отражены в других исторических документах. Главное их достоинство в том, что они называют людей, о которых не упоминает летопись, и рассказывают о таких их действиях, какие для летописца не представляли никакого интереса. Однако эти люди жили и действовали в летописные времена, общаясь с хорошо известными по другим источникам историческими деятелями. Они населяли тот же мир, который под другим углом зрения был виден летописцу. Они были участниками или по крайней мере свидетелями важнейших политических событий, отражённых летописями. И поэтому очень важно, знакомясь по берестяным грамотам с древними новгородцами,

увидеть их на фоне летописного рассказа. Берестяные письма, упоминающие известных исторических деятелей, подобны мостикам, ведущим из глубины раскопа в летописный рассказ.

Немаловажно и то, что упоминание известных истории лиц позволяет проверить датировку грамот, полученную другими принятыми в археологии способами. В 1957 году в Новгородской экспедиции ещё не была разработана дендрохронологическая шкала, позволяющая теперь точно датировать слои и находки.

Упоминание в грамоте № 286 князя Юрия могло бы послужить для возможной проверки принятых тогда датировок. В XIV веке в Новгороде княжил только один Юрий — внук Александра Невского и старший брат Ивана Калиты московский князь Юрий Данилович. Но он действовал в первой четверти XIV века и был убит в Золотой Орде своим соперником тверским князем Дмитрием Михайловичем ещё в 1325 году. Для слоя середины XIV века грамота времени князя Юрия как будто несколько старовата. Хотя, впрочем, нет ничего невозможного в том, что её какое-то время хранили, прежде чем выбросить. И чем позже её выбросили, тем важнее должно оказаться её содержание. Но может ли так случиться? Если бы грамота долго хранилась, высыхая, она не могла бы иметь такой отличный вид.

...Сомнения, надежды и предположения сменяют друг друга, пока грамота, медленно восстанавливая эластичность и смывая шестисотлетнюю грязь, плавает в кипятке. Но вот она в последний раз промыта кистью, просушена полотенцем, зажата между стёкол. Можно читать.

Однако сначала окинем её взглядом. В каком состоянии дошла она до нас? Целиком ли сохранилась или утратила часть своего текста? Насколько чётко написана?

Да, она сохранилась почти целиком. Слева отрезана узенькая полоска, уничтожившая по одной-две буквы в начале первых пяти строк, но эти буквы, по-видимому, удастся восстановить по смыслу. Небольшой разрыв наверху в середине грамоты уничтожил по три-четыре буквы в первой и второй строках. Несколько небольших прорывов есть и в других местах текста, но они вряд ли смогут существенно помешать чтению. Письмо написано чётким красивым почерком, не лишённым изящества. С особым вкусом его автор выписывает буквы «у» и «з», позволяющие делать росчерки.

Давайте всё же читать: «...ригориі ко Дмитроу...». Первые две буквы отрезаны, но их легко восстановить: «От Григориі ко Дмитроу...». Предлог «от» писался тогда через давно вышедшую из употребления «омегу» (ω), над которой изображали маленькую «т» — две буквы (Ϝ) умещаются там, где современный читатель видит место лишь для одного знака. Значит, автором пись-

РНГОРНКАМНТАОСМ
 ВАРДНМЄЖЄВРНАКНАЗА
 ОМЪШАТНЄНСПАКОСТНКАВАНЄ
 НПОНСАДАННАДНЄСКН+ВОЗМ
 АТЪТОГОРАЗНАН ДАОМЪЗДО
 ЧННАУЗДОЖЄБДОЗМОЖЄШН
 ПСОБЛАТМНЪННМО
 ПДОБЪНТЪХОДННЄБДНСАМН
 РАВЕЗАЛЕНА
 ЗАПОСЛАВЕКОРАЛЕНАКАА
 НОМДРЕА
 СОБНПАНСАВЕНАВОЗМНА
 ПІАСКНО
 ПІАШНЄПІАСКНО
 МЕНАВЕСТЪПЄРЄ
 МЕНАВЕСТЪПЄРЄ

КНКАГАЛАКРНВЧА:Г:ККННЧЪКН
 ГОЛАНАОВЪНВЛАНДНКОЛЪ
 ПОЛОРКБЛАН:Б:ККННЧЪКЛЪ
 НКАВЛАНДНКОЛЪЗБЪЛО:КФ
 НАНПАКАТАКА:Т:БЪЛО:КЗА
 ХААННІВКАНННЧАПОЛОСО
 РОКАНЄ
 НН:Б:БЛО:ККННЧН:Б:ККНН
 ЧН:КМННКНТЪНСТОВННН
 ККБЛАНН:Б:ККННЧЪКЛЕТ

Грамоты № 286 и 278

ма и владельцем красивого почерка был Григорий, а адресатом Дмитр. О чём же пишет Григорий Дмитру?

Здесь, в самом начале письма, нас ждёт первая существенная трудность: отсутствие трёх букв, уничтоженных прорывом в грамоте. Сохранившаяся часть строки выглядит так: «М...орове». Естественнее всего предположить, что Григорий спешит поделиться с Дмитром известием о самочувствии: «М(ы зд)орове». Оставим это чтение как временное, чтобы вернуться к нему после того, как узнаем весь текст письма.

Дальше читается гладко: «А ты ходи, не бойся». Куда ходить? И чего не бояться? Ничего не скажешь, в письме появляется интрига! Ага, вот в чём дело: «Миро взяле...». Всё ясно. Дмитр должен был куда-то идти, но там не было мира, а теперь мир заключён, и можно идти не опасаясь.

Продолжаем читать: «Миро взяле на...». Снова разрыв, но на этот раз только в одну букву: «...тарои меже Юрия князя...». Этот пропуск заполняется легко: «Миро взяле на старои меже Юрия князя...». Теперь нужно остановиться и обдумать прочитанное. О чём же здесь всё-таки идёт разговор?

Несомненно, о заключении какого-то мира, условием которого оказалось признание старой границы («старой межи»), установленной ещё при князе Юрии. Для нас это сообщение имеет и второй важный смысл. Мы увидели, что упоминание князя Юрия в грамоте не было прижизненным, что это имя связывается с прошлыми событиями. А это значит, что наше сомнение, не противоречит ли упоминание князя Юрия условиям находки, неосновательно. Грамота относится ко времени более позднему, чем 1325 год.

О каком же мирном договоре сообщает Григорий Дмитру? Ответить на такой вопрос — значит не только точно датировать грамоту, но и понять, с какой целью Григорий написал письмо, разобраться в его дальнейших сообщениях. А там ещё четыре с половиной строчки текста — втрое больше, чем мы прочли.

Очевидно, нужно внимательно просмотреть летопись и другие источники, выяснить, с кем воевал и с кем заключал мир князь Юрий. А потом поискать в позднейшем времени, но в пределах XIV века ситуации, которые оказались бы сходными с теми, какие были при Юрии.

Юрий Данилович воевал всю свою жизнь. Только в тот период, когда он был новгородским князем, он вёл кровопролитные войны со своими соперниками — тверскими князьями, с которыми и мирился неоднократно. Он воевал и заключал мир также со шведами, на которых новгородцы под его предводительством ходили дважды — в 1322 и 1323 году. Наконец, его поход в 1323 г. в Заволочье, на Двину, на устюжских князей закончился подпи-

санием мира. Один из мирных договоров князя Юрия сохранился, правда, не в подлиннике, а в позднейших копиях. Это известный «Ореховецкий договор» с Швецией, заключённый 12 августа 1323 года в крепости Ореховец в истоке Невы.

В каком-то из договоров Юрия и названа та «межа», которую потом, именуя ее «старой межой Юрия князя», подтвердили при заключении нового мирного договора. Но где была эта межа? Между новгородскими и тверскими землями? Или это рубеж, отделяющий новгородские земли от шведских владений, северо-западный рубеж Новгородской земли? Или это межа между владениями Новгорода и землями Устюга? Заглянем дальше в текст нашей грамоты. Не поможет ли он увереннее вести поиски?

Мы дочитали до слов: «... на старой меже Юрия князя». После них на бересте снова разрыв в три-четыре буквы. А потом именно те слова, которые нам так нужны: «...ня послале кореле...». Гадательно заполняем разрыв: «(А ны)ня послале кореле...». Главное здесь для нас — упоминание карел. Оно означает, что мир, о котором пишет Дмитру Григорий, заключен не на тверских рубежах и не в Заволочье, а там, где живут карелы, — на северо-западной границе Новгородской земли, в тех областях, где новгородские интересы сталкивались со шведскими. В таком случае из мирных договоров князя Юрия нам интересен только один — договор со Швецией.

Нам очень повезло. Именно этот договор — единственный из мирных договоров князя Юрия — сохранился до нашего времени. Отложим пока в сторону берестяное письмо Григория и вчитаемся в строки Ореховецкого договора 1323 года. Вот его торжественное начало: «Се язъ князь великыи Юрги с посадникомъ Алфоромеемъ и с тысяцкимъ Авраомъ, съ всемъ Новымъ-городомъ докончали есмь съ братомъ своимъ съ княземъ свеискымъ с Манушемъ Ориковицемъ» — «Это я князь великий Юрий с посадником Варфоломеем и с тысяцким Авраамом, со всем Новгородом заключили мир с братом своим с князем шведским Магнусом сыном Эрика».

«А приехали от свеиского князя послове Гернкъ Дюуровиць, Геминки Оргисловиць, Петръ Юншинъ, попъ Вымундерь; а ту были от купецъ съ Готского берега Людвикъ и Федоръ и докончали есмы миръ вечный и хрестъ целовали. И да князь великыи Юрги со всемъ Новымъ-городомъ по любви три погосты: Севилакшю, Яскы, Огребу — корельскыи погосты. А розвод и межа...». Вот то, что нам нужно: «А розвод и межа...» — описание границы между новгородскими и шведскими землями, установленной договором князя Юрия.

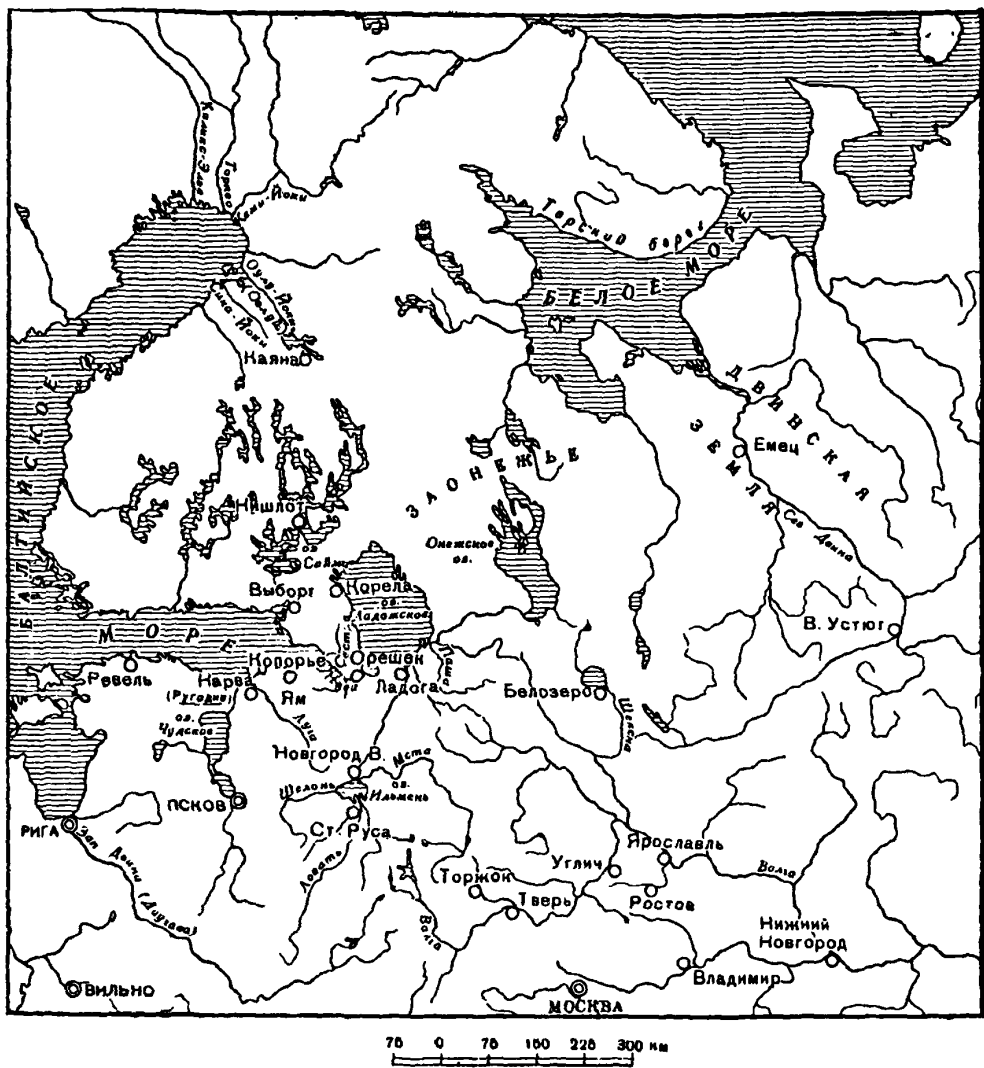
«А розвод и межа: от моря река Сестрея, от Сестрее мохъ, середе мха гора, оттоле Сая река, от Сае Солнечный камень, от

Солнычного камня на Чермьную щель, от Чермной щели на озеро Лембо, оттоле на мохъ на Пехкеи, оттоле на озеро Кангасьерви, оттоле на Пурноярви, оттоле на Янтоярви, оттоле Торжеярви, оттоле Сергилакши, оттоле Самосало, оттоле Жити, оттоле Кореломкошки, оттоле Колемакошки, оттоле Патсоеки, оттоле Каяно море». «Межа князя Юрия» проложена через девятнадцать пунктов. Она начинается у одного моря и заканчивается у другого. Нам нет нужды прокладывать по карте эту межу через все девятнадцать пунктов. Дело это сложное и не всегда возможное. Многие пункты спустя шестьсот лет утратили свои старые наименования. Да и что, например, можно сделать с таким указанием: «мох (болото), а посреди мха гора»? Однако начальный и конечный пункты этой границы установить нужно.

Начальный пункт легко найти и на современной карте. Река Сестра течёт на Карельском перешейке и впадает в Финский залив Балтийского моря. А вот что такое Каяно море, в которое «межа князя Юрия» упиралась своим противоположным концом? Этот вопрос потруднее, однако летописи помогают ответить на него.

Спустя более полутора столетия после заключения Ореховецкого договора, когда Новгород уже потерял независимость и стал частью Московского государства, в 1496 году, московский князь «осподарь всея Руси» Иван III послал своих воевод «за море Немец воевати Каян». Во время этого похода, увенчавшегося успехом, московская рать повоевала реки Кемь, Торму, Колокол, Овлуй, Сиговую, Снежну, Гавку, Путаш и Лименгу. Разыскав на карте эти реки, мы сможем установить местонахождение «Каянской земли», а около неё и «Каяна моря». Большинство этих рек называется так и сейчас. Вот некоторые из них: «Кемь» — Кеми-Йоки («Йоки» — по-фински «река»), «Торма» — Торнио-Йоки, «Колокол» — Каликс-Эльв, «Овлуй» — Оулун-Йоки, «Сиговая» — Сика-Йоки, «Лиминга» — Лимигоя. Все эти реки находятся в северной Финляндии, впадают в Ботнический залив Балтийского моря, а рядом с ними мы видим на карте современный финский город Каяни. Единственное море, омывающее эту землю, — Ботнический залив, который, следовательно, и должен быть отождествлён с «Каяным морем». Кстати, и один из ближайших к Каяну морю пунктов «межи князя Юрия» — Колемакошки — связывается с районом озера Колимаярви, расположенного недалеко от побережья Ботнического залива.

Итак, конечный пункт «межи князя Юрия» находился на северо-восточном побережье Ботнического залива. Всё, что располагалось к юго-западу от линии река Сестра — Каяно море, принадлежало Швеции; всё, что было расположено к северо-востоку от этой линии, принадлежало Новгороду.

Карта Новгородской земли и прилегающих территорий

Вернёмся теперь к берестяной грамоте № 286. Пока мы выяснили только, что имел в виду Григорий, говоря о «старой меже Юрия князя». Ни время написания этого письма, ни обстоятельства, в которых оно было написано, нам ещё не известны. Чтобы эти обстоятельства установить, нужно узнать, как развивались события на шведской границе Новгородской земли после заключения князем Юрием Ореховецким мира.

Сначала мирная обстановка на границе упрочилась. Спустя три года после заключения Ореховецкого мира Магнус, который был не только королём Швеции, но владел также и Норвегией,

заклучил с Новгородом ещё один мирный договор — от имени Норвегии. Этот договор подтвердил правильность существующего рубежа между Новгородом и норвежскими владениями Магнуса от Ледовитого океана до стыка норвежских, шведских и новгородских границ. «Также, если норвежцы в течение последних лет перешли древнее означение или рубеж земель, — говорится в этом договоре, — то должны оставить и отдать русским их землю по крестному целованию. Также новгородцы не должны переходить древнее означение и рубеж земель, по крестному целованию, а если перешли, должны точно так же отдать норвежцам их землю».

В течение следующих одиннадцати лет на северных границах Новгородской земли царит мир. В 1333 году принадлежащие Новгороду города Ладогу в низовьях Волхова, Ореховый в истоке Невы, Корельский на Ладоге (позднее он назывался Кексгольмом, а сейчас Приозерском), Карельскую землю и половину города Копорье новгородцы дают в кормление литовскому князю Наримонту Гедиминовичу, только что принявшему крещение и пожелавшему служить Новгороду.

В 1337 году, однако, миру приходит конец. Зимой в исходе 1337 или в начале 1338 года, рассказывает летописец, карелы подвели немцев (так летописец называет шведов) и побили новгородцев много, и купцов из Ладоги, и тех христиан, которые жили в Корельском городке, а сами побежали в Немецкий городок и в нём тоже перебили много христиан.

Весной новгородцы во главе с посадником Фёдором Даниловичем пришли на Неву в Ореховый и вели переговоры с шведским воеводой Стенем, но не добились в этих переговорах успеха и вернулись в Новгород. Шведы после этого начали опустошать Обонежье, сожгли посад в Ладоге, но крепость взять не сумели. В ответ «молодцы новгородские с воеводами» опустошили земли вокруг Немецкого городка. Шведы из Городка, дождавшись ухода «молодцов», вышли из своих укреплений и попытались захватить Копорье, но встретили здесь решительный отпор.

Все эти события происходили на протяжении 1338 года вплоть до зимы, когда в Новгород пришли из Выборга послы, заявившие, что размирье с Новгородом произошло без ведома короля Магнуса, что «всё то подеял Стень воевода о своём уме». Удовлетворённые таким объяснением, новгородцы, как сообщает летописец, послали «Кузму Твердиславица и Олександра Борисовица посольством, и привезоша мир, доконцавше по тому миру, что доконцали с великим князем Юрьем в Неве».

Вот, показалось сначала, мы и добрались до искомой истины. Новгородские послы зимой 1338/1339 года заключили мир со шведами, подтвердивший правильность и действенность бо-

лее раннего мирного договора, заключённого при князе Юрии. Значит, и нашу грамоту нужно датировать 1339 годом. Не следует, однако, торопиться. Лучше полистать летопись дальше. Спустя ещё двенадцать лет, в 1351 году, новгородцы снова идут в поход на Выборг, а затем в городе Юрьеве (нынешнем Тарту) снова мирным договором регулируют отношения с Швецией, восстановив исходную ситуацию. С решением вопроса о том, как датируется письмо Григория, нам придётся немного подождать. А сейчас вернёмся к чтению этого письма.

«(А ны)ня послале кореле на Каяно море а...». Дальше небольшой разрыв и после него слова: «...омешаі, не испакости каянецамо, ни соби присловия возми». По смыслу разрыв заполнить нетрудно: «а (не п)омешаі, не испакости...». Григорий сообщает, что нынче к карелам отправили гонцов на Каяно море, и, когда Дмитр прибудет к карелам, ему надо вести себя осмотрительно, чтобы не навредить каяничам и чтобы себе не заполучить дурной славы. Употреблённое в грамоте выражение «присловие» убедительно разъяснил А. А. Зализняк, указав его значение в словаре В. И. Даля: присловье (псковск.) — худая молва о ком, недобрая слава.

Конец письма почти не вызывает затруднений: «А(же л)и поимало дани лонескиі, возми і моі. А уцюеши, а не поіду к Но(..), і ты тогодь иди. А дома здорово. А на меня вестеі перециня(і) цто. Аже возможеши, пособляі мне цимо» — «Если ты уже собрал прошлогоднюю дань, собери и за меня. А узнаешь, что я не пойду к Но(су? или к Ною? — какому-то обусловленному месту встречи), тогда ты иди. А дома всё в порядке. А ко мне кое-что из вестей переправляй. Если сможешь, помогай мне чем-нибудь».

Теперь, как видим, многое прояснилось. И Григорий, и Дмитр — оба сборщики дани с подвластных Новгороду областей. Такие сборщики дани в древней Руси назывались «данниками». Новгородская летопись ещё под 1169 годом упоминает некоего Даньслава, который ходил на Двину за Волок «данником с дружиною», а под 1216 годом в той же летописи сообщается о смерти в бою Семена Петриловича — «терьского данника». Терский данник собирал дани на Терском берегу — так назывался тогда южный берег Кольского полуострова. А Григорий и Дмитр были «карельскими данниками» Новгорода, собиравшими дани на Карельском перешейке, а может быть, и по всему шведскому рубежу Новгородской земли.

Вот мы и дочитали нашу грамоту до конца. Из-за её шести строк перед нами встали поросшие соснами дали озёрной Карелии, мшистые скалы Финляндии, свинцовые волны Ботнического залива — Каяна моря, пламя жарких схваток на далёких северных рубежах Новгорода, санные обозы шведских послов на снежных дорогах Новгородской земли, посольские ладьи новго-

родцев и два новгородских «данника» Григорий и Дмитр, о которых ни один человек в мире не знал ровным счётом ничего на протяжении последних пяти столетий, хотя им было что рассказать о своём времени.

Наше знакомство с Григорием на прочтении его письма не кончается. Просматривая другие грамоты, найденные на усадьбе «Е» и поблизости от неё в слоях XIV века, мы невольно остановимся на берестяной записке № 278, которая привлечёт наше внимание теми же лихими росчерками букв «у» и «з», какие нам так понравились в письме Григория. Сравнивая последовательно все буквы в грамоте № 278 и только что прочитанном письме Григория, мы уверенно можем сказать: да, это почерк одного человека, знакомого нам карельского «данника» Григория. Обе грамоты найдены хотя и не в один день, но в одну неделю. Их разделяют какие-нибудь восемь метров по прямой. О чём же пишет Григорий в этой своей по какой-то причине оставшейся недописанной записке? А вот о чём:

«У Икагала у Кривца 3 кунице. У Иголаидовеи в Лаидиколе поло рубля и 2 кунице. У Леинуя в Лаидиколе 6 бело. У Филипа у деяка 30 бело. У Захарии в Калиница поло сорока и 5 бело. У Сидуя у Авиници 4 куници. У Миките исто в Нои у Еванова 6 куници. У Муномела в Куроле у Игалина брата поло рубля и 2 кунице. У Лег...».

Как видим, это список повинностей. Белы и куницы, которые в нём упомянуты, — названия денег того времени. Имена, названные в записке, в большинстве своём карельские: Икагал, Иголайд, Лейнуй, Сидуй, Муномел, Игал. Названия населённых пунктов — Лаидикола, Курола — тоже карельские. Можно догадываться, что русские имена принадлежат крещёным карелам. Во всяком случае, Икагал, жена Иголайда, Лейнуй и остальные карелы с языческими именами живут в местности, где имеется православная церковь. Ведь среди прочих лиц в грамоте назван и дьяк Филипп. Именно так должны выглядеть «рабочие списки» сборщиков дани. Названо здесь и некое селение «в Нои», — не в нём ли намечалось место встречи данников Григория и Дмитра?

Тщательный анализ почерков позволил А. А. Медынцевой и голландскому лингвисту В. Вермееру независимо друг от друга выявить девять берестяных текстов Григория. Из их числа ещё три имеют прямое отношение к его карельской деятельности.

Грамота № 130: «У Вигаря 20 локото хери безо локти. У Валита в Кюлолакши 14 локти хери. У Ваиваса у Ваякшина 12 локти водмолу и поло третиянацате локти хери. У Мелита в Куроле 4 локти хери». Здесь повинности карел исчислены в тканях: «херь» или «серь», а также «водмол» — названия двух сортов небелёного домотканого сукна.

Грамота № 281: «Поклоно от Наума и от Григории к даннику новгородецдему и к новгородцамо, кто изгодидце тамо. Послале есме свои люди 3 целовеке свои...» — «Поклон от Наума и от Григория даннику новгородскому и новгородцам, кто окажется там. Я послал своих людей, трёх человек...». Это, надо полагать, фрагмент переписки между данниками в связи с возникновением каких-то непредвиденных обстоятельств. Обратим внимание, что, поскольку сбор повинностей был делом непростым, данники выполняли свою функцию в сопровождении целых отрядов, иначе откуда бы им взять «своих людей трёх человек»?

Грамота № 403 найдена не при раскопках, а случайно в строительном котловане рядом с Неревским раскопом. Её текст состоит из двух частей. Сначала привычная запись повинностей: «У Марка коробея. У Гымуева брата полуторе белки в Сандалакши. У Мунданахта 2 беле. У Пюхтино коробея. То в Погии у наймита белка». Вторая часть (это выяснил Евгений Арнольдович Хелимский) — маленький словарь, в котором для русских слов указаны их прибалтийско-финские значения: «соромо» (срам, стыдно) — «гулкия» (hylkiä — брезговать, гнушаться), «вели» (прикажи) — «кяски» (käske — прикажи), «кисело» (кислый) — «хапала» (hapan — кислый), «социле» (требовал) — «кюзу велека» (kysyi velka — требовал долг), «церево» (живот) — «кохти» (kohtu — живот). Очевидно, Григорий мог немного объясняться с карелами, так как внёс в свой словарь не самые ходовые слова.

А теперь нам следует сделать три важных уточнения. Первое — географическое. Лайдикола, Курола, Кюлолакша, Сандалакша, Погия (Погицы) отыскиваются на Карельском перешейке, в Задней Кореле, в Богородицком Кирьяжском погосте. Следовательно, именно этот участок был подведомствен данникам Григорию, Дмитру и Науму. Второе уточнение — хронологическое. Девять писем Григория в стратиграфической системе усадьбы «Е» занимают хронологическую нишу от начала 50-х до начала 80-х годов XIV века. Значит, и письмо Григория Дмитру следует датировать не 1339, а 1351 годом. Третье уточнение. Григорий в момент написания письма, несомненно, находился при новгородской делегации, подписавшей мир в Юрьеве, и направлялся на Карельский перешеек. И Дмитр получил его письмо не в Новгороде, коль скоро Григорий сообщает ему о том, что дома всё благополучно; может быть, он ожидал улучшения обстановки где-то вблизи Карельского перешейка. Поэтому логичнее восстанавливать одно из утраченных мест грамоты № 286 не «М(ы зд)орове», а, например, «М(ы в Н)орове» — «Мы в Нарве».

Глава 5 Ещё «карельские» грамоты

Кроме пяти берестяных грамот с карельскими именами и местностями Карельского перешейка, о которых только что было рассказано, экспедиция добыла на Неревском раскопе ещё три письма того же происхождения. Эти три грамоты найдены на усадьбе «Е», но две из них обнаружены в слоях самого конца XIV века, а одна извлечена из слоя середины XIII века.

Разложим-ка теперь на столе все восемь этих грамот и посмотрим, что из этого получится. А получается то, что из восьми грамот шесть происходят с усадьбы «Е». Если при этом учесть, что из остальных двух одна найдена вне раскопа, а другая в древности была выброшена на улице, то ту же мысль можно выразить ещё определеннее. На восьми из раскопанных полностью или в значительной своей части усадеб не было найдено ни одной грамоты, своим содержанием связанной с Карельским перешейком, и только на усадьбе «Е» такие грамоты встречены. И встречены в заметном количестве. Элемент случайности тут роли играть не может. Ведь на Неревском раскопе и около него найдено свыше четырёхсот берестяных грамот, а интересующие нас концентрируются только на одной усадьбе.

Если бы все эти грамоты нашли в одном слое, всё было бы понятно. Мы сказали бы, что это часть переписки одного человека, тесно связанного с Карелией. Но тут этого не скажешь: разброс их дат достигает полутора столетий. Следовательно, с Карельским перешейком была тесно связана целая усадьба, а не один человек. И связь эта не прекращалась на протяжении нескольких поколений.

О характере этой связи в середине — третьей четверти XIV века мы уже знаем. Тогда с усадьбой «Е» были связаны «карельские данники». Эта переписка имела служебное значение. Однако оказалось, что и более поздние «карельские» письма связаны с принадлежностью усадьбы «Е» карельским данникам Новгорода. Об этом сообщили две грамоты конца XIV века, найденные на той же усадьбе.

Эти две грамоты обнаружены дождливой осенью 1956 года, когда раскоп, врезавшийся в толщу наслоений усадьбы «Е» примерно до уровня конца XIV века, уже готовили к консервации на зиму. На линии квадратов, примыкавших к стене раскопа, делались последние подчистки, упаковывались коллекции для от-

правки в Москву. Ещё работал насос, но через день-другой воду, заливающую раскоп и дружно проклинаемую всей экспедицией, перестанут откачивать. Ей некому будет мешать в работе. Напротив, она надёжно сохранит до будущего года недокопанный культурный слой. Скоро можно будет сбросить надоевшие брезентовые плащи... И вдруг: «Грамота!»

Пятьдесят четвертый раз в этом году звучал над раскопом ликующий крик «Грамота!» Грамота! И не одна, а сразу две в одном комке. Обе, к сожалению, не сохранились полностью. Что ж! Мы хорошо знаем, что иногда и обрывок стоит целого письма.

Внимание! Читаем грамоту № 248: «Беють челомъ корила погоская Кюлолаская и Кюриеская Господину Новугороду. Приобижени есмь с немечкоі половине. Оцтина наша и дидена отимана оу Вымолчовъ господъ. А имали кречетея... лопь, і вьржи пограбиле, а сами есмь...»

Сразу же переведём, чтобы не мешали непонятные слова: «Бьют челом карелы Кюлолакшского и Кирьяжского погостов Господину Новгороду. Нам нанесён ущерб (людьми) из немецкой (то есть шведской) половины (Карелии). Отцовское наше и дедовское захвачено вымолецкими господами. А забрали кречетов... и верши (рыболовные снасти) ограбили. А мы сами...».

А о чем написано в другой грамоте — № 249? Да всё о тех же обидах: «Оу Питина сына оу Игале и оу Миките третьего лета... на 14 рубле». Грамота начинается как бы с середины фразы, хотя её первая строка не оборвана. Это страница из длинного письма, написанного на нескольких листах бересты. Такие странички из других писем встречались при раскопках и раньше. Судя по дальнейшему тексту, в начале страницы рассказывалось, как у Игалы Питина сына и Микиты в позапрошлом году («третьего лета») было отнято имущество на 14 рублей.

Читаем и переводим дальше: «Микулинь человекъ Стень на... Коневыхъ Водахъ оу Жябия Носа оуби(ле оу) нась ...вуета сына и Кавкагалу. А оузяле товара на 10 рублевъ». Здесь всё ясно: Микулин человек Стень с кем-то из своих дружков убил Кавкагалу и другого карела, имя которого не сохранилось в грамоте полностью, и захватил товара на 10 рублей. Это случилось на Конёвых Водах у Жабья Носа.

Дальше всё читается без разрывов: «Киреевъ сыно и Новзе лопинь лоне оу Гювиева сына оу того жь Жябея Носа приехавше севилакшане 8 человек взяле товара на 5 рублевъ і лотку. На тых жь Коневыхъ Водахъ оу Мундуя оу Вармина сына взяле 10 лендомъ рыбь...» Грамота оборвана. От следующей строчки видны только самые верхушки букв.

О чём же всё-таки рассказывается в этих двух грамотах? Чтобы разобраться в запечатлённых в них событиях, вернёмся ко вре-

мени князя Юрия Даниловича, к войне 1323 года и договору, заключённому между новгородцами и шведами на Ореховом острове в истоке Невы.

В этом договоре не только описана «межа князя Юрия», в нём содержатся и другие установления, призванные регулировать жизнь карел на границе Новгородской земли и Швеции. Вот одно из них: «И да князь великий Юрги со всемъ Новымъгородомъ по любви три погосты: Севилакшю, Яскы, Огребу — корельский погосты». Желая устранить причину постоянных столкновений на границе, новгородцы передали Швеции три карельских погоста, до тех пор принадлежавших Новгороду. Их финские названия: Саволакс, Яскис, Эврюня. Эти три погоста составляли западную часть Карельского перешейка, а восточная его часть оставалась под новгородским управлением.

Вот другое из этих важных установлений: «А что нашихъ погостовъ новгородскихъ воды, и земле, и ловищъ: Уловежи половина во всемъ, Ковкукали половина, Ватикиви половина, Сумовиси половина, Уксипя половина, Урбала половина, Кедевя шестая часть бобровъ, Кунустани шестая часть бобровъ; за рубежемъ — а то всё к Новугороду». Здесь перечисляются принадлежавшие новгородским карелам земли, рыбные ловли и бобровые угодья, находящиеся за «межой князя Юрия». Туда безотказно шведы должны были пускать новгородских подданных за своей долей урожая и промыслов. А отсюда следует, что хозяйственные взаимоотношения на границе были сложны и опасны новыми столкновениями из-за определения доли доходов.

В грамоте № 249 перечислены такие столкновения. В ней вспоминаются обиды, нанесённые новгородским карелам на протяжении последних трёх лет. Главным местом действия в этих столкновениях оказываются Конёвы Воды у Жабья Носа. Такой пункт хорошо был известен в древнем Новгороде. В 1534 году новгородский архиепископ Макарий, сетуя на нетвёрдость в христианской вере подвластного населения финноязычных областей, перечислял районы, жители которых продолжали молиться языческим кумирам. Вот некоторые из этих областей: «... от Норовы реки до Невы реки и от Невы реки до Сестрии реки, до рубежа свейских Немец, и от всей Карельской земли и до Коневых Вод и за Нево езеро великое, и до каянских Немец рубежа...». Конёвыми Водами назывался один из плёсов на озере Сайма. Сейчас это плёс Оривеси. По-фински «ори» значит конь, а «веси» — вода. На Оривеси находились богатые рыбные ловы.

Теперь обратите внимание, на кого жалуются в грамоте № 249: «В прошлом году у Гювиева сына у того же Жабья Носа севилакшане, приехав ввосьмером, отняли товара на 5 рублей и лодку...». Вот кто, оказывается, виноват в обидах, перечисленных карела-

ми в их берестяном письме: севилакшане, жители Севилакши, одного из трёх бывших новгородских погостов, уступленных «свейским немцам» в 1323 году. Авторы письма действительно «приобижены с немецкой половины».

«Приобижены с немецкой половины...». Но ведь это из другого письма, из грамоты № 248. Однако и в ней жалобы того же рода. Рыболовные верши пограблены у жителей Кюлолакши и Кирьяжского погоста, кречеты отняты у карел-охотников, притеснениям они подверглись на земле отцов и дедов, «приобижены с немецкой половины». Может быть, и семья Валита приобижена? Помните, о нём говорится в грамоте № 130: «У Валита в Кюлолакши 14 локти хери?»

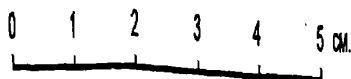
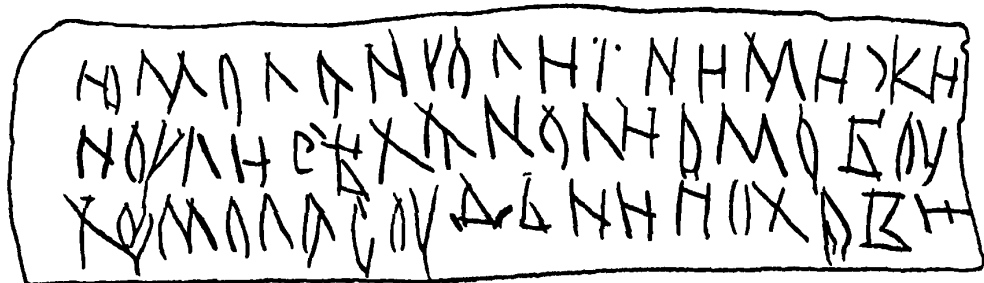
А теперь остаётся сказать, что обида новгородских карел не осталась неотомщённой. Новгородцы собрали войско и под водительством своего служилого князя Константина Белозерского выступили в поход на «свейских немцев». Ну уж этого-то в грамотах нет, заметит любой читатель, это придумано, чтобы рассказ о двух последних находках 1956 года не остался без конца. Да, в грамотах этого нет, но давайте ещё раз сопоставим наши берестяные письма с летописными сообщениями.

Берестяные грамоты № 248 и 249 обнаружены в напластованиях шестого яруса, который, по данным дендрохронологии, датируется 1396–1409 годами. Вот о чём рассказывает под этими годами новгородская летопись:

«В лето 6904 (это соответствует 1396 году в нашем летосчислении)... Того же лета пришедше Немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста: Кюрьескийи и Кюлоласкийи, и церковь сожгоша; и князь Костянтин с Корелою гнася по них, и язык изима и присла в Новьгород».

Видите, как краток летописный рассказ. И сколько добавили к нему берестяные грамоты, которые и сохранились-то не полностью, а в обрывках. Мы увидели, как исподволь, долгие годы испытывалось терпение жителей Кюлолакши, и Кирьяжского погоста, и Конёвых Вод, и как в критический момент они обратились за помощью в Новгород, для которого они были не только плательщиками дани, но и союзниками и который был для них не только господином, но и защитником.

По-иному мы смотрим теперь на живших в усадьбе «Е» карельских данников. Их обязанности не сводились к сбору даней и выколачиванию недоимок. Они внимательно следили за положением в подведомственном им районе. К ним поступают не только дани, но и жалобы. И как бы непрезентабельно ни выглядели наши две грамоты, от остальных их отличает одно важное свойство: главную свою роль они сыграли не в XX веке в качестве исторического источника, а в конце XIV века, когда их получе-

Грамота № 292

ние в Новгороде заставило звонить в вечерной колокол, собирать дружину и скакать неближним путем, чтобы отомстить за обиды Игалы Питина, Гювиева сына и Мундуя Вармина.

И ещё несколько слов о карельской грамоте, найденной в слоях середины XIII века. Это грамота № 292. На ней надпись в три строки: «Юмалануоли 10 нимижи ноули се хан оли омо боу юмо-ла соудьни иохови».

Не очень понятно? Представляете, какие лица были у сотрудников экспедиции, когда, развернув грамоту, они пытались постигнуть, о чём же здесь речь? Смысл этого текста был понят Ю. С. Елисеевым, а последняя версия его прочтения принадлежит известному специалисту в области финской филологии Е. А. Хелимскому. Вот его перевод: «Божья стрела, 10 имён твоих. Стрела сверкни, стрела выстрели. Бог судный так производит (правит)».

Это заклинание, языческая молитва. Одна из тех, какие возбуждали негодование архиепископа Макария триста лет спустя. Пережитки язычества в XIII–XV веках в Новгороде были очень устойчивы даже в среде православного населения. Об этом, в частности, говорят нередкие при раскопках находки деревянных фигурок домовых. Так что ничего принципиально нового для представлений о средневековом Новгороде грамота № 292 не давала. Но не было людей счастливее лингвистов-финноугроведов, когда нашли эту грамоту. Дело в том, что она на триста лет старше всех известных сейчас текстов, написанных по-фински или по-карельски. Правда, неплохая находка?

Итак, восемь разновременных «карельских» грамот на одной усадьбе. Полтораэта лет усадьба «Е» была тесно связана с Карельским перешейком. Думается, что эта связь достаточно прочна, чтобы сделать важный для нас вывод о наследовании должности данника в средневековом Новгороде. Право собирать дани в опре-

делённом районе, в нашем случае на Карельском перешейке, принадлежало определённой семье, которая поддерживала это право и охраняла его.

Этот вывод оказалось возможным подтвердить ещё одной группой берестяных грамот Неревского раскопа.

Первая из них — № 2 — была найдена ещё в 1951 году в слое конца XIV века; она написана на двух сторонах бересты: «Мекуевь бела росомуха. У Фоме 3 куници. У Мики 2 куници. У Фоме Сохудаль дару куницу. Вельяказа 4 куницаи. Гугморо наволоки куница. У Мятещи 2 куници. У Вельютовыхо 2 куници. У Воземута 2 куници. У Филипа 2 куници. У Наместа 2 бели. У Жидили куница. Воликомо Острове куница. // У Вихтимаса 2 белоки. У Гостили 2 куници. У Вельюта 3 куници. У Лопинкова 6 бело».

Снова карельские имена, но ведь Карелия — огромная страна. И названия местностей, фигурирующих в этой грамоте, обнаруживаются совсем в другом районе — в восточном Обонежье, в Водлозерском погосте: имеется в Водлозере Великий Остров и Гугмор наволок, а также Гостилов наволок (сравните с именем Гостила, за которым числятся две куницы). Но эта грамота не имеет никакого отношения к усадьбе «Е». Она найдена на соседней усадьбе «Б», располагавшейся на перекрёстке Великой и Холлопьевой улиц. Это обстоятельство понуждает обратиться к другим грамотам усадьбы «Б». В грамоте № 19 20-х годов XV века упомянута река Водла, впадающая в Водлозеро. А в грамоте № 131 конца XIV века её автор упоминает Пудогу (ныне город Пудож) в восточном Обонежье, реку Оять — левый приток Свири, озеро Сямозеро и реку Шую, находящиеся в западном Обонежье.

Отсюда достаточно определённый вывод. Если усадьба «Е» была связана с Карельским перешейком, то семья, живущая на соседней усадьбе «Б», имела такие же прочные связи с другим районом Карелии — Обонежьем.

Если бы меня спросили, какое событие в Новгородской экспедиции было самым значительным после открытия берестяных грамот 26 июля 1951 года, я бы ответил: конечно, находка грамоты № 94 6 августа 1953 года.

Эта находка впервые слила воедино два мира, до тех пор лишь соприкасавшихся друг с другом, — мир летописных событий русской средневековой истории и мир вещественных, археологических источников. До этой находки разница в подходе к своим источникам у археологов, работающих с памятниками материальной культуры, и историков, изучающих письменные документы, несмотря на общность конечной цели, была более чем значительна.

Собственно историки постоянно изучают события и факты, тесно связанные с именами тех или иных людей. Для них раскрытие закономерностей исторического процесса по существу невозможно без скрупулёзного анализа деятельности конкретных исторических лиц. Археологи же поступательный ход истории исследуют не по поступкам людей, имена которых хорошо известны, а по отражению закономерностей исторического процесса в памятниках материальной культуры, знакомясь с орудиями труда, жилищем, утварью, остатками пищи, одежды, украшениями — всей бытовой обстановкой, окружавшей человека в древности. Сцена истории для историков была наполнена действующими лицами, но лишена декораций. А для археологов она была беспорядочно загромождена самыми разнообразными — в большинстве сломанными — предметами. И пока действие не началось, археологи пытались представить себе содержание пьесы, внимательно разглядывая её декорации.

Сигнал к началу действия прозвучал 26 июля 1951 года, когда на сцену одно за другим стали выходить действующие лица. Проскакал Человек на жеребце и привёз Борису забытую рубашку, Пётр попросил Марью прислать ему список с купчей грамоты, Онанья потребовал у Федосьи пива, потом печальная Настасья оплакала с детьми своего мужа... Действие разворачивалось, новые актёры появлялись из-за кулис, но это не те действующие лица, которые по письменным источникам — летописям и актам — уже были известны историкам. Те продолжали толпиться за сценой, выхваченные из привычной им обстановки городской усадьбы.

И вот летом 1953 года нашли грамоту № 94. Она была изорвана и не сохранила конца. Но первые её три строчки читались полностью, и в четвёртой можно разобрать несколько слов. Вот её текст: «Биють целомъ крестьяне господину Юрию Онцифоровицу о ключнике, зандо, господине, не можемъ ницимъ ему оудобритися. Того, господине, съ села... господине, гонить, а себе, господине...».

Грамота чрезвычайно интересна по содержанию. Об этом мы ещё подробно поговорим. А тогда, в момент находки, она произвела необычайный эффект именем своего адресата.

Юрий Онцифорович! Это имя хорошо известно в новгородской истории. Его носитель много раз назван в летописи и других письменных источниках. В 1376 году, когда летописец впервые упомянул его в своём рассказе, Юрий Онцифорович в числе других новгородских бояр сопровождал в Москву едущего на переговоры с митрополитом новгородского архиепископа Алексея. Спустя четыре года, в 1380 году, он снова участвует в посольстве, на этот раз отправленном из Новгорода для переговоров с Дмитрием Донским, великим князем Московским и всея Руси. Его дипломатические способности, проявленные во время этих двух поездок в Москву, были по достоинству оценены, и на следующий год, когда из Полоцка пришло известие о нападении Литвы, новгородцы послали к литовскому князю Ягайле заступаться за полочан именно боярина Юрия Онцифоровича.

В 1384 году Новгород использует его организаторские таланты, назначив воеводой на Лугу ставить новый каменный город Яму. Этот город, заложенный Юрием Онцифоровичем, в советское время был переименован в Кингисепп. В 1393 году, когда у Новгорода началось размирье с московским князем Василием Дмитриевичем, Юрий Онцифорович во главе «охочей», то есть собранной из добровольцев, рати идёт воевать княжеские волости.

В 1401 году он снова участник посольства в Москву и Тверь. В 1409 году новгородцы избрали его посадником — главой всей Новгородской республики. Посадником он оставался до самой смерти в 1417 году, одновременно возглавляя новгородские войска и выполняя важнейшие дипломатические поручения боярской республики. В 1411 году он ходил с новгородскими войсками под Выборг, а в 1414 году ездил в Литву заключать мир с князем Витовтом.

Рассказывая о его кончине в 1417 году, летописец сообщает, что Юрий перед смертью был нем год и три месяца: ещё в 1416 году его разбил паралич, от которого он так и не оправился. Летопись повествует также о строительной деятельности Юрия Онцифоровича. Он построил в окрестностях Новгорода Успенскую церковь Колмова монастыря, в которой его и похоронили. О ме-

сте погребения Юрия Онцифоровича, впрочем, известно не из летописи. О нём упомянуто в сохранившемся тексте духовного завещания правнучки Юрия Орины, которая перед смертью отказала своё имущество Колмову монастырю, написав, что на Колмове лежит весь её род начиная с прадеда Юрия Онцифоровича.

Ещё одна подробность из жизни Юрия Онцифоровича была хорошо известна историкам. Однажды, нуждаясь в крупной сумме денег, он продал другому боярину — Михаилу Федоровичу Крюку, жившему в Москве, за девяносто рублей принадлежащее ему село, о чем по всей форме был составлен сохранившийся до наших дней документ. Этим селом было Медное, неподалеку от Торжка, ставшее знаменитым спустя четыреста лет, когда Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» посвятил ему одну из самых горьких и гневных глав.

Берестяная грамота № 94 была обнаружена в слое шестого яруса, то есть самими условиями своего залегания датировалась рубежом XIV и XV веков. И эта дата делала несомненным вывод о том, что найденное в раскопе письмо крестьян послано не человеку, случайно носившему такое же имя, а знаменитому посаднику и дипломату, военачальнику и градостроителю Юрию Онцифоровичу. О том же говорили и все прочие обстоятельства. Адресат назван «господином» — такое обращение встречается в грамотах не часто. Его отчество принадлежит к числу редчайших в Новгороде.

Находка такой грамоты была ~~важным~~ ^{важным} событием для всей экспедиции, но особую радость она доставила Артемию Владимировичу Арциховскому. Ведь еще в 1938 году он выступил со статьей о природе новгородского политического строя, в которой важную мысль о принадлежности государственной власти в Новгородской республике немногочисленным аристократическим родам иллюстрировал пример рода Юрия Онцифоровича. В этой статье были собраны материалы о предках Юрия — его отце посаднике Онцифоре Лукиниче, его деде Луке Варфоломеевиче, его прадеде посаднике Варфоломее Юрьевиче и прапрадеде посаднике Юрии Мишиниче. Отцом наиболее отдаленного достоверного предка Юрия Онцифоровича — Юрия Мишинича, по предположению А. В. Арциховского, высказанному в той же статье, был новгородец Миша, о подвигах которого рядом с Александром Невским в битве 1240 года на Неве сохранила воспоминание летопись.

Эта радость особенно подогревалась надеждами на повторные находки грамот, адресованных Юрию Онцифоровичу и его семье. Ведь если раскоп войдет в напластования посадничьей усадьбы, береста с этой усадьбы сможет поведать о целой династии руководителей Новгородской республики, даст новые материа-

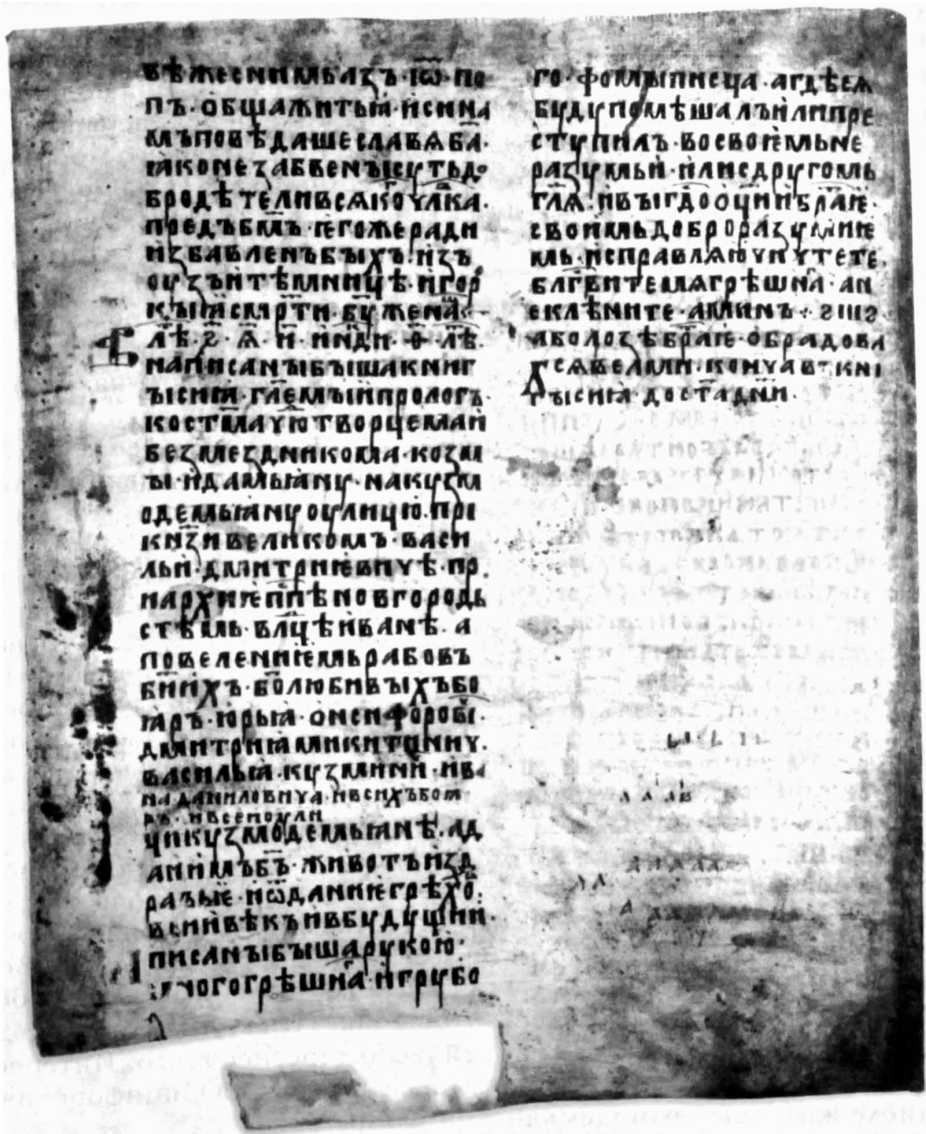
лы для характеристики новгородского политического строя, в котором для нас ещё много неясного.

Однако были ли основания для таких надежд? Адресованная Юрию Онцифоровичу берестяная грамота № 94 найдена не на территории какой-либо усадьбы. Её обнаружили в перекопе, в канаве, вырытой в конце XIV века для частокола, ограждавшего мостовую Великой улицы. Обрывок грамоты, возможно, валялся на мостовой, был сметён с неё на землю и при рытье канавы оказался зарытым, пролежав в земле до 1953 года. Из этого ведь не следует, что усадьба Юрия обязательно должна находиться где-то здесь, по соседству. Юрий мог выбросить прочитанное письмо, просто проходя или проезжая по улице. Всё это так. И тем не менее были серьезные основания надеяться, что усадьба Юрия Онцифоровича находится где-то здесь, на месте раскопок или поблизости от него.

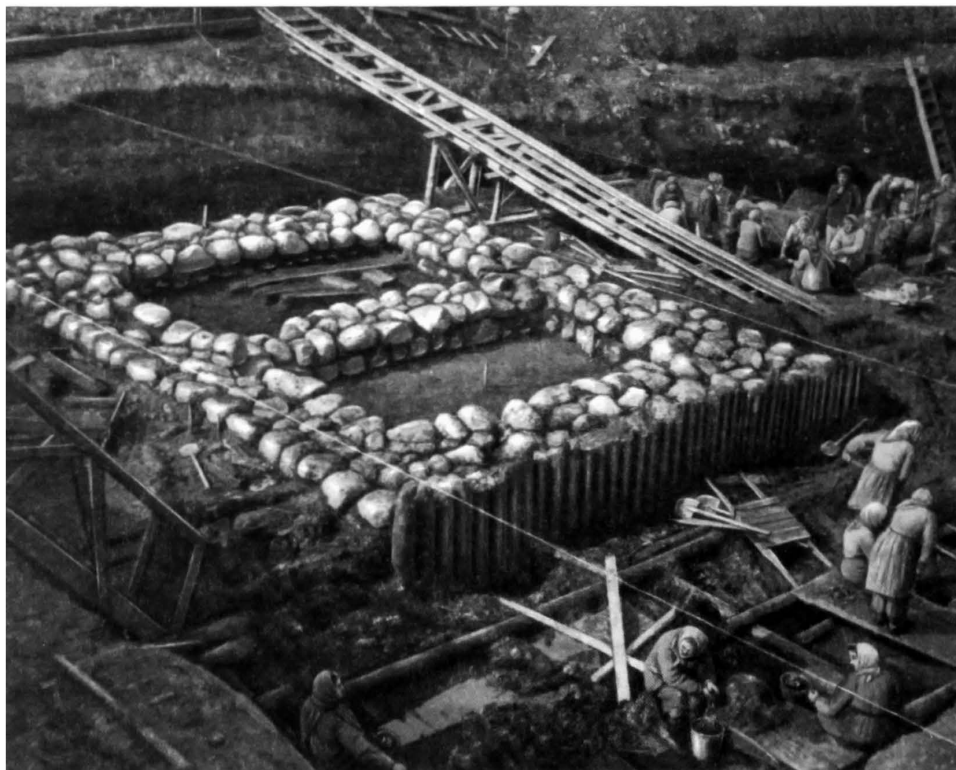
Начнём с того, что в Москве, в Историческом музее, в числе многих тысяч древнерусских рукописей хранится одна очень важная для подкрепления наших надежд книга. Эта книга пришла в музей вместе с громадной библиотекой Синода — старейшим русским собранием книг, основанным ещё в XVI веке митрополитом Макарием. А в старейшую русскую библиотеку она попала, вероятно, во второй половине XVII века, когда патриарх Никон значительно пополнил это собрание многочисленными книгами из новгородских монастырей и церквей. Книга, называемая «Пролог», на последнем своём листе имеет очень важную запись. В ней сообщается, что «Пролог» написан — книгопечатания тогда ещё не было — в 1400 году в Новгороде при великом князе Василии Дмитриевиче и новгородском архиепископе Иване специально для церкви Кузьмы и Демьяна на Козмодемьянской улице, а заказана эта книга «повелениемъ рабовъ Божиихъ боголюбивыхъ бояръ Юрья Онцифоровича, Дмитрия Микитинича, Василья Кузминича, Ивана Даниловича и всихъ бояръ и всеи улицы Кузмодемьяне». Вот какими дорогими тогда были книги. Целая улица, населённая богатыми боярами, складывалась, чтобы заказать книгу для приходской церкви! Но не это для нас сейчас интереснее всего. Интереснее всего то, что запись «Пролога» называет Юрия Онцифоровича в числе жителей Козмодемьянской улицы.

Но ведь закладывая раскоп в 1953 году, мы хорошо знали, что Козмодемьянская улица проходит где-то здесь, рядом с раскопом. Надеялись даже, что она попадёт в границы раскапываемого участка.

Те же надежды вселяли размышления о местоположении построенных Юрием Онцифоровичем церквей. Одну из них — не сохранившуюся до наших дней церковь Николая — он построил где-то на Холопьевой улице. А это всё тот же район раскапываемого участка. Все указания сходились, и, как в известной игре «хо-

Запись в «Прологе» 1400 года с «адресом»
 посадника Юрия Онцифоровича

Остатки фундамента каменного терема Юрия Онцифоровича

лодно-горячо», грамота № 94, найденная не на усадьбе, а у мостовой, кричала: «Горячо!».

А тут ещё новое знаменательное событие произошло на раскопе. На усадьбе «Д», примыкавшей с запада к Великой улице, из земли показались остатки фундаментов каменной постройки. По правде сказать, сначала участники экспедиции этому открытию мало обрадовались. Решили, что это церковь. А где церковь, там кладбище. А где кладбище, там все слои перерыты и перемешаны так, что хоть раскопки переноси на новое место. Однако скоро стало очевидным, что это остатки основания не церкви, а гражданского здания — жилого дома, терема в два или три этажа. Сейчас, когда работы на Неревском раскопе давно завершены, подсчитано, что единственное открытое здесь каменное здание приходится на 1100 деревянных. И это особенно подчёркивает его исключительность. Но исключительность каменной постройки была хорошо понятна и тогда. Её фундаменты прорезали всю толщу культурного слоя — а эта толща была равна почти четырём метрам — и покоились на сваях, забитых в материковый грунт. На протяжении всего сезона 1953 года экспедиция, последовательно снимая слой за слоем, имела

дело с остатками этих фундаментов. Что и говорить, усадьба, рядом с которой нашли грамоту № 94, была необычной!

Спустя несколько дней уже не на мостовой, а на территории необычной усадьбы «Д» нашли новую грамоту — № 97, тоже обрывок, сохранивший лишь две начальные строчки, но имя Юрия читалось и здесь: «Господину Юрию челомъ бее Ортъмька и Деица. Рожь продають по...».

Грамота сообщала, по-видимому, о ценах на рожь. Категорической уверенности в том, что это письмо послано Юрию Онцифоровичу, не было. Но и противопоказаний такому предположению грамота не содержала. Она найдена в слое начала XV века. И Юрий назван в ней «господином». И ещё этот каменный терем рядом. Дата его постройки — рубеж XIV и XV веков — уже была установлена.

А дальше события развёртывались так.

В следующие несколько дней не обнаружено ни одной новой грамоты. Полностью прошли слои шестого яруса, потом седьмого. Ни одной грамоты. А затем в слоях восьмого яруса нашли, наконец, грамоту, которой, естественно, дали № 98. Это был небольшой обрывок в две строки. И эти строки сохранились не на всю длину, а только в левой части: справа они безжалостно оборваны. Но зато какие это обнадёживающие строки! Вот обрывок первой строки: «Поклоно от (О)нуфрея ко пос...». А это уцелевшая часть второй строки: «... і Смену. Господ...».

Что же из этого обрывка ясно? Во-первых, что письмо написано каким-то Онуфрием. А во-вторых, можно вдоль и поперёк обшарить православные святцы и установить, что ни одного имени, которое начиналось бы на «Пос...», в них нет. Значит, письмо послано какому-то пос(аднику). Представляете, как все были наэлектризованы!

Но погодите радоваться. Мы ведь не учли, что первого адресата могли назвать не православным, церковным именем, а русским или же по прозвищу. В древности человек, как правило, имел два имени. Одно давалось ему при рождении, оно не было похоже на принятые церковью. Другое же он получал при крещении, его брали из святцев. Вон в предыдущей грамоте назван Деица, а попробуйте найти такое имя в святцах.

В прошлом веке лингвист и историк Н. М. Тупиков составил один из самых интересных русских справочников «Словарь древнерусских личных собственных имен», по которому можно выяснить, какие имена употреблялись русскими людьми в средние века наряду с христианскими. Откроем этот словарь. Ну как? Нет имён на «Пос...»? Увы, есть. И на любой вкус: Посахино, Поскотинной, Поскребта, Посмик, Посник, Посока, Посoleyко, Посол, Посоха, Поспей, Пospelой, Пospel, Постанка, Постник, По-

стой, Постоялко, Постражий и даже Постригач! Некоторые из этих имён и по сей день живут в современных фамилиях: Поскребышев, Посохин, Пospelов, Постников. Нужно оговориться, что словарь Тупикова далеко не полон, много неизвестных раньше имён было впервые прочтено только в берестяных грамотах. Но и без этой оговорки видно, что мы поспешили со своими радостями.

Но прошёл день, и на стол ложится ещё один кусок бересты, найденный метрах в четырёх от грамоты № 98. Тоже обрывок. Но что-то в нём знакомое. Будто не впервые видим мы эти крупные, украшенные косыми отсечками буквы. И цветом береста напоминает другой, уже виденный берестяной лист. И виденный недавно, только что. Осторожно прикладываем к новой находке грамоту № 98. Ну конечно же, обе полоски сходятся по линии разрыва. Обрывки букв одного куска сливаются с обрывками букв другого.

Это длинная, почти в полметра грамота, которая и из двух кусков не составляет целиком. Первая строчка, оборванная на самом интересном месте, так и не нашла себе продолжения. Посмотрим, что прочтётся во второй. Помните? В первом обрывке вторая строка кончалась так: «Господ...». Наверное, начало слова «господин»? Тогда мы могли только гадать. А теперь получили возможность прочесть и удостовериться: «...ине...».

«Господине...» — слово «господин» в неупотребляемом теперь звательном падеже. Автор письма обращается к своему адресату, этому самому «Пос...», называя его «господином». Но что это? «Он-с-и-ф-о-р-е...». «Господине Онсифоре». Вот всё и встало на свои места. Онуфрий называет своего адресата не Посахом и не Постником и даже не Постригачом, а «господином Онцифором». Значит, загадочное «пос...» — начало не имени, а титула. Теперь мы можем восстановить и утраченную часть первой строки. Там нет текста примерно в 24 буквы. Как же заполнить этот разрыв? Да, наверное, так: «КО ПОС(аднику к Онсифору. Попецалу)І СМЕНУ...». В восстановленной части 23 буквы.

Теперь прочтём всю грамоту в её сохранившейся части:

«Поклоно от (О)нуфрия ко пос(аднику к Онсифору. Попецалу)і Смену. Господине Онсифоре, роба і холопо твоі, дете моі. У мене неверовици де...». Существует, по-видимому, ещё один обрывок того же письма, но поскольку он не прикладывается непосредственно к первым двум кускам, то остаются некоторые сомнения в этом; обрывок получил № 100: «...а вохо то мне го.../...ве мое детеі моіхо». «Вохо» здесь тождественно современному «всё».

Слово «холоп» в древней Руси означало «раб», слово «роба» — «рабыня». Речь в грамоте, возможно, идет о разделе рабов, холопов. Уместно вспомнить здесь ещё раз главу «Медное» из книги Ради-

щева. В этой главе рассказывается о продаже с молотка крестьянской семьи за долги господина. «Неверовичи», упомянутые в обрывке, это, вероятно, жители деревни Неверово. Сёла с таким названием в Новгородской земле XIV–XV веков были. Существовали тогда же, между прочим, и два сельца — Неверичи и Неверовичи. Может быть, одно из них и имеется в виду.

Вернёмся, однако, к Онцифору. В списках новгородских посадников нет двух Онцифоров. Есть только один — Онцифор Лукинич, отец Юрия Онцифоровича. Уже сама по себе находка адресованной ему грамоты на усадьбе «Д» значительна. Ведь именно на этой усадьбе немного позднее был выстроен каменный терем; здесь же уже обнаружены две грамоты, посланные его сыну Юрию, а показаниями других источников также было как бы «запеленговано» место жительства семьи Онцифоровичей-Мишиничей. Новая находка с полной достоверностью и окончательно определила принадлежность Онцифоровичам усадьбы «Д». А ведь к раскопкам этой усадьбы экспедиция только приступила, затронув пока её самую незначительную часть. Основных открытий нужно было ждать впереди.

Онцифор Лукинич был одной из ярчайших фигур новгородской истории вообще и, по-видимому, самым крупным новгородским политическим деятелем XIV века. Летописец впервые сообщает о нём под 1342 годом, и этот рассказ связан с горестными событиями в семье Мишиничей — смертью двух главных её членов. Однако не будем забегать вперёд.

...Несчастья начались летом. Неподадалёку от посадничьей усадьбы, на Даньславле улице, занялся пожар. Слизнув несколько усадеб, пламя вырвалось на простор и пошло гулять по волховскому берегу, уничтожая на своём пути всё, что могло гореть. Вниз по Волхову пожар не распространился, он дошёл берегом до кремлёвского рва, а от берега — «до Святых 40 и до святых Кузмы и Дамиана». Эти две церкви находились вблизи усадьбы Мишиничей. В Козмодемьянскую церковь, как уже было рассказано, спустя пятьдесят восемь лет Юрий Онцифорович и его соседи подарят богослужебную книгу.

Пылали дома, рушились каменные храмы. Сгорели церковь Якова и церковь Николы на Холопьеи улице — её потом доведётся отстраивать Юрию Онцифоровичу. Больше недели бушевал в Неревском конце огонь. И это случилось через два года после другого страшного пожара, наделавшего там в 1340 году немало бед. Не успели толком отстроиться, ещё стружка не пожелтела, и опять горят смолистые венцы новых построек. «Люди, — рассказывает летописец, — боялись и не смели в городе жить, но в полях жили, а иные в лугах, в пойме Волхова, или же в лодках. И можно было целую неделю видеть всё в гра-

де движущимся и бегающим. И много пакостей было людям и убытка от лихих людей...».

Пострадала и усадьба Мишиничей. Этот факт установлен по показаниям годичных колец из брёвен мостовых и построек. Выяснилось, что после пожара 1340 года всё пришлось строить заново, а спустя три года опять капитально ремонтировать.

Еле-еле успели опомниться от пожара — новое горе. 25 октября умер глава семьи посадник Варфоломей Юрьевич. Хоронить бывшего главу республики приехал архиепископ Василий, новгородский владыка, давний друг Варфоломея. До своего избрания во владыки Василий был священником в церкви Кузьмы и Демьяна на Холопье улице, и, значит, они с Варфоломеем некогда были соседями. Да и избранием своим Василий, нужно думать, немало был обязан своему теперь умершему другу. А сейчас гроб с телом Варфоломея медленно несли в церковь Сорька святых мучеников мимо обгорелых частоколов и вымытых осенними дождями чёрных головешек сгоревших хором, по вылизанной огнём мостовой.

Похоронили Варфоломея, и семья его разбрелась в ожидании, когда будет выстроен новый кров. Сын Варфоломея Лука надумал провести это время в походах и битвах в Двинской земле. Не слушая отговоров и подстрекаемый каким-то Ондрешкой и посадником Фёдором Даниловичем, он собрал дружину из холопов и выступил в поход. Вот тогда-то летописец и упомянул впервые Онцифора Лукиничя: отец взял его с собой на Двину руководить самостоятельным отрядом.

За Волоком дела у Луки сначала пошли хорошо. Он укрепился в поставленном им городке Орлеце, собрал емчан, жителей союзного Новгороду района, и захватил всю Заволочскую землю, взяв добычу во всех её погостах. Но тут воинское счастье изменило Луке. Отправив Онцифора с отрядом на реку Вагу, он сам с двумястами своих людей выступил в новый поход, но был убит заволочанами.

Весть о гибели Луки пришла в Новгород и возмутила чёрных людей против Ондрешки и посадника Фёдора. Обвиняя их в смерти Луки, чёрные люди разграбили дома и сёла Ондрешки и Фёдора и вынудили их бежать в Копорье, далёкую новгородскую крепость у южного побережья Финского залива. Там они просидели до конца зимы. А тут и Онцифор, лишившийся сразу отца, деда и крова, пришёл из Заволочья подать новгородцам официальную жалобу на Ондрешку и Фёдора Даниловича: «...нарочно они заслали моего отца в Двинскую землю, чтобы его там убили!». Из Копорья вызвали обвинённых беглецов, и в Новгороде собрались два веча. Одно заседало в Детинце, около Софийского собора, под руководством Онцифора и боярина Матфея Козки. А другим, собравшим-

ся на Торговой стороне, в традиционном месте вечевых собраний — на Ярославовом дворище, руководили Фёдор и Ондрешка. Страсти накалялись и там, и здесь. Фёдору удалось убедить своё вече в полной своей невиновности, а Онцифор на своём вече доказал, что во всём виноват посадник. Вече Онцифора ударило через мост на Ярославово дворище, но посадник Фёдор одержал верх. Матфея Козку заперли в церковь. Онцифору же пришлось бежать и скрываться до тех пор, пока при помощи владыки Василия враждующие группы не достигли соглашения. Так началась политическая деятельность Онцифора Лукинича.

Спустя шесть лет, в 1348 году, Онцифор прославился как талантливый военачальник. Новгородцы, поставив его во главе «малой дружины», отправили Онцифора в Ижорскую землю, под Ореховый, отражать начавшееся наступление шведов. С малыми силами Онцифор наголову разбил шведов, потерявших в бою около пятисот человек, не считая пленных, тогда как новгородцы вернулись домой с Жабьего Поля — так называлось место битвы — с самыми незначительными потерями. Эта победа сыграла большую роль в его дальнейшей судьбе. И вот каким образом.

Вскоре после возвращения Онцифора в Новгород с Жабьего Поля шведы снова вступили в Ижорскую землю, на этот раз под водительством самого короля Магнуса. Им удалось взять Орехов и захватить много пленных. Попытки новгородцев под руководством посадничьего брата Михаила Даниловича восстановить преимущество успеха не имели. Тогда и вспомнили об Онцифоре и его победе на Жабьем Поле. В начале 1351 года новгородские послы в городе Юрьеве договорились со шведами, обменяли пленных шведов, взятых Онцифором на Жабьем Поле, на «свою братию», пленённую шведами в Орехове, и заключили мир. Впрочем, об этом мире мы уже знаем из письма Григория Дмитру. На обратном пути у новгородцев было вдоволь времени, чтобы оценить двойной успех Онцифора Лукинича. Он не только разбил шведов в бою, но этой победой смог свести на нет последовавшие за ней — не по его вине — неудачи. И сравнить Онцифора с его давним врагом посадником Фёдором тоже нашлось время у возвращавшихся домой новгородцев.

Во всяком случае, вернулись они в Новгород девятого июня, а ровно через неделю, шестнадцатого, «отняли посадничество у Фёдора Даниловича и дали Онцифору Лукину». А потом подумали ещё немного и выгнали из Новгорода и бывшего посадника Фёдора, и его брата Михаила, и других бояр, записавшихся к ним в союзники. Так Онцифор стал посадником новгородским.

И вот, будучи посадником, он как руководитель боярского государства совершил самый значительный шаг в своей жизни, который повлиял на всё дальнейшее развитие боярской республики.

Стоя во главе государства, Онцифор со страхом, несмотря на громадную личную популярность среди чёрных людей, следил за растущей активностью новгородской черни. Чёрный люд поднимал восстания, которые были направлены против отдельных бояр, но с ростом народного сознания грозили всему боярскому государству. Боярство, не готовое к такому повороту событий, было разобщено. В каждом конце Новгорода существовала своя сплочённая группа бояр, но все эти группы соперничали и враждовали друг с другом. Главным призом в этом соперничестве была должность посадника, та самая должность, на которую избрали Онцифора. И поскольку выборы посадника производились в Новгороде ежегодно, борьба между разными группами бояр возобновлялась и ожесточалась из года в год. Онцифор сам участвовал в этой борьбе. В ней же он по существу потерял отца. Если версия Онцифора о том, что Луку заслал на Двину посадник Фёдор в своих корыстных целях, верна, то цель Фёдора тоже понятна: он избавлялся от опасного соперника на очередных выборах.

Каким же образом мог Онцифор перестроить государственный аппарат Новгородской республики, чтобы сплотить бояр? Он предложил выбирать не одного посадника, а сразу столько, сколько в Новгороде концов. И избирать пожизненно. Тогда каждая группировка бояр получит то, ради чего она ломает копья. А государственные дела посадники будут решать сообща, выбирая из своей среды каждый год председателя — степенного посадника. Такое предложение снимало добрую половину остроты в боярском соперничестве. Конечно, не всё здесь Онцифор придумал сам. Корни такого решения уходили в очень давний опыт новгородской политической жизни. Но он продумал всю систему и взялся её осуществить.

И ещё одна деталь связана исключительно с его индивидуальными человеческими качествами. Он предложил избрать посадниками только молодых людей. Во-первых, у них впереди вся жизнь. А во-вторых, они не принесут с собой груза многолетних взаимных оскорблений, кровавой борьбы и неистребимого недоверия. И хотя он был отнюдь не старым, а скорее молодым человеком, он, чтобы не увидели в его действиях стремления к личной выгоде, сложил с себя бремя посадничества и отошёл в сторону. Как записал летописец, «отступися посадничества Онцифор Лукин по своей воле». Да, совершенно отошёл от политической деятельности. Как Цинциннат. Чтобы разводить репу. Всё это произошло в 1354 году, никаких летописных сообщений о нём нет до 1367 года, а в 1367 году он умер.

Адресованная посаднику Онцифору грамота № 98 найдена в слоях восьмого яруса, который данными дендрохронологии да-

тируется 1369–1382 годами. Это расхождение кажется несколько противоречивым, тем более что Онцифор в грамоте титулован посадником, и, значит, она написана между 1351 и 1354 годами. Однако в том же 1953 году небольшой кусочек той же грамоты, уже упомянутый выше под № 100, был найден в девятом ярусе напластований усадьбы «Д». Девятый ярус датируется 1340–1369 годами, что точнейшим образом соответствует деятельности Онцифора Лукинича. Обрывки писем Онуфрия (грамота № 98) попали в восьмой ярус в результате каких-то местных перемещений почвы во второй половине XIV века: когда копали яму или выравнивали участок.

Здесь уместно сказать несколько слов о тех случаях, когда обрывки одной и той же грамоты получают разные номера. Такие обрывки объединяются под одним номером, если они сходятся по линии разрыва, или тогда, когда они найдены в одном комке земли, в условиях, безоговорочно свидетельствующих об их принадлежности к одному и тому же берестяному листу. В остальных случаях им удобнее давать разные номера: не исключена возможность, что это всё-таки разные письма, хотя и написанные одной рукой на бересте, снятой с одного дерева.

Заканчивая рассказ об открытиях 1953 года на усадьбе «Д», добавлю только, что имя Онцифора встретилось ещё в двух грамотах, получивших номера 99 и 101. Обе эти грамоты обнаружены в слоях девятого яруса. И как показали раскопки следующих лет, это были далеко не последние находки, связанные с Онцифором и семьей Мишиничей. Но об этом в следующих главах.

Нтак, в 1953 году на усадьбе «Д» были найдены остатки каменного терема, две грамоты, адресованные Юрию Онцифоровичу, и три, адресованные Онцифору Лукиничу. А основная часть усадьбы находилась тогда ещё за пределами раскопываемого участка. Сколько же берестяных грамот с именами посадников принёс очередной сезон?

Представьте себе, ни одной. На раскопках, как и в любом деле, поспешность меньше всего способствует успеху. В 1954 году на усадьбе «Д» продолжали последовательно вскрывать нижние ярусы того небольшого участка, раскопки которого начались в предыдущем сезоне. Изучались один за другим слои тринадцатого, двенадцатого, одиннадцатого, десятого веков и так до материка. А когда нам очень хотелось похвастаться, мы подводили своих гостей к западной стене раскопа и говорили: «Между прочим, вот за этой стеной находится усадьба Онцифора. Там очень много интересных берестяных грамот. Со временем мы эту усадьбу раскопаем!».

Новые раскопы тогда были начаты совсем в другом месте, на усадьбе «Б». Исследование этой усадьбы, расположенной на углу Великой и Холопьевой улиц, началось ещё в 1951 году. И первая грамота была поднята у её частокола. Усадьба «Б» раскапывалась уже три года, основную часть её за это время изучили, и теперь открывалась реальная возможность завершить полное знакомство с ней. А ведь такое случалось впервые в археологии, чтобы учёные могли воочию увидеть планировку целой средневековой усадьбы не за какой-нибудь короткий промежуток времени, а за шестьсот лет — с десятого по пятнадцатый век. Впервые в археологии появилась возможность положить на стол двадцать восемь сменяющих один другой планов одной и той же усадьбы, которые, подобно киноленте, способны показать историю этой небольшой ячейки новгородской жизни в непрерывном движении.

Понятно, что и для будущих раскопок посадничьей усадьбы завершение работ на усадьбе «Б» было бесполезным. Чтобы выявить особенности посадничьей усадьбы, её нужно сравнить с усадьбами других горожан. Материалы для такого сравнения необходимо было накапливать.

Только в 1955 году вопрос о дальнейших работах непосредственно на посадничьей усадьбе снова встал перед экспедицией. Его можно было решать двумя путями. Можно было идти прямо на запад, прирезав там значительный кусок территории, о которой мы знали наверняка, что это усадьба Онцифора и Онцифоровичей. Но можно и нужно было поступить иначе.

Ведь чем дальше мы уходили бы от мостовой Великой улицы, тем труднее было бы разбираться в хронологии построек, прослоек, вещей и берестяных грамот. Тогда, в 1955 году, о применении дендрохронологии для датировки наших ярусов ещё только начинали мечтать. Главным же нашим путеводителем по усадьбе оставалась уличная мостовая. Стоя на ней, мы хорошо видели, что вот этот сруб, от которого остались только брёвна нижнего венца, существовал одновременно с мостовой, другой был построен раньше, а третьего тогда ещё не поставили. Прослойки щепы, глины, песка, надёжно отделяющие более молодое от более старого, нужно было соотносить с их следами в стенах раскопа, а также с настилами Великой улицы. А таких настилов, как мы уже знаем, было двадцать восемь. Когда остатки древней постройки находились неподалёку от мостовой, вопрос о том, какому ярусу настилов они соответствуют, решался легко. Когда же раскапывался участок, расположенный одинаково далеко и от стены раскопа, на которой вырисовывались разрезы всех прослоек, и от мостовой, — трудности определения даты находок удесят�ерялись. Словом, держались за уличные мостовые мы тогда очень крепко.

Между тем из приписки к «Прологу» 1400 года известно, что Юрий Онцифорович, владелец усадьбы «Д» и каменного терема на ней, жил на Козмодемьянской улице. Известно также, по планам середины XVIII века, что эта улица находится где-то рядом. Подобно Холопьевей, она должна пересекать настилы Великой улицы под прямым углом. Отыскав этот перекрёсток, мы сразу бы смогли, во-первых, установить длину усадьбы «Д» по Великой улице. Это было важно для планирования дальнейших работ. Во-вторых, выйдя на перекрёсток, — вторгнуться ещё сразу на две усадьбы, лежащие по сторонам Великой улицы за перекрёстком. Это сразу расширило бы наше знакомство с общей ситуацией на раскапываемом участке Неревского конца. И в-третьих, идя по Козмодемьянской улице, мы получили бы ещё один постоянный хронологический ориентир для находок на усадьбе «Д». Мы смогли бы тогда привязываться не только к настилам Великой, но и к настилам Козмодемьянской мостовой.

Так экспедиция и поступила. Она пошла не на запад, а на юг. И тотчас же вышла на перекрёсток Великой и Козмодемьянской улиц. Он залегал всего лишь в восьми метрах к югу от раскопа 1953–1954 годов. Козмодемьянская улица, подобно Вели-

кой и Холопъей, была вымощена широкими сосновыми плахами, и её настилы в своём хронологическом чередовании соответствовали настилам Великой улицы.

По сторонам перекрёстка располагались четыре усадьбы, попавшие в раскоп 1955 года самыми небольшими частями. Напротив усадьбы «Д», к востоку от неё, за Великой улицей, таилась ещё неизведанная усадьба «Е». К югу, за Козмодемьянской улицей, лежала полная загадок усадьба «И». А наискосок, к югу от усадьбы «Е», располагалась такая же таинственная усадьба «К».

Здесь следует отвлечься немного от нашего рассказа и поговорить об условном обозначении усадеб. Как это скучно, вправду сказать читатель, называть усадьбы условными литерами. Зачем говорить «усадьба Д»? Ведь мы же знаем, что она принадлежала Юрию Онцифоровичу, а до него Онцифору. Присвойте ей название «усадьба Онцифоровичей», назовите и другие усадьбы именами адресатов найденных на них берестяных грамот. И вы сами увидите, как оживёт топография раскапываемого участка, как из-за этих сухих «А», «Б», «В» встанут имена населявших усадьбы живых людей.

Нет, без условных обозначений нам, к сожалению, не обойтись. Не нужно забывать, что, говоря, скажем, об усадьбе «Д», мы имеем дело со всеми её двадцатью восемью ярусами. Люди смертны, и срок их жизни невелик. Ну сколько времени Онцифор владел усадьбой «Д»? Двадцать пять лет — с 1342 года, когда был убит его отец, по 1367 год, когда он умер сам. Это время существования только одного яруса. А история усадьбы «Д», как и остальных изученных здесь усадеб, охватывает шесть веков и около двадцати поколений владельцев. Попробуйте присвоить имена владельцев каждому ярусу усадеб, и нам придётся именовать двести усадеб. И поскольку принадлежность большинства этих усадеб не определяют даже берестяные грамоты, мы всё равно прибегли бы к буквенным обозначениям. Только русских букв для этого не хватило бы, и пришлось бы призвать на помощь латинские, греческие и буквы ещё нескольких алфавитов. Нет, уж давайте оставим наши литерные обозначения, какими бы сухими они ни казались.

От усадьбы «Д» в раскопе 1955 года оказался крохотный кусочек в восемьдесят квадратных метров, примыкающий к перекрёстку. Однако даже незначительные размеры этого нового участка не помешали ему подарить экспедиции ещё несколько берестяных грамот. И в числе этих грамот две принадлежали к переписке наших знакомых посадников.

Грамота № 167 из слоя конца XIV века сохранилась целиком: «Чолобитье от мелника из Лост(в)иць к Юрью к Онцифорову. Чо би, господине, попецелился (ч)оронами. А н(ы)нь по-

сли свои человекъ». Если правильно прочитано слово «чоронами», означающее сковороды для выпаривания соли, то лоствицкий мельник молот не только зерно, но и соль.

А от грамоты № 180, найденной в девятом — Онцифоровом! — ярусе, сохранился лишь небольшой кусочек. На этом крохотном обрывке написано: «...(ков)иі і от детиі еі к Онсифору...» Какая-то женщина обращается к Онцифору от своего имени и от имени своих детей.

Однако самая интересная для нашего рассказа грамота в 1955 году найдена не здесь, а на соседней усадьбе «И», тоже незначительно задетой раскопом. Там, в слоях первой четверти XV века, в двух метрах от Козмодемьянской мостовой, обнаружен обрывок берестяного письма № 157, первые три строчки которого полностью сохранились:

«Господину Михаилу Юрьевичю бить чело мъ хрстяне черенщани. Чо еси, господине, велель намъ переставливати дворъ, и ключникъ намъ, господине, велить переста(вливати)...».

Что случилось с двором крестьян черенщан, мы так и не знаем. Другое в этой грамоте должно привлечь наше внимание — имя Михаила Юрьевича, которому адресовано письмо крестьян. Нам до сих пор не были известны потомки Юрия Онцифоровича, хотя об их существовании мы знали. Вспомним завещание Орины, в котором говорится, что в Колмове монастыре лежит весь её род, начиная с прадеда — Юрия Онцифоровича. Если Юрий был чьим-то прадедом, то и отцом кому-то он приходился.

Но был ли этот новооткрытый Михаил сыном именно Юрия Онцифоровича? Условия, в которых найдена грамота, такому предположению как будто не противоречат. Первая четверть XV века — это время, когда по смерти Юрия Онцифоровича его усадьба должна была перейти к его сыну — к деду позднейшей Орины. А то, что грамота найдена на усадьбе «И», а не на усадьбе «Д», в конце концов, неважно — могли её и во дворе соседней выбросить, и через забор кинуть.

Предполагать в Михаиле сына Юрия Онцифоровича позволяли и некоторые детали текста найденной грамоты. Михаил Юрьевич был крупным землевладельцем, крестьяне называют его уважительно на «вич» — «Юрьевич», что было привилегией бояр, несколько раз он в грамоте поименован «господином». Эти детали говорили, по крайней мере, о принадлежности Михаила Юрьевича к той же аристократической среде, к какой принадлежал Юрий Онцифорович.

А нет ли в летописи каких-либо сведений о Михаиле? Есть. Под 1420 годом рассказывается о таком событии. Осенью в Новгород пришли послы от гроссмейстера Ливонского ордена, чтобы договориться с новгородцами о предстоящем съезде для за-

ключения «вечного мира». Они условились, что этот съезд состоится в январе 1421 года на реке Нарве, куда Новгород отправит для заключения торжественного договора своих представителей. В назначенный срок «вечный мир» был заключён «по старине», что, по лукавому разъяснению летописца, означает: «... как было при великом князе Александре Ярославиче». «Прочность» «вечного мира», заключённого при Александре Невском, была в Новгороде хорошо известна: мир не помешал Раковорской битве и десяткам других сражений.

Сохранился и подлинник договора, заключённого в 1421 году на Нарве. В нём, между прочим, сообщается: «А от Великого Новагорода хрестъ человаль князя великого намеснекъ Васелия Дмитриевичя князе Федоръ Патракеевичъ, посадникъ новгородчкыи Васели Есефовичъ, Яковъ Дмитриевичъ, посадникъ новгородчкен Офнось Федоровичъ, Михаила Юрьевичъ, Наумъ Ивановичъ за Велики Новгородъ и за все свои пригороды». Видите, в каком торжественном акте участвовал Михаил Юрьевич и в какой блестящей компании он оказался. Что ж, эта компания по плечу сыну Юрия Онцифоровича и внуку Онцифора Лукинича. Но кто сказал, что дипломат Михаил Юрьевич и наш Михаил Юрьевич — одно и то же лицо?

Продолжим поиски сведений о Михаиле в летописи. Годом раньше — ещё одно сообщение о летописном Михаиле: «А Варлам анхимандрит постави церковь камену в Юрьеве монастыри Рожество Богородицю. А Михаила Юрьевич церковь древяну святого Михаила на Кольмове...».

Вот это сообщение имеет для нас большую определенность. В Новгороде и его окрестностях в XV веке было около пятидесяти монастырей, но Михаил Юрьевич для своего церковного строительства избрал почему-то именно то место, где строил и был похоронен Юрий Онцифорович, — Колмов монастырь в ближайших окрестностях Неревского конца. Это совпадение уже содержит в себе намёк на то, что предположение о родственных связях Михаила Юрьевича и Юрия Онцифоровича может оказаться правильным. Однако нужны новые подтверждения, а их может дать только исписанная береста из ещё не копанных слоев усадьбы Онцифоровичей, потому что возможности летописи и других известных ранее письменных документов полностью исчерпаны.

И снова проверку предположения приходится откладывать надолго. В новом сезоне 1956 года ни одной связанной с посадниками грамоты из слоёв XIV–XV веков не добыли. Прежде чем расширить раскоп у перекрёстка Великой и Козмодемьянской улиц, нужно было докопать до материка нижние ярусы уже начатого раскопа.

Не буду утверждать, что это вызывало лишь досаду и желание поскорее разделаться с малоинтересной, хотя и неизбежной частью работы. Все ярусы новгородского культурного слоя наполнены историческими источниками первостепенного значения, все они несут в себе раскрытие одних проблем и постановку других. Чтобы это обстоятельство стало бесспорным, напомним только, что школьные упражнения мальчика Онфима и его рисунки найдены именно в 1956 году и именно у перекрестка Великой и Козмодемьянской улиц, в более ранних напластованиях усадьбы «И».

Наступление на запад началось в 1957 году, через четыре года после открытия посадничьей усадьбы, которая и теперь — спустя четыре года — ещё скрывала все свои тайны. Это наступление началось в конце лета, когда были доведены до материка раскопки на всех других участках и высвобождены силы для исследования Козмодемьянской улицы. Прирезанный с запада участок захватывал широкой полосой часть усадеб «Д» и «И» и был вскрыт в 1957 году только до уровня напластований конца XIV века. Уже начиналась осень, и раскопки подходили к концу. Все грамоты, о которых ниже пойдёт речь, найдены в слоях первой половины XV века, в третьем — шестом ярусах, которые сейчас по годичным кольцам древесины датируются 1396–1446 годами.

Первая же грамота, найденная на новом участке, — её номер 297 — начиналась словами: «Целобитье от Сергия з братьеи изъ Рагуилова господину Михаилу Юрьевичу...».

Потом, спустя день, обрывок ещё одной грамоты, получившей № 300: «(Целобит)ие господину Михаилу Юрьевичу от Тироха и от Тимоще...».

И, наконец, грамота № 301 разрешила все сомнения и окончательно определила происхождение Михаила Юрьевича не хуже, чем это сделало бы метрическое свидетельство:

«Осподиню Михаилу Юрьвицу синю посадницу паробокъ твой Кля цоло бие...» — «Господину Михаилу Юрьевичу, сыну посадничьему, слуга твой Кля челом бьёт...». Дальнейший текст грамоты № 301 очень интересен по историческому содержанию, и мы ещё вернёмся к нему, когда соберём вместе все письма, полученные посадниками и их близкими. А сейчас обратите внимание на то, как просто решился вопрос об отношении Михаила Юрьевича к Юрию Онцифоровичу. Михаил назван в грамоте посадничьим сыном. Он был сыном посадника, которого звали Юрием. Но как раз Юрий Онцифорович, его предполагаемый отец, и был посадником. Всё сошлось, всё встало на место.

Всё ли? Да, всё, но за одним небольшим исключением. А может, в Новгороде в конце XIV или в начале XV века были и другие посадники Юрии? Тогда Михаил с равным успехом может оказаться сыном одного из них, а не обязательно Юрия Онцифоровича.

ОСПОАНИЮМНХАНАУРАВАВННУСНИЮПОСАДИНИНУ
 ПРАЛОСЛАХАНАУРАВАВННУСНИЮПОСАДИНИНУ
 ЖСТАЛБНОКЕВОНСНХОСПРАВАНИЮЛОМНИ
 ПСТАЛБНОКЕВОНСНХОСПРАВАНИЮЛОМНИ
 ПСТАЛБНОКЕВОНСНХОСПРАВАНИЮЛОМНИ
 ПСТАЛБНОКЕВОНСНХОСПРАВАНИЮЛОМНИ
 ПСТАЛБНОКЕВОНСНХОСПРАВАНИЮЛОМНИ

Грамота № 301

Ну вот, снова скажет читатель, началась «перестраховка». Что же тут проверять? Михаила звали Юрьевичем, а сына Онцифора Юрием. Юрий был посадником, а Михаил сыном посадника. И грамоты найдены на одном участке. И по времени грамоты Михаила чуть позже грамот Юрия. Вопрос ясен и в дальнейшем обсуждении не нуждается.

Нет, нуждается. И вот почему. Грамоты Юрия и Онцифора найдены на усадьбе «Д», а все четыре грамоты Михаила Юрьевича — на усадьбе «И», по другую сторону Козмодемьянской улицы. Эта их взаимоисключаемость не может остаться без проверки. И вот что такая проверка устанавливает.

Привлечение всех возможных свидетельств позволяет твёрдо сказать: да, в Новгороде рубежа XIV–XV веков был ещё один посадник Юрий, который годится нашему Михаилу Юрьевичу в отцы. Это посадник Юрий Дмитриевич, нам известно о его деятельности на протяжении тринадцати лет между 1398 и 1410 годами. Почему бы ему не быть отцом нашего Михаила? А вот почему. Известно, что Юрий Дмитриевич жил в другом районе Новгорода — в Людином или Плотницком конце. Никаких точек соприкосновения с Михаилом Юрьевичем у него нет. А Юрия Онцифоровича с Михаилом роднит всё, включая и Колмово, и соседство усадеб. Вот теперь все сомнения устранены, и мы получаем полное право сказать: Михаил Юрьевич был сыном именно Юрия Онцифоровича.

Но почему же всё-таки они оказались на разных усадьбах? Не будем спешить с ответом на этот вопрос и продолжим знакомство с урожаем берестяных грамот, собранных осенью 1957 года.

Грамота № 303. Обрывок. Начало письма: «Приказъ от Ондреяна Михайловича к Пуцне. Здесе ми билъ челомъ...».

Ого! Новое имя — Андрейан Михайлович. По-видимому, сын Михаила Юрьевича, внук Юрия Онцифоровича, представитель ещё одного поколения Онцифоровичей, о котором никаких свидетельств до сих пор не было.

Грамота № 306. Снова обрывок. Невразумительные куски слов. Но кое-что ясно: «Покло... илу Юрьевичю ув... бабикъ мене ид... господину целомъ бь...». Снова упоминание Михаила Юрьевича.

Грамота № 307. Целиком сохранившееся письмо в восемь строк, начинающееся словами: «Осподену Ондреяну Михайловицю, осподену Микыти Михайлоцю, оспоже нашей Настасеи Михайлове жене чоломъ бею хрестьяне избоищяне...».

Здесь, как на семейной фотографии, все действующие лица, за исключением Михаила Юрьевича, который к моменту написания грамоты № 307 уже умер, иначе его не преминули бы упомянуть в своём челобитии крестьяне избоищяне. Упомянута его вдова — «Михайлова жена» Настасья и дети — Андрейан Михайло-

вич, с которым мы уже познакомились, и Микита Михайлович, новое для нас лицо. Кто-то из этих двоих сыновей Михаила был отцом Орины. Она называет Юрия Онцифоровича своим прадедом. А ведь Андреян и Микита приходятся ему внуками.

Неожиданное подтверждение родства Андреяна, Микиты и Настасьи с Михаилом Юрьевичем обнаружено в одной западнорусской летописи — «Летописце епископа Павла», — которая сохранила некоторые новгородские сведения, утраченные в собственно новгородских летописных сводах. В этой летописи рассказывается, что церковь Рождества Богородицы в Колмове монастыре завершена в 1423 году «Настасьей Михайловой», а ведь это и есть наша «Настасья Михайлова жена», упомянутая в грамоте № 307.

Все эти грамоты — № 297, и 300, и 301, и 303, и 306, и 307, адресованные Михаилу Юрьевичу и его детям, — найдены в слоях третьего или четвертого ярусов, то есть попали в землю между 1422 и 1446 годами. В этот промежуток времени Михаил Юрьевич умер, а в позднейших грамотах на месте его имени появились имена его детей. В залегающих ниже пятом и шестом ярусах, исследованных в том же 1957 году, нужно было ожидать грамот, адресованных только самому Михаилу Юрьевичу. Так и оказалось. Там были найдены ещё три грамоты с именем Михаила Юрьевича, получившие номера 308, 311 и 313.

И все эти десять грамот, называющих своими адресатами Михаила Юрьевича и его детей, обнаружены на усадьбе «И». Они были разбросаны на громадной площади в пятьсот квадратных метров на разной глубине. Разница в уровнях их залегания достигала метра. Следовательно, они попадали в землю достаточно долго для того, чтобы на усадьбе отложился целый метр культурного слоя. Словом, принадлежность усадьбы «И» эти грамоты определяли недвусмысленно: ею владел в первой половине XV века сначала сын Юрия Онцифоровича Михаил, а потом вдова и дети Михаила.

Это обстоятельство ставило перед археологами новую проблему: а кому принадлежала усадьба «И» в более раннее время? Купили ли её Онцифоровичи в начале XV века или же и раньше жили на ней? Это не праздный вопрос. Желая установить отличия посадничьего хозяйства от хозяйства других горожан, мы не можем не заинтересоваться, владели ли Онцифоровичи одной или несколькими усадьбами. Дело в том, что обычное археологическое сравнение посадничьей и непосадничьей усадеб не обнаруживало никаких видимых различий между ними. Усадьба «Д», на которой жили посадники Онцифор и Юрий, ни своей площадью, ни планировкой, ни размерами домов не отличались, скажем, от усадьбы «Б», где никаких посадников не было. Правда, усадьбу «Д» украшал каменный терем, какого не имел ни один из сосед-

них участков. Но ведь этот терем Юрий выстроил только на рубеже XIV и XV веков. А в более раннее время и такого отличия не было.

Сравнение находок тоже не давало сколько-нибудь существенных отличий. Ценности — в житейском, разумеется, а не в научном понимании этого слова — в землю попадают редко, а некоторые замечательные вещи из числа найденных на усадьбе «Д» могли бы встретиться и в быту других достаточно состоятельных горожан. Одним словом, если бы не грамоты, определить, что лопатами археологов раскрыта усадьба виднейших руководителей Новгородской республики, было бы просто невозможно.

Но, может, богатство Онцифоровичей, определившее их выдающееся положение в новгородском обществе, проявлялось во владении не одной, а несколькими усадьбами? Может, им принадлежала не одна, а несколько ячеек из тех сот, которые образовывали гудящий улей новгородской жизни?

Вопрос о том, кому принадлежала усадьба «И» в XIV веке, можно было решать только одним способом — поисками новых берестяных грамот в слоях XIV века. И такие поиски, продолжившиеся в 1958 и 1959 годах, дали вполне ясный ответ.

В шестом или седьмом ярусе напластований усадьбы «И» нашли обрывок берестяной грамоты № 362: «Осподену Юрию Онцифороцю Ондрике цоло б(ь)е. Послалъ есме тысяцю суца...». Ондрик послал Юрию Онцифоровичу тысячу «суца» — сушёной рыбки, сметка. Кстати, по-видимому, этот Ондрик был поставщиком рыбы ещё отцу Юрия, о чём говорится в адресованной Онцифору грамоте № 99.

В восьмом ярусе на той же усадьбе обнаружили целую грамоту № 370, начинающуюся словами: «Поклонъ ко Юрью и к Миксиму от всихъ сироть...». Залегание этой грамоты в слоях третьей четверти XIV века позволило предположить, что здесь снова назван Юрий Онцифорович, а не какой-то другой человек с тем же именем. Окончательно же убедиться в этом помог упомянутый в грамоте вместе с Юрием Максим («Миксим»). Но об этом со всеми подробностями будет рассказано в одной из следующих глав.

Эти две находки показали, что двумя усадьбами, а не одной семья Онцифоровичей обладала уже во времена Юрия, во второй половине XIV века. С верхнего этажа построенного им терема он мог обозревать оба своих владения... Кому же вторая усадьба принадлежала в ещё более раннее время?

Ответ дают две грамоты, относящиеся к числу самых замечательных находок экспедиции за все время раскопок. Одна из них — грамота № 354 — обнаружена последней в сезоне 1958 года. Находкой другой грамоты — № 358 — открылся полевой сезон 1959 года. Обе грамоты происходят из слоев девятого яруса и

написаны собственноручно Онцифором Лукиничем. У нас ещё будут время и возможность прочесть оба письма Онцифора. Сейчас же для нас важно лишь одно: находка грамот Онцифора на усадьбе «И» убеждает в том, что и в середине XIV века усадьбы «Д» и «И» имели одного хозяина. Отсюда Онцифор уходил на вече и в походы, сюда он вернулся после отречения, и отсюда же его вынесли в гробу на белых полотенцах.

Однако, когда Онцифор находился ещё в зените своей славы или незадолго перед тем, на усадьбе «И» раздавались иные голоса и иные заботы одолевали её жителей.

В том же девятом ярусе, из которого извлечены письма Онцифора Лукинича, на усадьбе «И» одна за другой стали попадаться грамоты, прямой связи с посадничьим бытом явно не имевшие. В девятом ярусе встретилось три таких грамоты. Вот они:

Грамота № 177 начинается словами: «Пок(л)оно от Маскима ко попу...».

Грамота № 368. Обрывок, но с хорошо читаемым началом: «Се благослови попе...».

Грамота № 317 — снова обрывок, на этот раз из заключительной части письма: «...хо слъзы проливаюстя предъ Богъмо. За то гне(въ) Божии на васо меце, поганыйи. А ныне покаи(т)еся того безакония. А на то дело оканеное немного поводить. А тых бы хотя и не постыдетися» — «... слезы проливаются перед Богом. За то гнев Божий на вас мечет, язычники. Покайтесь же теперь в том беззаконии! А на то дело окаянное немногих попускает. А вам их хотя бы не постесняться». Автор письма, раздражённо браня кого-то, привычно пользуется трафаретными церковными оборотами. Это и понятно, если две предыдущие грамоты адресованы ему, в чём вряд ли нужно сомневаться.

В десятом ярусе не найдено ни одной грамоты, сохранившей имя адресата или своим содержанием раскрывающей специфику его основных занятий. А в одиннадцатом и двенадцатом ярусах, которые датируются 1281–1313 годами, снова таких грамот несколько.

Два берестяных ярлыка из тех, что привязывались как этикетки к разным предметам для обозначения их принадлежности. На грамоте № 319 слова: «Еванове попове», то есть «Попа Ивана». И на другой грамоте — № 323: «Марии црн», то есть «Марии черницы», «монахини Марии».

Наконец, в грамотах № 329 и 330, найденных здесь же, их автор благочестиво вздыхает: «Господи, помози рабу Твоему». И здесь же, в слое двенадцатого яруса, — необычная находка: серебряная маслёнка для елея, предмет церковной принадлежности.

Перечисленные находки, собранные вместе, свидетельствуют, что на усадьбе «И» в конце XIII и в первой половине XIV века

жили попы, находясь неподалеку от своего «рабочего места». К раскапываемому участку вплотную примыкают, по крайней мере, три церкви: Спасская, Козмодемьянская и Саввинская. Из этих церквей Саввинская существовала, по показаниям летописей, уже с XII века. Мы не знаем пока, купил ли Онцифор Лукинич усадьбу «И» у попов или она и раньше принадлежала Мишиничам, а попы арендовали её у них, но что сами Мишиничи до времен Онцифора не жили здесь, вполне очевидно.

Вернёмся теперь на усадьбу «Д», чтобы познакомиться с её обитателями первой половины XIV и конца XIII века. Зная историю ближайших предков Онцифора, мы можем «запланировать» здесь ряд встреч. Например, с отцом Онцифора Лукой или с дедом Онцифора Варфоломеем. Не будем, однако, спешить. Мы расстались с усадьбой «Д» в 1955 году, когда там были найдены очередные грамоты, адресованные Юрию и Онцифору. В следующие шесть лет с расширением работ на этой усадьбе количество грамот пополнялось из всех слоев от XIV до XI века, но коллекция «посадничьих» грамот увеличилась лишь на одну.

Впрочем, в эту коллекцию тогда же мог быть включен ещё один документ, правда, с другой усадьбы («Е»).

Грамота № 273, найденная в 1957 году в слоях с дендрохронологической датой 1340–1382 годов, сохранила первые две строчки с именами отправителей и адресатов: «Поклоно от Павла і от всих Мравгици ко Юрегу і ко Офону...». «Ко Юрегу» значит «к Юрию». Дата грамоты совпадает с начальным периодом деятельности Юрия Онцифоровича. Поэтому её следовало бы отнести к числу «посадничьих» писем. Но кое-что в этой грамоте смущало. Юрий в ней был назван только по имени, без отчества, его не титуловали «господином». И рядом с именем Юрия стояло имя ещё одного адресата, какого-то Офоноса, до сих не встречавшегося среди Онцифоровичей. Взвесив все «за» и «против», грамоту № 273 решили в число «посадничьих» писем не включать. При издании она была описана как письмо, полученное какими-то неизвестными Юрием и Афанасием.

Но спустя шесть лет после её находки, в 1963 году, разбирая и изучая громадные вещевые коллекции Новгородской экспедиции, к истолкованию этой грамоты привлекли маленькую костяную печать, найденную ещё в 1954 году. Эту печать, в древности оттискивавшуюся на воске, нашли в очень поздних слоях второй половины XV века. И надпись, вырезанная на ней, в момент находки не способна была ни у кого вызвать каких-либо припоминаний. На печати стояло имя владельца: «Офонаса Онцифо». Афанасий Онцифорович. Мало ли кому из новгородцев могло принадлежать такое имя! К находке не возвращались, о ней забыли.

Но, сопоставив эту печать с грамотой № 273, мы иными глазами посмотрим на её загадочных адресатов. Юрий и Офонос. Два этих имени, стоящих рядом в грамоте, дают толкование и грамоте, и печати. Грамота адресована братьям Юрию и Афанасию Онцифоровичам. О существовании одного из этих братьев мы теперь узнаём впервые. Афанасий Онцифорович, владелец случайно найденной печати, — сын Онцифора Лукинича и брат посадника Юрия. Посадничья семья увеличилась на одного человека.

Другая грамота — № 339, найденная на этот раз на усадьбе «Д», извлечена в 1958 году из напластований седьмого яруса, из слоя самого конца XIV века. От неё сохранилось только начало: «П(о)клонъ от Ръдиваца к осподину посадкоу. Се отхъ...».

Посадник здесь не назван по имени. И хотя Юрий Онцифорович получил посадничество лет через десять-пятнадцать после того, как закончилось отложение слоя седьмого яруса, можно было бы, не задумываясь, предполагать именно в нём получателя грамоты № 339. Её могли затоптать в грязь. Однако возможно, что адресатом этого письма был не он, а Онцифор Лукинич. Как раз в конце XIV века на усадьбе «Д» Юрий Онцифорович строил свой каменный терем, и при рытье канав для его фундамента масса земли была вынута и выброшена на территорию усадьбы. В этой земле могли оказаться и обрывки более ранних грамот.

Именно такую судьбу, вероятно, пережил обрывок грамоты № 385, найденный в слоях конца XIV века на усадьбе «Д» в 1961 году. Вокруг новой находки уже не приходилось гадать. Начало письма сохранило чёткий текст: «Поклоно посаднику Онсифору. Оже е(си в) пори, наболися посзовно грамотою...» — «Если тебе время позволит, позаботься о позовной грамоте...».

Вообще 1961 год в нашем знакомстве с усадьбой «Д» увенчался таким же успехом, какой экспедиция пережила в 1957 году на усадьбе «И». Там перед нами предстали Онцифоровичи младшего поколения. Здесь же береста донесла голоса их предков.

И не только береста. Первую весть от предшественников Онцифора экспедиция получила, найдя в слое рубежа XIV–XV веков ложку. Да, деревянную, выкрашенную жёлтой и красной красками ложку, подобную сотням тысяч деревянных ложек, существовавших на Руси с глубокой древности и доживших до наших дней. Только эта была не совсем обычной. Она была украшена тончайшим узором, нанесённым раскалённой иглой. Её рукоятку обвивал орнамент из листьев и лент. На наружной стороне широкой части причудливо переплетались растительные завитки, концы которых завершались страшными мордами фантастических чудовищ. А на внутренней стороне искусный художник изобразил воина в доспехе и короне, с поднятым к плечу мечом и опирающегося левой рукой на щит. На черенке этой ложки той же иглой выполнена надпись: «Еванова Ольфоромеевича».

Ложка принадлежала Ивану Варфоломеевичу. Летопись не сохранила воспоминания о таком человеке. Но мы-то, хорошо зная условия и всю обстановку, в которой найден этот предмет с надписью, можем уверенно сказать: она принадлежала дяде Онцифора, брату Луки Варфоломеевича, сыну Варфоломея Юрьевича — Ивану, представителю того поколения, на смену которому пришло поколение Онцифора.

Вскоре из тех же хронологических глубин на лабораторный стол легла грамота № 389. Её нашли там, где и ожидали найти, — в слое десятого яруса, который данными дендрохронологии датируется 1313–1340 годами. В двух строках, сохранившихся от большого письма, читаем: «От Лоукуы ко Марфи. Цто Олекса Колбинць даль пороукоу в коунахъ, да ти бы дати коуны на Пьтровъ день. В роусаль...».

Принадлежность грамоты № 389 нашему Луке Варфоломеевичу, а не какому-то другому Луке, вряд ли может вызывать сомнения. И место её находки, и дата — всё соответствует отцу Онцифора Лукиничу. Однако, чтобы окончательно развеять возможные сомнения, А. В. Арциховский сделал любопытные подсчёты. Он сосчитал, сколько раз в Новгородской Первой летописи употребляются разные боярские имена, взяв для подсчётов посадников, тысяцких, их достоверных родственников, воевод, основателей церквей, руководителей посольств. И оказалось, что в летописи фигурируют 36 Иванов, 30 Михайлов, 19 Фёдоров, 17 Василиев, 14 Семёнов, 13 Юриев, 10 Борисов, 10 Александров и только один Лука — наш Лука Варфоломеевич. Таким редким было его имя.

Что известно о Луке Варфоломеевиче? Обстоятельства его смерти уже рассказаны. А кроме этого Лука в летописи упомянут только один раз. В 1333 году он был членом посольства, отправленного из Новгорода к московскому князю Ивану Калите. Дошли до нас также две поздние копии купчих грамот Луки Варфоломеевича на земли в низовьях реки Паши, впадающей в Ладожское озеро.

Что мы узнали о нём нового? Очень немного. Какой-то Олекса Колбинец поручился вернуть долг к Петрову дню, 29 июня, и Лука напоминает Марфе (вероятно, своей жене) об этом. Самого Луки в городе нет, и проследить за возвратом долга, по-видимому, должна Марфа. Однако за этим внешне незначительным событием стоит вывод о несомненной принадлежности Луке усадьбы «Д». А это для нас главное.

И, наконец, последняя «посадничья» грамота — № 391 — найдена в слоях одиннадцатого яруса. Она была брошена в землю между 1299 и 1313 годами, во времена, связанные с деятельностью Варфоломея Юрьевича — отца Луки и деда Онцифора.

0 5 см.

Ложка Ивана Варфоломеевича

Когда Варфоломей Юрьевич умер в 1342 году, его внук Онцифор был уже взрослым человеком, совершал самостоятельные военные походы и начинал свою бурную, хотя и кратковременную политическую деятельность. Значит, Варфоломею в год смерти было не менее шестидесяти лет. Однако в летописи и в других письменных источниках первые сведения о нём появились сравнительно поздно, когда ему было уже за сорок. Правда, эти первые упоминания застают его на вершине власти. В 1323 году от его имени заключены два важнейших международных акта Новгорода — договор с Ливонским орденом о мире и хорошо уже нам знакомый Ореховецкий договор со шведами. Договор Новгорода с Норвегией в 1326 году заключён также от имени Варфоломея. Ещё раз он упоминается как посадник в 1331 году. Во главе новгородцев он встречал тогда получившего в Москве утверждение от митрополита нового владыку и своего старого друга Василия. А спустя девять лет архиепископ Василий хоронил посадника Варфоломея.

Грамота № 391, разумеется, не была дипломатическим документом и не принадлежала к его переписке с архиепископом Василием. Это обрывок письма, в котором отдавались хозяйственные распоряжения: «+ От Олфоромея к Доманцю и ко Лахну и ко Евану и к Олексе. Секите суко много, а рожы много...».

Загадочное «нмого» расшифровывается как вполне прозаическое «много» — слово, в котором Варфоломей сделал ошибку. Вероятно, он приказывает своим слугам готовить подсеки для посева ржи, иными словами, вырубать кустарники на месте будущей пашни.

И снова главное историческое содержание этой записки заключается в том, что она бесспорно свидетельствует о принадлежности Мишиничам усадьбы «Д» уже при Варфоломее Юрьевиче.

Между прочим, — и это тоже заслуживает почтительного уважения — грамоты, написанные Лукой и Варфоломеем, были в год их находки самыми древними автографами крупных русских политических деятелей.

Итогом десятилетних терпеливых и целеустремлённых поисков «посадничьих» грамот стала обширная коллекция из двадцати шести писем, именами своих авторов и адресатов связанная с шестью поколениями знаменитой в Новгороде семьи государственных мужей. Десять её представителей запечатлели свои имена на бересте, на дереве и на кости: Андреян и Микита Михайловичи, Михаил Юрьевич и его жена Настасья, посадник Юрий Онцифорович и его брат Афанасий, посадник Онцифор Лукинич, Иван и Лука Варфоломеевичи и, наконец, посадник Варфоломей Юрьевич.

А где же Юрий Мишинич? И Миша?

Ни с Юрием Мишиничем, ни с Мишей, ни с другими представителями их семьи, более древними, чем Варфоломей, мы на усадьбе «Д» не встретились. И они на этой усадьбе, по всей вероятности, не жили. И вот почему.

Посадник Юрий Мишинич упоминается в летописи с 1291 по 1316 год. Его брат Михаил Мишинич был посадником уже в 1272 году и умер в 1280 году. Их отец Миша, следовательно, действовал в середине XIII века. Этому времени на Неревском раскопе соответствуют одиннадцатый–четырнадцатый ярусы. Здесь, казалось бы, надо ждать грамот с именами Юрия, Михаила, Миши.

Эти слои дали немало берестяных грамот, но имена их авторов и адресатов были совсем иными.

В двенадцатом ярусе усадьба «Д» связалась с каким-то Кузьмой. Это имя прочтено в обрывке грамоты № 393 («Кузма даль») и в целом письме № 344, написанном Петром и адресованном Кузьме.

Около того же времени усадьба могла принадлежать некоему Микифору, имя которого также запечатлелось в двух документах — берестяной грамоте № 346, отправленной «от Микифора к тетке», и в грамоте № 412, написанной Лихачом Микифору.

В тех же слоях в 1962 году найден обрывок грамоты № 411, написанной, вероятно, тем же Микифором (уцелел только конец имени автора: «...ора»). И написал он ни больше ни меньше как распоряжение некой Ксении, чтобы она, взяв цепи, заковала в них Матвейца в пивном подклете и приказала бы Костянтину стеречь его до приезда вышеозначенного автора письма.

В четырнадцатом ярусе найдены грамота № 395 — письмо Григория матери и грамота № 350 — письмо от Степана и от матери к Полюду.

Словом, грамоты, происходящие из слоев, которые по всем расчётам должны бы содержать переписку Мишиничей, оказались написанными и полученными совсем другими людьми. Очевидно, предки Варфоломея на усадьбе «Д» не жили.

И это наблюдение, возможно, свидетельствует о более интересном процессе, чем тот, который был бы прослежен, будь грамоты Юрия и Миши найдены на раскопанной усадьбе.

Дело в том, что из исторических деталей, связанных с личностью посадника Юрия Мишинича, нам известна одна чрезвычайно любопытная. В 1342 году архиепископ Василий похоронил тело Варфоломея Юрьевича, первого Мишинича, жившего на усадьбе «Д», в «отне гробе», то есть в могиле, где уже лежали останки его отца Юрия Мишинича. А эта могила находилась в церкви Сорока святых мучеников. А церковь Сорока мучеников соседствовала с раскопанным участком. Этой церкви уже нет, она разрушена в XVIII веке, но на старинных планах Новгорода её обозначали. Расстояние до неё от усадьбы «Д» примерно 150 мет-

ров. Значит, если Юрий Мишинич не жил на усадьбе «Д», то его усадьба была где-то здесь, в том же «микрорайоне» Новгорода.

За пределами раскопа и усадьбы «Д» стояла в древности и каменная церковь Спаса на Розваже. По летописи, эта церковь в 1421 году выстроена Лукьяном Онцифоровичем. Вряд ли возможно сомневаться, что Лукьян был родным братом Юрия Онцифоровича. Но берестяных писем, им написанных или им полученных, на Неревском раскопе не найдено. Значит, и этот представитель семьи Онцифоровичей жил в том же «микрорайоне», однако за пределами раскопанного участка.

А если это так, мы можем наблюдать постепенное увеличение богатств посадничьей семьи, распространение её на всё большую часть городской территории. Владевшая первоначально какой-то усадьбой «икс» семья Мишиничей во времена Варфоломея прочно водворяется на усадьбе «Д», а при Онцифоре и на усадьбе «И».

Иными словами, тот участок принадлежавшей Онцифоровичам территории, который был раскопан в 1953–1962 годах, составлял лишь окраину целого района, подвластного посадничьей семье. Основные её владения располагались за южной границей раскопа, там, где сейчас находится кремлёвский парк и ограничивающая его городская магистраль.

Возможно и другое решение вопроса. Мишиничи с самого начала владели многими городскими дворами, но на большинстве этих дворов жили не сами бояре, а арендаторы. Боярская же семья, увеличиваясь, время от времени переносила свою главную резиденцию из одной усадьбы в другую. Как бы то ни было, наше представление о том, как выглядела посадничья усадьба и чем она отличалась от усадьбы других горожан, неожиданно получило зримый образ боярского гнезда, включающего не одну усадьбу, а несколько, занимающего не отдельную, окружённую частоколом ячейку городской территории, а плотно обосновавшегося на территории большого района Новгорода.

Глава 8 «Бьют челом крестьяне господину своему...»

А о сих пор, путешествуя по времени на посадничьих усадьбах, мы знакомимся только с историей самой находки берестяных грамот, адресованных семье посадников или написанных членами этой семьи. Сейчас все эти письма, которые собирали девять лет, разложены перед нами. Их двадцать шесть. Двадцать шесть кусков бересты, плотно зажатых между стёклами и окантованных.

Одно письмо Варфоломея. Одно написано Лукой. Шесть писем получил Онцифор и два написал сам. Шесть писем адресовано Юрию Онцифоровичу. Восемь — Михаилу Юрьевичу. Одно написано Андреяном Михайловичем. Одно получено Андреяном Михайловичем, его братом и матерью. Двадцать шесть писем и шесть поколений одной семьи.

Но это, разумеется, не все грамоты, связанные с посадничьей семьей. В действительности их больше. Ведь кроме тех писем, на которых сохранились имена адресатов или авторов, на усадьбах «Д» и «И» найдено немало обрывков, утративших свои первые строки.

Имея дело с такими обрывками, нельзя абсолютно точно угадать их адресатов. Однако они найдены на посадничьих усадьбах, в слоях, которые связаны с определёнными периодами в истории посадничьей семьи. Таких обрывков собрано несколько десятков, и они содержат порой не менее ценные сведения для характеристики знатного боярского рода.

О чём же рассказывают все эти письма? Задав этот вопрос, мы подошли к одному из самых важных теоретических споров, касающихся истории средневекового Новгорода. К проблеме экономической природы Новгородской республики. Говоря проще — к вопросу о том, кому в Новгородской республике принадлежала власть.

Перед каждым человеком, думающим о средневековом Новгороде, невольно возникает привычный образ большого торгового города на Волхове. Серая гладь широкой реки расцвечена всеми красками бесчисленных парусов. Перекликаются кормщики. На шумных пристанях скрипят блоки. Проплывают на смолёных канатах тюки фландрских сукон и двинской пушнины. По наклонным помостам с гордо выгнувших свои резные носы ладей и уча-

нов загорелые моряки выкатывают бочки дорогого фряжского вина. Пахнет рыбой, смолой и нагретой солнцем древесиной кедра. Разноголосая, разноязыкая речь — русская и немецкая, шведская и карельская, новгородское «цоканье» и московское «аканье». Шумит торг. А в тени розовых стен церкви Параскевы-Пятницы, покровительницы торговли, бывалые корабельщики плетут небылицы о заморских странах и самозабвенно врут о дочери морского царя и Садке богатом госте.

Что ж! Приблизительно так и было. Один из крупнейших купеческих городов Европы Новгород стоял на пересечении важнейших международных торговых путей. Многие из его дальних связей были проверены и уточнены при раскопках. Среди бесчисленных добытых из земли древних предметов немало и таких, которые привезены из стран Западной Европы, и с далекого Юга, и из пёстрых, голубых и зелёных, стран Средней Азии. Новгород отливал свои деньги-слитки из западноевропейского серебра, вырезал для своих женщин украшения из прибалтийского янтаря, грыз грецкие орехи, причёсывался самшитовыми гребнями, ел беломорскую сёмгу, намыливался в бане средиземноморской губкой, ставил на стол расписную поливную иранскую посуду, кроил фландрские сукна.

Новгород вёз за свои рубежи мёд и воск, северную пушнину, кожу и рыбу, снабжал западноевропейским серебром всю Русь до Рязани и Нижнего Новгорода, с запада на юг и восток перевёзил западноевропейские товары, а на запад — восточные и южные.

На фоне этого колоссального товарообмена перед глазами исследователей долгое время маячили только две основные фигуры — фигура богатого гостя, купца, держащего в своих руках все нити большой торговли, и фигура производителя купеческих товаров — охотника, рыболова, бортника. Принято было считать, что только торговля была основой новгородской экономики. Ни ремесло, ни земледелие на неё не влияли. Летопись пестрит сведениями о нехватке в Новгороде собственного хлеба, который трудно вырастить на тощих северных почвах, а о ремесле она вовсе молчит. И поскольку главной фигурой в Новгороде объявлялся купец, ему принадлежала и вся власть в республике. Все эти посадники, возглавлявшие государство, наверняка составили своё богатство и упрочили его, покупая одни товары, продавая другие и наживаясь на третьих. Так думали почти все историки в XIX веке и многие историки в первой трети XX века.

Потом археологи, добыв и изучив десятки тысяч древних предметов из средневековых слоёв Новгорода, расчистив остатки многочисленных древних мастерских, открыли третью важнейшую фигуру новгородской истории — фигуру ремесленника, владевшего

всеми тайнами обработки металла и дерева, кости и кожи, камня и шерсти, изготовлявшего и бытовые предметы, и инструменты, умевшего не только построить дом, но и наполнить его тысячью великолепно сделанных вещей. А анализ письменных источников — летописей и актов, писцовых и лавочных книг выдвинул на первый план в управлении республикой фигуру боярина-землевладельца, которому принадлежали сёла и пашни, рыбные ловы и промысловые леса. Это его товары перепродавались потом купцами, принося наибольшую прибыль своему первоначальному владельцу. Купец и боярин-земледелец этим анализом были противопоставлены друг другу. Была высказана уверенность в том, что главная роль купца состояла в посредничестве между действительными владельцами богатств — боярами-землевладельцами — и рынком, а власть в Новгородской республике принадлежала кичащимся своим происхождением родовитым хозяевам богатейших и обширнейших земельных угодий. Основу новгородской экономики, источник новгородских богатств современные историки увидели не в международных купеческих спекуляциях, а в эксплуатации боярами массы новгородских крестьян и ремесленников.

И вот теперь эту мысль можно было проверить десятками писем, полученных в городской усадьбе одной из самых родовитых боярских семей, представители которой полтора ста лет правили боярской республикой.

О чём же рассказывают эти письма? О землевладении? Или о торговле? Чем в своей каждодневной жизни были озабочены шесть поколений Мишиничей-Онцифоровичей? Прочитаем те грамоты, которые дают представление об экономике боярского хозяйства.

Начнём с самых древних грамот, с тех, которые извлечены из словес эпохи Варфоломея и Луки.

Грамота № 391, написанная рукой Варфоломея, упоминает «ржи много». В тех же слоях на усадьбе «Д» найдены ещё три грамоты, не сохранившие имён авторов и адресатов. Вот грамоты № 191 и 192 — два фрагмента одного письма: «... верши ко мне 10 деже ржи с Офлемовими людми, а наима даи коробию ржи». Слово «верши» означает зерно, а «дежа» — определённая мера сыпучих тел. Это слово в древнерусских документах впервые встречено в одной из берестяных грамот ещё в 1952 году и с тех пор несколько раз повторилось. Сейчас в некоторых диалектах оно означает квашню, кадку, в которой творят тесто. В древности такими кадками измерялось зерно. Слово «наим» означает здесь плату за перевоз, доставку. Речь в грамоте идёт об использовании крестьян при уборке урожая и о расплате с ними. Грамоты № 320 и 337 из того же слоя (два фрагмента одного документа) сохранились в обрывках. В них исчислены в деньгах, овсе и, вероятно, ржи крестьянские повинности.

Все грамоты времени Варфоломея и Луки говорят о заботах, связанных с землевладением. Перейдём теперь ко времени Онцифора. Оговоримся только, что писем самого Онцифора мы пока не касаемся, они заслуживают особого рассказа.

Грамота № 98, с которой началось наше знакомство с Онцифором Лукиничем, упоминала его рабу и холопа. В ней, по всей вероятности, шла речь о разделе семьи холопов.

Другая грамота — № 99 называет своим адресатом Онцифора. Она написана не очень грамотно, зато сохранилась целиком и читается так: «Поклоно от (Ки)рика к О(н)цифоруо. Прикажживаеши про риби. А мни смедри не платя без рубоа. А ни посла еси цоловека да грамотоу. А цто оу тебе недоборе стари, пришли зеребе».

В грамоте нужно объяснить четыре слова: «смерды» (Кирик пишет с ошибкой «смедри»), «руб», «недобор» и «жеребьи» (у Кирика — «зеребе»). Смерды — это государственные крестьяне, которые платят повинности за пользование в данном случае рыболовными участками. Слово «руб» встречено впервые, но в древнерусских документах известно слово «разруб», которое означает «раздел», раздел земли, раздел участков, раскладку повинностей. Очевидно, доля выплаты повинностей у разных смердов была разной, и Кирик просит Онцифора прислать грамоту, на основании которой он и будет взыскивать с крестьян рыбный оброк; ещё нужно перечислить участки — «жеребьи», с которых Кирик должен получить недоимку — «недобор» за прошлый год или прошлые годы. Снова перед нами землевладельческий документ, хотя речь в нем идёт не о зерне, а о рыбе.

С этой грамотой как бы перекликается целая маленькая — всего в три слова записочка № 325: «Ортимие не недоборной». Там говорилось о списке должников, «недоборных». Здесь же рукой господина или ключника засвидетельствовано, что какой-то Артемий заплатил всё сполна.

Вот ещё одно письмо управляющего своему господину. Судя по месту и уровню залегания, эта грамота, получившая № 102, адресована Онцифору Лукиничу: «Поклоно от... еси велиле велиле верше имати творяце і виновати. Одину три коробеі оув Ыванка оузяле. Староста Олескандрова погоста бееть целомь, сто бы еси, господине, окупиле іхъ і слово положили со мною. Аже ти... окупити іхъ, ты отошли...»

Здесь два трудных слова: «верши» и «окупить». «Верши» — так в Новгороде назывался хлеб на корню или в зерне. «Окупить» значит взять выкуп за крестьянина, который ушёл к другому господину, не заплатив своих долгов прежнему владельцу. Ключник докладывает своему господину, который приказал удержать хлеб у крестьян, заявивших об уходе от него, что у Иванка отбрана первая партия зерна объёмом в три коробы. Другие кре-

стьяне успели уйти в Александров погост, староста которого просит сообщить размер этого долга и разрешить вернуть его позднее, когда крестьяне смогут. А может, он готов и сам расплатиться за них, чтобы потом взыскать с лихвой в свою пользу.

В грамоте № 345 на этот раз господин пишет своим крестьянам: «... а звало есмь васо в городе, и вы моего слова нь послушали. А како приедуто по васо дворянь, тако будит...». Господин грозит прислать дворян к послушавшимся его крестьянам. Как об этом сообщают новгородские законодательные акты, господин в случае неповиновения крестьян должен был сначала вызвать их в город «позовкою», а затем, если это потребуется, послать за ними специального чиновника — «дворянина». По-видимому, в нашем случае дворяне не потребовались. Крестьяне пришли сами и принесли то письмо, которым их вторично вызвали в город к своему господину.

Все эти грамоты снова характеризуют Мишиничей как крупных землевладельцев, всецело занятых в своём хозяйстве управлением обширными вотчинами.

А вот письма, полученные Юрием Онцифоровичем. Эти документы вдвойне ценны для нас не только потому, что они снова и снова рисуют вершителей судеб Новгородской республики вотчинниками, владельцами обширных земельных участков и многих сотен крестьян, но и потому, что в них мы впервые слышим голос самих крестьян, повествующий об их судьбе, о жизни под управлением боярских ключников. Однако будем знакомиться с этими письмами по порядку.

Грамота № 386. В крохотном обрывке жалкие фрагменты слов, но одно из них читается полностью: «о земле».

Грамота № 96. Снова обрывок: «... беземниковъ, и я омеша двои за Федора з бра...». Упоминаются «омеша» — сошники и «беземники» — безземельные крестьяне.

Грамота № 97. Обрывок из начала письма: «Господину Юрию челомъ бее Ортъмъка и Деица. Рожь продають по...». Артёмка и Деица, как можно догадываться, сообщают Юрию Онцифоровичу о ценах на рожь.

Грамота № 104. Обрывок, в переводе не нуждающийся: «... а земля, господине, сама ся окупить твоимъ здоровьемъ».

Грамота № 273. Обрывок письма, посланного Юрию и Афанасию. Его авторами названы Павел и «все мравгичи», то есть жители деревни Мравгичи (возможно, вместо Муравьичи). Снова крестьянское письмо своим господам.

И, наконец, целое письмо, грамота № 370: «Поклонъ ко Юрью и к Микссиму от всихъ сиротъ. Цто еси даль намъ за клуцка, за насъ не стоть, насъ продаеть, и окрадони от ного есми. А лежи ни от ного, не отъезде да. А ми есми в томъ погибли. Аже ему

будеть сидить, намамъ сили ниту сидити. А да намъ смирного человека. А на томъ тебе цоломъ».

В письме много ошибок, пропущенных букв. Это и понятно — ведь написано оно от имени крестьян, называвшихся в Новгороде XIV века «сиротами». В переводе крестьянская жалоба звучит так:

«Поклон Юрию и Максиму от всех крестьян. Кого ты нам поставил ключником, тот за нас не стоит, разоряет нас штрафами, мы им ограблены. А сиди и не смей от него отъехать! А мы из-за этого погибли (разорены)...».

Здесь остановимся, чтобы пояснить слово «лежи», переведенное по смыслу как «сиди». «Лежать» значит находиться без движения. В словаре В. И. Даля имеется производное от этого глагола слово «лежень»: «Лежем в монастырях зовут больничного старца, больного или дряхлого монаха, не выходящего из кельи». Соответствующее место из письма «сирот» нужно понимать так: из-за того, что ключник не разрешает крестьянам отъезжать на промыслы, на охоту, на рыбную ловлю, для выполнения собственных хозяйственных дел, они несут убытки. Ведь и заброшенная, не приносящая дохода земля называется «залезной», лежащей впустую.

Теперь продолжим перевод: «Если ему (предстоит) и дальше сидеть, нам сидеть силы нет. Дай же нам смирного человека — на том тебе (бъём) челом».

Били челом крестьяне господину Юрию Онцифоровичу безуспешно, иначе им не пришлось бы посылать ещё одну грамоту о той же беде. Вот обрывок грамоты № 94. Напомню, что это первое берестяное письмо с посадничьим именем. «Биють целомъ кртыяне господину Юрию Онцифоровицу о ключнике, зандо, господине, не можемъ ницимъ ему оудобритися. Того, господине, съ села... господине, гонить, а себе, господине...».

Здесь только одно трудное слово — «зандо», настолько редкое, что сразу после находки грамоты № 94 его приняли за имя ключника. «Зандо» — диалектное древненовгородское слово, которое означало «потому что». Крестьяне пишут Юрию Онцифоровичу, что ничем не могут угодить ключнику. А может быть, это жалоба других крестьян и на другого ключника?

А вот письмо ключника, вынужденного заступиться за обнищавшую крестьянскую семью, грамота № 353, сохранившаяся в обрывке: «...ны нету. У вдовкиныхъ детеі на тыхъ сохахъ семянъ нету ни деже. І ноне дашь кони і семена, поднята буде земля...».

«Сохой» в Новгороде XIV–XV веков называлась окладная единица, определённое количество земли, с которой владельцу шёл доход от обрабатывавших её крестьян. У вдовкиных детей — детей какой-то вдовы — на их сохах нет ни дежи семян. Земля бу-

дет вспахана и засеяна только в том случае, если господин предоставит коней и семена.

Ещё об одной грамоте, полученной Юрием Онцифоровичем от мельника из Лоствиц — № 167, речь уже шла выше.

В переписке Юрия Онцифоровича мы видим те же заботы, которые одолевали его предков, — заботы крупного землевладельца, распоряжающегося результатом труда многочисленных крестьян при помощи дворян, приказчиков и ключников. Боярские городские усадьбы, эти ячейки огромного новгородского улья, наполнялись богатствами бескрайней Новгородской земли, чтобы стать источником силы, могущества и власти сравнительно небольшого слоя крупнейших землевладельцев Новгорода.

Для характеристики хозяйства новгородской боярской семьи особенно значительна переписка Михаила Юрьевича и его наследников. Вот несколько грамот с перечислением крестьянских повинностей.

Грамота № 161: «Перха 3 кади ржи, Наумь 3 ржи, Огафанок кадь ржи, Грига 2 кади ржи, Кулба кадь ржи, Филимонь 3 кади ржи, Офроеець кадь ржи, Васке 2 кади ржи, у Обакунця 2 кади ржи, у Максимця 2 кади ржи, шестьники 5 кадеи ржи, у Окиша 2 кади ржи, у Тораха 3 кади ржи, Исаць поль 3 третьи ржи, у Съсья 2 ржи, у Токаря 2 ржи, у Микитци кадь ржи, у Доманта 3 ржи, у Овсяника кадь ржи, у Понарьи поль треть ржи, у Юрка 2, у Чупровыхъ 5 ржи».

Только по одной этой грамоте семья Михаила Юрьевича получала единовременно 51 кадь ржи. В связи с этим письмом развернулась небольшая дискуссия о значении слова «шестьник». А. В. Арциховский полагал, что это «княжеский вооруженный слуга». Л. В. Черепнин считал, что так назывался «крестьянин-издольщик, работающий из шестого снопа». Между тем, анализ средневековых текстов позволяет утверждать, что «шестьником» назывался не местный, пришлый человек.

Грамота № 162, её текст занимает обе стороны бересты: «На Ргигорьи 5 коробе овса да коробья жита, на Мине 2 гривни, на Машке 2 гривни, / на Терехе и на Лоутьяне рубли и на ихъ вноучате на Микифоре, на Григорь 4 гривни, на Онане на Пелемчяхъ полтин, на Мешке... коробе ржи». Здесь повинности исчислены не только в ржи, но главным образом в деньгах, а также в овсе и жите. «Житом» в Новгороде называли ячмень.

Грамота № 299: «... от Гриска осмина жри, оу Са... (рж)и, оу Михали оу Шила осмина... (рж)и, оу Лягаца осмина ржи и оу Н... осмина ржи, оу Фефана... осмина ржи, оу Фефилата осмна овъса, оу В... да поль осмини жита». Снова рожь, овёс, ячмень, только теперь в осминах — ещё одной единице измерения зерна.

Грамоту № 313 своему господину Михаилу Юрьевичу пишут крестьяне смердынские, а крестьяне из другой деревни, называющие себя по месту жительства черенщанами, прислали ему два письма. В одном пишут, как по приказу Михаила Юрьевича и ключника они переставляют на новое место двор; это грамота № 157. А другое их письмо — грамоту № 311 — нужно воспроизвести целиком:

«Господину своему Михаилу Юреевичу хрестяни твои череншани чело биеуте. Што еси одода деревенеку Климецу Опарину, а мы его не хъtimo: не суседней челоуеко. Волено Богъ де і ты».

Из содержания грамоты и её тона ясно, что Михаил Юрьевич отдал в аренду некоему Климецу Опарину деревеньку со всеми населяющими её крестьянами. Однако сами крестьяне протестуют против такого решения господина: «А мы его не хотим: не соседний (то есть чужой для нас) он человек», — пишут они о Климе. Последняя фраза письма переводится так: «Волен Бог и ты», то есть «всё во власти Божьей и твоей».

Заметили ли вы, как по своему тону похожи одна на другую крестьянские жалобы, хотя их разделяет порой несколько десятков лет? Методы эксплуатации крестьян не менялись от того, чьими руками извлекался боярину доход с его вотчин — руками ли ключников или вассалов. Бремя же эксплуатации с каждым десятилетием становилось всё более тяжким. Однако увеличение этой тяжести крестьяне склонны были связывать только с переменой тех лиц, которые требовали от них денег и зерна, будь то новый ключник или новый владелец, получивший землю у их старого господина. Сами бояре в этой системе занимают наиболее выгодную позицию. Между ними и крестьянами стоят менее значительные фигуры, действия которых могут со стороны показаться своеволием, а не исполнением боярских приказов. На эти менее значительные фигуры и обращался крестьянский гнев, тогда как сами бояре в глазах крестьян могли казаться даже близкими к Богу заступниками, к которым в трудную минуту можно было обратиться с жалобой.

Разумеется, жалобы к действенным формам протеста против угнетения отнести невозможно. Но за этими жалобами стоит способность крестьян протестовать и более активно. Одним из таких активных способов был переход к другому господину. Намёки на него уже промелькнули в двух грамотах, цитированных выше. В одной, не сохранившей имени адресата, староста просит своего господина, — вероятно, Онцифора Лукинича, — определить размер выкупа за отошедших от него в Александров погост крестьян. А в другой — письме «сирот» Юрию и Максиму — крестьяне прямо угрожают своим господам уходом от них: «Если ключник и дальше будет сидеть, — пишут они, — нам сидеть нет сил».

А вот ещё одна грамота — № 301, в которой такая угроза уже осуществлена. Это целое письмо в шесть строк: «Осподиню Михаилу Юрьвицу синю посадницу паробокъ твои Кля цоло бие. Како, осподине, пожалуеши волости. Половина пуста, и которъ остался, и ти хотя жалуби, хотя, осподине, жалоби цо би, осподине, подати оубавити. А тоби, своему осподиню, цоломи бию».

«Паробком» в средневековом Новгороде назывался слуга. Это письмо, следовательно, написано не крестьянином, а боярским слугой, дворовым человеком. Но вырвавшийся у него крик вызван непосильным бременем податей, обрушенным на спину и плечи крестьян: «Господину Михаилу Юрьевичу, сыну посадничьему, слуга твой Кля бьёт челом. Чем, господин, пожалуешь свою волость? Половина пуста, а кто остался, те хотят, чтобы их пожаловали, хотят, господин, чтобы их пожаловали — подати убавили. А тебе, своему господину, челом бьют».

Грамота № 297 сохранила сведения о другом не менее действенном способе крестьянского протеста: «Целобитье от Сергия з братьеи изъ Рагуилова господину Михаилу Юрьвицу. Стогъ, господине, твои ржаныи цетверетьнъи тати покрали: овиновъ пять свезли вхъ и...»

Сергий и его братья из Рагуилова сообщают Михаилу Юрьевичу, что его ржаной стог украли воры. Ёмкость стога равна пяти овинам. И самый стог называется четвертным. Это обозначение стало возможным расшифровать только путем сравнения с терминологией других берестяных грамот.

Найденная ещё в 1952 году грамота № 23 никакого отношения к посадничьему хозяйству не имела. Она написана другому землевладельцу — Фоме, жившему в конце XIV — начале XV века на перекрёстке Великой и Холопъей улиц, тому самому Фоме, о доходах которого говорилось в первой открытой в Новгороде берестяной грамоте. Но вот что было в грамоте № 23: «Поклоно от Карпа к осподину моему Фоми. Было есми, осподинь, на Пустопържи. Рожь есмь роздилило с Ольксоі і съ Гафанкомо. Ньмного, осподинь, ржи на твою часть — два овина цътвърти. А Пянтликъ видльь самъ». — «Поклон от Карпа господину моему Фоме. Я был, господин, на Пустоперже, разделил рожь с Олексой и с Гафанком. Немного, господин, ржи (пришлось) на твою долю — два овина четверти. А Пянтелик видел сам (то есть: тому свидетель)».

В этой грамоте рассказывается, как боярский приказчик Карп в присутствии свидетеля Пянтелика разделил урожай между Олексой и Гафанком, с одной стороны, и своим господином Фомой, с другой. Фоме досталось два овина, что составляет четверть всего урожая. Следовательно, Олекса и Гафанко обрабатывали принадлежавшую Фоме землю на условиях выплаты ему четверти урожая. Подобное условие существовало и на землях Михаила Юрь-

евича в Рагуилове. Там посадничьему сыну принадлежал четвертной стог объёмом в пять овинов, составлявший четверть урожая, который был собран, по-видимому, Сергием с братьями. Однако стог украли, и Михаил Юрьевич лишился своей доли. Трудно представить, чтобы эту кражу совершили какие-то дальние, посторонние для той местности воры. Украсть немолоченный хлеб могли только живущие здесь же крестьяне, может быть, даже и сам Сергий со своими братьями.

Нам остаётся прочесть только одну грамоту из числа тех, которые характеризуют хозяйство посадничьей семьи. Эта грамота — № 307 — одно из самых ярких свидетельств произвола, царящего в новгородских селах:

«Осподену Ондреяну Михаиловицю, осподену Микыти Михаилоцю, оспоже нашей Настасеи Михаилове жене чоломъ бею хрестьяне избоищане. Здесе, осподо, оу вашей вьлости являютя позовнице оу Горотьнеи, зде являютя ппозовници ложивьи, здесе, осподо, являютя рукуписание лживыя. А перепесысысывають вашъ Нетребуи дьякъ позовници и рукупесаниа лживыя. А творяться печатале Ива Парфе рукусаниуея. А хрестьяну вашъ вамъ, своеи осподи, цоломъ бею».

Письмо пришло в Новгород издалека. Избоище, Черенско, Смердыня, откуда своим господам, наследникам Юрия Онцифоровича, пишут крестьяне избоищане (№ 307), черенщане (№ 311), смердынские (№ 313), находятся в 275–300 километрах от Новгорода, у восточной границы Новгородской земли, на реках Смердомле и Кабоже, почти у самой Устюжны, которая была уже за пределами новгородских владений.

Человек, написавший грамоту № 307, несомненно, был достаточно грамотным. Об этом свидетельствует хотя бы его почерк — уверенный почерк человека, привыкшего писать. Но сейчас, когда ему потребовалось написать челобитье крестьян избоищан их господам, он слишком взволнован, чтобы писать правильно. Он пишет короткие фразы, повторяется, глотает концы слов, заикается. Прислушайтесь: «п-позовници», «перепесы-сысывають». Одни и те же слова пишет всякий раз по-разному: «Михаиловицю» — «Михаилоцю», «рукуписание» — «рукупесаниа» — «руксануея». Ещё бы! В волости Онцифоровичей Избоище, где живут крестьяне-жалобщики, появились «позовници» и «рукописания». «Позовницами» назывались в Новгороде судебные повестки, вызов в суд, а «рукописаниями» — духовные грамоты, завещания.

Но эти «позовници» и «рукописания» — лживые, подложные. А переписывает их дьяк Нетребуй (или ваш человек Нетребуй и дьяк?). Утверждают даже, что «печатал», то есть скреплял эти фальшивые документы некий Иван Парфеев.

Эта грамота найдена в слоях, датируемых при помощи дендрохронологии 1422–1446 годами. А вот что сообщает современник описанных крестьянами избоищанами событий новгородский летописец под 1445 годом:

«...не бе в Новегороде правде и правого суда, и возсташа ябедници, изнарядиша четы и обеты и целованья на неправду, и начаша грабити по селом, и по волостем, и по городу, и беяхом на поругание суседом нашим, сущим окрест нас, и бе по волости изъезжа велика, и боры частыя, кричь и рыдание, и вопль, и клятвы всими людми на старейшины наша, и на град наш, зане не бе в нас милости и суда права».

Здесь речь идёт о событиях, похожих, как две капли воды, на то, что творилось в волости детей и вдовы Михаила Юрьевича. «Ябедники» — так в Новгороде назывались судебные приставы — договорились заняться вымогательством. Летопись подчёркивает именно организованный характер задуманного ими шантажа. Они подобрали сообщников («изнарядили четы»), составили грамоты на взыскание («обеты») и присягнули друг другу в своём намерении выполнить задуманное ими предприятие («изнарядили целованья на неправду»). И начали грабить по селам, волостям и даже в самом Новгороде. И было по волостям разоренье великое. И были крик и рыдание, и проклятия от всех людей на старейшин новгородских — или, как их называет летописец в другом месте, на «бояр бесправдивых», — и на самый Новгород, потому что не было в нём милости и правого суда.

Это очень важное летописное сообщение объясняет одну из главных причин равнодушия простых людей к судьбе Новгородской республики в самый опасный для неё момент, который наступит спустя каких-нибудь тридцать лет: если ещё в XIV веке новгородские крестьяне и ремесленники с оружием в руках защищали вечевой строй, то в семидесятых годах XV века, когда началось присоединение Новгорода к Москве, они уже достаточно хорошо разобрались, кто виноват в том, что легшие на их плечи подати были непосильными, а поборы частыми. И почему не было для них милости и правого суда. В описанном здесь эпизоде, ответственность за который можно было бы целиком возложить на преступных судебных чиновников, новгородские люди сумели разглядеть главных виновников — «бесправдивых бояр», старейшин Новгорода и Новгородской земли, её посадников и тысяцких, членов правящего Новгородом «Совета Господ», которые к середине XV века держали в своих руках все нити политической власти и влияния в городе и его области.

В 30-х годах XV века новгородский архиепископ Евфимий II построил для заседаний «Совета Господ» знаменитую Грановитую палату. Спустя короткое время её расписали фресками, по-

местив около входа сохранившееся до наших дней изображение Христа с раскрытой книгой в руках. В книге легко читается надпись: «Не на лица зряще судите, сынове человечести, но праведен суд судите: им же бо судом судите, судится и вам». И именно в это время в новгородскую литературу прочно входит фигура «неправедного судьи», выступающего не в образе пристава, «ябедника», а в образе посадника-мздоимца Добрыни или посадника-мздоимца Щила. Зло неправедного суда в глазах простых новгородцев начинает выступать в одеждах высших руководителей боярской республики.

Вчитываясь в переписку посадничьей семьи, мы за строками берестяных писем хорошо разглядели, чем жили и как богатели вершители судеб Новгородской республики. Земля, владение земель, эксплуатация крестьян — вот основа благополучия и власти новгородского боярства. В грамотах Мишиничей-Онцифоровичей нет ни слова о заморских товарах, потому что торговля в боярском хозяйстве не играла определяющей роли. Но за строками берестяных писем мы можем увидеть и иную картину — Новгород, одиноко стоящий посреди обширной равнины, лишённой или почти лишённой других центров городской жизни. Вся эта необъятная территория служила основой одному городу, который и года не просуществовал бы, будучи оторванным от своей сельской округи.

Если отдельную боярскую усадьбу можно сравнить с сотами громадного улья, а всё городское посадничье хозяйство — с ульем, то боярский Новгород — это чудовищных размеров пасека, соты которой непрерывно наполнялись мёдом, собранным с бескрайних полей и лугов Новгородской земли. Новгород немислим только в пределах его городских валов. Поэтому, обращаясь к другому образу и сравнивая расцвет культуры Новгорода, его историческую роль в судьбах России, его военные успехи с видимой отовсюду зелёной кроной могучего дерева, мы будем помнить, что это дерево питалось соками, собираемыми со всех концов Новгородской земли.

Этих писем два. Одно, получившее № 354, найдено последним в сезоне 1958 года. Другое — грамота № 358 — первым в сезоне 1959 года. Они могли быть найдены в один день — так близко друг к другу пролежали они шестьсот лет в земле, — если бы не необходимость прекращать раскопки на зиму. Мы просто прочтём их, чтобы поближе познакомиться со знаменитым государственным деятелем и реформатором боярской республики. Ведь в письмах человека так или иначе отражается его характер, а характер Онцифора Лукинича всегда будет интересовать историков.

Грамота № 354 сохранилась целиком. Она исписана с обеих сторон. Содержание письма не уместилось в восьми строках, и Онцифор Лукинич, перевернув лист бересты, дописал конец своего послания на оборотной стороне.

«Челомъ битие к оспожу матери от Онцифора...». Онцифор бьёт челом своей матери, вдове погибшего на Двине Луки. Мы не знаем её имени. «...Вели Нестерю рубль скопити да ити к Юрию к сукладнику...». Мать Онцифора должна приказать Нестеру (по-видимому, управляющему) «скопить» рубль. Рубль в XIV веке был значительной суммой денег. Если выразить её в серебре, то это будет примерно 170 граммов. Нестеру нужно было собрать эту сумму и идти к Юрию. У Онцифора был сын Юрий, но при жизни Онцифора он, по-видимому, оставался ещё маленьким мальчиком: ведь впервые как самостоятельный деятель он упоминается только в 1376 году. Впрочем, уже в следующем слове письма Юрий называется «сукладником». Такой термин в древней Руси означал мастера, делающего сталь. Вероятнее, однако, другое толкование этого слова. Приставка «су-» идентична приставке «съ-». Например, «суклетником» назывался сожитель по келии, но так же грамотно можно было передать это понятие в форме «съклетник». В письме Онцифора, очевидно, имеется в виду его «съкладник» Юрий, то есть компаньон, участник некоего совместного предприятия.

«...Молися ем, что бы конь купиль. Да иди с Обросиемъ к Степану, жеребии возмя, или возметь рубль, купи и другии конь...».

Онцифору, находящемуся где-то вдали от Новгорода, нужно было, чтобы в его отсутствие были куплены два коня. Одного Нестер должен купить за рубль при помощи Онцифорова складни-

ка Юрия, а второго сама мать с Обросием пусть купит у Степана за другой рубль, если Степан согласится, или же за жребий, то есть долю участия Онцифора в каком-то совместном владении.

«...Да прошай оу Юрия полтины, да купи соли с Обросиемь...». Снова упоминается Юрий, на этот раз как возможный кредитор. У него нужно попросить денег на покупку соли. И снова назван Обросий, который был, по-видимому, доверенным слугой Онцифора.

«...А михи и серебра не добудеть до пути, пошли с Нестеромъ симъ...».

Если же мешков и денег не удастся собрать «до пути», то есть до установления летнего или зимнего пути, то, когда дороги наладятся, пусть их привезёт Нестер. Нужно полагать, что на тот случай, если деньги будут собраны раньше, Онцифор надеется получить их одновременно с конями и солью, ожидая к себе Обросия. Очевидно, что письмо написано в распутицу, весной или осенью, когда дороги раскисли от грязи и стали непроезжими для обоза. А что Онцифор ждёт к себе обоз из Новгорода, видно из следующих слов его письма:

«...Да пошли 2 кози, корякулю, пятеъ, польсти, веретища, михи и медвидно...».

Весьма разнообразен потребный Онцифору ассортимент. «Коза» — таган, «корякуля» — некий инструмент, «пятно» — клеймо, «польсть» — тканый или меховой ковёр, «веретище» — холщовый полог, «михи» — мешки, «медвидно» — медвежья шкура.

«...Вели оу Максима оу ключника пшенки попросати и диду молися, что бы ихаль в Июриевъ монастырь пшенки попросаль; а сдисе не надисся» — «Вели попросить у Максима-ключника пшёнки, и деду поклонись, чтобы ехал в Юрьев монастырь попросить пшёнки; а здесь её достать нечего и надеяться».

Это заключительная фраза Онцифорова письма, конец которого весь посвящен поискам «пшёнки», пшённой крупы. Скажу откровенно, когда грамота № 354 была дочитана до этих слов, у всех участников экспедиции возникло сомнение, тот ли это Онцифор. Знаменитый государственный деятель, богатейший новгородский землевладелец — и вдруг разослал всю свою семью и челядь искать «пшёнку». И к Максиму-ключнику нужно за ней толкнуться. И деду неплохо бы собраться да съездить в Юрьев монастырь — может, там не откажут? Наверное, именно из-за этих сомнений первое письмо Онцифора Лукиничича не было даже включено в предварительную журнальную публикацию грамот 1958 года, в которой изданы куда менее значительные документы.

Сомнения рассеяла работа Алексея Васильевича Кирьянова, реставратора древних предметов, археолога и историка земледелия, долгие годы связанного с Новгородской экспедицией. А. В. Кирьянов, организовав экспедиционную лабораторию, обес-

У К Л О М Ъ Б Н Т И Т Е К О Р Ж Н М Т Д И Ц О Н С И Ф О Р А В Е С Л И Н Е С Т Ъ Д Ю А К
 Б Л Ъ С К Р П И Т Н А А Н Т Н К С Н Ю Р Н Ю К С К Л А Ф Н Н К У М О Л Н С А К М
 У Т О Б Е Т К О Н Б Д Н Л Ъ Д А Н Д А Н С О Б Р О С Н К С Т Ъ П А Н У Ж Е Д Е Б Н Н В О
 Х Т М А Н Л Н В О З М Е Т Ъ Б У Б Ъ К У П Н Н А Р Г Н Н К О Н Ъ Д А П Р О Ш А Н О У Р А Н А П О
 П У Т Н Н Д А К У П Н С О Л Ъ С О В А Д К Н Е К Т Ъ А М Н Х Н Н С Д С Е Б А Н К А О Б Ч А С Е Т Ъ Д
 П О Л Ъ Т Н В С А С Т Н Ш А М Н Х Н Н М Е А В Н А Н О В Е Л Н Д У М А К С Н М А О У С Л А Ю Н Н
 К А П Ш Е Н И К Н П О П Р О Ш А Т Н...

ВНУТРЕННЯЯ

Н А Н Д А К М О Л Н С А У Т О Б Е Т Н Х А Л Ъ
 В Н Ю А Н Ч Е В М О Н А С Т Н А З П Ш С К И С Н П
 П Р О Ш А Л Ъ В А С Е Н Е Н А Д Н Н К

ВНЕШНЯЯ
СТОРОНА
КОРЫ.

Грамота № 354

печившую первичную сохранность берестяных грамот и тысяч древних вещей, изучал средневековое новгородское земледелие. Бывший агроном, он и в экспедиции всё свободное время проводил в исследовании и подсчёте добытых из древних слоев зёрен, которых за годы раскопок было найдено несколько миллионов. И вот, подсчитывая эти зёрна, он смог установить судьбы разных сельскохозяйственных культур в разные века новгородской истории. Оказалось, в частности, что просо, которое было главной культурой в X веке, уже в XI веке стало энергично вытесняться рожью. В XII веке проса ещё довольно много, хотя и меньше, чем ржи. В слоях XIII века его становится мало, а в слоях XIV и XV веков встречаются самые ничтожные количества проса. В эту эпоху пшено было дефицитным товаром, и любителям пшённой каши, даже если они принадлежали к числу государственных деятелей и крупнейших землевладельцев, не зазорно было искать его, возлагая надежды на богатейший Юрьев монастырь.

Мы с вами прочли первое письмо Онцифора. Кроме того, что его автор любил пшённую кашу, мы узнали о нем ещё кое-что. Его письмо, посвящённое хозяйственным заботам, проникнуто живыми чертами характера беспокойного человека, привыкшего вникать в каждую мелочь, всё предусмотреть и приказывать так, чтобы не осталось малейшей неясности в его распоряжениях.

Когда было написано это письмо? Девятый ярус, в слоях которого найдена грамота, данными дендрохронологии датируется 1340–1369 годами, то есть включает весь период известной по летописям деятельности Онцифора Лукиничича. Ведь он впервые упомянут под 1342 годом, а умер в 1367 году. Однако обратите внимание на то, что в момент написания письма он находился в весьма неблагоприятных, стеснённых обстоятельствах. Он не может послать сам двух рублей на покупку коней и полтины на покупку соли. Он нуждается во многих необходимых вещах, не имея возможности раздобыть их там, где находится. По-видимому, есть достаточно оснований, чтобы согласиться с предположением Л. В. Черепнина, что письмо написано Онцифором вскоре после событий 1342 года, когда он вынужден был бежать из Новгорода и скрываться от своего политического противника посадника Фёдора Даниловича. Именно в это время, когда сгорели городские усадьбы, в стеснённых обстоятельствах находилась и вся его семья.

В том же тоне рачительного хозяина выдержано и второе письмо Онцифора — утратившая конец грамота № 358, также адресованная «госпоже матери»:

«Поклонъ оспожи матери. Послалъ есмь с посадницимъ Мануиломъ 20 бель к тебе. А ты, Нестере, про чицякъ пришли ко мни грамоту, с кимъ будешь послалъ. А в Торжокъ приихавъ, кони корми добрымъ синомъ. К житници свои замокъ приложи. А на

гумни стой, коли молотятъ. А кони корми овсомъ при соби а в миру. А в клить ржи с... перемиръ и овесъ тако же. А сказываи, кому надоби рож ли или овесъ...».

В письме нет имени автора. Но его почерк нам уже хорошо знаком по грамоте № 354. Это почерк Онцифора Лукинича. Есть в письме и другие родственные грамоте № 354 приметы. Один и тот же адресат — «госпожа мать». Снова упоминается Нестер, который должен прислать с кем-то грамоту Онцифору относительно шлема (шишака, «чицяка»). И снова подробнейшие мелкие распоряжения, адресованные Нестеру, который едет в Торжок. Напомню, что по соседству с Торжком находится Медное — вотчина семьи Онцифора. По приезде в Торжок коней нужно кормить добрым сеном. К житнице следует приложить собственный замок, так будет надёжнее. И на гумне нужно самолично наблюдать за молотью. А коней пусть кормят на глазах у адресата письма, но в меру. Рожь и овёс следует свезти в клеть и перемерить. И сообщить, кому надобны рожь и овёс...

Эта грамота также найдена в слоях девятого яруса. Судя по тому, что Онцифор посылает матери с «посадничьим Мануилом», возможно, с казённым курьером, сравнительно небольшую сумму денег в 20 бел (это примерно пятая часть рубля), и этот документ относится к тому времени, когда каждый рубль наличных денег Онцифору требовалось «скопить».

Таким образом, оба собственноручных письма Онцифора возможно относить к началу его политической карьеры, к тому периоду, когда его семья переживала особые трудности. Но ведь характер человека лучше всего проявляется именно в трудных обстоятельствах, и этот характер прекрасно передан обоими автографами Онцифора Лукинича.

Ещё несколько слов следует сказать здесь об одной грамоте, найденной не в очевидном для нас посадничьем усадебном комплексе, а на усадьбе «Г», расположенной в северной части Неревского раскопа, за Холопьевой улицей. Эта грамота — № 59 — извлечена из напластований десятого яруса, датируемого 1313–1340 годами:

«Поклоно от Омросии ко Степану. Язо во пороуки за сироти. А ныне... полои води язо выдаюся с тобою... мыслився, тако буду к тоби. А ты выдаеши а... А дар ко соби восьми. А по семо болша боуде...». Текст настолько изуродован, что дать сколько-нибудь целостный его перевод невозможно. Однако совершенно очевидно, что перед нами часть переписки уже знакомых нам по грамоте № 354 Обросия (Амвросия) и Степана.

На посадничьих усадьбах «Д» и «И» в слоях, безусловно связанных с хозяйством семьи Мишиничей-Онцифоровичей, найдено ещё несколько грамот, адресованных иным лицам и как будто выпадающих из круга переписки этой семьи. Какие извилистые пути привели все эти письма в посадничий двор? Важно то, что их невозможно связать ни с посадничьей челядью, ни с арендаторами, которые могли бы временно жить на усадьбе Онцифоровичей. Нет, адресаты этих писем — люди того же круга, что и владельцы усадеб. Содержание полученных ими писем во всех случаях рисует нам тот же мир крупного землевладения.

Вот документ, найденный в слоях времени Юрия Онцифоровича, — сохранившаяся в обрывке грамота № 314: «Челобетье от Олоферья къ Олексндру. Велел есе его, Мекефора, съгнате... чюль есмь от людѣ: Мекефорко хъцьть оу тьбе прошатесе на Лунену. А на Лунене человекъ добръ. А сбродну... (веры) не име».

Некий Олферий пишет Александру о крестьянине Микифоре. Александр велел согнать с земли Микифора, которого Олферий называет презрительно «сбродней», сбродом, бродягой. По дошедшим до автора письма слухам, Микифор собирается просить своего господина, чтобы тот перевёл его куда-то на Лунину, и Олферий услужливо напоминает Александру, что на Лунине уже сидит «человек добр», не в пример Микифору, которого ни в каком случае не нужно туда пускать.

Грамота № 352 найдена на усадьбе «И» в слоях, связанных с хозяйством Михаила Юрьевича. Это письмо особенно интересно для нас. Его адресатом назван сын посадника. Письмо дефектно, от него оторвана вся левая половина. Лишь обрывки его шести строк могут быть прочтены: «...(Олекс)андровичю сыну посадничю слуги твоѣ, господине, ...мосюку што еси, господине, хлебо велело ...тошомо. Ино тото хлебо; господине, крестьяне пере(молотили)... господине, не слушали, а которые, господине, остат... мы ты, господине, молотимо да сыплемо, господине, в жы(тницу)... хлеба, господине, перемолотили кретеяне...».

Хлеб, крестьяне, молотба — вот о чём повествует грамота, написанная посадничьему сыну — не известному по имени Александру ключником, который, униженно кланяясь, умудрил-

ся в тридцати шести разобранных в обрывке письма словах обращение «господин» употребить восемь раз.

Александр и посадничий сын Александрович. А может быть, эти лица отнюдь не чужды боярскому клану Мишиничей? Проверим это предположение. Одним из представителей Неревского конца в боярском коллективном руководстве Новгорода был некий Александр Игнатьевич. Сначала он занимал пост тысяцкого, а в 1416 году или годом позже стал посадником. У Александра Игнатьевича был родной брат Василий. Оба брата известны по сохранившимся свинцовым печатям, на которых они титулованы новгородскими тысяцкими, а имя Василия Игнатьевича фигурирует и в составленных в конце первой четверти XV века летописных списках тысяцких. Между тем ещё в 1954 году при наблюдениях над благоустройством Садовой (Розважей) улицы — она ограничивает с юга Неревский раскоп — в выбросе из траншеи городских коммуникаций случайно была обнаружена берестяная грамота № 135. Датированная по палеографическим признакам рубежом XIV–XV веков, она содержит следующий текст:

«Целобетье от Иева къ Василью Игнатьву. Цо еси посла детину да седла да выжля, по тому опознавъ да отадбели. А цо было живота твоего и моего, то все взяли, а самого смертью казнили. А нонече, осподин, пецалесь детьме моими». Сразу переведем этот драматический текст: «Челобитье от Иева Василию Игнатьеву. Слугу, что ты послал с сёдлами да с гончей, по ним (то есть по сёдлам и гончей) опознали и обвинили в краже. А что было из имущества твоего и моего, то всё взяли, а самого (слугу) смертью казнили. Позаботься же теперь, господин, о детях моих (то есть прими на себя заботу о моей семье)». Следует обратить внимание на то, что находка этого письма позволяет предположить, по крайней мере, близкое соседство усадьбы Василия Игнатьевича к городским владениям Михаила Юрьевича. А также заподозрить, что грамота № 314 адресована брату Василия — Александру Игнатьевичу, а грамота № 352 — его племяннику, сыну посадника Александра Игнатьевича.

Имя Игната — отца Александра и Василия, по-видимому, также проявляется в берестяных грамотах Неревского раскопа. В одной из следующих глав будет подробно рассказано о найденной в слое последней четверти XIV века на усадьбе «И» грамоте № 363. Здесь же обратим внимание на её последнюю фразу: «А цто рубль дать Игнату, и ты даи».

Однако интересующий нас Игнат известен летописцу и в гораздо более раннее время, когда был ещё мальчиком. Вернёмся снова к уже известным нам событиям 1342 года. На Двине убит отец Онцифора Лука Варфоломеевич, в чьей гибели обвиняют посадника Фёдора и Одрешку. Цитирую летопись: «И Онцифор

с Матфеем созвони веце у Святеи Софеи, а Фёдор и Ондрешко другое созвониша на Ярославли дворе. И посла Онцифор с Матфеем владыку на веце и, не дождавше владыце с того веца, и удариша на Ярославль двор, и яша ту Матфея Коску и сына его Игната, и всадиша в церковь, а Онцифор убежа с своими пособники; то же бысть в утре, а по обеде dospеша весь город, сия страна собе, а сиа себе; и владыка Василии с наместником Борисом докончаша мир межи ими».

Итак, Игнат был сыном Матфея Коски. Ну, и что же из этого следует? И кто такой Матфей Коска, выступающий рука об руку с Онцифором? Активное участие Матфея Коски в демарше Онцифора Лукиничича становится понятным, если учесть, что летописные списки посадников именуют Коску «Матфеем Варфоломеевичем». С этим полным именем он фигурирует и в самом летописном рассказе ещё дважды — когда в 1340 году руководил взятием Торжка во время размирья с московским князем Семёном Гордым и когда в 1345 году вторично был избран в посадники. Его отчество указывает на то, что он был сыном Варфоломея Юрьевича, а единство действий с Онцифором Лукиничичем естественно, так как убитый в Заволочье Лука Варфоломеевич был его родным братом.

Не исключено, что именно Матфею Коске адресована берестяная грамота № 5 из находок 1951 года, обнаруженная на усадьбе «Б» в слое восьмого–десятого ярусов (1340–1382 годы): «Поклоно от Давыда и от Есифа къ Матфею. Постои за нашего сироту. Молви дворянину Павлу, Петрову брату, дать грамоте не дасть за него» — «Поклон от Давыда и Есифа к Матфею. Постой за нашего крестьянина — скажи дворянину Павлу, Петрову брату, что бы грамоту (о закабалении) не давал на него».

От того же Давыда тому же Матфею адресована грамота № 146 с усадьбы «Б», дошедшая до нас в обрывке: «Поклоно от Давыда к Матфию. Куме, не измот(чавь)...». Давыд называет Матфея кумом и просит его что-то сделать без промедления («не измотчав»).

Один из авторов грамоты № 5 Есиф был сыном другого автора той же грамоты Давыда. В этом убеждает найденное на той же усадьбе «Б» письмо самого Матфея — грамота № 65, начинающаяся словами: «Поклоно от Матвия ко Есифу ко Давидову...». Об этом человеке знал и летописец: под 1342 годом он записал, что во время уже хорошо нам известного большого пожара Неревского конца погиб «муж добр» Есиф Давыдович.

Игнат был не единственным сыном Матфея Коски. Летописный список посадников содержит следующий текст: «Матфеи Валфромеевич, сын его Микита». О получении посадничества Микитой Матфеевичем летопись сообщает под 1360 годом, в дальнейшем уже не упоминая его. Между тем дети Микиты оказываются

ЧЗЛВБНТННЦПРААННЦННВРАОЧ
 ВЧЛЗНЦТВОИХЗХРЕСТНАНОКОТОРЗЖХДЕСТНАН
 ЛНЗАМЛЕКСЕК.ЗЛЦЧКОНОНЦПРААННЦМЛЕКСНН
 ЦВОННХРЕСТНАНЗГОПЕЧАЛНШКЕНАДЕКМСАМ

КОМЦ.ННАРННДАННЧЮТВЗКГЗЛНЧННКАМВА
 Н.СЗЛВВГРНШЛНЗАТЕБАЗАХАКАДАНЕСТЕАКЕЖН.
 НЕХОЧЕНАМЗРЖДАТНКАКОСАМСПРААННЦНАМН
 ЦПРААННЦБОГА.ННАТББАНАСВОНЦГОСПАНА

Грамота № 310

тесно связанными с Козмодемьянской улицей. Вспомните приписку к «Прологу» 1400 года. Там среди имен «боголюбивых бояр улицы Козмодемьяне» названо имя Дмитрия Микитинича. А в 1955 году на усадьбе «К» (в южной части Неревского раскопа) в слое третьего яруса (1429–1446 годы) была обнаружена костяная прикладная печать Василия Микитинича, то есть предмет, находившийся в его личном пользовании. Как посадник Василий Микитинич известен в документах 1420–1423 годов.

Как мы уже знаем, у Варфоломея Юрьевича, кроме Луки и Матфея, был ещё сын Иван, владелец красивой ложки с его именем. Следует отметить изящество, с которым Варфоломей нарекал при крещении своих сыновей. Все они носят имена евангелистов: Матфей, Лука, Иоанн. Не было ли у него ещё и Марка? В очередности евангельских книг Марк был вторым. Какой-то Марк, явный землевладелец, упоминается в найденных на усадьбе «Б» в слоях 1299–1340 годов берестяных грамотах № 140 и 142. Он жил на одной улице с владельцем усадьбы «Б» Давыдом, поскольку в свидетели его денежного расчёта с Давыдом грамота № 140 призывает их «уличан».

Всё рассказанное здесь об адресатах прочитанных в этой главе грамот ведёт нас к важнейшему выводу. Установив в предыдущих очерках, что Лука, Онцифор и Онцифоровичи владели не одной, а по крайней мере двумя усадьбами — «Д» и «И», мы выясняем теперь, что потомки Варфоломея от другого его сына — Матфея владели дворами в ближайшем соседстве с Лукиничями. Следовательно, сосредоточив внимание на Лукиничях, мы оставались в пределах лишь одной из ячеек большого боярского клана, которому в Неревском конце принадлежала куда большая, чем мы представляли себе, территория, состоящая из значительного числа компактно расположенных усадеб, которые в начале XIV века находились во владении Варфоломея Юрьевича.

К этой теме нам ещё предстоит вернуться. А сейчас познакомимся с письмом, найденным на Неревском раскопе, но адресованным человеку, жившему совсем в другом районе Новгорода.

Грамота № 310, найденная на усадьбе «И» в слое того времени, когда этой усадьбой владел Михаил Юрьевич, — целиком сохранившееся письмо ключника Вавулы своему господину:

«Цьлобитие осподину посаднику новгороцкому Онедрию Ивановицю от твѣегъ ключника от Вавулы и от твоихъ хрестияно, которые хрестияни с Ылова пришли за тебя Захарка да Нестерке, жили за Олексее за Щукою. Ноне, осподине, Олексии не хоце намъ ржы дати. Како ся, осподине, нами, своими хрестияны, попецьялише. Надеемся, осподине, на Бога и на тебя, на своего осподна».

Здесь перед нами два землевладельца-соперника. Крестьяне Захарка и Нестерка раньше принадлежали некоему Алексею

Щуке, который отказался выдать им рожь (для посева или еды). Теперь они перешли к Андрею Ивановичу, и вместе с ключником спрашивают его, примет ли он их в свою вотчину.

В данном случае имеется возможность точно установить обратный адрес этого письма. Волость Илово находилась, как об этом свидетельствуют писцовые книги конца XV века, в Удомельском погосте Бежецкой пятины, там же упомянута и деревня Щукино. От Новгорода до этих мест 220 километров на восток.

Читая письмо нового для нас адресата посадника Андрея Ивановича, мы видим, что и в других, но принадлежащих тому же кругу руководителей Новгородского государства ячейках Новгородской земли жизнь устроена по тому же образцу, который стал для нас ясен, когда мы читали письма, до нас полученные и прочитанные Онцифором Лукиничем, Юрием Онцифоровичем и Михаилом Юрьевичем. Дни других посадников и посадничьих детей наполнены теми же заботами, их доходы образуются теми же способами, их взаимоотношения с миром простых людей строятся по той же системе.

Из-за строк берестяных писем перед нами рядом с красочным Новгородом иноземных товаров и загорелых моряков вырастает другой Новгород, власть в котором принадлежала владельцам разбросанных по всей Новгородской земле крупнейших вотчин, десятков деревень и промысловых угодий.

Перебирая берестяные письма Мишиничей-Онцифоровичей, мы каждый раз убеждались, что предположения современных историков, высказанные ещё до находки берестяных грамот, верны. Теперь эти предположения перестали быть всего лишь гипотезами. Да, власть в Новгороде принадлежала крупнейшим землевладельцам. Да, источником богатства и могущества этих землевладельцев была прогрессирующая эксплуатация простого населения Новгорода и Новгородской земли. Да, торговля в Новгороде не играла первостепенной роли, и купцы занимали в нём подчинённое положение. Ради только этих трех «да» стоило девять лет волноваться, вскрывая по кускам пласты посадничьих усадеб. Даже если бы поводов для волнения было во много раз больше, поскольку большие и малые проблемы вставали перед экспедицией с каждой новой находкой.

Вернёмся к письму ключника Вавулы. Попытаемся отыскать его адресата, посадника Андрея Ивановича, в летописях и других известных прежде источниках. Эти поиски сразу же увенчаются успехом даже не на сто, а на двести процентов. Дело в том, что в XV веке в Новгороде было два посадника с таким именем. Один из них жил в 30-х годах, когда его и избрали в руководители боярского государства. От этого Андрея Ивановича сохранилась до наших дней грамота на пергамене, в которой утвержда-

ется дарение одному из монастырей большого земельного участка. А другой упоминается в летописи дважды, оба раза с посадничьим титулом, под 1415 и 1421 годами.

Какой же из двух Андреев Ивановичей был адресатом ключника Вавулы? В момент находки этой грамоты в ответ на такой вопрос можно было только сокрушённо развести руками. Разница в десять лет так мала, что уловить её обычными средствами археологической методики было просто невозможно. Однако успехи в применении к новгородским древностям дендрохронологии позволили теперь уловить и такую незначительную разницу.

Грамота № 310 найдена в напластованиях пятого яруса. А этот ярус средствами дендрохронологии датируется теперь временем с 1409 по 1422 год. Значит, адресатом грамоты № 310 был более ранний Андрей Иванович, тот посадник, который упоминается под 1415 и 1421 годами.

О нём известно очень немного. Летописец рассказывает, что 11 августа 1415 года, когда новгородцы избрали нового архиепископа Симеона, посадник Андрей Иванович торжественно провозгласил его владыкой. Этот рассказ вряд ли способен принести какую-либо пользу при решении вопроса, где жил Андрей Иванович и как адресованная ему грамота попала на усадьбу Михаила Юрьевича. А вот второй рассказ летописи — под 1421 годом — для нас очень важен.

«И в Новгороде воссташа бранью два конца, Неревськии и Славенскии, за Климентия Ортемьина про землю на посадника Ондreja Ивановича и пограбиша двор его в доспесех и иных бояр разграбиша дворы напрасно. И убиша Андреевых пособников 20 человек до смерти, а неревлян 2 человека и умиришася».

Кто такой Климентий Ортемьин, из-за которого в 1421 году в Новгороде пролилась кровь, летопись не сообщает. Может быть, со временем, когда будут найдены его собственные письма на бересте, мы сможем познакомиться с ним поближе. А пока таких писем нет. Причина кровопролития обозначена также чрезвычайно скупо, однако весьма выразительно: «про землю».

Но вот что для нас имеет особую ценность — косвенное указание на место жительства посадника Андрея Ивановича. На него восстали надевшие доспехи новгородцы из двух концов города — Неревского и Славенского. Такого указания было бы достаточно, чтобы не пытаться искать усадьбу Андрея Ивановича в Неревском и Славенском концах. Там жили его враги. Но летописец позаботился о том, чтобы устранить любые сомнения. Он прямо написал, что Андрей Иванович и его люди не были жителями Неревского конца. Неревляне и люди Андрея Ивановича противопоставлены: «И убиша Андреевых пособников 20 человек до смерти, а неревлян 2 человека».

Итак, Андрей Иванович жил не в Неревском конце. А грамота, адресованная ему, оказалась в Неревском конце. Но ведь

двор Андрея Ивановича грабили как раз неревляне, жители Неревского конца. Теперь, чтобы замкнуть круг, нам осталось предположить, что эту грамоту на усадьбу Михаила Юрьевича принесли неревляне, которые, восстав против живущего где-то в другом районе Новгорода Андрея Ивановича, разграбили его двор.

Разумеется, самого факта находки грамоты ограбленного человека на чужой усадьбе, даже если эта усадьба была в стане врагов ограбленного, недостаточно, чтобы прямо обвинить владельца такой усадьбы в причастности к нападению. Ведь, в конце концов, письмо ключника Вавулы мог на дворе Михаила потерять даже сам Андрей Иванович. Но этого факта достаточно для того, чтобы в Михаиле Юрьевиче заподозрить одного из организаторов нападения неревлян на усадьбу посадника Андрея. Такие нападения и раньше организовывались одними боярами против других в борьбе за власть над Новгородом, особенно до проведения Онцифором Лукиничем его реформы. Здесь же причина была ещё более глубокой — земля, эта основа и богатства, и власти новгородских бояр.

Но вот что ещё интересно. Нападение на посадника Андрея Ивановича произошло в тот момент, когда всё боярство Новгорода было напугано разыгравшимся незадолго перед тем — в 1418 году — сильнейшим в истории Новгорода народным восстанием. Именно в ходе этого восстания новгородские чёрные люди в первый раз продемонстрировали противоположность своих интересов интересам боярства в целом. Придя к стенам Никольского монастыря, они говорили: «Здесь житницы боярские. Разграбим супостатов наших!» Боярство в годы, последовавшие за восстанием, искало любых возможностей для укрепления своего государства, для преодоления своих внутренних противоречий, соперничества и распрей, чтобы, сплотившись, быть готовым к отражению новых народных движений.

И как раз в это время Михаил Юрьевич, внук крупнейшего реформатора боярского государства Онцифора Лукинича, организует столкновение внутри боярского общества, направляя своих приверженцев против одного из главных руководителей боярской республики — против посадника. Такие его действия наверняка должны были восстановить против него боярство и получить осуждение. Может быть, именно после этого события и закатилась звезда политической карьеры Онцифоровичей? Ведь в последний раз участие этой семьи в управлении Новгородом ознаменовалось поездкой Михаила Юрьевича на Нарвский съезд в январе 1421 года, то есть буквально перед самым нападением неревлян на посадника Андрея. С тех пор ни он, ни его дети никакого участия в новгородской политической жизни не принимали.

Возможно, именно так всё и было. Но — повторим ещё раз — всё это не больше чем предположение.

Глава 11 Два Максима или один?

Первое знакомство с Максимом, одним из жителей усадьбы «Е», состоялось в 1953 году. Тогда в слое восьмого яруса — а этот ярус датируется 1369–1382 годами — был найден обрывок берестяной грамоты № 91. Это начало письма, автор которого со вкусом повёл неторопливую речь: «Поклонь от Ларьяна ко свату моему Максиму. Тако...». Что следовало за этим «тако», узнать не довелось: вся остальная часть письма безжалостно оторвана.

Минуло четыре года. Раскоп, заложенный на основной части усадьбы «Е», прошёл слои XVI века, потом через толщу напластований XV столетия опустился на три метра, достигнув уровня восьмого яруса. И здесь Максим снова подал весть о себе, на этот раз написанную уже собственной рукой: «От Маскима ко десясцянамо. Дать Мелеяну 8 деже, накладо и ве(р)ши. А ты, старосто, сбери».

В этой записке, сохранившейся целиком и получившей № 253, Максим, который пишет своё имя в варианте «Маским», отдаёт хозяйственные распоряжения старосте деревни Десятское. «Десясцяне» — жители этой деревни. Крестьянин Емельян должен вернуть Максиму выданную ему ссуду зерном вместе с набравшими процентами, «накладом», — всего восемь дежей. Старосте предписывается забрать у Емельяна этот долг. А затем новые известия о Максиме были найдены одно за другим.

Вот грамота № 271, возможно, одна из самых замечательных берестяных грамот вообще. Она сохранилась почти целиком, написана изящным и уверенным почерком человека, привыкшего и любившего писать: «Поклоно от Якова куму и другу Максиму. Укупи ми, кланяюся, овса у Ондreja. Оже прода, возми у него грамоту. Да пришли ми чтения доброго. Да вести ми прикажи о... дее во годе. Оже ти ту не буде овса и... Возми со собою».

Кум и друг Максима Яков нуждается в овсе. Он просит Максима купить для него овёс у Андreja. Если тот согласится продать, нужно взять у него какую-то грамоту, может быть, расписку в получении денег за овёс. Что должен сделать Максим, если не будет овса, сказать затруднительно; эта часть письма пострадала.

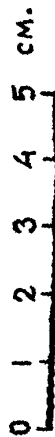
Всё это, конечно, очень интересно. И нужно надеяться, что Яков не остался без овса. Однако самое интересное содержится в той фразе, которую я сознательно пропустил при изложении письма Якова. Яков пишет Максиму: «Пришли мне, чтения доброго». Ему нужна интересная книга. Здесь не может подразумеваться книга богослужебная. Ес-

ВНУТРЕННЯЯ
СТОРОНА
КОРЫ

ПОКРОНОУАКОВА КУМУНДРУГУМАК (НЛУУКУПМННКАНАЮСА
 WBAYWANDPЕА WЖЕПA QD QBOZM HУNEГO PPAWOTY DA BPH шд.
 NH чТЕННА ДА СЕРОГО ДА БЕ СТНМНПРН СОЖН Шд.
 ДЕКВОГДИ ПЗКЕ ТАТУА СЕУ PENEWA

ВНЕШНЯЯ

BOZMH(COBOH)

Грамота № 271

ли бы Якову нужна была книга для церковной службы, он точно назвал бы её, потому что выбор таких книг был строго регламентирован.

Якову нужно какое-то занимательное чтение. Может быть, летопись. Или воинская повесть. Или переводная повесть. Или житие какого-нибудь военного святого, которое для средневекового читателя было тем, чем для современного — приключенческие романы. Максим знает вкусы своего кума и друга Якова и сам решит, какую книгу выбрать, чтобы она понравилась Якову.

Впервые из этого письма мы убедились, что грамотность, широко распространённая в Новгороде, развивала у некоторых людей вкус и охоту к чтению. И, между прочим, познакомились с результатами этого привлекательного процесса. Письмо Якова написано свободно, живым, не связанным языком, принадлежащим человеку интеллигентному. Но это письмо важно и для характеристики нашего Максима. Человек, который мог выбрать для своего друга интересную книгу, несомненно, должен был располагать библиотекой таких интересных книг. А это незаурядная деталь. Кроме того, он, наверное, был неплохим человеком, если друзья не стесняются нагружать его поручениями.

А вот ещё одно письмо к Максиму — грамота № 272. Его автор далеко не так благодушен, как Яков. Напротив, он раздражён. И не без причины. Почитаем, что он пишет: «От Савлия ко Максиму. Како стоя пришли конь. Цему мя еси погубиль. Въ други рядъ рать ударила подо Копорию, а я безъ другого коня животь пометаль, а иное розроняль. А ноне пришли... Полохе ли буде, на одиномо коне не дома... ни дровна, ни матери послати на цемь. А... ти ...те. А съ мною...».

Письмо дошло до нас в обрывке, но смысл его целиком понятен: «От Савлия к Максиму. Немедленно пришли коня. Зачем ты меня погубил? Во второй раз рать ударила под Копорьем, и я без второго коня имущество побросал, а иное растерял. Пришли же теперь... Если будет тревога, на одном коне нет дома (возможности что-то сделать) — ни дров (привезти), ни матери послать не на чем...».

Копорье — новгородская крепость неподалёку от побережья Финского залива. Этот пункт нетрудно найти и на современной карте. Сражения около Копорья происходили часто, в том числе и в XIV веке. Там новгородцы могли драться и с немцами из Прибалтики, и со шведами из-под Выборга. Правда, в годы, которым соответствуют напластования восьмого яруса, никаких сообщений о битвах под Копорьем нет. Однако наше внимание должно привлечь летописное сообщение 1377 года о том, что новгородские «люди молодые» ходили воевать к «немецкому городку на Овле». Этот городок находился в «Каянской земле», «на море Окияне», и, следовательно, у Новгорода тогда было столкновение со

шведами. Может быть, именно тогда и ударила под Копорье рать, чуть не погубившая Савлия.

По тону письма видно, что Савлий не был воином. Он, связанный какими-то отношениями с Максимом, жил под Копорьем, оказался в полосе военных действий и едва унёс оттуда ноги, в чём склонен обвинять Максима. Если бы тот дал ему ещё одну лошадь, то Савлий смог бы на двух лошадях увезти из дома всё ценное имущество. И вообще вторая лошадь очень нужна ему в хозяйстве. Без неё, как без рук: ни дров привезти, ни к матери съездить...

Савлий ведёт счёт обидам, виновником которых оказался Максим. Он пишет, что тот его «погубил». И начинает своё письмо не очень вежливо. Обратили внимание, что в нём отсутствует слово «поклон»? Раздражённому Савлию не до церемоний.

И вот ещё обрывок грамоты № 279, найденный на усадьбе «Е» в восьмом ярусе: «Поклонъ от старосте от Михале и от всехъ пашезерчевъ къ сотскимъ, къ Максиму, и ко Онании, и к Къст...».

Пашезерцы, жители села Пашозеро, доньяне существующего на одноименном озере, из которого вытекает приток Свири река Паша, пишут в Новгород сотским, называя их по именам: к Максиму, к Анании, к Костянтину... Сотские в Новгороде были важными персонами. Они ведали сбором государственных доходов с чёрного населения и играли существенную роль в суде. Кое-что о них известно из летописи, а кое-что сообщили и берестяные грамоты. Всего в Новгороде было одновременно десять сотских. И наш Максим назван первым из этого десятка.

Пять берестяных грамот близко познакомили нас с владельцем усадьбы «Е» Максимом. Землевладелец, отдающий распоряжения сельскому старосте, владелец библиотеки, обладатель должности сотского, человек, покупающий для своего кума и друга овёс, виновник разорения Савлия, отец семейства (помните — «Поклон от Ларьяна ко свату моему Максиму»? Сватами могут быть только отцы взрослых детей). Что ещё можно сказать о Максиме?

Выйдем за ворота его усадьбы, пересечём перекрёсток Великой и Козмодемьянской улиц и войдём, как тысячу раз входил сам Максим, во двор его соседей, на усадьбу «И», которая — напому — принадлежала посадничьему роду Онцифоровичей. Нет ли у них каких-нибудь вестей о Максиме?

Есть! Вот письмо, написанное его рукой. Посмотрите, так же нацарапано «ѿ», те же «м», «ы», «д», «с», «к», что и в письме Максима старосте. Все буквы в обеих грамотах написаны, несомненно, одним человеком. Да и слово «Максим» он пишет по-своему: «... от Маскима». Это найденная ещё в 1955 году на усадьбе «И» в слоях середины XIV века грамота № 177: «Пок(л)оно от Маскима ко попу. Даи ключи Фоми. А ты пош(л)и Григорию Онефимова. Что буде надоби... ат... ...е Фома».

Вот он и попом командует! Новый штрих к его характеристике.

Что ж! Единственная грамота от Максима на соседней усадьбе особой погоды не делает. Ребятишки в древности могли затащить. Или поп зашёл в гости к Юрию Онцифоровичу и выбросил полученное от Юрьева соседа и уже прочитанное письмо.

Но вот ещё один документ — берестяная грамота № 370. Она найдена на усадьбе «И» в восьмом или девятом ярусе, то есть написали её в те же годы, когда Якову захотелось развлечься интересной книжкой, а Савлий удирал на единственном коне из-под Копорья. Написали её крестьяне-«сироты», и содержит она слёзные жалобы, о которых уже подробно рассказано в другом месте. Нашли её при раскопках 1959 года. И замечательна она сейчас для нас тем, что начинается словами: «Поклонъ ко Юрью и к Микссиму от всихъ сироть...».

«Сироты» писали не очень грамотно. Их письмо изобилует ошибками. Вот и вместо «Максиму» они написали «Микссиму». Но что это за Максим? Наш ли знакомый? Или его тёзка, случайно оказавшийся в компании с Юрием?

Связь этого Максима с усадьбой «И» и Юрием Онцифоровичем даёт возможность установить самым конкретным образом их взаимоотношения. Вот что рассказывает летопись под 1376 годом. Зимой в начале года новгородский архиепископ Алексей решил отказаться от своего высокого сана и удалился в один из монастырей под Новгородом, предоставив новгородцам поступать, как им заблагорассудится. Мы не знаем, что заставило обидеться владыку Алексея, но обиделся он, по-видимому, всерьёз. Новгородцы «в скорби великой» гадали так и эдак, а потом надумали отправить послов к московскому митрополиту, чтобы и он включился в уговоры закапризничавшего владыки. Послы привезли Алексею митрополичье благословение, и тот вернулся в свой сан, и «рады были новгородцы своему владыке». В этом эпизоде для нас особый интерес представляют имена ездивших в Москву новгородских послов. Это были архимандрит Савва и «Максим Онцифорович с другими боярами».

Максим Онцифорович. Но ведь и Юрий тоже Онцифорович! Значит, «сироты» пишут братьям Онцифоровичам: «Поклонъ ко Юрью и к Микссиму...». Выше мы насчитали немало представителей семьи Мишиничей-Онцифоровичей, имена которых запечатлелись в берестяных грамотах и в надписях на найденных при раскопках предметах. А это ещё одно имя: Максим Онцифорович, брат Юрия и Афанасия.

Да, но из этого вовсе не следует, что наш Максим и Максим Онцифорович грамоты № 370 — одно и то же лицо. Один

живёт на усадьбе «Е», а другой связан с усадьбой «И». Мало ли на свете людей с одинаковыми именами? И разве люди с одинаковыми именами не могут жить по соседству? Конечно, находка в одном слое, но в разных местах огромного раскопа таких писем ещё не доказывает тождества двух Максимов. А было бы неплохо, если бы наш Максим к тому же оказался бы ещё и дипломатом да вдобавок братом прославленного посадника и сыном другого — ещё более выдающегося деятеля новгородской истории!

Ну что же! Так в самом деле и оказалось. Летом 1957 года на усадьбе «Е» была найдена ещё одна берестяная грамота, начинающаяся словами: «Поклоно от Маскима...». Я подчёркиваю: «От Маскима», а не «От Максима». Это грамота № 290, сохранившаяся в обрывке. Самое интересное в ней — имя адресата и обращённая к нему просьба:

«Поклоно от Маскима ко Гюргю. Беи чело батку...»

Максим пишет Юрию («Гюрги» — это древняя форма имени Юрий) и просит его кланяться отцу. Это переписка двух братьев, детей Онцифора. Правда, найдена грамота № 290 в слоях первой половины XIV века, точнее — в прослойках с дендрохронологической датой 1299–1340 годы, что дало основание А. В. Арциховскому написать: «Надо отказаться от искушения видеть здесь братьев Юрия и Максима Онцифоровичей. Стратиграфия этого не позволяет. Да и имя Гюрги слишком архаично».

Такой вывод, однако, слишком поспешен. Если мы сравним грамоту № 290 с грамотами № 177 и 253, то узнаем уже хорошо нам знакомый почерк Максима. Не было тёзок Максимов. Был один Максим Онцифорович, сын и брат посадников, новгородский дипломат, он же владелец библиотеки, покупатель овса, сотский и разоритель Савлия.

Стратиграфия находки — то есть её дата, определяемая положением в культурном слое — не так уж противоречива. Если к началу 1380-х годов у Максима были уже взрослые дети, то родился он до 1340 года. Юрий Онцифорович в летописи упоминается впервые под 1376 годом, когда он был уже важным боярином и сопровождал архиепископа в Москву. В том же году выполняет своё дипломатическое поручение Максим Онцифорович. Значит, оба они появились на свет, скорее всего, еще в первой половине XIV века. Если даже письмо Максима Юрию написано и в пятидесятых годах, оно легко могло оказаться в чуть более раннем слое, будучи затоптано в грязь или же попав в небольшую яму.

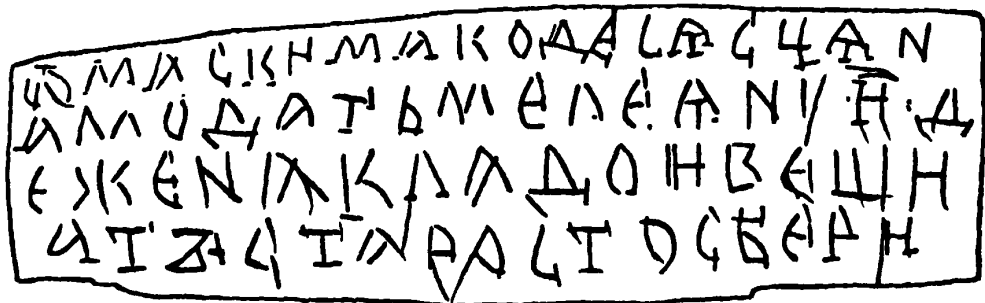
Существует ещё одно важное свидетельство принадлежности Максима к потомству Варфоломея Юрьевича. Напомню, что Юрий Онцифорович был инициатором сооружения Колмова монасты-

П О К Р О Н О Ъ М А Т К Н Н Д К О Т О Р Г Н Б Е Н Ч Е Д О Б Р А Т Ъ К У

Грамота № 290

П О К Р О Н О Ъ М А Т К Н Н Д К О Т О Р Г Н Б Е Н Ч Е Д О Б Р А Т Ъ К У
 Ч И Д А Н Е К П Н О У Ч Е О Л И Н А Т
 З П О Ц И Н Г Р А Н Г О Р Н Ю С Н Е
 Ф Н М О В А У Ч И О Б
 А О Б Н Ш
 Е Ф О М А

Грамота № 177

0 5 см.

Грамота № 253

ря, в котором он и его потомки были похоронены. Сохранился синодик (поминальная книжка) XVII века этого монастыря, в котором записаны имена членов создавшей его семьи — «Варфоломея, Луки, Максима, Ансифора, Георгия, Григория». Надо полагать, что эти имена были вписаны в синодик сразу после смерти Юрия (он назван здесь в официальной, канонической форме «Георгием»), так как среди них нет ни Михаила, ни Настасьи, ни их детей.

И вот ещё о чем нужно сказать. Мы уже знаем, что Онцифоровичам на Великой улице в пределах раскопанного участка принадлежали две усадьбы: «Д» и «И». Теперь к ним прибавляется третья — усадьба «Е», которой владел в середине XIV века Максим Онцифорович, но среди обитателей которой был и человек, собиравший карельские дани и принадлежавший, нужно думать, к семье Максима. Ведь подавляющее большинство «карельских» грамот найдено как раз на усадьбе «Е». Звали данника Григорием. И не он ли упомянут в колмовском синодике среди прочих потомков Варфоломея? Впрочем, такое предположение придётся отвергнуть уже в следующей главе.

Напомню также, что именно здесь, на усадьбе «Е», найдена печать Афанасия Онцифоровича, брата Максима, и грамота, адресованная Афанасию и Юрию.

И ещё. Выше уже упоминалась духовная грамота Орины, правнучки Юрия Онцифоровича. Это самый поздний документ семьи Онцифоровичей, написанный незадолго до падения Новгорода. До последнего времени о нём было известно по очень краткому упоминанию в одном историческом труде, изданном свыше ста лет тому назад. Предполагалось, что он безнадежно утрачен. Однако в недавнее время Вадим Иванович Корецкий обнаружил в архиве копию этой духовной, снятую в конце XVII века. В ней подробно перечисляются земли, завещанные Ориной Кол-

мову монастырю. В числе этих земель названа унаследованная ею от предков «волость на Паше». Вспомним, что к этой волости имел самое прямое отношение владелец усадьбы «Е» Максим, среди переписки которого обнаружено и берестяное письмо «от всех пашезерцев».

Наше представление о посадничьей усадьбе с каждой новой грамотой усложняется, а картина этой усадьбы становится всё более детальной. Три связанные друг с другом усадьбы на перекрёстке Великой и Козмодемьянской улиц принадлежат одной семье. Здесь не только ведут счёт доходам с вотчин и отдают хозяйственные распоряжения. Сюда не только идут письма об урожаях и ценах на рожь, оброках и тяжелой жизни вотчинных крестьян. Здесь, в этих усадьбах, контролируют государственные доходы, поступавшие и через сотского, и через карельского данника. Здесь решают вопросы войны и мира. Здесь, как нельзя нагляднее, видно, что управление крупной вотчиной и государством находится в одних руках. И это руки крупных бояр, владеющих Новгородом и Новгородской землей, как своей вотчиной.

А давайте вместе прислушаемся к голосам древней усадьбы, поближе познакомимся с её обитателями, посмотрим, чем они заняты, чем озабочены. Изберём для этого время — вторую половину XIV века. И место — усадьбу «Е».

И время, и место подходят нам как нельзя лучше. Потому что кое с кем из обитателей усадьбы «Е», живших в конце XIV века, мы немного знакомы. Среди них Максим Онцифорович и карельский данник Григорий.

Начинается этот рассказ с последней находки 1954 года — грамоты № 134. Её нашли на усадьбе «Е», но в таких сложных условиях, что сразу назвать сколько-нибудь определённую её дату было затруднительно. Вообще-то вскрывали в это время слой второй половины XIV века, но в том месте, где нашли грамоту № 134, лет четыреста тому назад копали яму и перемешали всю землю. Тут на одной лопате могли встретиться и черепки от горшков XVI века, и бусы XIV века, и вот грамота. После тщательного изучения начертания букв и сравнения их с буквами других древних документов грамота № 134 получила дату — XIV век. Датировать её точнее было тогда невозможно. И это тем более досадно, что грамота сохранила целиком все свои четыре строчки: «Приказо от Григорие ко Домоне и ко Репеху. Наряжа истребку и клету. А Недана пошли во Лугу ко Ильину дни».

За год до этого впервые была найдена берестяная грамота, начинающаяся словом «приказ» — неизвестный ранее тип древнерусского документа. Но по этой грамоте № 93, только начатой и недописанной, составить представление о характере таких «приказов» было невозможно. На этот раз в руки археологов попал сохранившийся полностью документ, который оказался перечнем мелких хозяйственных поручений. Их по распоряжению автора письма, хорошо нам известного по его карельской деятельности Григория, должны были выполнить Домна и Репех. Нужно было приготовить, «нарядить», избу и клеть. Клетью в древнерусском доме называлось холодное помещение, а избой — тёплое. Недана нужно было послать в Лугу к Ильину дню. Ильин день праздновался 20 июля по старому стилю. Лугой называлась местность по реке Луге, берущей начало неподалёку от Новгорода и впадающей в Финский залив. Одноименного города тогда ещё не су-

ществовало. А имя Недан до сих пор в древнерусских источниках не встречалось, но оно было хорошо известно в Польше. В древности многие славянские имена были общими для разных славянских народов, в чём проявлялось их близкое родство.

После находки грамоты № 134 прошло три года. Возобновились раскопки усадьбы «Е». И вот снова грамота, написанная знакомым почерком и со знакомыми нам именами. Но теперь эта грамота — № 259 — прекрасно датировалась чётко прослеженными условиями её залегания. Её нашли в седьмом ярусе, время которого определяется 1382–1396 годами, Конец письма оторван, а от начала целиком сохранились две строчки: «Приказо от Григорие ко Домене. Послало есьмо к тебе ведероко осетрине. Заи...»

Снова «приказ» Григория. Послал Григорий к Домне ведёрко осетрины и относительно этой осетрины шлёт какие-то не дошедшие до нас распоряжения. Может быть, рыбу нужно сварить. Может быть, заливное сделать. А может, закоптить впрок. Осетрина и в средние века была дорогим блюдом. Во всех договорах Новгорода с князьями, заключававшихся при приглашении князя в Новгород, князья выговаривали право ловить для себя осетров, что видно из повторяющейся в договорах фразы: «А осетрнику твоему ездити в Ладогу». В Ладоге, в низовьях Волхова, осетров в основном и ловили. Сейчас осетры там вывелись. Но ещё в начале XX века они иногда попадались в сети. Чтобы вся картина стала яснее, добавлю, что железных ведёр в древности не было, и при раскопках постоянно попадают клёпки деревянных, вроде современных небольших ушатов.

А через несколько дней о Григории и Домне вспомнили ещё раз, когда нашли грамоту № 265. Собственно, особого номера этому исписанному куску бересты можно бы и не давать, потому что это несомненный обрывок того же письма Григория, которое начиналось сообщением о посылке осетрины. Почерк тот же, фактура бересты абсолютно такая же. И ширина письма та же. Грамота № 259 по ширине равнялась 215 миллиметрам, и ширина нового обрывка 215 миллиметров. Только там начало, а здесь конец письма. Середина его, к сожалению, отсутствует. Грамота № 265 обнаружена у самой стены раскопа. Может быть, там, за этой стеной, на участке, оставшемся нераскопанным, до сих пор лежит недостающая часть второго приказа Григория! Что же написано на вновь найденном куске? А вот что: «...А само тамо не лежи і ты воспяте во Лугу иди. А ты, Репехо, слушате Домни, и ты, Фовро».

Хотя письмо Григория адресовано Домне, в действительности предполагалось, что читателями «приказа» будут также Репех и Фовра. Кто-то из мужчин не должен задерживаться («не лежать») и вернуться в Лугу. А Репех и Фовра должны во всём слушаться Домны.

Если, знакомясь раньше с Григорием, мы наблюдали его в сфере исполнения государственной должности карельского данника, теперь он предстал перед нами в общении с усадебной челядью. Хотя оба его письма и начинаются грозным словом «приказ», содержащиеся в них распоряжения совершенно незначительны и отданы низшим слугам. Правда, среди этих низших слуг Григорий устанавливает некую систему подчинения: Репех и Фовра должны слушаться Домны. И письма свои он адресует старшей по положению Домне, от которой его распоряжения выслушивают и Репех, и Фовра, и Недан. Однако в Домне никак невозможно видеть домоправительницу усадьбы «Е». Иначе Григорию незачем напоминать Репеху и Фовре то, что для них и так должно было подразумеваться само собой.

Для выяснения места самого Григория среди обитателей усадьбы «Е» важными оказались грамоты № 266 и 275, происходящие из тех же слоёв и являющиеся кусками одного и того же письма. Это письмо начинается словами: «Приказъ от Сидора къ Грегори...». Значит, и над Григорием есть начальник, который может ему приказывать! Что же должен сделать Григорий?

«Приказъ от Сидора къ Грегори. Что оу подоклити олени, выдаи сторъжю в церкъвь. А что дви коръби Сидърови и бе... ..мъ до мень и до Остафии. А про верешь вели Максимцю брати да сыплъ съби в клить. А про конь поими моего цалца, корми ежедень овсъмъ. А тоби погихати (буде сим)о оу Поръховъ, поими коне корилескы. А что обилие... Дмитрову...».

Григорий должен выдать церковному сторожу олени шкуры, хранящиеся в подклети — нижнем холодном этаже дома Сидора, и что-то сделать с двумя коробами Сидора, — может быть, держать их до приезда Сидора и Остафия. «Коробом» называлась большая лубяная коробка или ящик, в котором хранили разное добро. Напомню некрасовских «Коробейников».

Остановимся, чтобы обратить внимание на то, что Сидор действительно важный барин. Он про свои два короба пишет не «дви коръби мои», а «дви коръби Сидърови», о себе сообщает то в первом, то в третьем лице. А это значит, что писал он приказ Григорию не сам, а рукой другого человека — специального писца или грамотного слуги.

Однако продолжим. «А что касается зерна — вели Максимцу его братъ и сыплъ себе в клеть. А что касается коня — возьми моего чалого, корми каждый день овсом. Если же тебе придётся поехать в Порхов, то возьми карельского коня. А что касается урожая...». Слово «обилие», встреченное в письме Сидора, означает «урожай». Дальше в грамоте упоминалось что-то принадлежащее Дмитру. Может быть, тому самому Дмитру, которому Григорий писал о мире, взятом «на старой меже Юрия князя». Упо-

минание в грамоте «карельского коня» возвращает нас мыслями к карельской деятельности Григория. Может быть, на этом коне он имел обыкновение ездить для сбора даней. Или приобрёл его в Карелии во время своих разъездов.

А вот ещё одна грамота Сидора, адресованная им на этот раз Остафию, уже упоминавшемуся в только что прочитанном письме, — берестяная грамота № 260: «Приказо ко Остафии от Сидора. Возми у Григории у Тимошина рубль и 4 лососи. Да возми у Григории поло рубля, что Сидору сулиль. У Клина возми у Щекарова рубль, 10 било и 4 лососе наклада. У Ольксандра у Рацлала возми 50 било. У Ондрия у Цирицина возми поло сорока. У Кондра у Возгреси возми поло сорока. У попа у Михаила возми поло рубля, 10 лососей — то за Иванка поруцнь. У Вигали у Остафии възми 50 било».

Здесь о Сидоре снова говорится в третьем лице: «Да возми у Григории поло рубля, что Сидору сулиль». Снова Сидор не сам пишет своё письмо, а диктует его или, вернее, оно составлено его приказчиком на основании устного распоряжения Сидора. Только в прошлый раз грамота Сидора была, как можно догадываться, написана рукой Остафия, а теперь адресатом оказался сам Остафий. Значит, писал её другой человек. В самом деле, положив рядом оба письма Сидора, мы увидим, что написаны они разными почерками.

А теперь перейдём к содержанию грамоты. Остафий должен был собрать для Сидора с разных лиц какие-то долги. Именно долги, поскольку в грамоте упоминаются в случае с Климом Щекаровым проценты, «наклад». Эти суммы исчисляются в рублях, «билах» (белах) — белках (это тоже название денежных единиц, которыми могли служить, возможно, настоящие беличьи шкурки) и лососях. Поп Михаил платил не свой долг, а поруку за Иванка, который, вопреки поручительству попа, денег и лососей Сидору не дал. Упоминание лососей говорит о том, что люди, обязанные выплатить Сидору разные суммы, имеют отношение к рыбной ловле. Нам и раньше было известно, что рыболовство в Новгороде составляло очень доходную статью хозяйства и новгородские бояре стремились завладеть лучшими ловами. Крупнейшие землевладельцы владели целыми рыболовческими деревнями, приносившими им немалый доход. Была, как видим, такая деревня и у Сидора. А вернее, не одна деревня, а несколько, так как суммы, перечисленные в письме, очень велики. Эти суммы таковы, что на них можно было приобрести небольшие деревеньки или значительные земельные участки.

Но вот что здесь особенно замечательно: лососи! Лососей (сёмги) нет ни в Волхове, ни в Ильмене. И никогда не было. Эта большая — каждый взрослый лосось весит в среднем килограммов во-

семь, а некоторые экземпляры достигают полутора пудов — рыба живёт далеко на севере. Вот что пишет о ней в своём прекрасном «Северном дневнике» писатель Юрий Павлович Казаков: «...рыба эта особенная, главная на Белом море, ставшая, так сказать, гербом, девизом всего русского Севера. Сёмга — великолепная, крупная и мощная рыба с тёмной спиной, серебристыми боками и белым животом. Ловят её на Белом море только у берегов при помощи ставных неводов или тайников... Промысел сёмги ведётся в нашей стране только в Архангельской, Мурманской областях и в Карельской АССР. Причём на долю Архангельской области падает больше половины всего улова сёмги».

Все перечисленные здесь области в XIV и XV веках принадлежали Новгороду. Но думается, что в грамоте Сидора речь идёт не о побережье Белого моря, а об «онежских» или «ладожских» лососях карельских рек. Ведь теснее всего усадьба «Е» была связана с карельскими землями. Да и имя Вигала — так звали одного из должников Сидора — карельское.

Связь усадьбы «Е» с рыболовными деревнями была прочной и постоянной. Вот в слоях того же времени на усадьбе «Е» подняли обрывки ещё двух записок, написанных собственноручно Максимом Онцифоровичем. Грамота № 258: «... у Давыда 9 лососи сухих, 3 просолни. У Ивана 7 лососии сухих...». Здесь снова какие-то суммы исчисляются в лососях. Упоминаются лососи копчёные — «сухие» — и солёные — «просолни». Свежего лосося до Новгорода довести бывало нелегко. Главный лов сёмги производится осенью в самую распутицу, и отправлять её в Новгород невозможно до установления зимнего пути. Грамота № 280: «... 3 таймени, 2 просоле и 5 сига, 5 таймени Яколи...». Сиги и таймени, полученные от какого-то Якова, — тоже ценные рыбы из породы лососёвых. До сих пор самым древним в русских источниках упоминанием тайменей была запись в писцовой книге Обонежской пятины Новгорода 1563 года: «в Спасском погосте в Кижях... сетми гарвами в осенинах ловят красную рыбу лососи и таймени». Наша грамота почти на двести лет древнее.

А вот грамота № 92. Правда, найдена она хотя и в слое середины XIV века, но на усадьбе «Б», метрах в шести за частоколом усадьбы «Е». Может быть, к усадьбе «Е» она прямо и не относится. Но процитировать её здесь уместно: «На Спехове на Стефана лосось. На шюрине егоо лосо. На Сидоре лосьсь. На брате его слось. На Фларе 28 і на Заяце 4 беле. На Лавре 2 лососи. На Олферье 9 лососей. На Зуике 9 лосо. Оу Петра 13 лососи. На Стуковиць 2 лососи. На Миките 4 лососи. На Сидоре 2 лососи».

Посчитаем-ка теперь, сколько лососей названо в этих грамотах. В письме Сидора — 18. В обрывке грамоты № 258 — 19. А в грамоте № 92 — 45. А ведь это всё полупудовые рыбы! Значит, в двух

случаях речь идёт о полутораста килограммах, а в грамоте № 92 — о 360 килограммах нежной лососины. Конечно, съесть такую гору даже самой вкусной рыбы непросто. За этим стоит что-то другое. Попробуем разобраться. Лосось — самая дорогая из рыб Новгородской земли. Её ценность определялась в первую очередь, конечно, вкусовыми качествами, но не только этим. Лосося трудно поймать. Это сильная рыба, которая рвёт рыболовные снасти, уходит из ловушек, прыгает через сети. В XVI веке в годовой оброк с целой волости, исчисляемый в бочках рыбы и других продуктах, входило, как правило, не более двух-трёх лососей. Рыбаки, следовательно, не могли специализироваться только на ловле сёмги. Они ловили и другую рыбу, менее дорогую и более обильную.

А вот боярин Сидор предпочитал за другую рыбу получать деньгами, а лососей — натурой. Сам он их съесть без остатка не мог. Значит, ему выгоднее было продать их купцам-рыбникам. Если бы в грамотах шла речь о повинностях зависимого населения, то мы увидели бы здесь один из важнейших путей увеличения боярского богатства — реализацию ценностей, поступавших из боярской вотчины в виде натурального оброка, на новгородском торгу. Однако здесь указанный процесс достиг ещё более высокой степени. Сидор выступает как ростовщик. Он ссужает рыбаков — или перекупщиков рыбы — значительными денежными суммами, ставя перед ними обязательное условие выплачивать ему проценты отборной рыбой.

А чем ещё занимался Сидор, кроме руководства своими вотчинами и общей организации своих немалых доходов? Впрочем, мы ведь ещё не видели писем, адресованных лично ему. Пока мы наблюдали его главным образом стоящим над вереницей его домашних и слуг, которые один другому передают его распоряжения по хозяйству.

Но вот письмо, называющее своим адресатом Сидора, — грамота № 276, найденная всё в тех же слоях усадьбы «Е». Как в большинстве случаев, это обрывок: «Поклоно от Одрея со братию ко Василию і ко Сидру. Была жалоба передо вами і попьеми...».

Сидор вместе с каким-то Василием и попами принимает и рассматривает жалобы, образуя, таким образом, авторитетный и правомочный совет. Участие в нём попов многое проясняет. Попы, которых в каждой церкви, как правило, было два, обладали в своём приходе небольшой, но несомненной властью. Их власть была связана с администрацией улиц, уличанскими старостами, которые избирались соседями-уличанами. По-видимому, такими выборными старостами были Сидор и названный с ним вместе Василий. Связь Сидора с церковью обозначена и в другой уже приведённой грамоте, в которой он приказывает Григорию выдать церковному сторожу оленин шкуру.

С этой деятельностью Сидора в уличанской администрации связаны, нужно думать, и не сохранившие имени адресата, но найденные в том же слое и на той же усадьбе обрывки нескольких грамот. Так, в грамоте № 251 упоминается судебный документ «бессудная грамота» — обвинительный приговор, составившийся в случае неявки ответчика в суд. Грамота № 256 повествует о каком-то воровстве, «татьбе», а грамота № 252 — о разбое и грабеже.

А обрывок грамоты № 244 подтверждает, что Сидор был заметным лицом в новгородском обществе второй половины XIV века. Автор этой грамоты молит своего адресата замолвить за него слово перед владыкой. Значит, Сидор был вхож к архиепископу и имел возможность заступаться перед ним за своих корреспондентов.

Однако ещё основательнее его личность характеризует комплекс грамот № 261, 262, 263 и 264, оказавшийся совершенно необычным.

Это, собственно говоря, одна грамота, изодранная на куски, которые, к сожалению, не сходятся по линии разрывов. Возможно, что грамота была написана на нескольких листках бересты, сильно пострадавших. Во всяком случае, речь во всех обрывках идёт об одном и том же.

Грамота № 264: «От Федора от Синофонтова 4 блюда тимо. От Пореца... От Сыповой 5 тимо. От Онании от Курицкого 4...».

Грамота № 263: «... От Гюргя... От Василея... От попа 3 полосца козия пуха. От Якуновъи от Фомине снохы 3. От Терьнтея от Коя 5 портище... От Офоновова 2 тимо. От Фларя от Коцанкова 5 портище голубине. От Бориса от Пянтелеева... тимо. От Павла от Еванова 3 тимо. От Ондра...».

Грамота № 261: «... От Филофиной блудо. От Ларияна ...лаля 3 тимо. От Саве от Тимошина 3. От О... От Богуслаля 3...»

Грамота № 262: «... тимо... От Горисланица... 6 сорьцица цатрова. От Фларя... портище зелени. От Рацлава от подвоиского... От Максима от Машкова 5 тимо».

Всем обрывкам свойственна одна и та же форма: от такого-то столько-то. И во всех обрывках упоминается слово «тимо». Нам, вероятно, многое станет ясным, если мы узнаем, что это слово означает. Оно в древнерусских текстах, оказывается, употреблялось. И не один раз. В 1521 году, например, углицкий князь Дмитрий Иванович решил составить завещание. Он тщательно переписал всё своё многочисленное имущество: земли и меха, перстни и золото, посуду и деньги. И в числе прочего своё платье: ментеню, шубу-однорядку, колпак-столбун, пояс и «чоботы тимовы, по швам сажоны жемчугом гурмыским». Это место из завещания князя Дмитрия позволяет понять и нашу грамоту. Из чего могли быть сделаны княжеские чоботы? Надо думать, что из дорогой

кожи, сафьяна. Но «сафьян» — слово персидское, на Русь оно пришло сравнительно поздно. Товар же, который этим словом обозначается, существовал на Руси издревле. Впрочем, значение слова «сафьян» сейчас, в XX веке, прочно забылось. А в словаре В. И. Даля написано: «Сафьян — козёл, выделанная козловая кожа различной краски». Добавлю к этому, что в XVI веке в Новгороде были известны ремесленники — тимники или тимовники, которые продавали свою продукцию в специальном Тимовном ряду. Тимы, которые на рынке весьма ценились, продавались юфтями, то есть парами.

Кроме «timo» в нашем комплексе грамот упоминаются также блюда, рубаха из ткани, называемой «чатор», три коврика из козьего пуха, отрезы ткани, потребные на один кафтан, — «портища» — голубой и зелёной.

Что это? Снова специализированный в разного рода одежде оброк? Нет. Обратите внимание: всё перечисленное здесь разнообразие предметов получено от людей, поименованных с отчеством, или родовым прозвищем, или с указанием социального статуса (от попа, от подвойского); если же от женщин, то названных по имени мужа. Это говорит о высоком положении таких лиц, что особенно может быть подчеркнуто упоминанием среди них «Онании Курицкого», известного и летописцу: под 1345 годом рассказывается, что «повелением раба Божия Онании Куритскаго» архиепископ Василий заложил церковь Козмы и Демьяна на Козмодемьянской улице Неревского конца. Ту самую, в которую спустя пятьдесят пять лет Юрий Онцифорович и все бояре Козмодемьянской улицы подарят «Пролог». В грамоте также упоминается «Сыповая». Не исключено, что это вдова «мужа честна» Ивана Сыпа, новгородского посла, убитого в Юрьеве в 1329 году.

Чего же ради все эти именитые люди понесли в усадьбу Григория блюда, сафьян, отрезы ткани и коврики из козьего пуха? По пронизательному предположению Владимира Андроновича Бурова, вполне доказанному им, перед нами список свадебных даров.

Кто же он, этот Сидор? Очевидно, что среди жителей усадьбы «Е» последней трети XIV века он занимает центральное место, будучи владельцем усадьбы. Так же очевидно, что в этой роли он сменил Максима Онцифоровича. Был ли он сыном Максима, утверждать не берусь. Во всяком случае, его принадлежность к семье Онцифоровичей несомненна.

Знакомясь с перепиской Сидора, мы узнали по именам некоторых обитателей его городской усадьбы, но ещё большее количество имён в ней принадлежит людям, жившим вдали от Новгорода. И это вполне естественно. Ведь переписка чаще всего яв-

ляется средством дальней связи между людьми. Тем, кто живёт в одном доме или в соседних домах, самым удобным средством общения служит слово не написанное, а сказанное. Поэтому судить о числе всех обитателей усадьбы «Е» переписка Сидора не поможет. Но мы с вами уже вошли на его усадьбу.

Усадьба «Е» занимает на плане Новгорода обширное пространство примерно в 2000 квадратных метров. Она густо застроена. На протяжении периода существования шестого яруса на усадьбе располагалось пятнадцать построек, из которых восемь были жилыми. Если мы посчитаем, что в каждой из этих жилых построек жило, как минимум, по пять человек, то общее население усадьбы можно будет исчислить в несколько десятков и никак не меньше сорока. Кто были эти люди? Хозяин усадьбы и его семья. Приказчики и их семьи. Челядь. Но не только они. В числе хозяйственных построек всегда имеются и постройки производственные — различного рода ремесленные мастерские. В частности, на усадьбе «Е» в слоях интересующего нас времени обнаружены чёткие следы меднолитейного производства. Значит, население усадьбы в социальном отношении было весьма пёстрым. Частоколы боярской усадьбы ограничивали мир сложных и разнообразных занятий, замыкая в одну ячейку и распорядителя богатств — владельца усадьбы, и приказчиков, собирающих эти богатства воедино для их дальнейшей реализации, и, вероятно, торговца, несущего эти товары на торг, и ремесленника, использующего доставленное в усадьбу сырьё для того, чтобы своим трудом превратить это сырьё в продукцию, нужную и в самой усадьбе, и на торгу. Картина общества в его сложных взаимосвязях, характерная для Новгорода в целом, видна и в каждой ячейке города, но сами эти взаимосвязи не ограничиваются городской усадьбой и городом, продолжаясь за его пределы на всю территорию Новгородской земли.

Станные иногда бывают находки. И поучительные. И замечательные тем, что неожиданно воскресят какую-то живую деталь, которая, вероятно, не имеет существенного научного значения, но обладает бесценным свойством начисто уничтожить многовековую разницу во времени и сделать нас чуть ли не очевидцами событий, происшедших сотни лет тому назад.

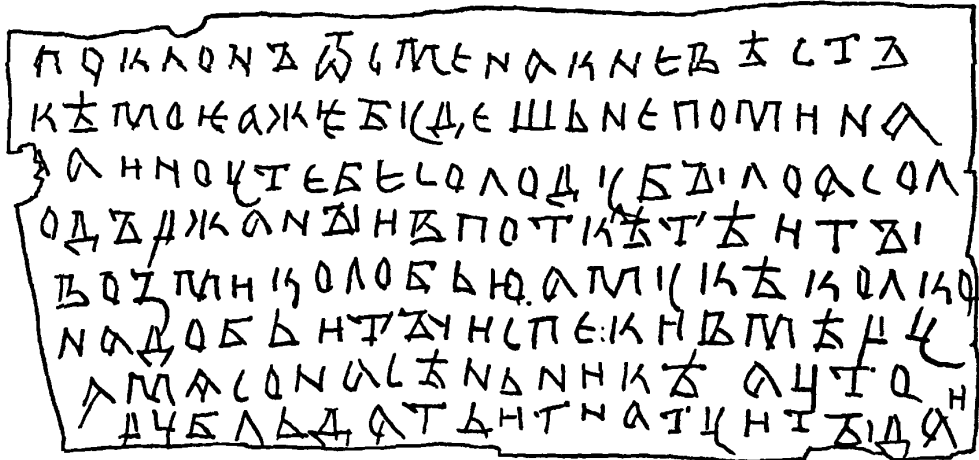
Летом 1959 года на одном из раскопов, исследующих усадьбу «И», работы велись в слое последней четверти XIV века. Мы уже хорошо знали, что усадьба «И» в это время принадлежала Юрию Онцифоровичу, и от каждой новой грамоты с нетерпением ждали новых сведений о хозяйстве и быте знаменитого посадника. И вот очередная грамота найдена. Это было уже 363-е берестяное письмо из Новгорода. Необычно толстый берестяной свиток внулшал к себе почтение.

Когда свёрток бересты опустили в горячую воду и стали осторожно разворачивать, из него неожиданно выпал ещё один. В тугую трубку были, оказывается, свёрнуты два исписанных берестяных листа, а не один. Уже беглый взгляд на оба куска бересты говорил, что они написаны одним почерком. Мы знали, что порой берестяные письма не умещались на одном листе, и их писали на нескольких. Такие листочки уже встречались на раскопках.

Имея вид целой грамоты, сохранившейся без каких-либо видимых дефектов, они начинались с полуслова и заканчивались на середине фразы, оставляя простор для любых домыслов о содержании предыдущего и последующего листков. На этот раз, по всей вероятности, гадать не придётся.

Читаем первый лист — тот, который был снаружи: «Поклонь от Смена к невестьке мое. Аже будешь не поминала, ино у тебе солоду было. А солодь ржаныи в потклете. И ты возми колобью, а муке колко надобь, и ты испеки в меру. А мясо на сеньнике. А цто рубль дать Игнату, и ты даи».

Очень ясная грамота. Семён объясняет своей невестке, где у него дома лежат разные продукты — солод, мука и мясо. Станным может показаться, что невестка не знает этого. Казалось бы, ведать домашними припасами — дело женское. Но представим себе, что невестка приехала к своему свёкру погостить, а он — в отъезде. Пришлось писать ему и спрашивать. Вот он и отвечает: «Если ты не помнишь, то имей в виду: у тебя солод был, он хра-

0 5 см.

Грамота № 363

нится в подклете, и ты возьми пригоршню. Насчет муки не стесняйся, бери сколько нужно и испеки пирогов в меру. А мясо возьми в сеннике». Наверное, в отсутствие Семёна заходил за рублём Игнат, а невестка, не зная, как быть, тоже запросила свёкра. Он и про рубль ответил: «Отдай рубль Игнату».

Некоторые слова нужно пояснить. Подклет — это нижний этаж дома, такое слово нам уже встречалось. Сенник — холодное помещение через сени от избы, клеть, чулан. Солод — широко применявшийся бродильный продукт. Его приготавливали из начавших прорасти, а затем высушенных зёрен. К ржаной муке ржаной солод примешивают, чтобы придать хлебу приятный привкус.

Читается-то грамота легко, но одно не совсем понятно. Как могло письмо Семёна невестке, документ сугубо личный, попасть на усадьбу Юрия Онцифоровича? Понятно, если бы автором письма был сам Юрий. Он мог бы разъяснить своей невестке, жене Михаила, где что лежит и сколько нужно взять. А вот может ли невестка какого-то Семёна иметь отношение к усадьбе Юрия? Допустим, что, например, дочь Юрия была замужем за сыном Семёна. Однако тогда она и находилась бы на усадьбе Семёна, а не у своего отца. Нет, здесь что-то не так. Может, Семён жил на усадьбе Юрия? Ведь на ней, как и на усадьбе «Е», было несколько жилых домов...

Не разрешит ли наши недоумения второй лист? Но что это? Второй лист тоже начинается словом «поклон». Это не продолжение письма, а ещё одно письмо — грамота № 364. Неужели невестка собирала и хранила письма своего свёкра? Что-то не похоже. Свекор — не жених, и хранить его письма — радость небольшая. Будем всё же читать. «Поклонън от Смена от Циха к Сидору...».

Нет, тут что-то совершенно непонятное. Написал человек два письма разным людям, и эти письма вместо того, чтобы разойтись в разные стороны, преспокойно лежат одно в другом. Ага! Вот что! Наверное, Сидор — это сын Семёна, муж этой самой невестки. Получили они по письму от Семёна, обменялись новостями, прочитанными на листах бересты, а потом сложили вместе оба листа да и выбросили за ненадобностью. Однако читаем дальше:

«Поклонън от Смена от Циха к Сидору. Какъ имешь продавать, и ты дай намъ ржи на полтину, какъ людомъ поцнешь давать...» «... Когда будешь продавать, дай нам ржи на полтину — как людям станешь давать (то есть на тех же условиях)...»

Нет, наше предположение неверно. Вряд ли отец станет у собственного сына покупать на полтину ржи, да ещё тогда, когда тот начнёт чужим людям продавать, а не раньше; да ещё на тех же условиях, что и чужим людям. Сидор для Семёна — человек чужой.

Однако в грамоте остались ещё две строчки. Что в них? А вот что: «А грамота к тебе с моимъ детиною».

Вот теперь, наконец, всё стало ясно. Ни невестка, ни Сидор писем Семёна так и не получили. Напрасно Семён старался, выписывая на бересте слова приветов. То ли не доехал детина до Сидора, то ли не достучался в широкие ворота усадьбы, что стояла на углу Великой и Козмодемьянской улиц... Да-да, Сидор-то ведь жил на усадьбе «Е», как раз напротив Юрия Онцифоровича. Мы видим, что он на новгородском торгу реализовал не только рыбу, но и рожь.

То ли не доехал детина до Сидора, то ли не достучался в широкие ворота его усадьбы, только окликнули детину со двора Юрия Онцифоровича. А что было дальше, каждый может вообразить себе сам. Может быть, увидел детина на тесовом крыльце самого хозяина, знатного боярина Юрия Онцифоровича, сорвал с головы шапку и, тряхнув в поклоне кудрями, не заметил, как в грязь плюхнулись семёновы письма. А может быть, в ожидании Сидора напробовався детина браги из боярской поварни и потерял семёновы письма вместе с шапкой. Что ж, и такое, нужно думать, бывало!

Замечательно, разумеется, и то, что грамоты, которые шестьсот лет назад послал Семён, люди впервые прочли лишь летом 1959 года. Думал ли он, что посылает свои письма не за несколько десятков вёрст к невестке и к Сидору, а из четырнадцатого в двадцатый век?

Если учесть, что оба эти письма найдены на глубине в 129 сантиметров, то легко прикинуть, что из глубины веков они шли к нам со скоростью два миллиметра в год. Вряд ли в истории почты найдётся пример более медленной «транспортировки» корреспонденции. Впрочем, почта здесь ни при чём. Во всём виноват детина, которого нам нужно не ругать, а благодарить. Ведь ещё вопрос, читали бы мы эти письма, если бы они дошли до своих адресатов: их могли выбросить, изодрав в мелкие клочья, или бросить в печь. Со своим письмом невестка, наверное, так и поступила бы.

Берестяные грамоты бесконечно разнообразны по содержанию. Ведь они писались людьми разных социальных уровней и занятий, разных наклонностей, охваченных разными заботами и разным настроением. Одни письма написаны в горе, другие в порыве хозяйственного рвения. Порой рукой писавшего водил гнев, а порой — страх. Авторы грамот делали записи для личного употребления и для других людей, своих адресатов. Жизнь постоянно давала поводы для того, чтобы то один, то другой новгородец, отвязав от пояса отполированное частым употреблением «писало» и расправив белый берестяной лист, садился царапать на берёзовой коре записку, письмо, распоряжение или донесение. Береста сохраняет всё — от первых робких шагов в овладении грамотой до черновика завещания и извещения о смерти. И те четыре сотни грамот, которые собраны за двенадцать лет на Неревском раскопе, можно сравнить с разбитым на сотни кусков громадным зеркалом, каждый осколок которого запечатлел небольшую, случайно отразившуюся в нём частицу давно исчезнувшего мира.

Эта пестрота текстов определила и многообразие возможностей познания прошлого, заложенное в исписанной бересте. Уже сейчас, к исходу пятого десятилетия нашего знакомства с новым, открытым в 1951 году историческим источником, этот источник бросает яркий свет на многие долго остававшиеся в тени закоулки новгородской истории, знакомя нас со средневековым Новгородом порой с неожиданной стороны. А порой — ставя в тупик и порождая далеко не исчерпанные дискуссии.

Вот, к примеру, найденная в 1957 году около мостовой Великой улицы в слое середины XV века грамота № 298. Это небольшой прямоугольный, обрезанный со всех сторон кусок бересты с таким текстом: «Костка сына Лукина Офремова сына, Купра Иванова сына Онишкьва, Купра Фомина сына, Игнатъя Юрьева сына».

С самого начала эта короткая запись вызвала противоречивые толкования. Она перечисляет четырёх человек, названных в уважительной форме, с отчеством, в одном случае даже с именем деда. Такое перечисление, как будто, не может быть записью должников. Около их имён тогда были бы проставлены суммы дол-

га. Не может эта записка быть и поминанием, в котором отчества никогда не указывались. Имена перечисленных в грамоте лиц поставлены в винительном падеже, отвечающем на вопрос: «Кого?»

А. В. Арциховский, пытаясь объяснить смысл найденной записки, предложил такое интересное решение: «Думаю, что перед нами избирательный бюллетень». В условиях вечевого строя органы власти в Новгороде были представительными главным образом от боярства разных концов и улиц города. Избирались посадники и тысяцкие, архиепископы и архимандриты, кончанские, уличные и купеческие старосты, сотские. Возможно, одно из свидетельств таких выборов и дошло до нас теперь. Речь в нём не может идти о выборах высших государственных сановников. Они, как правило, все известны летописцу по именам, среди которых нет, однако, ни одного из названных в этой грамоте. Названные в ней лица, если предположение верно, избирались, нужно думать, в органы уличного управления.

Если это решение правильно, то должно было бы существенно измениться распространённое представление о новгородском вече. Вече казалось многим историкам некой вольницей, которая все вопросы государственного управления решала криком и потасовкой. Такие представления основывались на том, что вечевые собрания порой выливались в вооружённое столкновение разных концов города. При этом историки не учитывали, что вечевые собрания происходили ежегодно, а иногда и по нескольку раз в год, а столкновения враждующих группировок отмечались далеко не каждое десятилетие. Конечно, общественная жизнь в Новгородской республике была организована и регламентирована. Летопись, например, сообщает, что на вече новгородцы сидели, а не стояли, а это не совпадает с привычным образом буйной толпы.

А. В. Черепнин выдвинул относительно этого берестяного листка несколько иную гипотезу: «Новгородская судная грамота говорит об обязательном присутствии на суде четырех заседателей, по два представителя от каждой из тяжущихся сторон. Может быть, эти четыре заседателя и имеются в виду в берестяной грамоте № 298?». Такое толкование не лишает грамоту качеств бюллетеня.

И. Э. Клейненберг опубликовал выдержку из немецкого документа 1439 года о том, что новгородцы своих магистратов назначают и снимают «наугад», и высказал мнение, что здесь подразумевается жеребьёвка, известная по летописным сообщениям о выборах новгородских архиепископов. При жеребьёвке изготовлялись жеребьи по числу кандидатов и на каждом писалось только одно имя. В таком случае то, что мы называем «избирательным бюллетенем», должно выглядеть иначе, чем грамота № 298, и это позволяет высказать ещё одно предположение о её содержании.

«Косткой», согласно актам XIV–XV веков, называлась разновидность торговой, проездной пошлины. Может быть, записка, начинающаяся этим словом, была приложена к суммам, взятым с перечисленных в ней лиц в качестве такой пошлины?...

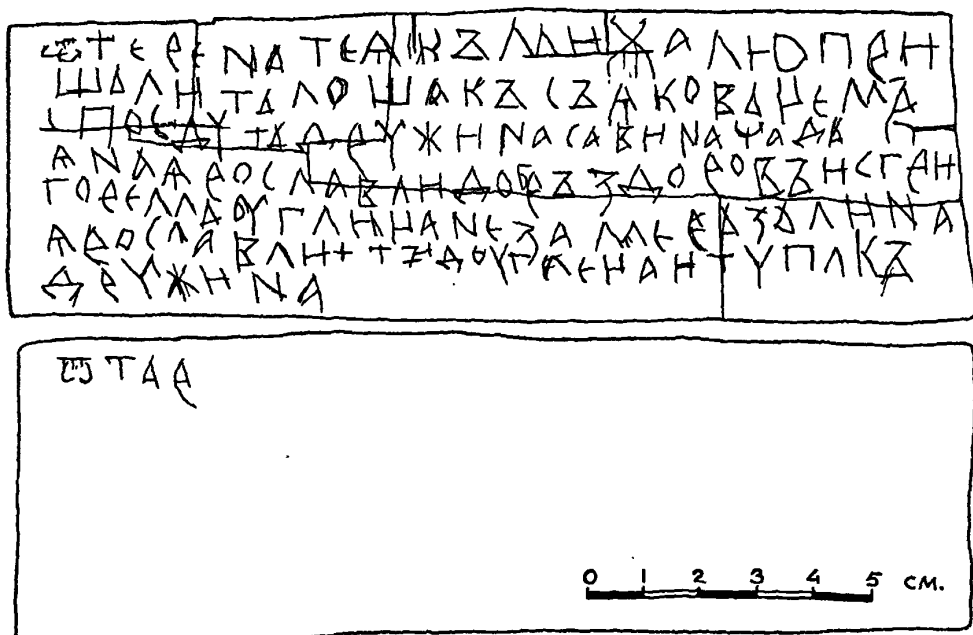
А вот два небезынересных документа, связанных с военно-политической историей Новгорода. Напомню, что некоторые известия такого рода, сохранённые на бересте, уже изложены в предыдущих главах этой книжки.

Грамота № 332, найденная в слоях пятнадцатого или шестнадцатого яруса, сохранилась в обрывке. Она написана Кюрьяком и адресована Вышене. Вышена должен — в том случае, если «князь пойдёт» — прислать Кюрьяку шлем, копьё и вороного коня. Эти ярусы дендрохронологически датируются 1197–1238 годами — временем почти ежегодных походов новгородцев на чудь, на литву, на немцев, на соседние русские княжества. И, конечно, установить, с каким из многочисленных походов рубежа XII–XIII веков связана грамота № 332, нам не удастся. Но, может быть, она имеет отношение к сборам новгородцев в поход 1207 года, закончившийся по возвращении воинов домой грандиозным восстанием против бояр Мирошкиничей. Или, возможно, эта грамота написана в дни подготовки похода 1216 года, когда при активном участии новгородских полков в Липицкой битве решилась судьба суздальского наследства великого князя Всеволода Большое Гнездо. Кто знает?

Другая грамота — № 69 — выброшена в конце XIII века и найдена в 1952 году. Она сохранила следующий текст: «От Тереньтея къ Михалю. Пришьлить лошакъ съ Яковъцемъ. Поедутъ дружина Савина чадь. Я на Ярославли добръ здоровъ и с Григоремъ. Оугличане замерзли на Ярославли. I ты до Углеца, и ту пакъ дружина».

Терентий написал Михалю из Ярославля — редкий случай, когда в берестяной грамоте указан «обратный адрес». Он находится в Ярославле вместе с Григорием, пребывает в добром здоровье и просит Михалю прислать с Яковцем коня, когда поедет Саввина дружина. «Угличане замерзли на Ярославле». Эту фразу нужно понимать в том смысле, что угличские корабли замерзли, то есть остались на зиму во льду в Ярославле. «Так что ты посылай до Углича, — кончает он своё письмо, — и как раз там дружина».

Письмо Терентия Михалю особенно ценно тем, что повествует о событиях, не запечатлённых летописцем. Между 1281 и 1288 годами политическая жизнь Новгорода, так же как и политическая жизнь Ярославля и Углича, тесно связана с ожесточённым соперничеством двух сыновей Александра Невского — Андрея и Дмитрия, с переменным успехом боровшихся за великое княжение Владимирское. Братья несколько раз сменяли один другого на великокняжеском столе. Новгород попеременно был союзником то Андрея, то Дмитрия, в отличие от ярославского и

Грамота № 69

угличского князей, поддерживавших Андрея Александровича. Летописец сохранил воспоминание о многих красочных подробностях этого соперничества. Но о походе новгородцев в тот период под Углич и Ярославль мы впервые узнали только из сообщения берестяной грамоты № 69.

Чрезвычайно малочисленны грамоты, своим содержанием связанные с дальней торговлей Новгорода и купечеством. Разумеется, когда удастся раскопать купеческие усадьбы, историки будут вознаграждены за скудость сведений, собранных в первые годы открытия бересты. Но кое-что найдено и на Неревском раскопе. О грамоте № 125 уже упоминалось. В ней некая Марина, жившая на рубеже XIV–XV веков, просила своего сына Григория купить ей зендянцу — хлопчатобумажную ткань, которую в Новгород привозили с восточных рынков. В другой грамоте — № 282, написанной в конце XIV века, упомянут ещё один товар из далёких стран: «... Купиль есмь соль немецкую...». В Новгороде существовало солеварение — на Белом море, в районе Русы и на нижней Шелони, но своей соли не хватало, и её в большом количестве везли из-за рубежа. Главными поставщиками соли были немцы, которые торговали не своей солью, а вывезенной в основном из Франции и Испании.

О соли говорится в другом обрывке — № 32, датированном также XIV веком: «Фешке Юргию целомъ бье... соле на борзи.

Не была от тебе соль по 2 года мни...» — «Фешко Юргию челом бьёт... (Пришли) соль срочно, не поступала мне от тебя соль два года...».

В иных грамотах предметом покупки оказываются менее важные, хотя и весьма распространённые привозные товары. Вот, например, грамота № 173, найденная в одном слое с письмом Марины Григорию: «Поклонъ от Панфил к Мар... и ко попу. Купите маслаца деревяного да пришлите симъ».

Деревянное масло — так называется худший сорт оливкового масла — в большом количестве сгорало в лампадах и употреблялось при некоторых обрядах так же, как и миро — деревянное масло, сваренное с красным вином и благовониями. Кстати, — правда, в слоях более древних — однажды на Неревском раскопе была найдена серебряная бутылочка, разделённая глухой перемычкой на две половины, подобно ружейной маслёнке. На одной из этих половин нацарапано: «масло», а на другой: «миро».

В некоторых грамотах предметом купли-продажи является рыба. Это каким-то образом связано, по-видимому, с особенностью хозяйства живших на раскопанных участках землевладельцев, которые имели отношение, как уже было показано, к рыбным ловам на севере Новгородской земли. Мы видели, как они охотились за наиболее дорогими породами рыб, предпочитая даже брать проценты на отданные займы суммы в виде лососей и сигов, чтобы выгоднее реализовать свой доход. Сиги и лососи становились затем товаром на новгородском торгу. Вот грамота № 144, написанная в первой половине XIV века: «Приказъ Косарику от Есифа. Възми у Тимофея 50 сиговъ о 3 рубля. А роко на Роство». Последнюю фразу нужно понимать так: «А срок (платы) на Рождество».

Здесь сиги приобретаются в кредит с обязательством уплатить за них к Рождеству. Каждый сиг весит около двух килограммов. Всего, таким образом, Есиф приказывает купить около ста килограммов рыбы, что приблизительно составляет бочку. Следовательно, бочка сигов в Новгороде XIV века стоила около трёх рублей. На такие деньги Онцифор Лукинич приобрёл бы трёх коней для своего хозяйства.

А. В. Черепнин несколько иначе понимал эту грамоту. Он считал, что Тимофей уже получил от Есифа три рубля, срок его долга истёк, и взять у него сигов Косарик должен в возмещение этих трёх рублей. По мнению исследователя, мы наблюдаем здесь один из способов закабаления рыбака. Вряд ли это правильно. Есиф пишет: «о 3 рубля». Предлог «о» в древнерусском языке в соединении с числительным обозначал приблизительное количество, в данном случае «рубля на три». Если бы речь шла действи-

тельно о покрытии денежного долга, автор письма не стал бы обозначать его так приблизительно.

Редкие рыбы в Новгороде очень ценились. Ими иногда и в самом деле получали долги, ими расплачивались. Во второй половине XIV века написано письмо № 186: «Поклоно от Стъпана ко Смынку. Возми оу Кануниковыхо десять лосои, а другую десять возми оу Данилки оу Бешкова. А даи Смыну Флареву. А язю тебе ся кланяю».

По существу из тех немногочисленных неревских грамот, которые дают возможность говорить о торговле, купеческими письмами — да и то с оговорками — могут быть признаны лишь сообщающие о приобретении немецкой соли и о расплате лососями. В остальных упоминаются отдельные покупки новгородцев.

Немало грамот рассказало о ростовщичестве, этом способе извлечения дохода из человеческой нужды и средстве материального укрепления социальной верхушки. В слое самого начала XIV века на усадьбе «Б» найдена грамота № 138, которую трудно толковать иначе, как запись долгов, сделанную ростовщиком:

«Се азо рабо Божии Селивьстро напсахъ роукописание. Оу Лоунька полтина. Оу Захарьи полтина. Оу Алюевиць полтина. Оу Коузмиць оу Онисимова 2 гривне. Оу Смена оу Яколя двои чепи въ 2 рубля съ крестомъ, брони во 2 серебра. Оу Кюрика оу Тюлпина семь десято гривенъ. Оу Бориска полоутора роубля и оу Петряица бумажнико и корова пороуцьная. Оу Селиле 10 гривенъ. Оу Слинька шапка в 13 гривне. Оу Иваниса япкыто. Оу Федореца 2 гривне. Оу Селекоуевица 3 гривне. Оу Григорьи оу Роготина 2 роубля и... гривне».

Селивстр сделал запись об отданных им в долг — вне всякого сомнения, на выгодных для него условиях — разным людям деньгах и имуществе. Здесь и дорогие цепи с крестом, и брони — пластинчатый доспех, и «бумажник» — ватный тюфяк, и «япкыто», как выяснил В. А. Кучкин, — войлочный плащ, и шапка ценой в 13 гривен, сделанная, судя по цене, из дорогого меха, и «корова поручная», которой должник обязался вернуть долг, если не накопит денег.

Запись Селивистра имеет форму духовной грамоты, начинаясь традиционными для этого вида документа словами: «Се аз, раб Божий... напсахъ роукописание». Эту особенность хорошо разъяснил Л. В. Черепнин, который привлёк для сравнения порядки, известные в Пскове XV века. В случае возникновения тяжбы о ссуде после смерти займодавца, пишет он, «главным документальным доказательством прав умершего, которым должны пользоваться душеприказчики, Псковская судная грамота признаёт письменное распоряжение покойного («рукописание»), сданное им при своей жизни в государственный архив при Троицком со-

боре». Подобный порядок должен был существовать и в Новгороде. Вероятно, рукописание Селивестра было берестяным черновиком его официальной духовной грамоты.

А в грамоте № 141 — документе второй половины XIII века, найденном на той же усадьбе «Б», ростовщичество предстаёт в другой своей форме. Если Селивестр отдавал деньги и вещи нуждающимся в них новгородцам под проценты, то его предшественник — человек с тремя именами Сидор Тадуй Ладопга завёл у себя дома на Холопьеой улице настоящий ломбард. Он отдавал деньги под залог вещей. Вот эта грамота:

«+ Оу Сидора оу Тадоуя оу Ладопги положили Гришка с Костою а во тоболахо. А Гришки кожую, свита, сороцица, шапка. А Костина свита, сороцица. А тоболи Костини. А сапоги Костини, а други Гришкини. А цто ся подите на Мовозери, приславъши възмете».

Гришка и Коста оставили Сидору на сохранение за определённую плату свою одежду. Гришка — кожиху (шубу), свиту (верхнюю одежду), сороцицу (рубашу), шапку и сапоги. Коста — свиту, сороцицу и сапоги. Одежду они упаковали в принадлежавшие Косте «тоболы» (сумки, чемоданы). В условиях заклада имеется такой пункт: если на Мовозере, куда отправляются Гришка и Коста, что-то случится неожиданное, они могут прислать за своими вещами. По существу эта грамота является сохранной распиской, полученной владельцами вещей.

Извлекаемые разными способами деньги, разумеется, требовались не для приобретения одной лишь зендяны, соли, лососей и лампадного масла. Главная цель их накопления новгородскими землевладельцами заключалась в максимальном расширении своих владений, в приобретении новых и новых земельных участков. Этот процесс отразился и на бересте. О таких покупках говорится, например, в грамоте № 178, документе конца XIV века:

«Поклонъ от Синофонта ко брату моему Офоносу. Буди тоби сведомо, купиле есомъ перво Максима Ещерски уездъ і Замолмовсови і свое сироти в Симовли а на Хвоіни. А Максиме Иване Широки ту же быле» — «Поклон от Синофонта брату моему Офоносу. Пусть тебе будет известно, что я купил раньше Максима Ещерский уезд и Замолмосовье и крестьян себе в Симовле и на (озере) Хвойне. А Максим и Иван Широкий при этом присутствовали».

Новые владения Синофонта (Ксенофонта) можно без особого труда найти на современной карте Ленинградской области: в 50 километрах к северо-западу от Новгорода протекает приток Луги река Ещера (Ящера), здесь же находятся озёра Моллосово и Хвойно, а также деревня Симовло. Обращение к писцовым кни-

гам конца XV века позволяет установить, что все эти места тогда принадлежали боярину Александру Самсоновичу. Предпринятое исследование его генеалогии установило, что он был правнуком Василия Игнатьевича, о котором мы знаем, что он, в свою очередь, был внуком Матфея Коски и правнуком Варфоломея Юрьевича. Поскольку Александр Самсонович является дальним наследником Синофонта, очевидно, что Синофонт также принадлежал к роду Мишиничей. Понятно поэтому его обращение к Афанасию как к брату. Вы уже, наверняка, вместе со мной пришли к выводу, что адресат Синофонта — Афанасий Онцифорович, а опередил Синофонт в своей покупке Максима Онцифоровича. Оба приходились ему братьями, но не родными, а скорее всего, троюродными.

Грамота № 318 не менее выразительна: «Се купило Михало у князя великого бороце у Василия — Одряна кузнеца и Токову и Островну и Ротковици Кодраця и Ведрово. Да 2 рубля, и 3 грини дасте Яковъ. Атно се замешете, Михалу брату ег дасте серебро двое» — «Вот купил Михал у Василия, великокняжеского сборщика податей, Одряна-кузнеца и (деревни) Токову, Островну, Ротковици Кодрача и Ведрово. Дал (Михал) два рубля, и три гривны даст Яков. Если же произойдёт помеха, то (виновный) заплатит Михалу (и) брату его деньги вдвойне». Очевидно, что Яков и есть брат Михала.

Все перечисленные в этой грамоте пункты отыскиваются в Дремяцком погосте Шелонской пятины, расположенном по левому берегу реки Луги напротив находящегося на её правом берегу современного города Луги. Известно, по писцовой книге конца XV века, что впоследствии по крайней мере часть приобретённой Михалом волостки находилась во владении Николо-Бельского монастыря, бывшего неревским кончанским монастырём. Кто-то из потомков неревлянина Михала завещал её кончанскому монастырю, подобно тому как Орина завещала своему ктиторскому Колмову монастырю земли, унаследованные от Онцифоровичей. Дошёл до нас и один лист из обширного описания на бересте владений какого-то новгородца конца XIII века; на этом листе перечислены принадлежавшие ему земельные участки на притоках реки Мсты. Берестяной лист найден в 1961 году и получил № 390.

А вот ещё одна сторона новгородской средневековой жизни, отразившаяся в берестяных текстах. Выше уже рассказывалось о том, что крестьяне порой в поисках менее жестоких условий жизни уходили от своих владельцев к другим господам. Один из таких переходов в тяжёлую для простых людей пору середины XV века запечатлён в грамоте № 243: «Поклонъ от Сменка от Корелина. Пришле, господине, т кобе на село на Пытареве. Цимъ его

пожалуешь. И ты, осподине, прикажи всякое слово. А язъ тебе, своему господину, цоломъ бею».

Такие переходы приводили к заключению договора между крестьянином и его новым господином. Договор, заключённый с Семёнком Корелиным, нам, к сожалению, не известен. Но вот договор между Мысловыми детьми и неизвестным по имени господином дошёл до нас. Этот документ (№ 136) найден не при раскопках и поэтому может быть датирован только в рамках всего XIV века: «Се доконьцяху Мыслове дете Труфане з братьею давати оусповъ 6 коробей ржи да коробья пшеници, 3 солоду, дару 3 кунници да пудъ меду, детеѣмъ по белки, 3 і 3 горсти лену, борань оу новину» — «Вот договорились Мысловы дети, Труфан с братьями, давать оброка шесть коробей ржи да коробью пшеницы и три солоду, дара три куницы да пуд меду; детям по белке, три и три горсти льна; барана во время сбора урожая». Поскольку все позиции оброка кратны трём, вероятно, и Мысловых детей было трое.

Другой договор, найденный в 1952 году в слое первой четверти XV века, оказался записанным даже не на бересте, а на дереве. На поверхности небольшой бирки нацарапано: «Въ Глинъски у Прькъпие и у Ивана усповъ: ржи 2 коробие, а овса 2, а кунъ 11 гривна, а мяса полтъ, а жита 3 коробьи». А по краю бирки нанесено 19 зарубок: одиннадцатью глубокими и широкими зарубками обозначены гривны, двумя косыми и мелкими — овёс, двумя прямыми и мелкими — рожь, тремя широкими — жито и одной узкой — мясо.

Нужно особо отметить, что договоров такого рода до сих пор историки древней Руси не знали. Подобные договоры в тот же период, однако, были распространены в Западной Европе. находка грамоты № 136 и бирки показала, что процесс развития феодальных отношений у нас и на Западе шёл параллельно.

О жизни крестьян в боярских вотчинах выше написано уже немало. Однако трудно удержаться, чтобы не привести ещё один документ конца XIV века — берестяную грамоту № 361, полностью сохранившееся письмо крестьян из деревни Братилово на реке Шижне под Тихвином своему господину: «Поклонъ от шижнянъ и от братиловиць господину Якову. Поеди, господине, по свою верешь, дать, господине, не гнее. А нынеца есме, господине, погибли, верешь позябла; сеяти, господине, нечего, а ести тако же нечего. Вы, господине, промежу собою исправы не учините, а мъ промежу вами погибли» — «Поклон от шижнян и от братиловичей господину Якову. Поезжай, господин, за своим хлебом, чтобы, господин, не гнил. А мы, господин, теперь погибли (разорены): хлеб помёрз, сеять, господин, нечего, и есть тоже нечего. Вы, господин, между собой никак не договоритесь, а мы между вами погибли».

Многие тексты берестяных грамот ярко освещают подробности судопроизводства, тщательно регламентированного в средневековом Новгороде. Вот, пожалуй, один из самых интересных — грамота № 366 конца XIV века:

«Съ урядеся Яковъ съ Гюрьгьмо и съ Харетономъ по бьсудьной грамоте, цто былъ возяль Гюрьге грамоту в ызьежьной пьшьнеце, а Харетоно во проторехо своихъ. И возя Гюрьге за вьсь то рубль и тре гревоны и коробью пьшьнеце, а Харетонъ возя дьсьять локоть сукона и гревону. А боль нь надобе Гюрьгю не Харетону до Якова, не Якову до Гюрьга не до Харетона. А на то рядьце и послусе Давыдъ Лукенъ сынъ, Сьтьпанъ Таишень».

Яков нанёс серьёзные убытки Юрию и Харитону. Он потоптал лошадьми пшеницу Юрия и причинил какое-то разорение Харитону. Те вызвали его в суд, но Яков в суд не явился, пренебрежительно предоставив суду возможность обсуждать и решать эту жалобу без него. Суд рассмотрел заявление потерпевших, оценил их убытки и вынес постановление. Яков должен уплатить Юрию деньгами рубль и три гривны, а также выдать ему коробью пшеницы. Харитону он обязан выдать десять локтей сукна и деньгами гривну. Можно догадываться, что Харитон пытался защищать пшеницу Юрия, но на нём порвали одежду и избили его. Ведь Юрий за потравленную пшеницу получает кроме денег пшеницу же. Нужно думать, что и сукно назначено Харитону за испорченное Яковым сукно. Получив постановление суда, жалобщики пришли с ним к Якову и при свидетелях получили с него присуждённые им деньги, пшеницу и сукно. А берестяную запись, составленную по этому поводу, Яков в гневе швырнул на землю и затоптал в грязь.

Думаю, что Л. В. Черепнин, предположивший в Якове городского купца на том основании, что он расплачивается сукном, не прав. Грамота № 366 найдена на одной усадьбе и в слоях одного периода с грамотами № 318 и 361, о которых уже рассказано выше. В грамоте № 318 тот же Яков упоминается как брат крупного землевладельца Михала, купившего у великокняжеского сборщика дани несколько деревень. Адресатом второй грамоты снова оказывается Яков, а пишут ему крестьяне из деревни Братилово. Он, как и его брат Михал, сам крупный землевладелец.

До находки грамоты № 366 историки знали о так называемых бессудных грамотах, которые выдавались истцу в случае неявки ответчика и содержали постановление, принятое на основании заявления истца, без судебного разбирательства. Однако способ применения таких грамот был неясен. Теперь же мы увидели в подробностях весь заключительный этап такого судебного дела.

СЪХРАААЪСААКОВБСЪГЮРБ
 ГЪМТО.НСХАРАЪТОНОМЪ
 ПОВБСЪАБНОНГААМОТЪ
 ЧТОБЗНАЗВОЗААЗГЮРБГЪГАМОТУ
 БЗНЗЪКЪНОНПЪШЪНЪЧЪАХА
 АЪТОНОВОПАОТОРАЪХОСЪОЪХЪ
 НВОЗАГЮРБГЪЗАББСЪТОРУББЪ
 НТАЪГАЪБОНЪНКОРАОБЪНОПЪШЪ
 НЪЧЪАХОРЪТОНЗВОЗААЪСАТЪ
 АОКОТЪСЪУКОНАНГАЪЗОНУ.АБОВА
 НБНОААОВЪГЮРАДГНОНЪХАРАТОНУ
 АОАКОВОНЪАКОВУАОГЮРАДГАНЪ
 АУХАРАТОНАНОТОРАААЪЧЪНПОСЛУСЪ
 ААБЪАДЗЛУКЪНЗСЪНЗСЪТЪПАНЪ

0 1 2 3 4 5 cm

Грамота № 366

В грамоте № 154 мы познакомились с настоящим протоколом допроса свидетеля, дававшего показания в суде в середине XV века. В грамоте № 25 прочли письменное свидетельское показание человека, который опознал у немца коня, вероятно, похищенного у адресата грамоты; это показание написано на рубеже XIV и XV веков. В грамоте № 142 её автор советует своим домашним, как сделать, чтобы при нарушении обязательства ответчиком оказалась противоположная сторона. Примеры можно было бы умножить.

Многообразие берестяных текстов на протяжении всех лет раскопок дополнялось многообразием других надписей, нацарапанных и вырезанных на каменных, деревянных и костяных предметах. Таких надписей на Неревском раскопе обнаружено несколько десятков. Они заслуживали бы специального рассказа.

В «неревскую эпоху» собирание берестяных грамот пережило пору своего младенчества. И в этом разделе книги мы знакомимся с результатами лишь первых двенадцати лет замечательного открытия. Но уже сейчас мы видим не только через призму исторического анализа, но и воочию многие явления, до сих пор надёжно скрытые от нас глухой стеной столетий. находка берестяных грамот прорубила в этой стене первые, ещё узкие окна, которые постепенно расширяются с находкой каждой новой грамоты. И можно искренне позавидовать будущим историкам. Они, сосредоточив в своих руках тысячи берестяных писем, будут знакомы с доброй половиной средневековых новгородцев и услышат от них ответ на любой вопрос, встающий в процессе исследования. Для них стена столетий рухнет и взору предстанет живая картина средневекового города, сверкающего сотнями красок и наполненного шумом тысячи голосов.

Глава 15 Самые древние грамоты

В своём рассказе о берестяных грамотах Неревского раскопа я почти не касался древнейших периодов новгородской истории, сосредоточив всё внимание на документах XIII–XV столетий. Это не значит, однако, что до начала XIII века жители исследованных усадеб не писали на бересте. Более ранних грамот найдено много. В слоях XII века их собрано пятьдесят, в слоях XI века — семь. Это почти в тридцать раз больше, чем сохранившихся до наших дней пергаменных актов домонгольского времени. Но всё же ранних неревских материалов маловато для столь же существенных наблюдений, какие оказалось возможным сделать, изучая более поздние берестяные грамоты. Это естественно. Ведь от XIII–XV веков сохранилось в семь раз больше берестяных листов. Большинство древнейших грамот дошло в мелких обрывках. Это обстоятельство тоже затрудняет изучение древнейшей бересты.

Однако некоторые наблюдения можно было сделать и во время работ на Неревском раскопе. Главная тема, которой посвящено подавляющее большинство берестяных текстов XII века, — это деньги. Деньги в разных формах их применения — при уплате долга и при покупке, при уплате штрафа и продаже собственности.

Демьян приказывает своему адресату продать коня за любую предложенную сумму, запомнить, что он на этом потеряет, и внушить Кузьке, чтобы тот не потерял деньги, потому что Кузька человек ненадёжный (№ 163, конец XII века). Прокша советует Нестеру заплатить шесть гривен, а штраф не платить (№ 115, конец XII века). Автор грамоты № 78 пишет во второй половине XII века: «Възми оу Тимоще одиному на десяте гривнюу, оу Въици на шоурина, на коне и сани и хомоуто и воже и оголове и попоноу» — «Возьми у Тимошки, Воицина шурина, одиннадцать гривен за коня, а также сани, хомут, вожжи, оголовье и попону». Семко, который тогда же бывал или, может быть, жил в Переяславле под Киевом, прослышав, что его адресат Кулотка продолжает числить за ним долг, о чём сказал Несде, сообщает, что этот долг выплачен им компаньону Кулотки — Лазовку, когда они были в Переяславле (№ 105, вторая половина XII века). Автора грамоты № 160 Василия в первой половине XII века волнует вопрос о продаже его коня светло-жёлтой масти и покупке коня рыжей масти. Новгородец первой трети XII века Твердыта приказывает Зуберю взять у госпожи 13 резан (примерно четверть гривны — № 84). Его со-

временник Яким на рубеже XI и XII веков велит Нестеру дать векшу; так называлась одна из мелких денежных единиц (№ 120). А другой его современник Пётр клянётся Волчку, что некий Нустуй «ни векшею не должен» (№ 336). Новгородец с редким именем Носко приказывает Местяте взять две гривны в качестве процентов за наём. Письмо, из которого процитирована эта фраза, он написал даже не на бересте, а на свинцовой пластинке. Такая небывалая грамота найдена в 1957 году в слое первой трети XII века. И опять: «От Семнуновой жены к Игучку. Тому, чья у тебя корова, скажи: Если хочешь корову и едешь за коровой, то вези три гривны». Вероятно, корова, оставленная без присмотра, потравила огород или поле Игучка; он её поймал, и Семнунова жена советует ему потребовать с хозяина коровы три гривны за выкуп (№ 8, первая четверть XIII века).

Одна грамота за другой знакомят нас с монотонными расчётами: на таком-то взять такую-то сумму, тот-то столько-то должен. Суммы крупные и мелкие, денежные единицы в разных комбинациях: гривны и веверицы, резаны и куны, векши и ногаты, числа, написанные цифрами, и числа, написанные словами... Можно продолжать цитирование этих «денежных документов», но тогда нам пришлось бы перечитать почти все пятьдесят семь древнейших грамот. О деньгах говорится буквально в каждом документе.

Одному только попу Дрочке, как будто, ничего не нужно. Но это только на первый взгляд. Он в конце XII века передаёт привет всем знакомым: «От Дрочке от папа пькланяние ко Демьяноу и къ Мине и къ Ваноукоу и къ вьхемо вамо. Добре створя...» Это «добре створя» на современный язык переводится как «пожалуйста». Значит, в оторванной части письма не обошлось без просьбы — возможно, денежной (№ 87).

Деньги в грамотах XII века занимают столько же места, как земля и продукты сельского хозяйства в более поздних берестяных грамотах. И даже большее место, так как о земле в них не упоминается вовсе, а о деньгах в грамотах XIII–XV веков написано достаточно. Сейчас ещё рано делать по этому поводу решительные выводы, однако вряд ли такая разница может быть случайной. Вероятно, на протяжении XII века исподволь происходило накопление денежных ресурсов новгородской аристократией, позволившее им затем осуществить решительное наступление на те земли, которые в большом количестве в XII веке ещё принадлежали свободным новгородским общинникам. Когда во второй половине XIII века в Новгороде были проведены административные реформы, окончательно сосредоточившие в руках боярства всю государственную власть, за этим преобразованием республики наверняка стояли существенные экономические сдвиги. Может быть, эти сдвиги и отражает замеченная разница в со-

держании берестяных грамот нижних и верхних ярусов новгородского культурного слоя.

Но, разумеется, содержание древнейших грамот не сводится к денежным расчётам. Эти листы берестяных писем, нацарапанных восемьсот и девятьсот лет тому назад, также вводят нас в мир сложных человеческих взаимоотношений, знакомят не только с новыми для нас лицами и именами, но и с общественной жизнью того времени.

В грамоте № 9, найденной в числе золотого десятка первых берестяных документов 1951 года, отражена драма новгородской семьи последней четверти XII века: «+ От Гостяты къ Васильви. Еже ми отць даяль и роди съдаяли, а то за нимь. А ныне вода новоую женоу, а мьне не въдасть ничьто же. Избивь роуки поустиль же мя, а иноую пояль. Доеди добре сътвори» — «От Гостяты к Василю. Что мне отец дал и родичи дали впридачу, то за ним. А теперь, женясь на новой жене, мне он не даёт ничего. Ударив по рукам (в знак новой помолвки), он меня прогнал, а другую взял в жёны. Приезжай, сделай милость».

Об этой грамоте спорили несколько десятков лет. Главным предметом спора был вопрос о том, кем она написана — женщиной или мужчиной. Дело в том, что до сих пор все известные исследователям древнерусские имена на «-ята» принадлежали мужчинам. Однако известно их было ничтожно мало, а содержание письма при допущении того, что его автором был мужчина, могло быть истолковано только при явном насилии над текстом. Гостята — женщина, выданная замуж в другой город и отвергнутая мужем, жалуется, по-видимому, своему брату на то, что её муж не только женился на другой женщине, но и присвоил себе приданое Гостяты.

Грамота № 155 написана в последней трети XII века:

«От Полоцька къ... пояле девьку оу Домаслава. На мне ти Домаславе възяле 12 гривне. А присли 12 гривне. Или не прислеши, а мне ти стати оу князя и у владыке, а больши ти протеря гошити» — «От Полочка к... (Ты) взял девку у Домаслава, а с меня Домаслав взял 12 гривен. Пришли же 12 гривен. А если не пришлешь, то я встану (на суд) перед князем и епископом; тогда готовься к большему убытку».

Мы не знаем, как звали адресата письма. Но у Полочка с ним очень сложные и трудные отношения. Адресат письма забрал у Домаслава «девку» — рабыню, в результате чего Полочко вынужден был заплатить Домаславу 12 гривен. 12 гривен — такая сумма в глазах историка оказывается весьма любопытной. Именно таким был установленный Русской Правдой штраф, который надлежало получить с нового владельца беглого или украденного раба. Очевидно, адресат письма опознал в «девке» Домаслава свою

украденную некогда рабыню. Домаслав вынужден был уплатить этот штраф, но, естественно, он, в свою очередь, потребовал эту сумму с того человека, который продал ему «девку». Таким человеком был Полочко.

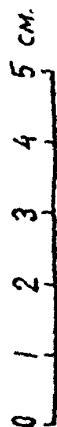
Полочко отдал 12 гривен, но чувствует себя несправедливо ограбленным: он сам рабыню не крал, а купил её у кого-то. Самое простое дело для Полочка было бы взыскать свой убыток с продавца рабыни. Но найти его, как видно, нелегко: может быть, и в Новгороде-то его нет. Существует, однако, ещё один способ, которым и решил воспользоваться Полочко. Процедура следствия, «свода» по делу о краже раба предусматривала розыск только до «третьего свода». Истец обязан был следовать по цепочке перепродаж лишь до третьего звена. Если эта цепочка продолжалась дальше, истец брал штраф с этого третьего, а тот настоящего вора, «конечного татя», должен был разыскивать сам, чтобы возместить свой убыток. Но ведь Полочко — только второй! Он может пойти к князю и архиепископу и потребовать, чтобы следствие, прекратившееся было, продолжилось, чтобы адресат письма разыскал того человека, который продал рабыню Полочку, взял с него штраф, а 12 гривен вернул Полочку. Вот Полочко и требует: верни мне деньги сейчас же, а то заставлю тебя продолжить следствие, и ты истратишь на него больше, чем я требую с тебя сегодня — найти-то третьего временного владельца рабыни трудно!

Интереснейший берестяной документ — грамоту № 109 — сохранили слои двадцать первого яруса, который средствами дендрохронологии датируется концом XI — 10-ми годами XII века. Вот его текст:

«Грамота отъ Жизномира къ Микоуле. Коупилъ еси робоу Пльскове. А ныне мя въ томъ яла кънягыни. А ныне ся дружина по мя порочила. А ныне ка посъли къ томоу моужеви грамотоу, е ли оу него роба. А се ти хочоу, коне коупивъ и къняжъ мужъ въсадивъ, та на съводы. А ты атче еси не възьялъ коунъ техъ, а не емли ничъто же оу него».

Автор письма Жизномир, который, вероятно, был княжеским дружинником, попал в серьёзную переделку, обещавшую ему немало хлопот. Его адресат Микула купил в Пскове рабыню. Но эта рабыня оказалась похищенной у княгини. Княгиня, опознав свою рабыню, приказала схватить Жизномира, каким-то образом причастного к возникшей ситуации, но за него поручилась дружина. На этом дело могло бы и прекратиться, но Жизномир, естественно, чувствует себя скомпрометированным. Он затеял наказать похитителя, начав расследование, скрупулёзно придерживающееся норм древнейшего русского закона Русской Правды. Он хочет купить коня для приглашённого следовате-

ГРАМОТА: Ш ТЗ ЖНЗНОМНРД: КЗМН / З ОУМ Е:
 КОУ ПНЛЗ ЕСН: РО БОУ: ПЛЗ С К О В Е: А Н З Н Е М А:
 В З Т О М З: А Л А К З Н А Г З Н Н: А Н З Н Е С А Ф Р ОУ
 Ж Н А: П О М А П Р ОУ Ч Н Л А: А Н З Н Е К А: П О С З
 Л Н К З Т О М ОУ: М ОУ Ж Е В Н: Г Р А М О Т ОУ: Е Л Н
 ОУ Н Е Г О Р Д Б А: А С Е Т Н Х О Ч ОУ: К О Н Е К С ОУ П Н
 В З: Н И К З Н А Ж З М ОУ Ж В З С А Д Н В З: Т А Н А С З
 В О А З: А Т З А Т Ф Е С Н Е В З З А Л З К ОУ Н З:
 Т Е Х З: А Н Е М Л Н: Н Н П З Т О Ж Е ОУ Н Е Г О:

Грамота № 109

ля, «княжьего мужа», и начать «свод». Так в Русской Правде называется система очных ставок, позволяющая проследить цепочку перепродаж краденого имущества. С подобным «сводом» мы только что встретились в грамоте № 155. Разумеется, рабыня, оказавшаяся таким «краденым имуществом», должна участвовать в «своде». Поэтому на время расследования княгине нужно было предоставить другую рабыню. Такой порядок также предусмотрен Русской Правдой. Жизномир и пытается добиться через Микулу, чтобы эту вторую рабыню предоставил в распоряжение княгини человек, у которого Микула купил рабыню. Кроме того, ни в коем случае не следует брать с него денег, если он попытается вернуть их. Иначе всё продуманное в деталях юридическое предприятие может лопнуть.

До сих пор о нормах древнейшего судопроизводства мы знали только по показаниям самих статей древнего кодекса. Теперь мы во многих грамотах знакомимся с наглядными случаями применения этих статей. Добавлю, что княгиня, упоминаемая в грамоте Жизномира, может быть только женой новгородского князя Мстислава Владимировича, время княжения которого точно совпало с датами двадцать первого яруса. Жену князя Мстислава звали Христиной.

Какие же неревские грамоты могут быть признаны древнейшими среди всех других? Какие найденные здесь берестяные письма должны внушать наибольшее уважение к их древности? Таких грамот четыре. Две из них найдены в условиях, не дающих возможности точно датировать их. Они найдены на уровне двадцать второго, двадцать третьего или двадцать четвертого яруса, то есть попали в землю между 1025 и 1096 годами. Грамота № 247 из числа этих двух дошла до нас в обрывке и касается судебного дела, возникшего по инициативе некоего клеветника. Эта грамота слишком важна для истории русского языка и понимания древнейшего периода истории Новгорода. Но понимание её важности возникло спустя тридцать лет после её находки, и подробный рассказ о ней мы поместим в заключительном разделе этой книги.

Текст другой грамоты — № 246, найденной в тех же слоях, воспроизвожу: «От Жировита къ Стоянови. Како ты оу мене и чьстьное древо възьмъ и вевериць ми не присълещи, то девятое лето. А не присълещи ми полоу пяты гривьны, а хоцоу ти выроути въ тя лоуцьшаго новъгорожянина. Посъли же добръмъ».

Эта грамота получила несколько разных противоречивых толкований, возникших из-за непонимания глагола «вырути», пока непонятное слово не было исчерпывающе разъяснено А. А. Зализняком, который доказал, что оно означает конфискацию иму-

щества у одного лица за долг другого лица. Например, некий новгородец задолжал купцу из другого города. В этом городе в поле зрения истца оказался другой новгородский торговец. У этого торговца истец с помощью местных властей конфискует товар, компенсируя свой убыток и предоставляя ни в чём не повинному человеку уже в Новгороде самому добиваться от настоящего должника покрытия своих денежных потерь. В более поздних торговых договорах предусматривается запрет такого «нарушения прав человека». Такое разъяснение позволяет сделать достоверный перевод грамоты № 246:

«От Жировита к Стояну. С тех пор, как ты поклялся мне на кресте и не присылаешь мне денег, идёт девятый год. Если же не пришлешь мне четырёх с половиной гривен, то я намерен за твою вину конфисковать товар у знатнейшего новгородца. Пришли же добром». Очевидно, что Жировит прислал своё письмо из какого-то другого города — судя по цоканью, из Смоленска, Полоцка или Витебска. Заметим также, что Жировит пользуется для обозначения новгородца термином «новгороджанин». В XI веке «Новгород» ещё воспринимался на слух как «Новый город». И производя от него другие слова, люди образовывали эти слова в точном соответствии с истинным смыслом названия, которое ещё не успело окостенеть.

Две другие древнейшие грамоты найдены в слое двадцать третьего яруса и датируются более точно 1055–1076 годами. Они могут быть более древними, чем письмо Жировита, но могут оказаться и моложе его. В конце концов это не так уж существенно: обе грамоты уцелели лишь в незначительных фрагментах. В грамоте № 181 читается начало первой строки: «Грамота от Дробьна...». В грамоте № 123 обрывки её шести строк таковы, что целиком можно прочесть лишь одно слово в первой и одно слово в пятой строках. В обоих случаях этим словом оказалось «грамота».

Есть нечто глубоко символическое в том, что древнейшее слово, сохранившееся на неревской бересте, — «грамота». Одной из самых острых и интересных проблем истории русской культуры давно уже признан вопрос о начале русской грамоты, о времени сложения русской письменности, древнейшие памятники которой не опускаются глубже середины X века. Берестяные грамоты пока не дали материалов для решения этой проблемы. Древнейшие грамоты ещё остаются в пределах времени, от которого и до открытия бересты были известны редкие памятники русской письменности. Но вряд ли нужно сомневаться, что решить эту проблему в будущем способна именно береста из древнейших слоёв русских средневековых городов.

Первые намёки на то, что такие поиски в новгородских слоях не окажутся безрезультатными, дают некоторые находки, уже сейчас занявшие прочное место в коллекциях Новгородской экспедиции. В 1954 году в слое двадцать четвертого яруса (1025–1055 годы) в Неревском раскопе найдена не доделанная резчиком дощечка для писания по воску. В слоях первой половины XI века в разные годы найдены три костяных «писала». Но самые важные находки связаны со слоями X века. Одно костяное «писало» удалось обнаружить в 1955 году в слоях двадцать седьмого яруса (972–989 годы), другое — ещё в 1951 году найдено буквально на материке, в слоях двадцать восьмого яруса, а этот ярус датируется 953–972 годами.

И если уж мы нашли орудия письма, то наверняка найдём и самые тексты, этими орудиями написанные. Как-никак, а ведь каждым «писалом», несомненно, нацарапан не один десяток берестяных писем. Придёт время, и о берестяных грамотах X века мы будем знать не из сбивчивого рассказа арабского путешественника, а из самой бересты, вложив в коллекцию новгородских писем грамоты, извлечённые из самых древних прослоек новгородского культурного слоя.

Много надежд археологов оправдал раскоп на Дмитриевской улице Новгорода. Однако постепенно всё меньшая и меньшая площадь оставалась здесь неизученной, и, наконец, работы на Неревском раскопе осенью 1962 года закончились. Внутри исследованного экспедицией участка, достигшего к тому времени почти девяти тысяч квадратных метров, было найдено 395 берестяных грамот. Ещё семь грамот тесно связались с Неревским раскопом, хотя они и найдены за его пределами. Эти грамоты собраны на территории того же квартала Дмитриевской улицы, в траншеях и строительных котлованах, в непосредственной близости к раскопанному участку.

Пришла пора перенести работы в другие районы города, чтобы сравнить результаты новых раскопок с наблюдениями, полученными на Неревском конце. Только такое сравнение определило бы, насколько изложенные выше материалы характерны для Новгорода в целом. Экспедиция перебазировалась на другой берег Волхова — на Торговую сторону. К этому времени Новгород поднялся из руин. Пустыри военного времени быстро исчезали, застраиваясь новыми зданиями. И если поначалу, когда возможности новгородского культурного слоя как важнейшего источника новой информации о прошлом ещё не могли быть оценены по достоинству, котлованы новых зданий беспрепятственно уничтожали этот источник, теперь настало время иными глазами посмотреть на задачи научного исследования.

Археологам порой приходится выслушивать жестокий упрёк: вот вы двенадцать лет копали большой участок на Неревском конце, а рядом с вами экскаваторы вгрызались в нетронутые слои великолепной сохранности, выбрасывая на поверхность десятки тысяч древних предметов и в их числе сотни, а может быть и тысячи берестяных грамот. Самосвалы развозили землю с этими предметами по всему городу, насыпая из неё газоны и клумбы, цветы на которых пышно цвели оттого, что перегноем для них послужила живая ткань нашей древней культуры. Целые районы древнего Новгорода, ещё сорок лет тому назад хранившие в земле бесценные свидетельства истории нашего отечества, навсегда потеряны для науки. Не лучше ли было раскопать их до того, как на них поднялись этажи новых зданий? И ещё: именно вам потомки предьявят счёт за эти невозполнимые потери, назвав вас варварами.

Давайте перенесёмся на минуту в те теперь уже неблизкие послевоенные годы, когда Новгород лежал в развалинах. В эти годы с вала Окольного города Софийской стороны был виден вал Торговой стороны, а вся линия Окольного города зимой обозначалась бесчисленными столбами дыма. Дым поднимался из железных труб. И под каждой трубой была землянка — жильё многих новгородцев тех лет. Дым тянулся и из развороченных коробок немногочисленных кирпичных зданий. Разгороженные фанерой клетушки внутри них — тоже временное жильё. Повсюду груды изуродованного кирпича, ржавые прутья перепутанной железной арматуры. Изуродованные пробоинами храмы с рассевшимися и грозящими обвалом стенами. Густые заросли цветка пожарищ — кипрея. И тяжёлый запах кустарника пожарищ — бузины. Страшный след войны — на поверхности и непосредственно под чахлым дёрном: стреляные патроны и неразорвавшиеся боеголовки, колючая проволока и осколки снарядов, искорёженные взрывами и пожаром вещи, ещё недавно служившие их владельцам, — вот первые находки археологов.

И ежедневное увеличение населения. Новгородцы, воевавшие на фронте и работавшие в тылу, спешили домой, не к очагам, а к пожарищам, в родной город — жить, строиться, поднимать его из пепла. И каждый новый дом был новой победой восстановления, новой победой жизни. Правительство поставило Новгород в список важнейших русских городов, нуждающихся в быстром и первоочередном восстановлении, направив в него лучшего архитектора тех времён Алексея Викторовича Щусева. И если при этом нашлась возможность выделить средства и для научных исследований Новгорода, и для реставрации памятников его старины, тем самым Новгороду был создан невероятный максимум условий в труднейшей обстановке послевоенных лет.

Да, строительные котлованы тогда вгрызались в живое тело древнего Новгорода. И под цветами на газонах, наверняка, гнили берестяные грамоты. И это в самом деле было варварством. Варварством фашизма, счёт которому не ограничивается теми цифрами нанесённого нашей стране ущерба, которые подсчитаны в актах Чрезвычайной Правительственной комиссии. Счёт военным потерям не закрыт 9 мая 1945 года, он пополняется и сегодня преждевременной смертью бывшего фронтовика, неожиданным взрывом затаившейся с войны мины, а в те годы — и вынужденными жертвами во имя восстановления нормальных условий жизни и работы. Хорошо бы об этом помнить сегодняшним радателям одностороннего возвращения Германии так называемого «трофейного искусства».

Экспедиция в те годы добилась максимального эффекта. Если бы её средства были распылены на исследование небольших

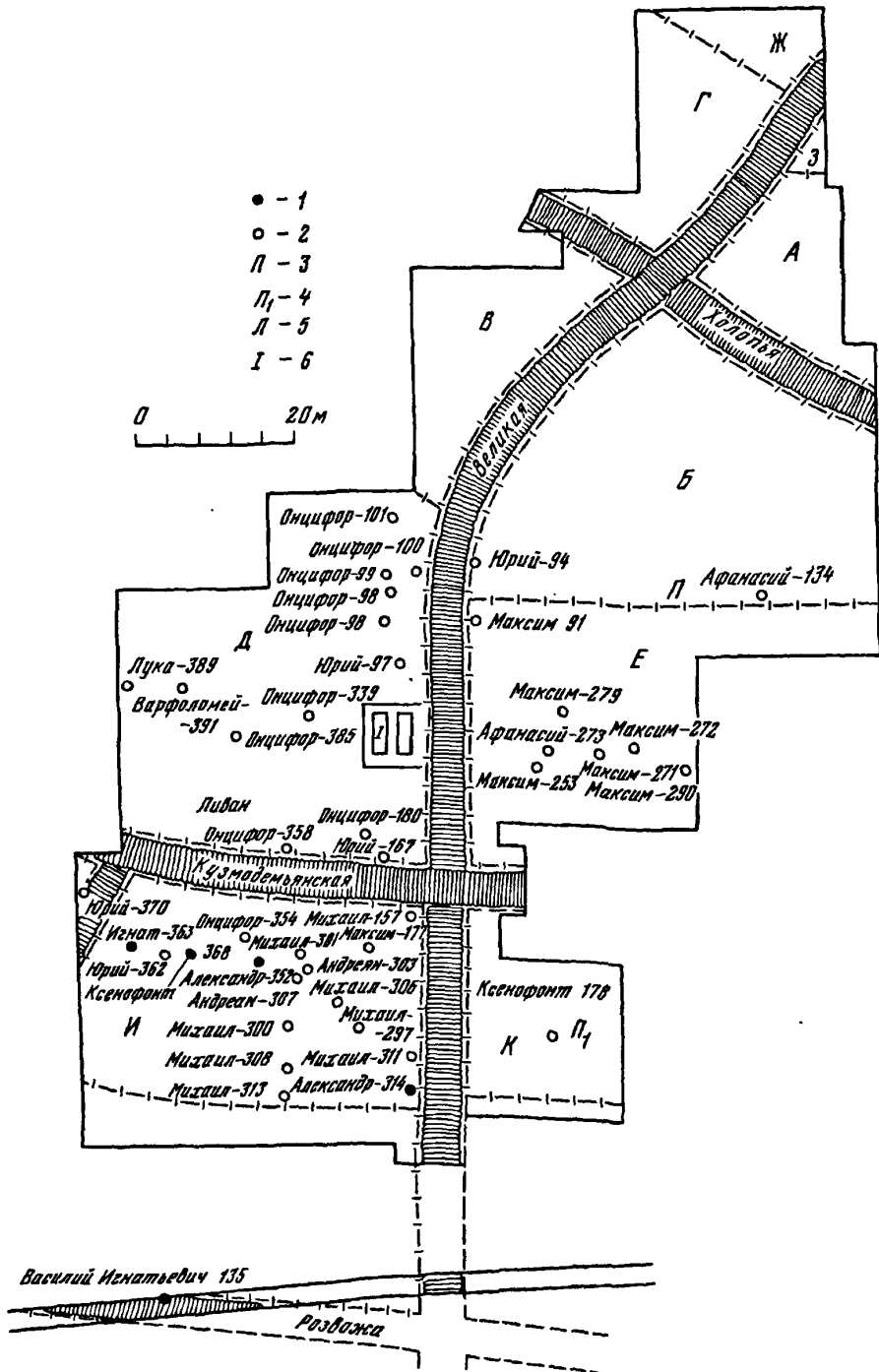
котлованов, на шурфовку, мы никогда уже не смогли бы увидеть столь значительного района древнего города, а располагали бы лишь небольшими фрагментами такой картины, в большинстве случаев не поддающимися осмыслению.

К шестидесятым годам обстановка в Новгороде изменилась. Город не только залечил военные раны, но и более чем вдвое превзошёл довоенный по площади и населению. Теперь одной из первоочередных стала задача уберечь те культурные ценности, которые пережили военное разорение. И в число мероприятий охраны этих ценностей вошло постановление Горсовета Новгорода, запрещающее строительные работы в пределах распространения древнего культурного слоя без его предварительного археологического исследования. Позднее принципы этого постановления были решением российского правительства распространены ещё на 114 древних городов Российской Федерации.

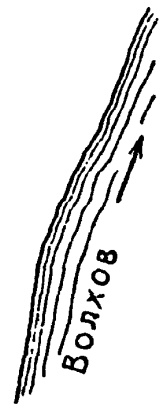
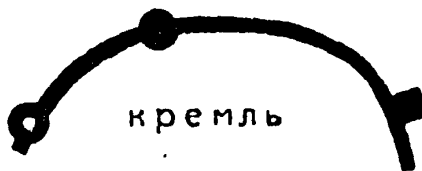
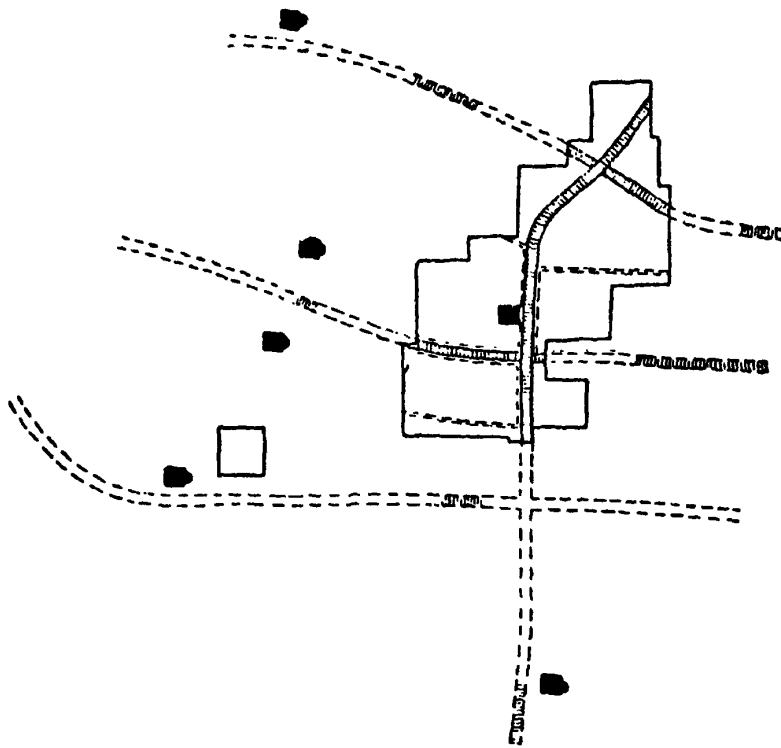
В жизни экспедиции наступил новый этап совместной работы с новгородскими градостроителями. Выбор места раскопок зависит сейчас непосредственно от планов развития города, а это придаёт археологическим работам мобильность, позволяет получать новые данные из разных районов города, сохраняя при этом для науки максимум нужных ей материалов.

О работах, начавшихся после завершения Неревского раскопа, мне ещё предстоит рассказать. Теперь же, нарушая их хронологию, перенесёмся снова в Неревский конец, где в 1969 году, спустя семь лет после завершения Неревского раскопа, был в связи со строительством нового дома заложен ещё один, на этот раз небольшой археологический котлован. Нужно прямо сказать, что, хотя мобильное освоение материалов из отдалённых от Неревского районов представлялось тогда и представляется сейчас наиболее важной научной задачей, мы всё же очень стремились возобновить раскопки поблизости от хорошо исследованного места. И дело здесь не в том, что экспедиция за двенадцать лет, как говорится, приросла душой к этому району. Причина тяготения — в тех проблемах, которые поставил перед наукой, но не решил до конца Неревский раскоп.

Я хочу напомнить, что одним из важнейших открытий на Неревском раскопе было установление множественности усадеб, принадлежащих одному боярскому роду, одной боярской семье. Определённо установлено, что в пределах раскопанного участка по крайней мере тремя усадьбами — «Е», «К» и «И» — владели Мишиничи-Онцифоровичи. Относительно других раскопанных здесь же усадеб мы не располагаем подобными сведениями. Однако достоверные владения Мишиничей не отделены от них с очевидной ясностью. С другой стороны, предполагали, что владения Мишиничей-Онцифоровичей простирались и далеко за границы Неревского

На плане Неревского раскопа помечены места находок берестяных грамот, адресованных членам семьи Мишкичей-Онцифоровичей

Неревский раскоп с юга и запада окружён церквами, построенными Онцифоровичами

раскопа. На это указывали происходящие из южной части раскопа, где почти не исследованные усадьбы были затронуты минимально, грамоты, связанные с потомками Матфея Варфоломеевича Коски, то есть с Мишиничами другой линии потомков Варфоломея. Кроме того, здесь же, за пределами изученного квартала Дмитриевской улицы, были намечены некоторые ориентиры, на связь которых с Мишиничами указывали известные ранее письменные источники. Один из таких ориентиров — церковь Сорока мучеников в 150 метрах к югу от Неревского раскопа в направлении к Детинцу. В ней в 1316 году похоронен Юрий Мишинич, а в 1342 году — Варфоломей Юрьевич. Другой ориентир — церковь Спаса на Разваже улице в 80 метрах к западу от Неревского раскопа, построенная в 1421 году по инициативе Лукьяна Онцифоровича. Третий — церковь Кузьмы и Демьяна на Козмодемьянской улице, в 40 метрах к западу от Неревского раскопа. Сюда в 1400 году Юрий Онцифорович с другими боярами подарил богослужебную книгу. Значит, исследуя новые участки неподалёку от Неревского раскопа, на той территории, которая предположительно также принадлежала Мишиничам, мы можем эту догадку проверить. Если и здесь найдутся грамоты, адресованные членам этого рода, — значит, действительно их владения не ограничивались тремя достоверно принадлежавшими им усадьбами.

На осень 1969 года было запланировано начало строительства нового многоэтажного дома на углу Тихвинской и Садовой (ныне Розважа) улиц, но на том их углу, который принадлежит уже соседнему современному кварталу города. От этого строительства до Неревского раскопа метров пятьдесят. Кое-что об этом квартале мы уже знали: чуть дальше, при сооружении соседнего дома, в его котловане, ещё в 1959 году обнаружены остатки той самой церкви Спаса, которую в 1421 году построил Лукьян Онцифорович.

Нижний этаж запроектированного дома предназначался для городского Дворца бракосочетаний. Поэтому не следует особенно удивляться, что одна из первых грамот, найденных здесь, когда был заложен раскоп на месте будущего строительства, содержала вполне пророческий текст: «... оженивося ту» — «... женился тут» (№ 448).

Раскоп — его называли «Тихвинским» — был небольшим, всего лишь около 330 квадратных метров, но всё же в напластованиях исследованной здесь части древней усадьбы найдено семнадцать берестяных грамот и множество разнообразных предметов, в числе которых впервые встретились целые резные гусли с рельефными и гравированными изображениями львов и райской птицы. Гусли найдены в слое XII столетия, когда жил Сотко Сытинич, прообраз былинного Садко.

Однако сейчас нас интересуют слои не XII века, а на двести лет более поздние. Кому адресованы письма, полученные на этой усадьбе в конце XIV и в начале XV века? Юрию Онцифоровичу? Или человеку, имя которого окажется абсолютно новым для нас?

Первая грамота 1969 года найдена как раз в прослойках рубежа XIV и XV веков. Ей присвоили очередной номер 446. Вот её текст:

«Поклонъ от Кондрата осподину своему Юрью и ото всихъ селянъ. Что еси, осподине, коне подавалъ, и тыи, осподине, коне Захарья въдаваеъ оу насъ. Что бы есъ, осподине, оунялъ его. Или, осподине, не оуимешъ, и ты, осподине, пошли по остатокъ. А намъ, осподине, немочьно жить» — «Поклон от Кондрата и от всех селян господину своему Юрию. Тех коней, господин, которых ты нам дал, Захарья у нас, господин, отдаёт (кому-то на сторону). Унял бы ты его, господин! Если же, господин, не уймёшь, пошли забрать остальных (коней). А нам, господин, невозможно жить».

Снова крестьянская жалоба на самоуправство ключника. Господина звали Юрием. Его имя встретилось там, где его надеялись найти. И мы имеем достаточно оснований включить грамоту с этим именем в общую коллекцию документов Мишиничей-Онцифоровичей.

Другие грамоты этой усадьбы в большинстве своём сохранились в небольших обрывках, лишённых имён адресатов. Зато в слое первой трети XIV века найден весьма любопытный предмет, немаловажный для нас в связи с историей боярского рода Мишиничей. Это небольшая костяная иконка, некогда предназначавшаяся для ношения на груди в не сохранившейся до нас металлической оправе. На плоскостях этой иконки размером 3 на 3,5 сантиметра изображён с одной стороны святой Власий, а с другой — святой Георгий.

Изготовлена эта иконка неплохим художником-резчиком, но значение её определяется не качествами художественной работы. Подобные предметы могли иметь очень личный характер — владелец носил такую иконку на груди, и выбор изображённых на ней сюжетов не был случайным. Уже давно искусствоведам и историкам Новгорода известна подобная, но более ранняя каменная иконка с изображением святых Иоанна и Захарии, которая принадлежала новгородскому посаднику второй половины XII века Иванке Захарьиничу. На ней, следовательно, изображены святые покровители его самого и его отца, художественными средствами передано его имя и отчество. В данном случае можно было предположить, что владельца найденной на Тихвинском раскопе иконки звали Георгием (Юрием) Власьевичем или Власием Георгиевичем (Юрьевичем).

И вот что особенно интересно. В Русском музее хранится одна из самых знаменитых новгородских икон, написанная прекрас-

ным художником на метровой высоты доске, но оказавшаяся в ближайшем родстве с нашей маленькой натальной иконкой. Эта большая икона ориентировочно датируется концом XIII века и изображает стоящего во весь рост святого Иоанна. Но не только его. По сторонам Иоанна на иконе помещены ещё две фигуры, в два с половиной раза меньшие, чем центральное, главное изображение. Слева — фигура святого Георгия, справа — фигура святого Власия. Георгий и Власий — те же имена, что на найденной в 1969 году иконке. Более того, Георгий и Власий порознь много раз изображались на иконах и на предметах прикладного искусства, но здесь они вторично встретились вместе как двойники изображённых на иконе Русского музея: совпадают не только имена, но и мельчайшие детали изображений. Например, Георгия обычно изображали со щитом и мечом. Здесь же — на нашей иконке и на иконе Русского музея — он держит у груди мученический крест. Иными словами, и здесь и там подчёркнута не воинская доблесть святого патрона, а пережитые им страдания.

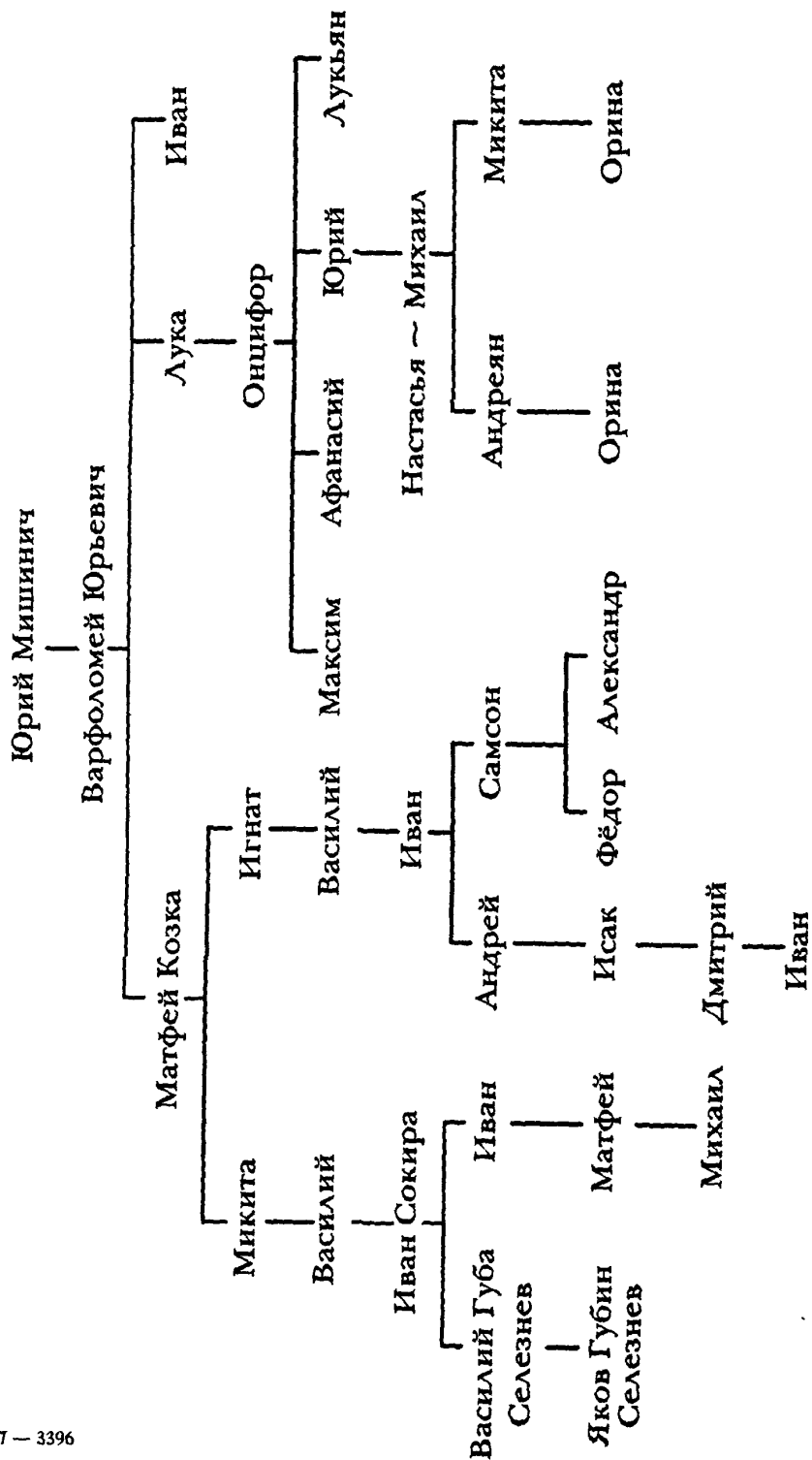
Из этого сопоставления следует неизбежный вывод. Человек, заказавший большую икону с изображением святого Иоанна, был, очевидно, самым тесным образом связан с человеком, некогда носившим найденную в Тихвинском раскопе маленькую натальную иконку. С тем самым Юрием Власьевичем или Власием Юрьевичем.

А какое отношение имеют ко всему этому Мишиничи? Да самое прямое. Ведь иконка-то найдена на одной из их усадеб!

В поисках владельца костяной иконки отправимся в первую треть XIV века. До 1316 года главой рода Мишиничей был Юрий Мишинич. Его сменил сын — Варфоломей Юрьевич, умерший в 1342 году. У Варфоломея были дети — давно известные всем историкам Матфей и Лука и ставший известным только в 1961 году Иван, имя которого прочитано на принадлежавшей ему деревянной ложке.

Цепочка имён на иконе «Иоанн — Власий — Георгий (Юрий)» и генеалогическая цепочка Онцифоровичей начала XIV века «Иван — Варфоломей — Юрий». Они совпадают в двух звеньях, но не совпадают в одном. Если бы на иконе был изображён не Власий, а Варфоломей, понять её замысел не составило бы труда. Мы сказали бы, что эта икона была заказана Иваном Варфоломеевичем в честь своего святого патрона. Но, в традициях того времени, на иконе также изображены небесные патроны его отца и деда. Однако, поскольку мы видим там всё-таки не Варфоломея, а Власия, приходится с сожалением констатировать, что обращение к именам Мишиничей оказалось бесплодным...

И всё же! Ведь костяная иконка с изображением Власия найдена на усадьбе Мишиничей. И это предмет сугубо личный. Имена

Генеалогия Мишиничей

Власия и Варфоломея начинаются на одну букву. Не подсказет ли это совпадение хотя бы узкой тропки для раздумий? В самом деле, существовал в древности такой обычай. Если человек принимал схиму, постригался в монахи, то ему давали новое имя как символ обновления, вступления в новую жизнь. Но это имя почти обязательно должно было начинаться с той же буквы, с которой начиналось его прежнее, домонашеское имя. А может быть, Варфоломей Юрьевич в конце жизни принял монашество? Как рассказывает летопись, почти все новгородские посадники в конце жизни принимали схиму, постригались «в ангельский образ». О монашестве Варфоломея летопись прямо не говорит, но в её рассказе об этом посаднике имеются явные признаки того, что в своём предположении мы на верном пути. Вслушайтесь в рассказ о кончине и погребении Варфоломея Юрьевича в 1342 году: «Месяца октября преставися раб Божии Валфромей, посадник новгородчкыи, сын Юрия Мишинича, на память святых мученик Маркияна и Мантуриа, в 25; и положиша тело его в огне гробе, владыка Василии с игумены и с попы. Покой, Господи, душу его со всеми святыми».

Обратим внимание на три важные детали. Во-первых, бросается в глаза подчеркнута благочестивый тон повествования. Варфоломей — посадник и сын Юрия Мишинича, но прежде всего он «раб Божий», душу которого Бог упокоит со всеми святыми. Во-вторых, — и это самое главное — можно перелистать всю новгородскую летопись и убедиться, что игуменов призывали в торжественные процессии тогда только, когда дело касалось встречи или погребения высоких лиц монашеского состояния. Игумены, бывшие пастырями монашеской братии, погребали не мирян, а монахов. И, наконец, само погребение Варфоломея не в собственном гробу, а среди останков его отца носит заметный оттенок приличествующего лицу монашеского звания уничижения. Добавим к этому, что в последний раз в качестве политического деятеля Варфоломей Юрьевич в источниках упомянут под 1334 годом. Последние восемь лет своей жизни он остаётся в тени. В эти годы на страницах летописи мелькают имена других посадников.

Но этого мало. По принятому в Новгороде обычаю, владельцем всех семейных богатств оставался до конца жизни или до ухода в монахи глава семьи. Его взрослые дети, даже достигшие вершины политической карьеры, не могли быть собственниками фамильных вотчин. Между тем Лука Варфоломеевич приобретает земли на реке Паше явно при жизни отца, коль скоро один из них умер своей смертью, а другой погиб в один и тот же год. Значит, в последний период своего земного существования Варфоломей Юрьевич уже не считался главой семьи, посвятив себя иному служению.

Но если в эти годы Варфоломей принял монашество, его должны были называть иначе, хотя и на ту же букву. Предположив тождество нашего Власия и Варфоломея, мы найдём ключ к расшифровке сюжетов и большой иконы Русского музея, и маленькой иконки Тихвинского раскопа. Более того, мы поймём и особенности изображения святого Георгия на этих двух предметах. Юрий Мишинич в 1316 году погиб под Торжком в битве новгородцев с тверским князем Михаилом. Но в это время он был уже далеко не молодым человеком. Ведь в посадники его впервые избрали ещё в 1290 году, значит, уже тогда, в момент первого избрания, он обладал немалым жизненным опытом. Гибель в битве старого человека неизбежно несёт на себе отпечаток не столько военной доблести, сколько мученичества. И если на патрональных иконах Мишиничей воспоминание о нём воплощено в образе не святого-воина, а святого-мученика, их можно хорошо понять.

Итак, мы предположили, что найденная на Тихвинском раскопе иконка изготовлена для Варфоломея-Власия Юрьевича в последние годы его жизни, а икона Русского музея заказана тем же Варфоломеем-Власием в честь своего сына Ивана или же самим Иваном Варфоломеевичем.

Раскопки 1969 года подтвердили возникшие ранее предположения. Мишиничи в XIV–XV веках владели значительным комплексом усадеб, а громадный Неревский раскоп 1951–1962 годов только частично вторгся в пределы их городского землевладения.

Ну, а раньше? Был ли этот комплекс приобретён Мишиничами, скажем, только в конце XIII века? Или им владели и их предки? Является ли картина, установленная для XIV–XV веков, характерной лишь для этого периода, или она традиционна? Может быть, подобное состояние боярского городского землевладения в Новгороде восходит к древнейшим порядкам этого города? Ведь очень важный элемент традиционности свойствен, например, каждой отдельно взятой усадьбе. На протяжении столетий, с X до XV века, они и в Неревском конце, и во всех раскопанных экспедицией местах не меняли своих границ. Их частоколы из яруса в ярус возобновлялись на линиях, проведённых тысячу лет тому назад.

Перед нами, таким образом, встаёт новый вопрос — о предках Мишиничей. Кто они? Где они жили?

А. В. Арциховский предположил, что ближайшим предком Мишиничей был знаменитый новгородец Миша, о котором рассказано в Житии Александра Невского как об одном из шести наиболее отличившихся героев Невской битвы 1240 года: «Четвертый же новгородец, именем Миша: сии пешь с дружиною своею

наскочи, погуби три корабля Римлян». «Выводить этот род от другого Миши невозможно, — писал А. В. Арциховский. — Остальные летописные Михаилы были, вероятно, Мишами для родных и друзей, но это уменьшительное имя на страницах летописи встречается лишь под 1228–1257 годами. Оно было для всего Новгорода связано только с одним популярным человеком и отличало его от многочисленных тезок. Своеобразие отчества Мишиничей это подчёркивает».

Обратимся к одному хотя и позднему, составленному в конце XVII века, но чрезвычайно любопытному источнику. Тогда ещё в Новгороде существовала на Прусской улице церковь Вознесения. И в этой церкви был составлен или в указанное время переписан синодик — поминальная книжка с именами людей, о которых особенно прилежно полагалось молиться в этой церкви, поскольку они заботились о ней и в ней похоронены. В этом синодике говорится, что первыми «создателями» церкви Вознесения были «Михаил, Терентий, Михаил, Симеон, Иоанн иже прозванием Морозовых». Их имена не просто названы, а здесь же рассказывается, что каждый из них «в своё время» умер и похоронен в церкви Вознесения «на южной и северной стенах в настенных гробах». И не просто похоронен, но и изображён в настенной росписи: «И образы — подобие их, — и одежды, яковы носяху, написаны суть и внутрь по стороне южных церковных дверей, в написании том 17 лиц». Здесь же сообщается, что первый Михаил и был сподвижником Александра Невского. Те же сведения с описанием подвига Миши в Невской битве имеются и в родословце Морозовых, составленном в XVI веке.

Выходит, следовательно, что герой Невской битвы Миша жил вовсе не в Неревском конце, а на Прусской улице, совсем в другом районе Новгорода. Но, может быть, его потомство переселилось в Неревский конец? Нет, синодик перечисляет это потомство, называя совсем иные имена, нежели у наших Мишиничей. Дети и внуки Миши продолжают жить на Прусской улице; их и хоронят на Прусской улице.

А может быть, сведения цитированных источников недостоверны? В XVI и XVII веках бояре любили измышлять для себя знаменитых предков. Существует возможность кое-что проверить в показаниях этих источников. В числе потомков Миши назван Иван Морозов. Человека с таким именем хорошо знает древний, достоверный источник — Новгородская Первая летопись XV века. В ней под 1413 годом сообщается, что Иван Морозов поставил каменную церковь Ивана Предтечи на Десятине. А Десятина, иначе Десятинный монастырь, непосредственно примыкала к Прусской улице. Значит, действительно потомки знаменитого Миши продолжали жить на Прусской улице и к Неревскому концу не

имеют никакого отношения. Непосредственным предком Мишиничей был совсем другой Миша.

Поскольку сведений о нём у нас нет вовсе, сегодня достоверную генеалогию Мишиничей приходится обрывать на этом лице. Не зная его отчества, мы ничего не сможем сказать об имени его деда и более ранних предков. Однако, выйдя из области достоверного, мы имеем право и возможность высказать кое-какие предположения. Не нужно только забывать, что любому предположению очень далеко до точного вывода.

Потомков знаменитого Миши погребали в церкви Вознесения. Могилы ближайших потомков нашего, незнаменитого Миши находились в другой церкви — Сорока мучеников. Лишь когда Юрий Онцифорович создал Колмов монастырь в конце XIV века, его соборная церковь стала родовой усыпальницей Онцифоровичей. Но если Мишиничи так тесно связаны с церковью Сорока мучеников, не стоит ли нам поближе познакомиться с историей этой церкви и с именами людей, имеющих к ней отношение?

Эта церковь была заложена в 1200 году. Летопись не называет инициатора постройки, но спустя тринадцать лет, под 1213 годом, так рассказывает об окончании строительства: «Того же лета, волею Божиею, съверши церковь камяну Вячеслав Прокшиниць, вѣнук Малышев, Святых 40; а даи ему Бог в здравие и в спасение, в отпущение грехов и молитвами Святых 40 мученик». На этом деятельность Вячеслава не закончилась. Под 1227 годом летописец сообщил, что Вячеслав, Малышев внук, расписал ту же церковь.

О Вячеславе Прокшиниче летописец знает не только как о строителе интересующей нас церкви. В 1224 году он был членом новгородского посольства к князю Юрию Всеволодовичу. В 1228 году он был новгородским тысяцким. А 4 мая 1243 года умер в монашеском чине под именем Варлаам в Хутынском монастыре.

Летописцу известен и большой круг его родственников. В 1247 году в том же Хутынском монастыре и тоже в монашеском чине под именем Анкюдин умер сын Вячеслава — Константин. В 1219 году во время очередного столкновения в Новгороде был убит брат Вячеслава Константин, которого летопись прямо называет жителем Неревского конца. Под 1228 годом упоминается другой брат Вячеслава — Богуслав. Хорошо известен и отец Вячеслава — Прокша Малышев, судьба которого стала образцом для его сына и внука. Летопись под 1207 годом сообщает о Прокше следующее: «В то же лето преставися раб Божии Парфурии, а мирьскы Прокша Малышевиць, постригся у святого Спаса на Хутине, при игумене Варламе; а покои, Господи, душу его».

У нас нет возможности сомкнуть Малышевичей и Мишиничей в одну цепь генеалогических связей: в середине — второй

половине XIII столетия сведения о том и другом роде прерываются на полвека. Однако и искать эту связь нет необходимости. Её не могло быть, поскольку Малышевичи и Мишиничи принадлежали к разным, несовместимым слоям новгородского общества. Занятие поста тысяцкого — а тысяцким был Вячеслав Прокшинич — являлось в Новгороде XIII века прерогативой чёрного населения. Этот пост не мог занимать боярин, и, следовательно, бояре Мишиничи никак не могли происходить от непривилегированных Малышевичей, какими бы богатыми Малышевичи ни были.

Следы присутствия Малышевичей на территории, исследованной Неревским раскопом, как будто имеются. Еще в 1954 году во время раскопок усадеб «А» и «Г» были найдены подряд три грамоты № 114, 115 и 118. Грамота № 114 обнаружена в слоях шестнадцатого яруса, который датируется 1197–1224 годами. Она оказалась целым, хотя и очень коротким письмом: «+ От Богош ко оуике. Водаи гривеноу исто» — «От Богши (то есть Богуслава) к дядюшке. Дай гривну в долг». Грамоты № 115 и 118 извлечены из слоёв семнадцатого яруса с дендрохронологической датой 1177–1197 годы. Обе они дошли в обрывках, причем грамота № 118 была собрана из них и частично прочитана в самые последние годы. И обе написаны Прокшей и адресованы Нестеру. Хронологическое совпадение позволяет связать эти документы, соответственно, с Богуславом Прокшиничем и Прокшей Малышевым, но найдены-то они на усадьбах к северу от Холопьевой улицы, на которых в более позднее время присутствия Мишиничей не замечено.

Что же касается тех усадеб, которые в XIV–XV веках принадлежали Мишиничам, очень важные наблюдения относительно их владельцев более раннего времени были сделаны А. А. Зализняком. Он обратил внимание на две группы берестяных грамот. Одна из них происходит из напластований семнадцатого–девятнадцатого ярусов и датируется 1134–1197 годами. Грамоты № 80 и 117 — небольшие обрывки писем, адресованных некоему Иванку. Его высокое положение, однако, выявляется грамотой № 226, тоже сильно фрагментированной, но сохранившей важные обломки текста: «(От)... поклоняние ко Иванокоу и ко Мирошьке... господина. А испытал- ти есьмо... в полюдие семо...». Упоминание Мирошки, идентифицируемого со знаменитым боярином, ставшим в конце XII века посадником, и полюдья, которое в Новгороде существовало только в домениальных княжеских землях, заставляет приглядеться внимательно к Иванку. Грамота № 226 была обнаружена на усадьбе «К».

Вторая группа берестяных грамот происходит как раз с усадьбы «К» и извлечена из слоёв шестнадцатого–восемнадцатого ярусов с

дендрохронологической датой 1161–1224 годы. В неё входят четыре документа, из которых три (№ 222, 225, 239) адресованы Гюргию (Юрию), а одна, найденная на усадьбе «Б» (№ 165), его упоминает.

Между тем летопись знает в Неревском конце двух посадников, имена и время деятельности которых сопоставимы с именами и временем деятельности адресатов этих писем, живших на усадьбе «К». Один из них — Иванко Захарьинич. Мы уже упоминали каменный образок этого посадника с изображением святых Иоанна и Захарии. Он занимал должность посадника дважды — первый раз в 1171 году, второй раз с 1172 до 1175 года, когда был убит. Его сын Гюргий (Юрий) Иванкович был посадником в 1215–1216 годах. В 1217 году, когда князь Мстислав Удалой ушёл из Новгорода в Киев, он взял с собой Гюргия Иванковича, Сбыслава Степанича и Олексу Путиловича. В более поздние годы Гюргий Иванкович в летописи не упоминается.

Это сопоставление выглядело бы не вполне надёжным, если бы в грамотах, адресованных Иванку и Гюргию, не упоминались несколько раз Степан и Путила. Степан — автор грамот № 117 и 239, адресат грамоты № 165 и упоминается в грамоте № 231. Путила упомянут в грамоте № 165.

Таким образом, у нас имеются веские основания предполагать родственную связь посадничьей семьи XII — начала XIII века (Иванки Захарьинича и Гюргия Иванковича) с жившими там же в более позднее время Мишиничами.

Добавим к этому, что анализ разнообразных письменных свидетельств второй половины XV века позволяет установить, что к роду Мишиничей принадлежали и знаменитые Борецкие. Между тем летопись под 1477 годом сообщает: «сентября 21 бысть пожар: от Розважи улицы погоре и до Борковы улицы побережье все и до Великой улицы, и Марфы посадницы двор». Это значит, что комплекс усадеб Мишиничей простирался не только на юг и на запад, но и на восток от Неревского раскопа в сторону Волхова. Предполагать позднее водворение этого рода на территорию, исследованную в Неревском раскопе, нет оснований, и, следовательно, версия о древних его корнях именно на той территории, которая ему принадлежала в XIV–XV веках, получает более прочный фундамент, несмотря на то, что проследить родословие предков Мишиничей пока не удаётся.

Почему представление о традиционности кланового боярского городского землевладения кажется мне столь важным? Попробуем вместе разобраться в одной необычайно сложной проблеме.

Если один боярский род владел на территории Новгорода значительным комплексом усадеб, то есть большим районом города, а в этом районе кроме самих бояр жили многочисленные представители других социальных слоёв, значит, подавляющее большин-

ство населяющих эти усадьбы людей жило не на своей земле. Все эти люди находились в разных формах зависимости от владевших комплексом усадеб бояр. Вместе с тем боярский род, увеличиваясь с течением времени, сохраняет единство, которое проявляется в совместном владении комплексом этих усадеб. Такая организационная ячейка общества называется патронимией, она носит на себе очевидные черты пережиточности, восходя к древней большой семье. Разумеется, существо этой организации в условиях средневековья было уже иным. Однако общество склонно бывает не только сохранять, но даже культивировать некоторые пережитки тогда, когда это ему выгодно.

Следовательно, если замеченная для XIV–XV веков форма действительно является традиционной, это и в самом деле патронимия. И нам нужно задуматься, почему она была выгодна боярству.

В том, что мы стоим на правильном пути, убеждают некоторые особенности планировки новгородских концов. Рассказывая о землевладении Мишиничей в городе, мы заметили, что принадлежащий им комплекс усадеб со всех сторон окружён церквами, возникающими по инициативе владельцев усадеб. К району городских владений Мишиничей примыкают четыре церкви: Сорока мучеников, Саввы, Спаса, Кузьмы и Демьяна на Козмодемьянской улице, образуя гнездо. Об одной группе церквей в Новгороде кем-то было сказано, что они «кустом стоят». Вот такой куст мы видим и вокруг усадеб Мишиничей. Но если внимательно рассмотреть план древнего Неревского конца, мы обнаружим на нём и другие подобные «кусты». К северу от комплекса изученных усадеб, на некотором расстоянии от них, имеется подобный же «куст» — церкви Кузьмы и Демьяна на Холопьевой улице, Георгия, Якова и Мины. В том же районе существуют ещё два подобных, но менее выраженных района. Не такие же ли это патронимии, как на Дмитриевской улице?

В этой связи интересно происхождение слова «конец». Мы привычно вкладываем в него значение окраины, части целого. Но в новгородских писцовых книгах при описании сельских местностей под словом «конец» подразумевают совокупность. «Концом» в них называется группа деревень, объединённых организационно, нечто вроде «волости» XIX века. Применительно к городским концам мы можем предположить, что ими называлась совокупность таких боярских гнёзд, патронимий, изолированных одно от другого пустыми пространствами. А поскольку конец — обозначение изначальное, то, предполагая такой процесс, мы присутствуем при возникновении городской структуры Новгорода на заре образования этого города.

С развитием города пустопорожные пространства между первоначальными боярскими родовыми посёлками застраивались —

самими боярами и горожанами иных состояний. Здесь могло возникнуть и возникало городское землевладение иного характера. Отражением такой разницы, по всей вероятности, было существование рядом с кончанской административной системой в Новгороде сотенной административной системы. Концы объединяли боярские патронимии, а сотни — усадьбы горожан небоярского происхождения. Соответственно и посадник представлял бояр, а тысяцкий — начальник над сотскими — житых, купцов и чёрных людей, сохранявших независимость.

Почему же новгородские бояре культивировали патронимическую систему? Из истории Новгорода хорошо известно, что это был город, в котором на протяжении столетий не прекращалась вооружённая борьба. Но эта борьба даже в тех случаях, когда непосредственной её причиной было недовольство простых людей государственными порядками боярской республики, приобретала форму столкновения разных территорий Новгорода. Если борьба приводила к смене посадника, то в ходе столкновения на сторону наличных властей становился тот конец, родом из которого был правящий посадник. Другие концы выступали против него, выдвигая своих претендентов на этот пост. Концы Новгорода боролись друг с другом, создавая изменчивые блоки, а победителем в такой борьбе в конечном счёте становилась та или иная группа бояр, утверждавшая своего ставленника на посадничьей степени. Во всех случаях конец выступал как цельная политическая единица.

Исследователей давно интересовал механизм политической борьбы в Новгороде. Была высказана, например, такая мысль. Разные районы города населяли люди разной социальной принадлежности. В одних местах жили бояре, в других купцы, в третьих ремесленники. Поэтому столкновение территорий отражает расстановку классовых сил в новгородском обществе. Эта мысль опиралась на особенности в названиях разных концов и улиц города. Полагали, что на Торговой стороне жили купцы, в Плотницком конце — плотники, в Гончарском (Людином) конце — гончары, на Холопьей улице — холопы, на Щитной улице — ремесленники, изготавливавшие щиты, и т. д.

Археологические раскопки развеяли эту гипотезу. И на Торговой стороне, и на Холопьей улице открыты богатые боярские усадьбы, а следы ремесленного производства оказались характерными для любых участков древнего города. Более того, выяснилось, что и боярские хоромы, и ремесленные мастерские во многих случаях располагались на одних и тех же усадьбах. Иными словами, стало очевидным, что значительная часть простого населения Новгорода зависела от бояр больше, чем было принято думать. Эти люди не имели своих дворов, а вынуждены были жить

на земле, принадлежащей боярам, составляя, таким образом, один из элементов боярской патронимии.

Патронимия была организацией политического единства боярского рода, а с помощью уличных и кончанских вечевых собраний — средством политического единства бояр целого конца. Но в то же время она препятствовала политическому объединению простого населения, например, ремесленников. Разделённое частокколами боярских усадеб и патронимических комплексов простое население было лишено возможности объединяться по профессиональному признаку. Именно поэтому в Новгороде не возникло ремесленных цехов, а купеческие организации объединяли лишь самых богатых купцов.

Простое население патронимий испытывало, нужно думать, ещё более сильный гнёт, нежели независимое население сотен, однако недовольство боярских ремесленников и холопов всегда могло быть направлено их господами в нужное боярам русло. Вы недовольны условиями своей жизни, говорили бояре, но в ваших трудностях повинны плохие правители. Их нужно свергнуть, а на их место посадить нас. Помогите нам в нашей борьбе за должность посадника, а мы не забудем вашей помощи.

Схема народных восстаний в Новгороде на протяжении столетий однообразна. Простой люд поднимается на борьбу против угнетения, но в конечном счёте оказывается помощником то одной, то другой боярской группировки, стремящейся утвердить во главе боярской республики своего ставленника. Таким образом, сама структура организации новгородского боярства препятствовала росту самосознания трудящегося населения. Лишь в XV веке, когда боярство в целом пришло к власти, организовав верховный орган республики с участием представителей всех патронимий, наступило всеобщее разочарование, направленное не против отдельных бояр, а против всего боярства. Именно тогда впервые стали говорить обо всех боярах как супостатах «простой чади», о несправедном суде, об отсутствии закона. И тогда, в эпоху последнего столкновения боярского Новгорода с великокняжеской Москвой, республика бояр не нашла поддержки у «простой чади», отказавшейся воевать за своих господ.

Часть 2

На Торговой стороне

1962–1974 годы

Мостовые
Черницыной улицы
с X по XV век
Фото С. Орлова

Пересечение Пробойной
и Черницыной улиц
Фото С. Орлова

Возвратимся теперь к берестяным грамотам. Уже в годы работ на Неревском раскопе территория находок древних берестяных писем раздвинулась далеко за пределы изучаемого раскопками квартала. В 1955 году грамоту нашли в Славенском конце Торговой стороны, на углу улиц Михайловской (Кирова) и Ильиной (Первомайской). В 1956 году берестяная грамота найдена в Славенском конце, в котловане, выкопанном на углу улиц Большевиков (Буяной) и Б. Московской. В 1958 году две грамоты нашёл М. Х. Алешковский при архитектурно-реставрационных раскопках у церкви Параскевы-Пятницы на Торгу. В 1959 году одну грамоту извлекли из строительного котлована на углу Садовой и Тихвинской улиц, в соседнем с раскопками квартале, а другую обнаружили около церкви Михаила Архангела на берегу Волхова в Славенском конце. В 1960 году ещё одна грамота пришла из строительного котлована на Ильинской улице Славенского конца. В 1962 году берестяное письмо нашли в траншее у знаменитой церкви Петра и Павла в Кожевниках, в ближайших окрестностях Неревского конца. Наконец, ещё две грамоты в 1957 и 1960 годах обнаружили в цветочных клумбах, земля для которых была взята из не установленных с достаточной точностью мест. Шесть берестяных грамот из десяти найденных за пределами Неревского раскопа концентрировались на Торговой стороне, демонстрируя тем самым и важные для нас особенности культурного слоя в этом районе Новгорода.

Отмеченное обстоятельство послужило одной из главных причин, определивших выбор нового участка раскопок, начатых в 1962 году и оконченных в 1967 году. Этот участок, имевший площадь около 800 квадратных метров, заложен на границе Славенского и Плотницкого концов, на углу Первомайской улицы и Знаменского переуллка, в районе древней Ильиной улицы. Здесь исследовался мощный — до шести с половиной метров толщиной — культурный слой древнего городского района, расположенного в непосредственном соседстве с всемирно известной церковью Спаса на Ильине, сохранившей до наших дней гениальные фрески Феофана Грека, и рядом со Знаменским собором, основанным в XIV веке специально для хранения одной из главнейших новгородских реликвий — Знаменской иконы. Этой иконе легенда приписывала спасение Новгорода от войск Андрея Боголюбского в 1170 году.

Если говорить о количестве открытых на Ильинском раскопе грамот, то новый участок оказался менее щедрым. Здесь найдено сравнительно немного берестяных листов, всего двадцать одна грамота. Но зато из них одиннадцать целых. И по своему содержанию они весьма интересны.

Первое же письмо Ильинского раскопа — ему дали номер 413 — сообщило любопытные подробности новгородского быта первой четверти XV века:

«Цолобитъ отъ Смона к попу Ивану. Цо бы еси моего москотья моего пересмотреле, дад бы хорь не попортиль. А я тоби, своему осподину, цоломь бию в коробки. А послалъ есмь клуць Стопаномь. А помитка горносталя».

Семён называет попа Ивана своим «господином», но, как это ясно из дальнейшего текста, в данном случае употреблена лишь вежливая формула, подобная позднейшим уважительным формулам русской переписки. Семён бьёт челом попу Ивану «в коробке». Это значит, что Семён просит относительно какой-то коробки (маленького короба), ключ от которой он послал попу Ивану со Степаном. Степан, по-видимому, привёз от него и это берестяное письмо. В коробке хранится какое-то «москотье», которое может попортить — если только уже не попортил — «хорь». Отличить коробку Семёна можно по помете на ней, условному знаку, называемому «горностаем».

Что-то странное есть в этом письме, не правда ли? Хорь, или хорёк, питается птицей и мелкими зверьками, которые вряд ли могут находиться в запертой коробке. Объяснить содержание грамоты мог бы термин «москотье», но он встречен в древнем тексте впервые.

Имеется, правда, в договоре новгородцев с магистром Ливонского ордена, заключённом в 1481 году, такая фраза: «А приедет Новгородец на Ругодив с воском, или с белкою, или с москотильем...» Но эта фраза не объясняет ничего, кроме того, что загадочное «москотье» или «москотилье» было одним из важнейших товаров на международном рынке. Объяснить этот термин позднейшим понятием «москотильный товар» вряд ли возможно: так назывались красильные и аптечные припасы, употребляемые в разных ремёслах. Такие припасы никогда не играли важной роли в новгородской торговле с Западной Европой. К тому же и хорь вряд ли мог ими заинтересоваться без вреда для здоровья.

На помощь, как во многих случаях, приходит словарь В. И. Даля. В нём среди значений слова «хорь», кроме общеизвестного «хищный зверёк», имеется ещё и такое: «моль платяная». Вот теперь всё встало на место. Можно догадываться, что «москотьем» назывались шерстяные ткани или — скорее — пушные товары,

которыми Новгород на международном рынке действительно славился. Может быть, в понятие «москотьё» входили также и кисти, что и породило впоследствии обозначение красильных припасов «москотильными»?

Как бы то ни было, а Семён просит попа Ивана пересмотреть его меха, хранящиеся в запертой на ключ коробке, — не начала ли их тратить моль? Но почему этим должен заниматься поп? На такой вопрос ответить легко. Мы и раньше знали, что каменные церкви в деревянном Новгороде служили не только для отправления обрядов. Они были надёжными складскими помещениями, своего рода несгораемыми ящиками, которым доверяли различные ценности. До наших дней сохранился любопытный документ XVII века — договор, заключённый клиром церкви Филиппа со сторожем, которому вменялось в обязанность расчищать дорожки, убирать снег, не появляться пьяным и безвозмездно принимать от своих — но только от своих — прихожан всякое добро для хранения в подцерковье.

С расположенной по соседству церковью связана и вторая грамота Ильинского раскопа, найденная в слоях середины XIV века. Автор этой грамоты, получившей номер 414, некий Филикс (такова древнерусская форма имени Феликс), обращался к Смену и Юргю с просьбой вложить в церковь какой-то прибыток «во всяя», дав предварительно жене Филикса, сколько ей будет нужно. Эта находка открыла целую серию древних предметов, связанных с именем Филикса, который оказался владельцем раскапываемой усадьбы в середине XIV века.

Его имя повторилось в грамоте № 415: «Поклоно от Фовронее к Филиксу с плацою. Убиле мя пасынке и выгониле мя изо двора. Велише ми ехате в гоородо. Или самь поеди сею. Убита есею».

Что и говорить, документ не из приятных. Пасынок избил Фовронью и прогнал со двора. И теперь Филиксу предстоит решать, звать ли ему Фовронью к себе в город или ехать самому наводить порядок в её семье.

Разумеется, найдя только эти две грамоты, мы смогли бы установить, что усадьба Ильинского раскопа принадлежала какому-то Филиксу, но кем был этот Филикс, вряд ли возможно догадаться, если бы не находка на его усадьбе одного не совсем обычного предмета. Из слоёв первой половины XIV века здесь была извлечена свинцовая печать. На одной её стороне изображён кентавр, или, как его называли на Руси, китоврас. А на другой всё пространство печати занимала выполненная изящным почерком надпись в три строки: «Печать Филиксова».

Находка свинцовой печати дала исключительно важные материалы для характеристики Филикса. Дело в том, что свинцовой печатью в средневековом Новгороде мог пользоваться далеко не

всякий человек. Право скрепления официальных документов свинцовыми печатями было строго ограничено. В число лиц, пользующихся таким правом, входили князья, архиепископы и владычные наместники, посадники, тысяцкие, сотские и некоторые другие административные лица. Находка печати с именем Феликса говорила, что её владелец принадлежал к государственной администрации Новгорода. Его имя можно попытаться найти в письменных источниках. И такая попытка сразу же увенчалась успехом.

Договор Новгорода с немецкими купцами, заключённый 17 мая 1338 года, начинается следующими словами: «Да будет ведомо всем людям, которые эту грамоту слышат и видят. Приехали заморские послы, от Любека господин Маркворт фан Косфельде, от Готланда господин Венемер фан Эссен, а от великого князя Филипп, от новгородцев Андрей, и Филипп, и Павел; и Анисим, и Микула, наместник Феликс...». Эта грамота сохранилась лишь в немецком варианте, где титул Феликса записан в его искажённом русском звучании: «месеник». В не дошедшем до нас русском варианте наверняка было написано более определённо, чьим именно наместником был Феликс. Однако можно догадываться и по немецкому тексту, что он не был наместником великого князя: от имени великого князя в переговорах участвует Филипп. Значит, он мог представлять интересы или архиепископа, или же светской республиканской власти Новгорода. Чьим же всё-таки наместником он был?

Думается, что ответ на этот вопрос даёт грамота № 417, найденная уже в 1963 году в слоях первой половины XIV века:

«Приехавъ и Заволоцея носиле серебро Климецъ с племеньмъ на завете по Петрове дни, носиле Фодорку Слепеткову съ з братею. А серебромъ хо(ди)лъ Григорей Фларевъ, Давыдъ Поповъ, Матвейке Нище, Лука Онишковъ, Софронъ М-шкинъ».

О чём здесь идёт речь? Из Заволочья — так в Новгороде иначе называли Двинскую землю — пришли с серебром какой-то Климец и его родичи на другой день после Петрова дня, то есть 30 июня. Это серебро они передали какому-то Фодорку Слепеткову с его братией. И тут же перечислено всё «племя» Климца, ходившее за Волок. Чтобы разобраться в смысле этого необычного документа, сравним его с некоторыми статьями договорных грамот, которые Новгород заключал с приглашаемыми на новгородский стол князьями. Вот, например, близкий по времени договор с тверским князем Михаилом Ярославичем, проект которого составлен около 1304–1305 годов:

«...А се, княже, волости новгородьскыя: Волок со всеми волостями... А судье слати тебе свое на Петров день, тако пошло... А за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца: а тебе серебро емати...».

За Волоком, в «новгородской волости», дани для князя собирались не княжескими людьми, а самими новгородцами, контролировавшими все доходы со своих колоний. За данью ездили около Петрова дня. Любопытно, что сбор дани на Петров день сохранялся в русской деревне в виде пережитка даже в начале XX века: к этому дню в деревнях накапливали разные припасы для пастухов, попов, бобылок и солдаток. Наша грамота и является, по всей вероятности, памятной запиской о выплате княжескому уполномоченному надлежащей суммы заволочской, то есть двинской дани. А если это так, то владелец усадьбы, раскапываемой на Ильиной улице, имел какое-то отношение к сбору дани с Двинской земли. Однако мы уже знаем, что здесь жил наместник Филикс. По всей совокупности свидетельств о нём мы должны связывать с ним наместничество в Двинской земле.

Знакомство с собранными в Новгороде свинцовыми печатями древних пергаменных документов обнаруживает существование наместников новгородского архиепископа, ведавших целыми областями Новгородской земли. Известны печати ладожских, новоторжских и двинских наместников архиепископа. Казалось бы, чьим наместником был Филикс, легко решается ссылкой на эти печати. Филикс связан с Двиной, он наместник, существуют двинские наместники владыки — значит, Филикс и был владычным наместником на Двине. Однако в действительности вопрос далеко не так прост. Оказывается, выделяя во владычное управление области, Новгород всякий раз руководствовался неординарной ситуацией, возникновение которой требовало укрепления новгородской власти в определённых районах и освящения этой власти высоким авторитетом архиепископа. В 1282 году ладожане попытались отложиться от Новгорода, в ответ новгородцы сделали Ладогу наместничеством архиепископа. После событий 1316 года, когда спор между Новгородом и Тверью о Торжке достиг наивысшей остроты, наместничеством архиепископа вместо Ладоги стал Торжок. А когда с конца XIV века объектом борьбы между Новгородом и Москвой стала Двинская земля, архиепископ получил в управление Заволочье. Значит, во времена Филикса двинскими делами занимался не владыка, а новгородские посадники, и сам Филикс был не владычным наместником, а наместником боярского правительства Новгорода.

Вот какая интересная усадьба была открыта в Ильинском раскопе. В других собранных здесь грамотах было немало важных подробностей новгородского быта.

Из грамоты № 420 мы узнали, сколько стоили в середине XIII века бобровые шкуры: «От Панка къ Захарьи и ко Огафоноу. Продалъ есмь сорокъ бобровъ Миляте на десяти гривнъ сѣрѣбра. Она же възьмь сѣрѣбро, то же даи бобры, а даи сѣрѣбро Захарьи».

Хотя это письмо адресовано двум лицам, настоящим его адресатом является Огафон, а продавцом бобров — Захарья.

Найдя грамоту № 421, посочувствовали новгородцу первой половины XII века Братяте, которому пришлось заплатить громадную сумму в 20 гривен в виде штрафа за преступление, совершённое его скрывшимся от расплаты сыном Нежилой. «Поиди, соуноу, домовь, — пишет Братята Нежилу, — свободне еси. Паки ли не идеши, а послоу н(а) ты ябьтьникь. Я заплатилъ 20 гривенъ, а ты свбонь» — «Пойди, сын, домой — ты свободен. Если же не пойдешь, пошлю за тобой ябедника. Я заплатил 20 гривен, а ты свободен». Напомню, что «ябедниками» в Новгороде назывались судебные приставы. Поскольку сын скрылся, Братяту заставили принудительно заплатить за него штраф. Теперь Братята узнал, где скрывается его преступный сын, и требует его к себе.

Осенью 1963 года работы на Ильинском раскопе — он достигал тогда площади в 600 квадратных метров — остановились на уровне напластований начала XII века. Откровенно говоря, раздумывая о перспективах следующего года, мы не чувствовали твёрдой уверенности в том, что наступающее лето может значительно пополнить число берестяных грамот. Предстояло исследовать древнейшие пласты, отложившиеся в первые столетия истории Новгорода. В них можно было надеяться найти документы исключительной важности, поскольку известные сейчас русские письменные памятники тех времён вообще-то можно пересчитать по пальцам. А можно было и ничего не найти. На огромном Неревском раскопе за двенадцать лет работы обнаружено всего семь грамот, твёрдо датированных XI веком, и из них только одна целая. Да ещё семь грамот там датируются рубежом XI и XII веков. Но ведь на Неревском раскопе и исследованная площадь равнялась девяти тысячам квадратных метров, а здесь всего лишь шестистам — в пятнадцать раз меньше. Разделите семь на пятнадцать, и вы увидите, как мало у нас было оснований надеяться.

И тем не менее надежды сбылись. В слоях XI века и самого начала XII века в 1964 году найдено ещё шесть грамот. Правда, в пяти случаях это были мелкие обрывки, почти не дававшие материала для осмысления текста, но когда речь идёт об XI столетии, каждое свидетельство грамотности драгоценно. Что касается шестого письма с порядковым номером 424, — оно оказалось весьма значительным.

Берестяную трубочку извлекли из напластований начала XII века, где она лежала под прослойкой золы сгоревшего сруба. Огонь, уничтоживший постройку, опалил и письмо: выгоревшие места видны на его нижнем крае, к счастью — ниже процарапанных строк. Обгорел и верхний край грамоты, но здесь уничтожено лишь первое легко восстанавливаемое слово, а следую-

щие слова сохранили нижние концы букв и хорошо читаются. Письмо, как это показывает подсчёт сторевших букв, начинается с традиционного слова «Грамота», а дальше следует имя автора — «оть Гюрья»:

«(Грамота) отъ Гюрья къ отъчеви и къ матери. Продавъше дворъ идите же семо, Смольнску ли Киевоу ли. Дешеве ти хлебе. Али не идете, а прись(ли)те ми грамотичу, сторови ли есте» — «Грамота от Гюргия к отцу и к матери. Продавши двор, идите сюда — в Смоленск или Киев: дешев (здесь) хлеб. Если же не пойдёте, то пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы».

Грамота написана Гюргием не в Новгороде и не в Новгородской земле. Она прислана им из далёкого Смоленска и проделала путешествие в четыреста километров, прежде чем попасть в руки его родителей. Мы и раньше были знакомы с примерами такой дальней переписки. Напомню письмо, присланное Терентием из Ярославля, однако там был документ конца XIII века, а здесь на два века более ранний.

Гюргий написал грамоту в Смоленске, но сам он намеревается идти дальше, в Киев. Родители, продав свой двор, могут присоединиться к нему в Смоленске, но могут идти и в конечный пункт его путешествия. Зачем? Каковы причины такого решительного жизненного поворота? Почему нужно ликвидировать хозяйство в Новгороде и переселяться на юг? Грамота даёт недвусмысленный ответ на этот вопрос: «дешев хлеб».

«Дешев хлеб» — эти слова поставили нашу грамоту в один ряд с повторяющимися на многих страницах летописи сообщениями о частых недородах в Новгородской земле. Перелистаем несколько таких страниц.

1127 год. «На осень уби мороз верше всю и озимице, и бы голод и церес зиму, ржи осминка по полугривне».

1128 год. «В се же лето («летом» в древней Руси назывался год) люте бяше: осминка ржи по гривне бяше; и ядыху люди лист липов, кору березову, инии молиць (мякоть дерева) истьлокше, мятуце с пельми (мякиною) и с соломою; инии ушь, мох, конину..., а друзии разидошася по чюжим землям».

1137 год. «Не бе мира... ни с сужьдальци, ни с смольняны, ни с полоцяны, ни с кыяны. И стоя всё лето осминка великая по 7 резан».

1161 год. «Стоя всё лето ведромь, и пригоре всё жито, и на осень уби всю ярь мороз... И купляхом кадку малую по 7 кун. О, велика скорбь бяше в людех и нужда».

1215 год. «И зая князь вершь на Торжку, не пусти в город ни воза... А в Новегороде зло бысть велми: кадь ржи купляхуть по 10 гривен, а овса по 3 гривне, а репе воз по 2 гривне; ядыху люди сосновую кору и лист липов и мох».

1230 год. «Изби мраз... обилие по волости нашей, и оттоле горе уставися велико: почахом купити хлеб по 8 кун, а ржи кадь по 20 гривен, а во дворех по пол 30, а пшенице по 40 гривен, а пшена по 50, а овсе по 13 гривен. И разидеся град наш и волость наша, а полни быша чюжии гради и страны братье нашей и сестр, а останок почаша мерети. И кто не прослезиться о семь, видяще мертвеца по улицам лежаща, и младенца от пёс изедаемы».

Число таких невесёлых сообщений можно увеличить, здесь приведены наиболее яркие. Если мы выпишем их из летописи все, то в глаза бросится одно немаловажное обстоятельство: большинство сообщений о голодных для Новгорода годах падает на древнейший период — XI–XIII века. Позднее, в эпоху расцвета Новгородской республики, летописец лишь в редчайших случаях пишет о голоде. Новый документ относится к ранней эпохе, углубляя это наблюдение.

Можно с уверенностью говорить, что причиной хлебных затруднений в Новгороде XI–XIII веков были не плохие почвы, хотя новгородские почвы и малоплодородны. Такими же они в сущности остались и в более позднее время. Вряд ли следует думать, что XI–XIII века были менее благоприятными и в климатическом отношении. Причина, по-видимому, в том, что к древнейшему периоду пахотных земель в Новгороде было освоено гораздо меньше, чем в последующие столетия. Местная сельскохозяйственная основа города тогда была чрезвычайно узкой, и дополнительным источником снабжения новгородцев хлебом оставалась торговля с соседями: Смоленском, Киевом, Суздалем, Полоцком. Не случайно разлад с этими городами всякий раз связывается летописцем с возникновением хлебного кризиса в Новгороде. Лишь широкое освоение пахотных земель во второй половине XIII — XV веках, создавшее основу могущества Новгородской боярской республики, сделало Новгород независимым от ввоза хлеба извне.

Елена Александровна Рыбина, исследуя найденные при раскопках многочисленные предметы, ввезённые в Новгород из южнорусских городов, установила, что на конец XI века приходится перерыв в торговле. Между Новгородом и Киевом в это время возникли решительные политические разногласия, и пути торговли Новгорода с югом были блокированы киевскими князьями. В грамоте № 424, написанной около этого времени, — живая иллюстрация к современным ей летописным рассказам. В Новгороде очередной неурожай и голод. И хотя в Смоленске и Киеве хлеб дешёв, смоляне и киевляне не везут его в Новгород. Гюргий отправился на юг поискать там счастья. Он зовёт своих стариков уезжать из Новгорода. «Если не поедете, сообщите о здоровье», — беспокоится он: ведь болезни всегда были спутниками голода.

Ещё об одной находке на Ильинском раскопе нужно рассказать особо, хотя это и не берестяная грамота. В слое середины XII века обнаружена деревянная заготовка для маленькой иконки. На двух её сторонах, обрамлённых высоким бортиком, нет изображений. Их не успели сделать. А может быть, они и были сделаны, но полностью разрушились во влажной почве. Вместо изображений каждая сторона расчерчена на четыре четверти, и в каждой четверти помещены надписи. На одной стороне в верхнем левом углу нацарапано: «Иесуса ту написить», в верхнем правом: «Богородицу», в нижнем левом: «Онуфрия ту написи», в нижнем правом: «Феодора Тирона». На другой стороне также четыре надписи. В верхнем левом углу: «Михаила», в верхнем правом: «Евана», в нижнем левом: «Климента», в нижнем правом: «Макария». Впервые мы познакомились с заказом художнику. Заказчик назвал святых, каких он хотел бы видеть на маленькой походной иконке.

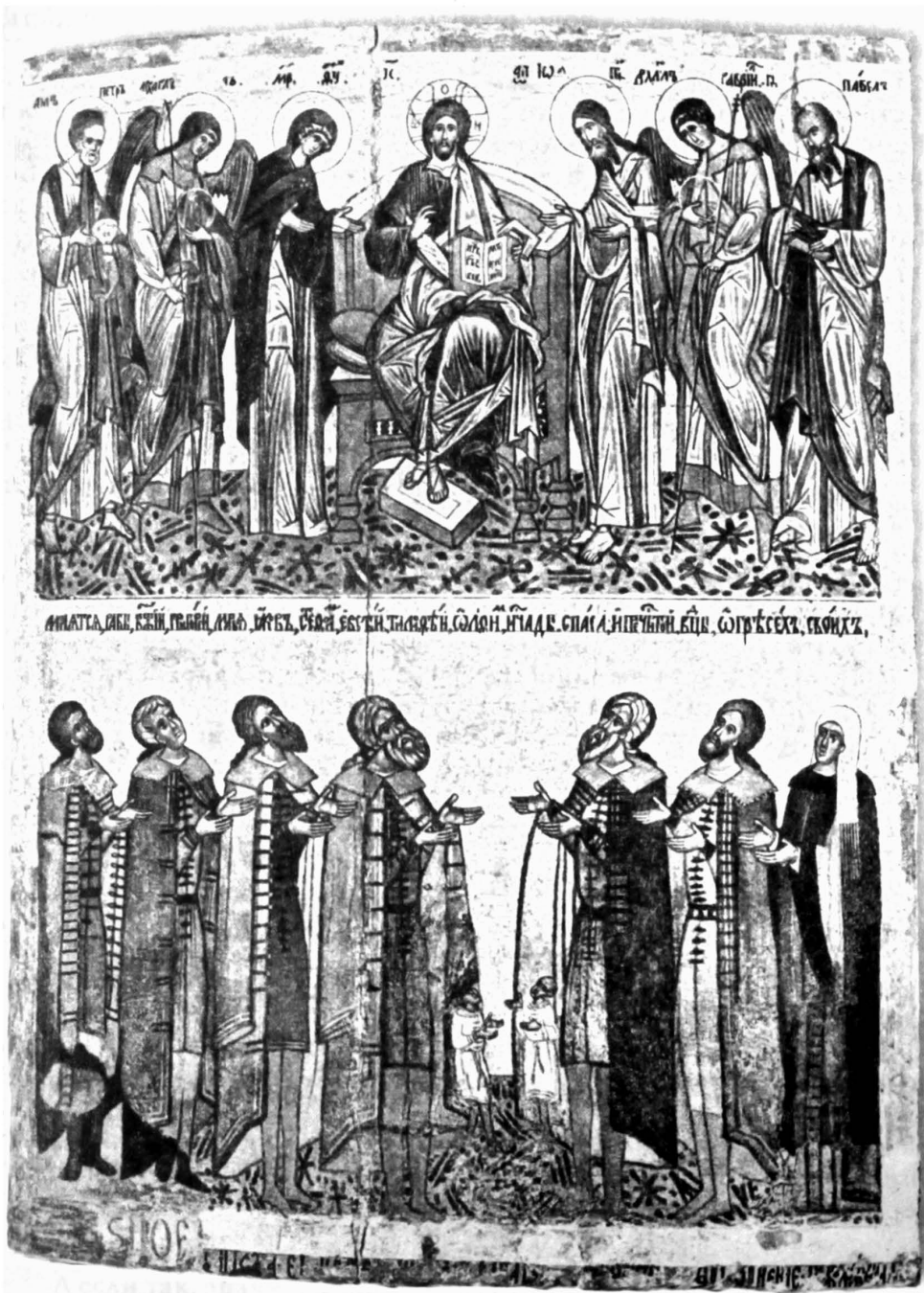
Мы не знаем, кем был автор грамоты № 424 Гюргий и кто заказал художнику иконку. Трудно сказать также, принадлежали ли они к числу предков Филликса, жившего на полтора-два века позднее. Такие связи возможно улавливать лишь при обилии берестяных документов во всех ярусах раскапываемой усадьбы. Не знаем мы и «степени родства» с усадьбой Филликса ещё одной знаменательной находки 1964 года.

К концу лета раскоп был исчерпан и доведён до материка. Работы начались на новом участке, примыкающем к старому с запада. И здесь, уже в самом начале систематических работ, при расчистке слоёв рубежа XIV–XV веков, экспедиция обнаружила фундаменты и остатки каменной кладки древнего здания. Вся восточная стена этого здания, сложенного из розового известняка, оказалась внутри раскапываемого участка. А восточная стена всегда важна для определения характера постройки: в церковных зданиях восточная стена снабжена алтарным выступом. Здесь такого выступа нет. Значит, это гражданская постройка. Значит, это ещё один боярский терем, подобный терему Юрия Онцифоровича. Они и построены оба в одно и то же время. А если это боярский терем, то и принадлежал он, вероятно, человеку с не менее громким именем, чем имя Юрия Онцифоровича. Раскопки терема продолжались два года. Были выявлены все детали его планировки, расчищены остатки кирпичных и деревянных полов в нём. Но не найдено ни одной берестяной грамоты, раскрывающей имя его владельца. Остатки терема было решено сохранить и не вести под ними раскопок. Может быть, эти сохранённые для будущих исследований слои когда-нибудь и назовут имя человека, жившего в каменном доме на Ильиной улице.

А пока мы можем довольствоваться только предположениями. Эти предположения очень неточны, но рассказать о них стоит. Историкам и искусствоведам давно известна обнаруженная в Новгороде в прошлом веке икона «Молящиеся новгородцы», украшающая сегодня экспозицию Новгородского музея. На этой иконе в верхней её половине изображён сидящий на престоле Христос, по сторонам его Богородица, Иван Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил и апостолы Пётр и Павел. А в нижней половине — обращающаяся к ним с молитвой боярская семья: шестеро взрослых мужчин, одна женщина и двое младенцев. Исследователи уже оценили значение этой единственной в своём роде иконы. Ведь на ней современник передал не только лица известных ему людей, но и подробности их причёсок, детали их одежды и обуви. На нижнем поле иконы имеется надпись: «В лето 6975 индикта 15 повелением раба Божия Антипа Кузьмина поклонение христианам». Икона «Молящиеся новгородцы», следовательно, написана в 1467 году по заказу какого-то Антипа Кузьмина. Но какое же отношение она может иметь к нашему Ильинскому раскопу?

Продолжим чтение надписей на иконе. Посредине иконы, над головами молящихся новгородцев, ещё одна надпись: «Молятся рабы Божии Григорей, Марья, Яков, Стефан, Евсей, Тимофей, Олфим и чады Спаса и Пречистой Богородицы о гресех своих». Все взрослые члены молящейся семьи, как видим, поименованы. Но надпись содержит и ещё одну важную деталь. Ту её часть, где упоминаются Спас и Богородица, исследователи обычно понимают как указание на адресатов молитвы. Но грамматическая форма надписи недвусмысленна. «Рабы Божии» молятся действительно Спасу и Богородице, но надпись-то именно молящихся называет «рабами Божьими Спаса и Богородицы». Так могли написать лишь тогда, когда хотели обозначить, в каком приходе молятся эти люди, иными словами, надпись указывает «адрес» изображённых на иконе людей. Значит, чтобы выяснить, где они жили, нужно отыскать приход, в котором одновременно были бы церкви Спаса и Богородицы.

В Новгороде был только один такой приход. В него входили две стоящие рядом церкви: Спаса на Ильине улице и Знамения Пречистой Богородицы. Но ведь как раз в пределах этого древнего прихода и заложен Ильинский раскоп, где обнаружена усадьба с воздвигнутыми на ней в конце XIV или начале XV века каменными хоромы. Разумеется, в этом приходе были и другие усадьбы. Икона может и не быть прямо связанной с комплексом, изученным в 1962–1967 годах. Но мы теперь хорошо знаем, что основой городской боярской организации была патронимия, а это увеличивает шансы близкого родства нашей усадьбы и знаменитой иконы.

Икона «Молящиеся новгородцы»

Иконе «Молящиеся новгородцы» свойственна одна странность, до сих пор ставящая исследователей в тупик. Она написана в 1467 году. Спустя одиннадцать лет Новгород потерял самостоятельность и был присоединён к Москве. А спустя ещё несколько лет Иван III, решив окончательно разделаться с любыми возможностями противодействия ему со стороны новгородских феодалов, произвёл так называемый «вывод». Он принудительно выслал из Новгорода всех бояр и других крупных землевладельцев, расселил их по московским городам, а на их место прислал москвичей. Вскоре была организована перепись новгородских земельных владений с указанием, кому до «вывода» принадлежал тот или иной участок, село или вотчина. Казалось бы, в материалах этой переписи — писцовых книгах — мы легко обнаружим всю изображённую на иконе боярскую семью. Однако её там нет. В чём дело?

Обратим внимание ещё на одну интересную деталь. Антип Кузьмин, давая заказ художнику, подобно своему предшественнику XII века, нужно думать, говорил ему: «Григория ту написать, Марью, Якова...». Но почему же он не добавил: «Антипа ту написать, Кузьму...»? Почему среди изображённых нет ни его, ни его отца?

Ответ на все эти вопросы, как мне кажется, даёт одно обстоятельство, бросающееся в глаза. В надписи иконы поименованы только взрослые участники моления. Дети имён не имеют и обозначены просто: «чады». Дети не имели христианских имён до тех пор, пока не были крещены. Почему же не крещены эти «чады»? Не успели их крестить? Но это могли бы сделать, пока писалась икона. Не могли их крестить только в одном случае — если они к тому времени умерли. Но тогда понятны и все остальные странности иконы. На ней изображены не живые люди, а люди, к 1467 году уже умершие. Они, в отличие от заказчика иконы Антипа, находятся около престола божества и молят не только о своих собственных грехах (какие могут быть грехи у умерших сразу после рождения младенцев!), но и об оставшихся на земле родичах. Если это так, значит, в 1467 году был жив не только Антип, но и его отец Кузьма. А новгородцев, изображённых на иконе, и в самом деле нет никакого смысла искать в писцовых книгах конца XV века. Они жили в середине, а может быть, и в первой половине XV века.

В конце раскопок 1952 года экспедиция провожала уезжавшего в Москву Артемия Владимировича. На вокзал пришли в полном составе — что-то около ста человек студентов и сотрудников, у которых на счету было уже свыше восьмидесяти берестяных грамот, а в перспективе сотни новых находок. И пока не отошёл поезд, сто человек дружно скандировали: «Сто грамот най-дём!». А кто-то добавил: «И книжку с картинками».

Над этим пожеланием тогда весело посмеялись. Но в нём в сущности не скрывалось ничего несбыточного. О том, что на бересте писали книги, ведь было хорошо известно гораздо раньше, чем найдена первая берестяная грамота. Почему бы в земле не оказаться такой книжке? Или хотя бы обрывкам такой книжки, отдельным её тетрадям или страницам? Когда мы представили себе реальность такой находки, у всех даже дух захватило. И, в частности, вот по какой причине.

Известно, что в древней Руси рядом с официальной книжной культурой, насквозь пронизанной элементами церковного мироощущения, развивалась светская культура, отразившаяся и на страницах летописей, и в рассказах о деяниях святых подвижников, но в основном жившая вне стен монастырских библиотек и смыкавшаяся с поэтическим устным народным творчеством. Светская литература древности поддерживалась главным образом изустно, но она имела и письменную традицию, сохранившую для нас редчайшие свои драгоценности. Редкость памятников древнерусской светской литературы объясняется двумя причинами. Во-первых, светские книги бытовали главным образом в светской среде, то есть в деревянном доме, а не в каменном укрытии церкви или монастыря. Значит, и горели они в пожарах чаще, чем духовные книги. А во-вторых, при фантастической дороговизне книг их изготовление в монастырях направлялось в значительной степени «социальным заказом» того времени: переписка светских книг — кроме летописей — в стенах монастырей не была желательной для средневековых ревнителей благочестия.

А если так, значит, именно берестяная книга могла быть главной опорой письменной традиции в развитии светских жанров древнерусской литературы. Значит, именно на бересте можно надеяться прочитать в будущем новые литературные шедевры древности.

Лето 1953 года началось с твёрдой уверенности, что «сто грамот и книжку с картинками» обязательно найдём. Однако выполнить первую половину этого пожелания оказалось много легче, чем его вторую, столь заманчивую часть. Сто грамот было найдено уже в 1953 году, в 1956 году их число перевалило за двести, в 1957 году их уже более трехсот, а в 1961 году одной из очередных находок дан очередной четырёхсотый номер. А вот книжек что-то не находилось. И даже листов из книг в числе грамот отметить было невозможно.

Постепенно складывалось убеждение в том, что книжек, а тем более с картинками, в мире исписанной бересты искать безнадежно. Целиком их не выбрасывали. Во время пожара вместе с иконами не выносили. А если и раздирали на листы, то, может быть, раз в сто лет, не чаще. Только дважды выдался случай снова помечтать на тему, родившуюся в 1952 году на новгородском вокзале: когда в 1956 году нашли рисунки Онфима и когда в 1957 году мы прочли письмо Якова куму и другу его Максиму с просьбой прислать ему «чтения доброго». Эта просьба лишней раз напомнила о существовании мало изведенного мира литературных образов древней Руси. За строчками письма Якова мы, вместе с ним жаждавшие «чтения доброго», увидели библиотеку Максима Онцифоровича, в которой среди дорогих пергаменных книг были, наверное, и дешёвые берестяные.

Возобновлявшиеся каждый год работы не давали новой пищи надеждам, и лозунг «Найдём книжку с картинками!», когда-то популярный в Новгородской экспедиции, полинял и повыцвел. И когда этот лозунг давно уже и вспоминать перестали, когда с момента его провозглашения прошло целых одиннадцать лет, в 1963 году на Ильинском раскопе среди других документов на бересте мы как-то так, между прочим, нашли и берестяную книжку.

Да-да, самую настоящую книжку. Она не была громадным фолиантом в пуд весом, который когда-то снился кое-кому в экспедиции. Напротив, книжка была почти невесомой. Её можно спрятать в ладони. Это была настоящая «книжка-малышка» размером всего-навсего пять на пять сантиметров. И число страниц в ней невелико — двенадцать. Но всё же это самая настоящая книжка, написанная и потерянная в конце XIII века. Включив её в общую нумерацию берестяных грамот, мы дали ей номер 419.

В книжке три двойных листа, сохранивших следы прошивки по краю. Первые четыре страницы — пустые. Это как бы обложка, предохранявшая текст. Следующие семь страниц сплошь исписаны. Последняя страница снова пустая, она служила задней обложкой. В начале первой исписанной страницы виньетка — простенький узор из переплетающихся лент, подражающий нарядным заставкам пергаменных книг. Можно поэтому, не кривя ду-

шой, утверждать, что найдена не просто книжка, а именно «книжка с картинкой».

Вот только текст первой берестяной книжки оказался мало интересным — это наиболее трудные части пространной вечерней молитвы. Записанная на бересте вечерняя молитва исполнялась редко. Её пели по воскресеньям один раз в восемь недель. И книжка служила своему владельцу как бы шпаргалкой. Владелец книжки не был, по-видимому, духовным лицом. В этом убеждают отдельные ошибки в записи, сделанной со слуха. Он, надо думать, пел в церковном хоре.

Ну что же! На пятьсот берестяных грамот только три или четыре религиозных текста — не так уж много, принимая во внимание распространённое до находки берестяных грамот представление об исключительной поповской принадлежности грамотности в древней Руси.

Теперь мы хорошо знаем, что земля сохраняет не только берестяные письма и записки, но и берестяные книги. И мы теперь снова надеемся, что в необозримых берестяных архивах, которые станут одним из основных источников для будущих историков русского средневековья, заметное место займут древние берестяные книги. И тексты этих книг донесут из глубины веков не только слова молитв, но и вдохновенные строки поэтов.

4 об.

СТЪБОГО НА	ХЪТЪ ЯКО СОВО
ШЪ НЪКЛАВН	МЪ ПОИВЪЖ МО
Н ОТОВАДА	ГН БЛАГОЛОВН
КОИИ НАШНО	ВЪНЕРНАА НА
ШНАВТИДУ	ШАМОЛНТЪ ВЪ
АНЕПОИМОИ	ПАННИИВАДЪ
ПОКЛОИИМАСА	ГЪН ПДА ВЪЖЪ

3. 3 об.

НАМОСТА ВЪ	ОБНАТЬ МЪ
НОИТРАКО ВОА	АНЕСНОАНОБОГ
КОДНИК СНА	НМЪТЪИДААН
ВАННВОМНРЪ	ТЫЛА ВЪВОНЕ
ВСКРАСАН	МЪКОКРАСШЪ
Е	МЪИИМЪТЪЪ
	НЪДАКОТЪЕ

4.

6 об.

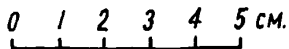
ХЪСЛАВАШЕ
МЪСАТОЕВО
СКОВЕННЪА
КОТЪЕСТА
ВОНАШЪЗБА
ВЛАДОТЪЕЗА
КОИИ НАШНО

5.

5 об.

СТРАСТНО	ТВОИМЪЗНТЕ
ТВОСНОВЪСЪРА	АЕНННАНЪВЪ
СТРАСТНО	ЖЪАМЪСЛАВА
СВЪСАНЪА	ТЪВЪ:
МОСАНВЪКО	
АЕНННЪА	

6.

Берестяная книжка конца XIII века

В предыдущих главах уже говорилось, как резко изменили результаты раскопок устоявшееся представление о месте дальней торговли в экономике средневекового Новгорода. В берестяных грамотах заморские товары упоминаются крайне редко, в сотни раз реже, чем земля и связанные с ней обстоятельства жизни и быта. И тем не менее, невозможно сомневаться в том, что торговля составляла одну из существенных основ новгородской экономики. В этом, в частности, убеждает знакомство с многочисленными древними вещами, собранными в ходе раскопок. Привозные предметы исчисляются в коллекциях Новгородской экспедиции многими сотнями экземпляров. Просто купеческие комплексы пока ускользали от археологов. Потом такие комплексы были обнаружены. Но прежде чем рассказать о них, познакомимся, хотя бы и очень бегло, с тем, что сообщают о дальней торговле сами привезённые из-за рубежей Новгородской земли предметы.

Читатель уже достаточно хорошо знает, что своей сохранностью древние новгородские вещи обязаны особенностям культурного слоя, идеально консервирующего предметы, которые изготовлены из различных органических веществ. Однако этих предметов практически не найти в музейных экспозициях. Мы увидим в музейных витринах каменные литейные формы и иконки, стеклянные бусы, металлические инструменты, железные замки и ключи... Когда мы спросим о вещах, изготовленных из дерева, тканей, кости, кожи, нам покажут немногие чудом уцелевшие вещи. Но нам не доведётся увидеть деревянных ковшей и ложек, остатков механизмов, веретён, деталей мебели, санных полозьев, лодочных шпангоутов, детских колыбелей — подавляющего большинства найденных при раскопках вещей. Мы только на картинках в археологических изданиях проникнем в открытый раскопками причудливый мир образов средневекового прикладного искусства, расселившихся на поверхностях деревянных наличников и кресел, тарелок и ложек, на рукоятках ковшей, на копылах саней, на резных колоннах крылец. Вот только деревянные туалетные гребни найдутся в любой витрине, посвящённой древнему Новгороду.

Когда археологи говорят, что древние предметы сохраняются «идеально», они не всегда вкладывают в это слово исчерпывающий смысл. Идеальная сохранность новгородских вещей означает, что в момент находки, сразу после извлечения из земли, древ-

ние предметы полностью сохраняют свою изначальную форму. Их можно сфотографировать и нарисовать во всех нужных ракурсах. Однако от музейной витрины такие вещи отделены долгим и трудным путём. Древний деревянный предмет, побывав во влажной почве, столетиями пропитываясь этой влагой, попав на воздух, начинает быстро сохнуть. Он коробится, трескается и, наконец, навсегда теряет форму. Чтобы сохранить его, нужны сложные приёмы консервации, на протяжении многих десятилетий не удовлетворявшие исследователей. Только в последние годы найдены надёжные и дешёвые методы сохранения древних деревянных предметов. А пока такие методы не были разработаны, тысячи добытых при раскопках деревянных вещей продолжали свою жизнь, подобно рыбам, в специальных аквариумах в ожидании будущей консервации. Почему же гребням повезло больше, чем другим вещам, если они сразу отправлялись в музейные витрины?

Оказывается, деревянные гребни не нуждаются в сложной консервации. Они и на воздухе быстро высыхают, не изменяя своей формы. Их многочисленные тонкие зубцы не коробятся и не трескаются, а если гребень украшен орнаментом, его причудливые линии и сегодня остаются такими, какими их вырезал новгородский мастер шестьсот или восемьсот лет тому назад.

Загадка гребней была решена тогда, когда их исследованием занялись ботаники-лесоведы. Выяснилась, на первый взгляд, совершенно невероятная вещь: материалом для новгородских гребней служил самшит, а это дерево растёт за тысячу вёрст от Новгорода — на Кавказе. Может быть, в Новгород везли с Кавказа уже готовые гребни? Нет, при раскопках обнаруживались и заготовки для гребней, свидетельствующие об их местном производстве. Да и сам их орнамент местный, новгородский.

Или вот янтарь. В Новгороде при раскопках постоянно встречаются отходы янтарного производства: осколки, испорченные при сверлении бусины, расколовшиеся под ножом мастера крестики, негодные в дело куски окаменевшей смолы. Но янтаря близ Новгорода нет. И везли янтарь, чтобы сделать из него украшения, сначала из Поднепровья, а потом из Прибалтики с её знаменитыми до сегодняшнего дня месторождениями.

И хотя при раскопках найдено немало предметов, изготовленных или добытых далеко за рубежами Новгородской земли — к ним относятся некоторые ткани, грецкие орехи, вино, от которого, к сожалению, в земле сохраняются лишь осколки больших глиняных корчаг, — основным двигателем торговли Новгорода с дальними странами была потребность новгородского ремесла в сырье.

Конечно, не янтарь и не самшит составляли основу сырьевого импорта. Заметим, что Новгородская земля полностью лишена запасов собственного металлического сырья. Только железо в виде

болотных и луговых руд распространено в ней практически повсеместно, везде, где в ручьях и болотах железные окислы бурой ржавчиной оседают на дне и корнях растений. Ни меди, ни свинца, ни олова, ни серебра, ни золота, ни ценных поделочных камней новгородская почва не знает. Это сырьё, дающее жизнь ремеслу, нужно было ввозить. Поэтому любая вещь, произведённая из меди, серебра или свинца, свидетельствует не только о местном производстве, но и о международном обмене.

По письменным документам известны многие месторождения полезных ископаемых, откуда начинался их долгий путь в Новгород. В списке торговых партнёров Новгорода — германские города, Венгрия, Англия, страны Скандинавии, Фландрия... Раскопки детализируют карту международных контактов Новгорода, порой нанося на неё новые линии торговых связей. Расскажу об одной такой находке.

Летом 1965 года раскопки велись в непосредственной близости к обнаруженным на древней Ильиной улице каменным хоромам рубежа XIV–XV веков. Покоились эти хоромы на валунном фундаменте, и мы уже привыкли наткаться по соседству на отдельные валуны, не использованные в своё время для постройки. Археологическая точность требует, чтобы каждый камень был зачерчен и нанесён на план, прежде чем его удалят из раскопа.

Очередной «валун» оказался необычным: это был не камень, а слиток свинца. Взвесив находку, мы выяснили, что этот сравнительно небольшой предмет весит 151 килограмм. Он имел вырубку на боку, чтобы цеплять его канатом.

Свинец в Новгороде употреблялся в немалых количествах. Больше всего его шло на церковные кровли. Как мы уже знаем, поблизости от Ильинского раскопа расположены две древние церкви. У церкви Спаса на Ильине улице свинцовой кровли никогда не было. Видимо, найденный в раскопе свинец предполагали использовать для построенной в 1354 году церкви Знамения.

Мы уже выяснили, что свинец в Новгороде был только привозной. Основываясь на общих наблюдениях над залеганием свинцовых руд в Европе, историки торговли и древней металлургии давно высказывали предположение, что свинец поступал в Новгород через Любек, но происходил из месторождений Венгрии и Англии.

Согласно международным договорам того времени, слитки металла обязательно клеймились. И вот наш слиток вымыт, клейма на нём хорошо видны. На одном — изображение одноглавого орла, увенчанного короной. На другом — буква К, тоже под короной.

Одноглавый орёл. Их на монетах — двойниках клейм — целые стаи. Но у одних нет корон, у других короны иные. Иногда несходно оперение, порой различен весь стиль изображения. Геральдические таблицы проходят перед нами, как аллеи фантастического зверинца, в клетках которого щёлкают хищные клю-

вы небывалых птиц. И наконец — полное тождество, как у орлов, кричащих в раннем детстве в одном гнезде. У нас в руках монета Казимира Великого, короля Польши.

Другое наше клеймо — буква К под короной. И снова по-иски приводят к монете Казимира. Два клейма, и оба — Казимира Великого, правившего Польшей с 1333 по 1370 год, как раз в то время, когда новгородцы строили Знаменскую церковь и запасались свинцом для её кровли.

Свинец из Польши! Это нечто новое на карте торговых связей Новгорода. А может быть, клейма случайны? Может быть, Казимир, перепродав русским тот же венгерский или английский свинец, сорвал малую толику в свою пользу на пути металла из Туманного Альбиона в Новгород?

Маленький кусочек свинца был исследован с помощью спектрального анализа. Такой анализ выясняет неповторимый у каждого месторождения состав рудной свиты (примеси других металлов). Анализ произведён, и его результат недвусмыслен: металл слитка добыт в районе Кракова.

И ещё одна, последняя проверка. Если на слитке стоит клеймо, значит, этим клеймом удостоверяется и правильность его веса. Мы уже знаем, что наш слиток весит 151 килограмм. Соответствует ли это какой-нибудь средневековой весовой единице, принятой в международной торговле? Оказывается, соответствует. Как раз такой была величина прусского шиффунта, иначе — берковца, принятого в польской и восточно-балтийской торговле.

Вернёмся к началу этой главы, где говорилось, что почти полное отсутствие на бересте свидетельств дальних купеческих операций объясняется тем, что раскопки ещё не затронули собственно купеческих комплексов. Будучи получателями импортируемого в Новгород сырья, ремесленники так или иначе были вовлечены в систему международных торговых связей. Но ведь многие ремесленники жили на боярских усадьбах, где, между прочим, обнаружены и многочисленные свидетельства таких связей в виде привезённого издалека сырья и разного рода зарубежных предметов. Международная торговля, следовательно, входила важной составной частью в комплекс экономики любой городской усадьбы. Может быть, не нужно специально искать особых купеческих дворов? Может быть, сами бояре — не Мишиничи, так другие — вели международные торговые операции?

Приглядимся попристальнее к механизму новгородской экономики, заглянув для этого в очень ранние времена истории Новгорода — в конец XI — первые десятилетия XII века. Это чрезвычайно важное время в развитии русской торговли, которое все исследователи признают моментом перехода ремесла от изготовления своих продуктов на заказ к изготовлению их на рынок.

Археологи распознают этот процесс по очень точным, хотя порой и не бросающимся в глаза признакам. Возьмём, к примеру, такую простую вещь, как кухонный нож. Ножи XII века внешне не отличаются от ножей XI века, но с точки зрения производственной технологии это абсолютно несхожие предметы. Нож XI века изготовлялся так называемой техникой «пакета». Его рабочая часть кропотливо сварена из трёх полос: между железными щётками помещалось стальное лезвие. Уже тогда существовал открытый вновь в XX веке принцип самозатачивающегося инструмента: в процессе работы железные щётки постепенно стирались, всё более и более обнажая стальную сердцевину. Нож изготовлялся на заказ и служил своему хозяину до тех пор, пока полностью не стачивался.

В XII веке к железной полосе приваривался узкий стальной край — рабочая часть ножа. Стоило ей лопнуть или стереться, нож нужно было выбрасывать. Внешне это производит впечатление упадка производственной технологии. Но в действительности отражает прогресс в экономике. Ремесленнику уже некогда возиться с качеством своей продукции. Он должен изготовить её как можно больше. Ему приходится удовлетворять не потребности отдельных заказчиков, а возросшие аппетиты рынка. Пусть будет похуже и подешевле, но — главное — побольше!

Подобные явления свойственны в это время всем ремёслам, в том числе и тем, которые работают на привозном сырье. Расширение производства приносит определённые выгоды самому ремесленнику, но, коль скоро производство растёт, ему нужно больше сырья. Он, естественно, покупает его не там, где живёт и работает, а на торгу, у людей, занятых закупками такого сырья с выгодой для себя, у купцов, плавающих за море.

Купцы везут в Новгород всё больше и больше сырья. Но любой ввоз требует эквивалентного вывоза товаров, которые сами купцы не производят. Знакомясь с особенностями спроса международного рынка, мы без особого труда сможем установить, что больше всего этот рынок нуждался в разного рода промысловых продуктах — мехах и ценной рыбе, мёде и воске — тех продуктах, на которые мы вдоволь насмотрелись, побывав на боярских усадьбах. И не случайным кажется теперь, что именно на рубеже XI–XII веков происходит активнейшее освоение Новгородом северных земель, богатых мехом и рыбой, воском и мёдом. И это освоение ведётся под эгидой бояр.

В механизме новгородской экономики, как в шестерёнке, сцеплены все колёса. Ремесленники трудятся, купцы поставляют им сырьё, бояре снабжают купцов продуктами экспорта. И именно бояре, владеющие исходным запасом богатств, получают и наивысшую прибыль от работы всего механизма. Ведь как раз на рубеже XI–XII веков новгородское боярство добивается торжества

в антикняжеской борьбе, создав органы собственной власти над Новгородом. Повернулось маленькое колёсико — ремесленник понёс свою продукцию на рынок. Пришло в движение колёсико побольше — торговля потребовала завоевания новых областей. И вот уже наверху, подобно кукушке в часах, выглянул боярин и прокуковал о захвате им власти.

Усадьба боярина поэтому демонстрирует нам лишь начальный и конечный результат работы всего механизма. Купец, специализировавшийся на международной торговле, составляет немаловажную деталь того же механизма, но он живёт в собственной усадьбе. И если мы хотим изучать Новгород всесторонне, нужно найти и эти дворы богатых гостей.

Впервые мы вошли на такой двор в 1967 году, когда начались раскопки на территории новгородского телецентра на Торговой стороне, неподалёку от древнего Торга. Котлован раскопа был заложен у самого подножия ретрансляционной башни и на глубине двух метров вошёл в слои XIII века. Этот сравнительно небольшой раскоп площадью около двухсот квадратных метров захватил только малую часть древней усадьбы, вернее — двух усадеб, поскольку его пересекала мостовая небольшой улицы. Но одна из этих усадеб оказалась необычной.

Начать с того, что в слоях начала XIII века на ней было собрано свыше тысячи маленьких кусочков янтаря, говорящих о несомненном наличии здесь янтарного производства. Здесь же обнаружена маленькая итальянская камея великолепной работы с изображением Мадонны. И, кроме того, девять берестяных грамот, датируемых тем же временем, что янтарь и камея.

Почитаем некоторые из этих грамот.

Берестяная грамота № 436. Она оборвана сверху и пострадала в пожаре: «... да инехо девяте гривено осталось. А кланяюся, добыво серебра, присоли же. А язю ти на поути а оуреку воземо» — «... да прочих (денег) девять гривен осталось. Прошу же, добудь серебра и пришли. А я заключил договорённости и (уже) в пути».

Берестяная грамота № 437 разорвана на пять несоединяющихся кусочков, но она написана тем же почерком, что и предыдущая: «... шелягово восеме гривено... тыхо молодыхо коне... да дороге... и вохе за коне... по осми коуно по... гривен... по девяти резано». При невозможности перевода ясно, однако, что речь в грамоте идёт о каких-то торговых операциях, связанных с конями.

Грамота № 438 даёт больше, хотя она тоже сильно пострадала: «... 40 резань, подъшьве 6 ре и 30, а в 30 резань... гривна. Въ пьрвое коробье на 12 гривне, въ другее коробье дробь... по резане, а большее по 3 резане. Ножевь 50 поль гривне. Головице ...мь 2 гривне. На гребеньхъ гривна... ногате... кожьохъмь».

Это несомненный торговый документ — опись товаров с указанием их стоимости. В нём названы: подошвы общей стоимостью в 36 резан, какой-то товар в двух коробьях — в первой на 12 гривен, во второй мелочь по резане, а большие по 3 резаны, 50 ножей общей ценой в полгривны, головки (сапог), гребни на гривну; в конце описи упомянута шуба. Больше всего это напоминает инструкцию приказчику — где какой товар лежит и сколько за него нужно требовать при продаже.

В грамоте № 440, дошедшей в крохотном обрывке, с кого-то требуют взять векшу. А в грамоте № 442 некий Радил велит матери купить за 9 гривен полвоза ржи.

Но самой интересной оказалась грамота № 439, сохранившаяся целиком с утратой только имени автора:

«... ко Спирокоу. Оже ти не возяло Матее капи, воложи ю со Проусомо ко мне. Язо ти олово попродаде и свинеце и клепание вохо. Оуже мне не ехати во Соужедале. Воскоу коуплены 3 пи. А тебе поити соуда. Воложи олова со цетыри безмене, полотенеца со дова цереленая. А коуны прави со проста».

Прежде чем перевести грамоту, остановимся на трудных местах её текста. Слово «пи», конечно, не имеет никакого отношения к известному математическому понятию, но его нет в словарях древнерусского языка и не может в них быть по очень простой причине. Как следует из контекста, это единица измерения воска. Но воск обычно измерялся в «капях»; «капь» весила около трёх пудов. Известны, оказывается, несколько странные на теперешний взгляд способы сокращения некоторых ходовых слов, — например, в грамоте № 631 «3 вне» вместо «3 гривне». И в этом случае имеются в виду «3 капи» воска.

В грамоте упомянута ещё одна мера веса — «безмен», равный одной шестнадцатой части пуда. «Клепанием» назывались какие-то поковки. «Вохо» — местная форма слова «всё». Очень трудное место текста: «полотенеца со дова цереленая». Поскольку речь идёт о металле, то под «полотенцем» можно понимать только плоские листы, а коль скоро они «червлёные», то есть красные, подразумеваются, вероятно, медные листы.

Теперь переведём письмо: «От... ко Спирку. Если Матей не взял у тебя капь (воска), то отправь её с Прусом ко мне. Я олово распродад и свинец и весь кованый товар. Уже мне не (нужно) ехать в Суздаль. Воску куплено три капи. А тебе (нужно) прибить сюда. Возьми с собой олова примерно четыре безмена (и) примерно два листа красной меди. А деньги плати сразу же».

Хотя имя автора письма и не сохранилось, мы хорошо видим этого человека в его хозяйственных заботах, отнюдь не похожих на заботы многочисленных уже известных нам бояр. Он продаёт олово, свинец, «клепание». Он покупает воск. Он ради своих тор-

говых операций совершает далёкие поездки в Суздаль и доволен, когда можно без таких поездок обойтись путём взаимных расчётов. Вся его сложная, отражённая в грамоте № 439 торговая операция прямо связана с литейным делом и металлообработкой. Ведь даже воск был необходимой принадлежностью литейного ремесла: по восковой модели отливали бронзовые вещи. Но он не ремесленник. Будь он мастером-литейщиком, вряд ли ему пришло бы в голову продавать весь запас цветного металла.

И вот что ещё интересно. Вся группа поименованных в грамоте лиц тесно связана друг с другом. В грамоте обсуждаются операции, которые должны совершить все участники дела. Капъ воска, если её не взял Матей, нужно отправить к автору письма, который купил ещё три капи. Автор письма ожидает к себе Пруса и самого Спирка, который должен купить олово и медь, сразу расплатившись за них с поставщиком. Вся эта система взаимных услуг демонстрирует, по-видимому, организацию купеческого товарищества «складников», ведущих совместно торговые операции.

Мы должны также отметить большое разнообразие деятельности купца, над усадьбой которого ныне возвышается телевизионная башня. Он продавал металлы и покупал воск. Но он также торговал кожами и гребнями. На его дворе работал ювелир, резавший и шлифовавший янтарь. Будь раскоп побольше, мы смогли бы ближе познакомиться с этим человеком. Отложим это на будущее, если когда-нибудь возникнет возможность снова побывать на его усадьбе.

Ещё к одному торговому комплексу экспедиция буквально прикоснулась летом 1971 года, когда небольшой раскоп был заложен на окраине новгородского Торга, впервые освоенной на рубеже XII и XIII веков. Здесь найдены лишь четыре берестяные грамоты. Все они сохранились в обрывках. Некоторые, вероятно, были брошены прохожими или покупателями. Но одну из них — № 490 — следует процитировать целиком:

«... продажи три дни в городи, а ко (то)би ходило оу дворо и ко складникоу товоему. А ты ко мни нь явишися коуни шити ношю».

Здесь прямо упоминается «складник», компаньон адресата грамоты. Но самое её интересное место — в заключительной части письма: «А ты ко мне всё не приходишь шить связку кун».

Что за странное занятие — шить куны. Речь не может идти о помощи скорняку шить, например, кунью шубу, поскольку говорится о «ноше»; это слово может означать только некую связку. И почему такие связки нужно шить вдвоём? Думается, что в грамоте говорится вот о чём.

Документ относится к середине XIV века, а в это время «кунами» называли не только куньи меха как таковые, но и деньги. Чеканка серебряных монет в Новгороде началась только в 1420

году. За десять лет до этого нововведения в обращение были временно приняты иноземные прибалтийские монеты, «а куны отложиша», — сообщает летописец. Иноземные серебряные монеты обращались в Новгороде и в раннее время — в X — начале XII века. А на протяжении XII, XIII и XIV веков роль монеты выполняли разного рода её заменители — «товаро-деньги». Какие именно — этот вопрос волнует историков и нумизматов очень давно, но убедительного решения он не получил до сих пор.

Можно предположить, например, что в XII и первой половине XIII века роль монеты выполняли веретённые грузики — пряслица, сделанные из розового шифера. Такой шифер добывался только на Волыни, откуда пряслица распространялись по всей Руси. Цена их была стандартна и хорошо известна любому русскому человеку. Эта цена не менялась с течением времени, так как каменные пряслица не теряют с годами своего качества. С разрушением волинских мастерских во время монгольского нашествия производство шиферных пряслиц навсегда прекратилось, и вместо них стали пользоваться пряслицами из глины или местных пород камня. Так вот, например, на Неревском раскопе в слоях X — первой половины XIII века найдено свыше 2000 шиферных пряслиц, а в слоях второй половины XIII — XV века всего лишь около 300 глиняных и каменных пряслиц. Там на триста лет приходится 2000 находок, а здесь на двести лет только 300. Поскольку прясть шерсть продолжали с неменьшей интенсивностью и в это более позднее время, нужно думать, что у шиферных пряслиц действительно кроме их прямой производственной была и ещё одна, дополнительная функция.

Ну а чем же пользовались взамен монеты во второй половине XIII и в XIV веке? Почитаем, что пишет по этому поводу арабский путешественник Абу Хамид аль-Гарнати, побывавший, правда, не в Новгороде, а в Рязанской земле в XII веке: «Между собой они производят операции на старые шкуры белок... И каждые 18 шкурок в счёте их идут за один дирхем. Они их укрепляют в пачку... Они везут их в полувьюках в разрезанном виде, направляясь к некоему известному рынку, где есть люди, а перед ними ремесленники. Они передают им шкурки, и ремесленники приводят их в порядок на крепких верёвках, каждые 18 шкурок в одну пачку. Сбоку верёвки приделывается кусок чёрного свинца с изображением царства. За каждую печать берут по шкурке из этих шкурок, пока не припечатают всех. И никто не может отвергнуть их. На них продают и покупают».

Не свидетельствует ли наша грамота о существовании в Новгороде порядка, подобного тому, какой в другом месте Руси и в другое время наблюдал арабский путешественник? Если это так, понятно — почему шить связки кун следовало вдвоём: дело это деликатное и требующее взаимного контроля.

Экспедиция 1970 года началась с предыдущей осени. Когда очередной сезон завершился и экспедиция готовилась к отъезду, было получено сообщение о начавшемся строительстве нового здания медицинского училища. Сообщение было неожиданным. На Никольской (Суворовской) улице, вблизи центра города, по согласованным графикам строительства и раскопок не предполагалось земляных работ. И проще всего было бы остановить эти работы и настоять на полной их отмене. К такому решению склоняло и состояние застраиваемого участка. Древний культурный слой начинался здесь буквально в метре от современной поверхности. Участок котлована пересекала мостовая древней улицы, а мощность слоя, как показала предпринятая тут же шурфовка, произвела впечатление даже на выдавших виды давних сотрудников экспедиции: она превосходила восемь метров. Подсчёт наших возможностей показывал, что с участком можно справиться не меньше чем за два года, если какие-либо неожиданности не замедлят работу. А в графике на следующие годы предусмотрен немалый объём работ и в других местах. Завязнув здесь, мы рискуем невосполнимыми потерями в других районах города. Иное дело, если бы с участком на Суворовской улице можно было справиться за год. Но разве можно за один год сдвинуть и перевернуть такие горы земли?

И тогда-то выяснилось, что горы может двигать такая великая сила, как взаимный интерес. Эту важную мысль высказал Иван Иванович Баранов, директор медицинского училища. Уважая нужды науки, не очень близкой к медицине, он предложил экспедиции провести раскопки за один сезон с помощью будущих медицинских сестёр, заинтересованных в расширении своего училища.

Высоты, достигнутой ими на раскопках, ещё не знала мировая археология. Шестьдесят девушек за три месяца прошли культурный слой мощностью в восемь с половиной метров на площади в 400 квадратных метров. Это значит, что они руками перебрали почти шесть с половиной тысяч кубометров земли, наполненной ценнейшими самородками отечественной истории. И, опустившись до материка, мы знали, что ни один из этих самородков не потерян.

Каждые три-четыре дня сменялся план раскопа. За неделю счётчик нашей «машины времени» отсчитывал пятьдесят лет. По-

ложив в понедельник на полки экспедиционного хранилища предметы, принадлежавшие внукам, мы в субботу отмывали от вековой грязи пожитки дедов. Счётчик машины времени работал тем летом особенно чётко. Впервые за всю историю экспедиции дендрохронологические даты получали прямо в поле, через несколько дней после того, как образцы древесины поступали в экспедиционную лабораторию, отлично организованную Борисом Александровичем Колчиным.

Дерева было много — сменяющие один другой настилы уличных мостовых, нижние венцы срубов двух усадеб, попавших в раскоп значительными своими частями. И, как всегда, первый вопрос: чьи это усадьбы? До 1951 года такой вопрос требовал лишь общего ответа: усадьба купца, усадьба землевладельца. С момента находки берестяных грамот самый вопрос приобретал иной характер. Нас интересовало теперь, как звали человека, владевшего усадьбой. Знают ли его летописцы?

И вот прямая связь с XV веком установлена: «Поклонъ от Игнатья и от Григорья от Матфеевица ко...». Принимаем ваш поклон, Игнатий и Григорий Матфеевич! Жаль только, что адресат грамоты № 464 оторвал своё имя. Ну что же, подождём следующей грамоты.

Ждать пришлось недолго. На другой день получено сразу два письма. Начнём с маленького обрывка, приберегая удовольствие от чтения большой грамоты. В обрывке № 465 три строки. Первая: «Цолобитье от...». Вторая: «...ну к осподар...». Третья: «...кому Коста...». Жалкие обломки слов, не правда ли? И однако именно этот фрагмент даёт основание понять характер раскапываемых усадеб. В нём нет имени автора письма, но зато есть возможность реконструировать имя адресата. В самом деле, что значит «...ну к осподар...»? Пышный титул: «к господину к осподарю». Соединение в титуле этих двух слов могло относиться лишь к одному из двух юридических лиц — к великому князю и к Великому Новгороду. Письмо, следовательно, адресовано в очень высокую инстанцию, но в какую? В третьей строке «...кому Коста...» может быть прочитано только как «великому Константину». И действительно, князь с таким именем был принят новгородцами в 1418–1420 годы. Это Константин Дмитриевич, сын Дмитрия Донского (в проекте договора Новгорода с Ливонским орденом 1420 года он титулован «великим князем»), а слой, в котором обнаружен обрывок грамоты № 465, датируется первой половиной XV века.

Всё как будто понятно и, тем не менее, всё непонятно. Ведь мы надеялись прочесть имя владельца усадьбы, а великий князь Константин никак не мог быть её хозяином. Он жил в двух верстах от Новгорода на Городище — в своей резиденции. Как же адресованная князю грамота оказалась в городской усадьбе?

Можно предположить только одно. Главной функцией князя в республиканском Новгороде было участие в «смесном» (совместном) суде вместе с представителем бояр — посадником. Если адресованная князю грамота касалась судебных дел, то он мог её по принадлежности передать другому члену этого суда — боярину. Мы не узнали имени этого боярина, но смогли высказать предположение о роде его государственной деятельности.

Что же в третьем письме — подтверждение или опровержение такой догадки? Читаем. Первая строка грамоты № 466 в начале повреждена, но остальное читается без труда:

«...на Софонтее во дворь голову оубиле, а ныхъ бевз весте неть, а животь взяле. Какъ, осподине, пецалуеше».

«Голова» — так в древности называли, между прочим, мёртвое тело (убийство называлось «головничеством»; отсюда и наш термин «уголовное право»), «живот» — имущество. В переводе грамота звучит так: «... (у такого-то) Софонтий во дворе человека убил, а остальные пропали без вести, а имущество он взял. Как, господин, распорядишься». Это первое ставшее известным науке древнерусское «полицейское донесение», начало следствия об убийстве. Кто мог быть получателем такого донесения? Да всё тот же боярин, заседающий в смесном суде.

Ещё и ещё грамоты. Чаще обрывки. В них мелькают слова: «на поруку» (№ 469), «правду» (№ 473), «бирич» (№ 473), «отсилка» (№ 471) — снова юридические термины.

Две грамоты — № 469 и 494 — сложились вместе, хотя и не дали полного текста: «... осподине, село Еремкинское і Кокова, осподине, у меня отнял, та ещо мя, осподине, напрасно продалъ и лошакъ... а покинулъ ми кобылу здесо... моего, осподине, на правку бѣ і на поруку даль...» — «... (такой-то), господин, участок Ерёмкин и участок Кокова у меня отнял, да ещё, господин, меня вдруг оштрафовал и (забрал у меня) коня, а мне здесь оставил кобылу. Отдал бы (ты), господин, (брата?, сына?, зятя?) моего на судебное разбирательство и на поруку...».

Грамота № 471. Она датируется началом XV века и сохранилась целиком: «Оу Онкифа б коробе ржи, коробья пшенице б годъ. А от бирица белъ в отсилке. Биль ми Труфане».

Первая фраза письма элементарно проста: у какого-то Онкифа уже шестой год находятся шесть коробей ржи и коробья пшеницы. Нужно полагать, что это зерно взято Онкифом в долг, а сроки возвращения нарушены. И коль скоро грамота о нём обнаружена среди документов, связанных с судом, можно догадываться, что в дело о его долге вмешался суд. Наверное, об этом пойдёт речь в следующей фразе письма? Но чтобы понять эту фразу, нужно сначала выяснить значение отдельных её слов. А фраза целиком состоит из таких трудных слов.

Что такое «биричь»? Словарь И. И. Срезневского даёт на этот вопрос однозначный ответ: «Бирич — полицейский чиновник, которому поручалось объявлять народу распоряжения властей». «Отсылка»? Посмотрим, что сообщает об этом термине «Новгородская судная грамота» XV века: «А кто обещается к суду х коему дни, ино после обета отсылки к нему не слать; а не сядет судья того дни, ино коли судья сядет, ино тогда к нему отсылка; а не видит отсылки, и почнет хорониться, ино слать к нему отсылка в двор трижды, да и биричем кликать; а не станет к суду, ино дать на него грамота обетная». «Отсылка», — следовательно, повестка с вызовом в суд. В этой повестке упомянуты «белы» (деньги).

Теперь можно перевести грамоту целиком: «У Онкифа 6 коробей ржи и коробья пшеницы (уже) шесть лет. А в повестке, (посланной) от бирича, (значатся) белы. Бил мне (челом об этом) Труфан».

В грамоте № 474, написанной в последней четверти XIV века, — жалоба о нарушении межи на пашне («орамице»), обидах жены и детей: «... (орами)ця, господине, пережата церось меже. Детьке мои зобижоны. Жона моя зобижона. Бога дея, господине, оборони. Язь тебе цоломъ бью».

Самый вид обрывков подтверждает их принадлежность судебным органам. Грамоты, по миновании в них надобности, не разрывали, как мы к этому привыкли за многие годы, а разрезали ножом или ножницами. Так поступают не с частными письмами, а с официальными документами, чтобы избежать возможных злоупотреблений в дальнейшем.

А вот целый текст — берестяная грамота № 477 из слоёв 70-х — 80-х годов XIV века:

«Поклоно Ане от Микыфора з Дорофеева жеребея. Что еси дала пожню в Быкошине, то Шюега отімаеть, другую Осипоко. Землици мало, а пожни отімають. Ни чимь способити, не о че и сидити. А ныне даі ми то место Быковщину».

Автор письма получил от Анны землю, участок, на котором прежде сидел Дорофей. Но Анна не подтвердила это документально. Соседи у него «землицу» отнимают. «Никак с этим не сладить, не из-за чего и сидеть на этом участке. Дай же мне теперь это место Быковщину».

Дать нужно было с соблюдением всех формальностей, с официальными документами. Ради составления таких документов Анна, по-видимому, и обратилась в суд. Невольно вспоминается другое, близкое по своему содержанию письмо — грамота Петра Марье, которая должна была «списать список с купной грамоты и прислать семо», туда, где озеричи отняли у Петра скошенное им сено.

Открытие документов, связанных с судом, важно для истории Новгорода. Именно в суде скапливались дела, отражающие

конфликтную сторону социальных отношений. Мы ещё так недостаточно знаем эту сторону жизни средневековых новгородцев, что каждый новый документ поистине драгоценен.

Комплекс грамот, имеющих отношение к суду, встречался в слое первой половины XV и второй половины XIV века. Не меньше ста лет усадьбы, раскопанные на Суворовской улице, были свидетелями слёз и жалоб новгородцев. В нижележащих слоях встречены берестяные грамоты более привычного для нас содержания — о разных хозяйственных и бытовых нуждах.

В найденной в слоях середины XIV века грамоте № 478 хозяйственное распоряжение: «... куне оу Рашка. Аже не боуде кунь оу Рашка, коупи своими кунами Колушке шапоцнику». Если у Рашка не найдётся денег, купи что-то шапочнику Колушке за свои деньги.

Грамота № 481, происходящая из слоёв последней трети XIII века, вводит в курс сложных забот крестьян, которые были профессиональными рыбаками: «Поклонъ от ловца ко Остафии. Посли грамоту оже куны на сеть и наимиту. А роже како възейду Богъ дасть ловь, тако възмутъ» — «Поклон от ловца к Остафии. Пошли грамоту и деньги на сеть и на оплату работника. А рожь, когда вернусь, как Бог даст лов, тогда и возьмут».

В грамоте № 482, относящейся к тому же времени, речь идёт о взимании оброка, «успов», за текущий год и недоимок, «старых», «лонишних» успов.

Грамота № 483 из тех же слоёв упоминает гривны и «изросты» — проценты. В ней, следовательно, говорится о ростовщической ссуде.

Древнейшая на раскопе берестяная грамота № 487 обнаружена в слоях XII века. Это обрывок письма, написанного на обеих сторонах берестяного листа. Он не сохранил имён ни автора, ни адресата, но вводит нас в самую гущу семейного конфликта. На одной стороне сохранился такой текст: «... вяляшь деяти, а ты чьрьсо силу деяшь. Ажь бы ты дбромь жила братом...». На другой: «... поживи жь съ Гюрьгьмь жь со Лукою. А возывахо тя състрою ньвестокою» — «... (кто-то) велел делать, а ты делала через силу. Если бы ты добром жила с братом... Поживи же с Гюргиём и с Лукой. А (ведь) я называл тебя сестрою, невесткою». Письмо написано неуживчивой женщине братом её мужа, который упрекает её за скверный характер.

Всего на Суворовской улице найдено двадцать пять берестяных грамот. Это очень много, принимая во внимание незначительность размеров исследованного в 1970 году участка. По плотности насыщения слоя берестой затронутый раскопками район города не уступает кварталу на Дмитриевской улице. И в будущем к этому району должно быть привлечено особенно пристальное внимание археологов.

В 1972 году раскопки начались на новом для экспедиции участке Славенского конца, во дворе одного из домов по улице Михайловой (Кирова). Это место привлекло нас сведениями о наличии здесь очень мощного культурного слоя, достигающего девяти метров. Предположения о большой древности нижних слоёв на этом участке не оправдались. К концу его исследования в 1974 году выяснилось, что новгородцами он освоен только в первой половине XII века, а большая мощность напластований объясняется здесь тем, что обосновавшиеся в этом районе усадьбы использовали русло древнего мокрого оврага, которое требовало постоянных подсыпок и сооружения дренажных систем. Однако в ходе трехлетних работ здесь обнаружено немало важных находок. В их числе прекрасная по мастерству художественного исполнения иконка XIII века из чёрного камня с изображением святых Георгия, Симеона и Ставрокия, давшая много работы и любопытных открытий искусствоведам. И десять берестяных грамот.

Первая, самая молодая из них, найденная в слоях второй половины XV века, грамота № 495 — маленькая целая записочка: «У Ондрия три денги, Ивана денга, у Степана денга, у Вана денга, у Зуба московка, у Степана московка». «Московка», московская денга, составляла ровно половину новгородской денги. Таким образом, в грамоте говорится о выдаче шестерым людям «подотчётной суммы» на мелкие расходы. По новгородскому счёту — всего-навсего 7 денег, иначе половина гривны, пять с половиной граммов серебра.

Грамота № 496 задала нам массу хлопот и поначалу просто напугала нас. Это был второй за всю историю раскопок документ — не процарапанный, а написанный чернилами. Бересту покрывал липкий слой грязи. Чтобы прочесть грамоту, нужно было смыть грязь, но, если бы мы попытались это сделать, вряд ли нам удалось бы тогда прочитать её: вместе с грязью в воде растворились бы и чернила. На помощь пришла ленинградская Лаборатория консервации и реставрации документов. Под руководством её директора Дмитрия Павловича Эрастова сотрудники лаборатории проявили чудеса тщательности и осторожности. Они убрали грязь, сфотографировали грамоту в инфракрасных лучах, сделали макроснимки, и мы узнали... Впрочем, что мы узнали, станет очевидным при чтении грамоты, которое продолжалось много лет, так как и после реставрации отдельные места документа прояв-

нялись лишь под микроскопом, когда от написанного остались не чернила, а легкие штрихи гусиного пера.

Познакомимся с этим текстом в переводе А. А. Зализняка, который смог разобрать его труднейшие места:

«... Никуев, мол, за мной и напали разбоем на Михайлицын двор, на Михайлицына сына Иванка-дворника; а (ещё) Жигалья с сыном Офоноском, Игнатко Симуев с братом Макхимком, Василь Вечерко, Грихно, Василько и Климентейко Стехновы, Мартын Татая, Храп, Селюев крестник; да двор разграбили и имущество захватили; да у Елизаря верх житницы и двор разграбили, а людей перебили и переранили. Я в том селе не один был. А это происходило всю неделю до Проклова дня».

Упомянутый здесь Иванко-дворник — не дворник в нынешнем понимании этого слова, а домоправитель, управляющий, в данном случае сын самого владельца разграбленного двора Михайлицы. «Проклов день» отмечается 12 июля. Это единственное хронологическое уточнение. Год, в который написана грамота, установить невозможно, но найдена она в слоях второй четверти XV века.

Как видим, разбойное нападение произошло не в городе, а в селе. Имена грабителей в документе перечислены. Значит, перед нами сообщение о так называемом «наезде» или «находе», то есть об эпизоде межобщинной борьбы. Такой тип преступления рассматривается в Новгородской судной грамоте XV века: «А кто на ком пощет наезда, или грабежа о земном деле, ино судити наперед наезд и грабеж, а о земли после суд, а кого утяжут в наезде и в грабежи, ино взять великим князем и Великому Ноугороду на виноватом, на боярине пядесят рублѣв, а на житьем двадцать рублѣв, а на молодцем десять рублѣв; а истцю убытки подоймѣт; а о земле суд, а не будет суда в Новегороде, а о наезде и о грабеже суд».

Подобные наезды и грабежи порой происходили и в самом городе. В 1475 году, во время приезда в Новгород великого князя Ивана III, старосты Славковой и Микитиной улиц Плотницкого конца подали ему жалобу на большую группу бояр во главе со степенным посадником, «что наехав те со многими людьми на те две улицы, людей переграбили и перебили, животов людских на тысячу рублѣв взяли, а людей многих до смерти перебили». Тогда же бояре Полинарьины жаловались на тех же бояр и на старосту Фёдоровой улицы (она была расположена между Славковой и Микитиной улицами), «что наехав на их двор, людей у них перебили, а животы разграбили, а взяли на 500 рублѣв». Узнаёте здесь те же выражения, что и в нашей грамоте?

Всё лето 1972 года экспедиция жила в ожидании находки берестяной грамоты № 500. Разумеется, не в номере дело. Самые интересные из берестяных документов носят ничем не примечательные номера. Но всё же приятно завершить счёт первой полутысячи писем. Эту грамоту нашли последней в сезоне 1972 года.

Её собирали по кускам несколько дней, через шестьсот лет после того, как кто-то разорвал её и пустил по ветру. К удовлетворению от самой находки добавилось удовлетворение тщательностью поисков: грамота собралась практически вся, не хватает двух маленьких кусочков, но они могут ещё найтись, если когда-нибудь будут раскопаны соседние участки.

Содержание документа очевидно. Это опись имущества, составленная в первой половине XIV века: «... поль(то)ра рублия сьрбромь, ожерелье въ..., дрюгое сь хроустаю, шюба немечьякая, кожа дьланая, ржи 7 коробьи, а 2 недьланы кожи, чепь котельная, мьхъ коунъ, 5 телянъ, 5 овьцинъ, котлець, сковорода, скобъкаръ, польтна 2 локти, о..., польсть, 3 хомоуты рьмяны, оузда кована робична, икона сь готаномъ, попона коневая».

Нет сомнения в том, что многие вещи из поименованных здесь уже лежат в экспедиционных коллекциях — и котельная цепь, и сковорода, и скобкаръ (деревянный двуручный ковш), и хрустальные бусы из ожерелья, и даже икона с гайтаном (шейным шнурком). Ведь именно такой шейной иконой была найденная здесь же каменная иконка с изображением Симеона, Ставрокия и Георгия. И вообще эта «инвентарная опись» своей непоследовательностью больше всего напоминает наши полевые описи археологических находок, где они расположены в том порядке, в каком были найдены. Воспримем же эту грамоту как символ неразрывного единства истории и археологии, письменных источников и источников вещественных. Ведь именно в этом единстве — залог наиболее существенных будущих исторических открытий.

Четыре берестяные грамоты в том же раскопе извлечены из слоёв XII века. Две из них, датированные третьей четвертью этого столетия, заслуживают особого рассказа.

Грамота № 509: «Оу Воислава възьми 10 коунъ истинь, а 5 коунъ намомъ, не въдале дъвоихъ намъ. Оу Нежать възьми десять коунъ и гривнюу. Оу Боудоть възьми гривнюу наменуоу. Оу Бояна възьми шесте коунъ намноюу Озеревахъ. А отрокоу въдайте по коуне моужья».

Здесь нужно разъяснить три трудных слова. «Отрок» — должностное лицо, участвующее в сборе недоимок, который поручен неким «мужам». «Намами» назывались проценты на отданные в долг деньги. «Истина» — капитал, та сумма, которая дана в долг. «Намные куны» поэтому — другое название образовавшихся с течением времени процентов. Например, Воислав взял в долг 10 кун, а за два года на эту суммуросло 5 кун процентов. С него следует взysкать 15 кун.

Грамота № 516: «У Опаля 6 кунъ Мьльвотицехъ. У Сновида 7 кунъ Мьльвотицехъ. У Търъцина 3 куне. У Бояна 6 кунъ Озеревахъ. У Местька 2 куне Велимицехъ».

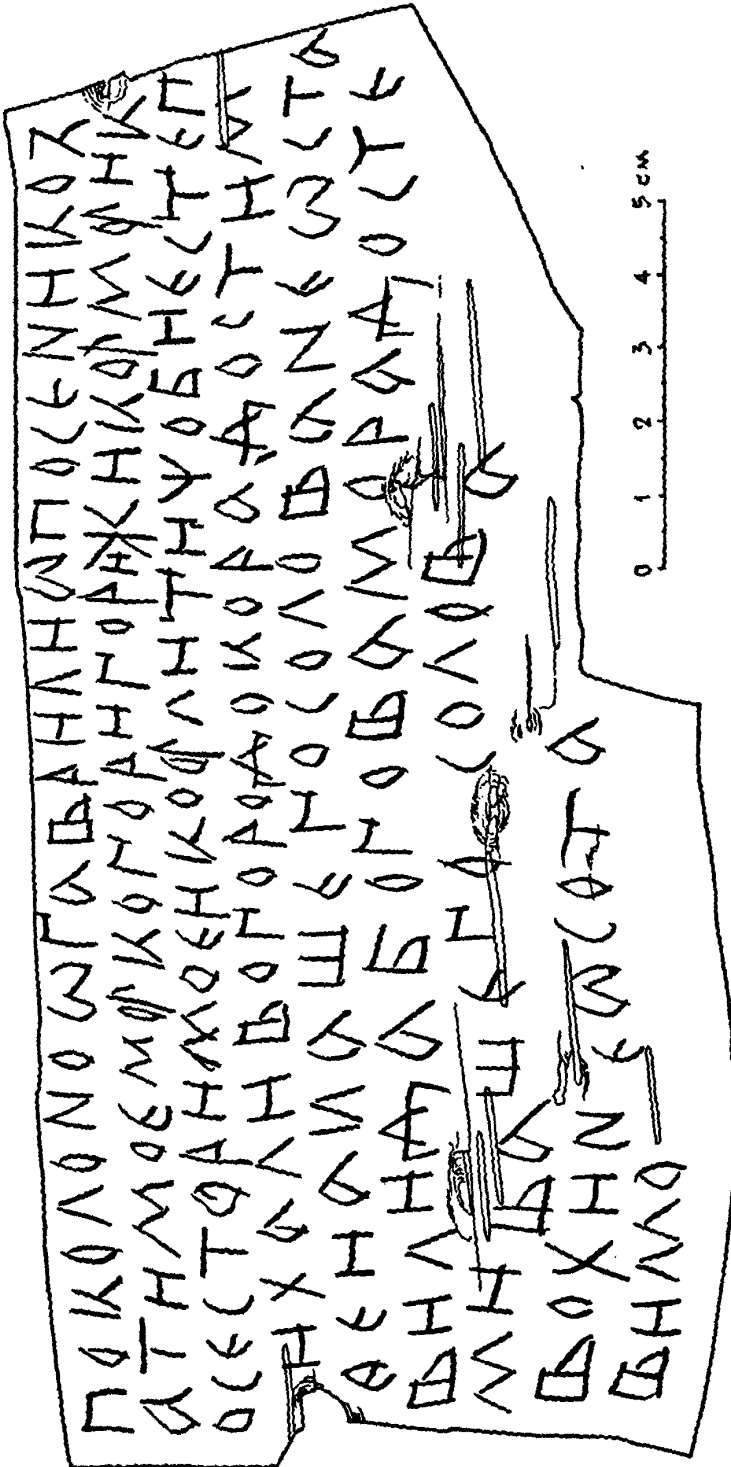
Хочется обратить внимание на то, как два небольших текста представили нам отнюдь не малый список древнерусских имён: Воислав, Нежата, Будота, Боян, Опаль, Сновид, Торчин, Местко.

Внимательно присмотревшись к этим двум текстам, мы обнаружим тесное родство между ними. И в той и в другой грамоте упомянуто одно и то же лицо — Боян, живущий в Озеревах и задолжавший 6 кун в виде процентов с полученной им в долг суммы. Коль скоро в этих грамотах названы три пункта, в которых живут должники, — Молвотицы, Озерева и Велимичи, — есть смысл поискать их на карте.

Легче всего отыскиваются Молвотицы. Это был небольшой городок на речке Щеберихе в 140 километрах к юго-востоку от Новгорода. Под 1401 годом он упомянут в летописи: «Тои же осени погоре владычень городок Молвотице». Этот городок был центром Молвотицкого погоста. И следует обратиться к писцовой книге конца XV века, чтобы поискать в этом погосте Озерева и Велимичи. Нужно сказать, что владельческий состав погоста был достаточно пёстр. 130 деревень в нём принадлежали, как и сам городок, архиепископу, и почти столько же деревень — разным монастырям и частным владельцам. Внимательно просматриваем списки этих деревень. Деревня Вельмичи отыскивается в той части погоста, которая была владычной. А вот деревни Озерева в нём нет. Эту деревню, однако, мы обнаружим в расположенном неподалёку Жабенском погосте и выясним, читая его описание, что она тоже принадлежала владыке. Эти сопоставления прокладывают путь к предположению о возможной принадлежности комплекса, давшего нам те грамоты, о которых здесь рассказано. По-видимому, владельцы здешних дворов в XII веке имели отношение к администрации главы новгородской церкви.

Закончить рассказ о находках на этом раскопе — в документации экспедиции он называется Славенским по имени конца — лучше всего текстом берестяной грамоты № 497, найденной в слое 40-х — 80-х годов XIV века: «Поколоно от Гаврили от Посени ко зати моему ко Горигори жи коумоу и ко сестори моеи ко Оулите. Чо би есте поихали во городо ко радости моеи, а нашего солова не оставили. Да Бого вамо радосте. Ми вашего солова вохи не осотавимо» — «Поклон от Гаврилы Постни зятю моему — куму Григорию и сестре моей Улите. Поехали бы вы в город к радости моей, а нашего слова не забыли (не оставили бы без внимания). Дай Бог вам радость. Мы все вашего слова не забываем».

Беру на себя приятную обязанность переадресовать приглашение Гаврилы всем интересующимся прошлым Новгорода, в том числе и всем моим читателям. И когда вы побываете в Детинце, увидите фрески Феофана, обойдёте вокруг неповторимого храма Петра и Павла в Кожевниках, посетите прекрасный Новгородский музей, — не забудьте побывать и на раскопках, чтобы узнать последние новости из прошлого, полученные с очередной берестяной почтой.

Грамота № 497

Глава 22 Потерянное завещание

В начале этой книги уже было рассказано о том, что некоторые берестяные грамоты были найдены не при раскопках, а при случайных обстоятельствах. Самая сенсационная находка берестяных грамот вне раскопа произошла 9 июля 1974 года. Эта находка лежала на экспедиционном столе спустя каких-нибудь десять минут после того, как работница 77-го строительного управления Новгорода Раиса Павловна Филатова обнаружила её, роя яму для новой ограды Новгородского водопровода на берегу Волхова на Торговой стороне. Такая оперативность — отрядный результат широкой пропаганды научной ценности древних предметов, которые при любых работах могут быть случайно извлечены из земли. Эту пропаганду неустанно ведёт и Новгородская экспедиция, и Новгородский музей, развернувший эффектную экспозицию археологических материалов.

Трудно передать взволнованность, которую довелось испытать, держа в руках ещё не развёрнутый невероятной величины свёрток бересты. Вся его лохматая поверхность была испещрена процарапанными строками текста. «Такого не бывает» — вот единственная мысль, которая вытеснила все остальные в первые минуты. Такого, действительно, не бывало. В свёртке был не один лист, а целых три. Размер самого большого из них достигал полуметра в длину и двадцати сантиметров в ширину. Верхний лист сильно пострадал, распавшись на несколько фрагментов, и потребовалось несколько часов для того, чтобы, сняв его и собрав снова, развернуть остальные, увидеть их тексты. Нужно ли говорить, что в эти часы преодолевались не только технические трудности приближения к тексту, но и всеобщее нетерпение — чувство, всегда предшествующее чтению новых грамот на бересте, но на этот раз многократно возросшее.

И вот, наконец, первый цельный, самый большой лист — под стеклом. Приступаем к чтению, предварительно сосчитав строки. Их пятнадцать.

«Се азъ рабъ Божїи Мосии пишу рукописание при своемъ животе...». Традиционная начальная фраза духовной грамоты, завещания. Некий Мосей, находясь в добром здравии, распоряжается имуществом на случай смерти.

«А приказывае животь свои детемъ своимъ...». Вторая фраза документа заставляет обратить внимание на видимое противоречие с первой фразой. Там употреблена грамматическая форма

СЕ А ЗЗ РА В В Б Ж И К Л М Н О П И С А Н И К Е П А И С В О К Е М З Ж В О Т Б А П Р И К А З З И В А К Е
 Ж И В О Т З С В О Н Д З Т Е М А С В О Н М З Г О С Е Н Е С К У Ю З Е М Л Ю Н З А С О С Е Н И К У М З Е М Л Ю П О Р У З
 Л О В О М Р Ф А М О Т Ф И З А Ш О Л О Н К К Ю З Е М Л Ш Г Д В М А Т Ф Б И Т А Р А С И Н И М З Д Б Т Е М Б
 А Т Ч У М К Ф Т Р Ъ Т А Н В В В Ш А Ш К В И З Е М Л Б И К Р О М И К И Т Е М Л И С В О Ю Т Р А С Т Ъ И Н А В Д Ы
 Ш К О В Ф С В О Л А Т Р Ъ А В З И Ш К О В И И Г Р А М О Т Б З А Р А Р Н Е М З А П О П З М З З А И Н И Н
 К И М З А С О С Е Н К И И Г Р А М О Т Б З А Т А Р А С И Н И М Н Д У Д М И И П О Ж А Р Н С К И
 Ю З Е М Л А А Г Р А М О Т Н З А Л И С О И Т А С Т Е П А Н О В Н М З А Д Ф Т Н С В О Н П Д Н
 К А З В А М В А С И Л И Н К Е Ш Ф О В И Ч Ю Н М А К С И М У В А С И Л И К Е В И Ч Ю Н О
 П Ч А З С В О К Е И Р А Д О Д У П Л Е М А Н И С В О К Е Н У А Ж Е Н Б Е Ч У Ш О С Т А Т И К А
 А Т Е Н М О М Х З Н О М О Н О К У Я С Т О К З А Ш Е Л О К О М З Е М Л А С Т А М И Н С О
 А Б Н А С Т У П И Н О С О С Е Н С К А М З Е М Л А Т А Р А С И Н И М З А Д Ф Т Е М Л А С Т А М И Н С О
 А С К У Т О В Е С К А А З Е М Л А М А Т Ф Д Ю Н К Е Г О С Б А Т А Н У Г Р Н Г О Д И В
 А К Р О М Е С И К А В Н В Ш К Е В Е С К А А Т Е М Л А С Т А С М А
 Н А Д У В Р О В Н И А П О Ж А Р Н С К И
 Т Р С Т У М О К Е М С К И Т В

А Д С Р О Р Б М О Н В Г О Р О Ф А П О Ж Н А Н А Г Л У Ш И
 Ч И А Д Р У Г А М З А Г О А О Д У Ч Е М Б Ы А Т О
 А А Н Н Л Ю В Н М З А Б Т Е М Д А Н С Б Н О В А
 Т З К Е С М Б Н И К О М К И Ч И М З А А З В И К Е
 Б К У Ч Ю А Х Т О Б О П О В У Х Б И О Ч Е М О Д У Ш Е
 В И Б И Т Г У М Е Н О Д А С М К Д З С Т О И Н К О Л О
 И П О П З Ф Н О С О С Т Б Б Ч Е

Грамоты № 519 и 520

первого лица: «Се азъ» — это я «пишу» — пишу. А здесь неожиданный переход к третьему лицу: «приказывае», то есть приказывает. Если Мосей сам, собственноручно писал свою духовную, он не мог бы назвать себя в третьем лице. Иное дело, если он диктовал грамоту писцу или изложил ему существо своих распоряжений. Писец мог путаться в лицах. Духовные грамоты всегда излагались от первого лица, но когда записываешь чужие слова, ошибиться немудрено.

Итак, перед нами духовная грамота. Прежде чем продолжить её чтение, нужно попытаться датировать её. Ведь когда берестяная грамота найдена не при раскопках, возможности определить её время по уровню залегания в слое отпадают. Надёжный способ разобраться в хронологии текста предоставляет палеография — наука о форме букв, рисунок которых меняется от столетия к столетию. Уже в первой строке документа имеется несколько начерков, характерных для сравнительно узкого времени — второй половины XIV – начала XV века. Место находки тогда было незастроенной окраиной города, слабо освоенным пустырьём, и, следовательно, свёрток грамот, получивших номера 519, 520 и 521, скорее всего потерян случайно.

Продолжим чтение грамоты № 519:

«А приказывае животь свои детемь своимъ...» — А отказывает своё имущество своим детям. «Сосенскую землю и Засосенскую землю по деловой грамоте, и Зашолонкую землю, где Матфею и Тарасиинимъ детемь, а ту мне треть, и во Вшашкеи земле...».

Мосей перечисляет принадлежащие ему земли Сосенскую, Засосенскую, Зашелонскую и Вшажскую и объясняет, на каких правах он ими владеет. Эти участки достались ему по деловым, иначе раздельным грамотам с Матфеем и Тарасьиными детьми. Некогда и Мосей, и Матфей, и Тарасьины дети сообща владели перечисленными землями, а потом разделили их, и каждый получил свою треть в полную собственность. Обычно такой раздел производят родственники, унаследовавшие земли, которые у их общего предка составляли единый массив.

«И Кромиски земли свою треть, и на Вышкове свою треть. А вышковский грамоте за Юриемь за попъмь за Илиинскимъ...».

Кроме того, Мосею принадлежат Кромиская и Вышковская земли, которыми он также владел сообща, но не с Матфеем, и не с Тарасьиными детьми, а с попом Ильинской церкви Юрием. По раздельным грамотам Мосею здесь также досталась треть, остальные две трети получил поп Юрий, у которого хранятся и «деловые» (фиксирующие раздел земель) грамоты на эти участки, обоснование прав Мосея на них.

«А сосенкии грамоте за Тарасииними дедми...». Здесь Мосей вспомнил, что не указал местонахождение документов на те земли,

которыми он прежде владел вместе с Матфеем и Тарасьиными детьми, и сообщает, что грамоты на них хранятся у Тарасьиных детей.

«И Пожарискую землю, а грамоты за Лукой за Степановимъ...».

Ещё один участок земли — Пожариский — принадлежал Мосею после раздела с неким Лукой Степановичем, у которого и находятся соответствующие «деловые» грамоты.

«А дети свои приказываю Василию Есифовицу и Максиму Василиевичу и осподе своеи роду племяни своему...».

Заботу о своих детях, ещё малолетних (ведь в завещании даже не указаны их имена), Мосей поручает своим родственникам (оспoде своей роду племени своему), но прежде всего Василию Есифовичу и Максиму Васильевичу. Оба душеприказчика названы уважительно с «вичем», а это значит, что они были авторитетными боярами. Максима Васильевича в летописях и других письменных источниках отыскать не удалось. А новгородский боярин Василий Есифович в 1405 году был степенным тысяцким, в 1410 году в той же должности участвовал в проведении денежной реформы, которая отменила обращение товаро-денег и узаконила пользование в Новгороде серебряными прибалтийскими монетами, а в 1416 году стал степенным посадником. Как руководитель Новгородского государства Василий Есифович фигурирует в рассказе о знаменитом восстании Степанки против бояр в 1418 году и в последний раз как посадник упоминается в летописи под 1421 годом. Столь авторитетному человеку и поручает Мосей заботу об имущественных правах своих детей, беспокоясь, чтобы их не обидели после его смерти какие-нибудь любители чужой собственности. Обратите внимание, что Василий Есифович в грамоте Мосея не титулован — ни тысяцким, ни посадником, а это значит, что духовная написана до 1405 года, когда Василий Есифович ещё не имел никаких титулов. Следовательно, мы получаем право датировать грамоту в более узких пределах рубежом XIV и XV веков.

Поручением заботиться о детях грамота № 519 не оканчивается. Далее следуют ещё шесть строк:

«Аже не будеть остатка детеи моихъ, ино мои оучастокъ Зашелоской земле святому Николе на Струпини...» — а если не останется детей моих, то мой участок Зашелонской земли (завещается) святому Николе на Струпине. Небольшой населённый пункт Струпино существует и сейчас в низовьях реки Шелони, в районе Шимска, неподалёку от впадения Шелони в Ильмень. В XV веке этот пункт занимал важное административное положение, будучи погостом, центром небольшой сельской округи. Был в нём и Никольский монастырь, упразднённый в первой половине XVI века. Этому монастырю в случае смерти своих детей Мосей завещает участок Зашелонской земли.

Определив местонахождение Никольского монастыря, мы получаем возможность найти на карте часть земель Мосея. В непосредственной близости к Струпину при впадении правого притока Шелони речки Сосенки писцовые книги XVI века называют деревню Сосну, которая существует и сегодня, именуясь несколько иначе — Сосница. Следовательно, Сосенские земли были землями деревни Сосна. Засосенская земля находилась здесь же, но по другую сторону речки Сосенки. С теми же местами связана и Зашелонская земля — напротив устья Сосенки, за Шелонью. По соседству с нею отыскивается Вшажская земля, но в документах и на картах она именуется Пшажской по имени реки Пшаги, впадающей в Шелонь слева как раз напротив устья Сосенки. Замена «п» на «в» не должна удивлять. Сочетание начальных звуков «мш» в исходном названии Мшага (от слова «мох») труднопроизносимо и могло заменяться на «пш» или «вш».

Если в случае смерти детей Мосей предусматривает дальнейшую судьбу одного из принадлежащих ему участков, нужно думать, что он распорядился и относительно других своих владений. Действительно, всё окончание грамоты № 519 посвящено таким распоряжениям:

«А Сосенская земля Тараснинимъ детемъ, а Скутовеская земля Матфею и его братану Григорию...». Остальные участки тех земель, которыми Мосей прежде владел сообща с Матфеем и Тарасьиными детьми, в случае смерти его детей возвращаются к бывшим совладельцам Мосея — Тарасьиным детям и Матфею, а также к братану (двоюродному брату) последнего — Григорию. Вшажский участок назван здесь Скутовским.

«А Кромеская и Вышкевская земля святей Богородици на Дубровни...». Дубровна также легко отыскивается на современной карте, но не в тех местах, где располагались сосенские владения Мосея. Этот населённый пункт находится в районе среднего течения Шелони, примерно в восьмидесяти километрах от устья Сосенки, на левом притоке Шелони реке Удохе. В XV веке Дубровна также была погостом с церковью Рождества Богородицы. На территории этого погоста писцовые книги конца XV века называют деревни Кромиско и Вышково, с которыми, таким образом, и связаны одноименные владения Мосея.

«А Пожарская земля тесту моему Костянтину». В том же Дубровенском погосте те же источники называют деревню Пожарища.

Итак, Мосей владел землями в Струпинском и Дубровенском погостах Новгородской земли. Но ведь это не всё его имущество. В известных нам сейчас средневековых завещаниях сначала описываются земли, потом двор и хозяйство, а в конце грамот указываются свидетели — послухи. Как ни велика грамота № 519, однако она является только началом завещания. Где же его конец?

Нужно думать, что на том берестяном листе, который завёрнут в эту грамоту. Он исписан тем же почерком, но размер листа не так велик.

«А двроръ мои в городе, а пожня на Глушици, а другая за Городищемъ, а то Даниловимъ детемъ...». Грамота № 520 начинается именно теми словами, которые ожидалось здесь увидеть. И тем не менее, чтобы устранить все возможные сомнения и убедиться в принадлежности обоих берестяных листов одному документу, нам следует прочесть весь текст до конца:

«А не виновать есмь никому ницимъ развие Богу дущ(е)ю. А на то Богъ послухъ и отецъ мои душевне игумень Демидъ святого Николе и попъ Офнось святе Богородице».

Вот теперь никаких сомнений не остаётся. На первом листе Мосей в числе своих возможных наследников на случай смерти детей называет монастырь святого Николы и церковь святой Богородицы, а на втором листе в качестве свидетелей-послухов поименованы игумен этого монастыря и поп этой церкви.

Второй лист позволяет установить место жительства Мосея. Он горожанин, владеет двором в городе. Грамота не называет имени города. Однако это не Новгород. В завещании Мосея названы его пригородные пожни (то есть покосы) на Глушице и за Городищем. В районе Новгорода имеются и Глушица, и Городище. Но исток речки Глушицы, текущей на север, находится в 30 километрах к северу от Новгорода, а Городище расположено в 3 километрах южнее Новгорода. И Городище, и Глушица вместе известны около города Порхова, расположенного на Шелони примерно в 15–18 километрах от дубровенских владений Мосея и примерно в 100 километрах от его сосенских земель.

Каким же образом завещание жителя Порхова и владельца земельных участков на Шелони попало в Новгород? Причина выясняется достаточно легко. Если мы сравним духовную грамоту Мосея с другими дошедшими до нас завещаниями XV века, то обнаружим в нём некоторые особенности, касающиеся окончательной отделки текста. Все средневековые завещания писались по образцу — формуляру, который начинался обязательной фразой «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», а оканчивался таким же обязательным заклятием против возможных нарушителей воли завещателя: «А кто сие рукописание преступит, судится со мною пред Богом в день Страшного суда». В нашей грамоте ни начальной, ни заключительной фразы нет, и это позволяет думать, что перед нами не окончательный текст, а черновик духовной Мосея. Окончательный текст писался не на бересте, а на пергамене и снабжался свинцовой, висящей на шнуре печатью, которая, будучи привешена в канцелярии наместника новгородского архиепископа, придавала документу юридическую силу. К берестя-

ному листу привешивать печать бессмысленно. Такой лист невозможно сохранять длительное время, а если привесить к нему печать, то она оторвётся сразу же после появления первых трещин на бересте. А коль скоро любое завещание не могло, таким образом, миновать наместничьей канцелярии в Новгороде, следовательно, и черновик нужно было доставить сюда, чтобы здесь с него написали на пергамене документ по всей форме, включавшей и утверждение его печатью.

Только что были упомянуты другие новгородские духовные грамоты, давно известные исследователям. Таких пергаменных актов дошло до нас около трёх десятков. Не умаляет ли их наличие значения нашей находки? Напротив, сравнение нового документа с известными ранее придаёт ему особую ценность и превращает в первостепенный источник социальной истории Новгорода. Все известные прежде завещания сохранились в монастырских архивах, будучи связаны с передачей по ним во владение монастырём земельных участков. Одни из них касаются только этих участков и, следовательно, не характеризуют собственности завещателей в целом. Другие связаны с владениями очень богатых семей и, таким образом, не дают представления об имущественном положении землевладельцев непривилегированного круга.

К какому же кругу принадлежал наш Мосей? Чтобы дать ему социальную характеристику, нужно прежде всего выяснить размер принадлежавших ему владений. Когда после присоединения Новгорода к Москве московскому правительству потребовалось освоить для обложения налогами новгородский земельный фонд, оно распорядилось переписать в писцовые книги все пахотные и сенокосные угодья бывших владений Новгорода. Эти писцовые книги, составлявшиеся несколько раз на протяжении конца XV и XVI века, к сожалению, дошли до нас не в идеальном порядке. Поэтому не каждую «волостку» возможно отыскать в них. Однако большинство сведений всё же сохранилось и изучается исследователями более полутора столетия.

Поиск в этих книгах земли Мосея (разумеется, в конце XV и в XVI веке они принадлежали уже иным владельцам). Ценность всех описанных в писцовых книгах земель измеряется в обжах. Так называлась единица обложения, соответствующая земельному участку, который мог вспахать один человек на одной лошади. Такую единицу нельзя выразить через меры площади, так как сами условия пахоты на разных участках были различными, они зависели от рельефа местности, тяжести грунта, степени засорённости участка валунами и т. д. Но всё же в среднем обжа может быть приравнена 15 десятинам земли.

Вся пахотная земля деревни Сосна исчисляется писцовыми книгами в 3 обжи. Мосей владеет третью сосенских земель, сле-

довательно, только одной обжей. Пахотные земли деревни Кро-миско оценивались в 4,5 обжи. Мосею из них принадлежала треть, то есть всего лишь полторы обжи. Пахотные земли деревни Пожарища равнялись всего лишь одной восьмой обжи. На долю Мосея здесь приходился буквально лоскут.

Не располагая точными сведениями о других участках, мы всё же вряд ли можем допустить сколько-нибудь заметное их отличие от названных здесь. А это значит, что богатство Мосея было крайне незначительным. В самом оптимальном случае оно равнялось каким-нибудь 4-5 обжам. Для сравнения укажу, что, к примеру, у знаменитой Марфы Борецкой по писцовым книгам была 651 обжа земли, у Кузьмы Фефилатова 260,5 обжи, а у посадника Захарии Овина и его сына Ивана 987 обож.

И в то же время в Мосее невозможно видеть крестьянина. Уже в силу того, что его участки разбросаны на значительном пространстве, а сам он живёт в городе, обрабатывать эти земли он может только эксплуатируя чужой труд или получая ренту от передачи своих участков арендаторам. И в том, и в другом случае он принадлежит к классу феодалов. Вопрос только в том, является ли он феодалом формирующимся или феодалом по наследству. Он мог владеть мизерными остатками когда-то крупной вотчины, измельчившейся в процессе наследственных разделов. Но мог быть и выходцем из чёрных людей — крестьян, мелкого духовенства, ремесленников или небогатых торговцев.

Обращает на себя внимание отсутствие в его духовной обычных для такого рода документов терминов «отчина и дедина», хотя Мосей не безродный человек: он упоминает свой род и племя. Мосей владеет своими третями по отдельным грамотам, которые постоянно употреблялись при родственных разделах, но эти разделы произведены им с разными лицами, родственные связи с которыми в грамоте не показаны. В случае смерти своих детей он завещает свои участки монастырю, церкви, тестю (то есть не родственнику, а свойственнику). Пожалуй, только Даниловы дети, наследующие городской двор и пожни Мосея, могут претендовать на близкое родство с ним.

Создаётся впечатление, что владение Мосея было его собственным «скоплением». Поначалу он был совладельцем земель на основе складничества с разными более состоятельными лицами (обращает на себя внимание, что документация по разделам хранится не у него, а у других участников земельных разделов), затем выделил свои участки по «деловым» грамотам. Такой характеристике не противоречит и то обстоятельство, что заботу о своих детях Мосей поручает несомненно крупным феодалам Василию Есифовичу и Максиму Васильевичу. Оба вотчинника, возможно, были его влиятельными соседями по владениям.

Мы и до сих пор знали, что социальное расслоение в Новгороде вело к постоянной поляризации непривилегированных слоёв. Значительное большинство свободного, чёрного населения Новгорода беднело, а потом нищало, пополняя категорию боярской челяди. Другая же его часть получала возможность накапливать богатства. На протяжении XIII–XIV веков в Новгороде расширяется и укрепляется сословие «житьих людей» — феодалов небоярского происхождения, чьи владения порой достигали размеров боярских латифундий. И теперь мы впервые познакомились на конкретном примере с первоначальной стадией такого процесса, составляющего существенную черту развития феодальных порядков.

«Рукописание» Мосея обернуто в ещё один лист, получивший в общей нумерации грамот № 521. Тот самый лист, который от долгого лежания в земле распался на куски, а затем был снова составлен в экспедиционной лаборатории. Кое-какие части его утрачены навсегда, но и без них общий смысл текстов понятен. Именно текстов, потому что, как это выяснилось при прочтении, лист берестяной обёртки, такой же большой, как грамота № 519, и снятый, по-видимому, со ствола той же берёзы, содержал несколько разнородных записей. Хотя сделаны эти записи в одно время с духовной грамотой, но иным почерком, который по многим признакам старше почерка духовной грамоты. Как это могло получиться, если все три грамоты писались практически одновременно? Да очень просто. Автор записей на обёрточном листе был старше писца духовной грамоты и учился в более раннее время, когда начерки, характерные для рубежа XIV–XV веков, ещё широко не распространились. Мы можем догадываться, что автором этих записей был сам Мосей, потому что только он мог привезти свою духовную в Новгород: её оформление требовало его личного участия.

Верхняя часть листа заполнена разделённым вертикальной чертой на два столбца текстом в пять строк. Левый, начальный столбец был оторван ещё в древности, а в правом читается следующая фраза: «... такъ ся розгори сертце твое и тело твое и душа твоя до мене и до тела до моего и до виду до моего». Нужно думать, что в оторванной, начальной части текста содержалась симметричная половина этой фразы: «Какъ розгорелося сертце мое и тело мое и душа моя до тебе и до тела твоего и до виду твоего...», а дальше идёт то, что сохранилось. Высказывались предположения, что перед нами так называемая «присуха», любовный заговор. Однако, скорее всего, это не так. Думаю, что здесь мы видим набросок любовного письма, которое, нужно полагать, в самом начале называло и имя адресата. Именно потому начальная часть и была оторвана автором, чтобы не ком-

прометировать полюбившуюся ему женщину. Обратим внимание, что Мосей был несомненным вдовцом. У него есть тещь и дети, но нет жены. Иначе она была бы упомянута в завещании вместе с детьми. Может быть, и необходимость в духовной грамоте, и включение в число наследников тестя вызваны намерением Мосея жениться вторично, а в связи с этим обеспечить своих детей от первого брака.

Ниже этой записи, в левой части листа, помещена другая:

«На том ся шлю. Отняли у мене Селиванке да Михейке да Яковец Болдыкине кон в три рубле, седло в полтину, вокола в полтора... торокехь. А то се деяло... дни межи Горами Горками на Бору».

Автор записи рассказывает, как его ограбили Селиванка, Михейка и Яковец Болдыкин, и исчисляет свои убытки: коня ценой в три рубля, седло — в полтину, верхнюю одежду (во-толу) — в полтора рубля и что-то в тороках (притороченных к седлу вьюках). Он указывает день (число не сохранилось) и место, где «то содеялось» — между Горами и Горками на Бору. Все три населённых пункта с такими названиями известны писцовым книгам в Дубровенском погосте. Они существуют и сейчас. Близ Дубровны на речке Степеринке стоят неподалёку друг от друга деревни Верхние Горки и Нижние Горки (в писцовых книгах просто Горки и Горки) и между ними, чуть южнее, — деревня Бор.

Запись об ограблении прямо связана с поездкой Мосея в Новгород. Судя по её форме, он намеревается передать дело об ограблении в суд, а местопребыванием суда был Новгород.

Ещё две записи расположены в нижней части листа. Левая запись очень сильно пострадала, но её характер, судя по уцелевшим фрагментам, аналогичен прекрасно сохранившейся записи в правой части листа: «Оу Тимошке в Гуслехь поторе коробки ржи. Оу Кюра 3 четверотке ржи. Оув Ыевка 3 четверетки пшенице, 3 четверетки жита». Как видим, здесь записаны долги. Деревня Гусли, в которой живёт, по крайней мере, один должник Тимошка (а может быть, и все трое названных здесь должников), известна по писцовым книгам всё в том же Дубровенском погосте. Существует она и сейчас.

По всей вероятности, последние две записи также имеют самое прямое отношение к завещанию Мосея. В других дошедших до нашего времени средневековых завещаниях их авторы не только распоряжаются судьбой своих земель, строений и ценного имущества, но и информируют своих наследников об имуществе и деньгах, розданных в долг. Подобные завещательные записи встречались и на бересте, мы уже знакомы с некоторыми из них в этой книге.

Нужно думать, что как часть завещания заметки Мосея о его должниках предназначены для включения в окончательный его пергаменный текст.

Подобно тому, как в основном тексте завещания Мосей предстал перед нами небогатым землевладельцем, в только что цитированных записях он выглядит и незначительным заимодавцем. Зерно, которое ему задолжали крестьяне, исчислено здесь в коробьях и четвертках. Последняя мера сыпучих тел была мало распространена в Новгороде, но она характерна для Пскова (а Порхов находился у самой границы Псковской земли). Это весьма небольшая единица. Псковская летопись под 1476 годом, к примеру, оценивает четвертку ржи в четыре с половиной деньги. Будучи ограбленным вполне установленными по именам злоумышленниками, автор записей не имеет возможности сам расправиться с ними и пытается взыскать свои убытки законным порядком, а это также характеризует его как не очень значительного собственника.

Поездка Мосея в Новгород оказалась несчастливой. Черновики своих документов он потерял на глухом пустыре, где его, может быть, и ещё раз ограбили. Оказался на этом пустыре он не случайно: рядом находится Ильинская церковь, у попа которой, как мы прочли в завещании, хранится «деловая» грамота на вышковские земли Мосея. Как ни обидно за него, но эта поездка сделала его судьбу достоянием истории.

Часть 3

Троицкая эпопея

1973—... годы

Слева направо: *В. Л. Янин, А. С. Хорошев, Е. А. Рыбина, А. А. Зализняк*
Новгород, август 1985 г., фото *П. Гайдукова*

Конечно, постановка на первый план охранной задачи неизбежна и в перспективе долговременна. Знакомство с состоянием культурного слоя в разных районах города обнаружило повсеместную его ценность для истории. Более того, сравнение его с информационными возможностями культурных напластований других древнерусских городов позволяет утверждать, что сохранение для науки ещё не открытых археологических комплексов Новгорода — наш главный шанс исследовать в деталях русское средневековье, избавиться от многих мифов, поселившихся в нашем сознании из-за скудости тех традиционных источников, которые уцелели до нашего времени. Оценка возможностей Новгорода снабжать нас новой информацией о прошлом наилучшим образом может быть продемонстрирована подсчётом берестяных грамот, ещё лежащих в земле «до востребования» и ожидающих их открытия. Как показывают общие наблюдения над новгородским культурным слоем, в нём сохраняется не менее 20.000 исписанных берестяных свитков. И, следовательно, чтение бересты делает только первые шаги.

Логично задать такой вопрос. Ну, хорошо. В Новгороде раскопки ведутся непрерывно на протяжении более шестидесяти лет; это самая долгожительная экспедиция. В других же городах столь систематических работ археологи не вели. Но во многих из них предметы, изготовленные из органических веществ, тоже сохраняются неплохо. Берестяные грамоты найдены не только в Новгороде, но и в других городах; об этом речь впереди. Сейчас я назову только общую цифру: известно уже 60 берестяных грамот, обнаруженных в восьми древнерусских городах (правда, 26 из них найдены в новгородском городе Старая Русса). Может быть, стоит переступить через новгородский патриотизм и устремиться на более активные поиски в других городах?

Разумеется, спасать древности нужно везде, тем более что существующее законодательство предусматривает щадящий режим строительства в пределах распространения древнего культурного слоя исторических городов. Но давайте вместе вернёмся к содержательной части новгородской берестяной коллекции. Замечное большинство найденных в Новгороде текстов имеют отношение к сельским местностям Новгородской земли. Это письма

ключников и старост своим живущим в городе господам, это жалобы крестьян, это распоряжения об урожае, семенах, севе, сельскохозяйственных запасах, это различного рода списки недоимщиков, это, наконец, сообщения о конфликтах в боярских вотчинах. Таких документов столь много, что, исследуя городские усадебные комплексы, мы одновременно решаем многие проблемы, связанные с отдалёнными от Новгорода сельскими местностями.

И эта картина — говорю об этом с уверенностью — характерна именно для Новгорода и неповторима в других русских регионах. Как показывает изучение писцовых книг конца XV века, отразивших землевладельческую ситуацию Новгорода перед потерей независимости, основная масса землевладельцев жила в самом Новгороде, тогда как их вотчины могли располагаться за десятки и сотни вёрст. Особенно характерно это было для хозяйства бояр, и мы с вами уже читали немало писем, присланных в Новгород из самых отдалённых мест Новгородской земли.

Если взглянуть на карту расположения русских средневековых городов, в глаза бросится резкая разница между Новгородской и другими русскими землями. Новгород стоит посреди бескрайней сельской округи, в которой кроме него было только два города — Ладога и Руса. Такие городки, как Копорье, Ям, Порхов, Карела, по существу были не городами, а военными гарнизонами крепостей, воздвигнутых на опасных рубежах. Между тем любая другая древнерусская территория демонстрирует обилие городов, исчисляемых десятками. Эта разница находит объяснение в своеобразии политического устройства Новгорода.

Способом самоутверждения боярина в княжествах центральной и южной Руси было удаление от княжеского центра. Живя в своём городке, такой боярин ощущал себя монархом зависимого от него населения. Если он самоутверждался, осуществляя центробежную тенденцию, то новгородский боярин, напротив, был центростремителем. Периодически происходящие выборы магистратов (в XIV веке степенного посадника переизбирали ежегодно, а в XV веке каждые полгода), участие в вечевом собрании позволяло любому боярину надеяться при очередных выборах занять самое высокое место в структуре государственной власти. Переселение боярина в вотчину превращало бы его в анахорета, вырванного из привычного круга политических вожделений. Нигде, кроме Новгорода, не наблюдается столь разительного удаления землевладения от землевладельца. И, следовательно, потребность в переписке между городской усадьбой и сельской вотчиной многократно увеличена в Новгороде, коль скоро переписка оказывается главным средством организации внутрихозяйственных связей. Высокий уровень грамотности в Новгороде в значительной степени порождён этим обстоятельством.

А это значит, что именно в новгородской почве сохраняется основной массив древнерусских берестяных документов.

Я особо остановился на бересте потому, что ей посвящена эта книга. Но ведь грамоты составляют лишь часть громадного комплекса древностей, которому они сообщают бесценное качество персонификации, возможность назвать по имени тех людей, которые некогда пользовались открываемыми при раскопках предметами, нащупать их облечённые в слова связи с соседями, а рассматривая результаты раскопок по хронологической вертикали, установить преемственность усадебных комплексов или уловить момент их социального преобразования. Все это придает Новгороду особое археологическое значение и требует максимального усиления заботы о сохранности его культурного слоя.

Однако не следует кривить душой и выражать особую радость по поводу превращения экспедиции в некое подобие аварийной службы, порядок работы которой целиком определён градостроительными задачами. Полагаю, что читатель уже ощутил чувство неудовлетворённости, листая главы второй части этой книги. За двенадцать первых лет открытия берестяных грамот (1951–1962 годы) получены во много раз более значительные результаты, нежели за следующие двенадцать лет (1963–1974 годы). И дело не только в том, что в четыре раза сократился приток новых текстов. Небольшие раскопы, размер которых был заранее задан площадью строительных котлованов, не способны открыть целостной картины древней застройки. В раскоп попадают лишь фрагменты целого: половина сруба, угол усадьбы, часть дворовой вымостки. Хорошо, когда такой котлован задевает и древнюю уличную мостовую, облегчая проблему датирования, но чаще всего этого не случается. Если на Неревском раскопе древности нескольких усадеб предстали перед нами в их многообразных внутренних связях, в пересечении имён их владельцев и других жителей, сообщённых берестяными текстами, в переплетении голосов, принадлежащих к одному хору, то на небольших раскопах мы услышали как бы обрывки случайных разговоров. Лишь на Ильинском раскопе, заложенном до провозглашения приоритета охранной задачи и не ограниченном рамками будущего строительства, обсуждались вопросы персональной принадлежности раскапываемого комплекса.

Поэтому начало в 1973 году работ на Троицком раскопе составило новую эпоху в истории и экспедиции, и изучения берестяных грамот. Раскопки здесь продолжают и сегодня, когда общая исследованная площадь достигла около шести с половиной тысяч квадратных метров. Работам на Троицком раскопе посвящена вся заключительная часть этой книги. Но, коль скоро параллельно велись и охранные раскопки на местах разных строитель-

ных отводов, уместно рассказать о них здесь, чтобы не разбивать целостности «Троицкой эпопеи».

Воспоминание о неревских открытиях сделало особенно для нас притягательным Неревский конец. Еще в 1969 году студент Новгородского пединститута Э. Н. Бессонов нашёл берестяную грамоту, получившую № 463, в подгородном поселке Панковке в земле, которая была привезена для благоустройства сквера из Новгорода. Было выяснено, что эту землю привезли с Дмитриевской улицы, где у самого вала близ церкви Петра и Павла в Кожевниках в нарушение уже принятого постановления об охране культурного слоя был устроен карьер для нужд городского благоустройства.

Грамота, сохранившаяся целиком, была написана на обеих сторонах берестяного листа и по палеографическим признакам датируется XIV веком. Вот её текст: «Поклонъ от Федоря и от Коузми и от хого десятика Сидору и к Мафию. Переми посядници, кунями неси подяи, а ото в лонихъ в недоборехъ в нинишнихъ. И проси борца: о Петрови дни лонщии бориць своимъ недоборомъ, а нишнии бориць своимъ в недоборехъ плати ми ся животиною» — «Поклон от Федора и от Кузьмы и от всего десятка (?) Сидору и Матфею. Перехвати посадничьих, и деньгами вноси подати по прошлогодним недоборам и по нынешним. Да проси сборщика податей: на Петров день прошлогодний сборщик со своим недобором, а нынешний со своим пусть расплачиваются со мной по этим недоборам скотиной».

О чем говорится в этой грамоте? Прежде всего о вещах сугубо официальных, связанных с государственными доходами. «Борцы» — государственные чиновники, взывавшие подати в государственную казну, обязаны к Петрову дню собрать подати текущего года и недоимку за прошлый год. Мы уже хорошо знаем, что такие подати собирались как раз около Петрова дня. Если за прошлый год и за нынешний будет «недобор», то пусть они расплачиваются «животиною», домашним скотом. Хотя авторов письма несколько, главный выделен. Деньги нужны ему, но это требование имеет вполне официальный, законный характер, и поэтому как бы скреплено «подписями» целой группы лиц. Кто эти лица? В перечислении авторов есть очень трудное место «хого десятика», которое, вероятно, переводится как «всего десятка»: «От Федора и от Кузьмы и от всего десятка». Кто эти Федор и Кузьма и что это за десяток?

Очевидно, что подобное распоряжение может исходить только от верховной власти Новгорода, которую составляли степенные посадник и тысяцкий, а также десять сотских. В списке автор грамоты Фёдор должен соответствовать посаднику, а Кузьма — тысяцкому. Такое сочетание действующих лиц известно. На протя-

жении 1385–1421 годов посадничью степень неоднократно занимал боярин Фёдор Тимофеевич, а под 1418–1422 годами упоминается степенной тысяцкий Кузьма Терентьевич, который мог получить степень и за несколько лет до 1418 года. Некоторая архаичность палеографических признаков грамоты относительно XV века может быть легко объяснена тем, что почерк Фёдора Тимофеевича, который занимал посадничью степень уже в 1385 году, должен был сформироваться не позднее середины XIV века. А писал грамоту именно Фёдор, поскольку, несмотря на множество обозначенных в начале грамоты авторов, в дальнейшем используется местоимение «ми» — мне.

В 1974 году в Неревском конце был заложен небольшой, в 280 квадратных метров, раскоп на продолжении древней Козмодемьянской улицы. Он был назван по её имени и дал пять берестяных грамот, из которых особого внимания заслуживает № 510, извлечённая из слоёв конца XII — первой половины XIII века:

«Съ сталь бышь Коузма на Здылоу и на Домажировица. Торговала еста съломь бьз мьнь, а я за то съло пороуцнь. И розвьли есть цялядь и скотиноу и кобыль и рожь, а Домажирь побегль нь откоупивь оу Вяцьслава из долгоу. Како жь еста торговала, тако жь... истьрю мою б соть, паки жь ли послита...» — «Вот предъявил обвинение Кузьма против Здылы и Домажировича. Вы двое торговали селом без меня, а я за то село поручитель. Вы развели (по новым местам) челядь и скотину и кобыл и (разделили) рожь, а Домажир бежал, не выкупивши (имущества) у Вячеслава из долга. Как вы двое торговали, так и (возместите) мой ущерб — шестьсот (кун?), в противном случае пошлите...».

Сущность конфликта не вызывает каких-либо сомнений. Домажир купил у Вячеслава село ценой в 600 кун. Был обусловлен срок выплаты этой суммы, а до той поры поручителем за Домажира выступил Кузьма. Домажир до истечения этого срока и не уплатив денег убежал из Новгорода, а его сын продал фактически не принадлежащее ему село Здыле, который вывел из него челядь, скот и зерно в другие свои владения (а возможно, и разделив это имущество с Домажировичем). Естественно, Вячеслав должен был заявить претензии Домажиру, а за его отсутствием — его поручителю Кузьме; последний же в свою очередь обязан был удовлетворить эти претензии. Кузьма поэтому обращается в смесной суд (именно этот суд разбирал подобные дела) с требованием избавить его от платежа, возложив ответственность на действительных нарушителей законопорядка — Домажировича и Здылу.

Высокая цена села позволяет догадываться, что изложенный в грамоте конфликт близко касается весьма значительных членов новгородского общества, и это даёт нам право хотя бы предположительно отождествить их с лицами, известными летопис-

цу. Под 1224 годом в новгородской летописи упомянуты Домажир Торлинич и Здыла Савинич. Первый из них в указанном году убит в битве рушан с литовцами. Значит, в последний период своей деятельности он действительно находился вне Новгорода. Второй фигурирует в списке лиц, выдачи которых в том же 1224 году домогался у новгородцев князь Всеволод Юрьевич. Что касается Вячеслава, то в 20-е годы XIII века летопись неоднократно упоминает Вячеслава Прокшинича, который, будучи жителем Неревского конца, как мы уже знаем, строил и расписывал церковь Сорока мучеников, а в 1243 году умер монахом Хутынского монастыря. По-видимому, он же в 1224 году под именем Вячко назван вместе со Здылой в списке лиц, выдачи которых добивался князь Всеволод.

В 1976 году небольшой раскоп площадью в 360 квадратных метров был заложен на Дмитриевской улице на месте строительства театра. В слоях второй половины XIV века здесь было найдено семь берестяных грамот. Одну из них — № 538 — стоит привести как образец весьма деликатного послания: «Приказъ от попадьи к попу. Что оу тебе было, а пошло к Онании, а нинеце проносится от Кюрьяка. А нинеце понаболи о томъ» — «Наказ от попадьи попу. То, что у тебя произошло, дошло до Онании, и теперь это разносит Кюрьяк. Позаботься же теперь об этом».

Очевидно, что каким-то эпизодом поп оказался скомпрометирован, и слухи об этом покатались по его недоброжелателям. В чём дело, мы не знаем, и попадья не даёт какого-либо намека. Сама деликатность записки позволяет думать, что попадья писала её собственноручно. По-видимому, попу адресована и сильно фрагментированная грамота № 536. Это заставляет обратить внимание на то, что место раскопок находится в непосредственной близости к церкви святого Димитрия, по которой и ставшая для нас такой близкой Дмитриевская улица получила своё название. О пожаре этой церкви рассказывается под 1390 годом. В 1394 году её выстроили в камне. Но к началу XIX века в связи с перепланировкой Новгорода она была упразднена, оставив воспоминание о себе только в названии улицы.

Глава 24 «Литва встала на корелу»

В те же годы строительные отводы, конечно, возникали не только на Софийской стороне. В 1977–1978 годах экспедиция вела работы на Дубошине раскопе в Славенском конце, где было найдено шесть берестяных грамот. Все они сохранились в обрывках. На двух, обнаруженных в слоях первой половины XV века, следует задержать внимание. У грамоты № 543 отрезаны левый и правый края, осталась серединка шестистрочного текста, сохранившая в каждой строке по четыре-пять букв: «... упол... ломь... споди... гослв... жька... сенан...». Но это не бессмысленный фрагмент. Надежно реконструируется начало письма: «Осподину посаднику... челомъ... осподине...».

Не удивительно, что на усадьбе такого адресата оказалась грамота № 540: «Осподену... челомъ бьють твои христьяни дублани. Здесе за насъ ...ане твои докончалъ в Порхове воеводамъ тримя коробьями овсаними і в томъ намъ сростилъ (деся)...».

Имя адресата оторвано, но он назван «господином». Бьют ему челом крестьяне дубляне, то есть живущие в местности или селе Дубровна, Дубско, Дубрава и т. п. Какой-то человек адресата договорился с воеводами в Порхове о поставке им трёх коробей овса, в результате чего размер поставок для дублян был доведён до десяти. Это могут быть вотчинные крестьяне адресата, но сам повод обращения к господину определён экстраординарной поставкой овса воеводам — действием, подконтрольным посаднику. Воеводы могли находиться в Порхове в двух случаях — в связи с военными действиями или при строительстве крепости. Оба случая имели место в начале второй четверти XV века.

В 1428 году литовский великий князь Витовт, обидевшись на новгородцев за то, что те называли его «изменником и бражником», пошёл в поход на Новгород и первым делом приступил к осаде пограничного Порхова. Трудно удержаться и не рассказать об одном из эпизодов этой осады, описанном летописцем. Витовт отправился в поход, до зубов вооружённый новой к тому времени военной техникой — артиллерией: были с ним пушки, тюфяки и пищали. И в том числе самая большая пушка по имени «Галка», которую от утра до обеда везли на сорока конях, от обеда до полудня на других сорока конях, а до вечера ещё на третьих сорока конях. И когда рать подошла к Порхову, пушкарь «Галки» немец Миколай похвалился Витовту: «не токмо же, княже, сею пушкою стрелницу разо-

бью, но и церковь святого Николы каменую в граде раздражу». Когда Миколай после долгой подготовки выстрелил из своей пушки, то ядро разрушило до основания башню («стрельницу»), прошло через переднюю и заднюю стены Никольской церкви, раздробило зубцы на противоположной крепостной стене, ударило в витовтовы полки, убив множество людей и коней, а заодно и воеводу литовского войска, а литургия в Никольской церкви продолжалась как ни в чём не бывало. Самого же пушечного мастера разорвавшаяся «Галка» «расторгну и размета невидимо где, яко ничто же обретесе его нигде же никогда же, ни тела ни кости». Как бы то ни было, а новгородцы, заключая мир с Витовтом, вынуждены были выплатить ему 10.000 рублей и ещё за 3.000 рублей выкупить своих пленных, для чего пришлось собирать деньги со всех новгородских волостей, с десяти человек по рублю. Где уж тут сравняться побору в 10 коробей овса с дублян!

Скорее всего, этот побор связан с событием 1430 года, когда новгородцы отправили в Порхов воевод восстанавливать тамошнюю крепость и сооружать в ней «другую» стену, о чем также сообщает летопись.

В районе порховского околородья имеется несколько деревень, от имени жителей которых могла быть отправлена в Новгород грамота № 540: деревня Дуброва на речке Полонке в 18 километрах к востоку от Порхова, деревня Дубровка в Смоленском погосте в 20 километрах к северо-западу от Порхова, рядом с ней одноименная деревня в Дубровенском погосте, деревня Дубско (она же Дубровка) в 18 километрах к западу от Порхова в Михайловском на реке Узе погосте.

Между тем, деревня Дубско на Узе перед концом новгородской независимости принадлежала Никольскому монастырю из Неревского конца, тогда как все три остальные названные здесь деревни были тогда же собственностью Никольского монастыря на Лядке в ближайших окрестностях Славенского конца.

Совладельцем Дубровки в Смоленском погосте был известный политический деятель Новгорода последнего периода независимости Олферий Иванович Офоносов, посадник и потомок посадников. Степень посадника занимали его отец Иван Офоносович, дед Офонос Фёдорович, прадед Фёдор Тимофеевич, бывшие представителями славенского боярства. Одна из духовных грамот XV века связывает Ивана Офоносовича и его род с Нутной улицей, в район которой входит и территория Дубошина раскопа. Можно высказать предположение, что указанный боярский род находился в ктиторских отношениях с Никольским на Лядке монастырём, а грамота № 540 адресована кому-то из членов этого рода.

Много надежд возлагала экспедиция, закладывая в 1979 году раскоп на древней Нутной улице у её пересечения с главной

магистралью Славенского конца Славной улицей. Нутный раскоп за четыре года работы на нём достиг площади в 674 квадратных метра. Наши надежды касались возможности установить персональную принадлежность посадничьему роду Федора Тимофеевича усадеб на раскапываемом участке. И в кажущееся подтверждение правильности такого поиска уже в первый год раскопок была найдена костяная прикладная печать с надписью «Олфериева печат». Но — увы! — последующие дендрохронологические анализы выяснили, что она происходит из слоя 60-х — 70-х годов XIV века, то есть принадлежала человеку, носившему то же имя, что и посадник последних лет новгородской независимости, но жившему на сто лет раньше.

Второй раз надежда пробудилась в 1982 году, когда на усадьбе, расположенной на пересечении Нутной и Славной улиц, были открыты хорошо сохранившиеся остатки каменного терема, воздвигнутого в конце XIV века и капитально отремонтированного в середине XV века. Остро не хватало берестяных грамот с нужными для утверждения предположенной посадничьей принадлежности усадьбы именами. Но таких грамот так и не было найдено. Правда, в материалах Нутного раскопа, подарившего нам двенадцать берестяных грамот, вообще нет ни одного текста XV века. Самые поздние из них датируются 40-ми — 80-ми годами XIV века, достоверная же генеалогия известного нам славенского посадничьего рода начинается с Фёдора Тимофеевича, посадничавшего в 1385–1421 годах.

Впрочем, в пределах Нутного раскопа оказались недостаточно представительные части четырёх усадеб. Каменный терем находится на усадьбе «Г», которая практически не тронута раскопками; на этой усадьбе не найдено ни одного берестяного документа.

На трёх других усадьбах грамот указанного времени шесть. Все они любопытны, хотя и не дают основания обнаружить взаимную связь упомянутых в них лиц и их отношение к усадьбе «Г» и к каменному терему на ней.

Четыре грамоты происходят с усадьбы «А» из слоев 60-х — 80-х годов XIV века:

Грамота № 576. Азбука, оформленная в виде маленькой книжечки.

Грамота № 577. Небольшой обрывок: «...ру даи... Лавре две даи куи(с)...».

Грамота № 578: «Поклонъ от Онцифора к бабе к Маремьяне. Что еси, госпоже, тебе даль полтину, дати биричу, а грамота взять. Ажь будешь грамоту взяла, даи Онтану. Или будешь грамоту...» — «Поклон от Онцифора к своей бабушке Маремьяне. Полтину, госпожа, которую я тебе дал, нужно дать биричу, а у него взять грамоту. Если ты грамоту уже взяла, отдай ее Онтану. Если же ты грамоту не взяла...».

Грамота № 579. Целое письмо: «Поклоно от Бориса к Зеновеи і Федору. Вы, моя о господа, даіте коницка до Видомиря вереци до Мсте» — «Вы мои господа, дайте под клятвенное обязательство лошадку до Видомиря или до Мсты». Борису нужно добраться до Видомирского погоста, находящегося на берегу одноименного озера, или до реки Мсты, которая протекает неподалёку от Видомиря. Конечно, с находкой этого письма снова мелькнула мысль — не Фёдор ли посадник был одним из его адресатов. Вряд ли: на первом месте назван какой-то Зиновий, отношение которого к Фёдору неизвестно.

На той же усадьбе в чуть более ранних слоях середины XIV века найдена фрагментированная грамота № 580: «...я Улеяна опишу рукъписание синъмъ своимъ Василею, Ивану. Чть дале свекре мѣе Ми... землю мне в Здаръвее на сеи стъръне Къльменецке побе стъръне пути Деревецкѣгъ, а...» — «(Вот я раба Божья) Уляяна, пишу завещание сыновьям своим Василию и Ивану. Землю, что дал мне свѣкор мой Ми... в (деревне) Здоровье на этой стороне Коломенецкой, по обе стороны Деревецкого пути...»

Местонахождение унаследованной от свѣкра волостки Уляяны устанавливается без труда. На правом берегу реки Пола, впадающей с юга в Ильмень, находится сельцо Коломна. Река Пола была главным путем, связывающим Новгород с Селигером, и, пролегая через Деревскую землю, этот путь, естественно, назывался Деревским или Деревецким. Уже в московское время весь этот обширный район находился в составе Деревской пятины. В пяти верстах ниже Коломна, на левом берегу Пола, писцовые книги указывают деревню Здоровец, доходность которой составляла всего полторы обжи. Земля Уляяны, надо полагать, находилась на правой стороне Пола, напротив деревни Здоровец, по обе стороны Деревецкого летнего пути, шедшего вдоль Пола.

Единственная грамота 60-х — 80-х годов XIV века — № 610 была найдена на усадьбе «В», расположенной прямо против терема, на другой стороне Нутной улицы. Это снова целое письмо: «Поклонъ от Роха к осподину моему к Фефилату. Что бы еси, господине, дале месце мне на доре, и язъ быхъ, господине, себе избу поставиле. А язъ тебе, господине, цоломъ бию. Аминь. Господи, помилуй дьяка бельского» — «Поклон от Роха господину моему Фефилату. Дал бы ты мне, господин, местечко на рощисти, и я бы, господин, себе избу поставил. А я тебе, господин, челом бью. Аминь. Господи, помилуй дьяка бельского».

Рох (уменьшительное имя от Роман?) просит своего господина выделить ему на расчищенном участке землю, где он мог бы поставить избу. После традиционной формы челобития он завершил своё письмо словом «аминь», что уже само по себе изобличает его принадлежность к духовенству. Однако затем допи-

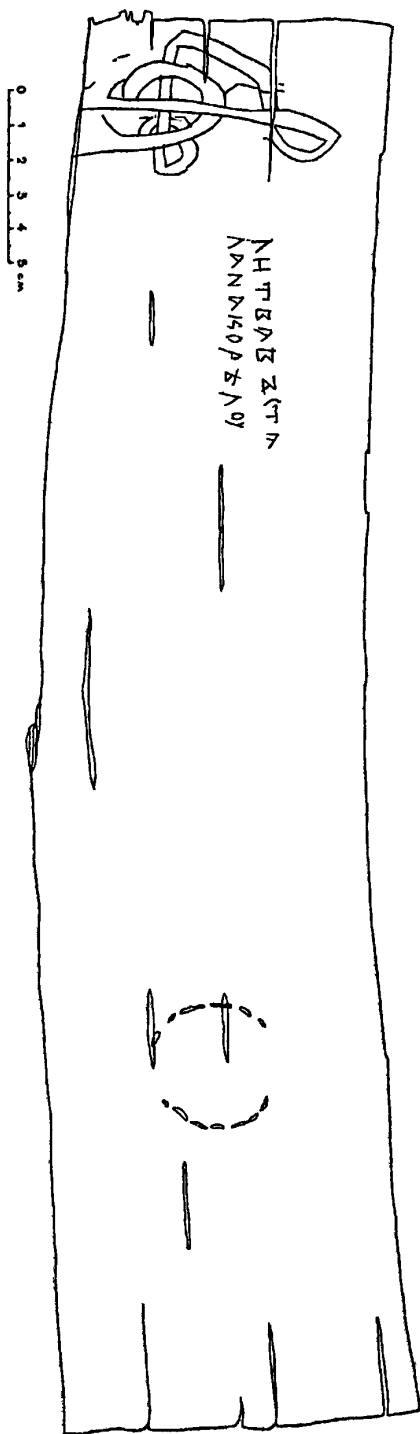
сал: «Господи, помилуй дьяка бельского», точно обозначив тем самым своё социальное состояние. Писцовые книги знают в Новгородской земле три территории, которые назывались «Бельскими». В волости Морёва существовал Бельский десяток, но в нём не было церкви и, следовательно, дьяка. Бельские погосты с церквями и дьяками имелись в Шелонской и Деревской пятинах. Повидимому, в грамоте № 610 мы должны видеть автограф дьяка из Деревской пятины, так как именно в этом погосте находилась значительная — в 44 обжи — волостка жителя Нутной улицы посадника Олферия Ивановича. Кстати, и Видомирское озеро расположено в тех же местах.

Вот таким, окольным и не очень надёжным, путём мы возвращаемся к исходному предположению о принадлежности столь некрасноречивых усадеб Нутного раскопа.

Усадьба «Б» не дала ни одного берестяного документа XIV–XV веков. Зато в слоях последней четверти XIII века их найдено три, и один из них — № 582 — при всей его лаконичности излагает острейший драматический сюжет: «Цето еси прислале дова целовека, те побегли, а кони не ведаю где поймавоши. А Тимоня меретве» — «Те два человека, что ты прислал, бежали, а коней где взяли, не знаю. А Тимоня умер». Что это? Донесение из пограничного гарнизона? Или сообщение некоего данника, столкнувшегося с сопротивлением плательщиков дани и изменой помощников?

Настоящие сенсации нас ожидали в самых ранних слоях усадьбы «А». В одной из первых глав этой книги уже рассказано о древнейшей на сегодняшний день берестяной грамоте № 591 — извлечённой из слоёв 30-х годов XI века азбуке неполного состава, которая позволила поставить вопрос о двух уровнях грамотности и о происхождении кириллицы. Теперь пришла пора рассказать о грамоте № 590, найденной на той же усадьбе «А».

Обнаруженная в 1981 году, эта грамота совершенно необычна по своему оформлению. В наших руках оказался большой лист бересты длиной больше сорока и шириной больше десяти сантиметров. Он был абсолютно пустым, и только на небольшом пространстве левого поля читалась чёткая надпись в две строки: «Литва встала на корелу». Слева, на самом краю берестяного листа, изображён знак в виде плетёнки, отдалённо напоминающий скрипичный ключ. Надпись была как бы спрятана в глубине тугого свитка. Можно было бы, постепенно развёртывая его, потерять терпение и решить, что это не послание, а просто не использованный для письма свиток. Как видите, надпись содержит важное сообщение, но не имеет адресной формулы. Это как бы агентурное донесение о некотором событии, имеющем важное значение для адресата и для Новгорода.

Грамота № 590

Поначалу, когда система стратиграфических датировок на Нутном раскопе ещё не была уточнена, грамоту № 590 датировали концом XII века и связали её с событиями 1188 года, когда конфликт, возникший у Новгорода с Швецией, привёл к походу союзных Новгороду карел на шведскую столицу Сигтуну. Об участии литовцев в этом конфликте летопись ничего не сообщала, и казалось, что наша грамота даёт ещё одну деталь событий конца XII века. Однако тщательная проверка стратиграфических обстоятельств находки позволила Петру Григорьевичу Гайдукову доказательно датировать документ второй половиной XI века с предпочтением 1065–1085 годов: так дендрохронологически определяется время бытования сруба, рядом с которым грамота № 590 была обнаружена.

Когда П. Г. Гайдуков рассказал о своем уточнении, в столь раннюю датировку верилось с трудом. Она казалась в высшей степени противоречивой, потому что в XI веке Литва далеко ещё не обрела той степени политического развития, какая могла бы поставить её в непосредственное военное столкновение с достаточно отдалённой от неё Корелой. В летописях Литва впервые упомянута под 1040 годом, когда поход на неё был предпринят Ярославом Мудрым, а затем только под 1132 годом, когда походом на неё ходил князь Мстислав Владимирович. Лишь с 90-х годов XII века становится очевидной военная активность Литвы у южных границ Новгородской земли, откуда до Карелии свыше трехсот вёрст новгородских владений. Казалось бы, первое столкновение Литвы с карелами могло произойти лишь в 1240 году, когда, как рассказывает летопись, «Немцы с Чюдью и Литва повоеваша Водь и дань на них возложиша, възградиша град в Копорьи погосте; и Тесово взяша, и по Лузе и до Сабля вси кони и скоте поймаша и гнашася за 30 верст до Новагорода, гость бьющи». Всё-таки от Водской земли и Копорья у южного берега Финского залива до Карелии не столь далеко.

Однако указанному в грамоте конфликту литовцев с карелами во второй половине XI века всё же может быть дано вполне убедительное объяснение. Известно, что в 60-х годах XI века полоцкий князь Всеслав Брючиславич дважды приходил войной в Новгород. В первый раз — в 1066 году: «Приде Всеслав и възя Новъгород, с женами и с детми; и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бяше беда в час тыи; и понекадила съима». Об этом эпизоде спустя более чем сто лет, в 1180 году, вспоминал новгородский князь Мстислав Ростиславич Храбрый, собираясь идти на полоцкого князя и аргументируя свое намерение тем, что «ходил бо беаше дед его на Новгород и взял иерусалим церковныи и сосуды служебныя, и погост един завел за Полтеск». Второе нападение состоялось в 1069 году: «осень, месяца октября в 23, на

святого Якова брата Господня, в пятници, в час 6 дни, опять приде Всеслав к Новгороду; новгородци же поставиша пълъкъ противу их, у Зверинця на Къземли; и пособи Бог Глебу князю с новгородци. О, велика бяше сеця вожняном, и паде их бечисльное число; а самого князя отпустиши Бога дея. А на заутрие обретесе крест честныи Володимирь у святей Софии Новегороде, при епископе Федоре».

Между двумя этими походами произошло немало событий. 3 марта 1067 года братья Святослав, Изяслав и Всеволод Ярославичи победили Всеслава в битве на Немиге, а 10 июля, преступив крестное целование, заключили Всеслава с двумя его сыновьями «в поруб» в Киеве. В 1068 году братья Ярославичи потерпели поражение от половцев, после чего 15 сентября киевляне выпустили Всеслава из заключения и сделали его своим князем. Всеслав княжил в Киеве до 2 мая 1069 года, когда стол вернулся к Изяславу Ярославичу, который затем «прогна Всеслава ис Полочка, и посади в сего место брата его Святополка; Всеслав же бежа».

Вернул себе Полоцк, прогнав Святополка, Всеслав Брючиславич только в 1070 году. Следовательно, попытка снова захватить Новгород осенью 1069 года была предпринята им не из Полоцка, а из изгнания. Указание летописи на потери, понесённые союзными Всеславу вождями в битве на Гзени, прямо свидетельствует, что исходным пунктом его похода 1069 года и, таким образом, местом, где он оказался после потери Полоцка, была Водская земля, территория, примыкающая к южному побережью Финского залива. Именно там (или, что более вероятно, — на пути из Водской земли к Новгороду) и могло произойти отмеченное грамотой № 590 столкновение литовцев из числа дружинников Всеслава с пограничными вождями карелами. Наличие литовцев в войске полоцкого князя более чем естественно, так как до возникновения Литвы как самостоятельного государства её территория входила в орбиту полоцкого влияния.

Полученное в Новгороде донесение информирует новгородцев о конфликте между литовцами и карелами в войске Всеслава, движущемся к Новгороду. Отнюдь не исключено, что внутренние конфликты стали одной из причин того сокрушительного поражения, которое Всеслав потерпел в битве на Гзени.

Несколько
страниц из истории
одной посадничьей семьи

Под 1189 годом новгородская летопись в самой лаконичной форме отметила очередной эпизод политической борьбы боярских группировок за обладание высшей государственной должностью: «Томь же лете отяша посадничество у Михаля и вдаша Мирошки Нездиницю». Вряд ли даже самому Мирошке виделись тогда будущие зигзаги его карьеры и предстоящая судьба его семьи.

Приход Мирошки к власти произошёл на фоне затяжной борьбы между двумя главными претендентами на пост посадника — Завидом Неревиничем и Михалкой Степаничем. Михалко жил на Прусской улице Софийской стороны. Там он ещё в 1176 году построил в честь своего небесного патрона церковь Михаила Архангела; эту церковь в 1219 году сыновья Михалки Твердислав и Фёдор вновь выстроили уже в камне, пристроив к ней придел Трёх Отроков. Завид Неревинич представлял интересы неревского боярства. Его неревская принадлежность обозначена не только отчеством, но и судьбой его отца. В 1167 году во время очередного политического столкновения, принесшего посадничество прусскому боярину Якуну, произошла кровавая расправа над посадником Захарией, Неревинком и биричом Несдой, которые были убиты. Между тем мы уже знаем о месте жительства Захарии: на Неревском раскопе были найдены грамоты, адресованные его сыну Иванке и его внуку Юрию. Не следует только думать, что бирич Несда был отцом Мирошки Нездинича: слишком велико социальное расстояние между боярином и небольшим чиновником — судебным приставом и глашатаем.

Борьба между Завидом Неревиничем и Михалкой Степаничем велась на протяжении полутора десятилетий с переменным успехом и свирепым ожесточением. Об ожесточении свидетельствует убийство в 1186 году брата Завида Гаврилы Неревинича после очередного прихода к власти Михалки. А о неустойчивости власти лучше всего расскажет маленькая хронологическая таблица посадников той поры:

1175–1176 гг.	—	Завид Неревинич
1176–1177 гг.	—	Михалко Степанич
1177–1180 гг.	—	Завид Неревинич

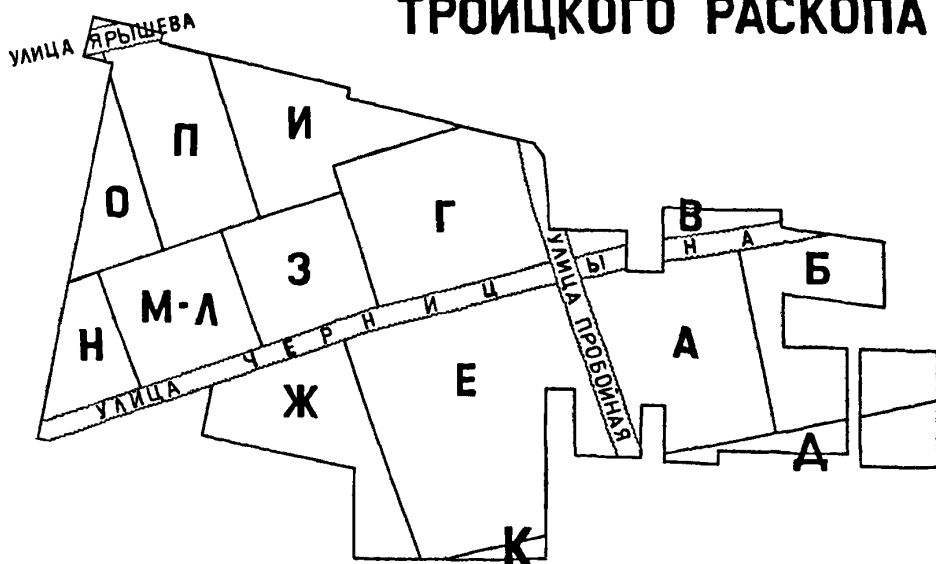
1180–1184 гг.	—	Михалко Степанич
1184–1186 гг.	—	Завид Неревинич
1186–1189 гг.	—	Михалко Степанич
1189–1204 гг.	—	Мирошка Нездинич

Если привычные претенденты вынуждены были уступать друг другу власть сначала через год, а потом через три-четыре года, то посадничество Мирошки Нездинича продолжалось полтора десятилетия и завершилось не свержением, а кончиной от болезни и почётным погребением в Юрьевом монастыре. В годы власти Мирошки произошло немало важных событий; о некоторых из них нам ещё доведётся поговорить. Сейчас же нас интересует то, что с Мирошкой связано непосредственно.

Его современником на новгородском княжеском столе был свояк Всеволода Большое Гнездо князь Ярослав Владимирович — внук Мстислава Владимировича, правнук Владимира Мономаха. Этот князь впервые был принят новгородцами в 1182 году, но уже спустя два года Всеволод отозвал его, «негодовахуть бо ему новгородьци, зане много творяху пакости и волости Новгородскеи». В 1187 году Ярослав вернулся на новгородский стол и благополучно княжил до 1195 года, когда новгородцы, воспользовавшись тем, что Всеволод, отправившийся в поход на Чернигов, оказался в Торжке, отправили к нему посольство — посадника Мирошку, Бориса Жирославича и сотского Микифора, а также неких Иванка и Фому — просить себе в князья сына Всеволода, «а Ярослава негодующе». Думается, что расчёт здесь был прост: старшему сыну Всеволода в 1195 году было всего лишь девять лет, и боярам было бы им легко руководить. Однако Всеволод задержал новгородское посольство, понудив сопровождать его в черниговском походе, и только по возвращении отпустил Фому в Новгород, а Мирошку и Иванка продолжал держать у себя. В ответ новгородцы выгнали князя Ярослава, который нашёл себе союзников в новоторжцах, послали за князем в Чернигов, но в 1197 году прогнали черниговского Ярополка и снова пригласили Ярослава Владимировича. Вместе с ним вернулся в Новгород и Мирошка, «седевша 2 лета за Новгород; и вси придоша здрави, неврежене ничимже; и ради быша вси от мала и до велика».

Отношения Мирошки и князя Всеволода были далеко не однозначны. Двухлетнее общение, хотя было вынужденным, однако породило и доверительность. В 1199 году Всеволод вывел князя Ярослава, а к себе пригласил владыку Мартирия, посадника Мирошку и «вячших мужей», среди которых был и Михалко Степанич, за отданным новгородцам в князья сыном Святославом, которому в это время было всего лишь три года. По дороге на озере Селигер умер Мартирий, а посольство во главе с Мирошкой продолжило свой путь, доставив затем малолетнего князя в Новгород.

УСАДЬБЫ ТРОИЦКОГО РАСКОПА

План усадеб, исследованных на Троицком раскопе

В 1204 году Мирошка умер, приняв монашеский чин, и был погребён в Юрьевом монастыре. Посадником же избрали Михалку Степанича. Однако уже на следующий год Всеволод, обеспокоенный набегами Литвы на Новгородскую землю, прислал в Новгород послов: «в земли вашей рать ходит, а князь ваш сын мой Святослав мал; и даю вам сына своего старейшаго Константина». Первое, что сделали новгородцы в ожидании Константина Всеволодовича, — отняли посадничество у Михалки и дали его сыну Мирошки Дмитру. Михалко же в том же году умер.

Насколько доброжелательна летопись к Мирошке, настолько взыскательна к его наследникам. Под 1207 годом она рассказывает об убийстве без вины на Ярославовом дворище по приказу Бориса Мирошкинича некоего Олексы Сбыславича, который, по-видимому, был неревским боярином, так как на другой день после его гибели «плакала святая Богородица у святого Якова в Неревском конце».

В том же 1207 году новгородцы участвуют в походе Всеволода на рязанских князей. По окончании похода Всеволод отпустил новгородцев, напутствовав их подстрекательскими словами: «кто вы добр, того любите, злых казните». Новгородцы с князем Константином вернулись в Новгород, привезя с собой скончавшегося от полученной под Пронском раны посадника Дмитра, и в развитие Всеволодова напутствия сотворили вече «на посадника Дмитра и на братью его». Главными пунктами обвинения были введённые Мирошкиничами непосильные поборы: они рас-

порядились на горожаных брать серебро, а на волости кунны, у купцов дикую виру, возить «повозы» и «иное всё зло». Вече переросло в восстание. Дворы Мирошкиничей были разграблены, а Дмитров двор сожжён, имущество взято, сёла и челядь распроданы, спрятанное добро разыскано, «а избыток розделиша по зубу, по 3 гривне по всему граду, и на щит; а что кто похватил, а того един Бог весть, и от того мнози разбогатеша».

Ожесточение восставших было настолько сильным, что они намеревались предать мертвого Дмитра вечевой казни — сбросить его тело с моста в Волхов, чему воспрепятствовал архиепископ Митрофан. Дмитра погребли в Юрьевом монастыре около отца. Когда в феврале 1208 года на княжение в Новгород снова был прислан Святослав Всеволодович, новгородцы вручили ему «доски Дмитровы, а бе на них писано бещисла» (речь, очевидно, идёт о долговых записях) и целовали крест в том, что не хотят у себя держать «детии Дмитровых, ни Володислава, ни Бориса, ни Твердислава Станиловица, ни Овьстрата Домажировица». Все эти лица были отправлены в заточение к Всеволоду Большое Гнездо.

Имеющим дело с выбором места для новых раскопок далеко не безразлично, где в городе происходили те или иные летописные события, где в нем жили участники таких событий. И рассказ о Мирошке и Дмитре приведён здесь именно в поисках ответа на вопрос о том, где жили эти посадники. Очевидно, что не на Прусской улице — там жили их соперники по политической борьбе. Очевидно, что не в Неревском конце, если расправа над неревским боярином учинена по распоряжению сына Мирошки. Коль скоро в Новгороде XII века существовали ещё только две соперничающие боярские группировки — славенская и людинская, — семью Мирошки возможно связывать с одной из них. С какой же? Ответ на этот вопрос даёт летопись. Нужно только помнить о клановом характере городского боярского землевладения, установленном многолетними раскопками в Неревском конце. Под 1191 годом новгородская летопись, перечисляя построенные тогда церкви, сообщает, что Внезд Нездинич, очевидный брат Мирошки, в то же лето «срубил» (то есть построил из дерева) церковь Святого Образа.

Церковь Образа находилась в Людином конце в ближайшем соседстве с Детинцем, против его Спасских ворот. Когда в 1582 году вокруг Детинца был сооружён ещё один пояс фортификаций — Земляной город, — эта церковь оказалась стоящей внутри Спасского Новинского бастиона, просуществовав до второй половины XVIII века. В 1820 году Земляной город был срыт; от него уцелели лишь два бастиона, в том числе и Спасский, на нём ещё во времена Екатерины II был сооружён кирпичный павильон для хранения барки, на которой императрица путешествовала по Мстинской водной системе. Война смела и павильон, и ме-

мориальное судно, а к тридцатилетию Победы было решено на Спасском бастионе установить памятник. Это означало, что окрестные участки должны быть соответствующим образом благоустроены и на долгие десятилетия станут недоступны для археологического изучения, если не поспешить с раскопками.

Приступая к ним в 1973 году, мы испытывали весьма противоречивые чувства. На Людином конце раскопок никогда не было. Ждёт ли нас здесь повторение пройденного или откроются непредвиденные особенности? Близость участка к Детинцу настраивала на мажорный лад, но некоторые местные обстоятельства заставляли думать: а не смотрим ли мы на начатые работы через розовые очки? Дело в том, что именно ближайшие к Детинцу участки, действительно бывшие местом концентрации аристократических усадеб, больше всего пострадали от градостроительной деятельности наших предков. Судите сами.

В 1582 году, как уже сказано, вокруг Детинца был возведён ещё один пояс укреплений из шести бастионов. Строил его неведомый итальянский мастер задолго до Вобана, и это был чуть ли не самый ранний случай создания бастионной фортификации. Внешний пояс этих укреплений составлял глубокий ров, земля из которого была использована на насыпку бастионов. Её было маловато, и на их подсыпку сдирали культурный слой окрестных мест. Под бастионами и на месте рва оказались ближайшие к Волхову участки прилегающих к Детинцу улиц, в том числе знаменитой своими боярскими участками Добрыни улицы. Что означает с точки зрения сохранности древностей существование двух параллельных рвов — Кремлёвского и рва Земляного города? Оно означает, что тот участок древней городской территории, который, находясь между ними, казался бы, уцелел для будущих исследований, в действительности для них непригоден: насыщавшие его некогда грунтовые воды свободно ушли в оба рва, а «органика» полностью разрушилась.

В конце XVI века в этом районе была сооружена ещё одна фортификация — береговая стена Окольного города. Вал под неё не насыпали, но земля в большом количестве потребовалась для засыпки тарасов (бревенчатых срубов) стены, для чего её брали также с окрестных мест. В 30-х годах XVII века были проведены масштабные работы по дополнительному укреплению Земляного города, причём грунт на его бастионы сносили снова с окрестных участков. И нет ничего удивительного в том, что при начале раскопок выяснилось полное отсутствие здесь напластований почти всего XV и всего XVI века. Сохраняя надежду на находки, связанные с родом Мирошки и Мирошкиничей, мы всё же трезво оценивали обстановку, полагая, что, если их усадьбы находились в этом районе Новгорода, мы в лучшем случае познакомимся с периферией их владений. От раскопа, названного Троицким по

имени ближайшей существующей церкви, до храма Святого Образа как-никак около трехсот метров.

И тем не менее первое вероятное соприкосновение с реалиями Мирошки произошло уже в 1973 году, когда в слоях последней четверти XII века на усадьбе «А» была найдена берестяная грамота № 502: «От Мирслава к Олисьеви ко Грициноу. А тоу ти вънидьте Гавько полоцанино. Прашаи его, кодь ти на господь витаеть. Ать ти видьло, како ти было я Ивана яль. Постави и пьредь людьми, како ти взмоловить» — «От Мирослава к Олисею Гречину. Тут войдѣт Гавко-полочанин. Спрашивай его, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед свидетелями (соответственно тому), как он ответит (то есть перед теми свидетелями, которых он назовет)».

Грамота связана с судебным разбирательством по делу некоего Ивана. Мирослав просит запиской Олисея Гречина, когда войдѣт Гавко-полочанин, спросить, где тот в Новгороде остановился. Повидимому, от его ответа зависит дальнейший ход следствия. Надо полагать, что эта записка была написана и передана адресату во время судебного заседания, перед вызовом Гавки на допрос.

Цитированный текст найден на усадьбе, тесно связанной с церковниками. В числе находок, собранных на этой усадьбе в слоях второй половины XII — начала XIII века, имеются обрывки парчи от церковных облачений и обломки ризы храмовой иконы. В комплексе обнаруженных здесь берестяных грамот преобладают документы церковного содержания. Поэтому в поисках адресата наибольший интерес должны представить имена духовных лиц. Впрочем, и само прозвище «Гречин» приводит к мысли о принадлежности его обладателя к духовенству.

В новгородской летописи под 1193 годом имеется рассказ о событиях, последовавших за смертью новгородского архиепископа Гавриила. Были предложены три кандидата на вакантный пост владыки — Митрофан, Мартирий и Гречин. Когда спор приобрёл остроту, решили положить на алтарь в Софийском соборе три жеребья с именами кандидатов; была совершена литургия, а присланный с веча слепец снял с алтаря по очереди именные жеребья. Избранным оказался Мартирий, чей жеребий остался на алтаре последним, что означало избрание его самим Богом. Гречин в летописи не назван по христианскому имени, но само по себе это важный факт: если бы в новгородском священстве в конце XII века было несколько Гречинов, летописец вынужден был бы быть более точным и конкретизировать своё сообщение.

Что касается принадлежности участников переписки к суду, то в рассматриваемое время, когда ещё не произошёл раздел юрисдикции между республиканскими институциями, гражданское дело могло разбираться только в совместном суде посадника и князя.

Грамота № 502

Самый характер записки, лишённой традиционной фразы о поклоне, самый характер просьбы демонстрирует иерархическое старшинство автора над адресатом. Если отождествление адресата с Гречином летописного рассказа 1193 года справедливо, то в авторе грамоты нужно предполагать лицо, носящее очень высокий сан в структуре новгородского общества конца XII в., тем более что это лицо располагает правом арестовывать подозреваемых и привлекать к допросу жителя соседнего княжества. Единственный человек того времени, который может претендовать на авторство этого документа, — знаменитый боярин Мирошка Нездинич. Его имя составители указателей к летописям обычно производят от Мирона, не выставляя при этом каких-либо аргументов. Но это имя может быть уменьшительным и от Мирослава.

Второй раз вернуться к тому же сюжету заставила находка в 1982 году на той же усадьбе «А» и в тех же слоях последней четверти XII века грамоты № 603: «От Смолигу къ Гречинови и к Мирославоу. Вы ведаета, оже я тяже не добыле. Тяжа ваша. Нынеча жена моя заплатила 20 гривнъ, оже есть посоулили Давыдъви князю» — «От Смолига к Гречину и к Мирославу. Вы знаете, что я тяжбы не выиграл. Тяжба ваша. Теперь жена моя заплатила 20 гривен, которые посулили князю Давыду».

Не вдаваясь в анализ содержания письма, который не может дать однозначного результата, отметим три важных обстоятельства. Во-первых, мы видим здесь ту же пару, что и в грамоте № 502: Гречина и Мирослава. Во-вторых, документ указывает на их прямую причастность к высокому социальному слою современников. Князь Давыд, которому они посулили двадцать гривен, — смоленский князь Давыд Ростиславич (он умер в 1198 году). В 1184–1187 годах в Новгороде княжил его сын Мстислав, который мог принимать эти посулы. В-третьих, упоминание Мирослава на втором месте, после Гречина, не должно восприниматься как противоречащее отождествлению Мирослава и Мирошки. Письмо Смолига прислано на усадьбу Гречина, который в данной ситуации может быть квалифицирован как особо доверенное лицо Мирошки, его правая рука в совместном суде. Ведь грамота снова касается судебного дела.

Еще три берестяных документа утверждают нас в правильности изложенных наблюдений. В напластованиях рубежа XII–XIII веков в 1982 году была найдена грамота № 601: «+ Посадыникоу 30 дани, а за сани по 5 коуно за довое, а третеее возяле, а за мехо и за 3 попоне 5 коуно, а боле не дае. А княгынине дани десяте гривено, а за двос сани по 5 коуно, а за мехо и за дове ппоне 5 коуно. А Станиславоу со друугомо 7 гривено, а крытеное дове коуне и гривена ...».

В грамоте фигурируют различные суммы денег, следующие посаднику и Станиславу с товарищем. Эти суммы расписаны по сметным статьям, и первой из таких статей называется «дань». Коль скоро с «данями» связаны не только посадник, но и княгиня, трудно

предположить, что речь здесь идет о податях. Источники не знают особой подати в Новгороде, которая назначалась бы княгине. Поэтому под «данями» следует понимать даяние, дар, вклад, форму материального участия или компенсации. В подобном смысле это слово неоднократно употребляется в древнерусских текстах.

Посаднику следует дани 30. Надо думать, что здесь подразумеваются гривны, фигурирующие в дальнейшем тексте как единица исчисления дани. Кроме того, ему положено по 5 кун за двое саней и 5 кун за мешок и три попоны. В рассматриваемой фразе подразумеваются ещё третьи сани, за которые денег не положено, так как владелец уже взял их. Компенсация за мешок и три попоны, по-видимому, не очень щедра, но «боле не дае», то есть больше не даёт.

Кроме этих сумм, посаднику следует княгининой «дани» 10 гривен, по 5 кун за двое саней и 5 кун за мешок и две попоны. Идентичность позиций оплаты в обоих случаях даёт возможность догадаться о личности первого участника расплаты, уплачивающего «дани» втрое больше, чем княгиня. Это скорее всего князь.

Ещё два человека являются получателями называемых в грамоте сумм: Станислав с товарищем (или слугой), которым следует 7 гривен, а кроме того «крытное» в размере 2 кун и гривны. Представляется, что понимание смысла грамоты даёт слово «крытное». Оно до сих пор не встречалось в древнерусских текстах. Однако его этимология достаточно прозрачна. «Крыти» — покрывать, но также скрывать, прятать, хоронить, поскольку «крытися» — скрываться, прятаться, хорониться. По-видимому, это слово идентично «съкрыти», среди значений которого есть не только «прятать», но и «зарыть в землю». Под «крытным», следовательно, возможно понимать «погребальное».

Итак, грамоту № 601 возможно понимать как некий реестр расходов князя и княгини на некие похороны, которые, надо полагать, по их поручению, были организованы посадником. В рассматриваемое время в Новгороде лишь однажды возникала необходимость организации похорон в княжеской среде. В 1198 году «весне преставистася у Ярослава сына 2: Изяслав бяше посажен на Луках княжити и от Литвы оплечье Новугороду, и тамо преставися; а Ростислав Новегороде; и оба положена у святого Георгия в манастыри». Михаил Константинович Каргер в 30-х годах в ходе раскопок в Георгиевском соборе Юрьева монастыря вскрыл это двойное погребение с остатками детских костяков. Изяславу было в момент смерти восемь лет, а Ростиславу — шесть.

Полагаю, что грамота № 601 написана сразу же после погребения княжичей и содержит расчёт вознаграждения организатору похорон — посаднику и могильщику Станиславу. Однако такая трактовка документа определяет и имя посадника. В 1198 году в Новгороде, как мы хорошо знаем, посадничал Мирошка Нездинич, и если эта грамота обнаружена на усадьбе Гречина, то тем самым она снова подтверждает особую роль Гречина в ближайшем окружении Мирошки.

На том же стратиграфическом уровне, но на соседней усадьбе «В» (вернее, на уличной мостовой около этой усадьбы) была в 1982 году найдена грамота № 609: «На 2 коноу безъ полоу 10 кне 8 грвнъ, на третьемъ 4, на ръжи полъ 10 коуне и 2 грвне, на санхъ 10 кнъ, на веретищ 3 нгте, на 40 локътъ 9 кнъ, на овсе полъ 1 на 10 кне, на полти пол 7 рзне, на полотне 2 коуне, наемоу 3 рзне, оу Творимира полъ грвне безъ ногат».

Как кажется, эта грамота имеет отношение к тому же сюжету, что и № 601. Нужно обратить внимание на ряд совпадающих позиций. Если в грамоте № 601 в разделе, касающемся княжеских расходов, говорилось о трех санях, то в грамоте № 609 упоминаются три коня. Если там фигурировали мешки, то здесь говорится о мешковине — «веретищах». Если там двое саней оценивались в 10 кун, то и здесь «на санехъ 10 кун». Прочие статьи расходов в грамоте № 609 касаются или оплаты труда и корма возчиков и коней, или же тканей, из которых, возможно, были изготовлены попоны грамоты № 601. Не исключено, что грамота № 609 является частью счёта, предъявлявшегося княжеской администрации в 1198 году.

И ещё одна грамота — № 600, найденная тогда же на усадьбе «В», — должна быть упомянута в контексте идентификации Мирошки Нездинича. Она оборвана и не требует немедленного истолкования по существу её содержания. Однако вот её текст: «Поклоно от... Се послали два моужа хотыняне к... про ту тяжю про реку про что то послале Негане от князя и от тебе. Симо же ти соулити много, хотыняномо тяжя велика. Оурекуваются бевры, молвяте вытоло изловили... противоу молвя, а вытоле того изловили. Отсоуливати...». Хотыняне (жители местности по реке Хотынке в бассейне Шелони) послали в Новгород двух своих мужей по поводу тяжбы из-за реки. В связи с этой тяжбой Неган посылал человека от имени князя и от твоего. Тяжба для хотынян очень важная. Поэтому они будут тебе много сулить бобровыми шкурами и каким-то «вытолом», которого, по слухам, изловили... В этой грамоте всё любопытно, но для нас сейчас особое значение имеет формула «от князя и от тебе», в которой под «тобой» понимается адресат грамоты. Но в судебном деле такая формула однозначна, коль скоро единственный светский суд того времени был совместным судом князя и посадника. Значит, адресатом этого письма был посадник. Однако в это время таким адресатом мог быть либо Мирошка, либо его сын Дмитр. Иные посадники близкого времени жили одни на Прусской улице, другие — в Неревском конце.

Все эти косвенные свидетельства ведут к одному решению. Да, по крайней мере, усадьба «А» и живший на ней Гречин были тесно связаны с Мирошкой Нездиничем, но сам Мирошка на территории, изученной Троицким раскопом, не жил. Его двор располагался, однако, неподалёку, ближе к Детинцу и к церкви Святого Образа.

Глава 26 · Предки Мирошки?

Уроки, извлечённые из берестяных грамот Неревского раскопа, дают основание утверждать, что при наличии ощути-мо значительного боярского гнезда в пределах этого гнезда нижние горизонты культурного слоя должны содержать сведения о ранних представителях того боярского рода, которому это гнездо принадлежало. Трудность поисков предков Мирошки Нездинича обусловлена двумя причинами.

Первая состоит в том, что Троицкий раскоп в силу уже изложенных выше обстоятельств коснулся лишь периферийной части городского владения Мирошки и членов его рода. Грамоты, упоминающие Мирослава, происходят не из его личной усадьбы, а из дворов его окружения. Окраинный характер исследованных Троицким раскопом усадеб наглядно проявился в ходе раскопок 1994 года, когда в предматериковом слое, датированном серединой X века, перед нами на том месте, где вскоре возникнет усадебная застройка, предстало пахотное поле, а на месте будущей Черницыной улицы — грунтовая дорога, проложенная через это поле. Значит, центральные усадьбы «Троицкого комплекса» находились за пределами раскопа, севернее его, ближе к Детинцу.

Заметим, что сумма археологических данных, собранных в Новгороде, говорит о том, что облик города он обрёл только в середине X столетия, когда повсеместно началось сооружение уличных деревянных мостовых, возникла усадебная уличная планировка, появились дренажи. До этого будущий Новгород являл собой систему изолированных друг от друга пустыми пространствами боярских хуторов, окраина одного из которых в виде пахотного поля и была выявлена в 1994 году. Импульс, давший жизнь преобразованию этой системы в город, очевиден. Для сооружения мостовых и дренажей необходимы значительные средства, и эти средства были получены походами княгини Ольги на Лугу и Мсту в 947 году, когда учреждение в этих районах погостов более чем вдвое расширило податную территорию Новгорода.

Вторая причина наших трудностей состоит в том, что мы, как будто, не находим в летописи сведений об отце Мирошки Нездинича знатном боярине Незде. Ведь попытки увидеть этого отца убитом в 1167 году бириче Несде некорректны. «Бирич» и «боярин» — две вещи несовместные.

Попытаемся найти обходный путь преодоления этих трудностей. Для этого нам необходимо познакомиться с предшественниками Мирошки на посадничестве. При этом нас будут интересовать только те посадники, которые жили в Людином конце, представляя в политической борьбе за власть его интересы.

Анализ обстоятельств политической борьбы между новгородскими боярскими группировками XII века позволяет составить некий пасьянс и выделить группы, внутри которых не было столкновений, что свидетельствует о территориальной монолитности каждой из таких групп. Летописные указания о месте жительства отдельных бояр из таких групп дают возможность привязать каждую группу к определенной территории. Интересующей нас частью результатов такого анализа оказывается такой вывод: жителями Людина конца в XII веке были посадники Иванко Павлович, Нежата Твердятич и Жирослав.

Об Иванке Павловиче летопись сообщает немного. Поздней осенью 1134 года новгородский князь Всеволод Мстиславич отправился в поход на Суздаль, желая посадить в нём князем своего брата Изяслава. Однако, дойдя до Дубны, новгородцы отказались участвовать в этом походе, отняли посадничество у боярина Петрилы и избрали посадником Иванка Павловича. Зимой поход возобновился, произошла жестокая битва на Жданове Горе, во время которой «убиша посадника новгородьскаго Иванка, мужа храбра зело, месяца геньваря въ 26, и Петрила Микульцица и много добрыхъ муж, а суждальць боле; и створше миръ, придоша опять».

Известен также так называемый «Стерженский крест» — каменный крест, обнаруженный ещё в прошлом веке на границе Новгородской земли, при впадении Волги в озеро Стерж, с вырезанной на нём надписью: «В лето 6641 [то есть 1133] месяца июля 14 день почяхъ рыти реку сю язъ Иванко Павловиць и крестъ сь поставхъ».

Под 1116 годом в летописи упоминается вероятный отец Иванка — Павел, который тогда был посадником в Ладого, где начал строительство каменной крепости.

В 1144 году посадником стал Нежата Твердятич, спустя два года утративший посадничество в пользу неревского боярина Костянтина Микульчича. В 1160 году посадником вновь стал Нежата, но уже в 1161 году он вынужден был уступить свой пост неревлянину Захарии, после убийства которого в 1167 году к власти вернулся Якун.

В 1170 году на посадничество избрали Жирослава, в том же году его сместил Иванко Захарьинич и в том же году посадничество вернулось к Жирославу. В 1172 году он опять был сменён Иванком Захарьиничем, но в 1175 году Жирослава избрали снова, однако спустя несколько месяцев свергли, теперь уже окончательно.

Для наглядности изложим сведения о посадниках из Людина конца в виде хронологической таблички:

1134–1135 гг.	—	Иванко Павлович
1144–1146 гг.	—	Нежата Твердятич
1160–1161 гг.	—	« — »
1170 г.	—	Жирослав
1170–1172 гг.	—	« — »
1175–1176 гг.	—	« — »

Не отразились ли эти имена в берестяных грамотах Троицкого раскопа?

На усадьбе «Г» в слое первой четверти XII века в 1980 году была найдена грамота № 586 с таким текстом: «Отъ Нежате вишнѣ и вина и гароусть и моукоу кожоухъ Иванъ и сковородоу». Записка перечисляет предметы, которые надо получить (или они уже получены?) от Нежаты: «От Нежаты вишен, вина, уксус и муку, Иванову шубу и сковороду».

В грамоте № 633, найденной на усадьбе «Ж» в 1985 году в слое второй четверти XII века, сохранилось только окончание письма: «... ськыроу Городкоу. А Иване вѣде». По-видимому, автор просит доставить ему какие-то вещи, необходимые как снаряжение в походе, который ведёт Иван, — в частности, секиру для Городка.

Трудно отделаться от впечатления, что и грамота № 586 касается снаряжения военного похода, в котором требуется и провизия, и медикаменты (вишня, уксус), и сковорода, и шуба. Но, если «Иване вѣде», то предводитель военного похода Иван в пределах стратиграфически обозначенного времени хорошо известен: посадник Иванко Павлович возглавлял вместе с князем Всеволодом Мстиславичем роковой для него поход на Суздаль в январе 1135 года.

Более значительной в интересующей нас связи является грамота № 736, найденная в 1992 году на усадьбе «О» в слоях 10-х — 30-х годов XII века. Этот документ впервые познакомил нас с перепиской на одном листе двух лиц. На внешней стороне коры нацарапан следующий текст:

«+ Отъ Ивана къ Дристьливоу. Аже то намъ възяле еси Павльовъ, а на Прокопье възяти. А възяле ли еси, а възми (и Завидоу же). А възяле, а присъли такоую же вѣсть семо, оли есмь саме вхоу лихвоу вѣдале» — «От Ивана к Дриствливу. Если ты взял Павловы проценты, то (нужно также) взять у Прокопьи. Если же ты (уже) взял, то возми и для Завида. Если же (и это) взял, то пришли об этом вѣсть сюда, пока я сам не отдал все проценты (по собственным долгам)».

На внутренней стороне листа нацарапан ответ Дриствлива:

«Отъ Дриствива къ Виваноу. Не възяле есмь ни векъше, ни видалъ его, толико възялъ есмь у Прокопье. Възялъ без ногате

гривну» — «От Дристива к Ивану. Я не взял ни векши и (даже) не видал его. Я взял только у Прокопьи, (а именно) взял гривну без ногаты».

Дристив (о некоторой распространенности подобного имени свидетельствуют новгородские топонимы Дристино и Дристово, зафиксированные в писцовых книгах), получив распоряжение Ивана, отвечает ему на обороте этого распоряжения. Иван требует, чтобы Дристив взял проценты («намъ») на выданную Павлом ссуду. Эти проценты он должен получить с не названного по имени должника и с Прокопия. Если это уже сделано, то надо взять проценты и для Завида (это имя, правда, читается без должной уверенности). Если и это выполнено, то необходимо сообщить обо всем Ивану, так как тот заинтересован в сборе процентов, будучи сам должен кредиту, требующему расплаты. Очевидно, что относительно перечисленных в грамоте должников Иван сам кредитором не является, а действует от имени иного лица — Павла. Заслуживает внимания предположение А. А. Зализняка о возможном тождестве автора распоряжения Ивана с Иванком Павловичем, который был посадником в 1134–1135 гг. и принадлежал к боярству Людина конца.

В ответ Дристив сообщает, что он ни одной векши у основного должника не взял и даже не видал его, а получил должок только с Прокопии.

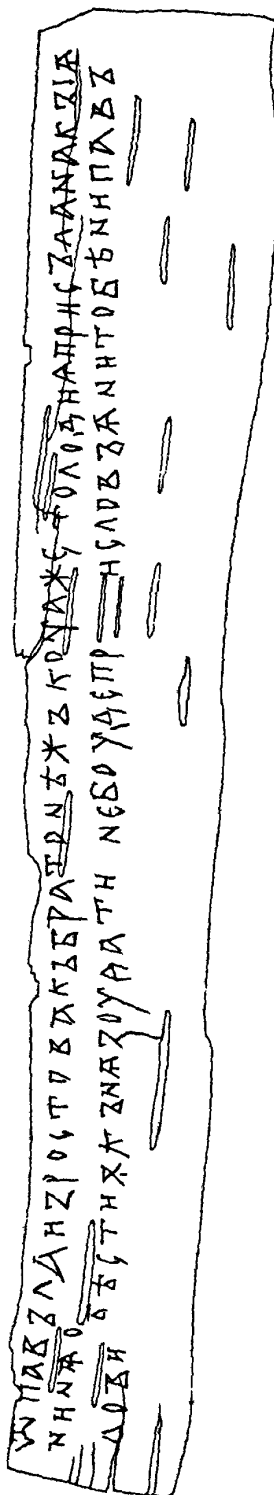
В том же 1992 году на усадьбе «П» в напластованиях конца XI — первой четверти XII века была обнаружена грамота № 745, находка которой окончательно утвердила в правильности предположения о связи всей этой группы документов именно с Иванком Павловичем. Это целиком сохранившееся письмо с таким текстом:

«От Павъла из Ростова къ Братонежькоу. Аже то лодия прислана кыянина, обести ю князюу, дати не боуде присловья ни тебе, ни Павълови».

Письмо прислано Павлом из Ростова: если бы он был уроженцем или жителем Ростова, он обозначил бы себя «ростовцем», подобно «новъгорожянину» в грамоте № 246, «полоцанину» в грамоте № 502, «сомолянину» в грамоте № 343, «углицанину» в грамоте № 69, «кыянину» в этой только что найденной грамоте № 745.

Что такое «присловье», нам уже известно из переписки карельских данников — так называли «худую славу» или «напраслину».

Павел находится в отъезде и заботится о том, чтобы за это время репутация его и его адресата не пострадала. Он просит Братонежка, если уже прислана ладья киевлянина, сообщить о ней князю, чтобы не было укора ни Братонежку, ни самому Павлу. Коль скоро автор пишет о себе в третьем лице, очевидно, что его письмо написано не собственноручно, а по его поручению другим ли-

Грамота № 745

цом. По расчёту времени князем этого документа является скорее всего Мстислав Великий — сын Владимира Мономаха. Но уже его упоминание характеризует несомненную элитарность автора письма, отождествляющую его с отцом Иванка Павловича.

Рассмотрим теперь упоминания в грамотах Троицкого раскопа второго лица посадничьего списка людинских бояр — Нежаты. Это имя уже мелькнуло в грамоте № 586: у Нежаты следовало взять кожух Ивана (то есть, по нашему предположению, — Иванка Павловича).

В слое 20-х годов XII века на усадьбе «Е» в 1985 году была найдена грамота № 644 — целиком сохранившееся письмо разгневанной женщины:

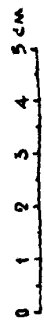
«От Нежеке ко Завиду. Чемоу не восолеси чето ти есемо водала ковати. Я дала тебе, а Нежате не дала. Али чимо есемо виновата, а восоли отроко. А водале ми еси хамече. А чи за то не даси, а восоли ми весть. А не сестра я вамо, оже тако делаете, не исправить ми ничето же. А во три колотоке вокуе то ти 4 золотнике во кольцо тию» — «От Нежки к Завиду. Почему ты не присылаешь то, что я тебе дала выковать? Я (ведь) дала тебе, а не Нежате. Если я что-нибудь должна, то посылай отрока [то есть судебного исполнителя]. Ты дал мне полотнишко; если поэтому не отдаёшь [то, что я дала выковать], то извести меня. А [тогда] я вам не сестра, если вы так поступаете, не исполняете для меня ничего! Так вкуй же [отданный тебе металл] в три колтка; его четыре золотника в тех двух кольцах».

Письмо завершается напоминанием о сущности заказа: в три колтка нужно «вковать» четыре золотника отданного Завиду металла в виде двух колец. Колт или колток — височное украшение в форме поллой ампулы, которая заполнялась благовониями и украшалась изображениями и орнаментами. Золотник — мера веса, равная примерно 4,25 грамма. Таким образом, три колтка весят около 17 граммов, а каждое кольцо — около 8,5 грамма. Вероятно, речь идет об изготовлении золотых украшений, коль скоро Нежка даёт столь скрупулезное указание. Колтки были украшениями парными; по-видимому, три колтка надо было сделать по посланному Завиду образцу.

Но это не значит, что братья Нежки Завид и Нежата — ювелиры. Скорее всего, братья были владельцами усадьбы, принявшими поручение своей сестры для исполнения их вотчинными ремесленниками. Более того, имеется основание видеть в Братонежке грамоты № 745 брата Нежки и Нежаты, — может быть, того же Завида.

Разгневанная Нежка нацарапала свои претензии и угрозы не писалом, а подвернувшейся под руку булавкой. Наверное, сочиняя письмо, она мысленно колола этой булавкой своих необязательных братьев!

И ТѢ ЖЕ КЕ КО ЗА ВЪН А Х У Е М О У Н Е Б О С О Л Е Ш И У Ф Т О Т Т Е С Е Н У С О А М И Т
 К О В А Т И . Ж А А Н Т О Б З А Н С Ж А Т Е Н Е А Л А . А Л И Ч И М О С Е М О В И Н О В А
 Т А А В О С О Л И О Т Р О К О . А В О А А К Е М И Е С И Х А М Е У Р . А У Н З А Т О Н Е А Л Г И . А
 В О И Н М И Е Л Т Ъ . А Н С Е С Т Р А А В Д М О Ж Е Т А К С А С Л А Р Е Т Е Н Е И С П Р А В И
 Т Ъ М У Н И У Е Т А Ж Е . А В О Т Р Р А К О Л О Т О К С В С И К У Е Т О Т И . А . З О Л О Т Ъ Н И К С В О
 К О Л Б Ч И . Т И Ю .

Грамота № 644

В 1992 году на усадьбе «К» в напластованиях первой трети XII века была найдена в обрывке грамота № 742, упоминающая Нежату:

«...ена къ Борисови. Вьда... ..ны и гривнюу Нежате ...сълеть къ мъне».

А ещё в 1985 году на усадьбе «Е» это имя промелькнуло в сильно фрагментированной грамоте № 635, найденной в слоях второй четверти XII века.

Нельзя обойти вниманием и происходящую из напластований середины XII века грамоту № 672, найденную в 1986 году на усадьбе «И», — последний лист двухлистового или многолистового письма:

«и Оркадь вьльли бь себь жьнитися. Нь вода(и безъ н)ьго. А Повьжьи оу Твердятъ чьто ся яло коуно» — «...и Аркадий велели без них устраивать свадьбу. Но ты не выдавай без него. А что жене Поведа досталось из денег, то у Твердыты».

Можно высказать предположение и о личности Аркадия. Так звали известного новгородского иерарха, который впервые упоминается в акте 1134 года как первый игумен Пантелеймонова монастыря, а затем — в «Вопрошаниях Кирика» к епископу Нифонту. В 1153 году он основал Успенский Аркаж монастырь в ближайших окрестностях Людина конца, а с 1156 года до смерти в 1163 году был новгородским епископом. Желание не устраивать чью-то свадьбу без столь авторитетного участника торжества снова характеризует несомненную элитарность того круга людей, из которого вышел этот документ. К сожалению, упомянутый в том же тексте Твердыта не может быть отцом Нежаты Твердытича: грамота моложе возможного времени его деятельности.

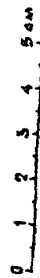
Наконец, в двух грамотах фигурирует Жирослав.

Одна из них — № 657 — найдена в 1985 году на усадьбе «Г» в слоях второй половины XII века и содержит такой текст:

«+ Покляняние от Пелаге ка Афимие. Съ святее дья Варьвре вьверице твое вь городь от Домацка, а оу Жирослава соуть. А потоснися вь городь. А святые Варьварь тьлиця сторова ли» — «Поклон от Пелаги Офимье. Вот деньги твои от Домачка, (предназначенные) для (монастыря) святой Варвары, в городе; а лежат у Жирослава. Поспеши же в город. А тёлка святой Варвары здорова ли?».

Очевидно, что в деревне, где находится Офимья, ей поручены заботы о принадлежащей монастырю тёлке. Надо полагать, что перед нами письмо одной монахини, адресованное другой монахине. По-видимому, Офимья оставила полученное ею письмо у Жирослава, предъявив его как рекомендацию получить у него свои деньги.

П О К Л А
 Г А Д А В А
 А О М А Ч И
 В З Г О Р О
 В А Л И
 А Н Н Г Ф П Е Л А
 А Н Г В Р Г В Б В Е
 А О У Х Н Г Р О С Л А
 А С Т Ф Б В А Р З В А
 А Г Е К А Д Ф А
 Ч Е Т В О Е В О У Т - Б
 Ц Е П В О Е В А П О Т
 Л А Г О Р О А , Д Ф
 С Т Е
 Т С Н Н С А
 А С Т О Р О

Грамота № 657

Другая грамота — обрывок, получивший № 573, — была найдена в 1979 году на усадьбе «Е-1» в напластованиях 60-х—70-х годов XII века. Сохранились части двух нижних строк этого документа: в последней строке читаются два очень важных слова:

«... Имвьэложе Жирьсла...».

Кроме Жирослава грамота упоминает погост, находившийся под особым контролем новгородской администрации, как это следует из формулы более поздних докончаний (договоров) Новгорода с князьями: «А на Имоволозьском погосте куны ти [великому князю] имати и на Важаньском».

Напомню также, что в 1195 году, когда Мирошка был отправлен к Всеволоду Юрьевичу, пленившему его на два года, его сопровождал Борис Жирославич.

Так на усадьбах Троицкого раскопа в XII веке проявились все три интересующих нас посадничьих имени людинских бояр. Разумеется, никто из них не жил в пределах раскопанного участка. Грамоты с их именами осели в разных дворах периферии боярского клана и находятся по отношению к их собственным усадьбам в той же позиции, что и грамоты, сохранившие имя Мирослава и некоторые сведения о его посадничьей деятельности. Но они органичны именно здешней патронимии, фиксируя принадлежность и Павла, и Иванка Павловича, и Нежаты Твердятича, и Жирослава, и Мирошки Нездинича, и Дмитра Мирошкинича к одному боярскому роду.

Жаль, конечно, что боярина Несды в троицких грамотах так и не удалось отыскать.

Познакомимся с топографической ситуацией Троицкого раскопа, как она видна сегодня, на двадцать пятом году раскопок. Подобно тому, как Неревский раскоп оседлал Великую улицу — главную магистраль конца, ведущую из Детинца вдоль Волхова на север, Троицкий раскоп включил в свои границы главную магистраль Людина конца — Пробойную улицу, которую в древности именовали также «Русским путем» (он вёл к Русе — нынешней Старой Руссе). Эта улица выходила из Спасских ворот Детинца и направлялась на юг вдоль берега Волхова. Великая и Пробойная улицы в совокупности образовывали градостроительную ось Софийской стороны. Эту ось пересекали многочисленные улицы, идущие от берега «в гору». В пределах Троицкого раскопа Пробойную пересекали Черницына и Ярышева улицы, однако перекрёсток с ней Ярышевой оказался вне раскопа. Черницына получила своё название от Варварина девичьего монастыря, упоминаемого в летописи с 30-х годов XII века, просуществовавшего до второй половины XVIII века и расположенного примерно в 450 метрах от начатых в 1973 году раскопок.

Усадьба «А» находилась на перекрёстке Пробойной и Черницыной улиц: с севера она была ограничена Черницыной, а с запада Пробойной, имея площадь около 700 квадратных метров. Сам по себе её размер может служить неким социальным индикатором: вспомним, что боярские усадьбы Неревского конца превосходили эту усадьбу вдвое, а то и больше. И всё же исследование усадьбы «А», начатое в 1973 году, завершилось только в 1982 году. Это не значит, однако, что раскопки заняли десять лет. В 1977 году, когда была вскрыта примерно половина (около 450 квадратных метров) усадьбы, работы по её изучению пришлось остановить, казалось, навсегда, потому что другая половина находилась под проезжей, активно эксплуатируемой Пролетарской (Троицкой) улицей. К этому времени главные открытия на усадьбе «А» стали широко известны, сдана в печать книга об Олисее Гречине и его усадьбе, и в результате Новгородский горисполком принял в 1981 году беспрецедентное решение о временном закрытии движения по Пролетарской улице и отводе под раскопки необходимого для полного исследования усадьбы «А» её недокопанного участка. В течение трёх полевых сезонов (1981–1983) работы здесь были начаты и завершены.

Разрез мостовых Черницыной улицы

Основой хронологической шкалы древностей Троицкого раскопа стала многоярусная мостовая Черницыной улицы. Эту улицу за время её существования перестилали 28 раз, сохраняя под новыми настилами остатки предшествующих уличных конструкций. Для нас специальный интерес представляют напластования пятнадцатого, четырнадцатого и особенно тринадцатого ярусов. Дендрохронологическое изучение всех деревянных сооружений в пределах усадьбы «А» обнаружило, что дома пятнадцатого яруса на ней воздвигались в 1151 году, мостовая Черницыной улицы была настлана в 1155 году, но в начале 70-х годов после местного пожара, не отражённого в летописях, дома и мостовую пришлось соорудить заново. 1172 годом датируется начало существования четырнадцатого яруса построек, уничтоженных мощным пожаром 1194 года. Об этом пожаре имеется летописное сообще-

ние, согласно которому он уничтожил на большом пространстве весь окружающий район. В частности, тогда сгорели церковь Троицы на Рядятине улице, церковь Василия Парийского, непосредственно примыкавшая к раскапываемому участку, и церковь Воздвижения, которая стояла на Пробойной улице южнее Троицкого храма. Восстановление застройки сгоревшего участка началось сразу же после пожара, и сооружения тринадцатого яруса, в том числе и новая мостовая Черницыной улицы, датируются 1196 годом. Этот новый ярус просуществовал тринадцать лет. В 1209 году в Новгороде «бысть пожар велик: загореся на Рядятине улице и съгоре дворов 4000 и 300 и церквии 15». Разрушительная стихия огня была на этот раз настолько мощной, что застройка пожараща на участке раскопок началась только в 1213 году, когда был сооружён и новый, двенадцатый ярус мостовой.

Приведённые здесь подробные хронологические сведения очень важны потому, что в чётко фиксированном промежутке от 1151 до 1209 года усадьба «А» временно приобрела совершенно специфический характер, будучи связана в этот период с местопребыванием на ней церковников. Присутствие здесь священнослужителей постоянно проявлялось самим составом находок, в числе которых встретились обрывки священнических облачений, обломок хороса — храмового паникадила, золотые украшения риз, священнический золотой перстень с массивной янтарной вставкой, щиток которой украшен рисунком креста, множество нательных крестов. Любопытным оказалось наличие на этой усадьбе заметного числа культовых предметов, связанных не с христианской религией, а с языческими верованиями, — амулетов, неолитических «громовых стрел», змеевиков (памятников двоеверия — медальонов с изображением на одной стороне христианского, а на другой языческого символа). Надо полагать, что подобные обереги отбирались священниками у прихожан, поскольку церковь предписывала самую активную борьбу с пережитками прежних верований.

Однако наиболее важные материалы, характеризующие церковную принадлежность усадьбы «А», дал комплекс найденных на ней в слоях тринадцатого–пятнадцатого ярусов берестяных грамот. Из 34 обнаруженных здесь документов 19 содержат в своих текстах только имена, во всех случаях канонические православные, а не мирские, отсутствующие в святцах. В качестве примера можно привести грамоту № 544 с таким текстом: «Павла, Климента, Спиридона, Олексу». Трудно отделаться от мысли, что перед нами церковное поминание, хотя странным кажется такое обстоятельство: Павел и Климент праздновались в один день (10 сентября), равно как Спиридон и Алексей (28 сентября). Впрочем, возможно, названных здесь лиц следовало помянуть в дни их тезо-

именитства, соответственно — 10 и 28 сентября? Подобные вопросы возникали и при рассмотрении других подобных текстов.

Изучая церковные древности усадьбы в связи с данными её хронологии и стратиграфии, можно сделать вывод, что часть большого боярского комплекса — усадьба «А» — была предоставлена священникам в 1151 году. Поскольку именно в этом году рядом с усадьбой «А» была основана церковь Василия Парийского, само водворение клириков на исследуемом участке, скорее всего, связано с появлением нового храма. Церковь Василия была построена боярами на их собственной земле, и предоставление здесь же жилого участка церковному причту является делом вполне естественным. В 1209 году, когда во всём окрестном районе выгорели не только жилые кварталы, но и все без исключения церкви, восстановление которых началось спустя годы после пожара, церковники переходят в другой район города, а усадьба «А» с этого момента теряет свой специфический характер.

Однако пока усадьбой «А» располагали священнослужители, на ней сложился ещё один, более всего интересный для нас сейчас комплекс. Ещё в 50-х годах XII века здесь был построен громадный по масштабам Новгорода дом, состоящий из двух соединённых сенями срубов, площадь которого достигала примерно 100 квадратных метров. Дом перестраивался после пожара 70-х годов и сгорел в 1194 году, на его месте был сооружён другой, несколько меньшего размера.

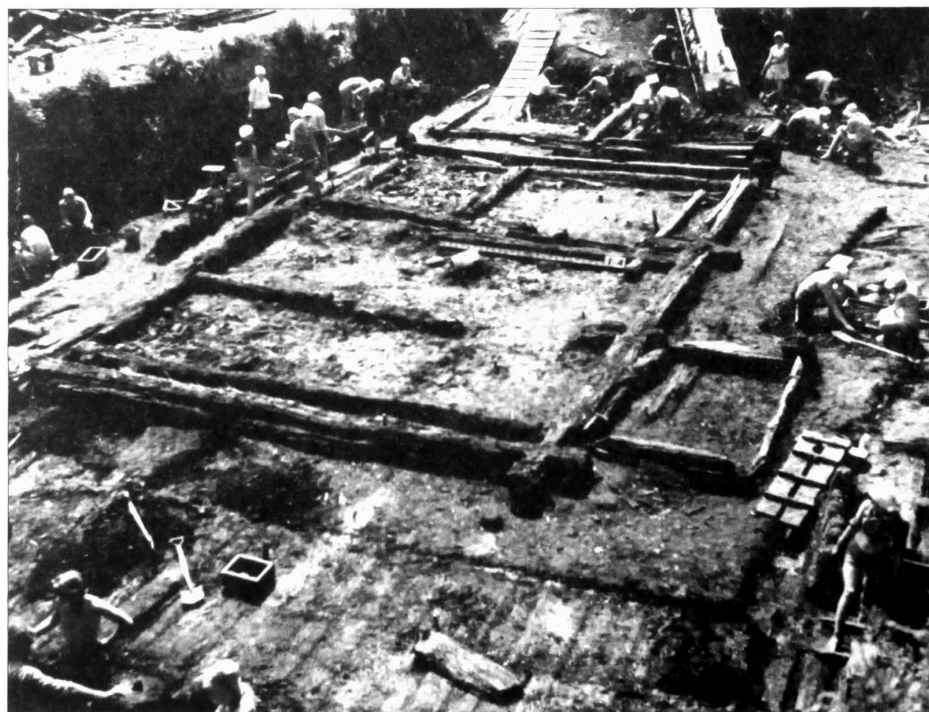
Анализ встреченных в развалах этих двух домов находок установил, что первоначально большой сруб наиболее древней постройки использовался как мастерская чеканщика, изготавливавшего бронзовые бубенчики, все стадии производства которых представлены в материалах раскопок; найдены и разнообразные инструменты этого мастера. В конце существования четырнадцатого яруса, то есть около рубежа 80-х и 90-х годов XII века, на месте этого ремесленного комплекса возникает мастерская живописца, которая затем, после пожара 1194 года, существует в построенном на месте сгоревшего новом доме. Мастерская просуществовала до 1209 года, иными словами — функционировала примерно двадцать лет.

Комплекс мастерской складывается более чем из тридцати специфических категорий археологических остатков деятельности живописца. Из них прежде всего следует назвать пятнадцать дощечек — заготовок для небольших икон высотой от 8 до 20 сантиметров. Одни из этих дощечек прямоугольны, другие имеют полукруглый верх с плечиками, но все снабжены на лицевой стороне ковчегом, а на некоторых сохранились следы окраски, нанесённой прямо на дерево без левкаса. Подобная заготовка с процарапанными указаниями, что на ней написать, была, если по-

мните, найдена на Ильинском раскопе; только на троицких, к сожалению, подобных надписей не оказалось.

Здесь же собраны многочисленные образцы готовых красок и главным образом различных минеральных пигментов, которые были всесторонне анализированы на предмет их идентификации крупнейшим специалистом в области технологии живописи Юрием Израелевичем Гренбергом. В числе находок оказались привозные минералы: аурипигмент, дававший пигмент нескольких оттенков от оранжевого до лимонно-жёлтого; реальгар, использовавшийся для получения пигментов с оранжево-красными оттенками; глауконит — основа «празелени»; гематит, дававший краски красного оттенка; вивианит, необходимый для получения синих красок; пигмент охра — хранился в специальной пристройке к мастерской на изоляционной подстилке из бересты — здесь его было собрано около десяти вёдер.

Весьма выразительной частью комплекса является собранная в развале мастерской коллекция тиглей, тиглей-лячек и разнообразных стеклянных сосудов (всего свыше шестидесяти находок), необходимых для термического приготовления искусст-

Остатки мастерской Олисея Гречина

венных красок (прежде всего киновари) и лаков. Собрано также значительное число свинцовых пластин и стержней, а также бронзовых пластин. Первые необходимы были для изготовления белил, используемых и как краска, и как основа получения сурика; вторые, несомненно, использовались для получения зелёной краски «яри-медянки». Впервые в Новгороде обнаружены специальные керамические чашечки и другие сосуды, покрытые глухой поливой (их собрано не менее двенадцати), которые служили для разведения в них краски.

В очень большом количестве на усадьбе «А» был собран янтарь в мелких кусках (учтено около 1200 кусков). В нескольких случаях янтарь обнаружен в виде спекшихся масс, прикипевших к обломкам керамических сосудов, в одном случае — в виде такой же спекшейся массы, обёрнутой в промасленную ткань. Назначение янтаря, принимая во внимание весь комплекс, в составе которого он обнаружен, очевидно. Янтарь — обязательный компонент смолистых добавок к олифе, которой закреплялась живопись.

Вот как описывает процесс приготовления олифы рукопись XVII века из новгородского Софийского собора: «На ведро (масла) гревенки четыре ентаря истолочи и просей ситом мелочь прочь, а крупень клади в сковородку и облей маслом, только б обняло, да варити много; как попенится, беречь от загару. И как розведеши, и влей в масло, а масло бы ся отстояло в тепле ночи две. Слити сверху чистенько, да влити в железный сосуд, и поставити на топчан, да клади огонь, дровца березовые, чтобы не было копоти, да вари, чтоб не добре жарко, как бы ся не загорело. Дым пойдет из судна, то жарко. И как учнет приспевати, и ты кани на топор загуститись, смотри, сколь тебе густо надобе. А от загара на доску войлок прибай, да тем заметывай».

Если янтарь требовался для приготовления олифы, главной составляющей частью которой было привозное растительное масло, следовало бы ожидать многочисленных находок в том же комплексе осколков главной керамической тары для транспортировки южного масла — так называемых амфор южного типа. Действительно, на усадьбе «А» в рассматриваемых пластах собрано около 150 амфорных фрагментов, тогда как за всё время предшествующих раскопок в Новгороде их в общей сложности обнаружено около 700. Среди амфор Троицкого раскопа преобладают крымские (из Херсонеса), но имеются также образцы керамики, изготовленной на островах Эгейского архипелага.

В трёх найденных на усадьбе «А» тиглях-лялячках, технологически приспособленных для термической обработки веществ герметическим способом, обнаружены остатки металлической ртути. Учитывая находку в том же комплексе серы, нетрудно догадаться, что мы имеем дело со следами искусственного пригото-

ления киновари, присутствие которой выявлено на двух заготовках для иконок. Теофил так описывает производство киновари: «Если ты хочешь приготовить киноварь, возьми серы, которая имеется в трёх видах: белая, чёрная и шафранно-жёлтая; разотри шафранно-жёлтую серу на сухом камне и прибавь к ней две части ртути по весу, взвесив всё на весах. Когда всё будет хорошо растёрто, положи смесь в стеклянный сосуд, плотно закрой отверстие, чтобы не улетучивался дым, обмажь сосуд со всех сторон глиной и поставь на огонь высохнуть. Подвинь его на горящие угли и, когда он нагреется, ты услышишь внутри шум — это соединяется ртуть с горячей серой. Когда звук прекратится, сними сосуд с огня, открой его и вынь краску».

Добавлю, что среди находок на усадьбе «А» имеются чашки весов типа аптекарских, разновесы. Кроме того, здесь расчищены развалы мощных производственных печей и снабжённый отверстиями противень — жаровня, без которой нельзя было бы обойтись при приготовлении красок и лаков.

Не прекратилось, но целесообразно изменилось в период существования иконописной мастерской и ремесло по обработке бронзы. Оно было переключено на производство металлических окладов для икон. В слоях тринадцатого яруса найдены обломки трёх иконных окладов, выполненных виртуозной чеканкой на тонком бронзовом листе. Один почти целый оклад небольшой иконки сохранил надпись АГИОСЪ НИКОЛАО, соответствующую изображению святого Николая. Другой — фрагмент нимба с чеканным рисунком пересекающихся кругов, которые образуют внутри каждого круга ромб со сферой в центре. Третий происходит от ризы большой храмовой иконы; сохранились два клейма с изображением розетки и стилизованных пальмовых листьев.

В числе других находок следует назвать обрывки золотой, серебряной и бронзовой фольги, использовавшейся для разных работ по золочению, серебрению и бронзированию фонов.

Разумеется, открытие этой мастерской ставит вопрос о том, кому она принадлежала, кто был художником, жившим на исследованной усадьбе. Уже хорошо зная, что в интересующее нас время в эту усадьбу были адресованы письма на имя Гречина, можно этот вопрос сформулировать точнее: был ли таким художником важный священнослужитель, член совместного суда, претендент на сан архиепископа Олисей Гречин или же он был лишь владельцем усадьбы и мастерской, в которой трудились совсем другие люди.

Ответа на этот вопрос пришлось ждать вплоть до 1977 года, когда археологическая удача пополнила коллекцию берестяных грамот усадьбы «А» тремя документами из слоёв рубежа XII–XIII веков.

Первый из них — грамота № 546 — представляет собой длинную берестяную ленту с процарапанной на ней надписью, которая состоит из одного только имени. Подобные берестяные ленты встречались и при раскопках прежних лет, они служили как бы ярлыком, обозначавшим принадлежность или назначение вещи, которую посылали кому-либо в мешке, коробе или иной упаковке. Это, по существу, адрес, по которому такая вещь должна быть доставлена её получателю. И поскольку на грамоте № 546 обозначено имя «Грицьнъ», она в сочетании с грамотами № 502 и 603 определяет действительного владельца усадьбы «А» в рассматриваемое время. Однако, как это очевидно, грамота № 546 отнюдь не уполномочивает предполагать, что именно Олисей Гречин и был художником. Художник мог работать на усадьбе священника Гречина.

И тем не менее художник и Олисей Гречин оказались одним и тем же лицом, что стало несомненным после обнаружения в слоях тринадцатого яруса берестяной грамоты № 549 со следующим текстом:

«Покланяние от попа къ Гръциноу. Напиши ми шестокрїленая ангела 2 на довоу икоунокоу на верьхо деисусоу. И цьлоую тя. А Богъ за мездою или ладивься» — «Поклон от попа Гречину. Напиши для меня двух шестикрылых ангелов на двух иконках, (чтобы поставить) на верх деисуса. Приветствую тебя. А относительно платы — порукой Бог или же договоримся».

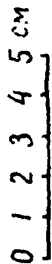
По заказу попа именно Гречин должен изобразить серафимов на двух иконах, предназначенных для их размещения над деисусной композицией, то есть над собранными из нескольких иконных досок изображениями Христа и стоящих по его сторонам Богоматери и Иоанна Предтечи. Исторически важно то, что речь здесь идёт, несомненно, об иконостасе, о той его ранней форме, которая складывалась из деисусной композиции, помещавшейся над царскими вратами алтарной преграды, иными словами — о заказе на храмовые, а не на домовые иконы.

Грамота № 558 содержит такой текст: «От попа от Минь ко Гръциноу. А боуди семо ко Петровоу дени съ икоунами семо» — «От попа Мины к Гречину. Будь здесь к Петрову дню с иконами».

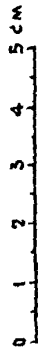
Таким образом, приведённые тексты фокусируют все изложенные выше сведения на одном лице: Олисей Гречин был не только владельцем усадьбы «А», священником, членом совместного суда, претендентом на пост архиепископа, но и художником-иконописцем, выполнявшим заказы на изготовление храмовых икон. В этой связи безусловный для нас интерес представляет ещё один, на этот раз летописный текст, относящийся к тем же 90-м годам XII века.

Под 1196 годом в новгородской летописи содержится следующее сообщение: «Томь же лете испьса ц(е)рковь на воротех ар-

ПОК ДА НА ННЕР ПОПА ИЗ ГЪ ЧННУ. ~~НН~~ НН ПН ШНМН. ШЕСТОКРП
 ХЕН ДА НА ТЛА : В: НА ДО БОУ ~~НН~~ НН КОУ ДО К ~~НН~~ ДО НН ДАНБСА
 НА ВЕ РЪХ ОДЕ АСХСОУ Н ЦА АУИ ИТА АБЪЗД ~~НН~~ МНЗ

П. П. Д. П. Д. М. Н. В. С. О. С. Р. Ч. Н. П. А. У. Б. У. Д. Н. С. Е. М. О. К. О. П. Е. Т. П. О. В. К. А. С. Е.
 Н. Н. С. И. С. У. Н. М. Н. С. Е. М. О.

Грамоты № 549 и 558

хепискуп Мартурии святыя Богородица, а писець Грьцин Петровиць». Имеется в виду церковь Положения пояса на Пречистенских воротах Детинца, которую заложили и окончили в предшествующем 1195 году (она вместе с башней рухнула и была разобрана до фундамента в 1745 году). До находки грамот № 549 и 558 никому не могло бы прийти в голову отождествить участника владычной жеребьёвки 1193 года Гречина и художника 1196 года Гречина Петровича. Очевидно, что теперь такое отождествление неизбежно, коль скоро Олисей Гречин берестяных грамот оказался одновременно и авторитетным духовным лицом высокого социального ранга, и художником-иконописцем.

Замечу, что за всю историю летописания новгородские летописи сохранили имена только трёх художников: Гречина Петровича под 1196 годом, Исаяи Гречина под 1348 годом и Феофана Грека под 1378 годом. Если в основе этой избирательности лежат талант и слава, а не слепая случайность, надо надеяться, что Олисей Петрович Гречин принадлежал к числу прославленных мастеров.

Вернёмся, однако, к берестяным грамотам усадьбы «А». Зная теперь, что Олисей Гречин был не только священником, но и художником, мы получаем возможность истолковать текст, написанный на одной из сторон найденной в 1977 году берестяной грамоты № 553. Писчим материалом для этой записи послужил не специально приготовленный лист берёзовой коры, а обрезанная по краям отслужившая свой срок крышка туеса или берестяной поплавок. Одна из сторон этого кружка занята обычным «поминанием», надпись же на обороте расположена весьма своеобразно:

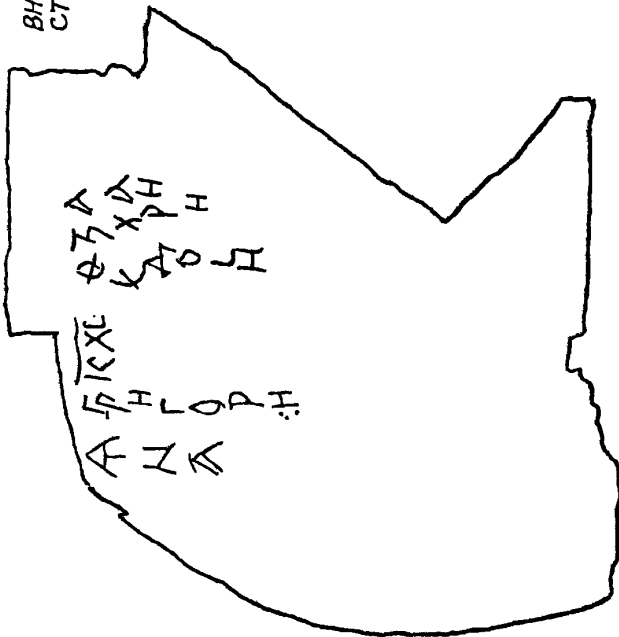
Я	Гр	Ис	Хс	Ф	За
н	и			е	ха
а	г			д	ри
	о			о	и
	р			с	
	и			и	

Если бы в центре этой надписи не стояло титулов Христа, её можно было бы трактовать как ещё одно «церковное поминание», манерно, колонками, «по-иконописному» процарапанное. Однако присутствие указанных титулов позволяет понять надпись однозначно.

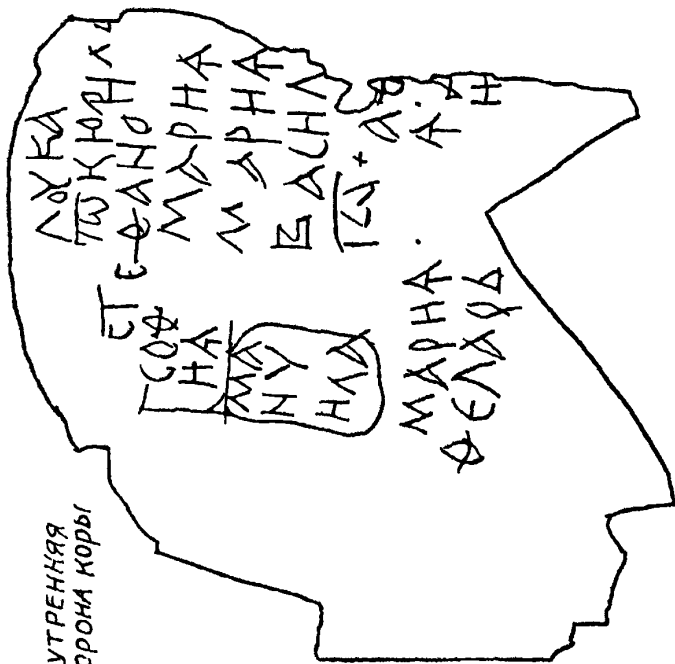
Это запись иконной композиции, в центре которой должно быть изображение Христа, а по сторонам его — Анны, Григория, Феодосии и Захарии.

Впрочем, почему я всё время говорю о «поминаниях»? Ведь вопрос о загадочных списках имен — или, по крайней мере, о части таких списков — решился иначе после находки грамоты № 506, которая заставила обратить внимание на то, что в этих

ВНЕШНЯЯ
СТОРОНА
КОРЫ

ВНУТРЕННЯЯ
СТОРОНА
КОРЫ

Грамота № 553

ГРДТБНРНННА.МАРДЮУ.МАРДЮУ.ТКААНА.Ф.ОКРОННА.
 РОМАН.АМ.Д.Ф.Ф.У.

0 1 2 3 4 5 см

ЖНТНТРНДХРДСТННВКАДРО.ГОНЕСАНАМАРН.АНАТРЕТНЕНЕСАНА
 АЧ.Е.И.В.В.Р.Т.Д.И.С.В.М.Б.О.Н.Д.

0 1 2 3 4 5 см

Грамоты № 545 и 602

списках имена стоят в разных падежах. Вот как выглядит текст грамоты № 506:

«Петре — Евана. Маримияна, Яна — Георегия. Федорь — Прокопия. Оводокия — Евана Рож(дест)во».

Вот ещё несколько подобных текстов.

Грамота № 545: «Гергь — Ириния, Марофу, Марофу, Стефана. Фоврония — Романа, Марофу».

Грамота № 560: «Фекла — Коура, Иевана, Олькъсоу, Федора, Хръстиноу. Мария — Оноусию, Офимею, Варъвароу, Фъвърънию. Окоулина — Настасия».

Вы, наверное, уже догадались, куда нас ведёт это чередование падежей? Ну, конечно: Пётр заказывает икону с изображением святого Иоанна, Маримьяна и Яна — святого Георгия, Фёдор — святого Прокопия, Евдокия — икону с изображением Рождества Ивана Предтечи.

А чтобы не осталось сомнений в таком понимании наших списков, остаётся привести текст грамоты № 602, найденной в 1982 году при завершении работ на усадьбе «А»:

«Димитрия, Хръстину. А на другои Евана, Марие. А на третиеи Евана. А четвъртой Сьмьона».

Попытаемся теперь по возможности проследить дальнейшую судьбу Гречина, снова обратившись к летописи. Мы уже знаем, что после пожара 1209 года усадьба «А» меняет свой характер. Состав находок на ней таков, что исключает её священническую принадлежность. Окрестные церкви сгорели, и Олисею необходимо было искать иной приход.

Между тем новгородская летопись под 1226 годом, рассказывая о смерти юрьевского игумена Савватия, сообщает о рекомендации, касающейся его преемника. Смертельно заболев, Савватий призвал владыку Антония, посадника Ивана и «всех новгородцев» и сказал: «Изберите себе игумена». Остановлюсь, чтобы пояснить одну немаловажную деталь. Игумена избирала монастырская братия, это было внутренним делом обители. Казалось бы, при чём тут посадник и «все новгородцы»? Оказывается, что в середине XIII — XV веке юрьевский игумен титуловался «новгородским архимандритом», возглавляя всё чёрное духовенство Новгородской земли, и избирался на вече, подобно другим магистратам, таким как посадник и тысяцкий. Поскольку монастыри к этому времени сделались крупными земельными собственниками, боярству было выгодно взять под свой контроль всю монастырскую систему, оставив в руках архиепископа лишь наблюдение над канонической стороной монастырской жизни. Летописное сообщение 1226 года демонстрирует первый случай такого избрания юрьевского игумена.

Выслушав Савватия, владыка, посадник и «все новгородцы» учтиво ответили: «Изберём того, кого ты благословишь». Он же сказал: «Введите Гречина, попа церкви Константина и Елены». «И введоша мужа добра и зело боящася Бога Гръцина, и постригоша ѿ того дни, марта в 2, на святого Федота; и поставиша и игуменом, марта в 8, на святого Фефилакта, на сбор».

Тот же Гречин в 1229 году называется в числе претендентов на владычную кафедру, когда решался вопрос о замене больного, разбитого параличом Антония новым архиепископом: «И рекоша некотории князю: “есть чьрньць дьякон у святого Георгия, именемъ Спиридон, достоинъ есть того”; а инии Осафа, епископа володимирьскаго велыньскаго, а друзии Гръцина». Избран тогда был Спиридон. Заметим, что Гречин вторично участвует во владычной жеребьёвке: в первый раз в 1193 году, когда его также ожидала неудача.

Поскольку между летописными сообщениями 1193 и 1226 годов нет других Гречинов в духовной иерархии Новгорода, а в обоих случаях упоминание Гречина не сопровождается указанием его крестильного имени, надо полагать, что действительно и там, и здесь речь идёт об одном и том же человеке.

В начале 1231 года в юрьевском игуменстве произошли существенные перемены: «... ввведоша с Хутина от святого Спаса Арсения игумена, мужа кротка и смерена, князь Ярослав, владыка Спуридон и весь Новгород, и даша игуменьство у святого Георгия; а Саву лишиша, посадиша и в келии; и разболеся, лежав 6 недель, и преставися марта в 15 день, в субботу пред обеднею, и тако погребен бысть игуменом Арсениемъ и всею братьею». Хотя в этом сообщении игумен Савва и не назван Гречином, однако он, несомненно, тождествен лицу, получившему юрьевское игуменство в 1226 году. В этом убеждает приписка писца на Стихираре 1226 года: «Азь попинъ грешныи Сава, а мирьскы Гръцинь, написахъ книги сия».

Если юрьевского игумена Гречина звали Саввой, а Гречина конца XII века, как это явствует из берестяной грамоты № 502, — в крещении Олисеем, не отменяет ли это предположенного отождествления? Нет, не отменяет. При пострижении в монахи крестильное имя обязательно менялось на чернеческое, причём не всегда с соблюдением тождества инициала (так позднее священник Григорий Калика стал архиепископом Василием), а в нашем случае восприемник Савватия на юрьевском игуменстве Гречин мог получить монашеское имя в честь умирающего предшественника, благословившего его на своё место. Поэтому приписку на Стихираре возможно датировать очень точно промежутком от 2 до 8 марта 1226 года, когда Гречин уже был Саввой, но ещё не стал игуменом, а оставался попом. Возможная идентификация нашего Олисея Гречина с Саввой Гречином 1226–1231 годов, таким образом, не встречает противоречий.

Разумеется, проверить высказанное предположение можно было бы палеографическим сопоставлением письма Стихираря 1226 года и берестяных автографов Олисея Гречина, но этому должна предшествовать разработка специальной методики такого сличения, до сих пор не предпринимавшегося, поскольку ни разу ещё не возникала проблема выявления тождественных почерков в берестяном и пергаменном письме. Береста и пергамен требуют разных орудий письма и, следовательно, резко различающейся манеры изображения букв.

Выше уже изложены обстоятельства, прервавшие деятельность Гречина на усадьбе «А». Как уже было выяснено, эта усадьба в 1209 году была полностью уничтожена грандиозным пожаром, превратившим в пепелище весь Людин конец. Только спустя че-

тыре года на этом пожарище начинается восстановление построек и настилов. Во время пожара, как сообщает летопись, сгорели все церкви Людина конца, и под ближайшими датами ничего не говорится об их возобновлении. После 1213 года, когда жизнь на усадьбе «А» вошла в нормальную колею, комплексы вещевых находок на этом участке не содержат в себе ничего, что связывало бы жизнь его обитателей с церковной деятельностью или с работой художника. Надо полагать, что Олисей Гречин в это время должен был искать и найти иной приход и иных прихожан в другом конце Новгорода. И обнаружив, что в 1226 году Гречин был попом церкви Константина и Елены, мы, по-видимому, имеем основания догадываться, что именно эта церковь и стала новым местом службы Олисея.

В Новгороде существовали две Цареконстантиновские церкви — на Росткине и соседней с ней Яневой улицах Софийской стороны. Они находились так близко одна к другой, что в летописных указателях их чаще всего принимали за одну, якобы выходящую фасадами на две улицы. Между тем это не так. Храм Константина и Елены на Росткине улице стоял на её левой стороне, если идти от Детинца к Окольному городу, то есть к югу от этой улицы, тогда как одноименная церковь на Яневе улице находилась на правой стороне последней, то есть к северу не только от Росткиной, но и от Яневой улицы.

К сожалению, не существует никаких материалов, которые помогли бы определить, какая из этих двух церквей возникла раньше, а также — к которой из них относится летописное сообщение 1151 года о создании церкви святых Костянтина и матери его Елены. Очевидно, однако, что сообщение 1226 года может относиться только к одной из этих двух стоявших рядом друг с другом церквей, которые находились у границы Загородья с Неревским концом.

Естественной представляется попытка отыскать среди дошедших до нас произведений новгородской живописи работы, выполненные Олисеем Гречином и в его мастерской.

Что касается произведений станковой живописи, то определённые возможности заключены в изучении состава избранных святых на иконах интересующего нас времени. В частности, в самой осторожной форме можно указать на икону «Знамение» из собрания Павла Дмитриевича Корина, оборот которой занят изображением мученицы Ульяны. Долгое время его ошибочно определяли как изображение Параскевы-Пятницы. В Варваринском монастыре в его соборной церкви существовал на полотах алтарь, посвящённый святой Иулиании. Следовательно, эта святая особенно почиталась именно варваринскими черницами, обитель которых находилась на той же Черницыной улице, где жил Олисей Гречин. Мы уже видели, как много берестяных заказов на иконы было сделано женщинами, среди которых, несомненно, фигурируют и черницы Варварина монастыря. К сожалению, икона «Знамение — Ульяна» в очень неудовлетворительном состоянии сохранила изображения многочисленных святых на полях, а анализ их состава мог бы дать основу нужной атрибуции.

Вполне вероятно принадлежность Гречину знаменитой двусторонней иконы «Спас Нерукотворный — Поклонение Кресту», находящейся ныне в Успенском соборе Московского кремля. Новгородское происхождение этой иконы и её связь с церковью Святого Образа, где она была главной храмовой иконой, выяснены Виктором Никитичем Лазаревым, а Герольд Иванович Вздорнов привёл убедительные доказательства тому, что она была написана в связи со строительством нового храма Образа в 1191 году. Усадьба Гречина находилась в близком соседстве с церковью Образа, а сам художник работал именно тогда, когда строилась и украшалась эта новая церковь.

Однако Олисей Гречин писал не только иконы, но, как это ясно из летописного сообщения 1196 года, и фрески. Ко времени его деятельности в Новгороде относится несколько монументальных живописных работ. В 1189 году была расписана Благовещенская церковь в Аркажах; в 1196 году, как мы уже знаем, расписана надвратная Пречистенская церковь в Детинце; в 1199 году

«испсаша церковь святого Преображения на Городищи. В то же лето испсаша церковь в Русе святого Спаса владычню в манастири». Фрески Пречистенской церкви не сохранились; от росписи Преображенской церкви в Старой Руссе до нас дошли небольшие фрагменты; значительные участки живописи XII века имеются в Благовещенской церкви; нередицкая («святого Преображения на Городищи») живопись до последней войны существовала практически во всей полноте, когда с неё снимались копии, делались фотографии и описания.

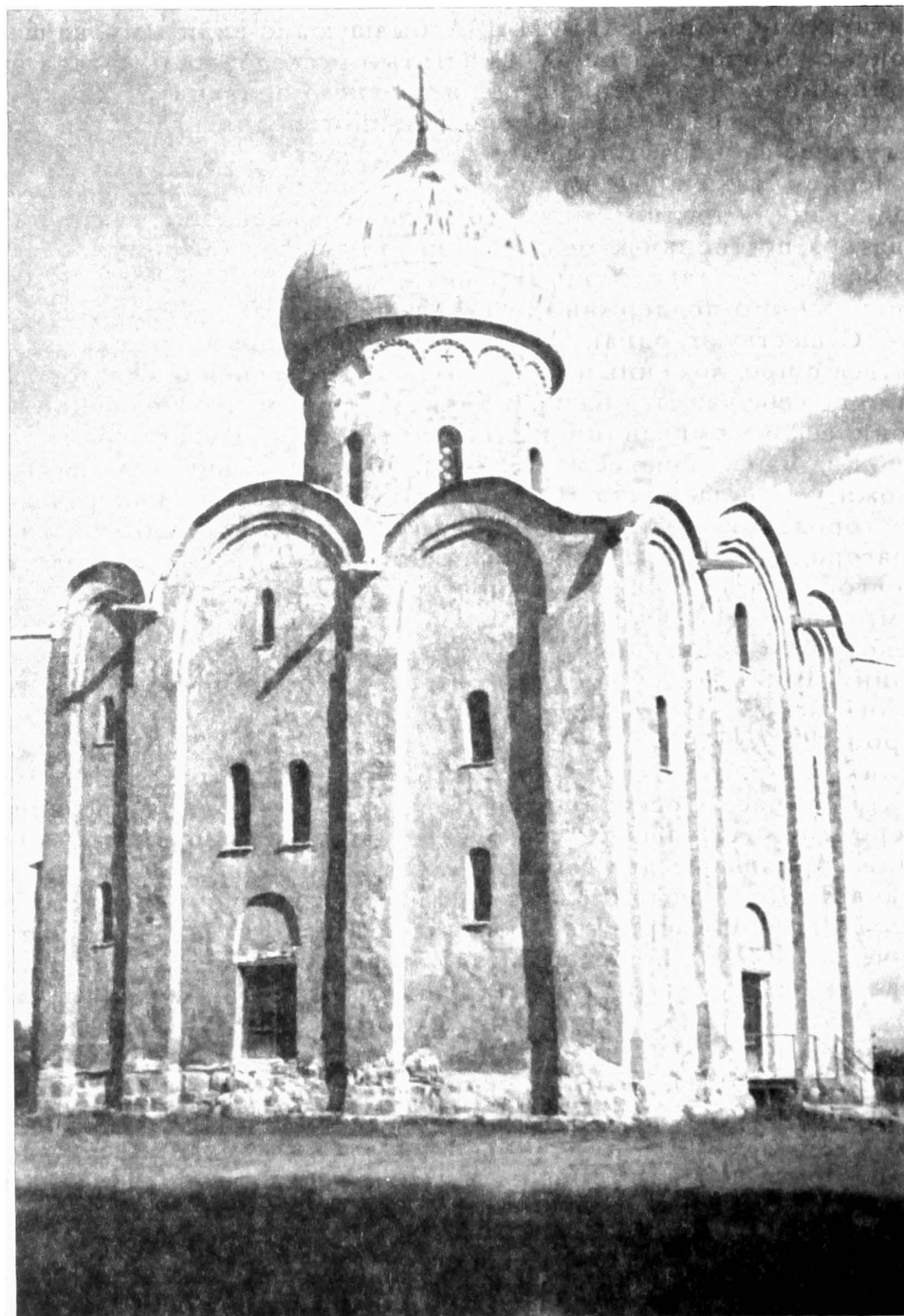
«Росписи Спаса-Нередицы, являвшиеся крупнейшим средневековым живописным ансамблем не только в России, но и во всей Европе, были почти полностью варварски уничтожены фашистами во время их оккупации Новгорода. Для русской культуры гибель росписей Нередицы — это ничем не вознаградимая утрата, потому что в них новгородские черты выступали с такой силой, как ни в каком другом памятнике. Фрески Нередицы поражали своей изумительной сохранностью и ни с чем не сравнимой полнотой в подборе сюжетов, которые почти исчерпывающим образом знакомили зрителя с системой средневековой росписи. Кто не имел счастья видеть фрески Нередицы, тому трудно составить достаточно полное представление о монументальной живописи средних веков».

Я привёл здесь это мнение крупнейшего знатока средневекового искусства В. Н. Лазарева не только потому, что оно наглядно характеризует высокий уровень искусства живописи в Новгороде конца XII века, но и в связи с тем, что исследователи нередицкой росписи насчитывают в ней до десяти различных манер. Иными словами, именно в этом ансамбле, исполнение которого привлекло, вероятно, практически всех новгородских художников того времени, владевших техникой фресковой живописи, наиболее перспективным представляется искать и Олисея Гречина.

Предупреждаю читателя, что предлагаемый путь поиска не прост. Нам придется двигаться от детали к детали, всякий раз оговаривая некоторую условность и промежуточных наблюдений, и итогового результата. Поставленный в заголовке очерка знак вопроса так и не будет снят. И всё же...

Рассмотрим сначала две детали — два сюжета этой живописи, которые давно уже породили не исчерпанные до сегодняшнего дня научные дискуссии.

В запрестольной алтарной композиции Нередицкой церкви изображён весьма необычный деисус. По сторонам Христа слева в медальоне помещен традиционный Иоанн Предтеча, справа в медальоне традиционная Богоматерь, однако вместо титулов МНР ΘV она снабжена надписью АΓΙΑ ΜΑΡΘΑ. Никодим Павлович Кондаков усматривал здесь «попытку живописца осмыслить непо-

Церковь Спаса на Нередице

нятную ему надпись АГΙΑ ΜΑΡΙΑ, бывшую, по-видимому, на шаблоне, с которого он писал». Маститый исследователь считал эту композицию повторением очень древнего оригинала, «восходящего к той поре, когда наименование Богородицы св. Марией не было еще забыто». Справедливо неудовлетворённый таким объяснением Николай Петрович Сычев выдвинул другую версию истолкования, предположив, что Иваном в крещении звали инициатора постройки каменной Нередицкой церкви новгородского князя Ярослава Владимировича, а Марфой — его жену. Это мнение было поддержано В. Н. Лазаревым как «убедительное».

Существуют, однако, обстоятельства, не позволяющие согласиться с предложенным Н. П. Сычевым объяснением, которое и само по себе кажется натянутым из-за вопиющего нарушения канонической композиции в столь ответственном месте храма.

Как нам уже известно, Ярослав Владимирович был в весьма сложных отношениях с Новгородом. Приглашённый впервые на новгородский стол в 1181 году, он уже в 1184 году был изгнан новгородцами из-за того, что «творил много пакостей волости Новгородской». В 1187 году он вторично стал новгородским князем, однако в 1196 году его снова изгнали, после чего Ярослав некоторое время, заняв Торжок, собирал в свою пользу уже не принадлежавшие ему доходы с Новгородской земли. В 1197 году он снова владеет новгородским столом. В 1198 году Ярослав строит Нередицкую церковь: «... заложи церковь камяну князь великий Ярослав, сын Володимирь, внук Мьстиславль, в имя святого Спаса Преображения Новегороде на горе, а прозвище Нередице; и начаша делати месяца июня в 8, на святого Федора, а кончаша месяца сентября». Однако уже весной 1199 года «начаша Новогородци совет творити, еже изгнати им князя своего Ярослава Владимиричя с княжения из Новагорода», в результате чего Всеволод Большое Гнездо отозвал Ярослава к себе, пригласив владыку, посадника Мирошку и «вячьших мужей» за сыном, которого он дал Новгороду в князья. Посольство за новым князем отправилось летом 1199 года; во время этого путешествия 24 августа на Селигере скончался архиепископ Мартирий. О росписи Нередицы летопись рассказывает уже после описания всех этих событий. Значит, церковь расписывали уже тогда, когда Ярослав Владимирович был изгнан из Новгорода и думать о помещении в росписи его патрональных изображений было уже, как будто, ни к чему.

Жена Ярослава покинула Новгород вместе с ним. Существует летописное известие: «Тое же зимы явися знамение в луне, месяца декабря в 24 день, а на утрие преставися княгиня Ярославля, светь [свояченица, сестра жены] великого князя Всеволода Юрьева сына Долгорукаго; и положена бысть в монастыре

Фрески передицкого алтаря

ΑΓΙΑ ΜΑΡΘΑ

Пречистая Богородицы в сестрине». Полное лунное затмение наблюдалось 24 декабря 1199 года. Богородицкий (Княгинин) монастырь, в котором похоронена жена Ярослава, находится во Владимире.

Однако о жене Ярослава Владимировича известна еще одна подробность. Перед изгнанием из Новгорода она основала там Молотковский Михалицкий монастырь. В позднейшей летописи этого монастыря рассказывается: «В лето 7707 виде княгиня Ярославля Елена сон: явися бо тогда преподобный отец наш Михаил Малейн, и постави княгиня церковь Пресвятей Богородицы в обители на Михалице». Как видим, поздняя традиция именует княгиню Ярослава Еленой. Что же касается ранних источников, им вообще не известно, как звали эту женщину.

Сложнее обстоит дело с христианским именем князя Ярослава Владимировича. Поздняя Никоновская летопись XVI века действительно дважды называет его «Иваном, глаголемым Ярославом Владимировичем». Эти сообщения, на первый взгляд, прекрасно подтверждаются надписью ктиторской фрески Нередицы, которая и представляет собой второй дискуссионный сюжет.

Фреска, написанная в арочной нише южной стены храма, изображает князя, держащего в руках модель церкви. Так было принято чувствовать инициатора постройки храма. В надписи, сопровождающей изображение, фрагментировано первое слово: «...нь о боголюбивы кнаже вторый Всеволодъ, злыя обличя, добрыя любя, живая кормя и вся църковныя чины и манастырския ликы милостивен имая, о милостивче, кто твоя добродетели может воспети, но даждь убо це(са)рствие небесное съ всеми святыми угожешими ти въ бесконечныя веки, аминь». Фотография надписи даёт возможность прочесть ещё одну букву первого её слова — «а», то есть видеть здесь: «...ань» и восстанавливать утраченное имя как «Иоань».

Прежде чем двинуться дальше, обратим внимание на бросающееся в глаза несоответствие панегирика строителю храма и той характеристики, какую даёт Ярославу его поведение на посту новгородского князя. Конечно, как сказал поэт, у нас «любить умеют только мертвых», но ведь не настолько же! А может быть, ктиторская фреска Нередицы изображает вовсе не Ярослава Владимировича?

Юрий Николаевич Дмитриев привел доказательства вторичности ктиторской фрески относительно всей остальной росписи Нередицы: «Рассматривая штукатурку в нише ктиторской фрески, можно видеть — и достаточно ясно — край слоя, находящего с поверхности арки на поверхность стены, то есть обычное расположение слоёв. Однако вслед за этим швом у самого ребра ниши находится второй шов другого слоя штукатурки, лежаще-

Ктиторская фреска Нередицы

го на первом. Этот второй слой на восточной стороне арки в одном месте, по краю, отпал, и обнаружилось, что а) первый слой был расписан (красная кайма обрамления по ребру), и второй слой нанесён на остатки этой расписанной поверхности; б) первый слой вместе с нижележащим, предварительным, слоем штукатурки перед нанесением второго слоя был сбит, срублен и оставлен лишь у самого края ниши с тем, очевидно, чтобы не повредить живописи стены. Следовательно, должен быть сделан вывод, что ктиторская фреска не входила в первоначальный состав росписи и заменила собою какое-то другое изображение».

Подтверждая этот вывод наблюдениями над индивидуальными стилистическими особенностями фрески, Ю. Н. Дмитриев делает, однако, неверное заключение, что она якобы изображает князя Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского, и была написана около — вернее, после — 1246 года в связи с кончиной этого князя. Во-первых, не существует никаких документальных свидетельств о каких-либо «ремонтных работах памятника, которые имели место около середины XIII века». Во-вторых, если бы такие работы и были, они не могли стать сколько-нибудь значительными, коль скоро на протяжении всего последующего времени Спас-Нередицкая церковь сохранялась как целостный ансамбль конца XII века. В-третьих, самого наличия таких работ (если бы они были) совершенно недостаточно, чтобы их возможный инициатор оказался главным действующим лицом ктиторской фрески. В-четвертых, Ярослава Всеволодовича в крещении звали не Иоанном, а Феодором.

Поскольку на ктиторских фресках изображаются основатели церкви или инициаторы её капитального возобновления, по логике вещей на ктиторской фреске Нередицы мог быть изображен лишь князь Ярослав Владимирович, если только строительству каменного храма 1198 года не предшествовал деревянный. Опираясь на показания Никоновской летописи, мы как будто не должны сомневаться в правомерности отождествления князя ктиторской фрески Нередицы с Ярославом Владимировичем. Однако в действительности Ярослава в крещении, вопреки показанию Никоновской летописи, звали отнюдь не Иоанном.

От этого князя к настоящему времени сохранилось 28 свинцовых вислых печатей, оттиснутых пятью парами матриц, которые несут изображение архангела Михаила и святого Димитрия. Так патрональными изображениями на печатях было принято передавать крестильные имя и отчество их владельцев. Ярослав был сыном Владимира Мстиславича и племянником Ростислава Мстиславича. Последнего в крещении звали Михаилом. Поэтому его брат Владимир Михаилом быть не мог; ему, следовательно, при-

надлежало имя Димитрий. Ярослава же Владимировича звали Михаилом Димитриевичем.

Ктиторская фреска, таким образом, не имеет отношения к Ярославу Владимировичу, но, по-видимому, именно она стала источником позднейших сведений о мнимой принадлежности Ярославу имени Иван, коль скоро, наблюдая надпись фрески в XVI веке, её толкователи, знавшие, что каменная церковь построена при Ярославе Владимировиче, должны были связывать эту надпись только с ним.

Отсюда проистекает неизбежный вывод. Если ктиторская фреска, написанная не позднее XIII века, называет основателем церкви Спаса некоего князя Ивана, значит, каменному храму предшествовал деревянный, как это и бывало постоянно, и наша задача — выяснить, какой князь в действительности на ней изображён. Среди новгородских князей XII века пять в крещении назывались Иоаннами: 1) Владимир Всеволодович (1136 год), князь-младенец, сидевший на столе полтора месяца после изгнания из Новгорода его отца Всеволода Мстиславича; 2) Святополк Мстиславич (1142–1148 годы), сын Мстислава Великого и родной брат Всеволода Мстиславича; 3) Ярослав Изяславич (1148–1154 годы), внук Мстислава Великого, племянник Всеволода Мстиславича; 4) Святослав Ростиславич (1158–1160, 1161–1167 годы), внук Мстислава Великого, племянник Всеволода Мстиславича; 5) Мстислав Ростиславич (1160–1161, 1175–1176, 1177–1178 годы), внук Юрия Долгорукого.

Резюмируя эти наблюдения над деисусом и ктиторской фреской Нередицы, можно акцентировать внимание на двух важных обстоятельствах. Во-первых, каменной Нередицкой церкви предшествовала деревянная, построенная при одном из князей Иванов XII века. Во-вторых, коль скоро роспись храма была предпринята после изгнания из Новгорода князя Ярослава Владимировича, бессмысленно искать в ней связанные с ним патрональные изображения. В частности, проблема патроната не имеет отношения к возможным истолкованиям надписи АГІА МАРΘА при изображении Богоматери в алтарном деисусе.

Вот какой извилистый путь пришлось нам проделать, чтобы вернуться к этой надписи и взглянуть на неё глазами, свободными от шор прежних историографических версий.

Полагаю, что разгадка этой надписи содержится в орфографии одного из берестяных автографов Олисея Гречина. В грамоте № 545, напомним это, изложен заказ на партию икон: «Гергъ — Ириния, Мароѳу, Мароѳу, Стефана. Ховрония — Романа, Маро.ѳу». Трижды в этом тексте он пишет МАРОѳУ, причем в последнем случае: МАРО.ѳУ под титлом, то есть титлы Богоматери передаёт не через МНРѳУ, а через А, завершая первое слово заменяющей Ъ буквой

О, то есть в русской огласовке. Поэтому АГΙΑ ΜΑΡΘΑ на деисусной фреске генетически возводится к указанному способу сокращения имени Богоматери. Предшествующее слово АГΙΑ не должно смущать, ведь говорили же «Святой Спас», «Святый Боже», «Пресвятая Богородица». АГΙΑ ΜΑΡΘΑ, таким образом, — псевдогреческая калька русского обозначения Пресвятой Богородицы.

Но в то же время указанное совпадение единично, и поскольку оба случая (надпись на фреске и берестяная грамота № 545) относятся к рубежу XII–XIII веков, мы вправе заподозрить индивидуальную особенность писавшего, предположив участие Олисея Гречина в росписи Спас-Нередицкой церкви и конкретно — в работе над её деисусной композицией.

И здесь нам предстоит попытка разобраться ещё в одном непростом сюжете. Общая композиция нередицкой росписи вполне канонична. Как писали в конце прошлого века Н. П. Кондаков и И. И. Толстой, «начиная с купола как обычной главы церковной росписи Нередицкая церковь строго воспроизводит все основы византийского храмового живописного цикла и заложенной в нём богословской идеи». Поэтому нет смысла искать в ней каких-то локально-исторических деталей. Иное дело — фигуры святых, часть которых особо выделена. Больше всего нас должны занимать такие акцентированные фигуры на столбах храма, в нижних ярусах росписи, смысл которых — знаменовать связь с небом того конкретного храма, где они изображены. Именно такие фигуры являются возможными носителями ктиторийской идеи.

Кто же изображён в нижних ярусах нередицкой росписи на столбах церкви? Таких особо выделенных, акцентированных изображений — двенадцать, по четыре на западных столбах и по два на восточных. Пять из них — изображения святых жён: Иулиании, Евфросинии, Феодосии, Евдокии, Февронии (последнее имя написано позднее по другой надписи). Одно изображение святого мученика не определено по имени. Женские изображения, к сожалению, не могут быть анализированы с должной достоверностью, так как мы практически не знаем христианских имён женщин рассматриваемого времени, пригодных для идентификации.

Рассмотрим семь мужских фигур, которые доступны для такого анализа.

На северной грани юго-западного столба помещено в медальоне изображение святого мученика Никифора.

Никифором звали киевского митрополита, поставленного на кафедру в 1182 году. Год окончания его святительства неизвестен, но он упоминается ещё в 1198 году, когда строилась Нередицкая церковь.

На восточной грани того же столба — в аркаде изображение святого Мартирия.

Мартирием звали новгородского архиепископа, избранного на кафедру в конце мая или в начале июня 1193 года, утверждённого в сани 10 декабря того же года и умершего 24 августа 1199 года. Мартирий, таким образом, как и митрополит Никифор II, — современник строительства каменной Нередицкой церкви.

Наличие этих двух изображений даёт ключ к расшифровке смысла других, им подобных. Однако эту расшифровку приходится начинать сильным сомнением по поводу определения одного из интересующих нас изображений. На южной грани восточного столба, то есть как раз напротив уже рассмотренного изображения святого мученика Никифора, согласно данным издателя нередицких фресок В. К. Мясоедова, помещено изображение ещё одного «святого Никифора». Эта фигура в изданиях не воспроизводилась и не уцелела после разрушения церкви в 1941 году.

Противопоставляя «святого Никифора» мученику Никифору, В. К. Мясоедов тем самым противопоставлял и канонические типы изображений. Иными словами, «святой Никифор» юго-восточного столба — не мученик. В древнем православном месяцеслове имеется семь Никифоров. Пять из них — мученики, один — преподобный, один — святитель (патриарх Цареградский). Если В. К. Мясоедов прав, здесь мог быть изображен либо патриарх, либо преподобный. Между тем должны были бы существовать весьма веские основания для помещения в столь парадном месте двух Никифоров. «Святой Никифор», к примеру, мог бы быть патроном киевского митрополита Никифора I, если деревянная церковь в Нередице была сооружена в его святительство. Однако Никифор I был на киевской кафедре с 1104 по 1121 год, когда в Новгороде княжил не Иван, а сначала Феодор-Мстислав Владимирович, а затем Гавриил-Всеволод Мстиславич.

Нет ли здесь позднейшего искажения или неправильного прочтения надписи? Ведь вполне вероятное здесь имя

АГІ ФО
ОС НТ
НИ Ъ

при утрате её нижних частей может быть принято за

АГІ ФО
ОС (РЪ)
НИ
(КИ)

тем более что канонические типы святого Никифора, патриарха Цареградского, и святого Нифонта, епископа Кипрского, практически неразличимы. Если это так, приглядимся к датам святительства Нифонта, новгородского епископа XII века. Он при-

шёл в Новгород 1 января 1131 года и умер 21 апреля 1156 года. Его современниками были новгородские князья Иваны — Святотоплок Мстиславич (1142–1148 годы) и Ярослав Изяславич (1148–1154 годы). Не при одном ли из них была основана первоначальная деревянная Нередицкая церковь? Панегирик князю Ивану при ктиторской фреске вполне соответствует и тому, и другому князю, подолгу и бесконфликтно занимавшим новгородский стол. Сравнение с Всеволодом, надо полагать, имело в виду Всеволода Ярославича, отца Владимира Мономаха.

На северной грани северо-восточного столба помещено изображение в медальоне святого Мины.

Это имя известно нам из берестяной грамоты № 558, адресованной Олисею Гречину. Так звали попа, который в грамоте № 558 заказывал Олисею храмовые иконы, в том числе и образы серафимов для алтарной преграды какой-то только что построенной церкви, нуждавшейся в украшении иконами. По-видимому, имеются достаточные основания предположить в земном Мине иерея только что построенной Нередицкой церкви, принимавшего участие в её украшении. В таком случае мы наблюдаем на столбах храма отражение всей иерархической триады: митрополит, архиепископ, иерей.

Однако эта триада нуждается в очевидном дополнении. Русская церковь входила в систему константинопольской патриархии, и естественно было бы видеть среди изображённых и святого, соимённого вселенскому патриарху. С 1191 по 1198 год патриархом был Георгий II Ксифилин, небесным патроном которого является великомученик Георгий. Не это ли изображение остаётся не расшифрованным на южной грани северо-восточного столба Нередицкой церкви?

Наиболее важным для нас оказывается изображение на западной грани юго-западного столба. Здесь в медальоне помещён пророк Елисей, соименный Олисею Гречину.

Последнее интересующее нас изображение — на восточной грани юго-западного столба, где в аркаде помещён преподобный Нестор.

Если в галерее патрональных изображений имеется ангел-хранитель художника, то почему бы там не быть и ангелу-хранителю зодчего? Разумеется, можно говорить об этом лишь в самой предположительной форме, поскольку никаких других опорных фактов для такого предположения не имеется.

Итак, мы приходим к предположению, что Олисей Гречин был не только участником росписи Нередицкого храма, но и главным художником в этом предприятии. Это вполне согласуется с данными о его социальном лице и месте в новгородском священстве. Лицо столь высокого состояния вряд ли

могло занимать в артели живописцев подчинённое, второстепенное положение.

Исследователи по-разному определяли число художников, работавших одновременно над нередицкими фресками, сходясь между собой в том, что их было много. В. К. Мясоедов говорил о десяти пошибах, или манерах письма, представляющих поразительное разнообразие. Михаил Илларионович Артамонов, выделив в живописи пять принципиально отличных групп, пришёл к аналогичному выводу: «Можно утверждать, что в исполнении её, не считая ктиторской и сходных с нею наружных композиций, принимали участие не менее восьми мастеров». Ю. Н. Дмитриев писал: «С достаточными основаниями можно прийти к заключению, что вся роспись была исполнена шестью мастерами». В. Н. Лазарев поддержал мнение В. К. Мясоедова и М. И. Артамонова, но находил достаточно аргументированными признаки выделения лишь трёх основных мастеров, отметив, что другие манеры письма, хотя и существуют, но «обнаруживаются с гораздо меньшей чёткостью». Особо отмечу мысль В. Н. Лазарева: «Работавшие в Нередице художники составляли артель, возглавлявшуюся старшим мастером, который не мог допустить слишком большого расхождения стилей. В противном случае не получился бы тот целостный ансамбль, который так поражает в Нередице».

Нас сейчас интересует именно этот старший мастер, предположительно идентифицируемый с Олисеем Гречином. Казалось бы, вопрос о его авторстве может быть решён элементарно просто. Если индивидуальность Гречина проявилась в специфическом обозначении Богоматери АГИА МАРΘΑ, значит, ему принадлежит эта фреска и все остальные, обнаруживающие с ней стилистическое тождество, то есть все работы, отнесённые М. И. Артамоновым к «первому» по его классификации мастеру, а именно: Илья, питаемый вороном, святая Евдокия, правая половина Евхаристии и множество других, о которых М. И. Артамонов писал: «Манера этих изображений живописная по преимуществу. Отличается грузными пропорциями фигур с большими головами и большими же неловкими дряблыми руками. Характерны типы одутловатых ликов с длинными, толстыми, вислыми носами, большими глазами с тяжёлыми веками, с отвисшей нижней губой. Уши с верхним концом в виде завитка. Складки одежды простые, тяжёлые и криволинейные. Широкая манера лепки ликов с резкой светотенью, густыми красками, отличаясь некоторой сбитостью форм, всё же создаёт впечатление пространственности их, округлости».

Однако этот мастер — не Олисей Гречин. В попытке атрибуции ему конкретных фресок мы должны отталкиваться от особенностей надписи АГИА МАРΘΑ, но эта надпись сделана вовсе

не тем мастером, который писал деисусную Богоматерь. М. И. Артамонов обнаружил поразительную деталь: надписи при изображениях, находящихся на наиболее доступных обозрению местах, переписаны и в ряде случаев исправлены художником, который взял на себя обязанность добиться их стилистического единства, то есть выполнил работу руководителя художественной артели. Этому живописцу принадлежат те композиции на казовых местах, где надписи с самого начала были сделаны той же рукой и, следовательно, в исправлении не нуждались.

Что же написал этот «второй» мастер, бывший и автором надписи АГИА МАРΘΑ при изображении деисусной Богоматери? Это в алтаре: Христос на горнем месте, Иоанн Предтеча в деисусе, Пётр Александрийский, мученик в медальоне, первый ряд святителей до окна, второй ряд святителей кончая Иоанном Златоустом, евангелист Иоанн в северо-восточном парусе, апостолы Павел, Иоанн, Лука, Иаков и Симеон в купольном Вознесении.

О стиле этих росписей М. И. Артамонов писал следующее: «Манера II группы изображений может быть охарактеризована как графическая или даже «орнаментальная». «Мясоедову она кажется примечательной “поразительной лепкой”, приближающейся “к манере мозаики апсиды св. Софии Солунской”. Фигуры имеют стройные пропорции, небольшие круглые головы с широкими скуластыми ликами. Маленькие, узкие, широко поставленные глаза с низкими бровями, тонкий с овальным утолщением на конце нос, полные губы и продолговатые уши с одним или двумя выступами внутри — определяют особый тип лика, свойственный изображениям этого стиля. Характерны также небольшие руки, тщательно вырисованные с обозначением мускулов. Преобладающее изобразительное значение рисунка, тщательно и точно исполненного тонким красным контуром, усиленным затем тёмно-синей краской, и орнаментальный характер наложения светов тонкими белильными мазками, описывающими скулки, щёки и другие части ликов, обуславливают плоскостность изображений».

По фактуре живопись «второго» мастера отличается более жидкими сочными красками и желтоватым осветлением ликов. Желтоватое осветление ликов отмечено М. И. Артамоновым и как особенность изображения деисусной Богоматери, а также Ильи с вороном, написанных «первым» мастером. Надо полагать, что указанные фрески были дополнительно прописаны «вторым» мастером для достижения стилистического единства нижнего ряда алтарных композиций, где он взял на себя и исполнение всех надписей, что лишний раз говорит о главенстве в артели живописцев этого «второго» мастера, а это вновь совпадает с нашим основным выводом.

Нужно отметить ещё одну находку на Троицком раскопе, которая имеет прямое отношение к нашему рассказу. В 1979 году в слое рубежа XII—XIII веков у перекрёстка Черницыной и Пробойной улиц была найдена древняя — лет на сто более ранняя — свинцовая печать с изображением на одной стороне процветшего креста, а на другой — Богоматери Халкопратийской (деисусной). Принадлежность печати не определена, но на усадьбе Гречина она могла храниться как образец соответствующих изображений. Халкопратийский извод изображения Богоматери встречается очень редко. Что же касается процветшего креста, то художники как бы соревновались в украшении его причудливыми завитками. Двух одинаковых крестов практически не встретишь в таких изображениях.

Тем более поразительным оказывается сходство Богоматери Халкопратийской на этой печати и деисусной Богоматери в алтарной композиции Нередицы. А ещё более поразительно сходство креста на печати с процветшим крестом в арке Нередицкого храма. Находка печати, использованной как образец, на мой взгляд, ещё раз прямо указывает на причастность мастерской Олисея Гречина к росписи Нередицы.

Игорю Эммануиловичу Грабарю принадлежат слова: «Памятники древнейших эпох почти всегда безымянны, и нет никакой надежды установить когда-либо имена безвестных мастеров, расписавших фресками русские храмы XI, XII и XIII веков». Археологические исследования Новгорода говорят об обратном. Такая надежда есть!

Глава 30 «От Жилы к Чудину...»

Троицкий раскоп получил своё имя от стоящей поблизости от него древней церкви Троицы на Рядятине улице (соседней с Черницыной). Впервые эта церковь упоминается в летописи под 1165 годом, когда «поставиша церковь святыя Троица Шетиници». Последнее слово в разных списках летописи написано по-разному: «Шетиничи», «Шетеничь», и означает отчество, то есть имя клана, построившего храм. В пожаре 1194 года деревянная Троицкая церковь сгорела и неизвестно, когда была возобновлена. В 1224 году «бысть гром страшн маяя в 20, на святаго Фаллея: сгоре церкы святыя Троиця, а 2 человека мертва быста». В 1365 году Троицкую церковь построили каменной, с тех пор она неоднократно перестраивалась, но основу XIV века сохранила. В летописном сообщении 1365 года имеется одна очень важная деталь: каменная церковь Троицы была сооружена «югорцами», то есть новгородцами, имеющими постоянные целенаправленные связи с югрой — народом, живущим на крайнем севере новгородских владений вплоть до северного Зауралья и Вайгача. Потомками югры являются современные ханты и манси. В некоторых летописных списках говорится, что Троицкая на Рядятине церковь была построена «югорьщиною», когда в 1365 году «новгородци поидоша из Югры», то есть на доходы от югорской дани, что не меняет существа дела.

Очевидно, что построившие церковь «югорцы» были её прихожанами, и работы на Троицком раскопе содержали надёжный для нас шанс встретиться с ними. Так и оказалось. В 1984 году на усадьбе «Г» в напластованиях второй половины XIV века была найдена грамота № 622 — лист бересты, исписанный с двух сторон, к сожалению, немного фрагментированный:

«Приказо от Матфея ко Марку і ко Саве про непряное серебро ...ге донаболися. Да я ся дивлю, цему мне вести от васо нету. Тако... моімо животомо зоблетесе... не хотите прислати. Лихо ли вамо добро ли, і о моемо животе, о Яколи вамо наболитися моімо приказомо болшимо. Цужимо ли наболитися, оже вы тако деете. Бога ся боіте... блюдите. Ни о Сменове товаре... шлете».

Прочтём это послание в переводе А. А. Зализняка:

«Наказ от Матфея Марку и Савве. О деньгах за нерпу (то есть за тюленьи кожи)... дополнительно позаботься. Да я дивлюсь (то есть недоволен), (почему) мне вести от вас нет. Так-то вы о моём имуществе печетесь?... не хотите прислать. Плохо ли вам или хо-

рошо, а о моём имуществе (и) о Яковлевом заботиться надлежит вам — по моему большому наказу. Неужели чужим людям о нём заботиться, (раз) вы так поступаете? Бойтесь Бога, (слово) блюдите. И о Семёновом (товаре) вы тоже (вестей) не шлёте».

Матфей, Марк, Савва, Яков, Семён — явные складники, компаньоны. Упомянутый в тексте «приказ большой» следует понимать как письменный документ о взаимных обязанностях этих компаньонов. Поскольку в центре упрёков Матфея — деньги за тюленьи кожи, очевидно также, что торговое складничество Матфея и его товарищей (ведь слово «товарищ» производно именно от такой ситуации, при которой группа лиц — «сотоварищей» — связана заботами о совместных операциях с «товаром») ориентировано на крайний север Новгородской земли, на побережье Ледовитого океана и его островов.

Но, может быть, этот документ случайно оказался на одной из усадеб Троицкого раскопа? Мог ведь бросить его один из адресатов — Марк или Савва, — зайдя к знакомому, жившему на усадьбе «Г». В общем, так оно и было. Однако этот знакомый оказался ближайшим соседом Марка.

Еще в 1973 году на усадьбе «А» в слое первой половины — середины XIV века была обнаружена грамота № 501 — первая берестяная грамота Троицкого раскопа!, — адресованная Марку:

«А поколоно от Некефа ко Маруку. Подоборо поени по розмери і мене ени. А яза тебе колонеюся».

Очень трудный текст, в котором без напряжения читаются только начало и конец с их этикетными поклонами, но толкование основного содержания спорно. Наиболее вероятен такой перевод средней части: «Возьми подбор после размеривания; и мне тоже бери». Но слово «подборь» имеет не одно значение. Так называли и основание избы, и основу рыболовного невода. Впрочем, для нас сейчас важно то, что это адресованное Марку письмо оказалось на соседней с грамотой № 622 усадьбе. Стратиграфические датировки (первая и вторая половины XIV века) не противоречат друг другу: если Марк жил около середины этого столетия, то немудрено двум полученным им грамотам оказаться по обе стороны такого рубежа. (Кстати, в 1995 году была найдена грамота № 754, адресованная тому самому Матфею, который отослал Марку грамоту № 622.)

Самой важной в этой связи находкой оказалась грамота № 589, обнаруженная в напластованиях середины 20-х — 50-х годов XIV века всё на той же усадьбе «А». На листе бересты мы прочли целое письмо, но его автор здесь же начал писать ещё одно — к другому адресату, который неаккуратно оторвал его, оставив на уцелевшем листе адресную формулу. Прочитаем сначала первое письмо:

«От Жилы к Чюдину. Даи Ондрею рубль. Не даш ли, что мне не доспее в рубле томъ нечи яти, то твоя».

Очень выразительный текст, отправленный к тому же по скандальному поводу: «От Жилы Чудину. Даи Ондрею рубль. Если же не дашь, то сколько сраму ни заставит (Ондрей) меня принять из-за этого рубля — он твой (то есть весь этот срам будет твой)». Оставим Чудина разбираться с Ондреем и обратимся к уцелевшему началу второго письма:

«От Жиле к Саве. Даи... полтину...».

Снова Савва, присутствие которого на усадьбе Троицкого раскопа, следовательно, отнюдь не случайно. В письмах грамоты № 589 мы не обнаружили ничего, связанного с северными делами, «югорцами» и тюленями. Но попробуем установить положение и род занятий автора этих писем — Жилы. Этот человек был известен историкам и раньше из жалованной грамоты великого князя Ивана Даниловича Калиты, который был и новгородским князем с 1327 по 1339 год. Вот полный текст этого документа:

«Се аз, князь великий Иван Даниловичъ всея Руси, пожаловал есмь соколников печерских, хто ходит на Печеру, — Жилу с други. А се их имена: Жила, Олюша, Василко, Степан, Карп, Федець, Острога, Бориско, Кузма, Дмитрок, Власии, Микитица Иванов сын, Семенецъ, Кондрат, Чешко, Семенецъ, Григорь, Степанецъ, Савица. Не надобе им никоторая дань, ни ко старосте им не тянути; и что у них третники и наимиты, хто стражет на готовых конех, а в кунах, и тем не надобе никоторая дань, ни ко старосте им тянути, ни биричь их не поторгыват, не надобе ни конь, ни подвода. Хто ли через мою грамоту что у них возмет, и яз, князь великий, кажню, занеже ми люди те надобны. А приказал есми их блюсти Меркурью; а ты, Меркурей, по моеи грамоте блюди их, а в обиду их не выдавай никому».

Тот ли Семен («Семенецъ») и тот ли Савва («Савица») названы здесь и в берестяной грамоте № 622, доказать невозможно, но связь Жилы с далекими землями новгородского Северо-Востока очевидна, как очевидна эта связь у лиц, упомянутых в грамоте № 622.

Любопытно то обстоятельство, что ориентация усадеб Троицкого раскопа (или, по крайней мере, восточной части их) на связь с побережьем океана, Печерой и Северным Уралом прослеживается и в более раннее время — в конце XII века. Повод говорить об этом впервые дала найденная в 1977 году на усадьбе «А» в слое второй половины XII — начала XIII века грамота № 548, утратившая левый край, то есть сколько-то начальных букв в каждой из её четырех строк:

«(От) ...бъга къ Моиславоу и къ Миките. Цъмоу, брате, ... (Бога не) бѣишия. А я вѣде, ожь у васъ есте тѣварь Ольскы(нѣ)... А

язо не едино былъ, Ярямиръ а инихо моуже з... А правите имъ тъваро, Бога ся бояць» — «От ...бога Моиславу и Миките. Почему ты, брат, ... Бога не боишься? Я же знаю, что у вас есть товар Олески (Олексы)... А я не один был, (когда видел это, был ещё) Яромир и трое других людей... Так отдайте же (доставьте же) им товар, побойтесь Бога».

Летописцу известен новгородец Моислав именно того времени, к которому относится грамота № 548. В 1194 году во время трагического для новгородцев похода воеводы Ядрея на Югру (то есть в уже упомянутую землю хантов и манси в низовьях Оби), когда восемьдесят уцелевших участников кампании возвращались в Новгород, «убиша Сбышку Волосовича и Негочевича Завида и Моислава Поповича сами путъники, а друзии кунами ся откупиша; творяхуть бо я съвет държаще на свою братью, а то Богови судити».

Этому кровавому событию предшествовали такие обстоятельства. В 1193 году воевода Ядрей собрал рать в поход на югру. Рать взяла один «город» и пять недель осаждала югру в другом. Осаждённые высылали к Ядрею парламентариев с «льстивыми речами»: «Копим серебро и соболей и иные узорочья, а вы не губите нас, своих смердов, и своеи дани», тем временем собирая к себе новых защитников. Пригласив к себе воеводу, попа и иных «вячших мужей», югра их иссекла, затем расправились таким же способом со следующими тридцатью новгородцами, потом еще с пятьюдесятью. Роковую роль сыграл изменник Савка, который указал югорскому князю на необходимость убить Яковца Прокшинича: «аще, княже, не убиешь еще Яковца Прокшинича, а живого пустиши в Новъгород, то тому ти, княже, опять привести вои семо, и землю твою пусту сътворит». Яковец был убит, но перед смертью сказал Савке: «Брате, судит ти Бог и святая Софея, аще еси подумал на кровь братьи своеи; и станеши с нами пред Богом и отвечаеши за кровь нашу». После этого остаток новгородцев шесть недель изнемогал от голода, а на обратном пути произвёл расправу над Сбышкой Волосовичем, Завидом Негочевичем и Моиславом Поповичем.

Относительно Завида Негочевича мне сказать больше нечего, а вот Сбышко Волосович для раскапываемого на Троицком раскопе комплекса усадеб, как будто, не посторонний человек. В 1982 году на мостовой Пробойной улицы у усадьбы «А» в напластованиях 60-х — 70-х годов XII века был найден обрывок грамоты № 604, сохранивший начало текста: «От Петрока грамота ко Волосоу. Изобид...». А еще в 1977 году на соседней усадьбе «Г» в более позднем слое последней трети XII века обнаружена цельная грамота № 550, написанная Петром и упоминающая Сбыслава: «+ Покланияние от Петра к Аврамоу. Матьеви еси молвить,

+ ПОКПАНРЕНИНѢ ППѢ ТРАКАВРАМОУ МАТД ЕВНЕ СЕМЛОЛКН
 ЛДТОЛН КОМНѢ ПМА ПН(КО ТРАКО ТРАМА МЕСКОТЪ
 НЕ ПУУ (ТНДВДЖКНН КНТ ВОРЛ Т(Р-ВЗ ПРАБОШЕ СОБЪ-САИ
 ВУЧЕ ТЪ ПН ГРНВНЕ ДАТНЦЕ НЪЛЮКОУ НО.П.ГРН*
 ВНО ДАТО ПН ЛЪ СДМНО МОБУУ ДДТ Д АФОРРОГА ННЦН ГНШПН
 ВЪГОРО ДЪ...

Грамота № 550

толико мне емати скота, боле же за мъне скота не поусти. А възники творятся въдавоше Собыславоу цетыри гривне, а посьлищеныхо коуно 15 гривно. А Готиль съ мною боудеть. А дороганици ти шли въ городо» — «Поклон от Петра Авраму. Матею ты сказал, (что именно) столько я должен собирать податей. Больше же ты мне денег не поручай. А вежники (люди, живущие в «вежах», шатрах) утверждают, что они отдали Сбыславу четыре гривны; а поселищных денег (за аренду земли под поселение) 15 гривен. А Готил (Гостил?) со мною будет. Дороганичи же (жители деревни Дорогани) пошли в город».

Теперь пора вспомнить несколько важных деталей. Во-первых, усадьба «А» во второй половине XII века принадлежала священнослужителям, а Моислав, письмо которому найдено именно на этой усадьбе, как это ясно из летописного рассказа, был «поповичем». Во-вторых, Гречин, как это следует из летописного рассказа 1196 года, был Петровичем.

Слишком многое сошлось здесь в один тугой узел, чтобы обернуться простой случайностью!

Вернёмся теперь к Моиславу. Именно о нём — адресате грамоты № 548 — упомянул в XIV веке новгородский архиепископ Василий Калика в своём знаменитом «Послании о земном рае»: «А то место святаго рая находил Моислав новгородецъ и сын его Яков, и всех было их три юмы, и одина из них погибла, много блудив, а две их потом долго носило море ветром, и принесло их к высоким горам... А тех, брате, мужей и нынеча дети и внучата добры здорови».

Можно, немного отступив от объективных сопоставлений, высказать в самой осторожной форме несколько предположений. В 1194 году пожар Людина конца начался от «Савькина двора на Ярышеве улице». Не тот ли это Савка, который, изменив новгородцам, отдал югорскому князю на лютую смерть Яковца Прокшинича?

В 1984 году на усадьбе «Ж» в слоях второй половины XII века была найдена грамота № 627 — обрывок начала письма:

«... от Гюрегя ко Яковоу. Оже еси забыле моего добродейния, а прислати ти... кендаря [мера веса] соли, да же ти то не любо, а...».

Спустя пять лет на усадьбе «О» из слоёв первой половины XIII века извлечена целая грамота № 705, адресатом которой снова оказался Яков:

«+ Покланяние от Домажира ко Яковоу. Я оу тебе слышоу, цето ты моловише. Оце е тебе не годена, а попроводи ко мене сестроу. Азь быле лони наделиле, а ныне быхо посолале. А ныне слышоу боленоу сестроу. Оце ю Богъ поемете, а присоли соно ко мене со ее знатебою, оте побоуде сыно у мене, а я ся имо поте-

1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41
 42
 43
 44
 45
 46
 47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100

Грамота № 705

Изображение моржей на камне

Мужская голова. Деревянная скульптура

шоу и посолою ю опяте во городо. Пагы ли не оуправише того, а я тя передамо святее Богородице, ко нее же еси заходили роте» — «Поклон от Домажира Якову. До моего слуха доходит то, что ты говоришь. Если она тебе не угодна, то отошли сестру ко мне. Я в прошлом году её наделил (то есть выделил ей часть имущества), а теперь я бы (это имущество) послал. А теперь я слышу, что сестра больна. Если её Бог приберет, то пришли сына ко мне с её “знатьбой” (?), пусть он побудет у меня за сына и я им утешусь, а потом отошлю его обратно в город. Если же ты не исполнишь этого, то я тебя предам святой Богородице, перед которой ты приносил клятву».

Психологические характеристики адресатов и той, и другой грамоты сходны: человек, не помнящий добра, способный оскорблять неуместными и несвоевременными речами репутацию заболевшей жены. Не один ли и тот же это Яков? И не Яков ли это Прокшинич? Тогда пролог трагедии 1194 года предстанет перед нами в виде изначальной соседской ссоры на Ярышевой улице Людина конца.

В пользу такой версии, как будто, свидетельствует грамота № 664, найденная в 1985 году на усадьбе «З» в слое второй половины XII века:

«От Доброшьке къ Прокъше. Присьли ми гривьну, а Давыдь ти ми не въдалъ, велить възяти у вежьникъ».

Как видим, это письмо адресовано Прокше, в котором возможно предполагать отца нашего злополучного Якова. Грамота № 664 входит в комплекс переписки Доброшки с другими лицами и этих лиц между собой. Этот комплекс включает семь берестяных грамот, которые по стратиграфическим показаниям датируются второй половиной XII века, но по лингвистическим признакам тяготеют скорее к середине этого столетия, что соответствует времени поколения отца Якова Прокшинича.

Добавлю к рассказанному, что Троицкий раскоп наглядно продемонстрировал постоянство связей с далекими северными землями не только текстами берестяных грамот. Впечатляющими находками были здесь плоский камень с процарапанными изображениями моржей, резная деревянная скульптура — голова человека с явными чертами представителя одной из северных народностей, амулет, изображающий языческого божка. Отлитые в той же литейной форме амулеты неоднократно обнаруживались на крайнем севере, в том числе — в древнем языческом святилище на острове Вайгач.

Раз уж я упомянул грамоту Доброшки, рассмотрим, не откладывая, связанный с ним комплекс берестяных документов. Все они найдены на двух смежных усадьбах «И» и «З» в западной части Троицкого раскопа в 1985–1991 годах. Вот список этих писем:

- от Доманега к Семьюну — № 685
- от Якима и Семьюна к Дмитру — № 735
- от Семьюна к Доброшке — № 710
- от Доброшки к Прокше — № 664
- от Доброшки к Завиду — № 665.

Грамоты тесно связаны между собой не только именами их авторов и адресатов. Письма № 664 и 710 написаны одним почерком, хотя одно исходит от Доброшки, а другое — от Семьюна. Между тем, в грамоте № 665, автором которого был Доброшка, почерк иной. Значит, по крайней мере, одно из писем Доброшки написано не им самим, а, возможно, Семьюном. Возможно и другое решение: и Доброшка в грамоте № 664, и Семьон в грамоте № 710 воспользовались услугами какого-то третьего лица. Обе версии надлежит проверить.

Список взаимосвязанных документов не исчерпан грамотами, названными выше. Имеются ещё три обрывка, не сохранившие адресных формул (№ 647, 683 и 721), которые написаны тем же почерком, что и грамота № 685. Всего, таким образом, комплекс включает восемь берестяных грамот.

Отложив ненадолго выяснение вопроса о дате комплекса, в целом относящегося к XII веку, почитаем эти письма в той очередности, в какой они обнаруживались в ходе раскопок.

С одной из них (№ 664) мы уже знакомы: «+ От Доброшьке къ Прокъше. Присьли ми гривну, а Давыдъ ти ми не въдалъ, велить възяти у вежъникъ» — «От Доброшки к Прокше. Пришли мне гривну: Давыд-то ведь мне не дал, велит взять у вежников».

Слово «вежники» нам уже встречалось в грамоте № 550. Оно означает какую-то группу населения, обязанную платить подати за право жить на земельном участке, принадлежащем государству или частному лицу. Вероятнее всего, это люди, живущие в шатрах («вежах»), то есть какие-то пришедшие в новгородские

пределы северные люди с их особенностями быта. Упоминание вежников, которые до сих пор были известны только по берестяной грамоте № 550, несомненно, ставит эту грамоту и письмо Доброшки Прокше в прямую связь.

Грамота № 665: «Ото Доброшькъ ко Завидоу. Възми оу Ратьшь шсть гривнъ, а оу Наболь три кадьчъ и гривна. А Ратьшь молови, а и жито еси показаль оу Полотевица н(а) три гривнъ, а то есьмо поворотиль во намь. А оу Пожъгъ возми ...ь кадьчъ жита...» — «От Доброшки к Завиду. Возьми у Ратши шесть гривен, а у Наболи три кади (зерна) и гривну. А Ратше скажи: А ещё ты заявил, что за Полтевичем на три гривны ячменя; так я обратил этот долг в проценты. А у Пожоги возми... кадей ячменя...»

Грамота № 683 — сильно пострадавший фрагмент: «... Нъвичь 6 коунъ... бль 18 сръчъвъ, ижъ ть ти утаиль въ Онъгоу у Нъжка ти есте на... и въспенъть...». Обрывочность текста дает возможность перевести только наиболее сохранные куски: «принадлежащих Новику 6 кун», «(кипа) беличьих шкурок, 18 сорочков, которые он утаил в Онеге (то есть в Обонежье), находятся у Нежка».

Тем же почерком написана грамота № 685, дошедшая до нас также в сильно изуродованном виде: «От Дъманега къ Сьмьюноу и къ... Въдае... за Вълькъ рьспытавъша гъраздъ... дъбра, а лиха нъ крнита...» — «От Доманега Сьмьюну и (кому-то еще)... за Воллок, хорошо расспросивши... (купите какого-то товара) хорошего, а плохого не покупайте...».

Обе фрагментированные грамоты демонстрируют связь торговых операций Семьюна с Обонежьем и Заволочьем (Двинской землей).

История находки грамоты № 710, начавшись в 1989 году, имела продолжение спустя два года. Сначала было найдено несколько фрагментов — нижняя часть документа (этот обрывок давал возможность установить общую длину грамоты); еще два обрывка расположились один в левом верхнем, а другой в правом верхнем углу; между ними зияла пустота; неясно было и количество строк, так как оба верхних фрагмента не состыковались с нижним. Всё же имя автора и общий смысл документа не вызвали сомнений. В таком виде грамота № 710 была опубликована в очередном томе свода новгородских берестяных грамот.

Однако следующий том свода придётся начинать снова с № 710, так как при продолжении раскопок почти все недостающие куски документа в 1991 году легли на лабораторный стол. Вот его текст:

«+ От Сьмьюна къ Доброшьке. Възми у Тодорька полъ десяте гривне серебра, а 10 гривнъ кунами. А у Моисея полъ шесте гривне кунами възми. А у Вънега възми 3 гривны безъ де-

вяти кунъ. А у Полюда възми 2 гривне бе шести ногать. А у Радъка (възми)... урезкъ. А у Ильке възми у Медыница поль четверъта десяте резанъ. А у Гюргя възми у Сьмъкиница... резанъ. Уцелель ти есмь от пожара. И целую тя» — «От Семьюна Доброшке. Возьми у Тодорка девять с половиной гривен серебра, а 10 гривен кунами. У Моисея пять с половиной гривен кунами возьми. У Вонегга возьми 3 гривны без девяти кун. А у Полюда возьми 2 гривны без шести ногат. А у Радка возьми урезок (чего-то). А у Ильки Медыница возьми 35 резан. А у Гюргя Семкиница возьми (сколько-то) резан. Я уцелел от пожара. И приветствую тебя».

Грамота № 710 оказалась весьма красноречивой для решения вопроса о личности писавшего её. Выше было высказано два предположения: письмо могло быть написано самим Семьюном, но Семьюн мог воспользоваться услугами третьего лица. Фразеология письма заставляет догадаться, что писал её поп: оборот «целую тя» до сих пор встретился в письме попа (грамота № 549) и в письме монахини (грамота № 682). Кроме того, каллиграфический, слегка манерный почерк свидетельствует о том, что он принадлежал профессионалу. Значит, большой вес имеет вторая версия: письмо написано Семьюном не собственноручно, а с помощью квалифицированного помощника, которому и Доброшка продиктовал или поручил написать грамоту № 664.

Небольшой обрывок (№ 721) написан тем же почерком, что и грамота № 685: «+ Се въ Кънее беврвъ... поль дьвять... гривнъ... дроу(г)ыхъ ми...». В этом реестре фигурируют бобровые шкуры и, вероятно, цена на них.

Наконец, грамота № 735 оказалась целым письмом:

«+ От Якима и от Сьмьюна къ Дьмитроу. Въдаи паробъкоу семоу конь полоубоувивъ же шизии и сьтворя добре помоги емоу поправити любо и до Коростомля» — «От Якима и Семьюна к Дмитру. Дай этому слуге (то есть подателю сего) коня дурковатого (?) сивого и, пожалуйста, помоги ему доставить (груз) хоть и до Коростомля».

Весь этот комплекс взаимосвязанных документов, как мы уже отметили, по лингвистическим признакам тяготеет к середине XII века, чему имеется неожиданное подтверждение. Имя автора грамоты № 685 Доманег до сих пор ни разу не встречалось в древнерусских источниках за исключением единственного случая, когда оно выступило в качестве отчества. Под 1176 годом в новгородской летописи записано следующее сообщение: «Том же лете постави церковь нову Михаль Степаниць святаго Михаила, а другую Моисей Доманежиць святаго Иоанна Усекновение главы на Чюдиньцеве улици». О том,

что Михалко Степанич был строителем церкви Михаила архангела на Прусской улице, нам уже хорошо известно. Что же до Чудинцевой улицы, то стоявшая на ней Предтеченская церковь после сооружения в 1582 году Земляного города оказалась внутри его стен: она была расположена невдалеке от места наших раскопок.

Очень редким для XII века является и имя строителя этой церкви — Моисей. Между тем оно уже встретилось нам в грамоте № 710, принадлежащей всё к тому же комплексу. Вероятность простого совпадения имен в данном случае ничтожно мала, и мы имеем полное право утверждать, что житель Чудинцевой улицы Моисей Доманежич был сыном того самого Доманега, который отправил Семьону грамоту № 685. Но если это так, то очевидно, что Доманег умер до 1176 года, так как Моисей мог самостоятельно поставить церковь только после смерти отца.

Одним из главных постулатов пресловутой «норманской» концепции всегда было представление об исключительной правовой отсталости древней Руси. Хотя «закон русский» упоминается ещё в договоре князя Олега с Византией 911 года, самая ранняя его запись «Древнейшая Правда» датирована исследователями первой четвертью XI века; самый же ранний её список, дошедший до нас, относится к XV столетию. «Древнейшая Правда» содержит всего-навсего восемнадцать статей, касающихся самых основ правопорядка. Законодательные документы более развёрнутого характера относятся к середине XI, XII и XIII векам, а такая важная часть судопроизводства, как собрание норм судебного процесса (процессуальный кодекс), существует лишь в виде «Псковской судной грамоты» и «Новгородской судной грамоты». Оба этих документа датируются второй половиной XV века, хотя исследователи и выделяют в них некоторые разделы, формирование которых относится к XIV и первой половине XV веков.

Поэтому нет ничего удивительного в популярной трактовке знаменитой фразы, которую, по летописной легенде, произнесли новгородцы, приглашая к себе в середине IX века варяжского князя Рюрика: «Земля наша велика и обилна, а наряда у нас нету; да пойдите к нам княжить и владеть нами». Слово «наряд» в этой фразе было принято переводить как «правопорядок», «закон», что вело к логическому выводу о заимствовании правопорядка у принесших его к новгородцам варягов и представлению об исключительной примитивности предшествующей социальной организации славянских племён Северо-Запада, опиравшейся только на нормы обычного права.

Важнейшие материалы для изучения этой проблемы были обнаружены на Троицком раскопе. Среди них особое место занимает грамота № 531, найденная в 1976 году на усадьбе «Б» в слое рубежа XII–XIII веков. Это самая большая из известных к настоящему времени берестяных грамот и одна из самых ярких по языку и содержанию. Лист бересты длиной почти в 43 сантиметра и шириной в 5 сантиметров исписан с обеих сторон — шесть строк на одной и пять на другой. Сначала я приведу её полный текст, а потом мы вместе разберём и переведём его.

«+ От Ане покло ко Климяте. Брате господине, попецалоуи о моемо орудье Коснятиноу. А ныне извета емоу людьми: како еси возложило пороукоу на мою сестроу и на доцерь еи, назовало еси сьтроу мою коровоу и доцере блядею. А нынеца Федо прьехаво оуслышаво то слово и выгонало сетроу мою и хотело потяти. А нынеца, господине брате, согадаво со Воелавомо молови емоу: тако еси возложило то слово, такоко доведи. Аже ти возомолови Коснятино: дала роукоу лза зяте, ты же, браце господине, молови емо тако: Оже боудоу люди на мою сьтроу, оже боудоу люди, при комо боудоу дала роукоу за зяте, то те я во вине. Ты пако, брате, испытаво, которое слово звело на мя и пороукоу, а боудоу люди на томо, тебе не сетра, а моужеви не жена. Ты же мя и потени не зеря на Федора. И даяла моя доци коуны людьми с ызветомо, а заклада просила. И позовало мене во погосто, и язю прехала, оже оно поехало проце, а река тако: язю солю 4 дворяно по гривене събра».

А. А. Зализняк обратил внимание на взволнованность, «отразившуюся в погрешностях письма: «правда, значительная часть из них исправлена непосредственно по ходу записи. Почти все ошибки относятся к одному и тому же типу: это пропуск букв или слога. Писавший как будто всё время спешил, постоянно перескакивая вперёд... Разумеется, психологически эти сбои легко объяснимы — но только в том случае, если Анна писала письмо сама. У писца для подобных ошибок никаких психологических оснований не было бы. Таким образом, перед нами почти наверное автограф Анны. С этим тезисом хорошо согласуется отмеченный выше характер описок, а также общая эмоциональная окраска письма, которая едва ли могла бы сохраниться под чужим пером».

Из первых же строк письма очевидно, что Анна обращается к своему брату, уважительно называя его «господин брат». Слово «попецалоуи» переводится как «позаботься», а «орудьем» называлось дело, в том числе и судебное. «Господин брат, — пишет она Климяте, — вступишь за меня перед Коснятином в моём деле» (позаботься о моей тяжбе с Коснятином).

«Извета» — повелительное наклонение от глагола «изветати», имевшего значение «утверждать», «объяснять», «объявлять». «Людьми» — людьми. Контекст фразы предполагает, что здесь опущен предлог «перед», а вся следующая фраза переводится так: «А теперь объяви ему перед людьми». Поскольку в числе значений слова «люди» имеется и «свидетели», может быть предложен ещё более конкретный перевод: «А теперь объяви ему при свидетелях».

Что же поручает Анна своему брату объявить Коснятину? Прежде чем перевести её заявление, нужно разъяснить значе-

ние двух трудных в нём слов. «Порука» означает материальное «поручительство» за кого-нибудь. «Потяти» значит убить. «После того, как ты обвинил в поручительстве мою сестру и её дочь, назвав сестру мою курвою, а дочь блядью, то теперь Фед (Фёдор), приехав и услышав об этом обвинении, выгнал сестру мою и хотел убить».

Описанное в грамоте оскорбление Анны и её дочери по «Церковному уставу Ярослава» (самые ранние дошедшие до нас редакции которого относятся к XV веку) квалифицировалось как серьёзное преступление, подлежащее взысканию штрафа с оскорбителя: «Аще кто назовет чужую жену блядью, а будет боярьскаа жена великих бояр, за срам ей 5 гривен злата, а митрополиту 5 гривен злата, а князь казнить; и будет менших бояр, за срам ей 3 гривны злата, а митрополиту 3 гривны злата; а оже будет городских людей, за сором ей 3 гривны сребра или рубль, а митрополиту также; а сельской жене 60 резан, а митрополиту 3 гривны».

Далее следует обращение Анны к Климяте: «А теперь, господин брат, посоветовавшись с Воеславом, скажи ему (то есть Коснятину)». Слово «согадаво» в этой фразе переведено как «посоветовавшись». В имени Воеслава Анна допустила явную опisku («Воелавомо»).

Климята должен сказать Коснятину: «Тако еси возложило то слово, такоко доведи». Понятие «доводити» имеет прямое отношение к практике судопроизводства. Производные от него: «довод» — разыскание, «доводчик» — судебный исполнитель. «Довести» — доказать на основании принятого правопорядка, довести до конца расследование. Смысл рассматриваемой фразы: ты обвинил — в таком случае докажи правильность обвинения: «Раз ты возвёл это обвинение, так докажи».

«Аже ти возомолови Коснятино» — «Если же скажет Коснятин».

Вслед за этой фразой следует предполагаемая прямая речь Коснятина, его вероятный ответ: «Дала роукоу за зятя» — «Она поручилась за зятя».

На это Климята должен сказать: «Если будут свидетели против моей сестры, при ком она поручилась за зятя, то вина на ней».

Анна уверена, что таких свидетелей не найдётся, и произносит самую драматическую фразу письма: «Ты пако, брате, испытаво, которое слово звело на мя и пороукоу, а боудоу люди на томо, тебе не се(с)тра, а моужеве не жена; ты же мя и потени не зера на Федора» — «Когда же ты, брат, проверишь, в каких словах и в (каком) поручительстве он (Коснятин) меня обвинил, то, если найдутся свидетели, подтверждающие это, — я тебе не сестра, а мужу не жена. Ты же меня и убей, не глядя на Фёдора (то есть не принимая во внимание моего мужа)».

Сама по себе фраза «я тебе не сестра» — привычный в XII веке оборот. Вспомните письмо Нежки её братьям Завиду и Нежате по поводу невыполненного заказа на изготовление колтов. Но от этого она не теряет выразительности.

Конец письма посвящён оправданию действий дочери Анны и изложению обстоятельств, при которых произошло её обвинение: «А давала моя дочь деньги прилюдно, с изветом и требовала заклада. А он (Коснятин) вызвал меня в погост, и я приехала, потому что он уехал со словами: Я шлю четырёх дворян (взять с каждого ответчика) по гривне серебра».

Для понимания этой части грамоты и самих обстоятельств дела важным оказывается одно из положений Псковской судной грамоты: «А кто имет дават(ь) серебро в заим, ино дати до рубля без заклада и без записи, а болши рубли не давати без заклада и без записи. А кто иметь... ти ссуда серебра по доскам без заклада боле рубля, ино того доска повинити, а того права, на ком сочат». По всей вероятности, «изветы» грамоты № 531 аналогичны «записям» Псковской судной грамоты, иначе «доскам». Нелишним будет вспомнить, что о «досках» говорится в новгородской летописи в рассказе о восстании 1207 года против Мирошкинчей, когда восставшие «что на дъщках, а то князю оставиша».

Дочь Анны давала деньги в рост, соблюдая все существующие правила. Однако очевидно, что она распорядилась не своими деньгами, а деньгами Коснятина, причем делала это в отсутствие своего мужа, которому, как это следует из существа дела, деньги для отдачи в рост были поручены Коснятином. По всей вероятности, Коснятин заподозрил, что доход с его денег получается бесконтрольно зятем и всей семьей Анны. Сама Анна поручителем за зятя не была и нанесённое ей оскорбление считает бесосновательным.

«И позовало мене во погосто». Речь здесь, естественно, идет о Коснятине, который «позвал в погост» именно Анну. Формула «позвати в погост» тождественна понятию вызова в суд для предъявления обвинения. Псковская судная грамота пишет по этому поводу следующее: «А которой позовник пойдет исца звати на суд, и той позванный не пойдет на погост к церкви позывницы чести, или стулится от позывницы, ино позывница прочести на погосте перед попом» — Если ответчик будет вызван в суд и не пойдёт в погост к церкви читать судебную повестку или скроется от судебной повестки, то её нужно прочесть в погосте перед попом.

Обстоятельства предъявления обвинения Коснятином характеризуют социальное состояние Анны и её семьи. Известная формула новгородских докончаний постановляет: «... кто купець, поидет в свое сто, а смерд поидет в свои погост». Речь в грамоте,

следовательно, идёт об обвинении в оскорблении смердов, «сельских жён».

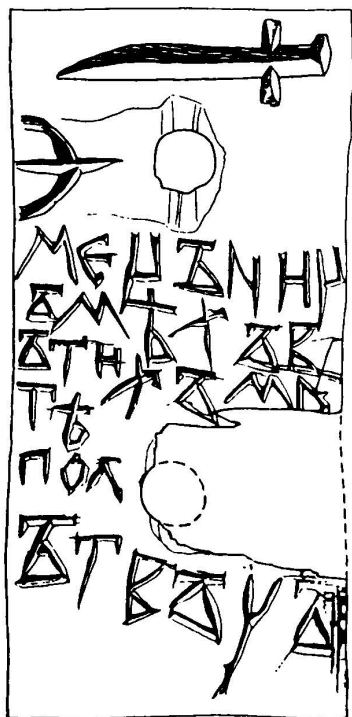
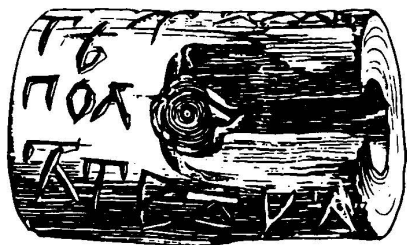
Коснятин пригрозил Анне прислать четырех дворян взять с каждого ответчика по гривне серебра. Дворянин в данном контексте — судебный исполнитель. Такое значение имеет это слово в Уставной Двинской грамоте 1397 года («А кто на кого челом бьет, дворяне и подвоиские позовут к суду») и в Новгородской судной грамоте («А кто кого позовет в селе позовкою или дворянином, ино дать срок на сто верст две недели»). Количество дворян, по-видимому, определено числом обвинённых, которых также было четверо: зять Анны, её дочь, сама Анна и муж Анны Фёдор.

Как видим, историческое значение грамоты № 531 состоит в том, что она наглядно демонстрирует применение норм гражданского судопроизводства, известных прежде только по юридическим памятникам XV века, в эпоху, на двести — двести пятьдесят лет более раннюю. Значит, дело не в том, что нормы процессуального кодекса сложились на Руси в исключительно позднюю эпоху XIV–XV веков, а в том, что источниковая бедность русского средневековья, о причинах которой выше уже было рассказано, не сохранила более ранних образцов русских юридических норм, бытовавших в XII веке и, возможно, в предшествующую эпоху.

Прочтём теперь полный перевод этой грамоты:

«От Анны поклон Климяте. Господин брат, вступишь за меня перед Коснятином в моём деле. Сделай ему теперь при людях заявление о его неправоте: “После того, как ты обвинил в поручительстве мою сестру и дочь её, назвал сестру мою курвою, а дочь блядью, то теперь Фёдор, приехав и услышав об этом обвинении, выгнал сестру мою и хотел убить”. А теперь, господин брат, посоветовавшись с Воеславом, скажи Коснятину: “Раз ты возвёл это обвинение, то докажи”. Если же скажет Коснятин: “Она поручилась за зятя”, — то ты, господин братец, скажи ему так: “Если найдутся свидетели против моей сестры, если будут свидетели, при ком она поручилась за зятя, то вина на ней”. Когда же ты, брат, проверишь, в каких словах и поручительстве Коснятин меня обвинил, то, если найдутся свидетели, подтверждающие это, — я тебе не сестра, а мужу не жена. Ты же меня и убей, не глядя на Фёдора. А давала моя дочь деньги при людях, с записью и требовала заклада. А он (Коснятин) вызвал меня в погост, и я приехала, так как он уехал со словами: “Я шлю четырёх дворян взять с каждого по гривне серебра”».

Если грамота № 531 перенесла нас в конец XII века, то новый импульс обращения к истории русского законодательства был дан не берестяными грамотами, а группой находок, на протяжении тридцати лет оставшихся загадочными.

«Цилиндр» мечника

Ещё в 1951 году, в первый сезон раскопок на Неревском конце, в слое третьей четверти XI века был найден небольшой (8 сантиметров в длину, 5,5 сантиметров в ширину) деревянный цилиндр, снабжённый внутри двумя взаимно перпендикулярными каналами диаметром около полутора сантиметров. На поверхности цилиндра изображена княжеская тамга и надпись, расположенная в три строки: «Емьця гривны 3».

Спустя четыре года на том же Неревском раскопе и на той же усадьбе «Б», на этот раз из слоёв последней четверти XI века, был извлечён подобный цилиндр с надписью «Княж(ь)».

Потом число подобных находок увеличивалось. Их обнаруживали на разных раскопах и всегда в ранних слоях, преимущественно XI века. Сейчас их собралось около десятка. На одном изображены только княжеские знаки, на другом надпись «(Ем)ьча 10 гривен», ещё на одном «В Пинезе 3 тысяче» — «В Пинеге 3 тысячи (белок?)».

Упоминание денежных сумм и в двух случаях «емцов» давало определённое направление в истолковании этих странных предметов. В «Русской Правде» упоминается некое должностное лицо — «куноемец», обязанностью которого, как это очевидно из смысла самого его наименования, было изы-

мать куны, то есть взыскивать деньги.

Впрочем, это истолкование никак не разъясняет, каким образом маленький деревянный цилиндр со взаимно перпендикулярными каналами мог быть употреблён, например, для хранения гривен независимо от их формы, представим ли мы их себе в виде серебряных слитков, определённого количества восточных или западноевропейских монет или же звериных шкурок.

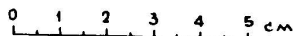
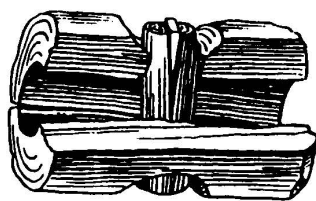
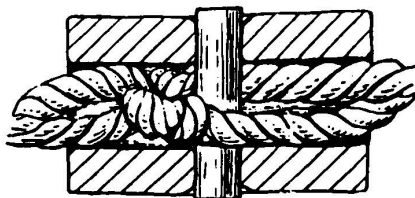
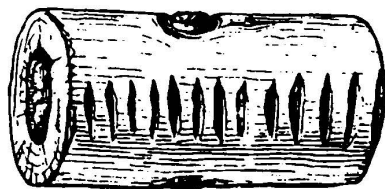
В какой-то степени способствовала разгадке одна деталь, обнаруженная впервые на цилиндре, найденном в 1970 году при раскопках на Никольской (Суворовской) улице. В этом цилиндре поперечный (короткий) канал был забит деревянной проб-

кой слегка конической формы, противоположный конец которой расщеплён и расклинен, так что невозможно извлечь пробку из канала. Позднее были обнаружены и другие цилиндры с такими же пробками.

Наличие этой детали кое-что прояснило в конструкции предмета. Очевидно, длинный (продольный) канал служил для того, чтобы в него продевалась какая-то мягкая связь (бечёвка, ремешок, верёвка), узел которой жёстко фиксировался внутри цилиндра плотно вогнанной в поперечный канал деревянной пробкой. Концами связи, выведенными через поперечный канал наружу, цилиндр мог дополнительно обматываться; следы такой обмотки хорошо видны на поверхности того цилиндра, который был первым найден в 1951 году. Иными словами, сам цилиндр способен был выполнять двойную роль: он служил биркой с обозначением принадлежности каких-то вещей или целых групп вещей и в то же время работал как замок, гарантируя сохранность узла запираемой им связи.

Окончательная разгадка пришла в 1980 году, когда на Троицком раскопе в напластованиях двадцать второго — двадцать пятого ярусов Черницыной улицы около усадьбы «Г» было найдено два таких цилиндра. На одном мы прочли надпись «Въ 9-и гри(в)не гри(вна)», а другой на своей поверхности нес изображение княжеского знака в виде простого трезубца, а также меча и надпись: «Мецьницъ мехъ въ тихъ м(о)те(хъ) Пол(...)ѣтвъчъ».

Стратиграфическая датировка этой двойной находки достаточно широка: цилиндры лежали внутри конструкции уличной мостовой, утратившей почти все плахи трёх её настилов, и крайними хронологическими вехами этой конструкции оказываются последняя четверть X — первая половина XI века. Уточнение датировки, однако, даёт изображенный на цилиндре княжеский знак Владимира Святославича, который княжил в Новгороде в 970–980

Разрез «цилиндра»

годах. Цилиндр с этим знаком и приведённой (к сожалению, фрагментированной) надписью, следовательно, относится ко времени до принятия крещения, а его надпись входит в число немногочисленных древнейших русских кириллических текстов. О чём же эта надпись сообщает?

«Мецъницъ мехъ» — мешок мечника. «Въ тихъ м(о)те(хъ)» — в тех мотках, обмотках, замотках (от «мотъ» — моток). Далее следовало имя мечника. Если от имени сохранились все буквы, то его звали Полотвец. Какой-то близкий к этому вариант имени мелькнул в грамоте № 665: «оу Полотевица».

Термин «мечник» неоднократно упоминается в «Русской Правде» и в летописях. Он обозначал судебного чиновника из числа княжих людей. В ряде статей древнейшего русского закона устанавливается высокий штраф за убийство мечника или насилие над ним. Наиболее важны для нас, однако, статьи «Краткой Правды», устанавливающие участие мечника в доходах от разного рода судебных действий: «Аже оукрадоутъ овъцоу, или козоу, или свинью, а их боудеть 10 одиному овъцоу оукрале, да положить по 60 резан продажи; а хто изимал, томоу 10 резан. А от гривни мечникоу коуна, а в десятиною 15 коун, а князю 3 гривны; а от 12 гривноу емъцоу 70 коун, а в десятиною 2 гривне, а князю 10 гривен».

Здесь нет необходимости приводить сложные доказательства тождества функций мечника и емца, а также «отрока» (они имеются в специальной научной литературе). Важно заметить, что анализ разных статей и списков «Русской Правды» позволяет точно установить, что при объезде Новгородской земли для совершения судебных действий получаемые суммы штрафов делились на две группы в соответствии с установленной законом пропорцией: от 12 гривен (иначе 300 кун) князю (то есть в государственную казну Новгорода) шло 10 гривен (250 кун), в десятину — церкви, а до нее, вероятно, языческим жрецам — 2 гривны (50 кун). Кроме того, мечнику (емцу) — 2 гривны 20 кун (70 кун). Очевидно, что оплата мечника производилась общиной пропорционально установленной сумме штрафов.

Возвращаясь к надписям на цилиндрах, мы обнаружим в них все три группы: 1) «емца гривны 3», «емца 10 гривен»; 2) «княже»; 3) «в 9-и гривне гривна» — обозначение десятины.

По-видимому, главное историческое значение этой новой категории археологических находок состоит в том, что они наиболее ранними образцами демонстрируют применение запечатлённых «Русской Правдой» принципов раздела государственных доходов во времена, отстоящие по крайней мере на полвека от первой письменной фиксации «закона русского». В этой связи вряд ли следует в дальнейшем настаивать на том, что грань, отделяющая

период обычного права от периода законодательной деятельности княжеской власти, приходится на киевское княжение Владимира Святославича или, конкретнее, на момент христианизации Руси. Начальной кодификации права предшествует в древней Руси более или менее длительный период внедрения новых правовых норм, призванных обеспечить укрепление раннефеодальной государственности, прежде всего — обеспечение систем судебного и податного иммунитета. Что касается Новгородской земли, вероятно, немаловажное значение в этом процессе имеет деятельность Ольги по расширению сети погостов в середине X века.

В этой связи чрезвычайно важной представляется топография находок цилиндров. Казалось бы, закономерной могла быть только их находка на Ярославовом дворище или на Городище — в центрах местопребывания княжеской администрации, коль скоро сбор вир и продаж привычно связывается с деятельностью княжеской дружины. Между тем цилиндры найдены в Славенском, Неревском, Людином, Загородском концах на усадьбах, в дальнейшем известных как владения боярских родов Новгорода. Как видим, указанным обстоятельством устанавливается активное участие местной родоплеменной аристократии в сборе и разделе государственных доходов Новгорода в X–XI веках и, следовательно, в деятельном контроле этой социальной группы над всей фискальной системой. В этом состоит коренное отличие Новгорода от принятой в центральной и южной Руси системы сбора государственных доходов самим князем с дружиной, то есть «полюдья».

Некоторые новые материалы позволяют утверждать, что это участие местной аристократической верхушки в сборе и распределении государственных доходов осуществлялось на основе своего рода кормлений, закреплённых в дальнейшем за конкретными боярскими семьями на протяжении многих поколений.

На Троицком раскопе была обнаружена серия разновременных берестяных грамот, указывающих доходы с населённых пунктов, которые до самого конца новгородской независимости не стали частной собственностью бояр, житейх людей или монастырей, а сохраняли статус чёрных, то есть государственных земель. В одном и том же комплексе усадеб, расположенных на перекрёстке Черницыной и Пробойной улиц Людина конца, найдены одна такая грамота XII века (№ 550) и одна грамота XI века (№ 526).

Грамоту № 550 мы уже цитировали. Её автор Пётр, озабоченный сбором денег за аренду земли («поселищных кун»), столкнулся с непростой ситуацией. Некие «вежники» (люди, живущие в шатрах и поселившиеся на этой земле) утверждают, что они положенные четыре гривны уже заплатили Сбыславу. Если бы речь здесь шла о частной, вотчинной земле, такой конфликт просто не мог бы возникнуть, поскольку в любой вотчине был ста-

роста, управляющий, обязанный следить за порядком и владельческими доходами. В данном случае уплата совершается на чёрных землях наезжающим сборщикам податей. В грамоте упоминаются дороганичи (жители деревни Дорогани), которые пошли в город. Единственная деревня с таким названием находилась на Шелони.

Важнейшее значение для понимания особенностей новгородской государственной организации имеет грамота № 526, найденная на усадьбе «А» в слоях второй трети XI века, — один из древнейших берестяных документов: «На Бояне въ Роусе гривна. На Житобоуде въ Роусе 13 коуне и гривна истине. На Лоуге на Негораде 3 коуне и гривна съ намы. На Добровите съ людьми 13 коуне и гривна. На Нежьке на Пръжневици поль гривне. На Сиrome без дъвоу ногатоу гривна. На Шелоне на Добромысле 10 коунъ, на Животтъке 2 гривне кроупемь. Серегери на Хъмоуне и на Дрозде 5 гривенъ бес коуне. На Азьгоуте и на погощахъ 9 коунъ семее гривне. Дубровьне на Хрипане 19 третьее гривне» — «За Бояном в Русе гривна. За Житобудом в Русе иста (то есть собственно долга, без процентов) 13 кун и гривна. На Луге за Негорадом вместе с процентами 3 куны и гривна, за Добровитом с людьми 13 кун и гривна, за Нежком Прожневичем полгривны, за Сиromом без двух ногат гривна. На Шелони за Добромыслом 10 кун, за Животком 2 гривны обломками серебра. На Селигере за Хмуном и за Дроздом 5 гривен без куны, за Азгутом и за погощанами 6 гривен и 9 кун. В Дубровне за Хрипаном 2 гривны и 19 кун».

Потрясающая грамота! Какая россыпь древнерусских имен: Боян, Житобуд, Негорад, Добровит, Нежко, Прожень, Сиrom, Добромысл, Животко, Хмун, Дрозд, Хрипан, Азгут (впрочем, последнее имя явно скандинавского происхождения). Древнейшее упоминание Русы (нынешней Старой Руссы). Но главный смысл этой грамоты в другом.

Её содержание внешне сводится к исчислению сбора «истины» (капитала) и «намов» (процентов) с лиц, живущих в разных районах Новгородской земли. Перечисляются люди, находящиеся на Луге, на Шелони, в Русе, на Селигере, на Дубровне (шелонской или валдайской?) и являющиеся должниками одного и того же кредитора. Поскольку документ относится к довотчинному периоду, трактовать его можно лишь однозначно: только участие в фискальном аппарате государства давало возможность новгородскому кредитору в условиях господствующего натурального хозяйства раскинуть столь значительную сеть своих ростовщических операций. Между тем нам уже хорошо известно, что вплоть до XIII века в грамотах боярских усадеб решительно пре-

НА БОА НЪ ВЪ РОУ СЪ ГРНА НА ЖИТО БЪ
 НЪ ГРНА НЕТНЪ НА К ОУ ТЪ НА НЪ ГРНА
 НА ДЪ РО ВЪ ТЪ СЪ ЛА ДЪ МЪ ГРНА
 ПОЛЪ ГРНА НА СЪ Ч О МЪ СЪ ДЪ В О У Н О Т А Т О У Г Р Н А
 МЪ Г Р Н А Н А С Ч О МЪ СЪ ДЪ В О У Н О Т А Т О У Г Р Н А
 МОУ НЪ Н А Д А О Т Д А СЪ Г Р Н А В Е С К О У Н Б Н А
 Ф. КОУ НЪ СЪ МЪ Г Р Н А Д О У Е Р Д Б Н А Х Р П П Н Б
 СЪ ВЪ РОУ СЪ ГРНА КОУ НЪ
 КОУ НЪ ГРНА СЪ НА МЪ
 НА ШЕ Л О НЪ А П О З Ж Р Е В И Н
 П Т Г Р Н А
 Т В Г О У Т Б Н А П О Г О Ш А Х
 Т Р Е Т ВЪ Г Р Н А

0 1 2 3 4 5 cm

Грамота № 526

обладают сюжеты, связанные с деньгами и в частности с ростовщицеством.

Все эти материалы ещё раз возвращают нас к вопросу о характеристике материальной основы новгородского боярства в допотопный период. Решительные победы над князем уже в период, предшествовавший становлению вотчинной системы, являются достаточно ярким свидетельством того, что местная аристократия, обладая определёнными привилегиями и выдающимся положением в общественной иерархии, к концу XI века накопила существенные материальные ресурсы, которые позволили боярству вести успешную борьбу с княжеской властью во имя торжества вечевого строя.

Но эта проблема имеет ещё один важный аспект. Двухвековая борьба антинорманистов с норманистами имела более политический, нежели научный характер. Призвать князя со стороны представлялось антинорманистам оскорблением патриотического чувства, акцией, унижающей национальную гордость. Между тем объективно оценить любой факт истории можно только его всесторонним рассмотрением. Изложенные материалы показывают, что одним из важнейших условий призвания князя было сохранение контроля над государственными доходами за местной аристократической верхушкой. В позднейших договорах Новгорода с князьями это условие традиционно и неуклонно повторяется: «А волостии ти, княже, новгородьскихъ своими мужи не държати, държати ти мужи новгородьскими, а дар тебе от тех волостии емати». Существовало и другое условие, восходящее к исходному договору с князем, запрещающее князю, его княгине, его боярам и его дворянам владеть землей на территории Новгородского государства. Князю выделялись лишь луговые участки для содержания коней.

Таким образом, сумма новых находок возвращает нас к острейшим проблемам отечественной историографии, позволяя взглянуть на них иными, чем прежде, глазами.

За долгие годы общения с текстами берестяных грамот мы привыкли к прагматической сухости многих документов, скрупулезно исчисляющих должников, недоимщиков, долги и недоимки в деньгах, мехах, зерне, рыбе и других продуктах. Научились различать «исто» или «истину» (данный взаймы капитал) и набегающие на «исто» «намы» (проценты). В тот же разряд в момент её находки была зачислена и грамота № 671, найденная в 1986 году на усадьбе «Г» в слое рубежа XII–XIII веков.

Казалось бы, что может быть скучнее такого текста:

«У Фомь лукон. У Климять лукно. У Тор(о)къ 3 лукн. У Бориса лук. У Твьрьши лукон. У Стъпана 3 лукон. У попа 2 лукна. У Чьрьмына лукна. У Събыслава лукно».

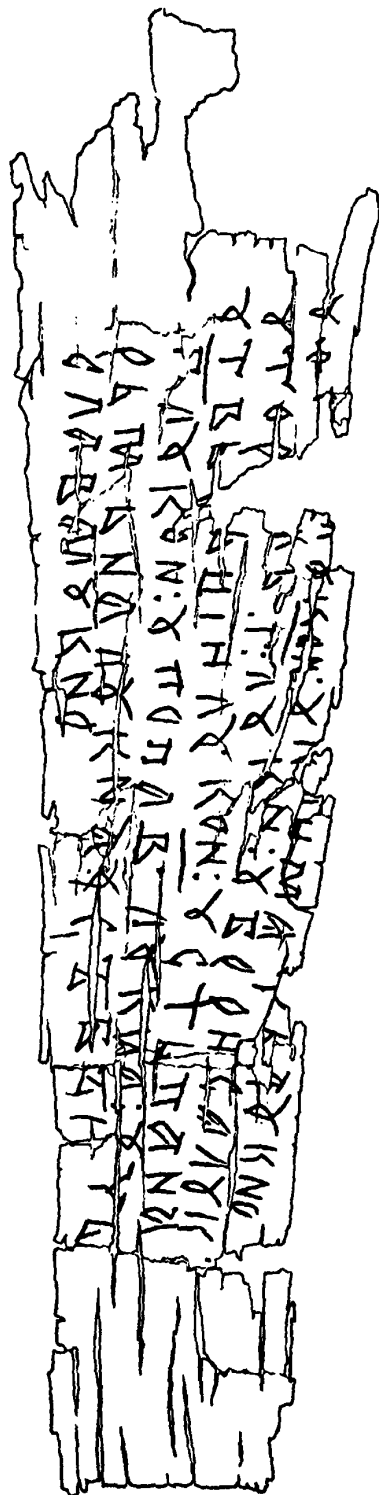
«Лукно» — иначе «лукошко». Девять человек, перечисленных в грамоте, должны доставить в общей сложности четырнадцать лукошек, надо понимать, — не пустых, а с содержимым. Коль скоро в такой доставке участвует немало людей, можно также догадаться, что лукошки были одинаковыми, то есть мерными. Если бы было иначе, как же разобраться записывающему: а вдруг три лукошка Степана окажутся меньше одного лукошка, например, Фомы или Климяты?

При любом затруднении в понимании редкостных древнерусских слов выручает обращение к другим средневековым источникам. И в нашем случае они разъясняют несколько важных деталей. Во-первых, выясняется, что «лукно» — это деревянная посуда с обручами типа кадочки или гнутая из луба типа кузовка. Во-вторых, это действительно мерная посуда. Вот, например, в «Русской Правде» приводится расчёт продуктового довольствия вирника (емца, мечника, отрока) на неделю: «На неделю 7 хлебовъ, 7 уборковъ пшена, 7 лукон овса на 4 кони». Если бы «лукна» были произвольного размера, какой бы открывался простор для конфликтов! Наконец, в-третьих, в раннее время «лукно» чаще всего было единицей измерения мёда, а не зерна, обычно исчисляемого кадыми, осминами или четвертками. Похоже, что и здесь, в грамоте № 671, речь идет о мёде.

Но для чего же девять человек обязаны доставить куда-то четырнадцать лукон мёда? И что это за люди?

На первый вопрос ответить совсем просто. Главное назначение мёда в старину было готовить из него и хмеля «медови-

Грамота № 671

ну» — хмельной напиток, по имени которого даже погреб для хранения любых напитков назывался «медушей». В летописи уже под 997 годом в рассказе о том, как в Белгороде осаждавшим его печенегам обманом внушено, что у осаждённых продукты имеются в изобилии, упоминаются интересующие нас термины: «Они же шедше взяша меду лукно, бе бо погребено в княжи медуши, и повеле росытити велми».

Предположив, что сбор мёда в нашей грамоте потребовался для организации совместного пира, мы должны теперь доказать или опровергнуть такое предположение. Само по себе оно особенно интересно потому, что праздничный пир вскладчину, в старину называвшийся «братчиной», был предприятием соседей, людей, принадлежавших к одной общине (и сама община в древних источниках иногда называется тем же словом — «братчина»). В городских условиях братчину могли составлять «уличане» — люди, жившие на одной улице, или прихожане одного храма. Кстати, именно в Троицкой церкви на Рядятине улице в XVI веке была прихожанами построена «трапеза». Обычно «трапезные» сооружались в общежительных монастырях, где монахи принимали пищу совместно. Здесь же «трапеза» явно предназначена для общих пирушек прихожан.

Знаем ли мы кого-нибудь из названных в грамоте № 671 людей, несущих «лукна»? Знаем. И не одного. Не забудем, что список относится к рубежу XII–XIII веков.

Прежде всего, это «поп», который даёт два «лукна». В указанное время на усадьбе «А» жил наш хороший знакомый Олисей Гречин, бывший не только художником, но и священником.

Это, затем, Климята, письмо к которому от его сестры Анны найдено на усадьбе «Б» как раз в интересующих нас слоях. Это не единственная встреча с ним на Троицком раскопе. В 1991 году на усадьбе «И» из того же стратиграфического уровня была извлечена грамота № 725:

«От Рьмыше поклонянье къ Климяте и къ Павьлу. Бога дея которей любо потрудися до владыче. Съкажита владыче мою обиду и мои бои железа. А я емоу не дъльжьне ничимъ же. И молю ва ся» — «От Ремши поклон Климяте и Павлу. Ради Бога, пусть кто-нибудь из вас доберётся до архиепископа; скажите архиепископу о моей обиде и о том, как я был избит и закован в кандалы. А я ему (то есть обидчику) ничего не должен. Прошу же вас».

Как и из письма Анны, очевидно, что Климята был достаточно влиятелен, чтобы заступаться за обиженных. Его нерядовое положение позволяло ему в случае необходимости использовать высокий авторитет самого архиепископа.

Знаем ли что-нибудь о Фоме, именем которого открывается список? Ни одной грамоты, адресованной Фоме, на Троицком рас-

копе пока не обнаружено, но, знакомясь в летописи с носителями такого имени, мы под 1215 годом прочтём следующий рассказ. Приглашённый в Новгород княжить Ярослав Всеволодович распорядился схватить новоторжского посадника Фому Доброщича и, оковав его, сослал в Тверь. Посадничество в малых городах Новгородской земли осуществляли не местные жители, а новгородцы, а уникальное отчество Фомы заставляет вспомнить, что во времена третьей четверти XII века на усадьбе «З» жил уже известный нам Доброшка, носитель столь же редкостного имени.

Борис? Человеку с таким именем адресована грамота № 581, найденная в 1980 году в слое конца XII века на усадьбе «Е-1»:

«От Орьшька ко Борисоу. Око ми еси продалъ жито, то во...» — «От Орешка к Борису. Так как ты мне продал ячмень, то...».

Тверьша? Это имя является уменьшительным от «Твердяты», а Твердята упомянут в грамоте № 672, происходящей из напластований второй половины XII века усадьбы «И».

Сбыслав? Мы уже встретились с ним в грамоте № 550 с усадьбы «В». Помните? Вежники божились, что уже уплатили ему четыре гривны.

Итак, из девяти человек нам удалось идентифицировать шесть. И все они связаны с разными усадьбами Черницыной улицы: поп — с усадьбой «А», Климята — с усадьбой «Б», Сбыслав — с усадьбой «В», Борис — с усадьбой «Е-1», Фома — с усадьбой «З», Твердята — с усадьбой «И». Весьма убедительный результат. Не отысканы только Торка, Степан и Чермень, но ведь и Черницына улица исследована Троицким раскопом на сравнительно небольшом участке.

И снова бесконечное разнообразие жанров... В этой главе мы познакомимся с пёстрой мозаикой сюжетов только ранних грамот Троицкого раскопа — тех, что были обнаружены в слоях XI — начала XIII века, до рокового для Мирошкиничей восстания 1207 года.

Эти грамоты происходят из разных усадеб, но больше всего их найдено на усадьбах «З» и особенно «И». На усадьбе «И», в её южной части, в слое рубежа XII–XIII веков обнаружено около пятидесяти берестяных грамот. Их необычное скопление вызывает мысль о том, что при какой-то генеральной уборке усадьбы множество берестяных листов, по которым, как мы помним, новгородцы «ходили ногами», было сметено в дальний от «чистого двора» угол. Ещё около двадцати грамот происходит из тех же напластований усадьбы «З». Многие из них уже упоминались и цитировались в предыдущем рассказе. Здесь же почитаем те, о которых поговорить ещё не довелось.

Усадьба «И» своими парадными воротами выходила не на Черницыну, а на Ярышеву улицу, ту, на которой в 1194 году начался от двора Савки пожар Людина конца. Рядом с раскапываемой усадьбой находилась построенная впервые в 1151 году церковь Василия Парийского. Она просуществовала вплоть до 1820 года, когда в связи с перепланировкой этой части Новгорода был срыт Земляной город, а на прежнем месте его укреплений проложена широкая полукольцевая магистраль, опоясывающая Детинец. Церковь попала под эту ныне активно действующую магистраль, а близость её к Троицкому раскопу проявилась в том, что северная граница раскопа частично затронула кладбище при этом храме. Между тем материалы средневековой топографии показывают, что обычно дворы клира (попа, дьякона, просвирицы) примыкали вплотную к церковному участку. Значит, на усадьбах северной части Троицкого раскопа следовало ждать берестяных грамот и других находок, связанных с клириками церкви Василия. Один из их дворов нам уже известен — усадьба «А», на которой священнослужители жили на протяжении всей второй половины XII и начала XIII века.

Близость к церкви проявилась и в некоторых текстах усадьбы «И». Самый значительный из них — грамота № 727 — подробная запись церковной службы на Фоминой неделе, первой не-

деле после Пасхи. Не приводя её полностью, познакомимся с началом записи:

«+ Благословлено. Господе 3 Христось въ. Людие + Христось во + Да исповедяться Господеви + ныня и при. Тажь. + Христо въскресе + Якъ съкруши Господе врата медяная + Людие. Христось...»

Эту запись нужно не только перевести, но и расшифровать, так как она записана сокращённо, условно, в виде неких «суфлёрских» реплик.

Первое слово «Благословлено» — подсказка священнику начальной фразы: «Благословено царство Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков». Затем он трижды должен воскликнуть: «Христос Воскресе», а вслед за ним и прихожане («люди») повторяют этот возглас. Далее священник читает стих из 106 псалма Давида: «Да исповедятся Господеви милости Его, и чудеса Его сыном человеческим». Немного дальше следует произнести стих из того же псалма: «Яко сокруши врата медная и верей железныя сломи». В дальнейшем тексте чередуются реплики попа и «людей», а завершается длинный текст словами: «Фоме светилено. Мъихъ оудо язвы рукою си испы...», соответствующий ексапостиларию (светильну): «Моих удов рукою твоею испытывый язвы, но не веруи ми, Фома, уязвленному тебе ради; со ученики единомудрствуй, и живущаго проповедуй Бога».

Запись молитвы была прочитана в грамотах № 652 и 653, которые, может быть, даже являются фрагментами одного и того же берестяного листа.

Надо полагать, что священником или дьяконом был составлен список некоего имущества — грамота № 660, найденная, как и предыдущие, на той же усадьбе «И»:

«Бльстьке 2, ножь, соудокъ тьмьяна» — «Две блестки, нож, горшочек ладана». Упоминание ладана прямо связывает эту запись с церковными людьми.

Менее определена такая же принадлежность грамоты № 648. А. А. Зализняку удалось выяснить, что ещё одним фрагментом этой грамоты является обрывок, получивший № 659. Вместе они демонстрируют следующий текст:

«Васкина тоб(ола)... (съръ)чкъ кунічь 2, къръзно, кожных..., свита, оперьнике, покрове...»

Вспомним тоболы (сумки) Косты и Гришки с одеждой, оставленной на сохранение (в грамоте № 141). Нечто подобное и в этой записи. И если сорочек куньих мехов, плащи (корзна), свита (верхняя одежда) могли принадлежать и духовному, и светскому лицу, то впервые встреченное слово «оперсник», то есть некая одежда, покрывающая грудь, ассоциируется с парамандом — четырехугольным платом, принадлежностью монаха; такой плат охватывал пле-

чи монаха, обвивая и стягивая его одежду. И «покров» — слово церковного обихода, означающее покрывало на престол или гроб.

Из усадьбы «И» происходит и сильно фрагментированная грамота № 681: «... продаво о(ле)ниноу (?), оуцини же погребание чърнеческое. А ть сьрочьке и поль дьвять...»

Несмотря на отрывочность, совершенно очевидно, что «учинять» монашеское («чернеческое») погребение — дело священника, и мы с полным правом вкладывем эту грамоту в тот же «почтовый ящик», где уже лежат и другие, приведённые в этой главе.

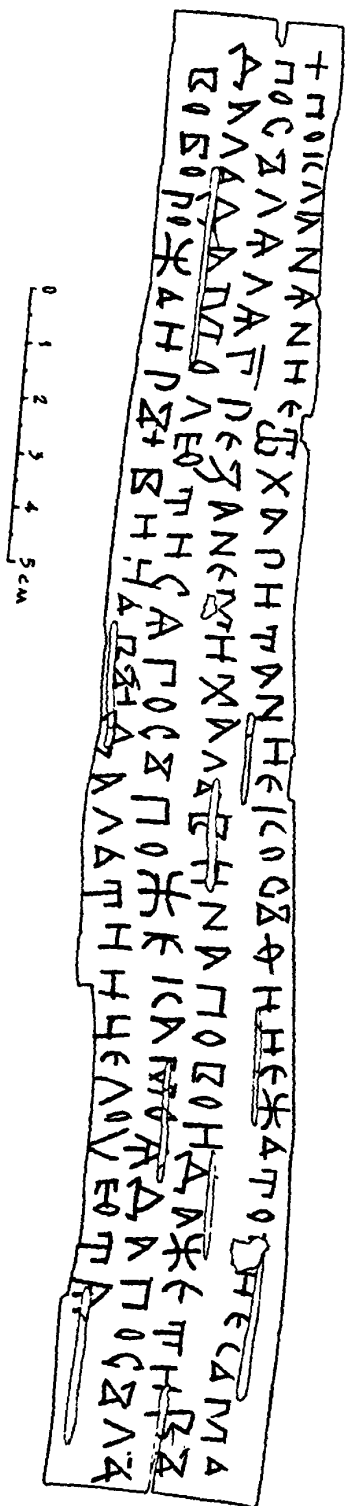
Напомню, что Троицкий раскоп находится неподалёку от Варварина девичья монастыря, на древней Черницыной улице, получившей своё название от того же монастыря. Вне всякого сомнения среди заказов Олисею Гречину на иконы немало вышло из Варварина монастыря — очень много среди этих заказчиц женщин с редкими для светских женщин, но обычными для монахинь именами.

Имеется, однако, некоторое количество грамот, прямо связанных с варваринскими черницами. Одна из них — грамота № 503 — была найдена ещё в 1973 году на усадьбе «А» в слое второй четверти XII века:

«От Изосиме покланяние ...ль века у вась, а ныня не имамь вьлости лише вьсь. А я за вы Бога молю, Съдила и Граврия и Мария и Олисава и Домьника, мьнога же вы лета» — «Поклон от Изосимы... Я провел полжизни у вас и ныне не имею никакого достоинства, кроме вас. И я за вас Бога молю, Сдила и Граврия и Мария и Олисава и Домника — многая же вам лета». Имя Сдила — мужское и мирское, языческое (не каноническое), имена остальных адресатов — женские. Для столь ранней эпохи, когда женщины в быту носят привычные славянские имена, сама концентрация канонических форм указывает на их монашеский чин. Письмо, судя по его фразеологии, написано монахом и обращено к сёстрам-монахиням.

Мы уже прочли в одной из глав этой книжки найденное на усадьбе «Г» письмо Пелаги к Афимие о деньгах, предназначенных для монастыря Святой Варвары, и узнали, что заботам Афимии поручена принадлежащая монастырю тёлка. Познакомимся теперь с двумя текстами, происходящими из слоёв второй половины XII века усадьбы «И».

Грамота № 682: «+ Покланяние от Харитание ко Съфии. Ежь то ти есьмь посьляля 3 резане Михальви на повои, да же ти вьдаль. Да молю ти ся, госьпоже ка моя, да посьль во борожь и рыбиць выдаль ти, и целоую тя» — «Поклон от Харитании Софьс. Что до того, что я послала Михалю три резаны на повой (плат), то пусть он отдаст (повой). Да ещё прошу тебя, госпожа моя: пусть он поскорее выдаст соленье (то есть соленой рыбы) и (свежих) рыбок. Приветствую тебя».

Письмо, очевидно, отправлено во время поста, чем и объясняется неотложная потребность в рыбе. Относительно же повоя удобнее будет поговорить, познакомившись с грамотой № 717 из тех же слоёв той же усадьбы:

«Поклоняние от игоумение къ Офросение. Присли привить-коу и повои. Ци ти многи повои, а присли и до 5-ти повои. А я ноугене пецалоуся цереницами постригати въ борозе. Томоу даи попытай, есте ли Мафеі оу монастыри» — «Поклон от игуменья к Офросении. Пришли привитку и повоев. Если у тебя повоев много, то пришли их штук до пяти. А я сильно озабочена черницами: скоро постригать. Поэтому давай-ка разузнай, в монастыре ли Матфей». К сожалению, игуменья не назвала своего имени. Из летописи известно, что в 1167 году скончалась варваринская игуменья Анна, а на её место была поставлена Маремьяна; в 1195 году там же умерла игуменья Христина и её сменила Варвара. Одна из этих четырёх женщин, возможно, и была автором грамоты № 717. Она озабочена предстоящим в ближайшее время пострижением нескольких женщин в черницы и просит Офросению прислать ей «привитку», под которой также можно понимать параманд, и «повои», то есть монашеские головные платы. Если у Офросении, в которой возможно видеть кастеляншу, много повоев, то можно прислать их хоть пять. Игуменья также просит узнать, в монастыре ли Матфей. Поскольку эта просьба непосредственно связана с предстоящим пострижением («тому даи попытай»), можно догадаться, что Матфей был священником, участие которого необходимо для совершения обряда пострижения.

Заметная рассредоточенность адресатов и несомненная территориальная отдалённость адресатов и авторов писем, как будто, указывают на то, что варваринские черницы жили не только на территории самого монастыря, но и в окрестных дворах, а также за пределами Новгорода, откуда на усадьбы Троицкого раскопа и приходили их письма.

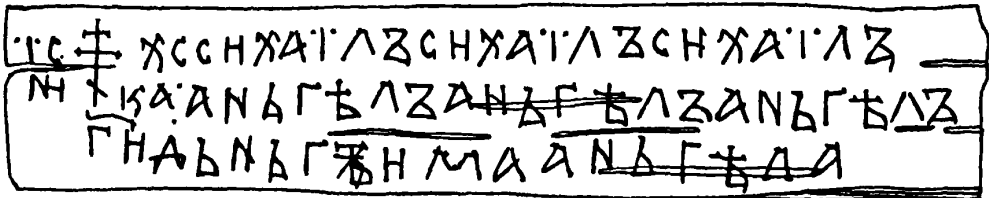
Если в комплексе усадьбы «И» ощущается присутствие клириков, то у усадьбы «З» была своя специфика. Не знаю, как у её жителей обстояло со здоровьем, но некоторое их тяготение к «практической медицине» весьма заметно. Такое утверждение, конечно, сделано в шутку, так как практицизм заботы о здоровье проявился там в склонности к заговорам.

В 1986 году в слое второй половины XII — начала XIII века на усадьбе «З» был найден тончайший лист бересты (№ 674), скрученный в тугой свиток, верхняя часть которого в древности отломилась и так и не была нами обнаружена. Расправив лист, мы прочли конец надписи, но сделали это не сразу, а после того как догадались посмотреть на неё в зеркало: текст читается справа налево и каждая буква изображена зеркально:

«... и от гласа вражия и от сотоужня грешница».

Это отрывок 4-го стиха 54-го псалма, который в целом виде выглядит так: «Воньми и услыши мя, вскорбех печалию моею, смутихся от гласа вражия и от стужения грешнича»; в русском переводе: «Внемли мне и услышь меня; я стенаю в горести моей и смущаюсь от голоса врага, от притеснения нечестивого».

В русской народной традиции использование текстов Псалтири известно. Это было средство предохранить человека от несчастия, а зеркальная запись служила дополнительным магическим средством. Найденный свиток был амулетом, оберегом; его могли носить в ладанке или другом специальном футляре. И, разумеется, эта находка, соединяющая священный христианский текст с приёмами языческой магии, свидетельствует о характерном для того времени двоеверии, когда православие, уже восторжествовав, ещё не преодолело инерции древнего язычества. Впрочем, такой процесс так и не завершён до сегодняшнего дня.

Грамота № 734

Сезон 1991 года подарил нам ещё одну необычную находку из более ранних (середины XII века) слоёв усадьбы «З». Грамота № 734 оказалась небольшим, аккуратно обрезанным листочком бересты с изящнейшей, каллиграфически выполненной трехстрочной надписью. Слева на ней был изображен восьмиконечный крест с расположенными по сторонам его титлами ІС ХС НІКА («Иисус Христос побеждает»), а сама надпись выглядит так:

Сихаілъ Сихаілъ Сихаілъ
аньгель аньгель аньгель
Гидьнь ге има аньгела

Непривычное для нас слово «Сихаілъ» — имя ангела-демонборца, упоминаемое обычно в заговорах против лихорадки, известных в записях этнографов и в рукописях XVII–XVIII веков. Вот несколько таких примеров.

«На горе Фаворстей, под дубом Мамврийским ту седаху Сихаил, Михаил и ту собращася вся силы небесныя, ангели и архангели, херувими и серафими...»; «Заклинаю вас святым великим апостолом Сисинием, святым Сихайлом и Аносом и четырьмя еван-

гелистами Лукою, Марком, Матфеем, Иоанном». Знаменитый исследователь М. Н. Соколов писал: «В одной из принадлежащих нам тетрадок XVIII века находится "Повесть св. мученика Синеа и св. архангела Сихаила о 12 трясавицах, которые мучат род человеческий разными муками, и како христиана от скорби тоя избавляются молитвами св. мученика Синеа и св. архангела Михаила; их молитвами от скорби тоя трясавичныя бывает исцеление". Повесть эта есть не что иное, как обычная в русских списках молитва св. Сисиния».

Наиболее трудна для истолкования последняя строка нашего берестяного документа, которую предположительно возможно прочесть: «Господень. Троице има аньгела». В целом же заговор звучит в переводе так: «Сихаил, Сихаил, Сихаил, ангел, ангел, ангел Господень, трижды имя ангела». В этнографии хорошо известен приём тройного повторения каждого слова заговора для увеличения его магической силы. Снова обратив внимание на соединение в одном тексте христианской символики и приёмов языческого обряда, особо отметим, что на сегодня это древнейшая русская запись оберега, заговора против болезни.

На усадьбе «З» найдены письма Доброшки, адресованные Завиду и Прокше. Грамоты других усадеб повествуют о разнообразных заботах их обитателей. Полученная Прокшей грамота № 713 найдена на усадьбе «О»:

«... от Михаля ко Прокоше. Цето ти воудоро, цето ти церемени, цето ти роудавещене и голоубине добре ...гоже... цетверете, а у Хотена оу Целопа гривена новая. Оу Спирока во прасолехо...» — «...От Михаля к Прокше. Сколько у тебя есть выдр, сколько у тебя есть красной ткани, сколько у тебя есть хорошей буро-красной и голубой ткани... четверть, а у Хотена Челпа гривна новая, у Спирка на торговцах...»

Упоминание «новой гривны» — важный хронологический момент. Существенные изменения денежной системы в Новгороде зафиксированы договорной грамотой с немцами начала 90-х годов XII века. Тем же временем, следовательно, датируется письмо Михаля. С этим лицом мы уже встречались в грамоте № 682, в которой монахиня Харитания, заплатившая ему три резаны, была озабочена получением от него повоая. Здесь он снова выступает как человек, заинтересованный в получении тканей и мехов для портновской работы.

С такой работой связаны ещё две грамоты Троицкого раскопа того же времени. Найденная в 1990 году грамота № 722 содержит такую опись имущества:

«Въвериць 12 гривьне во беле и во сьрьбре. Соболь 4 гривене. Во сетьхо 3 гривьне, во соукънехо и во хлостехо. Мьдьведьно 2 гривьне» — «Денег 12 гривен беличьими шкурками и сереб-

ром. Соболь — 4 гривны. На сетях, сукнах и холстах 3 гривны. Медвежья шкура — 2 гривны».

А в откровенно сохранившейся грамоте № 638 прямо говорится о портновской работе:

«... Ортьмие гривна дан... коуны оу мнь корозьно. Шиль есмь собь... оу Микить. Ажь избоудоу... то восолю попредьно и осиню. А ныне ми нь пакости» — «... Ортемье гривна дана... (такой-то заказал за эти) деньги у меня плащ. Я шил его себе... у Микиты. Если избавлюсь..., то пришлю заранее и выкрашу в синий цвет. А сейчас мне не пакости».

И ещё один документ, упоминающий ткани, — грамота № 675 из напластований середины XII века усадьбы «З»:

«... къ Миляте. Братъ Милято, Киеве Богъ мъжи нама послоухо былъ. Фофудьи былъ твоихъ 9 рьклъ я себе. То ти на Лоукахъ гривнъ б... ажь... твориши. Пришь Соуждалоу роздаявъ въ дъльгъ съ се...» — «От... к Миляте. Братъ Милята! В Киеве Богъ былъ свидетель между нами: из твоихъ фофудий девять выговорил я себе. Таким образом, в Лукахъ гривенъ шесть... Пришёл в Суздаль, раздавъ в долг...».

Фофудьей называлась драгоценная ткань. Дважды она упоминается в «Повести временных лет»: в первый раз при описании даров византийского императора русским послам: «Царь же Леон почти послы Руские дарми, златом и паволоками и фофудьями»; во второй раз — в рассказе о том, как князь Владимир расчищал проход через толпу: «И повеле Володимер метати паволоки, фофудью и орниче, бель, людем силно налегшим». Ценную ткань везли из Византии, через Киев, где автор письма выговорил себе у брата девять кусков такой ткани, потом путь братьев пролегал через Луки и Новгород, где Милята остался, а его компаньон-брат направился далее в Суздаль. Кстати, ещё в 1975 году на усадьбе «А» была найдена в слое середины XII века грамота № 524 — небольшой обрывок с упоминанием далёкого Киева: «... прислите 30 гривнъ, оля възму Киеве 60 гривнъ» — «... Пришлите 30 гривен, пока възму в Киеве 60 гривен».

Коль скоро речь зашла о дальних поездках и экзотических торговых связях, никак нельзя пройти мимо найденного в 1988 году в слое второй четверти XII века обрывка грамоты № 700:

«... оу кого любо и гръчьскаго бобоу сьмьни жь...». «Греческим бобом» в средневековой Руси называлась привозимая из Византии фасоль. Заодно упомяну многочисленные в культурном слое Новгорода находки скорлупы грецких орехов, которые в громадных количествах везли с далёкого Юга.

Одним из наиболее значительных и привлекательных направлений исследования, полно раскрывшимся именно на Троицком раскопе, была возможность проникновения в труднодоступную

атмосферу домашнего, семейного быта новгородцев. Вообще, бытовая сторона древности, характеризующая повседневность бытия, менее всего освещена традиционными письменными источниками. Археология же своими бесчисленными находками способна воссоздать интерьер дома с его бытовыми аксессуарами, но не может передать жест, гримасу, разговор, раскрыть обычай или этикетную традицию общения. Находки, связанные с открытием новых жанров письма, особенно значительны и заслуживают подробного рассказа. А когда это открытие сопровождается драматическими обстоятельствами, такой рассказ требует всех сопутствующих подробностей.

В конце очередной пятницы жаркого августовского дня 1991 года вместе с другими находками, обнаруженными перед окончанием работы, в лабораторию экспедиции была доставлена очередная берестяная грамота № 731. Её погрузили в горячую воду, развернули, вымыли и... пережили шок. Перед нами лежал распадающийся на семь кусков фрагмент, утративший значительные части текста и не поддающийся из-за многочисленных разрывов связному прочтению. Читатель вправе спросить: из-за чего же приходится в шоковое состояние? Ведь явное большинство берестяных документов дошло до нас во фрагментированном виде, многие из них не дают связного чтения. Приходится скорее досадовать, а не находиться в шоке... Всё это так, но в нашем-то случае разрывы бересты были свежими. Это значит, что грамота распалась от сегодняшнего удара лопатой и её недостающие куски наверняка остались на раскопе — на самом ли месте находки, или в терриконе выброшенной из раскопа земли.

Некоторую надежду на то, что, возможно, ещё не всё потеряно, внушало время находки. Грамота была обнаружена в последние минуты рабочего дня, и если какие-то её фрагменты ушли вверх по транспортёрной ленте, их вряд ли успели засыпать новыми выбросами земли из других участков и квадратов раскопа. Благоприятствовало и то, что следующий — субботний — день был нерабочим. Значит, придя рано утром на раскоп, мы застанем в нём неизменившейся картину, оставленную в пятницу, и располагаем двумя днями неспешных поисков.

Утром в субботу группа из пяти наиболее опытных сотрудников во главе с руководителем экспедиции и Андреем Анатольевичем Зализняком появилась на непривычно пустом раскопе, взяв с собой и двух студенток, на участке которых была найдена грамота. Поиски продолжались несколько часов. День был нестерпимо жарким, и наша группа являла собой предприятие, внушающее уважение. Во всяком случае всех нас повеселило объяснение, которое было дано неким гидом группе экскурсантов: «Видите, даже в выходной день академик Янин продолжает рас-

копки с группой своих сотрудников!» В субботу были найдены пять недостающих кусочков грамоты.

«Штаб» поисковой группы изготовил грубую прорись того, что было найдено в первый день, и это позволило понять, какого вида были недостающие куски и сколько ещё их надо было искать. В заведённый тогда же «конduit» записывалось время находки каждого куска, который прикладывался к прориси. Возникали первые всплески понимания того, о чём примерно идёт речь в грамоте. Действительно, одни фрагменты были обнаружены на месте находки грамоты в ещё не просмотренной земле, а другие — на верху террикона, доставленные туда лентой транспортера к вящему позору для упустивших их студенток.

К концу дня стало ясно, что не хватает только одного крохотного, вмещающего всего лишь одну букву кусочка, но именно её отсутствие породило лингвистические споры, исчерпавшиеся спустя два дня, когда нашёлся и этот крохотный фрагмент.

Впрочем, о его находке стоит рассказать подробнее. В субботу, когда этого фрагмента не было найдено, его поиски были признаны безнадежными. Однако Алёша Гиппиус настоял, чтобы в понедельник ему выделили перспективный для дальнейшего поиска участок и придали в помощники школьника. Школьник про каждую крошку спрашивал: «А это что? Сучок или береста?» Но именно третий поднятый им «сучок» оказался недостающей буквой!

Итак, грамота № 731 собралась полностью из тринадцати найденных на протяжении четырёх дней фрагментов. Грамота была собрана и склеена Владимиром Ивановичем Поветкиным. И здесь триумф ожидал Алексея Алексеевича Гиппиуса, так как именно он первым понял главное звено её смысла.

«Поклоняние от Яноке со Сьятою ко Ярине...».

Остановимся ради небольшого комментирования. Грамота была найдена в слоях середины XII — начала XIII века на усадьбе «П». Но в тех же слоях и на той же усадьбе и в том же 1991 году был найден берестяной ярлык (грамота № 728) с надписью: «Ярина», чем подтверждается неслучайность связи Ярины с этой усадьбой. Знакомы мы были и с одним из авторов грамоты № 731 — Селятой. Ещё в 1984 году на усадьбе «Ж» в слое второй четверти XII века обнаружена грамота № 632, больше всего напоминающая современную «визитную карточку»:

«Коузема Тоудорове блезоке, Селятине сыно» — «Кузьма, Тудоров свойственник, Селятин сын».

А теперь продолжим чтение нашей многострадальной грамоты:

«... Хоць ты твоего детятиць» — «Дитятко хочет твоего».

Относительно «дитятка» болес или менее понятно. Надо полагать, «детятиць» («дитятко») — это сын Янки и Селяты, — может быть, тот самый Кузьма, бывший также свойственником Тудора. Но чего же «твоего», «Яриного» этому дитятке захотелось?

ПО КРАНА В Н С В А
 Ч Л Б Р В Т О Ж С Т Н С
 С М О С А С М О С Т О Р
 А И Н П О В М О Н К И
 А К С А С Н М И К И
 И К С С П С Л А Т И О
 К Л А Д И Н И Ш Х О П
 Б Р И З Е К Х С А Д
 С Б А И П П Ч Л А Д Ш
 А К Р З В О Б Я Н П Р
 Ч А В Н Ч А Д Ш П Т М
 П Т С

Грамота № 731

«... О свято жь ти ее хоць». То, чего хочет дитятко, оказывается, — женского рода. И хочет он её к празднику («о свято»).

«Ажь хоцьши, во брозе жь седь буди» — «Пожалуйста, срочно будь здесь».

«И яла есмо ся ему по руку, яко ты си мловила ему» — «А я обещала ему своё согласие (на то, чтобы было), как ты сказала ему давеча».

Что же давеча сказала Ярина «дитятке»? «Ты дни придьши, томо дни пойму» — «Придёшь — в тот же день сосватаю».

Вот, оказывается, в чём дело. «Дитятко» захотел жениться. Ярина — сваха. Родители — Янка и Селята (впрочем, командует всем мать жениха) — согласны с выбором невесты и хотят повенчать молодых в праздник.

Далее следует срочный заказ свахе Ярине:

«И не ли ти тамо повоица, а крвоши присоли» — «А если у тебя там нет повойничка, то купи и пришли». Без повойничка свадьбе не обойтись. Повойник, головной плат и кокошник — признак замужней женщины: повойник носили по будням, а кокошник по праздникам. Это не просто признак, а своего рода символ. Когда женщина не была рада замужеству, то говорили: «Не рада баба повою, рада б покою». Кроме того, это неременный атрибут свахи. На этот счёт существует ещё одна поговорка: «Сваха на свадьбу спешила, рубаху на мутовке сушила, повойник на пороге катала».

А завершается наша грамота поразительной по своему лаконизму формулой:

«А кодь ти мне хльбь, ту и тебе» — «А где мне хлеб, там и тебе». Попробуйте-ка более ярко выразить чувство благодарности человеку, с которым тебя свёл только случай.

Следует заметить, что свадебная тема не впервые прозвучала в берестяном письме. Уже упоминались грамота, сообщившая о том, что кто-то «женился тут», найденная в котловане строительства Дворца бракосочетаний, и грамота, настаивающая отложить свадьбу ради присутствия на ней Аркадия. И роспись свадебных даров из Неревского раскопа. Вероятно, к той же теме имеет отношение грамота № 429 XII века, найденная при случайных обстоятельствах в Славенском конце ещё в 1965 году:

«Монисто, оусьязи, кожоуха 2 съ пльд... три отоцька польпна и съ цельцьмо... шьсть гоубиць, пьрни и възогьловие, лоудиц... 5 ружьныхо, а три бела, оковьць медян... гьлько, ларь» — «Монисто, серьги, шуб две... (каких-то женских головных уборов) три с обшивкой, украшенной лцистами, и с очельцем... шесть губок, перины и изголове, плащ... пять крашенных в красное и три белых, окованный ларчик медный,... кувшин, сундук». Похоже, что это опись приданого невесты.

Представление о разнообразии текстов Троицкого раскопа останется неполным, если не упомянуть грамоту № 663, найденную в 1985 году на усадьбе «И» в напластованиях конца XII века:

«Милоке, Уенеге, Будишя заплатили поло гривене Коростокине рала. Невиде, Касия Сморочъва рала заплатила пло девять куне» — «Милко, Уенег и Будиша, Коросткины (дети), заплатили полгривны поралья (подати с плуга). Невид и Касьян, Сморочевы (дети), поралья заплатили восемь с половиной кун».

Поскольку в гривне было 25 кун, расчёт, сделанный сборщиком податей, показывает, что подать с двоих Сморочевых детей составляет почти ровно две трети от подати с троих Коросткиных детей.

Как всегда, наиболее значительными кажутся тексты, отличающиеся сугубой древностью и несущие неординарную информацию. Среди таких текстов на первое место по праву следует поставить грамоту № 605, найденную в 1982 году на усадьбе «А» в слое конца XI — первой трети XII века:

«Покланияние от Ефрема къ братоу моемоу Исоухие. Не распрашавъ розгневался. Мене игоумене не поустиле, а я прашалься. Нъ посылалъ съ Асафъмъ къ посадъникоу медуо дея. А пришъла есве оли звонили. А чемоу ся гневаеши. А я вьсъгда оу тебе. А соромъ ми оже ми лихо мълвляше. И покланяю ти ся братьче мои, то си хотя мълви. Ты еси мои, а я твои» — «Поклон от Ефрема брату моему Исухии. Ты разгневался, не расспросив: меня игумен не пустил. А я отпрашивался, но он послал меня с Асафом к посаднику за мѣдом. А вернулись мы, когда (уже) звонили. Зачем же ты гневаешься? Ведь я всегда при тебе. А зазорно мне, что ты злое мне говорил. И (всѣ же) кланяюсь тебе, братец мой, хоть ты и такое говори. Ты мой, а я твой».

Очевидно, что это письмо является ответом на упреки Исихия, показавшиеся Ефрему горькими и крайне несправедливыми. Ефрем не пришѣл к Исихию в назначенный срок, но это случилось только потому, что его не отпустил игумен несмотря на его просьбы. Вернулись же Ефрем с Асафом, когда звонили (к церковной службе или к трапезе), то есть, вероятно, когда истѣк назначенный Исихием час.

Стиль письма изящен и выдаѣт в его авторе книжного и интеллигентного человека. Единственный Ефрем, известный в Новгороде близкого времени, — монах Ефрем, ставший юрьевским игуменом после Исайи. Его имя фигурирует только в летописном списке новгородских архимандритов между Исайей и Дионисием. Исайя строителствовал ещё в 1134 году, а Дионисий поставлен в игумены в 1158 году. Если предполагаемая идентификация справедлива, то грамота должна относиться ещё ко времени Исайи или его предшественников. Не исключено, что упомянутым в ней посадником, к которому Ефрем и Асаф ходили за мѣдом, был Иванко Павлович.

Грамота № 605 принадлежит к числу наиболее значительных берестяных документов, отличаясь ранней датой, полнотой текста и незаурядным содержанием. Она имеет не только филологическую ценность, но и является одним из древнейших источников для изучения древнерусского этикета.

Грамота № 605

К более раннему времени относится грамота № 527, найденная в 1975 году на усадьбе «Д» в слое второй трети XI века:

«... Ати боуде воина, а на мя почъноу, а молитесь Гостятою къ князю» — «... Если будет война и на меня нападут, то проситесь с помощью Гостяты к князю». Мы не знаем, откуда пришло это письмо, но очевидно, что из угрожаемых, пограничных мест. Не связано ли оно с походами Всеслава Полоцкого на Новгород (помните? — когда «Литва встала на корелу»).

К последней четверти XI века относятся две грамоты — № 562 и 607, — найденные на усадьбе «А» в 1977 и 1982 годах и счастливым образом соединённые А. А. Зализняком в одну:

«Жизнобоуде погоублене оу Сычевиць, новъгородьске смърде, а за ними и задъниця» — «Сычевичами убит Жизнобуд, новгородский смерд. А у них и его наследство». Перед нами административное донесение новгородским властям. Смердами назывались крестьяне, платящие подати в государственную казну. Согласно «Русской Правде», в случае смерти не оставившего наследников смерда его выморочное имущество переходит в собственность князя, то есть государства. Если Сычевичи присвоили имущество Жизнобуда, то тем самым они совершили ещё одно преступление.

Определённые исторические ассоциации вызывает найденная в 1992 году на усадьбе «И» в слое второй четверти XII века грамота № 739, от которой сохранились лишь две первые строки:

«Отъ Глебъка къ волочаномъ. Въдаите сему дяку 5 и гривну църкъвную. Стреже...» — «От Глебка к волочанам. Выдайте сему дяку 5 (гривен?) и церковную гривну...».

Речь в грамоте идет о Заволочье, о волочанах, платящих государственные подати. Но имя Глеб — преимущественно княжеское, в XI–XII веках оно никогда не встречается вне круга княжеской семьи. Между тем после изгнания из Новгорода князя Всеволода Мстиславича, нашедшего приют в Пскове, новый новгородский князь Святослав Ольгович в 1137 году «брата своего приведе Глебъка в Новгород из Курска с тем, чтобы он со своими курянами и половцами участвовал в походе на Псков. Глеб Ольгович умер в 1138 году, и эта грамота, возможно, датируется с предельной точностью 1137–1138 годами.

Последняя грамота, о которой хочется упомянуть в этой главе, — найденный в 1985 году на усадьбе «И» в слое середины — второй половины XII века фрагмент грамоты № 656. Она состояла из двух строк, но сохранила только правую часть листа:

«... Коулотъке грамъта къ Хоудъ... иди реки Пльсковою».

Кто-то вместе с Кулоткой обратился к Худо(славу?), велел ему «идти и объявить Пскову». Можно только сожалеть об утрате левой части письма, которая могла бы разъяснить повод, который требовал объявления целому городу некой, несомненно, очень важной вести. А может быть, это письмо относится к чуть более раннему времени и касается тех же событий, которые поставили Новгород и Псков в состояние войны в 1137–1138 годах.

Неожиданность ожидала нас на усадьбе «К», лишь в самой незначительной степени затронутой раскопками. В пределах Троицкого раскопа оказался лишь её угол площадью около 200 квадратных метров. В предшествующие годы здесь было найдено всего лишь три грамоты — две в слое первой четверти XIII века, одна — в напластованиях XII века. В сезоне 1993 года раскопки перешли уровень рубежа XI–XII столетий, оставляя нам минимум надежд: берестяные документы первого столетия распространения грамотности на Руси единичны. В качестве некоторого утешения в ход шли и такие рассуждения. Самые ранние берестяные грамоты отличаются сухой прагматичностью. Ну, найдём ещё один текст, из которого выяснится, что такой-то должен такому-то такую-то сумму денег. И этот долг так и останется вечным, ведь нам не будет дано знать, вернул ли должник ссуду и проценты своему кредитору.

И вот очередная грамота, получившая № 752, найдена в напластованиях 80-х годов XI века около самой мостовой Черницыной улицы. Она предстала перед нами в виде двух длинных исписанных берестяных лент, связанных узлом. Когда их развернули, первым эмоциональным движением был общий вздох разочарования. Ещё бы! Ленты были оторваны от грамоты длиной в сорок пять с половиной сантиметров и не смыкались друг к другу. С самого начала было очевидно, что документ утратил среднюю часть, об объёме которой можно было только догадываться. В то же время не оставалось сомнений в том, что одна из лент — начало, а другая — конец текста. Ну что же, в начале узнаем, от кого и к кому написана грамота, а в заключительной части найдём пожелание адресату доброго здоровья.

Но между прочим имени автора и адресата мы так и не узнали. Начало первой строки было оторвано. Такое обращение с уже прочитанным письмом было нам не в новинку: выбрасывая письмо, адресат привычно отрывал его начало, чтобы случайный глаз не узнал, чьими были заботы, изложенные в выброшенной бересте. И в нашем случае сработала привычка адресата: оторванная часть была настолько мала, что в ней не могло уместиться каких-либо имён. Почему? Узнаем из текста.

После оторванной части — окончание первой фразы письма: «... тебе тришьдъ».

Отсутствуют примерно с десятков букв, и, опираясь на дальнейшее содержание письма, его первую фразу возможно восстановить так:

«(Сълала есмь къ) тебе тришьдъ» — «Я посылала к тебе трижды».

Дальше следует довольно пространный кусок непо тревоженного текста, но мы растянем удовольствие, читая каждую фразу отдельно. «А въ сию неделю цѣтъ до мнѣ зѣла имееши, оже еси къ мнѣ нѣ приходилъ» — «Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ты ко мне не приходил?»

Слово «неделя» в этом тексте переводится неоднозначно. Изначально первый день седмицы назывался «неделей» или «днём недельным», когда положено было не работать, а отдыхать. Это потом, вероятно, желание не работать, а каждый день отдыхать привело к переносу термина на всю седмицу. Во второй половине XI века слово «неделя» употреблялось и для обозначения воскресенья, и в нашем современном смысле. В грамоте № 752 всё же речь идёт скорее о всей неделе. Трудно представить себе нетерпеливость писавшей письмо, если она действительно трижды и безответно посылала к своему адресату на протяжении одного дня, когда адресат мог не оказаться на месте. Изложенный в письме упрёк должен был созреть.

«А аз тя есмела акы братъ собе» — «А я к тебе относилась как к брату».

Волнение вынуждает писавшую делать ошибки. Вместо «имела» она сначала ошибочно написала «емела», а потом решила заменить это слово конструкцией «есмь имела», но недостаток места превратил эту конструкцию в неуклюжее «есмела». И в предыдущей фразе она сначала ошибочно написала «къ мнѣ ходилъ», а потом исправила, вставив над строкой «нѣ при», так что читается «къ мнѣ нѣ приходилъ».

«Ци оуже ти есмь задела сълюци» — «Неужели я тебя задела тем, что посылала к тебе?»

«А тебе веде, яко есть не годьнъ» — «А тебе, я вижу (это) не люблю».

«Аже бы ти годьнъ, то из оцью бы ся вытьрьго притькль...». Вот так, не более, не менее: «Если бы тебе было люблю, то ты бы вырвался из-под (людских) глаз и прибежал...»

На этом эмоциональном всплеске заканчивается начальная лента письма. Далее отсутствуют, вероятнее всего, две строки, а вторая лента начинается обломками фраз:

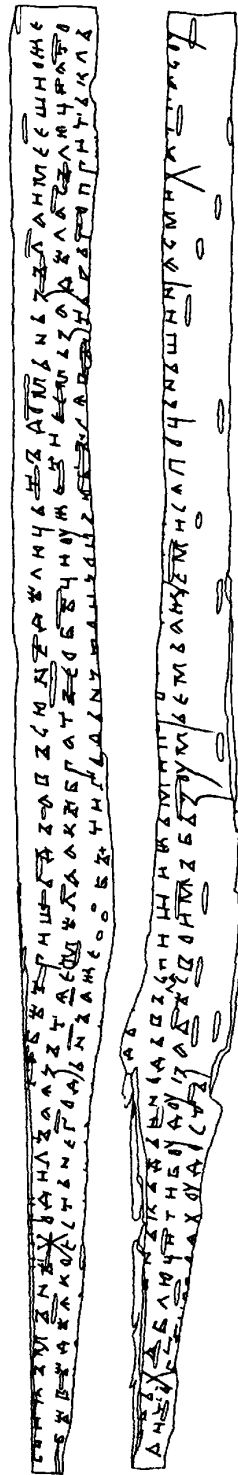
«... ныне къдъ инодь. Въспиши жь ми про...» — «... теперь где-нибудь в другом месте. Отпиши же мне про...»

Хоть это и обломки, но достаточно важные: слово «отпиши» свидетельствует, что переписка между автором письма и его адресатом была делом вполне заурядным.

Снова разрыв текста примерно в тридцать букв, а затем вероятное окончание следующей фразы: «... тьбь хаблю». Здесь возможны лишь вольные альтернативные восстановления текста. Слово «хабити» означает «отвергнуть», «оставить». Может быть, обиженная женщина написала, что никогда не отвергнет своего милого. Или, может быть, спрашивает, не думает ли он, что она его хочет оставить.

Заканчивается письмо потрясающей фразой: «Ци ти боудоу задела своимъ бззоумьемъ, аже ми ся поцьньши насмихати, а соудить Богъ и моя хоудость» — «Может быть, я тебя по своему неразумию задела, но если ты начнёшь надо мною насмеяться, то (пусть) судит (тебя) Бог и моя худость».

«Моей худостью» женщина, написавшая письмо, называет себя. Поэтому окончание письма можно понимать и так: пусть судят тебя Бог и я, слабая женщина. Поставить себя рядом с Богом было величайшей нескромностью, но для нас важно то, что выражение «моя худость» было книжным штампом. О книжной образованности автора письма говорят и другие литературные обороты: «своимъ бззоумьемъ», «имела акы братъ себе». Стиль грамоты порождает даже мысль о том, что она написана неким третьим лицом — образованным монахом или монахиней. Однако вряд ли такая мысль правильна: слишком интимен характер письма. Очевидно, перед нами автограф молодой хорошо образованной и, значит, состоятельной женщины. Заметим также, что сегодня это древнейшее русское любовное письмо. Поразительно, сколь изысканное послание могла отправить женщина XI века своему возлюбленному, не пришедшему на свидание.

Грамота № 752 (общий вид)

Написав, что грамота № 752 является древнейшим русским любовным письмом, я, возможно, немного покривил душой. Потому что на том же стратиграфическом уровне конца XI века, но на усадьбе «Б», ещё в 1978 году была найдена берестяная записка — грамота № 566, автором которой вполне мог бы быть адресат, а не автор грамоты № 752, так как записка написана иным почерком:

«Боуди въ соуботу къ ръжи или вестъ въдае» — «Будь в субботу ко ржи или подай вестъ».

Если это приглашение на свидание в поле, то грамота может быть частью тайной переписки возлюбленных. Как и грамота № 752, она не имеет адресной формулы, которая могла бы скомпрометировать и автора, и адресата.

Берестяные сенсации 1993 года находкой грамоты № 752 не исчерпались. В самом конце сезона, когда работы велись на уровне первой половины XI века, была найдена грамота № 753 с кратким текстом на древненемецком языке. Но пока не завершены споры о смысле её текста, отложим разговор о ней на будущее.

Как уже было рассказано, в 1207 году восстание против Мирошкиничей имело для этого рода самые тяжелые последствия. Сыновья и ближайшие родственники Дмитра Мирошкинича были сосланы к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо, их сёла распроданы, усадьба Дмитра сожжена, имущество разграблено, а неразграбленное роздано участникам восстания. Столь крутые меры необратимо вели к решительному изменению самой социальной картины заселения того участка, который исследуется Троицким раскопом.

Это преобразование отразилось прежде всего в резком сокращении числа берестяных грамот. Уровень, образованный прослойкой пожара 1211 года, разделяет избыточные грамотами слои второй половины XII — начала XIII века от «малограмотных» слоёв послепожарного времени.

Мы уже знаем, что дворы, расположенные в восточной части раскапываемого участка (в первую очередь, усадьба «А»), в XIII и XIV веках принадлежали людям, участвующим в торговых операциях на крайнем севере новгородских владений. К ним адресуется предводитель ватаги печерских сокольников Жила, они озабочены получением доходов за тюленьи кожи и принадлежат к числу прихожан церкви Троицы, построенной «югорцами» и на «югорщину» — средства от походов к Северному Уралу.

А что в это время происходит на других усадьбах Черницыной и Ярышевой улиц? Как уже отмечено, грамот XIII века ничтожно мало, их чуть больше десятка. Однако некоторые из них заслуживают подробного рассказа.

В 1985 году на усадьбе «З» в слоях второй половины XIII века была найдена берестяная грамота № 636 — целое письмо из двух строк, написанное рукой человека, который, судя по резким штрихам букв, лучше владел мечом или копьём, чем писалом. Грамота не имеет адресной формулы, с подобными документами мы уже встречались; вспомним, к примеру, донесение лазутчика: «Литва встала на корелу». Посланный в Новгород нарочный хорошо знал, кому и где вручить такое послание:

«Пришьль искоупник ис Полоцька. А рать поведае великоу. А водаить пошьницъ во засадоу».

«Искоупникъ» — очевидное производное от слова «искоупъ», выкуп. Это слово не зафиксировано в древнерусских текстах, но смысл его самоочевиден: искупник — человек, выкупленный из плена. Случаи такого выкупа известны. Например, в пергаменной духовной грамоте некоего Климента середины XIII века в числе его наследников назван Андрей Воинович: «то же есмь не даромъ даль — платиль за мене Данило и Воинъ искупъ литовьскыи».

Искупник пришёл из Полоцка. В 60-х годах XIII века Полоцк пережил весьма драматическое событие. Ещё в 1262 году Новгород находился в активном союзе с литовским полоцким князем Товтивилом, участвуя вместе с ним в походе на Юрьев Немецкий (нынешний Тарту). В 1263 году, однако, «бысть мятеж в Литве... и восташа сами на ся, и убиша великого князя Миндовга свои сродичи; распрешася убица Миндовговы и о товарех его, и убиша князя Полотцкаго Товтивила, а бояре его исковаша, и просиша у Полочан и сына Товтивилова убити, он же беже в Новъгород со двором своим, а Литва посадиша в Полотце своего князя, а Полочан пустиша, которых имали со князем их, и мир взяша».

В 1265 году после победы сына Миндовга — Войшелга триста литовцев с жёнами и детьми прибежали в Псков, где они были крещены в православную веру, а в 1266 году один из литовских беглецов Довмонт принят псковичами в князя и благополучно управлял Псковом до кончины в 1299 году, став после смерти одним из наиболее почитаемых там местных святых. Сразу же по вокняжении Довмонта в Пскове начинается его ожесточённая борьба с литовским князем Герденем; летописец, рассказывая о ней, употребляет оборот «стражие же видевше рать велику». По-видимому, с одним из эпизодов этой цепи событий связана и наша грамота.

Искупник «рать поведае великоу», то есть сообщает о собравшемся в Полоцке большом войске, очевидно, враждебном Новгороду. Существо документа, таким образом, состоит в том, что он является военным донесением, основанным на сообщении пришедшего из Полоцка человека.

Вторая часть письма содержит просьбу прислать пшеницу (хлеб, провиант) в «засаду». Засадой назывался или отряд войска, расположенный в скрытом месте для нападения на неприятеля, или же военный отряд, находящийся в городе для его защиты, иными словами — гарнизон. Как увидим дальше, здесь подразумевается второе значение. Однако местонахождение этого гарнизона удалось выяснить лишь спустя четыре года, когда на усадьбе «П» в 1989 году была найдена грамота № 704, написанная тем же почерком военного человека. К сожалению, это был

обрывок, сохранивший только полторы строки начальной части донесения:

«От городьцано ко посадникоу ко вьликомоу. Сь побьгль ясьнян...» — «От городчан к посаднику великому. Вот ясеняне бежали...».

Совместное рассмотрение обоих донесений дает нужное направление в поисках того места, откуда была отправлена в Новгород грамота № 704. Указание грамоты № 636 на искупника, пришедшего из Полоцка, ориентирует эти поиски на западные рубежи Новгородской земли. Между тем последнее фрагментированное слово грамоты № 704 «ясьнян...» может быть осмыслено только как «ясеняне», то есть жители Ясенского погоста в верховьях Шелони, расположенного на юго-западном рубеже Новгорода.

Этот район всегда был зоной наибольшей опасности при размирьях с Литвой, занимая особое положение в системе новгородской обороны. В 1239 году «князь Александр с новгородци сруби городци на Шелоне». В хорошо известном историкам источнике «А се имена всем градом руским, далним и ближним», составленном в конце XIV века, пять городков обозначены находящимися на Шелони: «А на Шолоне Порхов камен, Опока, Высокое, Вышегород, Кошкин». Среди них Порхов, Опока и Высокое расположены на самой Шелони; Вышгород и Кошкин городок — на притоке Шелони реке Узе или, по крайней мере, в её бассейне. Упоминания в летописи этих крепостей, как правило, связаны с военными конфликтами между Новгородом и его западными соседями. В 1329 году псковичи «к новгородцам прислаша послы с поклоном в Опоку, и доконцаша мир». В 1346 году Ольгерд «взя Шелону и Лугу на щит, а с Порховьского городка и с Опоки взя окуп». В 1408 году «воеваша Немци всю Залескую страну и до Черехе, и прешедше за рубежь воеваша в Леженицах и на Болотах и на Дубьске и на Гостени и под Кошкинымь городьком, и много забеглых пскович и новгородцов овех иссекоша и овех плениша и пожгоша». В 1428 году «князь Витовти събрав силы многы прииде преже к Вышегороду, июля 18 день, и по том к Порхову...».

Фортификации князя Александра Ярославича, надо полагать, не имели долговременного характера. Только Порхов, существующий и сегодня как город, получил в дальнейшем каменные укрепления, что произошло в 1387 году. При летописном перечислении новгородских городов 1404 года среди них уже нет Опоки. В духовной Ивана III 1504 года нет не только Опоки, но и Вышгорода. Городками писцовые книги конца XV века продолжают называть Высокий и Кошкин.

Поскольку в грамоте № 704 упоминаются «ясеняне», термин «городчане», обозначающий в ней авторов донесения, логично связывается с военной администрацией Кошкина городка, рас-

ПРНШБАБЫНЦЮПННАКЛНЦПОАОРЫКАРАТАБПОБЕАДАЕВАН
 КОУДВОДАНТБПОШБНННБВОУДАЦАФУУ

Грамота № 636

ПРНШБАБЫНЦЮПННАКЛНЦПОАОРЫКАРАТАБПОБЕАДАЕВАН
 КОУДВОДАНТБПОШБНННБВОУДАЦАФУУ

Грамота № 704

положенного по соседству с Ясенским погостом. Менее вероятна их идентификация с обитателями Высокого городка, который отстоит от Ясенского погоста на тридцать с лишним километров.

Вопрос о хронологическом взаимоотношении написанных одной рукой грамот № 704 и 636 целиком зависит от точности детальной датировки обоих документов. С той же, по-видимому, недостижимой точностью связана и проблема титулования адресата «посадником великим». Такое титулование встречено впервые и может иметь двойное объяснение.

Если грамота № 704 относится к самому начальному периоду существования шелонских городков, то это обращение может иметь персональный характер. Среди новгородских посадников XIII века небывало высокий прижизненный авторитет приобрёл умерший в 1243 году Степан Твердиславич (сын Твердислава Михалкиничя, внук Михалки Степанича), при котором произошли такие важные события, как отказ Батыя от похода на Новгород в 1238 году, невская победа 1240 года и Ледовое побоище 1242 года. Степан Твердиславич первым из посадников был с почётом погребён в Софийском соборе (чести захоронения в котором кроме него был удостоен только погибший в Раковорской битве 1268 года посадник Михаил Федорович). Летописное сообщение о смерти Степана Твердиславича содержит точное исчисление времени его посадничества: «месяца августа в 16 преставися раб Божии Стефан, посадник новгородьский, Твердиславиць, внук Михайлов, в неделю, в 1 час ноши, а погребен бысть в понедельник в 17, на память святых мученикь Павла и Ульяны, в притворе святыя Софея, идеже лежат архиепископе Аркадии и Мантурии, посадичьство держав 13 лет без 3 месяць».

Возможно, однако, и другое истолкование титула «посадник великий». В летописи встречаются сведения о посадниках не только Новгорода, но и других городов Новгородской земли — псковских, ладожских, новоторжских. Не исключено поэтому, что «великим» в XIII веке могли титуловать новгородского посадника, чтобы отличить его от посадников малых городов. Конкретным адресатом грамоты № 704 в таком случае могли быть не только Степан Твердиславич, но и его преемники Сбыслав Якунович (с 1243 года), Ананья Фефилатович (до 1255 года), Михаил Степанович (1255–1258 гг.). Все они были боярами Прусской улицы.

Значительная группа грамот Троицкого раскопа позднего периода связана с торговлей солью. Впрочем, самый ранний документ, упоминающий соль, был обнаружен ещё в слоях второй половины XII века. К сожалению, точное место находки грамоты № 624 по недосмотру землекопов осталось неизвестным. И речь в ней идёт о разовом хозяйственном запасе:

«От Куземе ко Цереню. Водае паробоку моему 7 на десяте гривено, а не удережи, посоли семо. А со берковеско соли посоли семо. А ци цето ти товара надобе, а то восолю» — «От Кузьмы к Черню. Выдай слуге моему семнадцать гривен, не задержи, пошли сюда. Да с берковец соли пошли сюда. А если тебе что-нибудь нужно из товара, то я пришлю».

Не исключаю, что это письмо написано Селятиным сыном Кузьмой, в котором мы предположили жаждущего жениться «дитятю».

Если в тексте XII века упомянут лишь разовый запас соли (берковец равен десяти пудам, то есть около 160 килограммов), то грамоты XIV века имеют иной характер. В обрывке № 533 из усадьбы «А» слова «коробей соли» только мелькнули. Зато грамота № 568, обнаруженная в 1978 году в напластованиях 40-х — 70-х годов XIV века усадьбы «Г», отражает систему натурального обложения солью большой группы лиц, живущих в разных деревнях. Грамота в древности была неаккуратно обрезана и утратила отдельные буквы в начале и в конце её семи строк:

«(У) ...ька на Острове коро(б)ья соли. У Домана въ Микулинсе... коробья соли. У Больде въ Славницахъ коробья соли. У... на Кшетахъ полторы коробья соли. У старосте на Кшетахъ съ дружиною 3 коробья соли. В Олисея на Кшетахъ полторы коробья соли. У Кузме у Рядятина полкоробь соли. У Родивана съ ...омь коробья соли. У Князя в Больсине селе полторы коробья. У ...кыта на Сопшахъ съ зятюмъ коробья соли. У Ивана...»

Все населённые пункты, названные в грамоте, отыскиваются на современной карте. В нижнем течении реки Белки, впадающей в Шелонь справа, в 13 километрах выше Порхова, находятся деревни Кшоты, Славницы, Остров (соответственно, в 5-ти, 6-ти и 8-и километрах выше устья Белки). «Больсино село», иначе Болчинский погост, расположено на правом берегу Шелони, в 10

километрах выше устья Белки. Деревня Сопши (Собша) находится вблизи левого берега Шелони, в 5 километрах к юго-западу от устья Белки. Не удалось обнаружить на карте лишь Микулино, которое, судя по очерёдности пунктов, должно находиться между Островом и Славницами. Особо следует отметить, что рядом с Собшей находится деревня Драгани, заставляющая вспомнить о «дороганичах» берестяной грамоты № 550, которая происходит из комплекса соседней усадьбы, но значительно более раннего времени.

Известны эти населённые пункты и в писцовых книгах конца XV века, причём анализ их владельческой принадлежности позволяет достаточно уверенно утверждать, что в XIV веке все они числились «за владыкой», а значит, входили в фонд «чёрных», необояренных земель Новгорода. Доходы с них взимались не в пользу частных владельцев, а в новгородскую государственную казну. Мы уже знаем, что именно такой статус имели в XII веке «дороганичи», живущие в том же сельском массиве. С этим наблюдением совпадает и характер доходов, получаемых по грамоте № 568.

Все перечисленные в грамоте крестьяне платят солью, которая отнюдь не добывалась в тех местах на верхней Шелони, где они жили. Экспедиция направила туда разведывательный отряд в составе тогдашних студентов Сергея Чернова и Петра Алешковского, которые получили от местных жителей сведения о том, что вплоть до XX века соль туда доставлялась исключительно отхожим промыслом. Ближайшие районы соледобычи находились на нижней Шелони в Сольцах, а также в Старой Руссе.

Следовательно, мы сталкиваемся здесь с так называемой «копачиной», хорошо известной по новгородским писцовым книгам, исчисляющим налог в пользу государства с «копачей» — крестьян, не сидевших на запашке, а отходивших на промысел в центры солеварения.

В слое второй половины XIV века подобный документ был обнаружен и на усадьбе «П». Грамота № 701 сохранила только одну строку из середины текста, но в ней снова доход исчисляется в берковцах:

«... берковске. Оу Бориса оу Питарева берковске. Оу Прошкеви 3 розми...».

Связь солевых доходов в случае, отражённом грамотой № 568, с землями, находящимися «за владыкой», даёт основание предполагать, что какие-то усадьбы разорённого клана Мирошкиничей перешли в подчинение владычному управлению, испоместившему на них своих чиновников. Как выяснено анализом всей совокупности письменных источников Новгорода, в XIV веке аппарат архиепископа получил право контроля не только над фондом «чёрных», необояренных земель, но и над всеми операциями с

землѣй. Акты, утверждавшие куплю-продажу любых земельных участков, их дарение, завещание, обмен, утверждались свинцовыми печатями владычных наместников, получавших доход с каждой такой операции за её оформление и утверждение печатью.

И мы, предположив присутствие чиновников владычной канцелярии на усадьбах Троицкого раскопа XIV века, уже не удивимся находке здесь грамоты № 594, сохранившей фрагментированное начало письма:

«Приказо от М... ко Онсифору посаднику. Посли, господине, Микулу...».

Мы прекрасно знаем, что усадьба посадника Онцифора, на которой было бы гораздо уместнее обнаружить это письмо, находилась совсем в другом месте Новгорода, в Неревском конце, на углу Великой и Козмодемьянской улиц. Однако, если эта грамота касалась какого-либо земельного спора, она могла остаться неотосланной там, где её написали. От чьего имени? Полагаю, что догадаться нетрудно. Подумаем: кто мог отдавать «приказ» новгородскому посаднику? Только два человека, авторитет которых был выше или равновелик авторитету главы боярского государства, — великий князь и архиепископ. Князя, имя которого начиналось буквой М, во времена Онцифора Лукинича не было. Однако его современником был архиепископ Моисей, который вторично занял владычную кафедру в 1352 году (впервые он был владыкой в 1326–1330 годах). А коль скоро Онцифор отказался от посадничества в 1354 году, нашу грамоту возможно датировать очень точно 1352–1354 годами.

Ещё раз связь позднего комплекса троицких усадеб можно обнаружить в грамоте № 693, найденной на усадьбе «П» в 1988 году в слое XV века:

«От Олисея... Ивану. Что бы есте сиротокъ моихъ поблюле гляденцевъ. А язъ вамъ челомъ бью, своеи осподе» — «От Олисея... к Ивану. Позаботились бы вы о моих крестьянишках-гляденцах. А я вам, своим господам, челом бью».

Названный адресатом Иван может быть как бы представителем «осподы», к которой по существу и взывает автор письма. Его просьба к «своей осподе» позаботиться о его крестьянах («сиротках») «гляденцах» (жителях деревни с таким названием) ставит перед нами вопрос о сущности иерархических взаимоотношений между Олисеем и этой «осподой». У автора письма имеются свои крестьяне, но заботу о них он адресует лицам, стоящим, как это очевидно, выше его на иерархической лестнице. Не идёт ли речь о запустении вотчинки и передаче в другие руки сидевших в ней крестьян?

Поиски «гляденцев» в писцовых книгах обнаружили единственный пункт с таким названием. Среди земель Никольского Пи-

тебского погоста, расположенных вблизи Новгорода и числящихся в конце новгородской независимости владычными, имеется пустошь Гляденец Бобров. Это позволяет в самой осторожной форме высказать предположение о том, что возможным адресатом грамоты № 693 был архиепископ Иоанн, занимавший кафедру с 1388 по 1415 год. Первая строка грамоты могла выглядеть примерно так: «От Олисея къ владыце къ...».

Ещё один земельный документ прямо касается подлежащих суду архиепископа конфликтов между землевладельцами. Выдающаяся по своему содержанию грамота была найдена на усадьбе «И» в 1988 году в слое второй половины XIV века. Когда её разворачивали, из одного свитка выпал другой: оказалось, что она написана на двух листах бересты, почему и получила двойной № 698/699.

На первом листе (№ 698) текст из пяти строк:

«Поклоно от Евана ко Сидору. Гахоне твои землю песьяне-скую роздавале посадничимо людемъ, и посадниче люди землю поорав да росокладеную межю содрале».

Второй лист (№ 699) содержит четыре строки окончания письма: «А того люче — Василеи пограбиле землю со свомо изореникомъ. Како печялуешь о своєї очине».

Сразу переведем эту грамоту: «Поклон от Ивана Сидору. Гахон твой песьянскую землю пораздавал посадничьим людям, и посадничьи люди землю распахали и раскладную между уничтожили. А ещё того хуже — Василий со своим изорником землю пограбил. Как позаботишься о своей вотчине?»

Некоторые слова нуждаются в пояснении. «Раскладная межа» — общая граница вотчины, подразделённой так называемыми разгонными межами на участки отдельных пользователей. «Изорник» — арендатор земли, уплачивающий владельцу четверть урожая. Употребление этого термина в новгородской берестяной грамоте оказалось неожиданным и весьма важным. До сих пор этот термин был известен только в псковской средневековой терминологии, заставляя исследователей считать изорничество локально псковским явлением. В научной литературе понятие «псковский изорник» стало как бы каноническим. Между тем берестяная грамота № 698/699 найдена отнюдь не на пограничье с Псковской землей, а на самом большом удалении от неё: песьянские земли, упомянутые в грамоте, находятся в бассейне реки Песь — притока Чагодоши, которая, в свою очередь, впадает в Мологу на крайнем востоке Новгородской земли. Следует заметить, что и в другом новгородском районе — в Водской пятине, неподалёку от Петербурга, имеется деревня Изорники, упоминаемая в писцовых книгах конца XV века.

П О К Л О Н О В О В Б А Н А К О С Н Д О Р У С Т А Х О К Е
 Т В О Н У Е М Л Н О П Т Е С Ъ А Н Е С К У С Н О Р О З Д А
 Б А Д Е П О С А Д А Н Н У Н М О Р А Н Д А Е М З Н П О
 С А Д Н Н У Т А Н Д А Н З Е М Л Н Т О В Ф А В И Д А
 Р О К О К А Д А Е Е Н И У Н О М Е Ж Н О С О Д А Д А А

Д Т О Г О Л Н О У Е Б А С Н А Е Н П О
 Г Р А Б Н А Е З Е М Л А Н О С С О Б О М О
 Н З О Р Е Н И К О Р М З К А К О П Т Е У А
 А К Е Ш Е В О С В О Е Н О У Н И В

Фрагмента № 698/699

Существо конфликта, описанного в грамоте, по-видимому, нужно понимать так. Адресат письма — Сидор — вотчинник, владелец волости в Песьянской земле, на что указывает заключительная фраза документа: «Како печялуешь о своей очине». Некий представитель Сидора (староста или ключник) Гахон (Агафон) испоместил на этой земле посадничьих людей, то есть крестьян, перешедших в волость Сидора из волости посадника. Примеры таких крестьянских переходов неоднократно отмечались в берестяных грамотах, найденных ещё на Неревском раскопе.

Испомещённые на земле Сидора посадничьи люди, вспахав её, нарушили раскладную межу, то есть границу между волосткой Сидора и владениями его соседа. Автору письма представляется ещё более тяжелым обстоятельством («а того люче», а того лютее), что некий Василий со своим изорником пограбил землю Сидора. Эта акция прямо связана с нарушением раскладной межи — по-видимому, Василий и был соседом Сидора, пограбившим землю Сидора в отместку за вторжение в свои владения.

Чтобы поближе познакомиться с вотчинником Сидором и его соседями, попробуем разобраться в принадлежности песьянских земель в позднейшее время, как она представлена в писцовых книгах конца XV века. Ведь, как правило, жившие в это время вотчинники в большинстве случаев наследовали свои владения от отцов, дедов и прадедов, именуя их своей «отчиной и дединой».

Река Песь протекает через обширные болота с редкими населёнными возвышенностями между ними. В её верховьях расположен Спасский Молодилинский погост, значительная часть земель которого находилась во владении Михаила Матфеевича Селезнева. Возвышенность в среднем течении этой реки и по её притоку речке Минца занята Егорьевским на Минце погостом, земли в котором принадлежали по половинам Якову Васильевичу Губину-Селезневу и Михаилу Матфеевичу Селезневу. Севернее её, по течению притока Чагодоши речки Смердомли, находился Богородицкий Смердомльский погост, которым владели те же бояре Селезневые. Яков Васильевич и отец Михаила — Матфей Иванович Селезнев — были двоюродными братьями и происходили от их общего деда — Ивана Васильевича Сокиры (он умер в 1446 году), который, следовательно, и был некогда единым владельцем всех этих волосток. Лавочная книга Новгорода 1583 года, сохранившая некоторые реликтовые сведения о новгородских боярах XV века, указывает, что бояре Селезневые жили на Козмодемьянской улице Неревского конца.

Другая возвышенность примыкает к реке Песь с юга от Минцы и освоена волостью Кушевера, образующей Козмодемьянский погост. Земли в нём принадлежали вдове посадника Фёдора Самсоновича Офросинье и его брату посаднику Александру Самсоно-

вичу. Та же Лавочная книга помещает бояр Самсоновых там же, где жили Селезневые — на Козмодемьянской улице Неревского конца. Ещё одна заселённая возвышенность находится в устье Песи (Воскресенский в Избоищах погост), а с востока с ним соседствовал Никольский в Черенске погост; их принадлежность в писцовых материалах прямо не зафиксирована. Только эти перечисленные земельные массивы могут претендовать на наименование «Песьянская земля».

Таким образом, оказывается, что все песьянские владельцы конца XV века были неревскими боярами Козмодемьянской улицы. Но все они находятся и в близком родстве между собой. Дедом Ивана Сокиры был Микита Матфеевич, прадедом Самсона Ивановича — Игнат Матфеевич. Микита и Игнат — сыновья Матфея Варфоломеевича Козки, племянники Луки Варфоломеевича, двоюродные братья Онцифора Лукинича. Вот так, спустя четверть века после завершения Неревского раскопа, мы, работая совсем в другом конце Новгорода, снова встретились с носителями хорошо известных нам имен — боярами Мишиничами. Ещё немного продлим визит к ним.

Только что в составе песьянских земель были упомянуты погосты на Смердомле, в Избоищах и в Черенске. Общая принадлежность этих земель неревскому боярскому роду заставляет вспомнить группу берестяных грамот, найденных на Неревском раскопе в слоях первой половины XV века. Сыну Юрия Онцифоровича Михаилу адресованы две челобитные крестьян «черенщан» — грамоты № 157 и 311 — и челобитная «смердынских» крестьян — грамота № 313, найденные на неревской усадьбе «И». С той же усадьбы происходит челобитная своим господам Андреяну и Миките Михайловичам — внукам Юрия Онцифоровича — и их матери Настасье, вдове Михаила Юрьевича, крестьян «избоищан» — грамота № 307. В этой последней упомянута, в частности, как находящаяся в их волости «Горотья». Этот пункт отыскивается в писцовом описании Спасского Молодилинского погоста.

Если в конце первой четверти XV века волостки в Смердомле и Молодилине принадлежали семье Михаила Юрьевича, то позднее они, как видим, перешли в руки Селезневых. Отсутствие сведений о принадлежности в конце новгородской независимости волостей в Избоищах и в Черенске не даёт возможности установить, как менялась их судьба. Однако, коль скоро владельческое единство волосток Селезневых, с одной стороны, и Самсоновых, с другой, восходит ко времени Ивана Сокиры и Самсона Ивановича, то есть ко второй четверти XV века, логично заключить, что род Юрия Онцифоровича после Андреяна и Микиты Михайловичей не имел продолжения в мужских линиях, а основной массив его владения оказался в руках других ветвей Мишиничей.

Но если это так, становится очевидным, что мы с вами уже давно знакомы с адресатом грамоты № 698/699 Сидором. Это ведь он жил на неревской усадьбе «Е», сменив в качестве её владельца Максима Онцифоровича. В. А. Буров предположил в Сидоре сына Максима Онцифоровича, что вряд ли доказуемо. Однако в целом принадлежность Сидора к роду Онцифоровичей-Мишиничей представляется более чем вероятной.

Неизбежно возникающий вопрос о причинах обнаружения письма, адресованного неревскому боярину, в усадебном комплексе Людина конца, как уже отмечено, разъясняется общей характеристикой этого комплекса (или, по крайней мере, части его) в XIV–XV веках как связанного с администрацией владычного управления, в компетенцию которого с первой половины XIV века входили дела, порождённые земельными спорами.

И ещё три документа, найденные в 1995 году на усадьбе «И». Первый из них — грамота № 755 — обнаружен в слое второй четверти XV века:

«Толко за мною и словъ. Позвале мене Олекъсеи на гумно, ажь Осташька овыдь молоти. Олекъсеи его воспроси: Цому молотишь безъ нашихъ сироть, а намъ в земле половина а верьши часть. И велель ми старешей мои и семяна и емяна молотить ваша Иване».

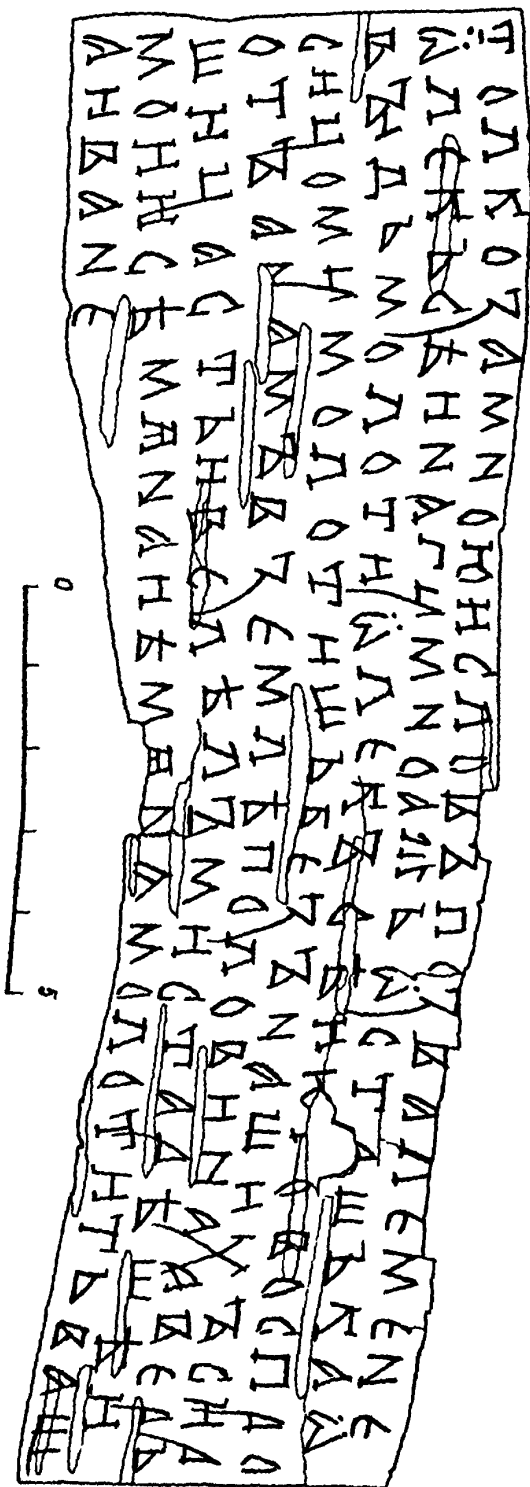
Прежде чем перевести этот текст, остановим внимание на его первой фразе. Она встречена не впервые, будучи прочитана в грамоте № 312, найденной на Неревском раскопе. И в том, и в другом случае перед нами формула судебного объяснения. К числу редких слов относятся «овыдь», означающее в северо-западных русских говорах яровую рожь, и оборот «семяна и емяна» — семенное и пищевое зерно. В целом же грамота переводится так:

«Я должен сказать только вот что. Вызвал меня Олексей на гумно, из-за того что Осташка молотит яровую рожь. Олексей его спросил: “Почему молотишь без наших крестьян? Ведь нам (положена) в земле половина и в урожае доля”. А велел мне молотить ваше зерно и семенное и пищевое старший мой — Иван».

Снова земельный конфликт и его судебное рассмотрение, подлежащее администрации архиепископа.

Вторая грамота — № 757 — найдена в слое конца XIV — первой четверти XV века и, возможно, является поводом для очередного судебного расследования:

«Осподину Есифу благословение целобитие ото попа от Тимофия. Губляне твого слова не слушают, Федорка не примилют. Волно Богу и тоби» — «Господину Есифу благословение (и) челобитие от попа Тимофья. Губляне (жители деревни Губа или Губино) твого слова не слушают — Федорка не принимают. Воля Божья и твоя».

Фрагмент № 755

Поп сельской церкви доносит землевладельцу, что его крестьяне отказываются принять назначенного к ним управляющего.

Помочь отыскать Губу и вместе с ней место жительства попа Тимофея помогла грамота № 754. Она, бывшая до её обнаружения целой, найдена в горелом слое, где в сильнейшей степени пересохла и сделалась хрупкой. При извлечении из земли грамота распалась на десятки фрагментов, а некоторые её участки превратились в пыль. Благодаря беспрецедентному реставрационному подвигу Владимира Ивановича Поветкина она была возвращена из небытия. Из шести её строк последние четыре собраны полностью, а первые две приведены в состояние, позволившее предложить высоковероятные конъектуры. Её текст после восстановления выглядит следующим образом:

«От ...нтия къ Матфию. (Р)оняте... жердие у мене на (ли)су... лясиц(и). Любо самъ поиди, али ти накажи, ате не измятуса. А цто повелило еси у Перхури скота взяти, а того не даль, а скотъно(е) даль. А цто было б билъ моя, а того не даль. А у мене коне палъ. А земля твоя лежите, а омеши за людними» — «От ...нтия к Матфею. Рубят жерди у меня в лесу (себе?) лясици (жители деревни Лясици). Либо сам поиди, либо распорядись — с тем, чтобы я не понёс убытка. А что до того, что ты велел у Перхурии взять скота, то он не дал, а отдал скотное (деньги за скот). А шесть бел, что были мои, он (тоже) не дал. А у меня конь пал. А земля твоя пустует, а лемеха у чужих (крестьян)».

Находка грамот № 754 и 757 на одном участке связывает их в единый комплекс, но эта связь прослеживается и по названным в них населённым пунктам. Деревня Губа расположена в Ситенском погосте Деревской пятины (к северу от Валдайского озера) в ближайшем соседстве с центром погоста сельцом Ситно (с церковью Успенья, возле которой жил поп) и деревней Ласица. Сама кучность топонимов говорит здесь за себя.

Глава 38 Похоронная бухгалтерия

Окончательное доказательство присутствия здесь чиновников архиепископа было получено на усадьбе «О». Эта усадьба оказалась затронутой раскопом в самой незначительной степени, а в её напластованиях XIV века была обнаружена только одна берестяная грамота. Но какая! Лист бересты (№ 689), сохранившийся полностью, оказался плотно исписанным с обеих сторон. Восемь строк на одной и столько же на другой. Прочитаем их не торопясь, фразу за фразой.

«По рукописанию взяле рубль, а прочи рукописания полотретия рубля...».

Человек, написавший грамоту, по чьему-то завещанию взял рубль, а помимо завещания — ещё два с половиной рубля, то есть в общей сложности три рубля и полтину.

«После его смерти даль есемь полотину отцю д(у)шевному Нестеру, другую даль есемь Дмитру церенецю полотину, на молодогъ даль есемь рубль, и пививо вариле ко сорочинамъ...».

Здесь нам нужно остановиться, тем более что мы дочитали текст до конца первой стороны грамоты.

Очевидно, что перед нами отчёт автора документа в трагах. Кто-то умер, завещав ему рубль, но автор грамоты вынужден был взять из имущества покойного ещё два с половиной рубля, из которых рубль он отдал духовнику покойного Нестеру и чернецу Дмитру, надо полагать, на организацию похорон и поминальных служб, а ещё один рубль на варку пива к сорочинам, то есть к поминанию умершего на сороковой день после его смерти, и на «молодог». Так назывался солод. В древнерусских источниках ранее были известны только производные от этого слова. Например, «молодожня» — овин, в котором солод проращивают и сушат; «молодожник» — человек, специализировавшийся на производстве солода и торговле им. Очевидно, что солод потребовался для приготовления поминального пива.

Заметив, что ясность внесена пока только в трату двух рублей, перевернём берестяной лист и продолжим чтение.

«Взяль есемь оу Шюги две ко(ро)би рожи, и оу Микитки на Оузи взяле коробию рожи. На Ксонови взяль по(л)тори коробии рожи оу Врама. На Полонои оу Сменка оу Савина взяль есемь

поло коробию овса, оу Сидорка взяле коробию овса, оу другога Сидорка взяле поло коробию овса, поло коробию жита».

Общий итог этих покупок таков: 4,5 короби ржи, 2 короби овса, 0,5 короби ячменя («жита»). Любопытно было бы подсчитать, во что они обошлись. Но сначала представим себе объём покупок в более привычных для нас единицах. О коробе известно, что она во времена новгородской независимости равнялась четырём четвёрткам, соответствуя примерно 14 пудам. Речь, следовательно, идёт о закупке свыше 60 пудов ржи, около 25 пудов овса и около 7 пудов ячменя — что в общей сложности составляет почти 100 пудов, иначе полторы тонны зерна. Подсчитать его цену мы попытаемся, но сначала зададим себе вопрос: что же это за странные похороны, для которых потребовалось столь неимоверное количество зерна. Трудно придумать иной ответ, чем предположение о том, что покойного очень высокого ранга — а ранг очевиден из выразительных сумм затрат — перевозили от места его кончины там, где закупалось всё это зерно, к месту погребения. Поскольку эти закупки связаны с похоронами, целью их могло быть обеспечение фуражом и провиантом похоронного поезда, которому предстоял неблизкий путь.

Обратимся всё же к подсчётам. Для примерной оценки стоимости зерна можно воспользоваться сообщением псковской летописи под 1498 годом: «Тое же осени хлеб был дорог, четвертка по 9 денег, а овса четвертка по 4 деньги, а жита по 6-ти копеек, а зобница по 8 денег пшеницы, рекше по полтине, а мех соли поло 40 денег, пол четверты гривне и меньши во Пскове». Исправим прежде всего ошибку переписчика (или неверное прочтение цифры издателем): если 35 денег равны 3 с половиной гривны, то гривна равна 10 деньгам, следовательно, зобница пшеницы, оцениваемая в полтину, стоит не 8 (И), а 50 (Н) денег. Указанные соотношения свидетельствуют об использовании в приведённом тексте московского денежного счёта, в котором под деньгой следует понимать псковскую деньгу (практически равную новгородской), то есть одну сотую часть московского рубля. О том же свидетельствует невольная подмена переписчиком термина «деньга» позднейшим термином «копейка», обозначающим также сотую часть рубля.

Термин «зобница» соответствует двум четвёрткам, на что указывает сопоставление хлебных цен в урожайные годы. Под 1475 годом та же псковская летопись сообщает: «а хлеб дал Бог десев на сем лете, по пол пята денге четверка ржи, а овса по 6 денег зобница». Между тем под 1434 годом в том же источнике говорится: «во Пскове у святей Троици дал Бог хлеба много и дешев, по девяти денег зобница ржи».

ПОРЦИОПНАСАНИНУВЪТЪ ДА ДУБКАБЪ
 А ПРАУН РЦИКПТИСАМННА. ДА ДА ОТА ДА
 ТНА ДЦБА ДА П Д С Л Е Н Е П Р С М Т Б А Т И
 ДА ДА ТЪ К Е С Е М Ъ П Д Л О Т Н И Ц О Ч Ю Д Ш Е
 Б И Д М Ц К С Т Е Р Р Д Р Ц Г Н Д А Д Б Н Е С Е
 М Б А М Н Т А Ц Ц Е Р Е Н Е Ц Н П О Д О Т Н И Ц
 И Д М О Л О Д О Т Б Д А Д А ТЪ К Е С Е М Ъ Д У Б К А
 Н П Н К Н В О В А Д Н Д К Д С О Д Ш И Н Н Д М Т

внутренняя сторона коры

0 1 2 3 4 5 см

ВЪДАНЪ КЪ СЕМЪ ЦЪШНГН ДАДЪ И БНА ДОЖНН. ЦЪНГН И Н
 ТИ И Н И А ЦЪШНГН ДЪДЪ А ВЪНЪ ДОБНН ДОЖНН. И А И С И Н
 В Н ВЪДАНЪ ТЪТЪ РН И К О А Б Н Н ДОЖНН. ЦЪВ А Д А М А
 И А ПЪ Д А В Н О Н. ЦЪ С М Е Н Т А ЦЪ Д А З К Р А ВЪ Д А
 КЪ С Т Е С Е МЪ В П Д Л О К О Д О Б Н Н О В А ЦЪ Ш Н Г Н ЦЪ Р И К А
 ВЪ Д А К Е К О Д А Б Н Н О В С Я. ЦЪ Д А Р Ц Г О Г А С И Н Д О Р И К А
 ВЪ Д А Л Е П Т О Л Ц И К О Р О Д О Б Н Н О В С Я П О К Д И С О Д О
 Б Н Н А Ж Н Т А

Таким образом, в голодный 1498 год коробья ржи, равная четырём четвёрткам, стоила 36 денег, овса — 16 денег, ячменя — 24 деньги, пшеницы — 100 денег. Это, однако, не самые возвышенные цены. Новгородская летопись под 1445 годом отмечает: «А в Новегороде хлеб дорог бысть не толко сего единого году, но всю десять лет: по две коробьи на полтину, иногда боле мало, иногда менши, иногда негде купить». Коль скоро в этом сообщении используется единица новгородской денежной системы (а в новгородской полтине было 108 денег), цена коробьи ржи в самых экстремальных условиях могла доходить до 54 и больше денег.

В спокойный 1475 год коробья ржи стоила 18 денег, а овса 12 денег. Данных об обычной цене ячменя (жита) нет, однако, по пропорции соотношения цен на рожь, овёс и ячмень в голодный год, её можно определить примерно в 14 денег за коробью. В правильности приведённого расчёта убеждают показания писцовых книг конца XV века. К этому времени в Новгороде «старая коробья» была сменена новой, равной уже не четырём, а двум четвёрткам. Цена коробьи ржи в писцовых книгах постоянно равна 10 деньгам, овса — 5 деньгам, ячменя — 7 деньгам.

Оговорив всю условность предлагаемого подсчёта и предполагая, что закупки в грамоте № 689 относятся не к экстремальной, а к спокойной конъюнктуре рыночных цен, попытаемся оценить перечисленные в ней закупки. 4,5 коробьи ржи на этом уровне оцениваются в 81 деньгу, 2 коробьи овса — в 24 деньги, 0,5 коробьи ячменя — в 7 денег. В итоге получается 112 денег, что практически равно новгородской полтине (108 денег). В сумме с двумя полтинами, отданными духовнику и монаху, и рублём, истраченным на солод и варку пива, это составляет подотчётную сумму в 2,5 рубля. Рубль, доставшийся самому душеприказчику «по рукописанию», он на вполне законном основании считает своим и не прикладывает к расходам.

Существо предпринятого расчёта не зависит от того обстоятельства, что денежная система Новгорода XIV века ещё не знала деньги и, следовательно, полтина тогда ещё не делилась на 108 единиц. Важно то, что вес полтины в серебре и в XIV, и в XV веке оставался неизменным.

А теперь нам предстоит посетить те места, где душеприказчик тратил свои подотчётные два с половиной рубля. Упомянутые в грамоте населённые пункты легко отыскиваются в новгородских писцовых книгах и на карте Новгородской земли. Все они находятся в Порховском околотородье, где в Шелонь с левой стороны в шести верстах ниже Порхова впадает река Уза, а с правой стороны в двух верстах ниже Порхова — река Полонка. На последисей, в четырёх верстах выше сё устья, имеется деревня Полоная, а в двадцати восьми верстах выше того же устья — де-

ревня Скнова. Писцовые книги знают в указанных местах деревню Полоная Великое Село доходностью в 4 обжа; известна и идентифицируется со Скновой деревня Ксново доходностью в 6 обож.

Грамота № 689 найдена в напластованиях 60-х — 80-х годов XIV века, но эта дата не вполне надёжна, так как документ обнаружен около частокола и мог быть перемещён из несколько более раннего слоя при рытье канавки для частокола. Впрочем, его могли хранить несколько лет: ведь всё-таки это отчётность!

Между тем, в середине XIV века с указанными местами связано одно весьма заметное событие. В 1352 году на Руси свирепствовала эпидемия «черной смерти» — чумы, жертвой которой, в частности, стал великий князь Симеон Гордый и, возможно, митрополит Феогност. Подробно в псковской летописи описан мор в Пскове, начавшийся весной на Цветной неделе, то есть в Вербное воскресенье, которое в 1352 году приходилось на 1 апреля, и продолжавшийся «до самыа осени, уже пред зимою преста». Особенно летописец отмечает вызванный страхом смерти массовый порыв к благочестию: «друзии же в миру в домех своих тако же готовляхуся на душевныи исход, о душах своих печалующе, имени своа отдающе в милостину церквам и манастырем, попом, отцем духовным и нищим, и маломощныа убогыа кормяще, напаяюще и милостынею учреждающе». Отмечена и опасность, ожидавшая заботящихся — и бескорыстно и корыстно — о заболевших: «А кто им тогда в болезни послужил, в час исхода душь их от жизни сея приглядал и попеклься ими, яко же подобает сдравым о болных, живым о мертвых промышляти, сродници же или друзи или кто ин, такова дея, а богатым бо всякий тщится послужити и в животе и по смерти, да наследуют что от имениа их, но аще кто кому отдаваху статок свои живота или дети, то и ти тако же мнози, на борзе разболевшесеа умираху».

Изнемогая от мора, псковичи обратились с просьбой о небесном заступничестве к новгородскому архиепископу Василию Калике: «И приехаша послове изо Пскова, биша челом владыце Василию, ркучи тако: “Богови тако извольшу, святой Троице, детем твоим псковичем Бог рекл жити дотоле, чтобы еси, господине, был у святой Троици и детии своих благословил псковичь”». Архиепископ, ни дня не медля, взял с собой архимандрита Микифора, игуменов и попов и отправился в Псков, где служил в городском Троицком соборе, в Снетогорском монастыре, в церквах Михаила и Ивана Богослова, потом опять в Троицком соборе, обошёл городские стены и благословил псковичей.

Однако сам владыка оказался жертвой чумы и самоотверженности, ибо, по словам летописи, «сана светлостью не умолена бывает смерть — на всех вынизаает многоядныа своа зубы». На обратном пути архиепископ в воскресенье доехал до Прощеника

в 22 верстах от Пскова, ещё через версту остановился на ночь на реке Черехе и тут почувствовал себя плохо. «Привезоша его в монастыри ко святому Михаилу, усть Узы реки, на Шелоне». Тут он и скончался 5 июля в четверг: «проводи и архиепископ новгородский владыка Моисей, игумени и попове и весь Новгород, и положиша и у святой Софьи притворе».

Последняя приведённая здесь запись завершает Синодальный список Новгородской Первой летописи и составлена несомненным современником события. В XV веке, по показаниям писцовых книг, монастыря на устье Узы уже не было, но существовала погостская церковь святого Михаила. Болезнь Василия Калики обнаружилась 1 июля, смерть наступила 5 июля, а сороковины, соответственно, были 12 августа.

Грамота № 689 продемонстрировала слишком много совпадений с деталями летописного рассказа 1352 года, чтобы считать эти совпадения случайными. Реконструируя само трагическое событие, мы понимаем, что неожиданная кончина владыки во время его последнего путешествия должна была потребовать от его духовника и михайловских монахов непредвиденных расходов, средства на которые пришлось позаимствовать из пожитков скончавшегося архиепископа. Разумеется, обязательны были и сороковины в Михайловском монастыре, и закупка провианта и фуража для сопровождавших тело Василия в Новгород. Думаю, что автором документа был михайловский игумен, отчитавшийся перед церковными властями Новгорода по завершении сороковин.

В истории Новгорода Прусская улица знаменита как аристократический район, который долгое время не входил в систему кончанского деления. Только в последние десятилетия XIII века она стала основой особого Загородского конца, само название которого говорит о том, что он находился за пределами городских фортификаций. Скорее всего укрепления в виде временных острогов в ранние столетия истории Новгорода возводились вокруг изначальных на Софийской стороне Людина и Неревского концов, тогда как жители Прусской улицы и будущего Загородского конца полагались на защиту естественными рубежами, образованными глубоким оврагом и топкими ручьями. Глубокая промоина у внешнего обвода Новгорода между Людиным и Неревским концами называлась «пропастями» и использовалась как кладбище во время эпидемий.

Между тем боярство Прусской улицы уже с первой половины XII века проявляло сильнейшую активность в борьбе за власть. Летопись, повествующая о событиях XII–XIII веков, пестрит именами прусских бояр, занимавших высший в Новгородском государстве пост посадника. Среди них знаменитые Мирослав Гюрятинич, Якун Мирославич, Михалко Степанич, Твердислав Михалкинич, Дмитр Якунич, Степан Твердиславич...

Для археологов древняя Прусская улица могла бы быть одним из самых вожеленных мест в Новгороде, если бы предпринятая в последней четверти XVIII — первой четверти XIX века перепланировка строго соответствовала высочайшему предназначению Екатерины II. По генеральному плану 1778 года новая Прусская улица должна была пройти несколько в стороне от древней с её сосновыми настилами и выходящими на красную линию боярскими хоромами. В этом случае и уличные настилы, и хоромы ждали бы своего часа, сохраняясь нетронутыми. Однако жизнь вносит свои коррективы, и сильнее августейшей подписи оказывается железный закон экономической целесообразности. И в XVIII веке Прусская улица оставалась одной из центральных в Новгороде, заселённой наиболее влиятельными горожанами. Проложить улицу по новой линии — значит отрезать часть усадьбы у одного домовладельца и незаслуженно прирезать кусок земли другому. Пойти на такие материальные и моральные жертвы равносильно подвигу, но ведь подвиги — удел предков, а не губернских обывателей.

Новая Прусская улица прошла там, где до неё существовала старая. И кирпичные особняки своими глубокими подвалами вторглись в живую ткань прошлого. При восстановлении Новгорода после его военного разорения эта улица, получившая имя Желябова, застраивалась в первую очередь как раз в те годы, когда экспедиция получила «прописку» в Неревском конце.

И вот на густо застроенной Прусской улице в 1990 году возникла необходимость построить новый корпус школы на участке, вдоль и поперёк прорезанном коммуникациями той же школы, возведённой четырьмя десятилетиями раньше. Раскоп площадью чуть больше 600 квадратных метров был исследован отрядом Новгородского педагогического института под руководством Болеслава Донатовича Ершевского. Многочисленные перекопы весьма затрудняли работу. К тому же раскапываемый участок находился рядом с древним, теперь подземным ручьем, в который ушла влага окрестных культурных напластований, отчего пересохли предметы, изготовленные из органических материалов. И тем не менее результат исследования поразителен. На раскопе, названном Михаилоархангельским по близости к церкви Михаила, первоначальные варианты которой возводились Михалкой Степаничем и Твердиславом Михалкиничем, было найдено всего лишь пять берестяных грамот, но каждая из них заслуживает особого рассказа.

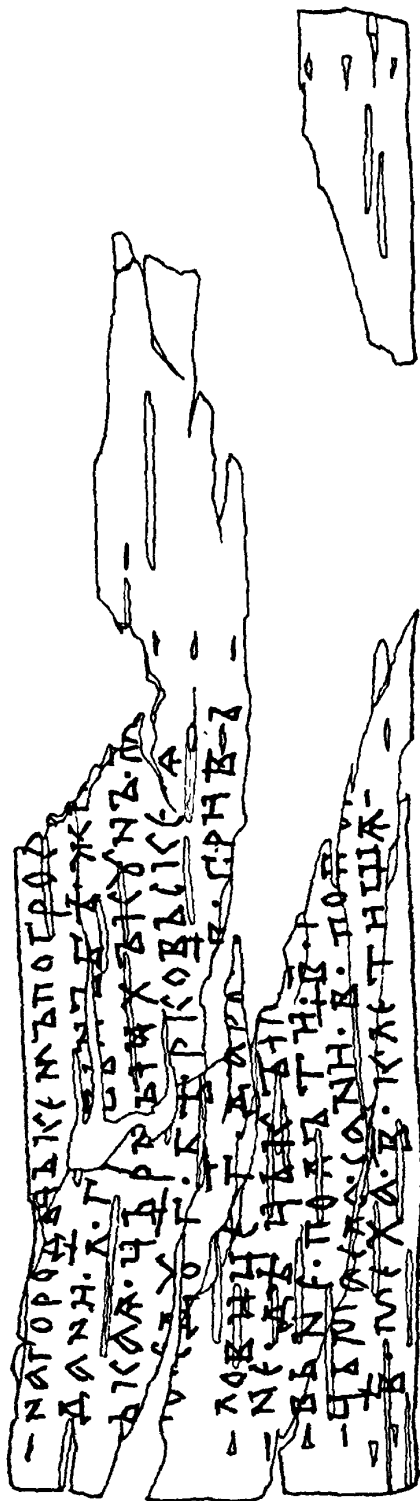
Грамота № 715 обнаружена в слое XIII века. Это целый текст, состоящий из трёх строк, но таких, какие лучше всего могут оценить фольклористы: «Три девя(т)о анеело, три девя ароханело, избави раба жея Михея трасавиче молитвами святыя Богородичя» — «Тридевять ангелов, тридевять архангелов, избавьте раба Божия Михея от лихорадки молитвами святой Богородицы».

Перед нами заговор против лихорадки, один из таких, о которых в Паисиевом сборнике рубежа XIV–XV веков сказано: «Недуги лечат чарами и наузы, немощного беса, глаголемаго тряцю, мняться прогоняюще некими ложными писмяны проклятых бесов».

Столь древняя запись заговора впервые обнаружена среди берестяных грамот. Мы тогда не знали, конечно, что пройдёт год и ещё более древний заговор, о котором выше уже рассказано, будет найден на Троицком раскопе.

Исключительный исторический интерес представляет грамота № 718, происходящая также из напластований XIII века. Это практически целый документ, утративший только одну, но достаточно важную цифру, которая, однако, может быть восстановлена. Текст расположен в девяти строках и сообщает следующее:

«На Городьцькемъ погород(ье). Дани 30 гривньъ бежицькая, църныхъ кунъ 40, меду 3 берцьовьске, яловице 3, дару 2 гривне. Децькымъ... гривне, польти 2, г(ьрнь)ць масла, сани, 2 попоне, 2 меха, 2 клетища» — «В Городецком погородье: дани 30 гривен

Грамота № 718

бежецких, чёрных кун 40 (гривен), мёда 3 берковца, 2 яловые коровы, дара 2 гривны; детским... гривен, 2 полти, горшок масла, сани, 2 попоны, 2 мешка, две холстины».

Слово «погородие» известно из уставной смоленской грамоты XII века о размерах поступления доходов, где оно означает государственный доход с городов. Как это очевидно, грамота № 718 является записью о величине сумм в деньгах и натуральном продукте (мёд, яловицы, масло, сани, попоны, мешки, грубая ткань), которые назначены главному получателю дани и детским. Известно, что «детскими» назывались должностные люди княжеского двора; значит, под главным получателем дани нужно понимать князя. Этому соответствует упоминание предназначенных ему «чёрных кун» — государственных податей.

Между тем «Русская Правда» содержит положение о порядке вознаграждения сборщиков государственных податей (емцов, отроков, а в данном случае — детских) за их труд. Сумма вознаграждения должна быть производной от суммы, следующей князю: «а от 12 гривну — емцю 70 кун»; «а се наклады: 12 гривен — отроку 2 гривны и 20 кун». И в том и в другом случае процент уплаты сборщику один и тот же, так как 70 кун равны 2 гривнам 20 кунам (в гривне было 25 кун). В тексте грамоты № 718 князю причитается 70 гривен (30 гривен дани и 40 гривен чёрных кун). Расчёт по указанной «Русской Правдой» пропорции устанавливает, что детским полагается 16 с третью (округлённо 16,5) гривны. Именно эта цифра и не уцелела в документе.

Упоминание Городецка и «бежицких» гривен определяет место действия грамоты. Это территория Бежецкого Верха в верховьях реки Мологи. Городу Бежецку соответствует древнее название Городецк. О порядке взимания государственных (княжеских) пошлин с этой территории сообщается в давно известном историкам «Бежецком ряду» (Бежецком договоре), дата составления которого не определена. Известно только, что в начале 60-х годов XIII века этот договор утратил силу, так как описанная в нём податная территория была разделена на два округа разного подчинения.

Но, согласно «Бежецкому ряду», с Городецкой территории ежегодно собиралась сумма в 21 гривну и 16 кун. В нашем же документе общая сумма, получаемая князем и детскими, равна 86,5 гривны.

А теперь давайте запасёмся терпением и кое-что посчитаем. Если в гривне содержится 25 кун, то 21 гривна и 16 кун равны 541 куне, а 86,5 гривен — 2162,5 куны. Но ведь эта вторая цифра практически точно в четыре раза превосходит первую. Значит, наша грамота информирует о получении с Городецка четырёхлетней недоимки. Уже в силу такого наблюдения она не может быть датирована временем позднее начала 60-х годов XIII века, а относится к более ранним десятилетиям того же века.

Между тем само наличие этой четырёхлетней недоимки является ещё одним датирующим элементом грамоты. В зиму с 1224 на 1225 год новгородцы вступили в жестокий конфликт со своим князем Всеволодом Юрьевичем (внуком и тезкой Всеволода Большое Гнездо) и его отцом Юрием, которые захватили Торжок. Разрыв с Всеволодом Юрьевичем привёл к перемене на новгородском столе, на который был приглашён черниговский князь Михаил Всеволодович. Добившись возвращения захваченных в Торжке товаров, Михаил, однако, заявил новгородцам: «не хочу у вас княжить, иду Църнигову; гость ко мне пускайте, а яко земля ваша, тако земля моя». В результате новгородцы вынуждены были взять на стол Ярослава Всеволодовича, четырёхлетнее правление которого эпизодически вызывало в Новгороде недовольство, приведшее зимой 1228/1229 года к разрыву с ним. На новгородский стол в конце апреля 1229 года вернулся Михаил Всеволодович, который «целова крест на всеи воли новгородьстен и на всех грамотах Ярославлих; и вда свободу смърдом на 5 лет дании не платити, кто сбежал на чюжую землю, а сим повеле, кѣто сде живеть, како уставили переднии князи, тако платите дань». Очевидно, что имеется в виду льгота тем смердам, которые бежали из Новгородской земли от князя Ярослава, то есть четыре года тому назад, и решение о сборе четырёхлетней недоимки за тот же срок с податных новгородских территорий. К 1229 году, таким образом, логично относить берестяную грамоту № 718, фиксирующую сбор четырёхлетней недоимки с одной из таких территорий.

Грамота № 719 дошла до нас в обрывке, но, судя по фрагменту адресной формулы, она адресована посаднику, что лишней раз подчёркивает значение раскопанного участка, элитарный характер которого и так был очевиден из предыдущего документа (ведь в круг обязанностей посадника входил контроль за правильностью получения князем государственных доходов). Эта грамота происходит из напластований второй половины XII — первой четверти XIII века и могла быть адресована Михалке Степаничу, Твердиславу Михалкиничу или Дмитру Якуничу.

Датировка грамоты № 718 оказалась весьма полезной для хронологического определения грамоты № 723, уровень залегания которой ниже не только «бежецкого» документа, но и адресованного посаднику фрагмента. В то же время она содержит некоторые лингвистические нюансы, позволяющие твёрдо отнести приводимый ниже текст ко второй половине XII века:

«+ Покланияне ото Душиль ко Нясть. Шель ти есьмь Кучькъву. Ажь ти хѣтя жьдати, али ти нь хѣтя жьдати, а оу Фьдокъ обруць се водадя, а свое възьму» — «Поклон от Душилы Нясте. Я пошёл в Кучков. Хотят ли ждать или не хотят, а я у Федки, отдав ей браслет, своё возьму».

Обстоятельства действий Душилы невосстановимы, но грамота имеет исключительное значение в связи с сообщением её автора о том, что он отправляется «Кучькьву», то есть «в Кучков», под которым может подразумеваться только населённый пункт. Между тем такой пункт хорошо известен по рассказу Ипатьевской летописи о событиях 1176 года, когда заболевшего в пути князя Михалка Юрьевича несли на носилках, «идоша с нимь до Кучкова, рекше до Москвы».

Ипатьевская летопись, сохранившая древнейшее название Москвы, известна по списку первой половины XV века. Только к XVII веку относится запись легенды об основании Москвы, повествующая о боярине Кучке. Следовательно, грамота № 723 является пока древнейшим документом, в котором упоминается Москва, и единственным свидетельством XII века, подтверждающим, что тогда наименование Кучков ещё не было вытеснено более поздним обозначением, производным от реки, а не от имени первоначального владельца местности.

Однако наиболее значительной находкой Михаилоархангельского раскопа оказалась происходящая из слоёв XII века грамота № 724, чтение которой задало нам работы не на один год. Свиток бересты был изрядно потёрт на сгибах во время его неблизкого путешествия в Новгород и, нужно думать, от многократного чтения заинтересованными адресатами. После того как его вымыли и расправили в полевой лаборатории, стало очевидным, что его текст состоит из множества строк, написанных очень мелкими буквами, с многочисленными залысынами, на которых букв невооружённым глазом разглядеть не удавалось.

Сходу были прочтены первые четыре строки самого интригующего содержания:

«От Савы поклонянее къ братьи и дружине. Оставили мя были людье. Да остатъ дани исправити было имъ досени, а по первому пути послати и отъбыти проче...».

Впервые адресатом послания оказались не конкретные лица, а «братья и дружина». Эта формула прежде была известна из «Слова о полку Игореве» («рече Игорь къ дружине своеи: братие и дружино! луцежь бы потяту быти, неже полонену быти») и древнейших летописных рассказов как некоторый литературный штамп обращения военачальника к своему отряду. Уже из первой строки нашей грамоты стало ясно, что это была не литературная, а реальная формула.

Автор грамоты Савва занят сбором дани. Некие люди были обязаны остаток дани собрать до осени, прислать его по первопутку и отбыть прочь, но эти люди «покинули» Савву, то есть с остатком дани так и не появились.

В (К В Ж И Т О И С И Д И К Н Р Н И Е С И Д В Р А Т Т Б И Н Д А Р У Ж И Н И О И Т Т А
В Н П И Н М Ф Б Д И К Н К Н Л Е О Р Д Б И К А О И Т П Т Б А Д И Н И И П И А
В И Т И Б Т И К И М И М У Р Д Д О И Е Н И А П О П И Ф А Б О М У Т Р Т И Д
Т О (К К Т Т И Н О Т В Б Ж Т М П Р О У Е Ч З Д К Д Б В З Д И Т (Д В Б И Н И П Д И Н О
Р Б Р Д В Б В Р И О Р О Е К Д У Е Д Д И Т (Д М В Б В Т О М В
Г О П И Ц К Х О Т А Н Д И Н Х В І М В И П А Б И П В В З Б О Р З Б И Н И
В В Б І О М І М И І К Р И І Н І М І А Б И П В В З Б О Р З Б И Н И
І З В К М Т Н И Н І Х Т И Ж Д К З В Б В Т О М В І (К В О (Т П А В
П О Т О М В Т П Т П Д К Н І М І Л Д Е І В Д К И С А Т К Р Н О Ж Б П Р
А Т Н И Д Д И Е І Т П К Н Л И О Д А Д Е Т О (С Б М Б В И П А Т К Д
А Т О О Т Т О Д О П Д О П О Л О Т О Д К В Е Т Т Е В А К Т Б І (А Т К Д
И І У Т А В В І П І М І В І Т А К І Т П А Д Т Б І (А Т Д А Д
И І Д Д Р У Ж И Н О К О І І З І

Грамота № 724

Дочитав грамоту до этого места, мы испытали отчаяние: сохранность текста была такой, что разобрать можно было отдельные буквы и изредка слова, потёртые промежутки между которыми не давали возможности ухватить смысл. А впереди было ещё девять убористых строк. Здесь я должен поделиться с читателем чувством нереальности происходящего, охватившим меня на следующее утро после находки. Было решено не предаваться отчаянию, а отложить чтение на утро, которое, как известно, всегда мудренее вечера. Утром я вынул из стёкол берестяной лист и увидел на нём не тринадцать сосчитанных накануне строк, а только четыре. В памяти всплыл пережитый почти сорок лет тому назад эпизод с чернильной грамотой № 13, когда только что увиденный на ней текст исчез на наших глазах. Но ведь теперь-то найдена не чернильная, а процарапанная грамота! Вглядываюсь в «уцелевшие» четыре строки и переживаю новый приступ наваждения: ни одного из прочитанных вчера слов там нет, а есть какие-то другие... Что происходит? А происходит вот что. В разгаре отчаяния от неудачи моментального прочтения никто из нас не догадался перевернуть документ, на обороте которого вся верхняя часть была занята ещё четырьмя строками, написанными тем же почерком.

Тщетные беспорядочные попытки прочтения привели нас через несколько дней к жалкой капитуляции, которая выглядела как поход в областную милицию к криминалистам, резонно отказавшим в помощи: их техника оказалась беспомощной перед масштабом наших трудностей. Оставалось положиться на собственный коллективный разум. В первый год мы пытались понять — и поняли! — только лицевую сторону грамоты, пользуясь исключительно методом упорства и упрямства. Четыре строки оборотной стороны были признаны безнадежными и навсегда погибшими. На следующий год долго не было новых берестяных находок, и за неимением полезного чтения началась «борьба» с этими четырьмя строками. На этот раз нашими лингвистами Андреем Анатольевичем Зализняком и Алексеем Алексеевичем Гиппиусом был предложен плодотворный способ работы. Изготовили промежуточную прорись, на которую были нанесены безусловно читаемые слова и не вызывающие сомнений отдельные буквы. Для заполнения пустот между ними четыре или пять раз с перерывами предпринималась «мозговая атака», участники которой предлагали варианты восстановления текста, аргументированные лингвистическими правилами XII века. После этого предложенные варианты оценивались изучением восстанавливаемых мест под микроскопом, который выявляет следы реальных букв в виде слабых штрихов и царапин. «Мозговые атаки» и привели к торжеству этого метода прочтения.

Зная окончательный его результат, мне теперь легко познакомиться с ним и читателей. Продолжим чтение, переводя каждую фразу.

«И заславъ Захарья въ вере уроклъ: не дайте Саве ни одного песца хотя на нихъ емати...».

Оказывается, некий Захарья, прислав (какого-то человека), клятвенно заявил: «Не давайте Савве ни единого песца с них собрать. Самъ въ томъ...».

Упоминание песцов служит указанием на местонахождение Саввы. Песцы (иначе — полярные лисицы), будучи представителями фауны Арктики и Субарктики, обитают в полярных материковых тундрах. Савва находится где-то на севере новгородских владений для получения дани с тамошних жителей. Речь в грамоте, надо полагать, идёт об отказе местных «людей» выплатить обусловленный остаток дани, который именно местным старейшинам надлежало собрать «до осени». Уместно вспомнить один летописный эпизод 1194 года, когда пришедшим за данью в Юг-ру новгородцам довелось слушать «льстивые речи» югорских князьков: «сбираем сребро, и соболе, и иная узорочиа, а вы не губите нас, своих смердов и своеи дани».

Поводом для отказа послужило распоряжение некоего Захарии, запретившего давать Савве «хотя бы единого песца». Основание такого распоряжения содержится в следующей фразе, переданной Захарией через своего посланца: «Самъ въ томъ». Её возможно перевести двояким способом: «Я сам за это отвечаю» или «Он (Савва) сам за это взялся (то есть он самозванец)».

Читаем дальше:

«А въ томъ ми ся не исправиль въ борзе, ни къ вамъ, ни ту ти былъ. А въ томъ есмь осталь...» — «А со мной по этому поводу не справлялся и не побывал ни у вас, ни здесь. Поэтому я остался».

Дело, однако, на этом не кончилось:

«По томъ пришли смерди, от Андря мужъ прияли и дани от(ъ)яли людье...»

Затем пришли смерды (то есть плательщики дани, как это следует из летописной терминологии цитированного выше рассказа 1194 года), приняли «мужа» от Андря, и «люди» (то есть сборщики дани Андреева мужа) брали дани в его пользу.

«И осьмь высягла что о Тудоре. Порозумсите, братье, ему, даче что въ то ему състане тягота тамъ и съ дружиною егъ». — «А восемь (человек), что под началом Тудора, вырвались (или: вышли из повиновения). Отнеситесь же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его».

Если Савва остался на месте событий, то Тудор со своими дружинниками вырвался из непростой ситуации, уйдя в Новго-

род. Коль скоро этот отряд возвращается с пустыми руками и без Саввы, Тудора могут ожидать подозрения и неприятности. Письмо Саввы оправдывает его.

На этом кончается текст первой стороны берестяного листа. У нас ещё будет время познакомиться с оборотной стороной. Но сейчас обдумаем уже прочитанное.

Описанная в письме Саввы ситуация типична для середины XII — начала XIII века, когда северные дани были предметом острого спора между Новгородом и Суздалем. В 1149 году новгородские данники отправились в поход «в мале»; узнав об их малочисленности, князь Юрий Долгорукий отправил против них князя Берладского с воинами. В 1169 году, когда Даньслав Лазутинич с новгородской дружиной пошёл за Волок данником, «присла Андреи пълк свои на нь, и бишася с ними, и бяше новгородьць 400, а суждальць 7000; и пособи Бог новгородцем, и паде их 300 и 1000, а новгородьць 15 муж; и отступиша новгородьци, и опять воротивъшеся, възяша всю дань, а на суждальских смердах другую», что, как известно, послужило прелюдией к знаменитой битве новгородцев с суздальцами в 1170 году. В 1219 году «поиде тоя зимы Сьмьюн Емин в 4-х стех на Тоимокары, и не пусти их Гюрги, ни Ярослав сквозе свою землю». В перечисленных случаях летопись освещает столкновения из-за даней в дальних — печерских и югорских — землях, куда высылались специальные отряды сборщиков дани. Грамота № 724 повествует о сходном конфликте.

Рассматривая эту грамоту как свидетельство одного из эпизодов новгородско-суздальского конфликта из-за северных даней, мы под «мужем Андрея» можем понимать только сборщика дани в пользу суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского. Обращает на себя внимание, что этот князь в летописях чаще всего называется Андреем (без титула и без отчества), настолько он был популярен. Так как Андрей Юрьевич был убит в 1174 году, то значит и наш документ датируется временем ранее 1174 года. А это позволяет идентифицировать и упомянутого в письме Саввы Захарию, который, как мы видели, располагал властью распоряжаться данями и данниками. Так звали новгородского посадника, избранного в 1161 году и убитого в 1167 году, что позволяет датировать грамоту № 724 60-ми годами XII века. Но можно предложить и более точную дату. Лаврентьевская летопись сохранила сообщение о том, что за Волок ходил сын Андрея Юрьевича Мстислав, а это случилось в зиму с 1166 на 1167 год.

В этой связи небезынтересным оказывается место находки грамоты № 724, посланной Саввой своей «братье и дружине». Адресаты письма жили на Прусской улице, одна из усадеб которой и исследовалась в Михаилоархангельском раскопе. Между тем расправа с неревским боярином посадником Захарией в 1167 году

принесла посадничество прусскому боярину Якуну, тогда как Захария потерял жизнь, поддержав изгоняемого князя Святослава Ростиславича, который вступил в политический союз с Андреем Боголюбским. Письмо Саввы, направленное и против Захарии, и против князя Андрея, обнаружено именно там, где в Новгороде пребывали их главные противники.

Нам осталось прочесть текст оборотной стороны берестяного листа:

«А селечяномъ свомъ князь самъ отъ Волоку и отъ Мъсте учястоке водале. Аче ли ти, братье, вины людье на мя не ищуть, а доведока буде, то же нынеца радъ быхъ послале грамоту» — «А сельчанам своим князь сам за Волоком и за Мстой участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас с радостью послал бы грамоту».

Ссылка на распоряжение князя о предоставлении участков на периферии Новгородской земли «своим сельчанам» каким-то образом оправдывает Савву, обвинённого Захарией в самоуправстве. Впрочем, если состоится дознание, Савва хоть сейчас готов защитить свои действия. Не это ли дознание вылилось в кровавую расправу над посадником Захарией?

Глава 40 Предпоследние новости из Троицкого раскопа

Предпоследние — потому, что последние новости наверняка появились во время печатания этой книги и в неё войти не могли. А здесь пойдёт речь о берестяных грамотах, найденных на Троицком раскопе во время полевого сезона 1996 года.

В это лето работы велись в верхних уровнях Троицких XI и XII раскопов. Небольшой Троицкий—XI раскоп (300 квадратных метров) в предыдущем сезоне был пройден до уровня первой половины XIII века; на громадном Троицком—XII раскопе (1200 квадратных метров) тогда же были проведены лишь начальные, поверхностные работы. Поэтому в 1996 году XI раскоп дарил нам тексты XIII и второй половины XII века, а XII раскоп, где в силу его обширности движение вглубь было неспешным, поставлял берестяные послания конца XIII — начала XV столетий.

Об этих — более поздних — грамотах следует рассказать в первую очередь. Их обнаружено пять, но грамота № 760 дошла до нас в виде ничтожного обрывка. Остальные же вполне заслуживают комментария, хотя только две из них сохранились целиком.

Грамота № 766 извлечена из напластований первой половины XIV века. Она безжалостно изодрана в древности и, на первый взгляд, производит впечатление безнадежно испорченного текста:

«...возь в... себе которой взяли бч... мьры выдерли вз...
...(гри)внахъ : шест... взяли...»

Однако именно этот обрывок учит нас тому, что никогда не следует отчаиваться, пока не исследованы все возможности преодоления, казалось бы, непреодолимых трудностей. Ключом стало слово, начинающееся буквами «бч». Я уже вижу скептическую усмешку читателя, справедливо утверждающего, что в русском языке нет ни одного такого слова. Действительно, нет! Раскроем, однако, словари древнерусского языка, чтобы обнаружить в них целое гнездо подобных слов: «Бчела (бъчела) — пчела; бчелиный (бъчелиный) — прил. к бчела; бчелица (бъчелица) — пчела; бчельникъ — пчельник; бчельный — пчелиный». Значит, сюжет этой грамоты связан с пчёлами, которых кто-то взял. Ведь перед словом «бч(ел...)» стоит слово «взяли».

А нет ли в нашем обрывочном тексте ещё каких-нибудь сленцифических слов? Вот, например, слово «выдерли». Что оно означает? Посмотрим, какие примеры приводят словари древнерусского языка к слову «выдирати». Их несколько, но нам достаточно одного: «А будет оне учнут бортное деревье поджигать и подчерчивать и пчелы выдирать, и помещиком на них имати за бортное дерево со пчелами по рублю». Этот пример, подтверждающий, что речь в грамоте и в самом деле идёт о пчелах, взят из источника 1626 года; наша же находка датируется первой половиной XIV века. И ближе к нему, естественно, текст из «Русской Правды» по списку того же XIV века: «Аже бортъ подьтнетъ, то 3 (гривны) продаже, а за дерево пол гривне. Аже бчелы выдереть, то 3 гривне продаже, а за медъ, оже будутъ бчелы не лажены, то 10 кунъ». Во всех случаях «выдрати пчёлы» означает выкрасть содержимое борти или улья. И слово «мъра» здесь не противоречит сюжету: в древних источниках встречается и «мера мёду». И «гривны» — на своём месте, если ограбленное измерено суммой убытков или суммой штрафа. Итак, речь в грамоте № 766 идёт об ограблении чьего-то пчельника.

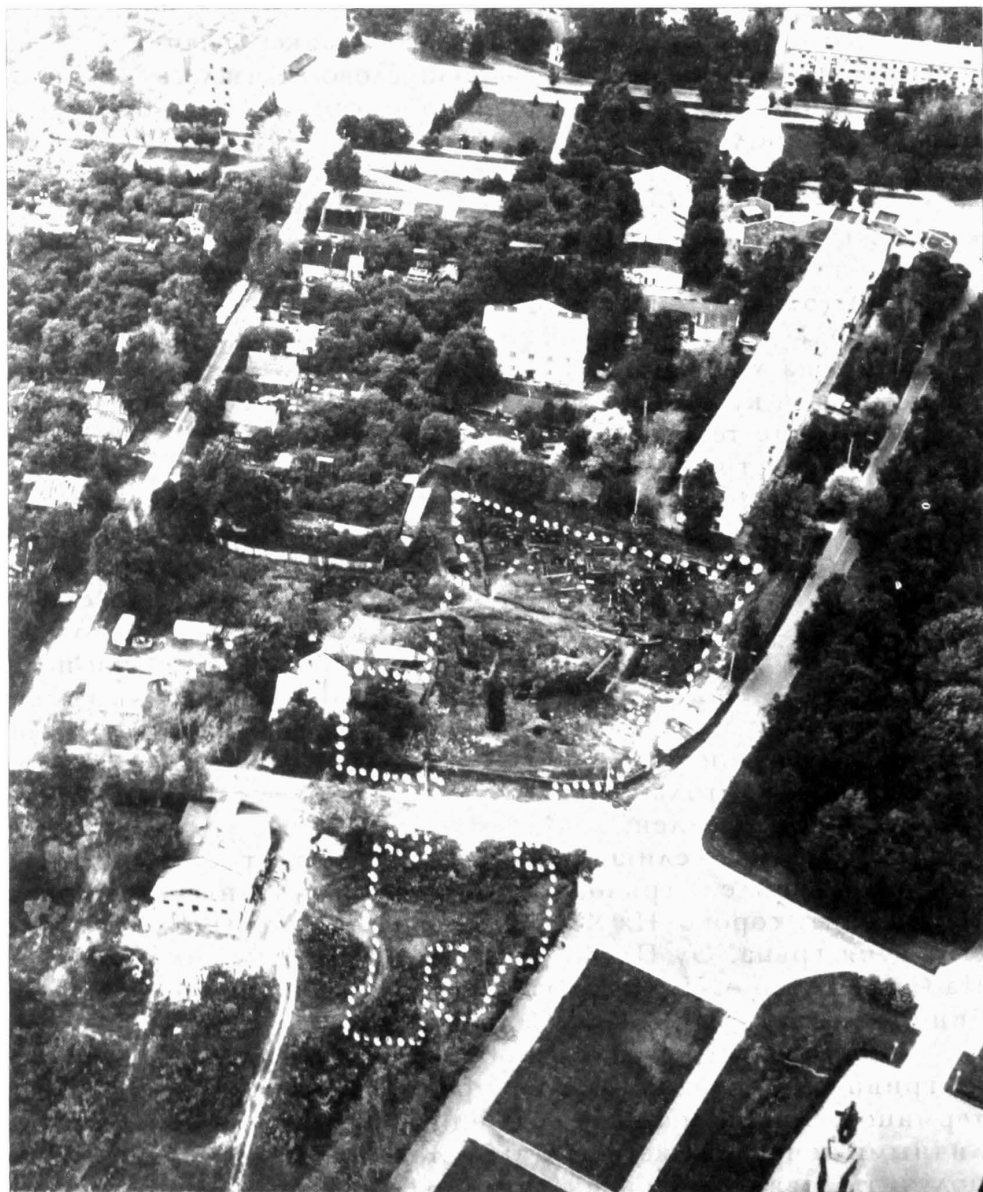
К концу XIII века относится сохранившаяся целиком грамота № 771:

«Офимия каже весте къ тебе. Гривну сьрѣбра присли на дѣвке. Детятию присли весте. Ажъ долго буде долго медляти, присли весте» — «Офимья сообщает тебе весть. Пришли гривну серебра за девку. С ребёнком пришли (об этом) весть. Если (тебе) придётся долго медлить, то (тоже) пришли весть».

Надо полагать, что Офимья не сама писала это письмо, а попросила грамотного человека. Иначе вряд ли она стала бы обозначать себя в третьем лице (кстати, такая начальная формула письма встречена впервые). «Девка» — холопка, челядинка, уступленная адресату на время или насовсем за гривну серебра. Стоит обратить внимание на то, как ловко в тексте преодолено место, способное породить двусмысленность понимания. Поскольку в грамоте нет знаков препинания и заглавных букв, возможно было бы прочесть «пришли гривну серебра на дѣвке детятию». Однако перед словом «детятию» сделан росчерк, напоминающий корректорский знак абзаца, что вернуло тексту его однозначность.

Собирание урожая новых берестяных грамот на Троицком—XI раскопе началось в 1996 году с приятной неожиданности. В предыдущем сезоне здесь в слое конца XIII — начала XIV века была обнаружена грамота № 758 — обрывок большого листа, на котором только у нижнего края имелась запись, сохранившая лишь полторы строки:

«Прольжь три гривне бес пати...».

*Вид Троицкого раскопа с самолета (1991 г.).
Пунктиром обозначена общая граница троицких раскопов*

Краткость и фрагментарность текста не помешала ему обнаружить ещё один важный эффект, неизменно радующий нас, — наличие слов, ни в каких словарях не зафиксированных и, значит, встреченных впервые. Здесь таким словом оказалось «прольжь», смысл которого, однако, совершенно прозрачен. Оно происходит от глагола «пролежать», то есть остаться без движения. До сих пор мы так говорим, например, о необработанной, остающейся незасеянной пахотной земле, называя её «залежной». В данном случае «пролежь» — убыток от того, что какие-то суммы денег, или вещи, или та же земля пролежали без движения, не принося дохода. И убыток оценён в три гривны без пяти каких-то мелких единиц. Каких?

Ответ на этот вопрос получен в 1996 году, когда был найден недостающий кусок грамоты. Сложившись с уже нам известным, он дал полный текст:

«Прольжь три гривне бес пати мордоко».

Кроме этого фрагмента на XI раскопе, где продолжалось изучение усадьбы «Г», в 1996 году было найдено девять берестяных грамот. Большинство их дошло до нас в обрывках, но мы уже хорошо знаем, что порой и обрывок стоит иного целого текста.

Грамота № 761 извлечена из напластований второй половины XIII века. Её четыре строки сохранились практически целиком; оборван лишь её правый край, отчего в конце первых трёх строк отсутствует по нескольку букв. Они были бы легко восстановимы по контексту, но, к сожалению, фрагментированными оказались не только буквы, но и цифры, восстановить которые контекст бессилён:

«На Жьстове селищъ девяносто, а в оке третейа цасте. На Радошкове земле... грвно, а на Баране на Бьсыньске 80 грвно. На Ньговить сороко. На Хотиль 3 грвне. На ...диль поло 4 грвне. Оу Греня грвна. Оу Пятшь грвна. На Хвибовь земле 12 грвне. На Сен... 9 грвно. На Насиловь 12 грвне. На Льськ сороко. На Бабине грвна зарьцьн(ая). На Салькь 2 грвне».

И снова не встречавшиеся ранее слова и выражения: «въ оке» и «грвина зареченая». Можно предполагать взаимосвязь этих терминов. В первом случае речь идёт о немедленной выплате наличными деньгами части долга: на Жестове селище следовало бы получить девяносто гривен, но «в оке», то есть «на глазах», «вочию» или — ближе всего к смыслу — современное «налицо», только третья часть долга подлежит немедленной уплате, остальные же две трети можно отложить до следующего раза. Во втором случае слово «заречёная» происходит от «зарок» в значении «обусловленный срок уплаты». Долг, который нужно взять «на Бабине», уже был отсрочен, как это теперь делается для «Жестова селища», а ныне следует эту «заречёную гривну» получить.

В сохранившейся только часть последней строки грамоте № 763 первой половины XIII века мы прочли лишь обрывки этикетной формулы прощания. Зато грамота № 765 того же времени доставила немало восторгов по поводу психологической характеристики её автора, называющего себя по-книжному Данил, а не Данила, как было принято в Новгороде той поры. Грамота отличается такой сочностью нюансов, что читать её лучше по фразам:

«+ Покланяние от Данила ко брату к Ёгнату. Братъ, попеццалися о мне...» — «Поклон от Данила брату Игнату. Брат, позаботься обо мне...»

Следующая фраза письма не оставляет сомнения в том, что эту заботу невозможно отложить, она должна быть проявлена незамедлительно. В самом деле:

«Хожю ти наго, ни мятля, ни и(н)ого цого» — «Хожу ведь голый — ни плаща, ни иного чего (у меня нет)...»

Какой брат, получив такую слёзную весть, не бросится собирать для голого одежду, покупать для него плащ и всё иное, без чего голому и на улицу показаться невозможно? И мы-то прослезились, читая этот стон голого Данила. Однако сочувственная грусть оставила нас при чтении следующей фразы:

«А прислы мятле рудаво...» — «Пришли же буро-красный плащ...»

Не так-то, оказывается, гол наш Данил. И не всякий плащ ему подойдёт, а только изысканного буро-красного цвета! А может быть, напротив, имеется в виду старенький, ветхий плащико Данилова брата, который ему самому и надеть зазорно, а голому Данилу в самый раз? Отнюдь нет. Ведь далее говорится:

«А седе куны дамо. А сомеци, колико даси на сукне...» — «А я здесь деньги отдам. Да скинь, сколько дашь за сукно».

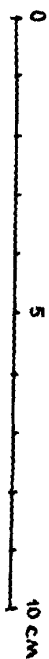
Из этой вполне деловой части письма очевидно, что и денежки у Данила водятся. И заплатить он готов. И уже кое-что заплатил вперёд за сукно. Пусть брат Игнат об этом не забудет и учтёт эту сумму при окончательном расчёте. И не ветхую одежду в подачку просит он у брата, а нарядный новый плащ покрасоваться перед народом.

Однако слезливая тональность только на время оставила Данила:

«А госпожа не придала. А уомилоседрился, братъ, дае ми место зади. Не на цеме ся кормити. И кланяю ти ся» — «А госпожа (меня) не пожаловала. Умилосердись же, брат, дай мне место на задах: не на чем кормиться. Кланяюсь тебе».

Кто эта госпожа, мы уже не узнаем. А фраза «дае ми место зади» воспринимается как привычно униженная просьба предоставить Данилу участок хотя бы на задах владений Игната, чтобы было чем прокормиться.

□ П О К Л А Н А Н Е С Т А Н Н К О Б Р А Т У К З І Г Н Я Т Ы Б Р А Т Д
□ П П Ц А Д Н С А О М Н Е Х О Ж И Т Н Н Д А Г О Н Н М А Т Ь А Н Н О Ц О Т Д
Ж П Р Н С А З И М А Т А Т І К П Р У Д Я Б О Д І Е А С К О У Н З І Д М М
* С О М Е Ч Н К О Л Н К О Д А Б Р А Т Д С І Н Н Д С У К Н Е І А Г І В С П О Ж А Н Г П Р О Д А Н А
А У Д М Н М О С Е А Р Н Е А Б Р А Т Д А Д Ф М Н М Е С Т О З А Д Н О П І Н А П Р О Д А Н А
Р М Н Т Н К М А Н А Ю Т Н С А

Грамота № 765

Разочарование, а потом неожиданную радость доставил найденный в слое рубежа XII–XIII веков берестяной фрагмент № 767, в котором уцелел настолько жалкий обрывок текста, что сначала ему не хотелось даже дать очередного номера. Ну что можно сделать с таким — с позволения сказать — «текстом»:

«... осме юнд...»?

А понять этот текст, однако, удалось. Слово «юнда» до сих пор существует в олонецком говоре, где оно было зафиксировано словарём В. И. Даля. Оно означает «рыбачью мережу особого устройства». Значит, в грамоте говорится о восьми таких юндах. Заметим, что понимание этого слова пришло не из древнерусских текстов. Для столь раннего времени оно обнаружено впервые.

В грамоте № 769 из напластований второй половины XII века сохранилась ничтожная часть текста:

«... оу Маляте въ...».

Однако и она порадовала нас встречей с уже знакомым человеком. Ещё в 1988 году на Троицком раскопе была найдена в тех же напластованиях грамота № 688, сохранившая такую часть своего текста:

«... Домаславе Умковице, Домане, Малята Радонежь воноуке, Гостил...»

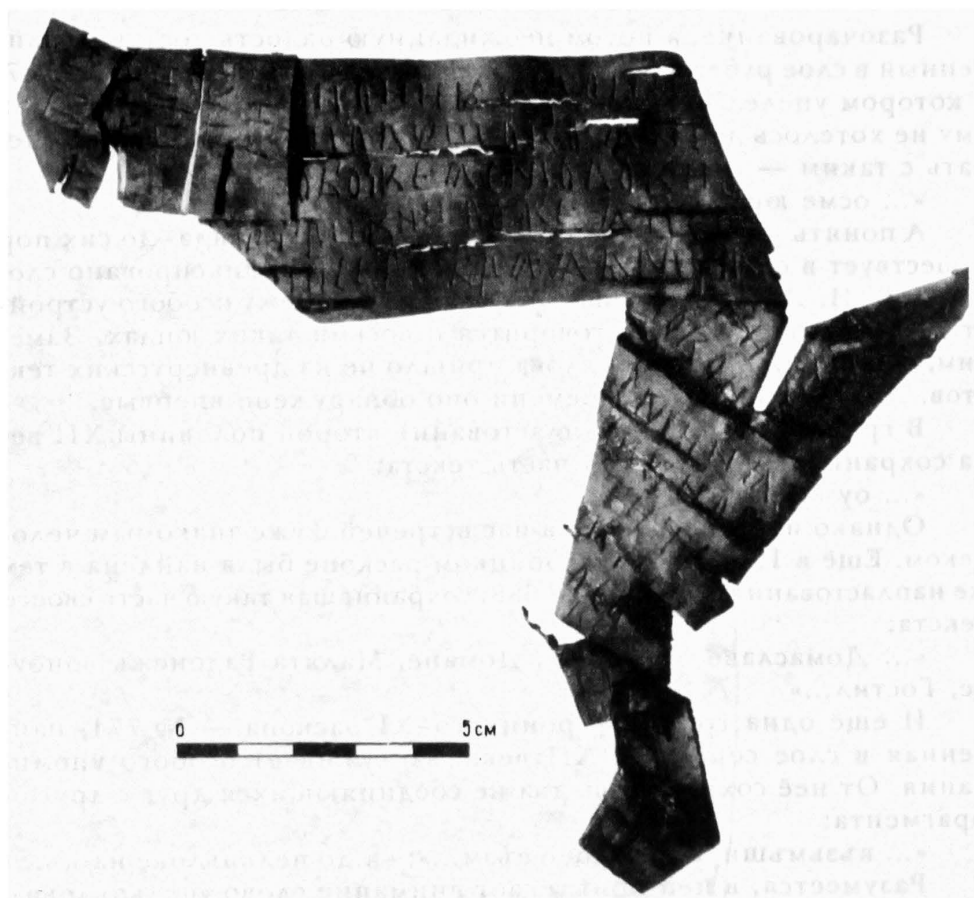
И ещё одна грамота Троицкого–XI раскопа — № 774, найденная в слое середины XII века, заслуживает особого упоминания. От неё сохранилось два не соединяющихся друг с другом фрагмента:

«... възьмъши, а тако себе възм...»; «...до пельпелоке на къ...»

Разумеется, в ней привлекает внимание слово «пельпелока», перепёлка. Оно, однако, не обязательно обозначает птицу. В древности это слово имело два значения. Одно — вполне привычное для нас и сегодня. Другое же — так называли некую деталь мелких металлических украшений, блески, бляшки, резные фигурки, которые нашивались на одежду. Здесь оно, вероятно, употреблено во втором значении.

Последней в сезоне 1996 года была найдена целая грамота № 775 с пространным и важным в разных отношениях текстом:

«От Дроцили ко Поникаропу. Куплено ти рожі осми надсяте полушоко, а пешеници 5 полушоко. А ниня намово нету, а бескуно не везюте. Любо же присли куны, любо же а смолови с кымо, любо с седе Тите приеха возьмете. А куплено по полу гривни рожс, а пешеница по сороку бес куни. А на кони приши ли ми 2 гривни серебра, а я муже небогатое, кланяюся — нама ти хотя ти по 8 куноу и по мородоки» — «От Дрочили к Поникарпу. Куплено тебе ржи восемнадцать полушек, а пшеницы пять полушек. А нынче денег на наём нету — а без денег не везут. Так что либо пришли деньги, либо договорись с кем-нибудь, либо это здесь

Такой в момент находки была грамота № 775

возьмёт, приехавши, Тит. А куплена рожь по полг гривне, а пшеница по тридцать девять кун. А на коней, если пришлешь мне две гривны серебра, то я, человек небогатый, кланяюсь: комиссионных-то (мне) хотя бы по восемь кун и по мордке».

Одним из важнейших эффектов новых берестяных текстов часто оказывается возможность существенно удреветь бытование слов, известных прежде только из относительно поздних источников. Здесь таким словом оказалось «полушка» в значении хлебной меры. Ранее она была зафиксирована только в текстах XVII века. Имеются основания отождествить её с более привычной в древних новгородских документах «коробьей», которая составляет половину «кади» и равняется семи пудам. Проверим это предположение. Как видно из текста нашей грамоты, полушка ржи стоит полг гривны. В XIII веке гривна серебра (196 грам-

мов) равнялась 7,5 гривны кун, а гривна кун приравнивалась, следовательно, примерно 26 граммам серебра, цена же полушки ржи приравнивается примерно 13 граммам серебра. Летопись, как правило, сообщает о ценах на зерно в экстремальных ситуациях, когда эти цены возрастали в несколько раз. Редкий случай указания цены в спокойный год отмечен в псковских летописях под 1475 годом, когда коробья ржи стоила 18 денег, а эта сумма равна 13,5 граммам серебра. Для сравнения пришлось взять цифры, разделённые двухсотлетним промежутком, однако именно хлебные цены в средневековье были мало подвижны, если не возникали аномалии, вызванные неурожаем, войной или голодом.

Грамота № 775 важна и для некоторых наблюдений над денежной системой Новгорода XIII века. Ранние редакции «Русской Правды» устанавливают равенство гривны кун 25 кунам, а поздние — 50 кунам. Примеры раннего равенства мы уже неоднократно наблюдали в берестяных грамотах XII века. Здесь же очевидно равенство гривны кун 50 кунам. Судите сами. Летописные материалы постоянно демонстрируют соотношение цен на пшеницу и рожь как 1,6:1. Если полушка пшеницы стоит 39 кун, то, исходя из этого традиционного соотношения, мы должны оценить полушку ржи примерно в 25 кун, но она стоит полгривны. Значит, гривна кун оказывается равной 50 кунам. Вот такой красноречивой оказалась наша последняя на сегодняшний день грамота!

Глава 41 Бересту можно найти везде

На протяжении всех сорока пяти лет, прошедших с 26 июля 1951 года, источником пополнения фонда берестяных грамот были не только раскопки. Хотя, разумеется, именно в раскопках найдено подавляющее большинство новых документов. Отдельные письма, как и раньше, обнаруживали в земле в ходе строительных работ. Будучи вырванными из цельных комплексов древних усадеб, они многое утратили в своей научной ценности, но, сохранив свои тексты, всякий раз так или иначе пополняют наши представления о прошлом, дают новые материалы для выводов и наблюдений.

В 1969 году Лев Владимирович Черепнин писал, что древнерусские документы не знают специальной повинности крестьян в пользу детей и других родственников землевладельцев. Поводом для этого послужил текст берестяной грамоты № 136, в которой имелось требование платить «детям по белке». Из содержания этой грамоты, найденной ещё в 1954 году при случайных обстоятельствах, оставалось неясным, идёт ли речь о крестьянах — «Мысловых детях», заключивших договор с землевладельцем, или о детях землевладельца. Поэтому требование платить «детям по белке» можно было понимать как необходимость каждому из Мысловых детей платить по белке своему господину, но можно было толковать это место документа и иначе: Мыслы дети обязаны платить по белке каждому из детей своего господина.

После находки этой грамоты прошло восемь лет, и в 1962 году в Кожевниках, неподалёку от знаменитой церкви Петра и Павла, была найдена — снова при случайных обстоятельствах — в водопроводной траншее грамота № 406. Она оборвана сверху, но сохранила значительную часть своего текста:

«... и риби и масло и сири, а то празка 3 года... дай... то. А ми тебе, осподине Офоносе, кланяесме. А даро ведаеш 3 куници 3 годо. А поцне прошати жени или синови, — жени 2 бели, а сину белка».

«Празкой» называлась плата за аренду земли. Новая находка, таким образом, зафиксировала, что повинности в пользу членов семьи землевладельца существовали, и дала правильное толкование спорному месту грамоты № 136.

В 1963 году на Торговой стороне, на берегу Волхова, также в траншее нашли грамоту № 416, сообщившую об очередном неурожайном лете:

«Погибло сено оу Дорофея... (погиб)ло сено в Острове и Смене... ...дя к Сену и Зуба позвал...».

В 1965 году также на Торговой стороне, близ церкви Ильи, найдена уже цитированная в предыдущих главах грамота № 429 — вероятная опись приданого невесты.

В 1967 году в Плотницком конце Торговой стороны найдена берестяная грамота № 445 с текстом настолько ясным, что он не нуждается в переводе:

«Всяло горончаро 2 сорока куницу, кобылу, 3 кожи, шапка, сани, хомуты. А целовало еси ко мне, а не прислало еси. Ясо погибло».

О замечательной находке грамоты № 463, обнаруженной в посёлке Панковке в земле, которая была привезена из Кожевников для устройства клумбы, уже шла речь в одной из предыдущих глав (в ней говорилось об административном «десяйке», десятке), как было подробно рассказано и о сенсационной находке 1974 года завещания Моисея.

И всё же досада, вызванная случайностью подобных находок, их вырванностью из породившего их бытового контекста, не оставляет. Символом таких чувств стала поступившая в экспедицию в 1983 году грамота № 612. Она была обнаружена жителем Новгорода В. А. Челноковым не в строительном котловане и не в траншее подземных коммуникаций, а у себя дома в цветочном горшке, когда он пересаживал цветы. Земля для цветов была взята примерно в 1980 году у оранжереи, куда её свозили из разных мест Новгорода при производстве земляных работ. На небольшом фрагменте ничего толкового прочесть не удалось. Мысль же о том, как много потеряно из того, что необходимо было сберечь навсегда, воплотилась в образ «берестяной грамоты из цветочного горшка».

Знакомясь сейчас с результатами открытий 1951–1996 годов, мы хорошо видим, что наши представления о средневековой культуре Новгорода и его истории стали во много раз полнее, чем прежде. Этим мы обязаны берестяным грамотам, самое существование которых привычно связывается теперь с Великим Новгородом. Однако берестяные грамоты не были узко новгородским явлением. Они широко употреблялись на Руси и не только в русских землях.

Уже на следующий год после знаменитой находки 26 июля 1951 года берестяная грамота была найдена за четыреста километров от Новгорода, в древнем Смоленске, где работала экспедиция Московского университета под руководством Даниила Ан-

тоновича Авдусина. К сегодняшнему дню эта экспедиция нашла в Смоленске пятнадцать берестяных документов. В 1958 году к числу городов, сохранивших в своих недрах древние берестяные тексты, присоединился Псков, где первую грамоту на бересте обнаружила экспедиция Григория Павловича Гроздилова. Сегодня известно уже восемь псковских находок. В 1959 году берестяную грамоту нашли случайно во время строительных работ в Витебске. Начиная с 1966 года экспедиция Института археологии ведёт раскопки в одном из новгородских городов — Старой Руссе, в ста километрах к югу от Новгорода. Эта экспедиция, которой руководил Александр Филиппович Медведев, а после него Валентина Григорьевна Миронова, обнаружила уже двадцать восемь берестяных документов.

В 1980 году берестяную грамоту нашёл при раскопках в белорусском городе Мстиславле археолог Леонид Васильевич Алексеев, а в 1983 году первая берестяная грамота была найдена в Твери; сегодня на счету тверских археологов уже пять берестяных текстов. Однако наиболее значительное расширение географии берестяных находок произошло в 1988 году. Тогда старорусская коллекция пополнилась двумя документами, смоленская — четырьмя, псковская — тремя. И тогда же берестяная грамота впервые была найдена в Москве на Красной площади при раскопках Сергея Заремовича Чернова, а две в древнем западноукраинском городе Звенигороде Галицком при раскопках Игоря Кирилловича Свешникова (на следующий год там же был обнаружен ещё один берестяной текст). Всего к концу 1996 года, таким образом, в восьми древнерусских городах найдены шестьдесят две берестяные грамоты.

Познакомимся с некоторыми из них, начав со старорусских находок.

Грамоту № 2 «собирали» на протяжении двух лет. В 1969 году была найдена её верхняя часть, а в 1970 году — и недостающая нижняя:

«Приказъ от Кузми к сину к своему к Исаку и к Уляну и к Тимофию. Соли не купи... ..аи не купя с триця... ..тои у мосту. А прося зде соли по семи лубовъ за рубль. А наши хотя давать. А на день ни луба не продать. А просоле зде по пяти гривонъ бочка» — «Наказ от Кузьмы сыну своему Исаку, Уляну и Тимофею. Соли не покупайте... А просят здесь соли по семи лубов за рубль. А наши хотят отдавать (по такой цене). А за день ни луба не продать [затем автор переправил «не продать» на «не продается»]. А просол [малосольная рыба] здесь по пяти гривен бочка».

Кузьма сообщает своему сыну Исаку и ещё двум своим компаньонам-складникам о торговой конъюнктуре, сложившейся там, куда он с другими жителями Русы привёз на продажу соль. Соль

добывалась в Русе в больших количествах и распространялась оттуда даже за пределы Новгородской земли. Он находится в каком-то месте, где ловят рыбу и солят её, нуждаясь в его товаре. Однако, по мнению Кузьмы, цену ему за соль дают недостаточно высокую. Ему предлагают продать её оптом по рублю за семь «лубов». «Луб» или лубяной короб был единицей измерения соли. В розницу продавать выгоднее, но так можно надолго задержаться у рыбаков; за день в розницу удаётся продать меньше луба, а у Кузьмы, как кажется, ещё около тридцати лубов. Попутчики Кузьмы решаются на оптовую сделку, о чём он и сообщает домой и компаньонам, оставшимся в Русе. Попутно он информирует адресатов о ценах на солёную рыбу, которую, вероятно, собирается купить на вырученные деньги: бочка солёной рыбы стоит пять гривен.

Эта грамота относится к XV веку, а в 1973 году обнаружена грамота № 10, на триста лет более ранняя:

«Съ грамота от Яриль ко Онание. Въ волости твоеи толико вода пити в городищяных. А рушань скорбу про городищяне. Аже хоцьши, ополош дворян, абыша нь пакостил(и)».

В грамоте употреблено не встречавшееся ранее образное выражение «толико вода пити», которое надо воспринимать как яркую характеристику нищеты и голода: городищяне в волости Онании могут только воду пить, есть им уже нечего.

Вот её перевод: «Это грамота от Ярилы к Онании. В Городище, твоём владении, только воду пить. А рушане [жители Русы] скорбят о городищянах. Пожалуйста, припугни дворян, чтобы не пакостили». По-видимому, виновником голода городищян был управляющий, дворянин, которого и следует настрашать, чтобы прекратить его самоуправство.

Содержание старорусской грамоты № 10 сродни хорошо известным по новгородским берестяным челобитьям крестьянским жалобам XIV–XV веков. В ней та же социальная коллизия: конфликт между крестьянами и ключником и протест в виде жалобы вотчиннику. Однако, если в XIV и XV веках крестьяне сами писали своему сеньору, здесь перед нами переписка двух представителей привилегированной верхушки, основанная на взаимопонимании.

В грамоте отсутствуют традиционные поклоны. Ярила представляет от рушан. Поэтому в нём нужно видеть высокого сановника, деятеля администрации Русы. Он информирует Онанию о положении в его волости и даёт советы, которые помогут избежать дальнейшего неблагоприятного осложнения событий.

Наиболее значительным в Старой Руссе оказался комплекс грамот первой половины XII века, включающий шестнадцать документов и собиравшийся на протяжении 1971–1989 годов.

Отнюдь не плохой результат, особенно если упомянуть, что в 1967 году рушане торжественно отпраздновали 800-летие первого упоминания своего города в летописи. Правда, если говорить о достоверном юбилее Старой Руссы, то следует вспомнить, что древнейшим оказалось её упоминание в новгородской берестяной грамоте № 526, найденной в 1975 году. Эта грамота датируется второй третью XI века. Так что не за горами 950-летие этого города!

Большинство старорусских грамот первой половины XII века — долговые записи. Но какая в них великолепная россыпь древних славянских имён и отчеств: Стежир, Городил, Путята, Лбыня, Прибыла, Сторонька, Сбыслав, Кулотинич, Голузь, Лодыга, Играт, Нежебудич, Дорогонежич, Жизнобуд, Храп, Мил, Коснила, Клопуша, Ярина, Путила, Сновид, Неговит, Малята, Корга, Домажир, Жаско, Рык, Страхота, Промысл, Невереша, Негошка, Деденя, Чюдка, Дертка...

Две грамоты из этой группы следует процитировать из-за необычности состава записанных в них должников.

Грамота № 21: «Оу Орьшинее поло пять резане. Оу Боришковее 2 ногать. Оу Короцьковене 2 ногать. Оу Гюрегевее 7 рьзано. Оу Тьшье 2 ногать оу Неделеке. Безоубая 2 ногать».

Здесь фигурируют только женщины: жена Орьши, жена Боришка, жена Корчка, жена Гюргия, Неделька — жена Теха и женщина по прозвищу Беззубая.

Грамота № 22: «+ Негошека дове на десять коуно. Оу Дедене пять коуно. Оу Чюдоке пять коуно. Оу Деретокъ пять коуно. Оу Несодицевее пять коуно. Оу Таишинее семе резано. Оу Косениле пять коуно. Оу Боришекее тьри коно. Оу Хьловее пяте коуно. Оу Надеековее пяте коуно. Оу Поутешинене тьри коуне. Оу Безоуевее цетыри коуне».

Снова женщины: жена Несдича, жена Тайши, жена Боришка, жена Хыла, жена Надейка, жена Путьши, жена Безуя. Скорее всего женскими являются имена Чюдка и Дертка и, вероятно, также Негошка и Деденя. Лишь имя Коснила (если оно производно от Коснятина), как будто, принадлежит мужчине.

Загадку, предложенную этими грамотами, я переадресую читателям: чем объясняется избирательность приведённых здесь списков? Почему в них перечислены женщины? Что понуждало их влезать в сравнительно небольшие долги у их кредиторов?

В других грамотах этой группы привычные нам сюжеты с упоминанием ябедников, отроков. Вот два примера.

Грамота № 15: «От Петра къ Василеви. Вьдаи 6 коунъ и гривноу Вышяте. Али ити не дасть, а пристави на нь отрокъ» — «От Петра к Василю. Дай шесть кун и гривну Вышяте. Если он иди не даст, то пошли на него отрока».

Грамота № 6: «От Дедице къ Дьмяну. Не съль отрока. Еду самe и 2 гривне везу» — «От Дедицы к Демьяну. Не посылай отрока: еду сам и две гривны везу».

Как уже отмечено выше, из культурного слоя Пскова происходит восемь находок берестяных грамот. В урожайном на грамоты для всех древнерусских городов 1988 году в Пскове были найдены документы, своим содержанием связанные с торговыми делами.

Один из них — грамота № 6 — обнаружена в напластованиях середины XIII века:

«От Кюрика и от Герасима к Анофимоу. Про белоу: оже есте не стороговале, то прислите со проста, занода оу насо коупля есте беле. А про собе: оже боудьше порожне, то боуди к намo. А намo Ксинофоноте измакле. А про сеи человеко: мы его не знаемо. А во томо Божея воля и твоя».

Очень чёткий и организованный текст. Всё в нём изложено по рубрикам: «Про белоу», «А про собе», «А про сеи человеко». Вот её перевод: «От Кюрика и от Герасима к Онфиму. О беличьих шкурках: если вы ещё не запродали, то пришлите (сюда) немедленно, потому что у нас (здесь) есть спрос на беличьи шкурки. А о тебе: если будешь свободен, то приезжай к нам — Ксинофонт нам навредил. А об этом человеке [то есть о Ксинофонте]: мы его не знаем. А в том воля Божья и твоя». Надо полагать, что неизвестный авторам письма Ксинофонт был прислан к ним Онфимом, и они вежливо просят отстранить его от дела.

В другом документе — грамоте № 7 из слоёв последней трети XIII века — скрывается некий детективный сюжет:

«Пклоно от Степана к Вацютe. Что еси взяле сукна того, положено на Богь и на тебе. Вложи его в лодию на борзе, а твори своимы сукномо. А цто будете найма, мы се ведаемо цто» — «Поклон от Степана Вацютe. Сколько ты взял того сукна, (в этом) я полагаюсь на Бога и на тебя. Срочно погрузи его на ладью, при этом объяви своим сукном. А что касается того, сколько будет за это платы, то мы договоримся».

Степану необходимо, чтобы Вацюта немедленно увёз сукно на ладье и при этом выдал его за своё. Речь, как будто, идёт об укрытии товара, захваченного при разграблении купеческого судна или обоза.

Впечатление сугубой бедности производит найденная в Витебске берестяная грамота, датируемая по начеркам (она обнаружена при случайных обстоятельствах, а не при раскопках) второй половиной XIII — первой половиной XIV века:

«От Стъпана ко Нежилови. Оже еси продало порты, а купи ми жита за 6 гривено. Али цего еси не продало, а посли ми лицеме. Али еси продало, а добро сътвори оукоупи ми жита» — «От Степа-

на к Нежилу. Если ты продал одежду, купи мне ячменя на шесть гривен. Если же чего-нибудь ещё не продал, то пошли мне сами эти вещи. Если же продал, сделай милость, купи мне ячменя».

Очень выразительны берестяные тексты, найденные в Твери. В грамоте № 1 конца XII — первой четверти XIII века говорится:

«От Станимира поклоно ко Михалоу ко Домажировицоу. Хочеши возяти половиноу коуно, я пороуцене отечеве твоемоу по Иванока. Не хочеши ли, да я боле не могу водати» — «От Станимира поклон Михалу Домажировичу. Если хочешь взять половину денег, [то я заплачу] — я поручитель перед твоим отцом за Иванка. Если же не хочешь, так я [всё равно] больше дать не могу».

Невольно вспоминается новгородская грамота № 510 того же времени, в которой упоминался Домажир, который подвёл своего поручителя, скрывшись из Новгорода, а его сын оказался ответчиком за грехи отца и свои. Домажир новгородской грамоты погиб в 1224 году в битве рушан с литовцами. Не с его ли сыном имеет дело Станимир тверской грамоты, бывший также поручителем за Домажира?

С новгородско-тверскими отношениями связана тверская грамота № 2, датируемая первой половиной XIV века:

«Поклоно от Григории ко матери. Буди къ мне на борозе во Тържеко. Сопрятовавоши свои статоко, поеди в Торжъко. Аже застанеше мене ти, я тьбе везу. Или мене не застанешь во Торжеку, ти ты ту мене жеди, а язю по тебе буду само. А цто даше провоза, язю во томо до Торжеку. Уведаи ведаи, пуцаю ли роже новгороцамо безо пакости, ти ты пришли на борзе, ти я само еду» — «Поклон от Григория матери. Прибуди ко мне срочно в Торжок — приведя в порядок своё имущество, поезжай в Торжок. Если застанешь меня, то я тебя повезу; если же меня в Торжке не застанешь, то ты там меня жди, а я за тобой прибуду сам. А что заплатишь за провоз до Торжка, это за мной. Узнай, пропускают ли рожь для новгородцев беспрепятственно, [если да], то немедленно пришли [весть], и я сам поеду».

Поразительной была находка тверской грамоты № 5 в 1996 году. Именно тем летом в Новгороде в слое первой половины XIV века была обнаружена фрагментированная грамота № 766 об ограблении пчельника. Такому же сюжету посвящена и новая тверская грамота, обнаруженная петербургским археологом В. А. Лапшиным и прочитанная Т. В. Рождественской и А. А. Зализняком:

«От Илиице ко Илие. Шюига дубие переписываете, а вцелы ти лазило. Язю дубие отимаю по своей мети. А тесно сотесываете, то мои дубо. Ваше бортико окралося первы. А ныне поеди само семо утверди свою борте» — «От Ильицы к Илье. Шюига борт-

ные дубы переписывает (на своё имя) и пчёл выкрал. Я эти дубы отнимаю по своей метке. Где стёсано — это (всё равно) мой дуб. Ваш пчельник обокраден первым. Ныне же поезжай сам сюда утвердить (за собой) свою борть».

Из грамот, найденных в далёком Звенигороде Галицком, наиболее интересна получившая № 2 и извлечённая из слоёв 10-х — 30-х годов XII века:

«От Говеновое ко Нежьньцю. Дае 6 десято коуно лодиеную. Поведало Говено ида на соудо, а попъ псаль. А дае Лоуце. Оли нь водаси, то я у конязя поема отроко прижь приеду. А во боле ти вонидь» — «От Говеновой (вдовы) к Неженцу. Дай шестьдесят кун ладейных [то есть за ладью]. (Так) сказал Говен перед смертью [буквально: идя на суд], а поп записывал. Дай (их) Луке. Если же не дашь, то я возьму у князя отрока и приеду — это тебе встанет в (куда) большую сумму».

Все эти находки подтвердили высказанное первооткрывателем берестяных грамот Артемием Владимировичем Арциховским ещё в предварительной публикации открытий 1951 года мнение, что «берестяные грамоты будут найдены не только в Новгороде, но и в других русских городах, где сохраняются дерево и береста, например, в Ладогe, Белоозере, Вологде, Смоленске, а, может быть, и в Москве, а также в некоторых польских и чехословацких городах». Жизнь расширила список таких городов. А в число стран, где возможны будущие находки берестяных писем, встали также скандинавские страны, Германия и Англия; в культурных слоях городов в этих странах хорошо сохраняются органические остатки.

Первая берестяная грамота найдена в Швеции. Правда, она обнаружена не в земле. Нашёл её шведский учёный О. Одениус в Упсальской библиотеке, где она около четырёхсот лет пролежала в древней книге, будучи использована как закладка. Надпись на ней сделана чернилами: живший в XV веке монах Вадстенского монастыря записал на бересте свои весьма посредственные латинские стихи. Однако Одениус, ссылаясь на новгородские находки и на показание шведского писателя XVI века Олауса Магнуса, справедливо считает, что и в Швеции чаще процарапывали тексты, чем пользовались чернилами.

Ведь Олаус Магнус недвусмысленно написал: «Применяли бересту тем охотнее, что письма не повреждались и не портились ни дождём, ни снегом». Значит, нужно внимательно и терпеливо искать берестяные грамоты в средневековых слоях скандинавских городищ. Недавно два небольших обрывка исписанной бересты найдены в Швеции при раскопках.

Александр Филиппович Медведев, тщательно собравший сведения о случаях находок на древних городищах орудий письма на бересте, перечисляет двадцать восемь таких пунктов, ограни-

чив при этом свой подсчёт только русскими городищами. Но ему известны такие же «писала» и из Польши, где они были найдены в Познани и в Гнезно. На многих из этих городищ береста не сохраняется, однако в ряде мест культурный слой насыщен хорошо сохранившимися органическими остатками.

Береста как новый источник по истории средневековья должным образом оценена и нашими зарубежными коллегами. Повсеместный интерес мировой науки к нашим находкам в большой степени объяснялся желанием исследователей других стран приобрести опыт в поисках подобных материалов.

Потом прошли годы, поиски казались безрезультатными. И всё больше и больше стало распространяться убеждение, что письмо на бересте — преимущественно русское явление.

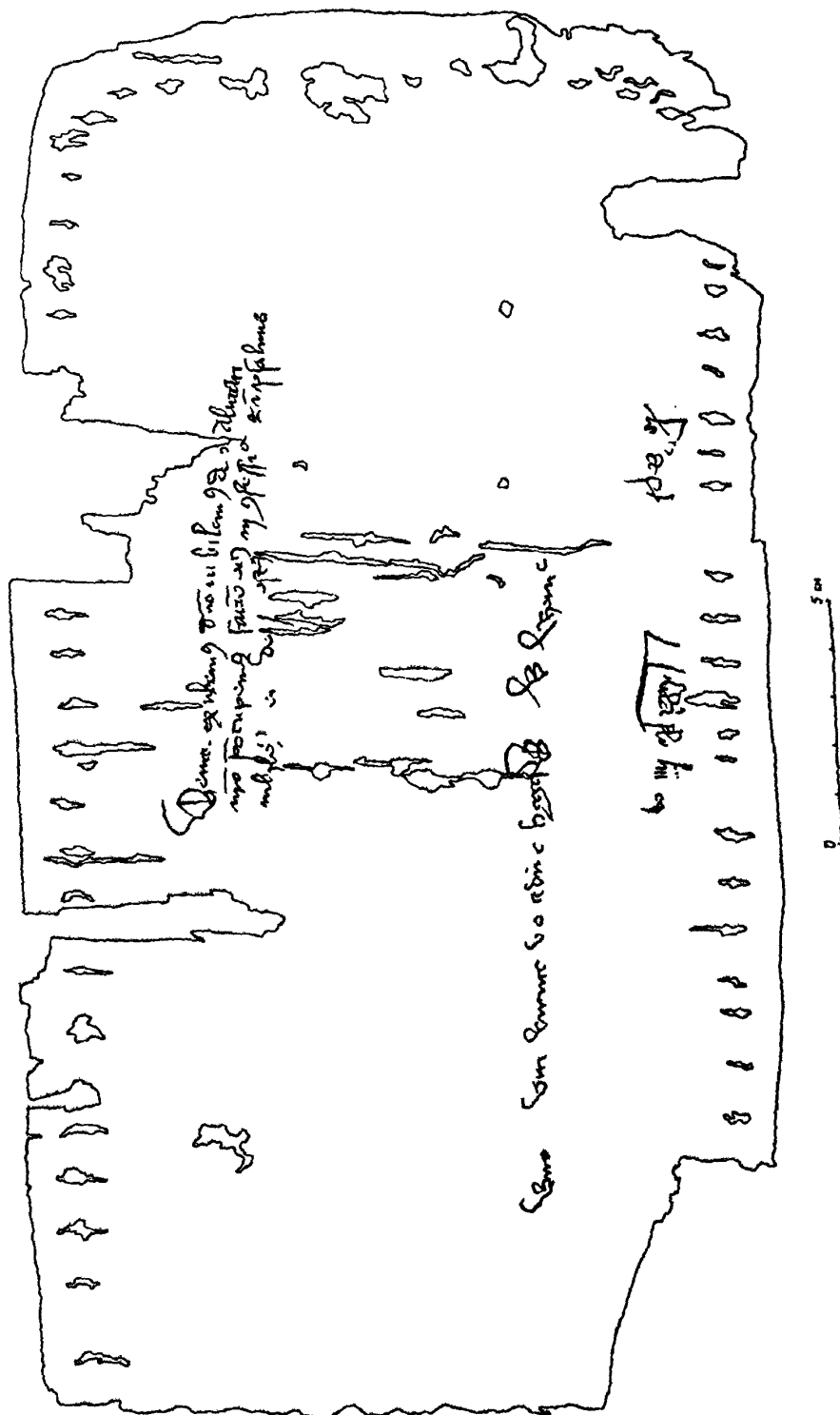
Теперь первые западноевропейские берестяные грамоты найдены археологами. Но не в Западной Европе. Первую (она получила № 488) обнаружил в 1970 году в Новгороде при раскопках немецкой торговой фактории — Готского двора сотрудник нашей экспедиции Николай Петрович Пахомов, а прочёл сотрудник Московского университета Донат Александрович Дрбоглав. На листе бересты, бывшем прежде днищем лукошка, кто-то написал пять строк изошрённым готическим курсивом рубежа XIV—XV веков. Строчки не все связаны между собой, это три разные, хотя и сделанные одним человеком, надписи на латинском языке. По правилам курсивного письма в нём употреблено множество сокращений, усечены окончания слов. Поэтому первое чтение грамоты привело к дешифровке слов, как будто не связанных друг с другом, но стоящих в определённом порядке. Понятна радость исследователя и наша уверенность в правильности его чтения, когда он в средневековой латинской псалтири обнаружил те же самые слова и в том же самом порядке, но благодаря выписанным в них окончаниям составляющие осмысленные фразы. Полностью прочитана наиболее пространная надпись, содержащая начало 94-го псалма Давида. Д. А. Дрбоглав предполагает, что другие надписи этой грамоты содержат нотный комментарий к её основному тексту.

Твёрдый почерк писавшего не оставляет сомнений в том, что ему хорошо знакомы правила и особенности письма на бересте.

Вторая грамота на древненемецком языке обнаружена на Троицком раскопе в 1993 году в слое первой половины XI века. Её ещё читают и спорят о содержании. Не будем спешить и мы.

Мы уверены в том, что первые живые доказательства использования бересты иноземцами вдохновят наших западных коллег на новые поиски, а берестяные грамоты станут достоянием не одной русской историографии.

Нужно учесть только одно важное обстоятельство, ставшее очевидным сейчас. На Руси очень поздно появилась так называ-

Грамота № 488

*Что ожидает нас в следующем летнем сезоне? Когда выйдет из печати
эта книга, мы уже будем это знать!*

емая скоропись, беглое письмо почерком, экономящим время писавшего, но достаточно трудное для понимания. Вплоть до конца XV века русские пишут чёткими, мы сказали бы теперь — «печатными» — буквами, так называемым полууставом, перешедшим затем в шрифт печатных книг XVI века. Беглый почерк возникает, нужно думать, в связи с массовым распространением сравнительно дешёвой бумаги, которая сделала главным инструментом письма гусиное перо.

Пока — до бумаги — употреблялась береста, беглому почерку не было возможности появиться. Привычка к берестяному письму требовала усилия, особой чёткости, прямых линий. Беглому письму сопротивлялась сама фактура берёзовой коры. Только находка берестяных грамот сделала понятным загадочный консерватизм почерков на пергаменных рукописях: ведь они писались людьми, учившимися письму на бересте. Распространение же бумаги и гусиного пера убило берестяное письмо. Один интересный признак подтверждает это предположение. Выше было рассказано о привычке наших предков разных возрастов писать на церковных стенах во время богослужения. Так вот, надписей XV века на штукатурке ещё много, а в XVI веке на стенах не писали: гусиным пером на штукатурке не напишешь, а железного писала у пояса уже нет.

Однако если бумага отменила бересту на Руси, то она и на Западе должна была сыграть ту же роковую для берестяного письма роль. Но на Западе бумага распространилась на два столетия раньше, в XIII веке, тогда же там возникает и беглое, курсивное письмо. Значит, искать западноевропейские берестяные грамоты в Западной Европе нужно в сравнительно ранних слоях.

Возможности будущих открытий исписанной бересты по существу безграничны. И мы уже сейчас знаем, что объем источников будущих историков средневековья спустя каких-нибудь сто лет увеличится в несколько раз. Главным документом, с которым придется иметь дело грядущим исследователям экономики и государственного устройства, культуры и права древней Руси, станет лист бересты, покрытый прожилками и трещинами, покоробленный, подчас безжалостно разорванный, но неизменно порождающий чувство живого соприкосновения с прошлым.

Десятки русских городов ждут нового лета, новых раскопок, новых успехов в поисках древней бересты. А в книжке о берестяных грамотах никогда не будет написано последней главы, потому что новые успехи всегда сопутствуют энтузиазму исследователей.

Послесловие лингвиста

(написанное А. А. Зализняком)

Вы уже поняли теперь, какой богатый и многообразный мир открывают нам берестяные грамоты. Конечно, сами тексты грамот, приводимые в этой книге, вам далеко не всегда понятны. Но сразу вслед за древнерусским текстом идет и перевод, из которого всё становится ясно, и вы вполне можете подумать, что только непосвященному читателю трудно понять берестяную грамоту, а для специалиста здесь загадок нет.

В действительности это далеко не так. На длинном пути от извлечения берестяного свитка из земли до полного понимания его текста может встретиться немало разнообразных трудностей — иногда столь серьезных, что этот путь растягивается на несколько десятилетий. А некоторые грамоты не разгаданы до конца и поныне; они ждут будущих исследователей, которые найдут к ним новые ключи — может быть, на основе каких-то новых находок.

Почему же это так трудно? Ведь существует обширная древнерусская литература — до нас дошло большое количество древних рукописей на пергамене и бумаге, многие из которых насчитывают сотни листов. Если мы умеем читать эти фолианты, то что стоит прочесть небольшое письмо на бересте? Оказывается, однако, что весь этот массив древних текстов далеко не всегда дает нам возможность найти ответы на те вопросы, которые возникают при чтении берестяных грамот. Причин этому много. Прежде всего, берестяные грамоты очень непохожи на традиционные древнерусские памятники по жанру и по содержанию. Берестяные грамоты — это в основном частные письма. В отличие, скажем, от летописей, они посвящены не каким-то важным общественным событиям, а чаще всего делам, касающимся одного человека или семьи, текущим повседневным заботам; между тем как раз эта сфера крайне слабо отражена в традиционной древнерусской письменности XI–XV веков. Поэтому в них нередко встречаются слова и выражения, которые не отмечены ни в каком из ранее известных древнерусских памятников. Далее, берестяные грамоты писались совсем не так, как литературные произведения. Они были направлены на практические цели и рассчитаны на немедленное однократное прочтение. Поэтому их авторы обычно писали, как говорили, т. е. в них отражена живая повседневная речь. Соответственно, в них широко представлены такие фонетические, морфологические и синтаксические особенности, которые чужды традиционным книжным памятникам.

К этому добавляются многочисленные «технические» проблемы, связанные с тем, что берестяные грамоты очень кратки, часто доходят до нас лишь в виде фрагментов, имеют некоторые особенности в начертании букв и в способе их употребления и т. п.

Опыт чтения и интерпретации берестяных грамот накапливался постепенно, начиная с самых первых находок. Оглядывая теперь пройденный почти за полвека путь, мы видим, как много первоначальных чтений было впоследствии изменено или уточнено — усилиями многочисленных исследователей из разных стран. Этот процесс корректировки не завершен и теперь — он естествен для всякой молодой отрасли знания.

Покажем на конкретных примерах некоторые характерные трудности, возникающие при чтении берестяных грамот.

Эти трудности нередко начинаются на первом же шагу, а именно, на этапе опознания процарапанных на бересте букв. Писать писалом на бересте труднее, чем пером на бумаге. Нажимать приходится сильнее, и писало труднее остановить в строго определенной точке. Оно довольно часто не доходит до нужной точки или проскакивает ее. Формы букв получаются менее устойчивыми, похожие буквы — скажем, Т и Г, Б и В, Г и П, Ъ и Ь, — здесь иногда трудно различить. Кроме того, на бересте горизонтальные линии часто бывают хуже видны, чем вертикальные: вертикальный штрих идет поперек волокон бересты и надрывает их, тогда как горизонтальный штрих движется вдоль волокон и нередко всего лишь их раздвигает. По этой причине довольно легко спутать, например, *ε* и *с* или *в* и *к* (где различие целиком определяется горизонтальными штрихами). Добавим к этому, что описанные трудности многократно возрастают, если сохранность бересты плохая или если от первоначального документа до нас дошел лишь фрагмент и от каких-то букв осталась только часть элементов.

Вот некоторые примеры того, как затруднения такого рода могут влиять на понимание текста. В грамоте № 69 (конец XIII в.) конечная часть в первоначальном издании была прочтена так: *ты до Углеца, и ту плкъ дружина* 'ты [посылай] до Углича, и там полк-дружина'. Присутствие в грамоте слова 'полк' вело к чисто военному истолкованию ее текста. Вызывало некоторое сомнение, однако, написание *плкъ* (вместо ожидаемого *полкъ*). Дополнительное обследование грамоты, предпринятое (в более позднее время) для проверки этого места, показало, что за букву *л* здесь была ошибочно принята буква *а*: в этом месте на бересте темное пятно, и линия, отличающая *а* от *л*, осталась незамеченной. Таким образом, в тексте стоит не *плкъ*, а *лакъ* (частица: 'как раз', 'вот'), т. е. смысл здесь: 'ты [посылай] до Углича, и как раз там дружина'.

В грамоте № 8 (рубеж XII и XIII вв.) конечная часть в издании была прочтена так: *ожалочьши коровъ, а едеши по коровѸ, а възн --- гривньнъ* (перевода не было дано вообще). Самым загадочным здесь

был отрезок *ожалочьши*. Разными интерпретаторами было предложено несколько различных гадательных толкований этого места (причем все они исходили из того, что автор допустил те или иные буквенные ошибки): 'что лучше, чем коровы', 'если тебе попадетсѧ корова', 'о Жалудковой корове' и др.; при всех этих версиях, однако, смысл грамоты оставался довольно темным. Лишь через несколько десятилетий после первой публикации грамоты, когда уже накопился определенный опыт работы с берестяными документами, удалось установить, что в этом тексте были неправильно опознаны две буквы: после *ож* стоит не *а*, а *ь* (верхняя часть которого пропала из-за небольшого разрыва в бересте); далее идет не *л*, а *х* (от которого по той же причине сохранилась лишь нижняя половина). Таким образом, на месте загадочного *ожалочьши* в действительности стоит *ожь хочьши* 'если хочешь' (= *оже хочеши*, с заменой *е* на *ь*, о которой мы еще расскажем потом). Полуоборванные буквы перед конечным *гривнь* к этому времени уже были прочитаны (как *три*). Смысл фразы в целом оказался очень ясным и простым: 'если хочешь корову и едешь за коровой, то вези три гривны'.

Для правильного опознания букв необходимо также тщательно учитывать индивидуальные особенности почерка. Так, например, начало грамоты № 310 (1 четверть XV в.) в издании представлено так: *цѣлобитіе ѿсподину посаднику новгороцкому Ѡнедрию Ивановичю Ѡ твьегъ ключника Ѡ Вавулы и Ѡ твоихъ хрестіаню, которыѣ хрестіани съ лова пришли за тебѧ, Захарка да Нестерке*. Издатель поясняет, что Захар и Нестер пришли под власть Андрея Ивановича «с лова», т. е. были до того охотниками. Однако дополнительный анализ начертаний всех букв этой грамоты показал, что чтение *съ лова* неточно: у буквы *ъ* здесь еще имеется крошечный вертикальный штришок при петле. В каком-нибудь другом почерке подобный штришок можно было бы счесть за случайность; но данный писец совершенно последовательно пишет именно таким способом букву *ы*. Это значит, что надлежит читать не *съ лова*, а с *Ылова*, т. е. 'с села Илова' (где *ы* написано в соответствии с произношением). Захар и Нестер перешли к новому хозяину не с охоты, а с села Илова. В. Л. Янину удалось точно установить, где находилось то Илово, о котором здесь идет речь.

Далее, немалая трудность связана с тем, что наши предки писали без пробелов между словами. Так писались не только берестяные грамоты, но и все прочие древнерусские памятники; однако в текстах традиционного характера это меньше затрудняет чтение, так как здесь очень помогает контекст и в целом ясен общий характер содержания. Между тем в берестяных грамотах, особенно в фрагментах, нередко бывает так, что контекст слишком мал, а общий характер содержания недостаточно ясен. Проблема разделения текста на слова в этих случаях может оказаться весьма непростой.

Вы уже видели на примере грамот № 8 и 310, что при разгадывании трудных мест приходится учитывать возможность различного разделения текста на слова. Приведем еще несколько примеров. Конец грамоты № 68 (2 пол. XIII в.) выглядит так: ацивоспрашеетьместилов | ѡсыноцогомалагодантѹстою (вертикальная черта обозначает границу строк). В первоначальном издании было предложено следующее разделение на слова: *аци воспрашееть Местиловь сыно: цого мала года, и ту а стою* (с переводом: 'если спросит Местилов сын; «Почему мал срок?», — я на этом настаиваю'). Здесь непонятно, однако, почему словосочетание *маль годъ* 'малый срок' стоит в родительном падеже, и весьма странен смысл всего пассажа в целом. Поиски более удачного решения привели (правда, лишь через тридцать лет!) к иному разделению текста на слова: *аци воспрашееть Местиловь сыно цого малаго, дай — ту а стою* 'если запросит Местилов сын чего-нибудь небольшого, дай — я за этим стою' (т. е. за таким твоим действием заранее стоит и мое согласие).

Грамота № 278 (2 пол. XIV в.) представляет собой список должников в разных населенных пунктах Карелии с указанием их долга. Одна из входящих в него записей такова: ѹмикитѣистовнонѹкванова: ѡ: кѹници. В издании она разделена на слова так: *у Микитѣ Истовной у Юванова :ѡ: куници*. Перевод издателя не дают, но при таком членении данная фраза может означать лишь то, что человек, именуемый Микита Истовная Иванов, должен 6 куниц. Однако такое наименование неправдоподобно: даже если Микита Иванов носил еще какое-то прозвище, это прозвище не могло иметь форму прилагательного женского рода. Удовлетворительное решение было найдено лишь через много лет после публикации грамоты. Оно основано на ином словоделении: *у Микитѣ исто в Нои у Юванова :ѡ: куници* 'у Микиты Иванова в Ное исто (т. е. собственно долг без процентов) 6 куниц' (Ноя — название селения). Структура фразы здесь оказалась практически такой же, как в непосредственно следующем отрезке той же грамоты: *у Муномѣла в Куролѣ у Игалина брата поло рублѣ и :ѡ: куници* 'у Муномела, Игалина брата, в Куроле [долг] полрубля и 2 куницы'.

В грамоте № 358 (письме Онцифора Лукинича к матери) после вполне понятного начала, означающего: 'Поклон госпоже матери. Я послал тебе с посадничьим Мануйлом 20 бел', — следует менее ясный текст: атѣнестере | прочицакъпришликомниграмотѹскимъбѹдешъпослалъ. В издании он разделен на слова так: *а ты Нестере Прочица къ пришли ко мни, грамоту с кимъ будешь послалъ*. Полного перевода не дано, но указано, что *Нестере Прочица*, вероятно, означает 'Нестера Прокофьевича' и что *къ* перед *пришли* написано по ошибке; иначе говоря, предполагается, что Онцифор Лукинич просит мать прислать к нему Нестера Прокофьевича. Однако такое решение вызывает сразу несколько серьезных возражений: 1) *будешь послалъ* (а не *послала*) указывает на то, что автор обращается к мужчине, а не к женщине;

2) в тексте стоит не *Нестера* (как ожидалось бы), а *Нестере* (окончание -е может принадлежать, в частности, звательной форме); 3) версия о «лишнем» *къ*, как и всякая версия о прямой ошибке писавшего, сомнительна. Все три возражения исчезли, когда было найдено другое словоделение: *а ты, Нестере, про чицкъ пришли ко мни грамоту, с кимъ будешь послалъ* 'а ты, Нестер, про шишак пришли ко мне грамоту, с кем [его] пошлешь' (*чицкъ* [= *чичкъ*] — то же, что *шишакъ*, т. е. металлический шлем с острием наверху). Оказывается, Онцифор Лукинич после фразы, адресованной матери, обращается уже к другому лицу — к управляющему Нестеру, т. е. письмо адресовано фактически двум людям.

В дальнейшем вы еще не раз увидите, как много зависит в толковании грамот от возможностей различного словоделения.

Следующая проблема, с которой сталкивается всякий, кто пытается прочесть берестяную грамоту, — написания, отклоняющиеся от тех, которые обычны для традиционных древнерусских памятников. Возможно, вы уже обратили внимание на то, что во многих берестяных грамотах, в том числе тех, которые мы только что разбирали, встречаются странные написания — не с теми буквами, которых мы ожидали бы, исходя из перевода. Например, в грамоте № 8 написано *ожь хочьши* вместо *оже хочеши*, *възи* вместо *вези*, в № 310 *твъюгъ* вместо *твоюго*, в № 68 *сыно* вместо *сынъ* и т. п. Таких примеров можно привести чрезвычайно много.

В чем же здесь дело? Самое простое предположение состоит в том, что люди, писавшие берестяные письма, были не очень грамотны и поэтому постоянно путали буквы. Именно такое впечатление и сложилось у большинства исследователей после открытия первых берестяных грамот. В течение двух-трех десятилетий эта точка зрения была почти всеобщей. В работах этого периода мы в изобилии встречаем такие оценки, как «неумелость», «недостаточная грамотность», «малограмотность».

Однако по мере накопления всё большего числа новых грамот всё яснее обнаруживались факты, противоречащие этой точке зрения. Так, если бы перед нами были простые ошибки по малограмотности, то следовало бы ожидать буквенных смешений самого разного рода, скажем, *а с о*, *е с и*, *б с п*, *з с с* и т. д. В действительности же абсолютное большинство наблюдаемых буквенных смешений приходится лишь на следующие пары: 1) *ъ* и *о*; 2) *ь* и *е*; 3) *ѣ* и *е*; 4) *ц* и *ч*. Поясним, что буквами *ъ* («ер») и *ь* («ерь») в древности обозначались особые очень краткие гласные, несколько похожие соответственно на [ы] и [и], которые позднее исчезли; буквой *ѣ* («ять») обозначалась особая гласная фонема, которая, вероятно, звучала как [иэ] или как звук, средний между [и] и [э].

Можно указать очень большое количество берестяных грамот, где наблюдаются эти четыре типа смешения (или хотя бы некоторые

из них) и нет ни единого отклонения от нормы в употреблении всех остальных букв. Более того, в части таких грамот аккуратно соблюдены некоторые тонкие орфографические правила, требующие отличной выучки, например, правила распределения букв *о* и *ω*, или *и* и *і*, или *оу* и *у*, или *м* и *л*.

Всё это указывает на то, что перед нами отнюдь не ошибки по малограмотности, а результат применения несколько иных, чем в традиционных памятниках, правил употребления букв. Эти особые правила можно назвать правилами бытового письма. Они существовали в нескольких вариантах. Например, по одному из вариантов таких правил вместо двух букв книжного письма — *ъ* и *о* — употреблялась всего одна: *о*. По другому варианту употреблялись обе, но безразлично, т. е. как чистые графические дублеты. Аналогичные варианты правил имелись и для остальных трех пар, указанных выше. Поскольку для бытового письма не существовало какой-либо общепринятой регламентации, одни люди усваивали один, другие — другой вариант бытового письма, в зависимости от того, к каким учителям они попадали.

Эти варианты хорошо прослеживаются по берестяным грамотам. Вот, например, грамота № 198 (конец XIII в.): *Съ Сьмьюна. Съ возало есмь у Храра задницю Шибньцьву. А боль не надобъ никому.* — 'От Семьюна. Вот я взял у Храря наследство Шибенца. А больше нет дела никому' (т. е. больше никто не имеет права предъявлять имущественные претензии к Храрю). Если бы этот текст был записан по правилам книжного письма, то вместо *Сьмьюна*, *съ*, *возало*, *Шибньцьву*, *боль* было бы написано *Семьюна*, *се*, *възалъ*, *Шибеньцеву*, *боле*. Мы видим, таким образом, что на месте книжного *ъ* автор последовательно использовал *о*, а на месте книжного *е* (после согласной) — *ь*.

Если не знать о существовании бытовых правил письма, то грамота № 198 выглядит как текст, где автор в двух строчках сделал семь буквенных ошибок. В действительности же он не сделал ни одной: в том, что касается букв *о*, *е*, *ъ*, *ь*, он точно следовал системе записи, которой был обучен, а во всем остальном его текст безупречен даже и с точки зрения книжного письма. Ради простоты мы взяли здесь в качестве примера совсем коротенькую грамоту; но сходную картину можно наблюдать и в гораздо более длинных текстах.

Смещения букв, свойственные бытовому письму, были двоякого рода. Смещение *ц* и *ч* объяснялось просто: в диалекте древних новгородцев фонемы *ц* и *ч* совпали, т. е. на месте их обеих новгородцы произносили один и тот же звук. Это явление — так называемое цоканье — хорошо известно и поныне в северновеликорусских говорах, где можно услышать, например, *цйй*, *цйсто* вместо *чай*, *чйсто* или, напротив, *улича*, *овчй* вместо *улица*, *овчй*. Существенно здесь не то, какой именно звук произносится, а сам факт неразличения двух фонем. Книжные писцы в Новгороде стремились всё же писать *ц* и *ч* «пра-

вильно», т. е. в соответствии с общерусской нормой, хотя, конечно, иногда и ошибались, поскольку им здесь приходилось полагаться только на свою выучку и зрительную память. В бытовом же письме *ц* и *ч* расценивались просто как буквы-дублиеты.

Иной характер носило смешение *ъ* с *о*, *ь* с *е*, а также *ѣ* с *е*. Фонетического совпадения в этих случаях как правило не было. Например, слова *боле* 'больше' и *боль* 'боль', 'болезнь' всегда произносились по-разному. Одинаковое написание этих слов, возможное в бытовом письме (мы уже видели, например, что в грамоте № 198 слово *боле* записано как *боль*), было чисто графическим явлением — таким же, как, скажем, в паре *bow* [bou] 'лук', 'смычок' и *bow* [bau] 'поклон' в английской графике или в паре *тестом* (с начальным мягким [т']) от *тесто* и *тестом* (с начальным твердым [т]) от *тест* в современной русской графике.

Помимо указанных главнейших смешений, в берестяных грамотах иногда встречаются и некоторые другие. Так, в самых древних грамотах возможно смешение букв *ъ* и *ь* (чисто графическое). В грамотах разных эпох изредка встречается смешение *ъ* и *ы* (тоже чисто графическое). Начиная с XIII в. в берестяных грамотах можно также встретить смешение *ѣ* и *и*; в отличие от двух предыдущих, это смешение — не чисто графическое: оно отражает соответствующий диалектный процесс (подобно случаю с *ц* и *ч*).

Обнаружилась также еще одна частная особенность бытового письма: вместо двух одинаковых букв здесь считалось допустимым писать одну — например, *и* вместо *ии*, *н* вместо *нн*, *в* вместо *вв*.

Конечно, тексты, написанные по бытовой системе, понимать труднее, чем написанные по-книжному: необходимо каждый раз перебирать большое число возможных чтений, чтобы найти правильное. Например, написание *станеть* в принципе может быть истолковано и как *станеть* 'он станет', и как *станете*, и как *станьте*; написание *шело* — и как *шелъ*, и как *шьло*; написание *зачть* — и как *зачеть*, и как *за чьто*. Но важно то, что мы имеем здесь дело не с произволом, как казалось вначале, а с правилами. Знание этих правил позволяет четко отграничить возможные варианты прочтения от невозможных и тем самым удерживает нас от вольных фантазий. Например, написание *станеть*, хотя оно и допускает, как мы видели, целый ряд истолкований, всё же не может быть истолковано, скажем, как *стонете* или как *стоните* — поскольку ни *а* с *о*, ни *е* с *и* в бытовом письме не смешиваются.

Знание этих правил позволяет также увидеть, что авторы берестяных писем в подавляющем большинстве случаев были вполне грамотны и обычно писали свои письма внимательно и аккуратно. Поэтому мы не должны сразу же подозревать их в ошибках и описках, как только текст становится малопонятен, — необходимо упорно искать такое решение, которое не предполагает прямых ошибок писавшего. Это не значит, конечно, что у авторов берестяных грамот вооб-

ще не встречается ошибок или описок. Они встречаются, но в целом не чаще, чем в обычных рукописях, — вопреки тому впечатлению, которое возникает в первую минуту.

Исследование берестяных грамот требует большого внимания к самым разным сторонам извлеченного из земли документа. Например, немалое значение имеет изучение краев берестяного листа: обрезаются они или оборваны, далеко ли отстоят буквы от края листа, и т. п. Вот небольшая иллюстрация. Грамота № 87 (последняя четверть XII в.), содержащая всего две строки, гласит: *Ѡ Дрочке Ѡ папа пѣкланѣние ко Демьяноу и къ | Мине и къ Ваноукоу и къ вѣхемо вамо добре створа* 'От попа Дрочки поклон Демьяну и Мине и Ванку и всем вам, пожалуйста' (*дobre створа* — формула вежливости с общим значением 'пожалуйста', 'сделайте милость'). Согласно издателям, это целое письмо. Но, конечно, его содержание несколько странно: оно состоит, если не считать поклона, из одного лишь 'пожалуйста', за которым не следует никакой просьбы. Разрешить эту загадку помогла найденная тридцатью годами позже грамота № 17 из Старой Руссы (XII в.): *Покланѣнѣ Ѡ Мирслава ко Жирошькѣ. Створа добръ, възма поцостое, по(иди) ж(е) ...* 'Поклон от Мирслава Жирошке. Пожалуйста, взявши почестье, поезжай ...' (почестье — род подати). Начало здесь по существу такое же, как в грамоте № 87, только за 'пожалуйста' следует вполне конкретная просьба. В связи с этим грамота № 87 была подвергнута дополнительному обследованию. Обнаружилось, что нижний край грамоты (оборванный) проходит под самыми буквами второй строки. Никаких надежных признаков того, что текст на этом кончался, нет. Стало ясно, что разрыв случайно прошел точно между строками. Как и Мирслав в грамоте из Старой Руссы, поп Дрочка в действительности писал свое письмо не по-пустому: в нем, конечно, содержалась какая-то просьба.

На этом примере, между прочим, видно, как находка новой грамоты может пролить свет на трудное место в одной из прежних грамот. В изучении берестяных грамот подобные события происходили неоднократно.

В главе 39 этой книги подробно рассказано об эпопее, связанной с находкой и прочтением замечательной грамоты № 724, относящейся к 60-м годам XII в. Среди прочих новинок, которые принесла эта грамота, было не отмеченное словарями выражение *въ вѣръѣ*, которое, судя по контексту, значило 'клятвенно', 'под клятвой', 'под присягой'. Открытие этого выражения позволило улучшить интерпретацию сразу двух ранее найденных грамот — № 579 и 154.

В грамоте № 579 (3 четверть XIV в.) последняя фраза читалась как *дайте коницка до Видомира вѣръѣци до Мсты*, где отрезок *вѣръѣци* оставался загадочным: 'дайте лошадку [доехать] до Видомира ... до Мсты'. После находки грамоты № 724 стало ясно, что мы и здесь имеем дело с тем же выражением *въ вѣръѣ*, только записанным, как это не-

редко бывает в берестяных грамотах, с одиночным *в* вместо *вв* (ср. об этой графической особенности выше). Загадочное *вѣрѣци* оказалось равносильно *в вѣрѣ ци* (где *ци* — 'или'). Вся фраза получила совершенно ясный смысл: 'дайте под клятвенное обязательство лошадку [доехать] до Видомиря или до Мсты'.

В грамоте № 154 (20-е годы XV в.) имеется фраза: *а увѣдаѣтсѣ Стоике в вири и с посадникомъ и с сочкыми*. Слова *в вири* интерпретировались ранее как 'в вире', 'по поводу виры' (вира — денежный штраф за убийство). Но трудность в том, что в грамоте ни о каком убийстве (ни даже об увечье) речи нет; тяжба идет по поводу отданных денег и коня. находка грамоты № 724 указала путь к решению, свободному от этой трудности: *в вири* — это *в вѣрѣ*, с заменой *ѣ* на *и* (немаловажно, что в этой грамоте пример такой замены уже имеется: *днѣлось* 'деялось', 'происходило' — вместо *дѣлось*). Таким образом, приведенная фраза означает: 'а Стоико под клятвой рассчитается с посадниками и с сотскими'.

«Взаимодействие» одной берестяной грамоты с другой иногда приобретает и вовсе неожиданные формы. Один из самых интересных случаев здесь таков. В 1977 г. на усадьбе "А" Троицкого раскопа в слоях 2-й половины XI в. был найден фрагмент № 562: ... | *новѣгородьске смърде а за ним[и и] з[а] дѣница* (в квадратные скобки заключены буквы, которые частично оборваны и поэтому читаются неоднозначно). Можно понять лишь то, что речь идет о некоем новгородском смерде и о наследстве, которое осталось (или числится) за какими-то людьми (не менее, чем тремя). Все имена остались за пределами найденного фрагмента. Может быть, имеется в виду наследство самого смерда, но возможно также, что ... *новѣгородьске смърде* '(такой-то), новгородский смерд' — это последнее лицо в списке наследников. В любом случае естественно предполагать, что перед нами лишь «хвостик» первоначального большого документа, где сообщалось о чьей-то смерти и содержалось как имя покойного, так и имена его наследников. Что касается окончания *-е*, выступающего здесь в именительном падеже единств. числа муж. рода, то это древненовгородская диалектная особенность, о которой мы отдельно расскажем ниже.

В 1982 г. на другом участке Троицкого раскопа, но в пределах той же усадьбы "А" была найдена (в несколько более поздних слоях) грамота № 607, состоявшая из одной строки и производившая впечатление целого документа: *Жизнобоуде погоублене оу Сычевиць* 'Жизнобуд убит у Сычевичей' (т. е. в их доме или деревне) или, что более вероятно, 'Жизнобуд убит Сычевичами' (на русском севере и ныне можно услышать, например, *медведь убит у Степана*, т. е. Степаном). Сычевичи — потомки человека по прозвищу Сыч.

В 1992 г., изучая прорись грамоты № 562, я обратил внимание на то, что над словом *новѣгородьске* видны нижние кончики нескольких букв предшествующей строки, и попытался восстановить этот отре-

зок. Получилось *жиз*. Слово *жизнь* в берестяных грамотах не отмечено и, возможно, было вообще нехарактерно для живой речи. Но в трех ранних грамотах встретились имена с *жизно-*: *Жизномиръ* в № 109 и *Жизнобудъ* в № 607 и в грамоте № 16 из Старой Руссы. Возник вопрос, не идет ли случайно речь в № 562 о ком-то из самих этих персонажей. В связи с этим потребовалось сличение почерков. Результат превзошел ожидания: в № 607 и 562 не только совпал почерк, но эти фрагменты непосредственно соединились — низы от *жиз* на № 562 сошлись с *жиз* в *Жизнобоуде*. Ныне грамота читается целиком: *Жизнобоуде погоублене оу Сычевиць | новъгородьске смърде а за ним[и и] з[а]дъница* 'Сычевичами убит Жизнобуд, новгородский смерд. А в их руках и его наследство'. Это административное донесение (без указания автора и адресата): властям Новгорода сообщается о совершенном преступлении и о попытке завладеть наследством убитого. Документ оказался поразительно лаконичным: при анализе фрагмента № 562 невозможно было представить себе, что до полного текста в нем недостает всего четырех слов! А ведь в эти четыре слова автор действительно сумел вместить и сообщение о смерти (и даже о ее причине), и имя покойного, и наименование тех, в чьих руках находится его наследство.

К сожалению, лишь около четверти берестяных грамот сохраняется до нашего времени в целости. Гораздо чаще до нас доходят лишь фрагменты — от сравнительно больших до крошечных. Разумеется, анализ фрагментов намного труднее, чем анализ целых грамот, и здесь почти никогда нельзя достичь той же степени надежности и точности понимания, что для целых документов.

Но в силу всех описанных выше трудностей иногда и полностью сохранившаяся берестяная грамота оказывается для исследователей форменной головоломкой. Разберем один такой пример подробнее, чтобы вы могли составить себе более ясное представление о том, как строится работа по прочтению трудного текста.

В богатом грамотами 1985 году в числе прочих была найдена грамота № 663 (2 пол. XII в.). Это несомненно целый документ — аккуратно обрезанный со всех сторон лист, на котором уверенным, безупречно четким почерком написаны две с половиной строки текста, а именно:

мнлокеѸенегеѸдишазаплатилипо^{ло}гривенекоросто
кинераланевидекасиасморочъваралазаплатила
плодеватъкѸне

Сразу же после первых мгновений радостного волнения, сопровождающего чтение каждой новой грамоты, особенно целой и невредимой, участников этого чтения охватило тяжкое недоумение. Что это? Ведь почти ничего не понятно! Да по-русски ли это вообще написано?

Видимо, всё же по-русски: ведь читаются же отрезки *заплатили поло гривене* 'заплатили полгривны' и *заплатила пло девать кѸне*

‘заплатила восемь с половиной кун’ (буквально: ‘пол девятой куны’); *пло* — видимо, сокращение от *поло*, *девать* — вместо *деватьь* ‘девятой’. Но всё остальное загадочно! Конечно, можно при желании усмотреть в тексте «русскообразную» фразу *коросто кинерала Невидека сия сморочь варала*, напоминающую что-то вроде *жестоко генерала Ненашека сия сволочь карала*. Получается превосходная вариация на тему знаменитой «глокой куздры», изобретенной Л. В. Щербой: синтаксически правильная русская фраза, составленная из несуществующих слов. Но к нашей цели она нас, увы, не продвигает.

Коль скоро немедленно разгадать содержание грамоты не удается, приходится перейти к методическому исследованию всех деталей. Понятные нам отрезки (*заплатили поло гривене* и *заплатила п(о)ло девать кѣне*) расположены соответственно в первой и второй половине текста. Можно предположить, что текст грамоты складывается из двух частей, внутренняя организация которых более или менее сходна: в первой части речь идет об уплате кем-то полугривны, во второй — об уплате кем-то другим восьми с половиной кун.

В обеих частях присутствует отрезок *рала*. Это могла бы быть форма родительного падежа от известного древнерусского слова *рало* ‘пуг’, ‘соха’. Но по смыслу здесь ожидалось бы слово совсем другого семантического класса — скажем, ‘налог’ или ‘штраф’, ср. *рала заплатила п(о)ло девать кѣне*. Очень хорошо подошло бы по смыслу, например, слово *поралье* (или *поральное*) ‘подать с плуга (сохи)’. Не могло ли *рало* употребляться в том же значении, что *поралье*, *поральное*? Словари не отмечают у слова *рало* такого значения. Однако мы знаем, что многие другие подати могли называться тем же словом, что и объект обложения (или основной предмет, с которым связана натуральная повинность). Например, слова *кормь*, *вѣсь*, *закось*, *платно* могли выступать как синонимы слов *кормное*, *вѣсчее*, *закосное*, *платенное* (названия податей). Особенно похоже на наш случай употребление слова *ногата* в том же значении, что *поногатное* (вид подати; заметим, что это слово стало известно только из берестяной грамоты № 640). Эти примеры показывают, что значение ‘подать с плуга’ у слова *рало* вполне соответствует древнерусским семантическим правилам.

Становится ясно, что в грамоте № 663 речь идет об уплате поралья. Сообщается о двух таких выплатах. Естественно предполагать, что в таком документе должны быть указаны также и имена плативших. В первой части, в соответствии с формой *заплатили* (мнж. число муж. рода), должно стоять несколько имен (или какое-то обобщающее обозначение заплативших). Во второй части содержится форма *заплатила* — на первый взгляд, единств. число жен. рода; если это так, мы должны искать здесь одно женское имя. Однако такое решение было бы несколько поспешным: в древнерусском языке окончание *-а* было представлено не только в единств. числе

жен. рода, но также и в двойственном числе муж. рода. Двойственное число — исчезнувшая ныне форма, указывавшая, что предметов не один и не много, а ровно два; например, *стола* означало 'два стола', *охотника пришла* — 'два охотника пришли'. Таким образом, в нашем случае *заплатила* — это либо '(она) заплатила', либо '(они двое) заплатили', т. е. надо искать в тексте либо одно женское имя, либо два мужских.

Здесь важно обратить внимание на суммы выплаченного поралья — полгривны и 8½ кун. По данным Русской Правды, гривна равнялась 25 кунам. Полгривны (12½ кун) относятся к 8½ кунам почти точно, как 3:2. Поскольку норма поралья должна была быть постоянной, в нашем случае первую сумму, очевидно, платили три человека, а вторую — два (если бы вторую сумму платил один человек, то первая сумма была бы необъяснимой). Это значит, что *заплатила* — это двойственное число муж. рода (а не единств. число жен. рода).

С учетом этих заключений имена плативших отыскиваются уже более или менее легко. В первом случае это *Милоке* (= *Мильке*), *Зенеге* (= *Уенѣге*) и *Бѣдиша*, во втором *Невиде* и *Кася* (формы на *-е* содержат здесь то же самое древненовгородское окончание, что, например, *смърде* или *Жизнобоуде*, ср. выше). Почти все имена здесь — дохристианские: *Милко* (это имя бытует у южных славян и поныне), *Уенег* (буквально: 'пользующийся любовью своего дяди'; *уи* — старое название дяди по матери), *Будиша* (уменьшительное от *Будимир*), *Невид* (очень древнее имя с магическим значением: 'невидимка'). Последнее имя — христианское: *Касьян*; вероятно, оно здесь сокращено (ср. *Стѣпа* от *Степан*).

Теперь остались неразгаданными только два отрезка: *коростокине* в первой части и *сморочьва* во второй. Поскольку во всем остальном первая и вторая части грамоты построены одинаково, можно предполагать, что и эти два отрезка в каком-то смысле однотипны. Мы уже видели, что в грамоте встречаются буквенные замены, характерные для бытового письма: например, вместо *поль*, *Мильке* написано *поло*, *Милоке*, вместо *гривнѣ* — *гривене*, вместо *деватѣ* — *девать*. Следовательно, и в отрезках *коростокине*, *сморочьва* какие-то из букв могут быть результатами таких же замен. Перебирая различные возможности, обнаруживаем, что в *коростокине* конечную часть можно представить как *-ин-ѣ*, а в *сморочьва* — как *-ев-а*. Суффиксы *-ин-* и *-ов-* (*-ев-*) характерны для притяжательных прилагательных, ср. современные *дяд-ин*, *отц-ов*, *княз-ев* и в особенности фамилии, скажем, *Кропотк-ин*, *Нос-ов*, *Звер-ев*. Окончания *-ѣ* и *-а* — именно те, которые следует ожидать, исходя из числа плативших: *-ѣ* — это множественное число муж. рода (диалектное древненовгородское окончание), *-а*, как мы уже видели, — двойственное число муж. рода. Первые трое плативших были *Коростокине*, т. е. *Коростѣк-ин-ѣ* (от прозвища *Коростѣк*), вторые двое — *Сморочьва*, т. е. *Смърѣч-ев-а* (от прозви-

ща *Смъръчь, Сморчь* 'облако', 'смерч', также 'сморчок'). Конечно, это не фамилии: фамилий в современном смысле в XII в. еще не было. Это просто отчества: Милко, Уенег и Будиша были сыновьями Коростки, Невид и Касья (или Касьян) — сыновьями Сморча.

Наконец-то нам удалось разобраться со всеми элементами этого головоломного текста. Перепишем его заново, разделив на слова и заменив бытовые написания более понятными нам книжными:

Мильке, Уенѣге, Будиша заплатили полъ гривнѣ Коростькинѣ рала. Невиде, Касиа Смъръчева рала заплатила полъ деватѣ кунѣ.

Переведем этот текст: 'Милко, Уенег и Будиша, Коросткины [дети], заплатили полгривны поралья (подати с пуга). Невид и Касьян, Сморчевы [дети], поралья заплатили восемь с половиной кун'.

Несколько удивительно, правда, почему автор поставил слово *Коростькинѣ* на такое странное место во фразе. Однако более близкое знакомство с древнерусскими текстами показывает, что тут нет никакой ошибки или небрежности. В этих текстах уточнение (т. е. факультативное добавление) часто ставится не туда, куда оно непосредственно относится, а после главной части сообщения. Например, в новгородской летописи немало фраз типа *и Завидъ посадникъ новгородьскый оумре Дѣмитровиць* 'умер также Завид Дмитриевич, посадник новгородский'. В нашей фразе главная часть сообщения — 'Милко, Уенег и Будиша заплатили полгривны'. Остальное — уточнения: какие Милко, Уенег и Будиша? — Коросткины дети; полгривны чего? — поралья.

Конечно, наш рассказ об этой грамоте, хоть он и довольно пространен, всё же намного короче, чем тот поиск решения, который происходил в действительности: ведь мы опустили почти все неверные предположения и тупиковые пути, которые приходилось отвергать по ходу этого поиска.

Вы познакомились с тем, как читают и истолковывают берестяные грамоты. Обратимся теперь к самому интересному для лингвистов вопросу: что нового мы можем узнать из берестяных грамот о древнерусском языке?

В древней Руси в разных сферах жизни использовались несколько различные формы славянской речи. Языком церковной литературы (к которой относится большинство дошедших до нас древних памятников) был церковнославянский. На собственно древнерусском языке, который был живым языком общения, писались лишь деловые и юридические документы. Язык летописей и художественной литературы обычно совмещал церковнославянские и собственно русские элементы; у разных авторов (и редакторов) соотношение этих двух компонентов могло существенно различаться.

Живой язык, звучавший на обширной территории Древнерусского государства, не был полностью единым. Некоторые элементы диалектных различий были известны давно; например, было известно, что на севере с очень раннего времени существовало цоканье (смешение *ц* и *ч*), о котором рассказано выше, тогда как на юге *ц* и *ч* последовательно различались. Предполагалось, однако, что в X–XI вв. количество таких расхождений было ничтожно. Почти все языковые различия (как между языками, так и между диалектами), наблюдаемые ныне на восточнославянской территории, традиционно расценивались как поздние, возникшие не ранее эпохи распада Киевской Руси (а нередко и много позднее). Этой точке зрения весьма способствовало почти полное отсутствие текстов XI–XII вв., написанных на каких-либо местных диалектах. В частности, о древненовгородском диалекте можно было судить практически лишь на основании ошибочных, с точки зрения обычных норм, написаний, изредка проскальзывающих в новгородских книжных памятниках этой эпохи.

Открытие берестяных грамот создало совершенно новую ситуацию. Оказалось, что большинство этих документов написано непосредственно на местном диалекте. При этом в некоторых из них писавшие всё же использовали, хотя бы изредка, «стандартные» (т. е. обычные для традиционных памятников) древнерусские формы, в других же представлен совершенно чистый диалект (т. е. их авторы не вносили при записи никаких поправок в собственную живую речь).

В отличие от большинства других памятников древнего периода, берестяные грамоты ни с чего не списывались. Поэтому здесь возможны непосредственные наблюдения над их языком, не осложненные предположениями о том, какие из наблюдаемых особенностей принадлежат писцу, а какие перенесены из оригинала.

Чрезвычайно важно то, что из восьми с лишним сотен ныне известных берестяных грамот более 280 относятся к XI–XII вв. Для сравнения укажем, что до открытия берестяных грамот из подлинных документов этого периода были известны, если не считать нескольких очень коротких надписей, только два документа, написанных по-русски, а не по-церковнославянски: Мстиславова грамота (около 1130 г., 156 слов) и Варламова грамота (1192—1210 гг., 129 слов).

Таким образом, древненовгородский диалект раннего периода (XI — нач. XIII в.), отраженный берестяными грамотами, оказывается лучше документирован подлинниками даже чем обычный древнерусский язык, так как почти все созданные на этом языке тексты XI–XII вв. дошли до нас лишь в поздних списках. Тем самым древненовгородский диалект может рассматриваться как вторая по времени зафиксированная значительным корпусом документов форма славянской речи после старославянского языка. Если же учесть, что старославянский язык представлен переводными памятниками церковного характера, тогда как берестяные грамоты отражают, напротив, ес-

тественную повседневную речь, лишенную литературной обработки, то древненовгородский диалект предстает как самая древняя из известных нам форм записанной живой славянской речи.

Что же интересного удалось узнать лингвистам о древненовгородском диалекте после того, как в их руки один за другим стали поступать написанные на нем документы невиданного дотоле типа — берестяные грамоты?

Следует признать, что первая реакция историков русского языка была не такой, как нам теперь хотелось бы ее вообразить. Энтузиазма по поводу новых лингвистических данных не было. Русисты оказались не готовы к мысли о том, что крошечные записочки на бересте могут что-либо важное добавить к уже существующему стройному зданию исторической грамматики русского языка, не говоря уже о кощунственной мысли о том, чтобы они могли что-нибудь в этом здании поколебать. Вот пример характерного для 50-х — 60-х годов высказывания: «Несмотря на то, что и вновь открытые берестяные грамоты не позволяют пересмотреть хронологию отдельных языковых явлений и лишь дополняют, подтверждают имеющиеся у нас сведения, значение их для истории русского языка несомненно» [В. И. Борковский. Лингвистические данные новгородских грамот на бересте. — В книге: А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958, с. 90]. Отсюда видно, что вопрос о возможности новшеств более серьезных, чем пересмотр хронологии уже известных явлений, даже не возникал.

В силу такой позиции те места в берестяных грамотах, где проявлялись ранее неизвестные особенности древненовгородского диалекта, долгое время оставались непонятыми или расценивались попросту как ошибки.

Пересмотр этой позиции произошел лишь в 80-е годы — в связи с тем, что были выявлены принципы бытового письма и тем самым обнаружилась ошибочность тезиса о том, что берестяные документы писались безграмотными людьми.

Значительную роль в этом сыграло новое прочтение одной из самых древних берестяных грамот — № 247 (XI в., вероятно, 2 четверть). Этот исключительно важный документ, от которого, к сожалению, до нас дошла лишь средняя часть длиной в две полных и две неполных строки, был найден еще в 1956 г. Вот его текст (в квадратных скобках даны ненадежно читаемые буквы):

...аѣт[ь]сего: ѿ: мирѣзнами
азамъкекѣлеадвѣрикѣлѣагосподарѣвнѣтажѣнѣдѣѣ
апроданклеветъникатогоаоусегосмърѣдавѣз[ати]ѣпоу
-----смърѣднпобитиклеветъник[а]...

В первоначальном издании грамоты начало второй строки было разделено на слова так: *а замъке кѣлеа, двѣри кѣлѣа*. В целом был

предложен следующий перевод: '... резанами, замок келии, д^вери келии, ее хозяин бездельник. Продай клеветника того. А у этого смерда воз... смердам побить клеветника ...' Как можно видеть, перевод носит обрывочный характер. Он вполне соответствует мнению о том, что авторы берестяных грамот писали обрывки фраз, плохо связанные друг с другом. Общий смысл текста малопонятен. А. В. Арциховский по существу отказался от попытки осмыслить весь документ в целом. Л. В. Черепнин высказал предположение, что в грамоте № 247 речь идет об ограблении монашеской кельи.

Если принять чтение издателя, то придется признать, что автор этой грамоты допустил целый ряд ошибок разного рода, причем почти все они сконцентрированы в отрезке *а замъке кѣлеа, д^вьри кѣлѣа*. Во-первых, в остальной части грамоты автор пишет все слова в полном соответствии с книжной орфографией, без единой ошибки; между тем отрезки *кѣлеа, кѣлѣа* написаны по-разному и при этом оба они весьма далеки от правильного вида древнерусского слова *келья* (*келия*) в родительном падеже единств. числа: *кельѣ* или *келийѣ*. Во-вторых, в отрезке *а замъке кѣлеа, д^вьри кѣлѣа* нет сказуемого, т. е. это не предложение: про замок кельи и двери кельи здесь ничего не сообщается; между тем этот отрезок не может быть ни концом предыдущего предложения (потому что он начинается с союза *а*), ни началом следующего (потому что дальше уже идет другое сообщение — про хозяина). В-третьих, в данном тексте отчетливо проступает характерная синтаксическая особенность живой древнерусской речи, состоящая в том, что всякое новое предложение начинается с союза *а*: *а замъке ...*, *а продаи ...*, *а оу сего смьрѣда ...* Почему-то нет союза *а* только перед словами *д^вьри* и *господарь* (в отрезке *а замъке кѣлеа, д^вьри кѣлѣа, господарь въ нетаждѣ*). Наконец, в-четвертых, весьма темен смысл всего пассажа.

Как показывает весь опыт работы над древними текстами, такая концентрация нарушений различного рода в одном месте чаще всего означает, что в интерпретацию этого места вкралась какая-то ошибка. В самом деле, поиск ошибки привел здесь к решению, при котором первые три из указанных трудностей снимаются немедленно, а четвертая несколько позже: союз *а*, которого нам в двух местах не доставало, в действительности в обоих этих случаях в грамоте есть — нужно лишь изменить словосложение! Получаем новое чтение: *а замъке кѣле, а д^вьри кѣлѣ, а господарь* (и т. д.). Тем самым мы освобождаемся от всех загадок, связанных со словом *келья*: этого слова в грамоте просто нет. Вместо этого имеются пока еще непонятные отрезки *кѣле* и *кѣлѣ*, но из структуры фраз уже ясно, что они представляют собой не что иное, как сказуемые соответственно при *замъке* 'замок' и *д^вьри* 'двери'. В самом деле, таинственные *кѣле* и *кѣлѣ* явно согласованы с этими существительными. Ведь *замъке* — это именительный падеж единств. числа муж. рода, с тем самым древненовгородским окончанием *-е*, о котором мы

уже говорили в связи с грамотами № 607/562 и № 663; то же самое окончание мы видим и в *кѣл-е*. С другой стороны, *двьри* — именительный падеж множ. числа жен. рода; в древненовгородском диалекте прилагательные имели в этой форме окончание *-ѣ* — его мы и видим в *кѣл-ѣ*.

Но что же всё-таки значат фразы *а замъке кѣле, а двьри кѣлѣ*? Согласованными сказуемыми могут быть либо глаголы (в данном случае — в прошедшем времени), либо прилагательные. Глагол *кѣти*, судя по всему, — чистая фантазия. Остается только прилагательное *кѣлыи*. Его тоже нет ни в каких словарях. Но историки русского языка знают, что слово *целый* (древнерусское *цѣлыи*) происходит именно из древнейшей (не засвидетельствованной письменно) формы *кѣлыи*! Неужели в нашем тексте сохранился древнейший фонетический облик этого слова? Подходит ли оно к тексту по смыслу? Оказывается, подходит очень хорошо: 'а замок цел, а двери целы'.

Более того, вся грамота приобретает после этого (с учетом некоторых дополнительных уточнений текста, которые здесь можно не обсуждать) отчетливый смысл. Становится ясно, что перед нами фрагмент сообщения о некоем юридическом конфликте, посланного какому-то высокому представителю новгородской администрации. Некто был обвинен в краже со взломом с общим ущербом в 40 резан. Однако сообщение о взломе оказалось ложным, и автор грамоты требует наказания для обвинителя (по-древнерусски — *клеветьника*). С участвующего в деле смерда (вероятно, это обвиняемый) должна быть взыскана определенная сумма в пользу епископа. Грамоту можно представить теперь так:

...ает[ь] сего :ѣми рѣзанами. А замъке кѣле, а двьри кѣлѣ, а господарь въ не тажѣ не дѣе. А продаи клеветьника того. А оу сего смьрда въз[ати] еѣоу ...; ... смьрди побити клеветьник[а] ...

Перевод: '... (обвиняет?) этого [человека] в ущербе на 40 резан. А замок цел и двери целы, и хозяин по этому поводу иска не предъявляет. Так что накажи штрафом того обвинителя. А с этого смерда епископ должен получить [такую-то сумму]'. Далее могли стоять слова со значением типа 'если же захотят' или 'могут ведь', после чего читается: '... смерды избить обвинителя ...' Специально отметим, что в этой грамоте при ее нынешней интерпретации нет ни одной орфографической, морфологической или синтаксической ошибки.

Вернемся же к нашим *кѣле, кѣлѣ*. Обнаружение этих форм в древненовгородском тексте означает нечто гораздо большее, чем просто улучшение интерпретации одной грамоты, пусть даже и очень древней.

Научная проблема здесь такова. В древнейшей (дописьменной) истории славянских языков важное место занимают так называемые палатализации. Палатализация заднеязычных согласных (*к, г, х*) — это превращение их в шипящие (*ч, ж, ш*) или свистящие (*ц, з, с*) в позиции перед передними гласными (т. е. *и, е* и близкими к ним) или после них. Наибольшее значение имели так наз. первая и вторая палатализации (которые происходили в позиции перед такими

гласными). Первая палатализация давала шипящие; отсюда, например, русские чередования типа *рука* — *вручить*, *друг* — *дружить*, *сухой* — *сушить*. Вторая палатализация давала свистящие. Она произошла позднее первой, когда в языке возникли новые передние гласные, а именно, *ѣ* и *и*, развившиеся из дифтонга **oi*; отсюда, например, старославянские чередования типа *ржка* — на *ржцѣ*, *нога* — на *нозѣ*, *соха* — на *сосѣ* или украинские типа *рука* — на *руці*, *нога* — на *нозі*, *соха* — на *сосі*, а также, например, русские *целый*, *цедить*, *серый* из существовавших некогда *кѣлыи*, *кѣдити*, *хѣрыи*.

Согласно общепринятой (до недавнего времени) в славистике концепции, обе эти палатализации произошли еще в праславянском языке, т. е. до его разделения на отдельные славянские языки. Коль скоро это так, то результаты этих двух палатализаций должны присутствовать во всех без исключения славянских языках и диалектах.

Здесь необходима, однако, одна важная оговорка. В современном русском языке, в отличие, например, от украинского, в склонении существительных нет следов второй палатализации; ср. *рука* — на *руке*, *нога* — на *ноге*, *соха* — на *сохе*. Значит ли это, что в истории (точнее, в предыстории) русского языка не было второй палатализации? Нет, не значит: ведь в русском языке всё же есть слова *целый*, *цедить*, *серый* и т. п., где эффект второй палатализации налицо. А чередования в склонении (на стыке основы и окончания) могли быть в ходе истории устранены в силу так называемого аналогического выравнивания, т. е. замены, скажем, прежнего *руц-ѣ* на более новое *рук-ѣ*, построенное по аналогии с другими формами того же слова — *рук-а*, *рук-у*, *рук-ою* и т. д. (в этом случае получается своего рода «исторический зигзаг»: древнейшее *рук-ѣ* изменилось в *руц-ѣ*, которое впоследствии как бы «вернулось» к виду *рук-ѣ*).

А как обстоит дело в древненовгородском диалекте? Материал берестяных грамот с полной ясностью показал, что на стыке основы и окончания эффекта второй палатализации здесь не было. Даже в самых древних берестяных грамотах регулярно выступают формы без чередования, например, на *Нѣжкѣ*, на *Лоугѣ* в грамоте № 526 (середина XI в.), на *отроке* (= на *отрокѣ*) в грамоте № 241 (начало XII в.), не говоря уже о более поздних. Единичные формы с чередованием встречаются только в составе церковных или официальных формул, которые, конечно, просто заимствованы из церковнославянского, например, *въ Бозѣ*, на *Бозѣ*, *Господи помози*. Таким образом, в этом отношении в древненовгородском диалекте уже в XI в. была такая же ситуация, как и в современном русском языке. Понятно, однако, что эта ситуация в принципе могла сложиться в результате аналогического выравнивания. Разве что несколько странно, что это выравнивание успело здесь осуществиться так рано — уже в XI в.: ведь для всех других случаев подобного выравнивания всегда предполагались намного более поздние даты (XIII–XV вв.).

И вот вдруг на этом фоне появляются формы *кѣле*, *кѣлѣ*. Их кардинальное отличие от примеров типа *на Нѣжкѣ* состоит в том, что *к* (вместо ожидаемого *ц*) здесь находится не на стыке с окончанием, а внутри корня. Внутри корня аналогическое выравнивание невозможно: ведь *руцѣ* может «вернуться» к прежнему виду *рукѣ* только потому, что оно уподобляется формам *рук-а*, *рук-у*, *рук-ою* и т. д., где *к* сохранилось; если же корень *кѣл*- превратился в *цѣл*-, то никаких форм с *к* уже больше не осталось, т. е. нет никакой движущей силы, которая могла бы «вернуть» корень к виду *кѣл*-. Это значит, что *кѣл*-, засвидетельствованное грамотой № 247, не может быть результатом «исторического зигзага»: оно может быть только прямым продолжением древнейшего состояния. Иначе говоря, древненовгородское *кѣл*- не испытало второй палатализации.

Известно, однако, что фонетические изменения носят всеобщий, а не избирательный характер. Если второй палатализации не было в корне *кѣл*-, это значит, что ее не было в древненовгородском диалекте вообще. Вот какой поразительный вывод вытекает из анализа одной строчки в берестяной грамоте.

Разумеется, это означает также, что на стыке основы и окончания в древненовгородском диалекте тоже не было никакого «исторического зигзага»: формы типа *на отрокѣ* просто никогда не имели здесь вида *на отроцѣ*.

Следует сказать, что открытие форм *кѣле*, *кѣлѣ* в берестяной грамоте № 247 было не первым свидетельством отсутствия второй палатализации в новгородской зоне. Уже в 60-е годы выдающийся диалектолог С. М. Глушкина, опираясь на диалектные данные, выдвинула гипотезу о том, что в северо-западных русских говорах процесса второй палатализации не было. Эта гипотеза была основана в первую очередь на том, что в данной зоне отмечены корни *кев-* (*кѣвка* 'цевка', 'шпулька'), *кед-* (*кедѣть* 'цедить', *кеж* 'цеж', 'процеженный настой'), *кеп-* (*кеп* 'цеп', *кѣпы*, *кепы* 'нитяные петли в ткацком станке'), где древнее *кѣ* сохранилось без перехода в *цѣ*. К сожалению, гипотеза С. М. Глушкиной не получила достаточного признания у славистов: она слишком резко противоречила традиционным представлениям. Противники этой гипотезы пытались объяснить *к* в *кев-*, *кед-*, *кеп-* не как архаизм, а как побочный результат некоторых диалектных фонетических процессов относительно позднего времени (XV–XVIII вв.).

Открытие форм *кѣле*, *кѣлѣ* в подлинном документе XI в. оказалось в этом споре решающим: стало ясно, что корни *кѣв-*, *кѣд-*, *кѣп-* должны были, как и корень *кѣл*-, иметь именно такой вид также и в XI в. Тем самым, гипотеза С. М. Глушкиной получила решающее подтверждение.

Заметим, что вслед за *кѣле* обнаружались также некоторые примеры аналогичного рода с другими корнями. Так, в берестяной грамоте № 130 было выявлено слово *хѣръ*, означающее серое небеленое сукно, сермягу (с корнем *хѣр-* 'серый'); среди названий деревень древней Нов-

городской земли нашлись, например, *Хърво* (с тем же корнем), *Хъдово* (с корнем *хъд-* 'седой'). Был обнаружен также (в берестяной грамоте № 8 из Старой Руссы, в древних названиях деревень и в современных говорах) корень *гвѣзд-* 'звезда' — тоже без перехода *г* в *з*, между тем как в других восточнославянских, а также в южнославянских диалектах *г* в сочетании *гвѣ* подвергалось второй палатализации.

Чтобы картина не была односторонней, следует указать, что в берестяных грамотах всё же иногда встречаются слова, где в корне представлен эффект второй палатализации, например, *църкъвь*, *цѣлюю тл* 'приветствую тебя'. Понятно, однако, что эти слова и формулы пришли непосредственно из церковнославянского и не имеют отношения к фонетическим процессам в диалекте. Характерно, что формула *цѣлюю тл* встречается как раз в берестяных грамотах, писанных попами, монахами или монахинями. В одной из именно таких грамот (№ 710) встретился также и другой пример с *ц*: *вцелель* (= *уцѣлѣль*).

Вывод об отсутствии в древненовгородском диалекте эффекта второй палатализации имеет большое значение для истории не только самого этого диалекта, но и древнерусского языка в целом и даже всей славянской языковой семьи.

Прежде всего существенно то, что данная особенность отличает древненовгородский диалект не только от всех остальных восточнославянских, но и вообще от всех прочих языков и диалектов славянского мира. Коль скоро имеется славянский диалект (а именно, древненовгородский), в котором вторая палатализация не осуществилась, значит, традиционное положение о том, что этот процесс произошел уже в праславянском языке, т. е. в эпоху полного языкового единства всех славян, неверно. Очевидно, дальние предки новгородцев каким-то образом отделились от остальных славян раньше, чем произошла вторая палатализация. Когда этот процесс происходил, они уже были в изоляции и он на них не распространился.

Далее, это означает, что неверно традиционное положение о том, что в течение определенного времени существовал совершенно монолитный правосточнославянский язык, внутри которого диалектные различия стали появляться лишь позднее, по мере расселения восточных славян по обширной территории. Если иметь в виду эпоху, предшествующую второй палатализации, то это был еще не правосточнославянский язык, а просто праславянский. Если же иметь в виду более позднюю эпоху, то полного единства восточнославянских диалектов уже не было: древненовгородский диалект отличался от прочих восточнославянских по крайней мере тем, что в нем не осуществилась вторая палатализация.

Наряду с отсутствием второй палатализации, в древненовгородском диалекте по показаниям берестяных грамот был выявлен и ряд других важных особенностей, причём таких, которые наблюдаются с самого начала письменной эпохи, т. е. с XI–XII вв. Некоторые из них

были раньше вообще неизвестны, другие были в принципе известны, но расценивались как явления относительно позднего происхождения.

Выше при разборе грамот мы уже несколько раз сталкивались с удивительным древненовгородским окончанием формы именительного падежа единств. числа муж. рода: *-е*. Например, в грамоте № 607/562 Жизнобуд назван *Жизнобоуде*, смерд — *смерде*, слово 'погублен' выглядит как *погублене*, в грамоте № 663 Милко, Уенег, Невид названы *Милоке*, *Уенеге*, *Невиде*, в грамоте № 247 слово 'замок' выглядит как *замъке*, слово 'цел' — как *къле*. И таких примеров можно выписать из берестяных грамот великое множество: *хлѣбе* 'хлеб', *брате* 'брат', *дешеве* 'дешев', *меретве* 'мёртв', *саме* 'сам', глагольные формы *дале* 'дал', *приходиле* 'приходил', *пришле* 'пришел' и т. п.

О диалектных формах с окончанием *-е* было известно и раньше, поскольку они изредка проскальзывают в новгородских рукописных книгах и официальных актах. Предполагалось, однако, что они возникли не ранее конца XII в. и получили некоторое распространение в XIV–XV вв., но при этом всегда выступали лишь в качестве редкого параллельного варианта к нормальному окончанию *-ъ*. Действительно, источники, которыми располагали лингвисты до открытия берестяных грамот, давали основания так думать.

Берестяные грамоты показали, насколько успешно писцы древней Руси умели скрывать свой родной диалект, когда они писали тексты книжного или официального характера. Открылась совершенно другая картина. Во-первых, формы с *-е* встречаются не с конца XII в., а с самого начала письменной эпохи: они есть уже в самых древних берестяных грамотах, в частности, в разобранный выше грамоте № 247. Это значит, что они возникли еще в дописьменную эпоху. Во-вторых, окончание *-е* вовсе не было редким параллельным вариантом к «нормальному» *-ъ*. В XI–XII вв. в живой речи новгородцев оно безусловно господствовало, а может быть, было даже единственным. Редкие примеры окончания *-ъ*, встречающиеся в берестяных грамотах этого периода, почти всегда могут быть объяснены как попытки писать «по-книжному». В-третьих, характер исторического развития окончания *-е* в письменную эпоху оказался практически противоположным тому, что предполагалось раньше. Степень его распространенности в берестяных грамотах от века к веку не растет, а, напротив, понемногу падает. В XI–XII вв. это окончание, как уже отмечено, полностью господствует над «стандартным» окончанием *-ъ*; в XV в. соотношение между этими двумя окончаниями приближается к равновесию (хотя *-е* всё еще преобладает). Заметим, что эта тенденция несомненно продолжала действовать и позже, поскольку в наше время от древненовгородского окончания *-е* уже почти не осталось следов. Разве что в некоторых псковских говорах еще можно услышать форму *псе* 'пёс', в онежских говорах — такие формы, как *воронкѣ* 'вороной конь', *буркѣ* 'бурый конь', *гнеткѣ* 'домовой' (который «гнетет» человека), *павке* 'па-

ук', да в былинах о новгородском герое Садко некоторые былинные сказители еще называют его по-древнему: *Садкѣ*.

Окончание *-е* в именительном падеже единств. числа муж. рода — это еще одна особенность, помимо отсутствия второй палатализации, которая отличает древненовгородский диалект не только от других восточнославянских, но от всех вообще славянских языков и диалектов: во всем остальном славянском мире ему соответствует в древнюю эпоху окончание *-ъ* (например, *хлѣбъ*), а в новую эпоху — просто нуль (например, *хлеб*).

Происхождение древненовгородского окончания *-е* окружено ореолом загадочности. По этому поводу в разное время было предложено около десятка различных гипотез. Ныне по крайней мере те из них, которые исходили из позднего возникновения данного окончания, отпали. Но общепризнанного единого решения всё еще нет; научная дискуссия продолжается. Ясно, однако, что мы имеем дело с явлением глубокой древности, которое уже в начальную эпоху существования Киевской Руси составляло важное различие между древненовгородским диалектом и южными диалектами восточнославянской зоны.

Мы не будем, конечно, рассказывать здесь о всех древненовгородских диалектных особенностях. Упомянем лишь немногие.

Слово 'весь' сохранило здесь, в отличие от всего остального славянского мира, древнейший вид корня, а именно, *вх-* (позднее превратившееся в *вх-*). Например, 'весь' было по-древненовгородски *вѣхе* (вы уже узнаете окончание *-е?*), 'всё' — *вѣхо*, 'всего' — *вѣхого*, 'всю' — *вѣху*, 'все' — *вѣхѣ*, 'всем' — *вѣхѣмъ*; так, в грамоте № 87, о которой уже рассказано выше, слова 'ко всем вам' имеют вид *къ вѣхемо вамо* (= *къ вѣхѣмъ вамѣ*). Позднее (примерно с начала XIII в.) эти формы выглядят уже как *вхе*, *вхо*, *вхого* и т. д.; в соответствии с правилами бытового письма, скажем, вместо *вхо* в берестяных грамотах можно встретить и *вохо*. Неудивительно, что некоторые из таких примеров были распознаны в тексте грамот не сразу. Так, в грамоте № 100 *а вохо то мнѣ* 'а всё это мне' было вначале прочитано как *а в охото мнѣ* 'а в охоту мне' (в предположении, что *охото* вместо *охоту* — просто ошибка); в грамоте № 390 *вохо мое* 'всё моё' было вначале прочитано как *во Хомое* 'в [село] Хомое'.

Как и в случае с окончанием *-е*, про существование форм типа *вѣхе*, *вѣху* было известно и раньше, поскольку один такой пример встретился в Варламовой грамоте и еще один — в летописи (где, между прочим, *х* подскоблено и переправлено на *с*: писец счел нужным исправить случайно проскользнувшую диалектную форму). Но никто не мог предположить того, что открылось из берестяных грамот: в XI–XII вв. в древненовгородском диалекте формы с *вх-* употреблялись не изредка, а совершенно регулярно. Лишь с XIII в. в берестяных грамотах появляются, а в XIV–XV вв. распространяются все шире общерусские формы с *вс-*: *весь*, *все* и т. д. Этот процесс, конечно, активно продолжался и позже: в современных говорах никаких следов древнего *вх-* (*вх-*) уже не осталось.

В нескольких грамматических формах, которые в обычном древнерусском языке имели окончание *-ы*, в древненовгородском диалекте употреблялось другое окончание: *-ѣ*. Так, например, в Новгороде говорили: *поль гривьнѣ, у женѣ, отъ Кузьмѣ, отъ Нѣжатѣ, у Микулѣ; три кунѣ, четири гривнѣ, кобылѣ* 'кобылы' (множ.), *кѣлѣ* 'целы'; *про хоромѣ* 'про хоромы' и т. п.

В настоящем времени глагола формы 3-го лица в обычном древнерусском языке оканчиваются на *-ть*: *житьь, дѣть, молотить, бьють, приходать* и т. д. В древненовгородском диалекте это *-ть* в большинстве случаев отсутствует: *живе, дѣе, молоти, бью, приходѣ*.

В повелительном наклонении у глаголов I спряжения с твердой основой (*несу, беру, иду* и т. п.) формы 2-го лица множественного и двойственного числа в обычном древнерусском языке оканчиваются на *-ѣте* (множ.), *-ѣта* (двойств.): *несѣте, несѣта, берѣте, берѣта, идѣте, идѣта* и т. д. В древненовгородском диалекте они оканчиваются на *-ите, -ита*: *несите, несита, берите, берита, идите, идита*.

У тех же глаголов деепричастия оканчиваются в обычном древнерусском языке на *-а*: *неса* 'неся', *ида* 'идя', *възъма* 'взяв', *река* 'сказав', *мога* (от *мочи*). В древненовгородском диалекте им соответствуют формы на *-а* (т. е. со смягчением основы): *неса, ида, възъма, река, мога*.

Изучая характерные черты древненовгородского диалекта, открывшиеся нам благодаря берестяным грамотам, мы обнаруживаем странную на первый взгляд закономерность. Оказывается, что эти черты ярче всего проявляются в берестяных грамотах XI–XII вв., а в последующие века несколько ослабевают, понемногу уступая место соответствующим общерусским чертам. Мы уже рассказывали о том, что формы типа *хлѣбе, саме, дале* со временем редеют, частично уступая место «стандартным» формам *хлѣбѣ, самѣ, даль*, и что наряду с *въхе* (*вхе*), *въхо* (*вхо*) и т. д. начинают употребляться «стандартные» *весь, все*. Подобным образом обстоит дело и с большинством других характерных диалектных черт. Например, в родительном падеже единств. числа существительных на *-а* формы с окончанием *-ы* типа *отъ Вавулы, с Василевы рыбы* в XV в. встречаются уже примерно в 30% случаев, тогда как в XI–XII в. их еще почти нет (а именно, господствует диалектное окончание *-ѣ*).

Неожиданность здесь в том, что эти факты резко противоречат традиционной схеме, согласно которой первоначально совершенно единый древнерусский язык в дальнейшем распадается на диалекты, различия между которыми с течением времени возрастают. Древненовгородский диалект, наблюдаемый на протяжении XI–XV вв. по показаниям берестяных грамот, развивается явно не так. В начале письменной эпохи мы застаем его уже в виде отчетливо самостоятельного диалекта, отличающегося от обычного древнерусского языка значительным числом особенностей. В берестяных грамотах этого периода господствуют специфические древненовгородские формы. Между тем в гра-

мотах XIV–XV вв. представлен уже менее чистый диалектный тип; заметное распространение получают черты, свойственные, в частности, центральным и восточным русским говорам. Таким образом, в XI–XV вв. древненовгородский диалект и диалект ростово-суздальской (позднее — московской) зоны проходят, по крайней мере, в своих наиболее существенных чертах, процесс сближения, а не расхождения.

Из русской диалектологии хорошо известно, что центральные говоры великорусской территории, легшие в основу русского литературного языка, имеют во многом компромиссный характер. Так, например, на севере окают, на юге акают, на севере произносят взрывное *г* (т. е. звонкое соответствие к *к*), на юге — фрикативное *г* (т. е. звонкое соответствие к *х*). Русский литературный язык отражает здесь явный компромисс: он характеризуется аканьем (как на юге) и взрывным *г* (как на севере).

Новые сведения о древненовгородском диалекте, основанные главным образом на берестяных грамотах, позволили расширить и уточнить наши представления об историческом взаимодействии разных диалектов великорусской территории, приведшем к формированию современного русского языка. Мы уже говорили о постепенном проникновении в язык новгородских берестяных грамот некоторых черт восточнорусского типа. Но определенное влияние осуществлялось также и в противоположном направлении.

В отличие от новгородской зоны, в восточной и южной части будущей великорусской территории располагались говоры с нормальным эффектом второй палатализации: *цѣлыи, сѣрыи, на руцѣ, на нозѣ, на сосѣ* и т. д. Как мы уже знаем, в древненовгородском диалекте эти формы выглядели как *кѣлыи, хѣрыи, на рукѣ, на нозѣ, на сохѣ*. Современный русский язык обнаруживает здесь компромисс: *целый, серый* (как на востоке и юге), но *на руке, на ноге, на сохе* (как в Новгороде).

Здесь можно, конечно, возразить: формы *на руке, на ноге, на сохе* могли и самостоятельно развиться на востоке и юге в силу аналогического выравнивания, о котором говорилось выше. В принципе это верно, но в аналогическом выравнивании нет обязательности: в одних языках оно происходит, в других нет, и лингвистика, к сожалению, пока еще не выявила всех возможных причин этого различия. Как раз в этом отношении ситуация, возникшая в восточнославянской зоне, выглядела чрезвычайно загадочно: из трех близкородственных языков, начальная точка развития которых была, как предполагалось, совершенно одинаковой, русский язык последовательно осуществил аналогическое выравнивание (т. е. устранил эффект второй палатализации на стыке основы и окончания), тогда как два других — украинский и белорусский — полностью сохранили старую систему чередований. До открытия особенностей древненовгородского диалекта никакого сколько-нибудь убедительного объяснения для этого различия не существовало. Ныне же объяснение представляется очевидным: из двух главных компонентов будущего великорусского языка — северо-западного (новго-

родского) и юго-восточного — один вообще никогда не имел чередований в склонении. Это обстоятельство и стимулировало процесс устранения чередований в остальных великорусских говорах (подчеркнем, что речь шла именно о стимулировании процесса аналогического выравнивания, а не просто о заимствовании новгородских форм: в противном случае были бы заимствованы также и *кѣлыи*, *хѣрыи*).

Новгородским «вкладом» в формирование единого русского языка можно считать также формы повелительного наклонения типа *несите*, *берите*, формы деепричастий типа *неся*, *идя* и некоторые другие.

Таким образом, наша с вами нынешняя русская речь сохраняет в себе не так уж мало черт, которыми мы обязаны древним новгородцам. И узнать об этом нам позволили именно берестяные грамоты.

Уже сейчас берестяные грамоты очень заметно расширили наши знания о языке древней Руси и об истории русского языка в целом. Но ведь в наших руках пока еще только малая частица того, что скрыто в земле Новгорода и других древнерусских городов. Раскопки продолжаются, и каждый год приносит новые грамоты, а вместе с ними — новые вопросы и новые поиски ответов, поправки к каким-то из прежних решений, подтверждение или опровержение гипотез, выдвинутых раньше, крупницы более точного знания языка наших предков. Этой увлекательной работы хватит еще надолго.

Школьник Митя Зубков демонстрирует найденную им на раскопе грамоту № 778 (азбуку) В. Л. Янину и А. А. Зализняку

Послесловие историка (написанное В. Л. Яниным)

Как уже отмечено во введении к этой книге, с приходом в Новгородскую экспедицию Андрея Анатольевича Зализняка начался важный в её истории этап возникновения и укрепления творческого союза истории и лингвистики. Ни для кого не секрет, что в процессе неизбежной дифференциации знаний история и филология, некогда неразделимые, обособились друг от друга, что породило и существенные противоречия в оценке одних и тех же явлений историками и филологами. Неким символом былого единства были существовавшие прежде и не существующие сейчас историко-филологические факультеты российских университетов. А выдающиеся исторические труды создавали в прошлом веке великие писатели Николай Михайлович Карамзин, Александр Сергеевич Пушкин...

Дифференциация знаний сыграла положительную роль, совершенствуя частные методики изучения специфических видов исторических и литературных источников. Наступило время синтеза и научных достижений, и научных методик. И материалы Новгородской экспедиции стали прочным фундаментом такого синтеза, когда вековое молчание неодушевленных предметов, извлечённых из земли, было нарушено многоголосием берестяных грамот. Читателю уже ясно, что комплекс археологически изученной усадьбы неделим. Тексты берестяных грамот позволяют во многих случаях персонифицировать усадьбу. Набор же извлечённых из её напластований предметов способен уточнить социальную характеристику владельцев и жителей усадьбы, когда в берестяных грамотах они названы только по имени. Если раньше археолог мог оперировать только такими определениями, как «усадьба богатого купца», «мастерская ювелира», теперь стало возможным говорить: «Мы раскопали мастерскую ювелира на усадьбе посадника Юрия Онцифоровича», «Продолжаем работы по изучению комплекса усадеб бояр Мирошкиничей» и т. п.

А. А. Зализняк в своём «Послесловии лингвиста» обстоятельно рассказал о том, как тексты грамот приходится читать годами, уточняя, а порой отвергая первоначальные версии их толкования. Его вклад в чтение и найденных прежде, и находимых вновь грамот огромен. Если читатель сравнит интерпретации текстов многих берестяных документов во втором и теперешнем издании этой книги, он увидит, как много сделано уточнений; и сделаны они чаще всего А. А. Зализняком, моя благодарность которому безмерна.

Уточнения текстов кому-то могут показаться действием хотя и необходимым, но с точки зрения высоких проблем в какой-то мере рутинным. Поэтому я останавлиюсь на одной из важнейших высоких проблем, возникшей в процессе анализа лингвистом всего корпуса берестяных текстов.

В ходе новгородских раскопок получены важнейшие материалы по проблеме формирования восточнославянского единства. Ни у кого нет сомнений в существовании изначального единства всех славян, их генетического восхождения к общей праславянской основе. Однако на протяжении всей второй половины I тысячелетия славянство переживало динамический процесс расселения в Европе, в ходе которого отдельные группы славян оказывались в разной природной среде, вступали в сложные контакты с иными этническими группами, смешивались друг с другом и снова расходились, приобретая с течением времени локальные черты. Важнейшей поэтому представляется оценка того состояния, в котором находилось славянство Восточной Европы в IX–X веках, в эпоху складывания Древнерусского государства.

Много десятилетий тому назад в исторической и лингвистической науках сложилось господствующее и сегодня представление об исключительной цельности восточного славянства. Если состояние западных и южных славян признавалось результатом сложных процессов взаимовлияния и скрещения разных славянских групп, то, согласно указанному господствующему представлению, единым центром расселения славян в Восточной Европе было среднее Поднепровье, распространяясь из которого, славяне освоили всю территорию их летописной ойкумены, на дальнем северном рубеже которой некие выходцы из Киева построили небольшую крепость для защиты от воинственных северных соседей — Новгород. Эта отдалённость якобы способствовала амбициям новгородцев, сумевших укрепиться экономически и политически, чтобы затем добиться значительной самостоятельности. Лозунгом этой идеи стали летописные слова Олега, сказанным им о Киеве: «Се буди мати градомъ русьскимъ» (Это будет мать городам русским), привычно воспринимаемые как свидетельство абсолютного старшинства Киева над всеми другими русскими городами, тогда как в действительности выражение «мать городам» является лишь калькой греческого *μητρόπολις*, означающего столицу, метрополию. Придя в Киев из Новгорода, Олег заявил о своём намерении сделать этот город новой столицей своего государства.

В соответствии с изложенным взглядом строились и представления о ходе других общественных процессов. Если расселение шло из одного центра, значит, и язык был абсолютно единым. Он не подвергался воздействию со стороны других славянских групп, коль скоро, расселяясь, восточные славяне вступали в контакт только с

угро-финнами и балтами. Диалекты, характерные для разных восточноевропейских славянских групп, появились только в период экономической и политической раздробленности, начавшейся в XII веке и усугубленной татаро-монгольским нашествием XIII века. Если культурный облик всех восточных славян находится в зависимости от того его состояния, которое сложилось на днепровском Юге, значит, и языческие культы не обладали местным своеобразием... Между тем несомненно, что на юге, где мало воды, но много солнца, особое значение приобретали «купальские» культы с русалками и водяными, тогда как на севере, где воды много, а солнце не балует землю, преобладали «солнечные», масленичные культы...

Изложенный взгляд не явился результатом какого-либо предшествующего исследования. Он был скорее методом, исходной точкой осмысления фактов. Фактов же науке явно не хватало. Поэтому, реконструируя общую картину жизни восточных славян, исследователи, исходившие из этого взгляда, к киевским материалам добавляли новгородские, к новгородским — суздальские и т. д. Когда же и русских источников недоставало, то охотно и с лёгкостью использовались польские, чешские, сербохорватские и т. д., коль скоро все славяне развиваются из одного корня.

Открытие берестяных грамот заставило усомниться в правильности такого взгляда и такого метода. Ведь вполне очевидно, что для того чтобы получить правильное суждение о любом широком процессе, следует прежде всего разобраться, какие его детали имеют значение местного, особенного, а какие могут характеризоваться как общие. Приток новых источников позволил вести исследование не от заранее заданной концепции, а от анализа количественно увеличившихся фактов.

В первые годы сенсационного открытия берестяных грамот они привлекли внимание многих лингвистов, переживших период известного недоумения, так как во многих древнейших документах наблюдались такие языковые особенности, которые никак не укладывались в сложившуюся хрестоматийную схему истории русского языка. Преодолевались эти недоумения двумя способами. Одни исследователи были склонны считать авторов берестяных писем малограмотными. Другие заподозрили археологов в неумении достаточно точно датировать свои находки. Если в документе с археологической датировкой XII века, например, обнаруживались особенности, которые по упомянутой схеме считались возникшими не ранее конца XIII века, то такой документ с лёгкостью передатировался, невзирая на очевидную правильность археологического определения его времени. Каждый, кто видел культурный слой Новгорода в разрезе, знает, что, скажем, столетнему периоду соответствуют метровые, а то и полутораметровые напластования, плотно перемежающиеся деревянными настилами уличных и дворовых мостовых, слоями щепы

и золы. Методом дендрохронологии культурные прослойки, как уже известно читателю, датируются с точностью до 15–20 лет, а перемещаться из одного слоя в другой без нарушения целостности прослоек ни берестяное письмо, ни любой другой древний предмет не способны.

Накопление в древнейших берестяных письмах многочисленных противоречий с хрестоматийной схемой развития языка позволило А. А. Зализняку провести общий анализ всего корпуса открытых в Новгороде и в других русских городах берестяных документов. Результаты анализа заставили отказаться от привычных представлений. Выяснилось, что именно в древнейший период — в XI–XII веках — в наиболее отчётливом виде существовал особый древненовгородский диалект, который более чем двадцатью признаками отличался от диалекта южной группы восточного славянства, вернее — от того языка, который считался единым общерусским в этот ранний период. Заметная часть этих признаков находит аналоги в языках западных и южных славян (от Польши до Югославии). Однако наиболее значительный признак древненовгородского диалекта оказался таким, аналогии которому в славянских языках — и живущих, и известных только по средневековым текстам — отсутствуют.

Речь идёт об отсутствии в нём признаков второй палатализации задненёбных, о чём подробно рассказывается в «Послесловии лингвиста». Все славянские языки пережили процесс второй палатализации, и только древненовгородского диалекта (в область которого входит и Псковщина) он не коснулся. Это значит, что в своём движении на земли русского Северо-Запада группа славян (носителей этого диалекта) оказалась в условиях изоляции от остальных славян. Славяне, жившие в среднем Поднепровье, такой процесс пережили и, следовательно, не от них идёт указанная особенность. Найти в Европе место временной остановки прановгородской группы славян — задача будущих археологических поисков. Но уже упомянутые аналогии указывают, что искать это место следует в областях современной Польши, откуда на русский Северо-Запад продвинулась через земли балтов группа славян, получивших имя «кривичей».

Следует заметить, что древний летописец, создавший в начале XII века «Повесть временных лет», кое-что знал о продвижении славян на территорию Восточной Европы из Польши. Рассказывая о радимичах и вятичах, он пересказал легенду: «Радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили своё название вятичи». Жаль, что в рассказе о расселении славянских племён тот же летописец никак не упомянул кривичей.

Западные корни псковских и новгородских первоначальников подтверждаются данными курганной археологии и антропологии;

они ощущаются при сравнении наименований новгородских и польских деревень, новгородских и польских личных имён, восходящих к дохристианскому периоду. Изучение такого важного сюжета, как история весовых единиц и денежных систем, также показывает наличие в древней Руси двух областей с различающимися приёмами взвешивания и счёта денег, что свидетельствует о существовании двух регионов с разной экономической и внешнеторговой направленностью. Показательно, что южная денежно-весовая система ориентирована на византийскую литру, а северная — на западноевропейскую марку.

Иными словами, мы получили право утверждать, что процесс образования Древнерусского государства был более сложным, нежели принято думать. Оно возникло путём объединения и взаимного обогащения двух различающихся славянских традиций. Наличие двух различающихся традиций в конечном счёте способствовало и созданию на Руси двух форм средневековой государственности: в южной Руси возникли княжения, которым свойственна автократическая форма власти, режим монархии; в Новгороде и Пскове получил развитие вечевой строй, в системе которого князь занимал подчинённое положение по отношению к власти бояр, то есть родо-племенной аристократии.

Издания новгородских берестяных грамот

А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953 [грамоты № 1–10].

А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954 [грамоты № 11–83].

А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958 [грамоты № 84–136].

А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958 [грамоты № 137–194].

А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963 [грамоты № 195–318].

А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963 [грамоты № 319–405].

А. В. Арциховский, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978 [грамоты № 406–539 из Новгорода и № 1–13 из Старой Руссы].

В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986 [грамоты № 540–614 из Новгорода и № 14 из Старой Руссы].

В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993 [грамоты № 615–710 из Новгорода и № 15–23 из Старой Руссы].

В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг. — «Вопросы языкознания», 1994, № 3 [грамоты № 710, 713, 715, 717, 718, 722–725, 727, 731, 734–736, 745, 748–750, 752].

В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1995 г. — «Вопросы языкознания», 1996, № 3 [грамоты № 754–759].

В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1996 г.). — «Вопросы языкознания», 1997, № 2 [грамоты № 758, 760–775].

А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Список иллюстраций

- С. 14 *Начало раскопок на Дмитриевской улице. Снимок сделан в 1951 году, за две недели до открытия берестяных грамот*
- С. 15 *Древний план Новгорода, изображенный на Знаменской иконе конца XVII века*
- С. 16 *Генеральный план Новгорода 1778 года с показанием старой и новой ситуаций*
- С. 19 *Древние мостовые на Неревском раскопе*
- С. 21 *Культурный слой Новгорода, отложившийся за десять веков интенсивной жизни города, расчленён на прослойки, соответствующие ярусам мостовых*
- С. 22 *Так выглядит «новгородская секвойя» — гигантская поленница древних мостовых, годичные кольца которых позволили датировать новгородские постройки с предельной точностью*
- С. 30 *Нина Фёдоровна Акулова*
- С. 31 *Артемий Владимирович Арциховский. Снимок 1952 года*
- С. 32 *Общий вид Неревского раскопа в 1956 году*
- С. 37 *Писала*
- С. 41 *Берестяная грамота № 1*
- С. 46 *Грамоты № 43 и 49*
- С. 47 *Грамота № 27*
- С. 56 *Грамота № 199*
- С. 57 *Грамота № 199 (оборот)*
- С. 58 *Рисунки Онфима*
- С. 59 *Грамоты № 200*
- С. 62 *Грамоты № 206*
- С. 64 *Так художник начала XVIII века изобразил древний школьный урок*
- С. 65 *А так обучали малолетнего княжича (летописная миниатюра XVI века)*
- С. 66 *Грамота № 591*

- С. 70 *Цера с вырезанной на ней азбукой*
- С. 73 *Грамоты № 286 и 278*
- С. 77 *Карта Новгородской земли и прилегающих территорий*
- С. 86 *Грамота № 292*
- С. 92 *Запись в «Прологе» 1400 года с «адресом» посадника Юрия Онцифоровича*
- С. 93 *Остатки фундамента каменного терема Юрия Онцифоровича*
- С. 107 *Грамота № 301*
- С. 115 *Ложка Ивана Варфоломеевича*
- С. 133 *Грамота № 354*
- С. 139 *Грамота № 310*
- С. 145 *Грамота № 271*
- С. 150 *Грамоты № 177 и 290*
- С. 151 *Грамоты № 253*
- С. 163 *Грамота № 363*
- С. 168 *Грамота № 69*
- С. 175 *Грамота № 366*
- С. 181 *Грамота № 109*
- С. 188 *На плане Неревского раскопа помечены места находок берестяных грамот, адресованных членам семьи Мишиничей-Онцифоровичей*
- С. 189 *Неревский раскоп с юга и запада окружён церквами, построенными Онцифоровичами*
- С. 193 *Генеалогия Мишиничей*
- С. 215 *Икона «Молящиеся новгородцы»*
- С. 219 *Берестяная книжка конца XIII века*
- С. 227 *Грамота № 439*
- С. 239 *Грамота № 497*
- С. 241 *Грамоты № 519 и 520*
- С. 264 *Грамота № 590*
- С. 269 *План усадеб, исследованных на Троицком раскопе*
- С. 273 *Грамота № 502*
- С. 281 *Грамота № 745*
- С. 283 *Грамота № 644*
- С. 285 *Грамота № 657*
- С. 288 *Разрез мостовых Черницыной улицы*

- С. 291 *Остатки мастерской Олисея Гречина*
- С. 295 *Грамоты № 549 и 558*
- С. 297 *Грамота № 553*
- С. 298 *Грамоты № 545 и 602*
- С. 305 *Церковь Спаса на Нередице*
- С. 307 *Фрески нередицкого алтаря*
- С. 308 *«ΑΓΙΑ ΜΑΡΘΑ»*
- С. 310 *Ктиторская фреска Нередицы*
- С. 323 *Грамота № 550*
- С. 325 *Грамота № 705*
- С. 326 *Изображение моржей на камне. Мужская голова (деревянная скульптура)*
- С. 333 *Грамота № 531*
- С. 338 *«Цилиндр» мечника*
- С. 339 *Разрез «цилиндра»*
- С. 343 *Грамота № 526*
- С. 346 *Грамота № 671*
- С. 352 *Грамота № 682*
- С. 354 *Грамота № 734*
- С. 359 *Грамота № 731*
- С. 362 *Грамота № 605*
- С. 366–367 *Грамота № 752*
- С. 372 *Грамоты № 636 и 704*
- С. 378 *Грамота № 698/699*
- С. 382 *Грамота № 755*
- С. 386–387 *Грамота № 689*
- С. 393 *Грамота № 718*
- С. 396 *Грамота № 723*
- С. 398 *Грамота № 724*
- С. 405 *Вид Троицкого раскопа с самолета (1991 г.). Пунктиром обозначена общая граница троицких раскопов*
- С. 408 *Грамота № 765*
- С. 410 *Такой в момент находки была грамота № 775*
- С. 421 *Грамота № 488*
- С. 422 *Что ожидает нас в следующем летнем сезоне? Когда выйдет из печати эта книга, мы уже будем это знать!*
- С. 449 *Школьник Митя Зубков демонстрирует найденную им на раскопе грамоту В. Л. Янину и А. А. Зализняку*

Оглавление

Предисловие	5
-------------------	---

Часть 1

Неревская эпопея. 1951–1962, 1969 годы

<i>Глава 1</i>	
Новгород, Дмитриевская улица, раскопки.....	13
<i>Глава 2</i>	
«Я послал тебе бересту, написав...»	29
<i>Глава 3</i>	
Устами младенца	50
<i>Глава 4</i>	
«Послали к карелам на Каяно море...»	71
<i>Глава 5</i>	
Ещё «карельские» грамоты	82
<i>Глава 6</i>	
Два посадника	88
<i>Глава 7</i>	
В поисках посадничьих грамот	101
<i>Глава 8</i>	
«Бьют челом крестьяне господину своему...»	119
<i>Глава 9</i>	
Письма Онцифора	131
<i>Глава 10</i>	
В поисках адресатов берестяных писем	136
<i>Глава 11</i>	
Два Максима или один?	144
<i>Глава 12</i>	
«А ты, Репех, слушайся Домны!»	153
<i>Глава 13</i>	
Совершенно короткий рассказ о незадачливом детине	162
<i>Глава 14</i>	
Бесконечное разнообразие текстов.....	165
<i>Глава 15</i>	
Самые древние грамоты	177
<i>Глава 16</i>	
Семь лет спустя	185

Часть 2

На Торговой стороне. 1962–1974 годы

<i>Глава 17</i>	Усадьба Филикса	205
<i>Глава 18</i>	...и книжка с картинками.....	217
<i>Глава 19</i>	Немного о торговле	220
<i>Глава 20</i>	На усадьбе судьи	230
<i>Глава 21</i>	Приезжайте в гости	235
<i>Глава 22</i>	Потерянное завещание	240

Часть 3

Троицкая эпопея. 1973–... годы

<i>Глава 23</i>	Возвращение на Софийскую сторону	253
<i>Глава 24</i>	«Литва встала на корелу»	259
<i>Глава 25</i>	Несколько страниц из истории одной посадничьей семьи.....	267
<i>Глава 26</i>	Предки Мирошки?	277
<i>Глава 27</i>	На усадьбе Олисея Гречина	287
<i>Глава 28</i>	Последние годы Гречина	300
<i>Глава 29</i>	Фрески Олисея Гречина?	303
<i>Глава 30</i>	«От Жилы к Чудину...»	319
<i>Глава 31</i>	Семьон, Доброшка и другие	328
<i>Глава 32</i>	Человек и закон	332
<i>Глава 33</i>	Соседский пир	345
<i>Глава 34</i>	И снова бесконечное разнообразие сюжетов	349
<i>Глава 35</i>	Главные сенсации сезона 1993 года	364

<i>Глава 36</i>	.
«Пришёл иступник из Полоцка...»	369
<i>Глава 37</i>	
Заботы владычных чиновников	374
<i>Глава 38</i>	
Похоронная бухгалтерия	384
<i>Глава 39</i>	
На Прусской улице	391
<i>Глава 40</i>	
Предпоследние новости из Троицкого раскопа	403
<i>Глава 41</i>	
Бересту можно найти везде	412
Послесловие лингвиста (написанное А. А. Зализняком)	425
Послесловие историка (написанное В. Л. Яниным)	450
Издания новгородских берестяных грамот	455
Список иллюстраций	456

Валентин Лаврентьевич Янин

Я ПОСЛАЛ ТЕБЕ БЕРЕСТУ...

Издание 3-е,

исправленное и дополненное новыми находками,
с послесловием А. А. Зализняка

Издатель А. Кошелев

Корректор М. Н. Толстая

Техническое редактирование
и компьютерная верстка А. Б. Федосеева
Шрифтовой дизайн С. Г. Болотова и А. С. Касьяна

Подписано в печать 15.02.98. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервиль.
Усл. печ. л. 37,41. Заказ № 3396 Тираж 2000.

Издательство Школа «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071105 от 02.12.94
Тел. 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: mik@sch-Lrc.msk.ru

С апреля 1998 г. каталог на WWW-странице <http://postman.ru/~lrc-mik>.

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН.
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 17 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order the above titles
by E-mail: Lrc@koshelev.msk.su
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).